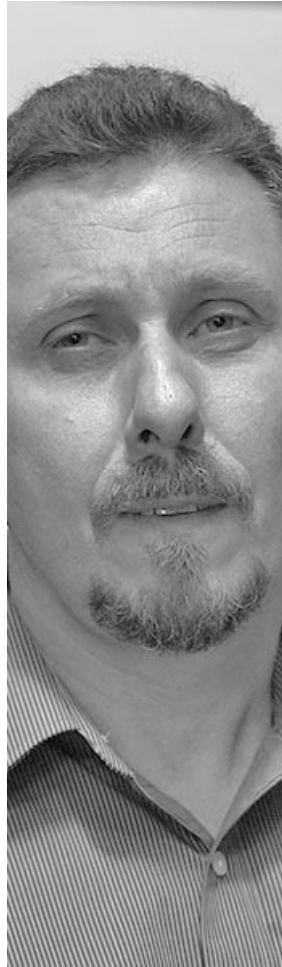

Алексей Ильич Миллер

О русском национализме

Лекции, статьи, диалоги

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ МИЛЛЕР

О РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

лекции, статьи, диалоги

Триада графа Уварова

*Мы публикуем полную стенограмму лекции известного специалиста по истории России и стран Центральной и Восточной Европы, доктора исторических наук, профессор Центрально-европейского университета (Будапешт), ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН **Алексея Миллера**, прочитанной 5 марта 2007 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру».*

Лекция представляет собой первую часть значимого для автора цикла о русском национализме. Вторая лекция этого цикла – Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка – была прочитана два года назад. С завершающей же частью – лекцией «Дебаты о нации в современной России» – Алексей Миллер выступит 12 апреля.

Будучи посвящена исторической проблематике, лекция достаточно сильно перекликается с некоторыми темами актуальной политической дискуссии. Во всяком случае, именно так она была воспринята многими слушателями.

Текст лекции

Люди бывают умные, например, Аузан, который начал свои выступления, сразу сказав, что он собирается прочитать блок лекций на тему общественного договора, и потом с чувством, с толком, с расстановкой излагал свои мысли (см.: Новый цикл: Договор-2008, Договор-2008: критерии справедливости, Договор-2008: повестка дня). И не очень умные, например, я, потому что мне как-то не приходило в голову мыслить блоками лекций. В результате получается следующая довольно запутанная картинка. Ту лекцию, которую я сегодня прочитаю, можно условно обозначить как первую лекцию в блоке об истории русского национализма. В будущий четверг, 12 апреля, я прочитаю лекцию, которая будет называться «Дебаты о нации в современной России», и она – последняя в блоке этих лекций. Лекция №2 в этом блоке – та, которую я прочитал здесь два года назад, она называлась «Империя и нация в воображении русского национализма»,. И, может быть, через год я созрею для того, чтобы предложить лекцию №3, №4.

Сегодня – Уваров. Почему? Во-первых, он сам по себе интересен, в частности, потому что ему очень не повезло. Я немного расскажу о том, что с ним сделали историки. На самом деле, жалко графа. И я думаю,

что он интересен тем, какие вопросы он ставит, и тем, как он на них отвечает. И он очень любопытен для понимания роли имперской власти в развитии русского национализма на его раннем этапе, т.е. в 30-е гг. XIX в.

Начнем с тех, кто занимался Уваровым. В принципе, то, что нам рассказывают в школе про Уварова и его триаду, проходит под флагом формулы «официальной народности». Должен заметить, что эта формула была придумана сравнительно поздно, ее в 1875 г. предложил либеральный историк идей, историк литературы А.Н. Пыпин. Со временем это стало общепринятым термином. Понятно, что в 1875 году у Пыпина были какие-то свои проблемы, которые он пытался решать, когда обсуждал Уварова.

По-прежнему подавляющее большинство историков, историков идей следует пыпинской традиции. Если мы посмотрим на такого выдающегося человека, как Б.А. Успенский, то у него есть знаменитая статья о русской интеллигенции, где он говорит, что русская интеллигенция сформировалась в оппозиции к официальной народности. Он, в общем, может и прав, но не применительно к времени самого Уварова. Мы об этом тоже поговорим.

При этом я не хочу приписывать себе роль пионера. Есть целый ряд историков, которые пытались несколько скорректировать наши представления об Уварове. Из западных историков – это Цинтия Виттекер, чья книга недавно была переведена на русский язык¹, среди наших историков – это Шевченко, многие положения книги которого² я разделяю.

Теперь займемся Уваровым. Речь пойдет не об Уварове вообще, а именно о его формуле и о том, какой смысл он в нее вкладывал. Напомню, что Уваров был назначен в 1832 г. товарищем министра просвещения, т.е. заместителем, а в 1833 г. стал министром народного просвещения. Что это за время – мы себе представляем. Важно только недавнее восстание декабристов, но, прежде всего, польское восстание 1830-1831 гг. Традиционный взгляд на Уварова состоит в том, что он «верно угадывал сокровенные чаяния императора» (это цитата), иначе говоря, делается акцент на умении Уварова угадывать и подстраиваться. Я думаю, что в качестве исследовательской стратегии было бы полезно исходить из допущения, что Уваров, во-первых, имел самостоятельные взгляды по многим проблемам, а во-вторых, не был вполне свободен в своих действиях и высказываниях. Т.е. именно сквозь эту призму надо

¹ *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. – СПб., 1999

² *Шевченко М.М.* Конец одного величия. – М.: Три квадрата, 2003

читать его тексты. Что он мог сказать и каким образом – этот вопрос мы всегда должны держать в голове.

Другой важный элемент контекстуализации Уварова состоит в том, что в рамках публичного дискурса, публичных полемик, которые проходили в то время, он имел оппозицию не только слева, со стороны либеральной, прогрессивной публики, но и находился в весьма непростых отношениях с той лояльной частью публики, которая стояла справа от него. Я попробую показать, что для Уварова эта оппозиция справа была не менее значима, чем оппозиция слева.

Уже из сказанного можно заключить, что это понятие – «теория официальной народности» – становится просто непригодным для исследователя, потому что оно предполагает единство взглядов Уварова, позиции царя и лояльной публики. Такого единства не было. Трактовка этой триады «православие-самодержавие-народность», на самом деле, претерпевала много различных метаморфоз и в то время, когда это была «работающая» идеологическая формула, и позднее, когда триада стала предметом анализа историков. В течение большей части XX в. историки, большей частью, трактовали это так, что главные члены формулы – православие и самодержавие; народность – это мутная часть концепции, в которой сам Уваров толком не разбирался и добавил ее для того, чтобы была трехчленная формула. Причем этой позиции следовали вполне заслуженные исследователи, например, Анджей Валицкий, знаменитый польский историк.

Не так давно Андрей Зорин, который занимался Уваровым, предложил иную трактовку, которая мне кажется более близкой к пониманию Уварова³. Она сводится примерно к следующему. На самом деле, первые два элемента – православие и самодержавие – в понимании Уварова, достаточно утилитарны. Если мы посмотрим на православие, то в первоначальных набросках его идеи оно вообще не упоминается. Речь идет о традиционной или народной религии. И именно в качестве этой традиционной, господствующей религии православие было ценным для Уварова. И обязанность правительства защищать «господствующую церковь» (как он формулирует эту позицию) он декларирует не только в отношении православия там, где оно доминирует, но и в отношении, скажем, протестантизма там, где он доминирует на территории Российской империи. И никакого насильственного стремления к единству вероисповедания, о котором говорит Пыпин применительно к Уварову, там найти невозможно. Православие в его традиционном варианте для

---

³ см.: Зорин А.Л. «Кормя двуглавого орла...» – М.: НЛО, 2001

Уварова важно как ответ двум тенденциям. Во-первых, рационализму, во-вторых, мистицизму, который так характерен для царствования Александра I. И он это ясно определяет в своих текстах.

В общем, так же утилитарно Уваровым трактуется самодержавие. Зорин замечает, что в текстах Уварова нет ни слова о провиденциальной природе русского самодержавия. Замечу, что тексты, о которых мы говорим, — это, как правило, записки, которые вовсе не были предназначены для публикации, а адресовались именно царю, который как раз в свою миссию, в свое божье помазание верил глубоко. И если бы Уваров хотел угадывать желания Николая, то ему бы ничто не мешало это включить. Нет этого.

Вот как Уваров сам говорит о роли самодержавия: *«Приняв химеры ограничения власти монарха, равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимой конституционной формой правления, колосс [имеется в виду империя] не протянет и двух недель. Более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены»*. Таким образом, самодержавие трактуется как *«консервативный принцип, как инструмент сохранения империи в ее нынешнем виде»* (это цитата из Уварова). При этом преобразования различных сторон жизни империи не исключаются. Для Уварова вопрос не в необходимости преобразований, а в стратегии и темпах этих преобразований. Отсюда отношение к самодержавию, которое не гарантировано от изменений. Поскольку колосс, — Уваров, кажется, едва удерживается от того, чтобы сказать «на глиняных ногах», — так хрупок и может развалиться от слишком радикальных реформ. Ну, хорошо, а если реформы будут проведены не слишком радикально, то, может быть, в какой-нибудь момент самодержавие и не будет необходимо?

С точки зрения Зорина, главную роль играет народность. Он как раз показал, что во французских оригиналах текстов Уварова эта народность фигурирует как *nationalite* т.е. по-французски именно национальность. Вообще, приключения понятия «народность» в русском языке очень любопытны. Я коротко скажу, что Вяземский в 1819 г. в одном из писем говорит: «Употребляю понятие «народность», как перевод *nationalite* потому что чего же все время писать *nationalite* вот поляки, например, переводят *nationalite* как «narodowosc», и отсюда «народность». В 1824 г. это появляется уже в одном из публичных текстов Вяземского. Обратим внимание, что термин новый для времени, когда Уваров включает его в свою триаду. И, очевидным образом, он несколько расплывчатый.

Надо договориться, что некоторая расплывчатость всей формулы целиком и понятия «народность» в этой формуле в том числе не должны рассматриваться как ее недостаток. Эта формула претендует на то, чтобы быть выражением официальной идеологии. Как и всякая официальная идеология, она должна быть немного мутной, допускать различные трактовки и, такие образом, как раз привлекать достаточно широкий спектр сторонников. Напомню вам, что когда мы рассуждаем о сторонниках этой формулы Уварова в начале 30-х гг., то в их число входят и Пушкин, и Булгарин.

И в первом номере журнала Министерства народного просвещения, который Уваров начинает издавать, публикуется речь Плетнева, озаглавленная «О народности в литературе». Она была прочитана летом 1833 г. в Петербургском университете. Плетнев начинает с того, что «в звуках слова «народность» есть еще для слуха нашего что-то свежее и, так сказать, необносившееся». И когда он начинает трактовать, что же это такое, совершенно очевидно, что делает он это ужасно неловко и с опаской. Что вполне понятно, потому что, чтобы там ни говорили, но связь понятия *nationalité* с тем, о чем сам Уваров писал в самом начале, а именно с национальным представительством, с вызовом самодержавию, была совершенно очевидна.

Мы должны себе отдавать отчет в том, что для периода, о котором мы говорим, национализация династии – это большой вызов, ведь Романовы, как это хорошо показал Ричард Уортман в своей книге «Сценарии власти»⁴, вплоть до Александра II легитимируют свою власть как иностранная династия. Сравним роль народности в триаде с высказыванием Погодина тридцатью годами позже. Погодин в 1864 г., отвечая одному публицисту, который заявил, что «царь должен быть монархом, в равной степени близким для всех проживающих в империи народов», отвечает ему так: *«Русский государь родился, вырос на русской земле, он приобрел все области с русскими людьми русским трудом и русской кровью. Курляндия, Имеретия, Алеутия и Курилия суть воскрылия его ризы, полы его одежды, а его душегрейка есть святая Русь. Видеть в государе не русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей, это есть такая нелепость, которую ни один настоящий русский человек слышать не может без всякого негодования».*

---

⁴ она есть на русском языке: Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. – М. : О.Г.И., 2004. – (Классическая мысль. Труды по истории)

Подумаем о том, какое место занимает Уваров в этом путешествии от конца XVIII в., когда высказывались предположения, что Россию нужно переименовать в Петровию или Романовию, поскольку она прежде всего определяется династией, к этой формуле Погодина, которая и для 1864 г. звучала достаточно радикально и вызывающе. Но боязнь, что народность может слишком далеко завести, как можно предположить, не единственная причина сдержанности Уварова в объяснении, что же он имеет в виду под народностью.

Дело в том, что у него был такой период, когда он стал немецким националистом, – это начало XIX в. И, став немецким националистом, он, естественно, понимал, каким образом национализм функционирует, т.е. что для его функционирования необходим общественный дискурс, вовлечение общества, общественная поддержка. И введением третьего члена – народность – в формулу он создает официально одобренное пространство для обсуждения этой темы. Потому что до того, как позиция Уварова была заявлена, рассуждения о народности могли быть на-казуемы.

В этом смысле заслуживает переосмысления знаменитая история с «Первым философическим письмом» Чаадаева. Как вы помните, его опубликовал Надеждин в своем журнале в 1836 г. Если мы попробуем объяснить поступок Надеждина как попытку «бросить камень», «хлопнуть дверью», то мы будем в глубоком заблуждении. Надеждин – человек очень благонамеренный, опасливый. Своим журналом он дорожит и вовсе не хочет устраивать никакого скандала. Он сам написал статью про народность (кстати, очень любопытную) в первом номере 1836 г. И вот он публикует статью Чаадаева, искренне полагая, что она укладывается в рамки позволенного в дискуссии о народности. И потом, когда с него начинают спрашивать, он объясняет, что «да я не согласен с этой статьей, но мы публикуем разные точки зрения про народность, и я как раз собирался в следующем номере ему отвечать». Т.е. Надеждин ошибся в понимании границ дозволенного в ходе этой дискуссии. Но то, что он мог искренне заблуждаться на этот счет – это заслуга Уварова.

Уварова не нужно изображать ни поборником свободы печатного слова, ни человеком, который хочет строго навязать одну точку зрения. Он пытается транслировать в общество свои идеи, в том числе через посредников. Одна из сфер, которым он уделяет особое внимание, – это история и исторический нарратив, здесь он производит настоящую революцию. Именно в 1834 г., в самом начале министерского срока Уварова, в российских университетах появились кафедры русской ис-

тории и кафедры истории российской словесности. Это очень важный момент, потому что это те кафедры, которые будут поставлять людей, профессиональной обязанностью которых является говорение об истории и литературе в национальном духе, воспроизведение националистического дискурса.

Другая задача, которую ставит Уваров перед университетами, – на скамьях университетских аудиторий объединить дворян и разночинцев. Это тоже очень важная вещь, потому что в конце 20-х гг. граф Строганов (который будет потом попечителем Московского учебного округа) очень доходчиво описал качество студенчества в российских университетах, потом Николай согласился с его описанием. Он сказал, что «студенты наши – это сволочь шалунов, которые в лучшем случае годятся для старших классов гимназии». Здесь слово «сволочь» происходит от выражения «сволочь вместе» в том смысле, в котором оно употреблялось при Петре I, когда сволочью называли тех людей, которые строили Петербург.

Интересно задаться вопросом, кого из историков Уваров специально поддерживает, кому он покровительствует, тогда станет понятно, каковы его взгляды. Ясно, что у него есть свой фаворит. Имя этого фаворита Устрялов. Устрялов получает от Уварова премию за лучший учебник русской истории, на лекции Устрялова он ходит, Устрялова он упоминает как единственного историка в отчетах царю о деятельности Министерства народного просвещения. Чем же Устрялов так любопытен и так любезен Уварову? Кстати, второй человек, которого он всегда безусловно поддерживал, – это Грановский. Он последовательно никогда не поддерживал тех людей, которые описываются как олицетворяющие «официальную народность»: Шевырев, Погодин и т.д. Это важно иметь в виду.

Устрялов предлагает новую формулу. У него есть диссертация, сочинение, которое называется «О системе прагматической русской истории». Он предлагает формулу русской истории как национального нарратива в прямой оппозиции к Карамзину. Он говорит, что Карамзин из-за своей сосредоточенности на государстве и династии оказывается совершенно бесполезен в споре с поляками. А спор с поляками в 30-ые гг. – прежде всего, спор о том, кому и на каких основаниях принадлежат территории современных Украины и Белоруссии.

Устрялов как раз формулирует те ответы на польские вызовы, которые останутся доминирующими в течение всего XIX в. Ответы в том, что Великое княжество Литовское – это тоже часть русской истории, что русская история – это история русского народа, что малороссы и

белорусы – это те же русские с какими-то региональными отличиями, и что русская нация – это нация, которая объединяет всех восточных славян. У него мы не найдем никаких увлечений панславизмом, который Уваров так не любил у Погодина, потому что панславизм размывал этот фокус, и, конечно, для Шевырева тоже эти панславистские рассуждения были очень характерны.

Итак, народность для Уварова очень важна. И, тем не менее, я бы оспорил утверждение о главенстве этого члена триады. Мне кажется, что, в конечном счете, и народность в представлении Уварова утилитарна. Чтобы понять, что Уваров думает на этот счет, надо исходить из предположения, что для него главная ценность – это империя, и народность – это функциональный элемент, который, с его точки зрения, теперь нужен, чтобы империи удержать.

Здесь мы обращаемся к двум крупным вопросам, о которых Уваров говорит много интересного. Первый вопрос – это отношения России и Европы, этот вечный вопрос русской мысли. Уваров по этому поводу высказывается достаточно определенно. И мы увидим, почему для него важно высказываться именно таким образом. В принципе, осознание отношений с Европой как проблемы, которая занимала умы в России в XIX в., происходит впервые 20 лет XIX в. Если мы посмотрим на Карамзина периода «Писем русского путешественника», то для него это не проблема. Он говорит, что «да, мы ученики, но мы ученики успешные, мы в 10 классе, и у нас скоро аттестат зрелости, и все будет нормально».

Есть такой норвежский исследователь Ивер Нойманн, его книга «Использование другого» опубликована на русском⁵. Он очень верно определил те две роли, которые отводились России в европейском дискурсе. Это роль «варвара у ворот», т.е. угрозы, и роль «вечного подмастерья», вступление которого в цех неизменно откладывается, а критерии, которым он должен соответствовать, непрерывно меняются. И понимание этого момента приходит к русской элите в результате столкновения с Наполеоном, потому что то, что было источником заимствований, то, что было безусловным образцом, становится источником угрозы. И, к тому же, эти элиты осознали структуру европейского дискурса о России.

Мы это можем очень хорошо видеть по тому, как Кутузов отвечает посланнику Наполеона, когда тот приезжает жаловаться, что русские неправильно воюют. Они действительно воевали неправильно, они на-

⁵ Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.

рушали типичную заповедь войны в XVIII и XIX вв., что есть солдаты и есть гражданское население. Гражданское население в войне не участвует и существует отдельно, соответственно, солдаты гражданское население не трогают. Тут обнаружилось, что гражданское население ловит этих французских солдат и сажает их на вилы. Наполеон жалуется, что это варварство. В общем, он прав. Кутузов играет с этой формулой и дает два ответа. Ответ первый: «Ну, чего же вы хотите? Вы же сами столько раз говорили, что мы варвары. Так не обижайтесь» – это он уже осознал проблематичность положения России в европейском дискурсе. Второй ответ у него более затейливый, он говорит: «Видите ли, какая штука, население наше воспринимает ваше вторжение по аналогии с вторжением татар, как страшную смертельную угрозу, поэтому готово любыми способами с ним бороться» – т.е. он неожиданно на Наполеона вешает ярлык варвара.

Здесь важно, что это довольно новая тема. Уваров этой темой занимается, и он находит формулу, которая отражает его интересы в решении этой проблемы. Он говорит о том, что Россия повзрослела, что Россия достигла зрелого состояния. Что это для него значит? Что это за проблема? Это проблема всех периферийных обществ с запаздывающим развитием. Это проблема, как они эти заимствования осуществляют, насколько избирательно, и как они при этом сохраняют какие-то элементы традиционных систем общественных ценностей. В принципе, это то, чем все эти общества занимались, от Японии до России, более или менее последовательно. Соответственно, раз Россия обрела зрелость, она уже закончила 10-й класс, если продолжать Карамзина, то она может избирательно подходить к этим заимствованиям. К тому же, она хочет быть равной в Европе. В уваровской формуле очень важно (он это многократно подчеркивает), что он стремится к эмансипации России *в* Европе, но не к эмансипации *от* Европы. Идея эмансипации от Европы появится в России позже, наиболее яркий выразитель – Н.Я. Данилевский.

Уваров постоянно подчеркивает эту идею. Например, свой знаменитый отчет о десятилетии Министерства народного просвещения он начинает с тезиса, что мы должны развивать нашу образовательную систему на собственных основаниях, сохраняя все богатства европейского опыта. Потом у него есть этот тезис в середине и в конце. Если человек на пространстве одного доклада три раза возвращается к этой теме, то совершенно очевидно, что он собирается найти неуступчивого оппонента в читателе. Кто читатель этого текста? Он один – Николай.

Уваров понимает, что на самом деле идея эмансипации от Европы, не будучи концептуально сформулированной, очень мила сердцу многих патриотов его времени. Может быть, лучше всего это описал Чаадаев. У него есть письмо Вяземскому 1848 г., где Чаадаев реагирует на рецензию Вяземского, которую он написал на избранные места из «Переписки с друзьями» Гоголя. Чаадаев соглашается с главными тезисами Вяземского и каждый раз добавляет какое-то скептическое замечание по поводу трактовки идеи взрослости. Я процитирую: *«Безумно нам величаться перед старшими братьями нашими, они не лучше нас, но они опытнее нас. В первой половине Вашей статьи Вы сказали несколько умных слов о нашей новоизобретенной народности, но ни слова не упомянули о том, что мы невидимо стремимся к искажению народного характера. Помыслите об этом! Не поверите, до какой степени личности людей в нашем краю [а он в Москве живет] изменились с тех пор, как мы увлеклись этой народною гордыней, неведомой отцам нашим»*. Как ни парадоксально звучит, Уваров под этими словами вполне бы мог подписаться.

Любопытный эпизод, немного на полях всех этих рассуждений. История, которая связана с реакцией Уварова на лекцию профессора Дерптского университета Розберга. Лекция называлась «Об историческом значении России» и была прочитана по-французски. Розберг, если прочитать эту лекцию, оказывается таким непризнанным, неизвестным предшественником евразийства. Он там рассуждает о том, что две противоположные стихии (имеются в виду Азия и Европа) в России соединяются и сливаются по типу химической реакции, т.е. два вещества теряются в произведении, где их разнородные свойства исчезают, облекаясь в новый вид. Уваров настолько переполошился по поводу этой формулы, что, публикуя эту лекцию в журнале Министерства народного просвещения, сделал к ней двухстраничное примечание, где объяснял, что Россия – это Европа, но при этом Россия хранит некоторые предания Востока. Здесь для него Восток – это Византия. Она сохраняет византийское понимание религии, бога (опять же христианского) и несет его Западу, и за это она должна быть Западом вознаграждена, вознаграждена уважением. Т.е. он ищет какие-то элементы в культуре и науке, которые позволили бы показать Россию как уже состоявшегося творца.

Другой областью, где он ищет эмансипации, являются востоковедческие исследования. Он так опекает Казанский университет, потому что, как он говорит, здесь Европа соседствует непосредственно с азиатскими народами, здесь она их может изучать, мы должны это сделать, мы

здесь должны осуществить прорыв. Т.е. он, как и всякие модернизаторы (но для него важна культурная сфера) ищет области, в которых мы можем сказать свое слово.

Теперь, если все это перевести в область практической политики, то, естественно, это вопрос окраин. Почему эмансипация России в Европе так важна для Уварова? Потому что он понимает, что сейчас будет происходить в России. А будут происходить две вещи. Во-первых, модернизация системы управления империй, т.е. ее бюрократизация. Это будет значить, что центр империи будет отнимать или ограничивать многие prerogatives местных региональных элит, в том числе и в рамках программы по ограничению крепостного права. И это будет вызывать у элит сопротивление.

Обратите внимание на следующую вещь. В конце XVIII в. восточные славяне в империи Романовых составляют 84% населения, а к середине XIX в. их доля сокращается до 68%. А империя расширяется, и ее окраины становятся все более и более гетерогенными, все более и более разнородными. И это один из вызовов. Отсюда проблема отношений с этими элитами. Его основное внимание привлекают, конечно, элиты на западных окраинах – это поляки и немцы.

И его программа – это программа не ассимиляции этих элит, но их аккультурации. В чем здесь различие? Он не пытается, не надеется сделать из поляков или из немцев русских. Чего он хочет – так это того, чтобы они освоили русский язык: это неперемное условие для того, чтобы можно было их сохранить как часть имперских элит, поскольку бюрократия переходит на русский. И еще он пытается утвердить у этих элит уважение к имперскому центру, как к центру цивилизационного притяжения. Поэтому для него проблема не только нелояльные польские элиты, но и абсолютно лояльные балтийские немцы. Поэтому он создает для польской молодежи Киевский университет вместо Виленского, где преподавание будет на русском языке.

Поэтому он пишет о немецких элитах следующее. Он признает преданность этих элит законному государю и дальше говорит: *«Но проблема заключается в том, что среди них сильно укоренилась мысль, что их мнимая национальность есть национальность германская, и будучи преданы государю, умственное равенство едва ли соглашаются признать в русских»*. Обратите внимание, как здесь фигурирует слово «национальность». Национальность – это не то, что мы сейчас под этим понимаем. Национальность – это идея политического суверенитета. Точно так же он про поляков говорит, что *«польская молодежь должна забыть бессмысленные мечтания об отдельной польской национальности»*. Но при-

том он имеет в виду не то, что ее нужно быстренько переделать в русскую, а то, что Польша не может быть самостоятельной.

Т.е. Уваров начинает понимать одну из важных проблем, о которых многие другие значимые деятели империи будут потом говорить. Это проблема цивилизационной привлекательности русского центра. Т.е. и польские, и немецкие элиты смотрят на Москву, на Петербург, все-таки, как на культурную провинцию. С некоторым основанием. Давайте задумаемся о том, что к тому моменту, когда Уваров вступает в должность, количество людей, которые грамотны на польском языке, среди подданных Романовых заметно выше, чем количество людей, грамотных по-русски.

А совсем недавно, всего за два десятилетия до Уварова, Карамзин издает журнал, где пытается обмануть русскую публику. Обмануть в том смысле, что обещает в программе журнала печатать переводы западной литературы, и потихоньку добавляет русские сочинения, потому что просвещенная петербургская публика знает, что русский роман – это нонсенс. Он пробует скормить ей какие-то кусочки русской художественной словесности заодно с французской и английской.

Чего Уваров хочет добиться? Он хочет, чтобы его деятельность и деятельность других ведомств в этот период руководствовалась уже националистической логикой, при этом он хочет эту логику сохранить «для внутреннего потребления бюрократии». Т.е. он старается не вызывать излишнего алармизма среди элит окраин. Обратите внимание, какова позиция Уварова ближе к концу его министерства – в деле Кирилло-Мефодиевского общества. Их арестовали, посадили в крепость, они начали честно рассказывать, что себе думали. То, что они рассказывали, вполне соответствовало программе украинского национализма. Дальше происходят две вещи. Во-первых, к Костомарову (одному из участников Кирилло-Мефодиевского общества) в камеру приходит офицер Третьего отделения и говорит ему: «Знаешь что, перепиши-ка ты свои показания. Перепиши в том смысле, что вы – малороссийские славянофилы. И тебе лучше будет». Дальше Уваров пишет циркуляр, в котором извещает попечителей учебных округов и университетов, что случилась такая неприятная история, там появляются все эти малороссийские славянофилы. Задача Уварова – не формировать в обществе представление об эпизоде кирилло-мефодиевцев как о появлении очередного национализма в России. Совсем скоро все это станет неактуально, потому что 1848-1849 гг. – это такой взрыв национализма в Европе, что уже смешно об этом не говорить. Но идея Уварова заклю-

чается в том, чтобы самому действовать по националистической логике, при этом, не слишком мобилизуя эту логику в общественном мнении.

В заключение скажу, что если мы посмотрим, как развивается русский национализм в 30-40 гг., то Уварова можно назвать ключевой фигурой. Если мы будем выстраивать какую-то цепочку идеологов, то, конечно, у них функции очень разные, но эта фигура по масштабу сопоставима с Катковым. И это заставляет несколько изменить наши довольно широко распространенные представления о том, что русский национализм – это такая штука, которая появляется после реформ, после отмены крепостного права, появляется как общественное настроение. Я бы сказал, что ранний этап – это все-таки период, когда Уваров, а с ним имперская власть, империя участвуют в развитии этого русского национализма, что, на самом деле, довольно типичная вещь. Потому что в XIX в. все крупные империи строят нации в своих ядрах, в своих центральных зонах. Мы привыкли думать, что это нации делают империю. Это заблуждение. Империи строят нации: и испанскую, и французскую, и британскую, и, кстати, немецкую тоже. На этом, наверно, все, спасибо.

Небольшое замечание. Очень трудно с таким материалом работать в устном виде, потому что он предполагает подробное, внимательное, медленное чтение самих текстов. Поэтому я вам сообщаю, что тот текст, на основании которого я вам сегодня что-то излагал, появится в последнем номере «Нового Литературного Обозрения» за этот год.

Обсуждение

Лейбин: У меня, как всегда, есть искушение рассуждать из текущего политического момента, тем более, что ассоциаций полно. Я подозреваю, что ассоциаций у всех полно, поэтому все-таки задам вопрос по XIX в., по пониманию роли такого идеологического организатора в тогдашней общественной и политической коммуникации, которую сейчас мы, кажется, переживаем заново в скомканном виде. Обратимся к одной из целей мировоззренческого, идеологического уваровского построения, очень мне близкой – к задаче организации безопасной, но эффективной зоны для разговора о народности и национализме. Если реконструировать дальнейшие события, почему все-таки наша общественная коммуникация всегда выходила за рамки разумных ограничений, и почему не удалось это сделать рассуждением про империю-нацию, а оно все время разбивалось на два противоречивых лагеря (или больше

лагерей)? В чем была загвоздка с этим политическим коммуникативным проектом?

Миллер: Во-первых, я скажу, что аналогии есть, но, поверьте, я не имел их в виду, когда писал этот текст, хотя я осознаю, что они возникли. Я делал доклад на эту тему некоторое время назад, и там Святослав Каспэ замечательно сказал: «Ну, ты текст-то написал не про Уварова, а про Суркова». Но я, конечно, протестую. Это все-таки текст про Уварова, а про Суркова, если захотите, я сам скажу в будущий четверг. Но это неслучайные аналогии, потому что некоторые внутренние противоречия, о которых я говорил, воспроизводятся. Это противоречия в том, что, если вы хотите развития националистического дискурса (в неругательном смысле, дискурса о нации), то это обязательно связано с проблемой представительства, и любой авторитарной власти (неважно, как называется лицо, ее персонифицирующее, Николай I, Путин, как угодно) становится отчасти неудобно в этом дискурсе. Здесь очень важно, что не следует воспринимать власть как нечто единое (опять аналогия). Уваров постоянно находится в лояльной оппозиции Николаю, постоянно с ним спорит. В этом смысле я подозреваю, что он был готов даже Чаадаева допустить, но в тот момент, когда «наехал» Бенкендорф, надо было уже спасать себя, а не Чаадаева. Мне кажется, это одно из ключевых противоречий.

Вторая проблема – уже более специфически российская. Для уваровского времени это еще не столь характерно (я подчеркиваю, что Успенский прав, но для более позднего периода), но образованное общество (не все, но очень значительная его часть) оказывается в оппозиции государству как таковому. У нас в России нет той этики. Я могу проиллюстрировать это анекдотом в смысле XIX в., т.е. реальной историей. Я однажды беседовал с одной моей коллегой из Турции. Ее отец был председателем парламента до того, как к власти пришли военные. Его арестовали, вывезли на острова в Мраморном море, били, конечно, потом судили, он отсидел, вернулся. А она в это время училась в Беркли. И когда она встретилась с отцом, говорит: «Армия-то, сволочи какие, надо теперь с ними по квитаться». Он говорит: «Подожди, подожди. Могут быть плохие офицеры, но не может быть плохой армии, потому что это *наша* армия». Этой составляющей, приверженности государству как ценности, готовности сотрудничать с властью до определенных пределов, но и оппонировать тоже до определенных пределов, участвовать в диалоге у нас всегда очень сильно не хватало. Можно по-разному это оценивать. Кто-то скажет: «И славно!» Кто-то скажет, что

плохо. Я, скорее, считаю, что плохо, но это уже не научное суждение. Я думаю, это очень типичная проблема.

Лейбин: Это русская культурная проблема или проблема тех, кто строил у нас национализм и коммуникацию по этому поводу?

Миллер: Я думаю, что это культурная проблема в очень большой степени. Потому что если мы посмотрим на другие общества, которые сталкиваются с похожими проблемами, все-таки численность групп людей, для которых характерна такая «алиенация», отчуждение от государства, заметно меньше. Если мы задумаемся о том, что в 60 гг. XIX в. примерно 50% студентов университетов не заканчивают курс, а продолжают его как участники революционного движения, то мы поймем, что в России масштаб этой проблемы особенный.

Вопрос из зала: Это неизбежно, этот вопрос стоит в голове у всех. Спроецируйте уваровскую триаду на сурковскую. Нам Уваров уже неинтересен, не прошла его триада, в 1917 г. закопали. Все равно это проекция, самодержец.. Как сегодняшние «уваровцы» мнят при интернете, при открытости общества сделать из Путина самодержца в любой форме, название придумают? Вы все-таки поближе, может быть.

Миллер: Нет, я не поближе, в этом смысле я знаю ровно столько же, сколько и вы. И я не буду проводить этих аналогий. Во-первых, мне все эти аналогии, как специальный предмет для разговора, довольно не-симпатичны, потому что сегодня я историк, и мне в этом качестве приятно, удобно, я к нему привык. В следующий четверг мне, на самом деле, будет очень неуютно, я буду пытаться выступать не как историк, впервые за время моего функционирования в формате публичных лекций. Там ваш вопрос будет легитимен, и я буду пытаться как-то на него ответить.

Лейбин: Небольшое замечание. В следующий раз у нас будет лекция «Дебаты о нации в современной России», поэтому правильно, что в этот раз у нас именно историческая лекция, потому что, чтобы думать об этом, надо иметь об этом представление.

Владимир Молотников: У меня очень конкретный вопрос. Это была не оговорка при разговоре о Наполеоне, что европейские войны XVII-XVIII вв. – это войны солдат, но не войны гражданского населения?

Миллер: Я понимаю смысл вашего вопроса. Здесь к моей неговорке надо сделать целый ряд оговорок. Существовала более-менее неформальная легитимная практика (особенно в XVII в., ее уже меньше в XVIII в., когда армии становятся не наемнические), что немного пограбить можно. Для Наполеона это уже не так характерно. Уточните, пожалуйста, что вы имеете в виду.

Молотников: Я вовсе не о грабеже. Допустим, войны в республике Паолии. Событие знаковое для XVIII в. Европы. Сам термин «баки» – это войны граждан, а не армий. В конце концов, война за независимость в США, в конечном счете, – европейское явление. Более того, Наполеон говорит с Кутузовым, зная, что в Испании ежедневно простые жители линчуют его солдат. В конце концов, ознакомьтесь с творчеством Голли, знаменитый расстрел. Поэтому я бы хотел уточнить. Если мы говорим о некой европейской модели войны, то это явно неправильно. Никакой такой «европейской традиции» нет. А если говорить о крошечной западноевропейской (даже не вся Западная Европа в эту традицию укладывается), то это несколько стран Западной Европы, допустим, австрийская армия, в какой-то мере французская, уже в меньшей, наверно, прусская. И все. Ответ Кутузова с этой точки зрения выглядит совершенно другим по смыслу.

Миллер: Давайте все-таки различать идеологическую норму и то, что называется повседневной практикой. Я ни в коей мере не стану отрицать, что все, сказанное Вами, справедливо. Но давайте учтем две вещи. Вы перечислили «прусская, австрийская, французская» (сюда, кстати, и Россия, особенно после Венского конгресса, войдет на равных правах) – это армии великих держав, армии концерта, который следует этим принципам. И еще, обратите внимание, в каком смысле, например, Первая мировая война становится революционной. До этой войны у нас есть армии, которые отделены от гражданского населения. В ходе Первой мировой, когда оказывается, что все мужское гражданское население становится потенциальным объектом набора в эту армию, армии начинают массово уводить с собой население. Шесть миллионов беженцев в России при отступлении 1915 г. и т.д. Это все-таки новое качество. Т.е. границы между военным и мирным человеком, который физически здоров и потенциально может быть солдатом, но никто его не собирается в солдаты забирать в XIX в.

Молотников: Он сам идет! Его никто не забирает! Просто где-то идет, а где-то нет.

Миллер: Я пытался сказать, что для французской и русской армий в этом конфликте мирное население совершенно очевидно ознается как отдельное и не подлежащее репрессиям. Поэтому, когда Наполеон говорит: «Не ведите партизанскую войну, вы нас вынуждаете к репрессиям против мирного населения», – он ссылается на определенные конвенциональные нормы, которые могут нарушаться.

Молотников: Это понятно при одном условии. Если он подозревает, что реальность партизанской войны инспирирована, допустим, русским

правительством, тогда да: «Не ведите, остановите, прикажите остановиться». Но если нет? Она не инспирирована в Испании, на Корсике, в конце концов, она в каком-то зачаточном варианте не инспирирована в Германии. «Шумели в первый раз германские дубы...», – пишет Мандельштам о немецких студентах, которые выходят с кинжалами против французских солдат. А правительство германских государств тут абсолютно не при чем, они пытаются это прекратить.

Миллер: Хорошо, мы зафиксировали наши разногласия. При этом обратите внимание, что все ваши примеры – это примеры государств или территорий уже оккупированных, где войны армий не происходит. В России же в 1812 г. происходит война двух армий. Мы оба высказались, и наши позиции ясны.

Лейбин: Мне кажется это важным с методологической точки зрения, потому что отсылает нас к лекции Алексея Ильича про причины начала Первой мировой войны. И чтобы понимать друг друга в таких позициях, кажется, нужно вводить ряд мыслительных различий. Понятно, что в материале хоть Иракской и Чеченской войн, хоть любого исторического эпизода можно найти разное: подтверждающее одно, подтверждающее другое. Материал такой, что его с высокой логической точки зрения не существует в том смысле, что это всего лишь материал. Для того чтобы начать понимать, делать прогнозы, строить схемы и выстраивать линии, нужна определенная методология. Методология, если я правильно понимаю Алексея Ильича, здорово объяснившая разрушение всех конвенций в Первую мировую войну, все-таки требует различать наличие в культуре конвенций. В культуре, а не в материале, когда друг друга дубасят. Уже это различие позволяет о чем-то думать. Понятно, что в конвенциональном смысле войны, когда воюют династии и концерт держав, и массовая война, которая началась в Первую мировую, с вовлечением огромного количества населения как ресурса и с разрушением всех конвенций, – это принципиально различные вещи. И только когда вы введете такое различие, которое вводит Алексей Ильич, можно начать что-то понимать и в той истории тоже.

Миллер: Если вы посмотрите на современность, обратите внимание, как спорят, что такое палестинский террор. Одни говорят, что это террористическая деятельность, а другие говорят, что «это наша партизанская война против оккупантов». Или как вести себя в отношении мирного населения, и как оккупационная армия, например, США в Ираке, испытывает проблемы с этим делом. Но это все-таки начало XXI в., и эти конвенции уже разработаны. В правовом смысле они разрабатыва-

лись в XX в. В XIX в. это было культурной нормой, но она все-таки была.

Лейбин: И в этом примере с войной 1812-1814 гг. проблема в коммуникации Наполеона и Кутузова, кажется, была в том, что Кутузов отказывался от выполнения этой конвенции. Западная цивилизация в лице Наполеона имела в виду, что все люди, которые с ним разговаривают на равных внутри западной цивилизации, должны соблюдать некоторую конвенцию.

Миллер: При этом я хочу обратить ваше внимание, что Наполеону в этот момент так удобно – позиционировать себя как представителя западной цивилизации, потому что рядом с этим существует мадам де Сталь, которая описывает Наполеона как корсиканского варвара, потому что он нарушил определенные конвенции предыдущего порядка.

Лейбин: Информационная война, если хотите.

Миллер: Отчасти да.

Григорий Чудновский: Алексей Ильич, нельзя ли вернуться к Суркову через историю. Вы обозначили лекцию с фамилией Уварова. Нельзя ли остановиться на этой личности и штрихами обозначить. Мне не до конца понятно, почему этот человек так себя вел. Если бы он не оказался министром образования? В истории так не положено, но я сформулирую, как не историк, предположим, что всего того, что он делал, не было бы в природе, или оно бы возникло с течением исторических обстоятельств. И то, что он стал именно министром, ему помогло начать продвигать, как я понял, в университетах эти кафедры, факультеты возникали как продолжение миссионерской деятельности. Что-нибудь об этой личности, о каких-то его характеристиках. Спасибо.

Миллер: Во-первых, возникли бы в России в университетах кафедры русской истории? Конечно, возникли бы. Вопрос – когда, с какой скоростью? Если мы представляем себе, что все-таки династия еще сопротивляется национализации некоторое время, то, вероятно, могли возникнуть существенно позднее. Во-вторых, когда династия вроде бы прекратила сопротивляться национализации, например, с Александром III, то его способ националистической легитимации оказался существенно отличным от Уварова, потому что для него эта точка соотнесения лежала до Петра. Посмотрите на архитектурный стиль, на весь стиль царствования, на балы, которые проходят в костюмах XVII в. Т.е. для него это, прежде всего, православие в нетронutom виде, новорусский стиль с пузатыми колоннами и пр. Т.е. национализация может проходить по-разному. Уваров эту национализацию пытается проводить в европейском ключе. Что касается личности, то это, конечно, за-

служивает отдельного большого разговора, и я, безусловно, не самый компетентный в этом плане человек. Но можно сказать, что он много живет в Западной Европе, он тесно общается с таким кругом, который можно назвать консерваторами-реформаторами, т.е. с людьми, которые считают, что изменения нужны, но что эти изменения вовсе не должны следовать логике Просвещения и либерализма. Т.е. они по-прежнему смотрят на общество как на элитарную конструкцию, по-прежнему считают, что понятие прогресса неприменимо, что «научное понимание», которое пропагандируют Просвещение и либерализм, ограничено. Национализм этих консерваторов существенно отличается от национализма либералов, которые уходят корнями в Просвещение. У Уварова был период увлечения либерализмом, но уже в 1809-1812 гг. он все-таки консерватор-реформист. И то, что он долго жил в среде, проникнутой националистическими настроениями, среди немецкого мира (это Вена, прежде всего) – это, безусловно, позволяет нам думать о нем как о человеке, который понимает, как национализм функционирует.

Что касается его психологического профиля, то тут надо учитывать, что он уже пережил одну отставку в 1821 г. И, в принципе, это человек, который, безусловно, хочет быть министром, хочет участвовать в бюрократической борьбе по поводу того, какое министерство самое важное, хочет влиять на царя, но при этом не по принципу «чего изволите». У него есть какая-то своя программа, которую он осторожно излагает. Для того чтобы ее увидеть и прочитать, надо иметь в виду, что он это делает сдержанно и порой закамуфлированно. Но мы готовы понять, что раз он в тексте, адресованном царю, делает это так, то, наверное, он заметно более резко думает про это.

Другой сюжет, о котором они постоянно спорят с Николаем, – это сюжет соотношения полицейских и воспитательных мер. Уваров все время пишет царю, что Министерство просвещения – это не полицейский орган, университеты – это не место, где зарождается крамола, а место, где умы, которые пришли, зараженные крамолкой, немного поправляются. Тут, кстати, вопрос, кто из них прав. Отчасти, может быть, и Николай. Какова же позиция Николая I? Когда он согласился со Строгановым, что студенты – это «сволочь шалунов», он тут же предлагает конкретные меры. Он говорит: «Отобрать 20 студентов поспособнее, отправить их на 2 года в Дерпт, а потом на два года за границу, в Германию или в Париж. Но отправить не одних, а с ними отправить дядек, которые бы над ними надзирали, т.е. соотношение надзора и... Отчасти он, может быть, и прав, потому что будут пить. Но, с другой стороны, может быть, все-таки дать им выпить свое, а потом на-

чнут учиться? Это проблема, потому что это университетские уставы, это количество студентов в университетах. Когда Уваров уходит в отставку? Он уходит в отставку в 1849 г., когда, насмотревшись на события в Европе, Николай говорит: «Так, больше 300 студентов в одном университете быть не должно. Все, хватит. Поиграли». Тут Уваров уходит в отставку, потому что он понимает, что уже последние редуты сданы, он уже ничего не может сделать.

Всеволод Лаврентьев: Алексей Ильич, у меня к Вам два коротких вопроса. Вы говорили, что Уваров был в Вене в 1821 г. Вы, наверно, хорошо знаете, повлияла ли на него личность тогдашнего канцлера Австрии Меттерниха. Ведь то, что делал Меттерних, в каком-то смысле здесь корреспондирует. Это первый вопрос. Второй вопрос. Согласились бы Вы с мыслью, что подчеркнутая антигосударственная позиция студенчества, о которой вы говорили, была следствием чисто внешнего выполнения европейских норм и внутреннего коллапса alexandrovских реформ, которые, казалось бы, проводили это все, а потом все закончилось, по сути, срывом. Это просто естественная психологическая реакция молодых людей, и она вполне понятна.

Миллер: На счет Меттерниха я затрудняюсь сказать. Мне неизвестны тексты Уварова, в которых бы он эксплицитно адресовался к Меттерниху. Но, безусловно, это проявления одной европейской тенденции. Что касается студенчества, я боюсь вызвать более продолжительную дискуссию на этот счет, но скажу, что нам все-таки нужно задуматься о том, какова причинно-следственная связь. Нас учили, что «дней Александровых прекрасное начало», все проснулись, потом отказ от реформ, все возбудились, оскорбились и оказались на Сенатской площади. Поэтому виноват Александр, и не виноваты декабристы, а декабристы – герои. Времени много прошло, и можно задать декабристам некоторые вопросы. Например, Пестелю, какой режим он собирался устанавливать, и был бы он лучше самодержавия или нет. Наверно, был бы хуже.

Дальше мы смотрим на николаевскую эпоху. Мы говорим: «Николаевская эпоха, темное царство...» Николай, во-первых, в период между восстанием декабристов и восстанием в Польше как раз очень серьезно пытается приступить к реформам, например, судя некоторым его шагам в окраинной политике. Я напому, что Александр I польской короной не короновался, а Николай не поленился съездить в Варшаву и возложить на себя польскую корону, т.е. он пытается их конституцию уважать, а потом они его детронируют. Его позиция по отношению к Польскому восстанию и после его подавления, в принципе, вполне ле-

гитимная, потому что они клятвопреступники плюс им дали армию, которая с русской армией воевала, то есть, они завоеванная сторона. У поляков, в общем, была даже не автономия, а династическая уния. Ни в одной другой империи никогда потом поляки не имели столько прав, сколько они имели в Царстве Польском того периода.

Если мы посмотрим на то, что делает Николай в разных сферах, то увидим, что он очень нетерпеливый человек, он стремится все лично контролировать. При этом, в некоторых областях он делает какие-то очень важные вещи. Например, он понимает, что растет поколение неученых, совершенно темных и диких провинциальных дворян. А они неучены, потому что учиться в столице стоит больших денег, а дворянство в России в своей массе очень бедное. Он создает кадетские корпуса именно для детей провинциальных дворян, где пытается их учить. Надо повнимательнее присмотреться.

Есть еще такой значимый феномен для русской истории, как русско-еврейская интеллигенция. Люди по-разному к нему относятся. Откуда она взялась? Она взялась из реформ Уварова, потому что именно Уваров сумел создать систему школ, в которых евреи начали учиться по-русски. Хочу обратить ваше внимание на то, что евреям было предложено бесплатно отдавать детей в школы на русском языке при Александре I. Насколько мне известно, этих людей можно было пересчитать по пальцам рук. Уваров, несмотря на страшное сопротивление традиционных еврейских общин, сумел новые, специально еврейские школы на русском запустить. И когда мы потом видим, что образование открывается для евреев, университеты и гимназии, откуда берутся эти десятки и сотни людей, которые туда приходят? Они берутся из уваровских школ. Но, все-таки, какое-то отношение к этому имеет и Николай, не то чтобы это было совсем против его воли. Должна быть какая-то нюансировка в понимании Николая. Конечно, тут очень важно различать периоды до и после 1848 г.

Станислав Репинцкий: Сначала маленькая ремарка. Недавно, буквально пару лет назад, вышла монография доктора исторических наук профессора А.И. Попова, где на эмпирическом материале разобрано, как партизанская война 1812 г. инспирировалась правительством. Теперь конкретный вопрос по поводу Уварова. Сразу заинтересовало то, что касается целей и перспектив его политики, которую Вы описали. С одной стороны, вы сделали упор именно на цели для национальных окраин и для окраинных элит. С другой стороны получается, что абсорбировать эти элиты в российскую культуру – это из области фантастики, а реальные меры Уварова, скорее, направлены на российскую

интеллигенцию, как вы назвали, воспроизводителя национального дискурса, открывал кафедры и т.д. – это все получалось более действенно. В связи с этим у меня вопрос. Первый момент: как Уваров представлял себе перспективы его политики? Конкретные меры понятны, что дальше? И второй момент. Может быть, эта политика, прежде всего, направлялась не на национальные окраины и их элиты, а на преодоление культурного разрыва внутри русского населения, когда простой народ и элита говорят на разных языках и т.д., то, что Толстой в «Войне и мире» очень хорошо показал. Спасибо.

Миллер: Я не знаю, почему у Вас сложилось впечатление, что я говорил об Уварове, как о человеке, который озабочен только окраинными элитами, потому что все примеры, о которых вы говорили, мною были упомянуты и касаются русской части. Но все-таки для Уварова проблема низших уровней образования, мягко выражаясь, очень второстепенна. Он этим почти не занимается. Давайте зафиксируем одну вещь. Власть серьезно начала заниматься начальным образованием только при Николае II, мне уже однажды пришлось здесь об этом говорить. Все остальные к этому вопросу относились спустя рукава.

Второе. Когда Вы говорите, что эти окраинные элиты заведомо невозможно аккультурировать, Вы, конечно, заблуждаетесь. Потому что так устроено наше видение истории и то, как мы ее рассказываем. Если мы говорим «поляки», не следует думать только про тех, кто бегал по лесу с флагом и в конфедератке. Если мы говорим «немецкие элиты», есть очень характерный представитель немецких элит – барон Тузенбах из «Трех сестер». Таких было много, он неслучайно попал к Чехову на перо. Если вы подумаете о том, кто командует русскими войсками в 1914 г., то вам станет многое понятно.

Кстати, с поляками то же самое, потому что если вы задумаетесь, представителей какой этнической группы населения погибло больше всего от рук повстанцев в 1863 г., то окажется, что это были не русские и даже не евреи, как бы мы ожидали. Наиболее многочисленная группа – это поляки, которые, так или иначе, этому противостояли. Количество поляков, работавших в Российской империи инженерами, врачами, учителями, очень велико, но ими мало кто толком занимался. Недавно в Эстонии вышла книга про эстонских образованных людей в Российской империи. Там есть одна (!) страница про образованных эстонцев, которые служили на тех или иных должностях в царской администрации. А на самом деле в 1850 г. в Ревеле, т.е. в Таллинне, в администрации служат 4 эстонца, это меньше 2% от общего числа администрации. А в 80-ые гг. я не помню, сколько именно этих эстонцев, только они

уже составляют больше половины от всей администрации. Почему? Во-первых, уже возникло поколение эстонцев, которые выучились в русских гимназиях и, соответственно, могут служить в этой администрации. А во-вторых, это империя решила, что она будет их нанимать в противовес немцам, потому что немцы с 1866 г. проблематичны, т.е. Германия объединилась, и это уже вызов, потому что они скоро поставят вопрос о балтийских губерниях. Вот такие механизмы.

Есть книга польского историка Анджея Хвальбы «Поляки на службе у москалей», это о поляках в администрации. Куда бы мы ни посмотрели, на какую бы европейскую часть империи, там везде местное население по своему процентному представительству в администрации более-менее соответствует их доле в местном населении, даже в Украине. Поэтому говорить о том, что это была политика, которая была заранее обречена на провал... Это оттого, что все книги были написаны в духе национального нарратива, у нас так все получается, а, на самом деле, все было иначе.

Вопрос из зала: Алексей Ильич, Вы сдержанно относитесь к аналогиям. Московский университет, кафедра социологии сегодня и Уваров. Густав Шпет в очерках, говоря об Уварове (он очень подробно рассматривает идейную атмосферу), в частности говорит, что в 50-60-е гг. (это, понятно, Николаевские репрессии) начались гонения на профессуру в Московском, Петербургском и др. университетах, и, мне кажется, это очень похоже на сегодняшний день. Я не про кремлевских постмодернистов, а завкафедрой социологии, как мне говорят, формулу Уварова употребляет совершенно в другом контексте.

Миллер: Между тем, как сейчас поворачивают эту формулу, и тем, как ее понимал Уваров лежит огромная дистанция. Наше акцентирование Уварову было абсолютно чуждо и т.д. Кстати, я думаю, что Уваров более трезво смотрел на вещи. Он говорил о традиционной народной религии, ему это было важно как инструмент социальной политики.

Станислав Лазарев: Алексей Ильич, согласны ли Вы с тем, что идеология триады, о которой Вы нам говорили, на самом деле, может быть выражена одним словом. Такого слова не существует, но я его выскажу – имперскость. В том смысле, что эта идеология формируется в элите, народ и народность к этому не имеют никакого отношения, тем более в те годы, когда народ – это, в основном, крестьянская масса – какая тут народность! В этом смысле не нации формируют империю, а, наоборот, империя формирует нации. Вы согласны с этим?

Миллер: Я, собственно, и сказал, что империя создает нации, а не наоборот. Замечу, что кое-что очень сильно изменилось с уваровских

времен, в том смысле, что националистические идеологии – это уже не только творчество элит, но и что-то другое. Все-таки мы уже имеем дело с грамотными обществами, с всеобщим образованием, с обществами, в которых существует механизм националистической индоктринации (в нейтральном смысле, везде существует какая-то индоктринация), но таких механизмов и каналов националистической индоктринации в эпоху Уварова еще не было.

Елена Гусева: Добрый вечер. У меня реплика в ответ на фразу о некотором противоречии в плане национализма. В этом смысле, с точки зрения психологии, практически ничего не изменилось. Ведь сам национализм, если исходить из психологии простого человека, – это чувство самореализации, если нет других весомых самореализаций отдельного человека и социальной группы. С точки зрения власти (и здесь тоже можно делить место министра и царской власти) – это инструменты воздействия. Т.е. создается тлеющий костерок, в который можно подбрасывать дровишки по мере необходимости. С точки зрения министра, это его добросовестность, честность и возможность самореализации именно в качестве министра, это его цель. Он продумал определенный оптимальный размер этого вопроса для империи и им пользуется. С точки зрения царской власти, это некоторая другая цель и другой размер этого вопроса, этого костерка, который в удобный момент можно подбросить дровишки.

Миллер: Аналогия с костерком, в который можно подбрасывать дровишки, мне не очень нравится. Когда мы говорим, что министр одно думает, а царская власть чего-то другое думает... А кто такая «царская власть»? Если это Николай, то откуда у него какие-то мысли возникают? Откуда он информацию получает? Здесь функционирует заметно более сложная система. Когда-то, в какой-то период Уваров довольно сильно на Николая влияет, в какой-то период кто-то другой влияет.

Теперь что касается, как вы выразились, простого человека. Мне не совсем понятно, что такое «простой человек».

Гусева: Не облеченный властью.

Миллер: Ну, не облеченный властью... Как он себя понимает с точки зрения своего места по отношению к элите: он, может быть, считает себя частью этой элиты, а, может быть, считает себя частью контрэлиты. Потому что о таких вещах, в основном, размышляют люди, которые так или иначе себя осмысливают в этих категориях. И если мы хотим понять человека, который себя вовсе не причисляет ни к каким фрагментам элиты или контрэлиты, то тогда очень часто нам нужно говорить других механизмах, помимо националистических, которые опреде-

ляют его групповую принадлежность. Потому что ложиться спать и думать, как там народ (по известной цитате), или бутерброд намазывать и думать, как там народ, – это все-таки для нормальных людей не характерно, они про другое думают. На уровне эмоций – да, это важная вещь. С тех пор, как школьное образование и все остальное в очень сильной степени завязано на нацию, уже все люди так или иначе на этот свисток реагируют. Кстати, поэтому многие проблемы обсуждаются сквозь призму нации, хотя, может быть, лучше могут быть понятны в отрыве нее. Но это уже другой вопрос. Все-таки для Уварова еще нет такого населения, которое воспитано в этих категориях. Поэтому, когда вы говорите: «Ничего не поменялось» – очень многое поменялось! Уваров работает с элитой, с образованной публикой, его *они* волнуют. А у нас все-таки, в современной ситуации, все читать умеют, и власть работает совсем не обязательно с элитой, особенно если эта контрэлита (которая до сих пор себя элитой называет) где-то там, та, которая говорила, что она формируется в оппозиции к официальной народности. Это совсем другое, там другие расклады. Спасибо большое.

Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка

*Мы (с некоторой задержкой, вызванной техническими обстоятельствами) публикуем полную стенограмму лекции историка **Алексея Миллера**, прочитанной 31 марта 2005 года в клубе-литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру».*

Лекция Алексея Миллера – это результат ясного и научно отстраненного анализа тем, которые почти никогда в русском обществе не обсуждались спокойно, без острого желания набить друг другу морды, что отчасти проявилось и в обсуждении. Речь идет об идеологиях русской нации и российской империи. Национальные проекты нового времени рассматривается автором именно как проекты, в смысле идейных конструкций, авторство которых в данной культуре можно определить политически и даже поименно, увидеть удачи и неудачи, трудности и ограничения их исполнения социальном и историческом материале.

Текст лекции

Алексей Миллер: Я историк, и выступать буду именно в этом качестве. Это, в частности, значит, что любимый вопрос Виталия Лейбина, с которого здесь начинаются многие дискуссии – а в чем прагматика? – в данном случае неуместен. История не дает прямых ответов на злободневные вопросы, и не может служить оправданием той или иной политики. Я сначала скажу о тех работах по теме сегодняшнего разговора, которые доступны на русском, затем объясню, что и почему мне в них не нравится. Затем я объясню, почему именно период империи кажется мне наиболее подходящим для рассмотрения данной темы, и затем, в зависимости от того, сколько времени нам останется, попробую проиллюстрировать свои аргументы конкретными примерами.

Итак, какие имена приходят на ум из того, что опубликовано. Это Бенедикт Андерсон – известная книга «Воображенные сообщества»: именно так он определяет нацию (и я думаю, что совершенно справедливо). Это Эрнест Геллнер, также исторический социолог, – его книга «Нация и национализм»; Андреас Капеллер, историк, который написал книгу «Российская империя как многонациональное государство». Также есть Джеффри Хоскинг, английский историк, который на-

писал книгу «Россия: империя и народ». Это все работы, которые переведены на русский язык. У нас опубликовано совсем немного оригинальных книг по этой теме. Еще я упомяну известную книгу Бориса Николаевича Миронова, двухтомник, «Социальная история России периода империи» – она не про это, но она интересна тем, каким образом она не про это.

Возьмем Андерсона. Понимание нации как воображенного сообщества означает, что в какой-то момент какая-то группа людей или несколько групп людей воображают себе проект нации. Дальше составляется видение того, кто входит или не входит в нацию, по каким признакам люди входят туда, какая территория является национальной территорией, какое политическое устройство должно быть у этой нации. Все эти вещи получают какое-то распространение в общественном сознании и так или иначе реализуются или не реализуются. Все это кажется мне вполне справедливым.

Но когда Андерсон начинает говорить о России, он становится, скажем так, последовательным геллнерянцем. Вот как Геллнер определяет национализм – определения собственно нации не дает никто: «Национализм – это прежде всего политический принцип, в соответствии с которым политическое и национальное целое должны совпадать. Националистическое чувство – это чувство гнева, возбуждаемое нарушением этого принципа, или чувство удовлетворения от его реализации. Националистическое движение вызывается к жизни чувствами этого рода». И вот, когда Андерсон начинает говорить о России и о национализме в России, он говорит, что русский национализм периода империи – это «попытка натянуть тонкую кожу нации (я бы сказал – тришкин кафтан нации) на огромное тело империи».

Из того, что говорит Геллнер, получается, что у русского национализма было два варианта. Либо всех обрусить, сделать из империи национальное государство, либо вырезать из империи какую-то традиционную русскую территорию, а империю распустить. Так, собственно, и пишут. Джеффри Хоскинг пишет, что его книга посвящена тому, как строительство империи в России помешало формированию нации. Дальше он пишет, что главный вопрос для руководителей России в XIX и XX веках можно сформулировать так: возможно ли внедрить в сознание этнически разнообразного населения империи составную национальную идентичности наподобие британской?

Книга Капеллера, пожалуй, самая ценная из тех, о которых я говорил, но, пожалуй, есть одна проблема: он пишет о России как о многонациональной империи, а русских у него там нет. Хоскинг, собственно,

писал свою книгу, для того чтобы дополнить Капеллера. У него это плохо получилось.

Когда свою книгу «Социальная история России периода империи» стал писать Миронов, было понятно из самого названия, что он рассматривает обратную проблему по сравнению с той, которую рассматривает Капеллер. Он говорит: «Социальная история России периода империи», то есть он знает, чем Россия отличается от империи, и знает, как ее вычленивать из империи. Но при этом в самой книжке никак этого не объясняет.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что у него Россия – это Российская федерация в ее современных границах, а русские – это то, что мы сегодня под русскими понимаем. В XIX веке это совершенно не было очевидным.

Теперь попробуем определить с тем, что мне здесь не нравится. Если геллнеровское определение национализма верно, то оно верно для тех национальных проектов, которые строились по принципу вычленения национального государства из империи. Это окраинный национальный проект, это проект борьбы с империей.

Такое определение совершенно не походит для понимания национализма имперских наций. Давайте возьмем морские империи: Францию, Британию, Испанию. Континентальная Франция, континентальная Испания, Объединенное королевство на островах. Все они тоже очень гетерогенны. Нации строятся в них в течение XVIII и XIX веков параллельно со строительством империи. Не было так, что британцы построили нацию, а потом построили себе империю. Напротив, проект строительства империи шел рука об руку с проектом строительства нации и во многом помогал этому строительству. Воспитание британской идентичности опиралось на то, что шотландцы понимали, какие выгоды им несет соучастие вместе с англичанами в управлении огромной империей. Очень разные люди, которые населяли то, что мы сегодня называем Францией, – из них 40% даже во второй половине XIX века не говорили по-французски – сплачивались в борьбе с общими врагами Французской империи. Строительство империи в этом случае помогало строительству нации, это были не противоречащие друг другу проекты. Кстати, испанцы пережили очень серьезный кризис своего проекта строительства нации именно тогда, когда у них рухнула империя, то есть в конце XIX века. Когда они империю потеряли, тут же оказалось, что и каталонцы, и баски имеют свои собственные проекты и собираются ими воспользоваться.

Конечно, Россия отличается от этих государств. Это континентальная империя, здесь нет моря, помогающего отчленить метрополию, которая должна быть преобразована в нацию, от колониальной периферии. Но это вовсе не значит, что такое действие не было возможным.

Русским национализм как раз занимался этим. Он пытался определить, какие пространства в империи следует рассматривать как русскую национальную территорию, а какие не должны быть объектом русификации, по крайней мере, первоочередной, не должны рассматриваться как часть национальной территории. Я потом этот тезис конкретизирую.

В этом смысле Россия находится где-то посередине между теми морскими империями, о которых я говорил, и другими континентальными империями. Что здесь важно: если имперская нация в процессе своего образования планирует какую-то часть империи превратить в национальную территорию, создать в ядре империи нацию-государство, это вовсе не значит, что она должна стремиться к роспуску империи. Британцы строили свою нацию и совершенно не стремились распускать британскую империю. То же самое с французами.

Чем Российская империя отличается от других континентальных империй, таких как Австро-Венгрия, Османская империя? В Османской империи проект строительства нации в ядре возник очень поздно. И он возник в тот момент, когда империя уже распадалась. В принципе, это был проект, который можно назвать проектом минимизации ущерба, когда эти молодые революционеры, которых называли младотурками, решили, что в условиях распадающейся империи надо четко зафиксировать, что такое турецкая национальная территория, и начать ее спасать. Попутно, как мы знаем, пострадали армяне: их образ национальной территории находился в непримиримом противоречии с образом национальной территории у младотурок.

Российская империя до самого конца своего существования при всех своих проблемах смотрела в будущее с оптимизмом и даже мечтала о дальнейшем расширении. И представление о том, чем должна быть национальная территория, тоже расширялось. Это два неких ареала, которые пульсируют, но пульсируют по-разному: империя как большой ареал и представление о национальном ядре как малый ареал.

В Австро-Венгрии немцы в австрийской части монархии проекта национального строительства практически не реализовывали, потому что немецкий проект был реализован в Германской империи. Не было того потенциала. Зато венгры делали то же самое, что и русские: они пытались в своей части империи, полученной после 1867 года, построить на-

цию-государство, кого-то при этом оставив на окраине в качестве автономий, как, например, хорватов, которые не были объектом мадьяризации.

Теперь давай посмотрим, как и когда воображалась эта национальная территория русским национализмом. Есть очень известный документ, который теперь называется «Письмо русского гражданина» – тогда этого названия не было. Это текст Карамзина, письмо, которое он написал Александру I в октябре 1818 года. Он был у царя, они поговорили, потом очень раздосадованный Карамзин пришел домой, ночью написал это письмо, отправил его и в дневнике записал, что, наверное, больше я царя не увижу, – в том смысле, что больше звать не будут. Однако он ошибся: они потом встречались и так и не поссорились слишком сильно.

Так о чем шла речь, и что так раззадорило Карамзина. Александр обсуждал с ним проект присоединить к Царству Польскому, которое было создано по итогам Венского конгресса, те территории, которые были аннексированы Российской империей по итогам разделов Польши. Я напомним, что то, что мы сегодня называем Правобережной Украиной, Белоруссией и Литвой, – все это к Российской империи отошло по итогам разделов Польши в конце XVIII века. Потом, после войны с Наполеоном, было присоединено герцогство Варшавское и там было создано Царство Польское.

И вот, в намерении установить более тесный союз с польскими элитами в Царстве Польском Александр думает о том, чтобы объединить эти территории. Карамзин в своем письме резко возражает, и у него есть масса аргументов, почему этого не нужно делать. Среди прочего он говорит о том, что поляки никогда верны не будут, а мы, русские дворяне, – говорит Карамзин, – очень на вас обидимся и перестанем вас любить. То есть слушаться будем, а любить уже нет. Карамзин как ранний националист или протонационалист выступает от лица корпорации русского дворянства, которое заявляет свои права на империю наряду с династией. Но очень любопытно то, какой аргумент отсутствует в этом письме, аргумент, который, несомненно, стоял бы на первом месте в любом споре на эту тему буквально двадцатью годами позже. Он ничего не говорит о том, что население на этой территории русское или малорусское, или белорусское. Это его абсолютно не интересует. Он говорит: Украина, Литва, Подолия хотят присоединиться к Царству Польскому. Он имеет в виду польских дворян, которые там живут. А мы не хотим. Типичного националистического аргумента, который потом бу-

дет доминировать, аргумента, что там наши люди живут, здесь нет совершенно. Проект еще не вызрел.

Другая иллюстрация. Несколькими годами позже. В «Былом и думах» Герцен описывает, как он подростком слушает разговор отца с гостем. Гость француз, генерал. Из разговора становится понятно, что этот генерал в войну 1812 года сражался в русской армии, и мальчик спрашивает: «А как же так, вы – против своих?» Отец ему отвечает: «Ты, сынок, ничего не понял: наш гость сражался в армии нашего императора за права своего короля, – то есть Бурбона, – против узурпатора». Это типичная династическая логика XVIII века. А подросток Герцен уже откуда-то нахватался этой национальной идеи, что как же вы «против своих».

У русского национализма были хорошие, активные учителя. Прежде всего, поляки. Очень мощный толчок пробуждению русского национализма дало восстание 1830–31 годов. После этого восстания здесь, на западных окраинах империи, русский национализм, а постепенно и империя, формулирует очень ясный тезис: местные крестьяне – малороссы и белорусы – это русские. И эта концепция того, что русские это не великороссы, как мы это сейчас воспринимаем, а великороссы, малороссы и белорусы, что это общерусская нация, становится доминирующей и останется доминирующей вплоть до конца Российской империи.

На памятнике Хмельницкому в Киеве написаны слова: «Богдану Хмельницкому от единой и неделимой России». Это очень интересно. Понятно, откуда это взято: это язык французской революции. Но тогда, когда эти слова были написаны, и в голове того человека, который эти слова придумал, а придумал их человек по фамилии Юзефович, малоросс, ярый противник украинофилов (он доносы на них писал), единая и неделимая Россия означала именно единую и неделимую общность великороссов, малороссов и белорусов. Это было не про империю, как потом трактовал эту фразу Деникин.

На других западных окраинах, например, в Литве, Латвии, Эстонии, тамошняя крестьянская масса не рассматривалась как часть русской нации. Кстати, это означает и то, что империя могла помогать развитию литовского, латышского, эстонского движений, и помогала. Движению против реальных или мнимых врагов, то есть поляков и остзейских немцев. Напомню вам, что когда Самарин в первый раз выдвинул этот тезис, что надо эстонцев и латышей поддержать против немцев, то он тут же отправился в Петропавловскую крепость на три месяца посидеть и подумать, чтобы не мутил воду. Лояльные люди, хорошо служат императору – зачем создавать напряженность?

А что было беспроblemным для русского национализма, беспроblemной национальной территорией? Да, это в первую очередь территория, заселенная великороссами. Но очень интересно, что образ Московского княжества никогда не рассматривался как нечто такое, к чему надо стремиться в плане консолидации. Скорее это был негативный образ: нас враги хотят расчлeнить и снова захлпнуть в эти границы. Да, Москва-колыбель, но мы никогда не согласимся на то, что Московское княжество и есть наша территория, пусть даже в самом широком своем варианте.

Какие еще были регионы, которые русский национализм осваивал как свою территорию. Что значит осваивал? Он опирался на какие-то демографические изменения, опирался на символические изменения, на символическую географию, на какие-то образы, искусство, культуру. У Пыпина есть статья, написанная в 1875 году, «Волга и Киев». Он начинается с того, что пересказывает свой разговор с Тургеневым. Он спрашивает Тургенева: «А Вы вот на Волге бывали?» – «Нет, не бывал». – «Очень жаль, – говорит Пыпин. – Вот, посмотрите: Волга, такая типичная русская территория, а в литературе нашей совсем не описана. А надо, надо, потому что у нас же пространства большие, мы же не можем...» Пыпин – образованный человек, дальше он начинает пересказывать, как строят нацию соседи: «...мы же не можем учеников школ, гимназий на экскурсии возить, как это делают немцы в Германии». В России это начнут делать в начале XX века. Дальше он начнет говорить, что и Киев тоже русской литературой и русскими художниками не освоен. «А вместо этого русские художники отправляются на этюды в какую-нибудь Эстонию – мельницы писать. Или напишут груду бурых камней и назовут это крымским пейзажем». Крым для Пыпина тоже не русская территория.

Интересно, что когда русский национализм стремился освоить и присвоить Волгу, то здесь менялся дискурс, рассказ о том, как и почему эта территория русская. На западных окраинах подчеркивается славянская общность – общность восточных славян. Здесь поляки стремятся подорвать эту концепцию, эту идеологию с помощью того, что называлось теорией о туранском происхождении великороссов. Что, мол, мы славяне – поляки, украинцы и белорусы – вместе против каких-то неславянских туранцев-москалей, великороссов, против Московии.

Когда русский национализм переходит к Волге, этот дискурс вдруг совершенно меняется. Здесь пишут о том, что, конечно, русские совсем не только славяне, что, конечно, есть угро-финская и тюркская составляющие. И в этом нет ничего плохого, и эти малые народы отлично

совмещаются с русскими, есть смешанные браки – все замечательно. Мы готовы их принять.

В этом смысле русский национализм ничего не изобретал. Если мы посмотрим, как немцы в XIX веке объясняли, почему Эльзас немецкий и почему Мазурия немецкая, то мы увидим, что здесь все то же самое. По отношению к Эльзасу они говорят, что это люди немецкие по определению: у них немецкий язык, у них немецкое происхождение; то, что, по крайней мере, некоторые из них предпочитают быть французскими патриотами, – это их испортило долгое французское иго. Точно так же, как долгое польское иго испортило малороссов и белорусов (в дискурсе русского национализма).

Иначе дела обстояли с Мазурией. Там жили люди, которые говорили по-польски, но они были протестантами и были преданны Гогенцоллернам, называли себя старопруссакими. И вот тут немецкий национализм говорит: Это ничего, что они славяне. Они по духу своему немцы, они наши. Им надо только по-немецки научиться говорить, и все будет хорошо.

В этом смысле национализм очень гибок в плане построения аргументов. Интересно, что Сибирь до начала XX века не считалась русской национальной территорией. Можно почитать письма Чехова из его поездки на Сахалин. Это потрясающие тексты, там просто крик души: Господи, ну как же все иначе, насколько же это нерусская земля и люди здесь нерусские. Потом в одном письме он говорит: «Вот нашел, наконец, хорошего русского мужика. И тот еврей».

Только в XX веке Сибирь стала определенно русской. Кстати, те люди, которые жили в Сибири и были по своему происхождению великороссами, потихонечку начинали вырабатывать собственное региональное и, в общем, очень сепаратистски ориентированное сознание. Мы знаем, что были такие кирилло-мефодиевцы⁶, которых наказали за их планы по построению украинской нации. Но их наказали очень слабо. Их даже толком и в тюрьму-то не посадили. А вот сибирских сепаратистов, арестованных несколькими годами позже, наказали по полной программе: они отмотали в крепости лет по восемь-девять. Потанин и Ядринцев. В общем, Сибирь вполне могла стать русской Австралией. Но не стала. Среди прочего и потому, что империя вовремя поняла, что надо дробить административно, давить сепаратистов и так дальше.

---

⁶ члены Кирилло-Мефодиевского братства

На территориях Западных окраин и Поволжья русский экспансионистский проект строительства нации не был один, не был без соперников. И это очень важное обстоятельство. Понятно, что у поляков был свой альтернативный проект, и именно в этом магнитном поле взаимодействия, соперничества русского национального проекта и польского национального проекта постепенно появляются украинский и, насколько он сформировался, белорусский проекты, а также литовский. Это середина и вторая половина XIX века.

О том, почему русский проект на западных окраинах в конечном счете проиграл, проиграл в том смысле, что возникли отдельные украинская и белорусская нации... – они могли не возникнуть, как не возникла, например, провансальская нация; кстати, Мистраль, будитель провансальский, и Шевченко, будитель украинский, современники. Но сложилось по-разному. Это отдельный большой вопрос, если захотите, расскажу.

Посмотрите, что происходит с расширением этого национального проекта на Кавказе. Например, сегодня спроси человека на улице: Ставрополь – это что такое? Это извечная русская земля. Когда Ставропольская губерния была выделена из состава Кавказского наместничества? Да совсем недавно: в середине XIX века. Многие территории, которые сегодня осмысляются как извечно русские, это территории, которые еще при Российской империи подверглись этнической чистке, откуда выгнали местное мусульманское население, сначала заселили казаками, потому туда еще приехали какие-то крестьяне... Много делалось империей вне рамок от этого национального проекта, например, какие-то территории освобождали от горцев просто из стратегических соображений: готовились к очередной войне с Турцией – как это потом осваивается русским национализмом и как эти территории потом символически присваиваются? Это отдельная очень интересная тема.

На Волге альтернативный проект – это татарский проект. Здесь очень интересно то, как выдающийся по-своему человек Николай Иванович Ильминский в своей деятельности исходит из того, что русский ассимиляторский проект на данный момент слабее татарского. Соответственно, он придумывает и дает различным народам, живущим на Волге, свои собственные письменные языки, чтобы остановить их татаризацию и исламизацию. Для него самое главное предотвратить экспансию татарского проекта в расчете на то, что дальше эти малые народности можно будет ассимилировать. Кстати, во многом это потом стало работать.

Все эти сюжеты хорошо видны и в начале XX века. Я вам приведу парочку цитат из известных людей. Вот, например, что говорит не очень известный теперь, но когда-то весьма знаменитый человек, лю-тый националист депутат Думы Бобринский 2-ой. В 1911 году он выступает по вопросу о том, что нужно отрезать от Царства Польского Холмскую губернию и присоединить ее к основной части Российской империи. Вот что он говорит: «Эта территория должна быть в беспор-ном национальном владении не России, – здесь все Россия – но Руси, чтобы это поле было не только частью Российского государства, но чтобы оно было всеми признано национальным народным достоянием, искони русской землей, то есть Русью». Это очень важно: он различает империю и национальную территорию. Дальше он говорит о том, что это глубоко ополеченный край, очень больной. Он говорит: «Этот осо-бенно больной истерзанный русский край, и вот его хотят выделить, чтобы особенно внимательно и бережно его лечить». Вот этот образ, из очень типичного для национализма того времени органического дис-курса. Были популярны образы больных частей национального тела, которые нужно лечить.

А помимо этого больного куска, который все-таки находится под властью Российской империи, есть еще и совсем отрезанные куски. Например, Восточная Галиция. В дискурсе русского национализма Вос-точная Галиция – это русская земля и она обязательно должна быть воссоединена. Когда Струве пишет свои статьи о задачах России в Пер-вой мировой войне, он перечисляет три вещи: первая – аннексия рус-ской Галичины; второе – вычленение как самостоятельного государства этнографической Польши (это, кстати, тоже часть проекта русского на-ционализма, здесь речь идет о неперевариваемой части, которую надо отторгнуть); третье – проливы. И вот про проливы он долго объясняет, зачем они все-таки нужны. А первые два пункта он не объясняет, пото-му что и так всем понятно.

Струве был и империалистом и националистом – в этом нет никако-го противоречия. Про Россию он говорил, что это государство нацио-нальное. Часто заявляют по этому поводу, что он хотел всю Россий-скую империю обрусить. Как правило, нужную цитату обрезают, а на самом деле он писал о национальном государстве-ядре, в котором рус-ские племена спаялись в единую нацию. Дальше он говорит о том, что это национальное ядро имеет способность к расширению; и он отличает его от расширения империи. Он говорит о том, что связь окраин с на-циональным ядром может быть в одном случае чисто или по преиму-ществу государственной. А в другом – государственно-культурной, до-

ходящей в своем окончательном развитии до полного уподобления, обрусения инородцев.

Русский национализм не был един, и у него были сложные отношения с империей. Ричард Уортман написал, что русский национализм все время находился в состоянии спора и борьбы с династией. Это не совсем верно. Какая-то часть русских националистов стремилась сотрудничать с империей, это была довольно большая часть. Какая-то часть оппонировала в надежде династию переделать, перевоспитать, если угодно, а какая-то часть – в надежде династию уничтожить.

Как можно оценить, насколько удачными были воплощения этого проекта? Это очень трудно, потому что в 20-е годы XX века наступает гигантский слом, начинает реализовываться абсолютно другой проект. Это был проект территориализации этничности в советском смысле, проект коренизации. Это было то, что Терри Мартин в своей книге назвал «империей affirmative action», когда плоды усилий русского национализма по строительству нации в дореволюционный период были во многом стерты.

Я думаю, что мы все-таки можем смотреть на историю русского национализма периода империи как на один из вариантов, который реализовывался во многих других империях имперскими нациями. Конечно, русская нация вплоть до 1906 года не является имперской в том смысле, в каком являются имперскими французская или британская нация. Русская нация не правит в империи, у нее нет парламентского представительства. Династия Романовых – в сравнении с другими династиями – эффективно и упорно, даже упрямо, сопротивляется национализации. Тем не менее, есть очень много похожего, и мне кажется, что здесь присутствует очень сложная диалектика. С одной стороны, империя действительно мешала, и можно назвать много аспектов, в которых она мешала реализации национального проекта. А с другой стороны, в каких-то вещах она очень помогала строительству этого национального проекта.

Я думал назвать эту лекцию «Почему Россия такая маленькая, почему Россия такая большая». В принципе, многие ответы лежат в этом времени. Советский период – это уже совершенно другая песня. Именно тогда произошла территориализация этих национальных проектов. Когда в 1939 году Красная армия завоевывает Галицию, она уже завоевывает ее под флагом воссоединения украинских земель – произошел гигантский дискурсивный слом.

Спасибо.

Обсуждение

Виталий Лейбин: Национальные проекты, которые зарождались в Российской империи, их дальнейшая историческая судьба – может ли все это что-нибудь сказать нам о том, какова укорененность и длительность этих проектов? Грубо говоря, можем ли мы отвечать на вопрос: какие, например, территориальные корректировки необходимо сделать к проектам XIX века, если пытаться построить национальное государство сегодня? Какие земли уже не являются исконно русскими? И вообще, какова длительность этих культурных шлейфов? Карамзин, протонационалист, апеллировал к очень большому историческому шлейфу.

С другой стороны есть, скажем, историко-мифологическая конструкция Грушевского, отца украинского национализма в XX веке, который, видимо, был как-то использован советской властью при национализации республики, – исторический аргумент, укорененность крымских или восточноукраинских земель как национальных, – это был в достаточной мере объект произвола. Интересно, где граница произвола в национальных проектах и какова роль, грубо говоря, историко-культурных объективистских факторов, и какова роль историков или других создателей мифа. Не изменилась ли эта роль в XX века, где голые, менее насыщенные аргументацией проекты были более успешны, нежели ранее?

Миллер: Вообще историки в основной своей массе обслуживают национальные проекты. Они выстраивают национальные нарративы, каждый обслуживает какой-то свой проект. Есть такое определение, что нация – это согласие в общем заблуждении по поводу своего исторического прошлого. Это доминирует в XIX веке, это доминирует в XX, и мне этот жанр очень не нравится. Я думаю, что на самом деле в этом плане история ничего не доказывает и ничего не определяет. Я говорил, что был проект, в рамках которого белорусы, малороссы и великороссы могли стать единой нацией, – да, могли. Почему не получилось? – Отдельный большой разговор. Но с историей, давней историей это связано очень слабо. Эти вопросы решались в XIX и XX веках.

Точно так же: можно ли вообразить себе национальный нарратив провансальской нации? – Да легко. Каталонской нации? – Нет вопросов. А теперь представьте себе, что не было разделов Польши. Тоже могло случиться. Представьте себе, что бы было. Вполне ясно, что был бы осуществлен русификаторский проект на левом берегу Днепра, на территории Гетманщины, а восточные славяне в Речи Посполитой, наверное, придумали бы что-нибудь другое, и не возникли бы украинцы и

белорусы, а была бы другая нация в рамках единого проекта. Это тоже легко можно себе представить. История, долгая история здесь мало что определяет.

Я ответил на вопрос?

Лейбин: Вы правильно определили жанр моих вопросов, он практический. Вопрос, более конкретно, состоит в следующем: есть ли культурные или, возможно, историко-культурные ограничения на национальный имперский проект в России? Например, можем ли мы по произволу определить мусульманские кавказские земли как русские или все-таки это невозможно? Что возможно и что невозможно?

Миллер: Возможно все, и все зависит от средств. Если мы считаем, что возможно, например, всех кавказских мусульман выгнать, скажем, в Турцию, то – пожалуйста, можно. Собственно, так оно и было сделано по отношению к тем территориям, которые потом были освоены как русские. Насколько нынешних мусульман российского Кавказа можно убедить в том, что они русские? Что-то я сомневаюсь в том, что это сегодня возможно. Насколько было возможно убедить крестьянина в Киевской губернии, что он русский в XIX веке? Можно было. Дело в том, что произошли и происходят какие-то очень серьезные изменения, которые уже необратимы.

Например, есть у нас неграмотный крестьянин. Принципиально важно то, на каком языке мы его выучим читать. Российская империя из-за скаредности, из-за очень плохой организации, из-за того, что она поссорилась с русской интеллигенцией, а также по многим другим причинам не сумела выучить этих крестьян читать по-русски. На каком языке они выучились читать? На украинском – в результате кампании по ликвидации безграмотности. Они выучились читать на украинском, и этого уже не отменить.

Почему, в частности: потому что именно в процессе обучения грамотности происходит очень мощная индоктринация. Когда они начинают читать эти книжки, им на самом примитивном уровне, в том числе на уровне букваря, объясняют, кто они, откуда, к какой общности они принадлежат. У этих крестьян в XIX веке были свои представления, которые совершенно не оперировали национальными категориями. Они знали, что они православные, они знали, что они местные, они знали, что они «русские» – еще надо было как-то воспользоваться этим. Почему украинский проект стал украинским? Как называется многотомная книга Грушевского, которая заложила основу украинского национального нарратива? – Она называется «История Украины-Руси», это такой плавный переход. Украина как название для страны и нации воз-

никает только в середине XIX века. Именно для того чтобы отделиться от русского проекта.

И в этом смысле любой придуманный проект становится легитимным, если ты сумел его реализовать. Вот и все.

Кто первым жил в Киеве: великороссы или малороссы – это не имеет никакого значения. С помощью таких аргументов можно заниматься индоктринацией школьников, но для этого еще надо получить право именно это написать в учебниках именно для этой территории. Совершенно понятно, что советский проект в 20–30-е годы был проектом отрицания русского национального проекта. В том числе это отрицательное отношение к добровольной ассимиляции и масса других вещей. К сожалению, книга Мартина на русский не переведена, а это очень нужно сделать.

Лейбин: Попытаюсь сформулировать, как я понял. С точки зрения человека, который занимается умозрительными построениями на тему национального проекта, никаких ограничений нету, есть только ограничения по реализации.

Миллер: Надо только учесть, что свобода воображения у людей в XIX веке была значительно больше, потому что у людей не было национальной идентичности. Также и в начале XX-го – у основной массы населения Российской империи национальной идентичности не было. В том числе, кстати, и у русских, как мы сегодня их называем.

Другое дело, что если вы имеете дело с человеком, у которого уже есть определенная национальная идентичность, то заставить его от этой национальной идентичности отказаться и новую идентичность принять – это совсем другая история. Это заметно сложнее.

Верховский: В своем сравнении Российской империи с разными другими вы пропустили Германию. Мне кажется, что это какое-то существенное упущение, потому что русская мысль в XIX веке очень сильно зависела от немецкой. Однако в действительности у них все происходило наоборот по отношению к тому, что было у нас. У них национализм вполне сформировался, когда на империю были только робкие надежды, а у нас уже была укоренившаяся империя и только робкие помыслы о национализме. Карамзин – это все-таки совсем «прото-». Отсюда два взаимосвязанных вопроса.

Как вы считаете, когда русский национализм вычленяется из имперского сознания? Соотношение нация–империя в силу этого различия должно было трактоваться по-другому. Как по-другому? С тех пор прошло еще сто лет. Кажется ли вам, что русский национализм в его

современных цивилизных формах все еще отличается от, скажем так, средневропейского национализма, например, немецкого?

Миллер: Спасибо большое, это очень хороший вопрос, хотя тут не два, а как минимум, четыре вопроса.

Про Германию. Да, упустил, скажу пару слов об этом. Не совсем верно, что совсем уж не было империи. Была Священная Римская империя германского народа, которая, на самом деле, при всей своей аморфности, играла существенную роль, в том числе и в мобильности населения, в представлениях о связях, об общности и так далее. Русская мысль, безусловно, зависела от немецкой, и когда формулировался вот этот проект объединения всех восточных славян в единую нацию, апеллировали как раз к немецкому опыту. Говорили: «Вот посмотрите, как немцы-то объединяются. Нам же надо сделать то же самое».

Если мы посмотрим, например, на Баварию – насколько проблемно было сделать ее частью немецкой нации вот в этом малом варианте. Во-первых, они католики, а то государство, которое строится, все-таки по преимуществу протестантское. Во-вторых, даже сегодня различия сохраняются. Несколько лет назад мой любимый футболист Баллок перешел из «Лeverкузена» в мюнхенскую «Баварию». И вот его спрашивают: «Как тебе здесь?» Он говорит: «Все хорошо, только не понимаю, что люди на улицах говорят». Этот баварский диалект до сих непонятен для коренного жителя Лeverкузена или Берлина. Запросто можно было из баварского диалекта делать отдельный язык. Почему проект баварского национализма не выстрелил – это, опять же, отдельная большая тема.

Теперь о времени вычленения этого проекта, о вычленении русского национализма. Я думаю, что постепенно этот национализм вычленяется уже в 40-е годы XIX века, в поздние сороковые годы. Очень интересно, что империя препятствовала этому, она стремилась национального акцента не делать.

Арестовали кирилло-мефодиевцев. Эта история хорошо рассказана в книге Зайончковского. Костомаров колется и сразу рассказывает, чего они хотели, – все по-честному. В какой-то момент к нему в камеру приходит офицер III отделения и говорит: «Значит так, вот тебе показания Белозерского, – это другой член Кирилло-Мефодиевского общества, – вот так и напишешь». Как сказали, так он и сделал. Что там было написано? Что вот мы, такие славянофилы, которые хотели объединить всех славян в федерацию под скипетром русского царя, тра-та-та-та-та-та. Из переписки шефа жандармов Орлова с Николаем I, Николай: «Давно я боялся, что эта польская пропаганда найдет

отклик в юго-западном крае, и теперь увидел, что это случилось. Однако публике об этом говорить не нужно». И, соответственно, даже показания кирилло-мефодиевцев структурируются таким образом, чтобы там было какое-нибудь мутное славянофильство, и ничего не было понятно.

Один человек очень сильно пострадал. Был куратор Московского университета, граф Строганов. Ему Уваров, который тоже знал, о чем на самом деле речь, знал, что это рождение украинского национализма, – разослал по университетам циркуляр для зачитывания профессорам и студентам, что вот, открылась в Киевском университете такая группа, что-то такое про их славянофильство – в общем, что так не надо. Строганов посмотрел на этот циркуляр и сказал, что я такой галиматши читать не буду, потому что вообще непонятно, что здесь написано, я не понимаю, объясните мне – ушел в отставку.

Внутри имперской бюрократии разговор открытым текстом про этот национальный проект начинается в самом конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. Они разговаривают-разговаривают, а делать что-то всерьез, помимо запретительных мер, начинают, на самом деле, только при Николае II. Этот царь, который так плохо записан в русской истории, в начале своего царствования сделал одну очень интересную вещь: он примерно каждые два года удваивал бюджет начальных школ. И к началу Первой мировой войны Россия стояла на пороге введения всеобщего обязательного начального образования, естественно, на русском языке. Если мы посмотрим на всю вторую половину XIX века, то участие государства в бюджете начального образования – это неизменные 11%. Теперь представьте себе, что это такое. На самом деле, это смертельный приговор любому ассимиляторскому проекту.

Кстати, знаете, когда во французских школах впервые разрешили преподавать патуа, то есть местные не французские наречия? Это был 1951 год, факультативно. В частности и поэтому французский проект реализовался.

Что касается сегодняшнего дня, то я подчеркну еще раз, что это совершенно отдельный разговор, потому что нет преемственности. Мы не можем сказать, что какие-то вещи напрямую вырастают из Российской империи. Мы живем не только на развалинах Российской империи, у нас есть второй слой развалин – Советская империя, она была совершенно другая. И что такое, скажем, Татарская автономная республика или Бурятская автономная республика? Это развалины СССР. Что с ними делать? Развалины совсем не так просто устранять, если вы хоти-

те реализовывать национальный проект. В Бурятии бурят 20%, но зато существует Бурятская республика, изначально Бурято-Монгольская.

Мирошниченко: У меня три вопроса.

Первый. Как вы в качестве историка определяете проект как объект исследования: каковы границы этого объекта? Соответственно, кто, по-вашему, является субъектом: это дух истории или конкретные исторические личности? И последний вопрос: как установить, есть у народа национальная идентичность или нет? Это можно сделать при помощи простого вопроса: кто вы? – я русский, не русский и так далее, или это какая-то более сложная методика?

Миллер: Спасибо. Я здесь пользовался понятием проект в очень широком значении. Конечно, субъекты меняются. Если мы посмотрим на 60-е годы XIX века, то субъект – это общественное мнение и новые формы его выражения. Это пресса, которая освободилась во многом от предварительной цензуры, тиражи которой растут. И что происходит в 60-е годы: националист Катков выигрывает в общественном мнении у Герцена. Вот, пожалуйста, одно из воплощений русского национализма – это Катков. Кстати, обращаю ваше внимание на то, что десять лет, в 70-е годы, Катков не писал статей по национальному вопросу, потому что ему было запрещено это делать. Драгоманов, который Каткова не любил по понятным причинам, между тем говорил: «Вы так уж очень Каткова не ругайте, потому что в Германии всякий второй профессор университета – это Катков». Он очень правильно показывал соотношение, скажем так, укорененности этой националистической идеи в немецком интеллектуальном слое и в русском.

Как раз расколотость русской интеллигенции и, с какого-то определенного момента, ее абсолютное нежелание сотрудничать с государством... – вы знаете эту историю о том, как впоследствии эмиграция приняла роман Набокова «Дар» и главу о Чернышевском, как он ее не мог опубликовать. Порядочный человек сотрудничать с государством не должен – это одна из причин краха русского национализма.

Но было и много людей, которые сотрудничали и хотели сотрудничать, и искали возможности для такого сотрудничества. Например, Струве – наиболее полное, я бы сказал, воплощение русского интеллектуала-националиста и одновременно империалиста.

Потом постепенно возникают русские националистические партии. Конечно, здесь нет тотального единства. Хочу подчеркнуть, что Бобринский со Струве, возможно, не сели бы за один столик, но между тем их отношение к вопросу о том, русская или не русская Галичина, или о том, русская или не русская Холмщина, одинаковое. То есть кон-

сенсус по поводу национальной территории был даже у политических противников.

В рядах русской бюрократии тоже есть своя, достаточно ясно прослеживаемая националистическая партия.

Что такое националистическая политика? Это политика, в которой разные политические группы спорят по поводу того, у кого есть преимущественное право интерпретировать понятия нации и национального интереса. В этом смысле сегодня в определенном смысле более или менее вся российская политика националистическая в той степени, в которой люди спорят по поводу того, что такое национальные интересы, если они вообще признают такую категорию.

Вопрос из зала: У меня много вопросов по тексту доклада. Если можно, я буду задавать их по очереди.

Вы уже начали отвечать на главный вопрос, который я хотел задать, о формах существования нации. Дело в том, что я из доклада не совсем понял, воображаемый ли это конструкт или это нечто реальное. Или это конструкт воображаемый, но реальный, то есть существующий на уровне сознания и являющийся фактом самосознания? Создалось впечатление, что вы уходите от попытки фантомизировать нацию, но в то же время в ответах постоянно апеллируете именно к представлениям о нации, а не к самой нации.

Я бы хотел, чтобы вы ответили на вопрос о форме существования нации в следующих ориентирах: нация – это результат или процесс? Нация – это замысел, допустим, Бога о России или Бога о Польше, это реализация – Речь Посполитая, или это некоторая традиция? Дело в том, что поскольку вы не определили понятий формы существования, выпал целый ряд интересных вопросов о национальном характере и национальном языке, о возможности соединения и самопонимания.

Это первый ряд вопросов. Если можно я потом уточню по ходу ответа.

Миллер: Да, спасибо большое.

Ну да, виноват. Об этих сюжетах, я думаю, все совершенно верно написал Андерсон. Правильно ваше третье определение: нация – это воображаемое и реальное. Все большие сообщества воображенные. Мы же не знаем всех членов нашей нации, мы воображаем эту общность. Это в деревне все друг друга знают, это контактное сообщество, не воображенное. То же самое – класс, это воображенное сообщество. Воображенное не значит нереальное, искусственное. Это не значит, что есть большие воображенные сообщества и большие реальные сообщества.

Все большие сообщества – воображенные, что не делает их ни хуже, ни лучше.

Результат и процесс. И то и другое. Это, естественно, всегда процесс: Ренан говорил о том, что нация – это ежедневный плебисцит. Вот посмотрите: все время, каждый день какое-то количество людей, перемещаясь в пространстве, а иногда и не перемещаясь в пространстве, меняют свое представление о своей, может быть, не этничности, но национальной, государственной, культурной принадлежности. Если я переезжаю из страны в страну, если я оказался в Риге русским, то какие-то процессы все время происходят, – какая у меня страна?

Про замысел Бога я ничего не могу сказать, потому что не мыслю такими категориями, я могу сказать о традиции. Давайте возьмем замысел Бога о Польше, о польской нации. В XVIII веке польская шляхта очень четко знала, что она иного этнического происхождения, чем польские крестьяне. У них был такой сарматский миф. Они считали, что они господствуют над этими польскими крестьянами по праву завоевателей. Так, кстати, делали очень многие элиты в разных государствах. И о какой нации может идти речь? Когда они задались вопросом о том, что у нас как-то с крестьянами нехорошо получается? После поражения восстания 1830 года. Был у них такой лидер Мауриций Мохнацкий, который написал статью чуть ли не в последний месяц восстания «Почему не восстают массы?» И там он стал говорить о том, что мы, наверное, все-таки с крестьянами как-то не так обходимся, надо им объяснить, что они тоже часть польского народа, потому что *natio* в понимании XVIII века – это граждане, это члены шляхетской корпорации, а вовсе никакие не крестьяне.

Кстати, поляки считали, что Польша в рамках замысла Бога обязательно включает Киев, Львов и Минск. Этот замысел немножко подкорректировался историей.

Теперь о языке. Я уже говорил о том, что с языками происходят очень интересные вещи. Ведь начало процесса формирования национальных общностей очень тесно связано с протестантской Реформацией, когда главную книгу стали переводить на то, что называлось *vernaculars*, то есть на наречия, делая из них эмансипированные языки. В результате среди различных германских наречий тот язык, на который Лютер перевел Библию, и становится постепенно немецким языком. Сравните переводы Библии на английский XV и XVII веков, сравните их. В переводе XV века слова «нация» практически нету, перевод XVI–XVII веков словом «нация» просто пестрит.

А вы знаете, что на русском языке первое официальное издание Священного Писания появилось годом позже, чем перевод на русский язык «Капитала» Маркса? Это тоже очень интересное измерение: когда церковная иерархия реагирует на вот эти попытки перевести Библию на русский язык, они говорят, что ну как же можно переводить Священное Писание на «простонародное наречие». Таким образом, они лишают ассимиляторский проект очень мощного инструмента, потому что крестьянин известно какую книгу уважает. На каком языке ему предлагается эта книга? – На церковнославянском. Почитайте Салтыкова-Щедрина, он хорошо описывает то, как в XIX веке дворяне – не крестьяне – спорят по поводу того, чего там написано, в этой Библии. Они не могут этого понять, потому что, естественно, не владеют церковнославянским языком.

Как утверждается языковой канон, как он насаждается? Если вы пройдете от Львова до Москвы, то вы не найдете места, где люди перестают понимать друг друга. Это такой постепенный переход, говоры меняются, но люди из соседних деревень друг друга всегда понимают. То, что это разные языки – это все плод XIX и XX веков.

Выходцы из Киева, из того, что называлось потом Южной Русью, составляли огромную часть той культурной элиты, которая в XVIII веке создала русский литературный канон. А когда Кулиш делает украинский язык, он сознательно вводит туда буквы, которых в русском алфавите нет, и сейчас, последние года три, в Украине обсуждают возможность введения еще парочки букв, других, нежели в русском алфавите. Так что как эта магла диалектов консолидируется в языки – это тоже очень большой вопрос.

Вопрос из зала: Получается, что язык – это основная база существования нации?

Миллер: Нет. У нас есть примеры: у нас есть Ирландия. Англичане боролись, боролись и таки доборолись: заставили всех ирландцев говорить на английском. Ну и что? Хорошо им от этого стало? Все равно ирландцы люто ненавидели англичан и боролись за свою отдельность.

Вопрос из зала: И эта отдельность существует, поскольку есть ирландское самосознание?

Миллер: Да.

Да, мне тут правильно подсказывают, что мы говорим о нации, а не об этносе.

Отдельный разговор о том, что существовало представление о религиозной общности, которая называлась Святая Русь. Эта общность была экстерриториальной. Принадлежность той или иной земли к Свя-

той Руси определялась тем, похоронен ли там православный святой, так что запросто можно считать Иерусалим Святой Русью.

Это не предопределяет, что понятие Святой Руси или православной общности потом обязательно разовьется в нацию. Могут ли католики и протестанты быть членами одной нации? Да запросто. Во-первых, немцы. А посмотрите на венгров.

Реплика из зала: А католики и православные?

Миллер: Катков считал, что могут. Он говорил, что нечего заставлять белорусов-католиков переходить в православие. Русский вполне может быть католиком; важно, чтобы они освоили русский язык и чувствовали себя частью русской нации.

Так что все эти факторы важны, но они, каждый в отдельности, не являются определяющими, вот что я хотел сказать.

Вопрос из зала: Объясните, пожалуйста, откуда взялось представление об отсутствии национальной идентичности у русских в XIX веке. Это связано с некоторым концептом нации, с которым вы работаете? Насколько я понял, вы вообще не рассматриваете самосознание допросвещенческое, поскольку самосознание у народа было, естественно, и до Просвещения. Другое дело, что концепт нации как таковой формируется, действительно, в эпоху Просвещения. Вы не затрагиваете другие формы самосознания, которые вы не рассматриваете как ненациональные?

Миллер: Что значит отмечаю? Я пытаюсь рассматривать, как развивается национализм. Национализм – по определению – это про нацию. Я не говорю, что донациональные формы самосознания не важны. Этим нужно заниматься, и это абсолютно легитимная тема. В какой мере донациональные формы самосознания могут использоваться при строительстве нации – это очень важно, но они не предопределяют всего. Они задают рамки для творчества. Приведу вам пример такой пример. Когда русский крестьянин шел на богомолье в Киево-Печерскую лавру, он не чувствовал, что он идет в какую-то чужую землю. Это важно? – Важно. На это можно было опереться. Но он чувствовал, что он покидает Россию, когда его начинали перегонять через Уральский хребет. Он с русской землей прощался.

В XIX веке все менялось, и я не мог говорить о том, что не было русского национального самосознания в то время, я говорил о том, что оно все больше и больше появляется. Но насколько оно было характерно для крестьянина – это очень большой вопрос. Я все-таки старался концентрироваться на проблеме пространственного воображения, на таких вот вещах. Нация – это в том числе и проблема вертикальной ин-

теграции. Это о том, что наша общность как нации важнее наших социальных различий. А вы подумайте, какое мнение у русского крестьянина было о городских вообще и уж тем более о русском дворянстве, и что русский крестьянин с этими городскими вообще и, особенно, с русским дворянством сделал, когда получил соответствующую возможность. Здесь возникает вопрос, в какой мере они были проникнуты какой-то национальной идеей или им было плевать.

Алябдин: У меня такое ощущение, что явно существуют проблемы с историческим подходом, выступление больше напоминает публицистику, потому что термин «проект», которым вы так широко и вольно пользуетесь никак не связан с цивилизационными понятиями, которые разрабатывались не только махровыми националистами в России, но и, я думаю, вполне вам любезными западноевропейскими историками. Никому не приходит в голову смешивать проект «Русь» или «Россия», в вашей терминологии, который начал функционировать очень давно, тысячелетие назад или чуть меньше, польский проект, который возник примерно в те же времена, и, например, украинский проект, который во многом действительно носил характер проекта, у которого были реальные субъекты, чего вы не можете сказать о русском, о польском и, наверное, о древнеримском проектах, разве что если вспомнить Ромула. Вы смешиваете всех в одну кучу, и некоторые люди уже задают вполне серьезные осознанные вопросы, потому что полностью выпало понятие религии и осознание ее роли. Говорить о том, что католик и православный могут жить вместе, – это совершенно не исторический подход. Цивилизационным вектором для русских было только православие. И князья Голицыны, и ересь жидовствующих: это никак не могло в целом повлиять не вектор, который в целом был православным, точно так же, как для итальянцев абсолютно и бесспорно наличие православных, как и наличие их в Великобритании, наличие людей, которые переходят из протестантизма не в католицизм, а в православие, никак не может повлиять на национальное сознание Англии, даже если бы их были тысячи.

Так что мне кажется, простите, что здесь был применен совершенно не исторический подход, а публицистический, может быть, очень эффективный, с определенной, конечно, доминантой, которая прослеживается. Поддержу предыдущего вопрошающего, думаю, что мы с ним вдвоем не ослышались: вы действительно сказали, что в XIX веке не было еще русского самосознания, как вы сказали, «ну и у русских, впрочем, тоже». Эта фраза, конечно, производит впечатление, потому что действительно начиналось как незначительный элемент, как концепт Свя-

той Руси, с которой русский национальный характер, а потом и русский национализм жили, из нее это вышли. И поэтому тут бы хотелось бы уточнения, если это, конечно, возможно, потому что боюсь, что в вашем эссе все таковым и должно было быть.

А вопрос, который молодой человек пытался задать вам в самом начале, отвечает на главную подстановку вашего экскурса: можете ли вы назвать конкретно те территории, которые мы сейчас на волне известных событий можем уже начинать обозначать как не-русские? То есть Ставрополь уже прозвучал. Это продуктивная идея, потому что можно уже ставить вопрос о том, что Северный Кавказ не является частью России. С Крымом мы разобрались уже однозначно и так далее. В послы лектора присутствует очень продуманная метода, можно двигаться дальше.

И очень забавное утверждение про Сибирь. Не могу не заострить на этом внимание, настолько легкое и ловкое смешение понятия. Дело в том, что русские, уходя за Урал, они говорили, что уходят из России, потому что реальная государственность была здесь. Они уходили в русскую землю, далекую, но тоже русскую. И, вы знаете, термин «Русская Америка», именуемая ныне Аляской, никем не именовалась не-российской территорией. Но сверхзадача сформулирована, термины даны – теперь за работу, товарищи. Мы должны определить тот круг территорий, по поводу которых можно уже сегодня ставить вопрос о целесообразности их принадлежности к России. За этим вам наше большое спасибо.

Миллер: Понятно, что на общие вещи я отвечать не буду, потому что мы с господином думаем совершенно по разному, но я вам просто покажу, где происходят сбои в тех примерах, которые были упомянуты.

Русская Аляска, очень интересная вещь. Знаете, сколько русских по максимуму проживали когда-либо на этой территории? Не более шестисот человек. За этим, кстати, Российская империя следила специально, потому что она боялась открыть шлюзы, чтобы туда народ не убежал. О том, насколько она «русская» можно судить по тому, насколько легко ее можно было продать. Что-то я не помню каких-либо демонстраций возбужденных русских людей в Москве и Петербурге по поводу продажи Аляски.

Теперь о том, что касается Ставрополя. На этом примере видно, как при сне разума рождаются чудовища. Я говорил о том, как Ставрополь сделали русским путем этнической чистки и выгона населения, которое там было. Если вы полагаете, что я так готовлю идеологическую почву для очередной чистки, уже местного русского населения, то это вы так

думаете, а у меня немножко другие задачи, я немножко про другое говорю, и я думаю, что, все-таки, основная масса людей, которые могут прочитать или послушать то, что я говорю, не делают таких вот, как бы это сказать помягче, упрощенных выводов. Спасибо большое.

Лейбин: Должен сказать, что обычно практический уклон здесь задаю я как представитель «Полит.ру» и я тоже совершенно не мыслил строить идеологию развала России. Наоборот, моя рамка вопрошания была в том, что появились новые интересные интеллектуальные инструменты, когда в XIX веке с этим начали работать. Когда-то не рефлексировалось, что с такими вещами, как большие общности, можно идейно работать. Это дало людям дополнительную степень свободы. Мое вопрошание было в том, как работать с этим сейчас.

Миллер: Насчет дополнительной степени свободы я бы поостерегся, потому что, в принципе, национальный проект – он, прежде всего, про что? Про то, что у тебя должна быть вот эта национальная идентичность и никакой другой. В донациональном мире у человека было много разных идентичностей. Я перечислял: да, я православный, да, я крестьянин, да, я местный. И языками я владею теми, на которых говорят мои соседи. А тут тебе объясняют, что нет, ты только такой и язык у тебя должен быть такой, и прежде всего такой, и так дальше.

Что тебе за это дают? Тебе дают право участвовать в политическом процессе, организованном в рамках национального государства. Особенно обидно, когда одно отнимают, а другого не дают. Но все-таки, как правило, что-то дают взамен.

Что касается современности, то очень трудно вскользь говорить о таких вещах, потому что очень велика опасность неверного понимания. Мне кажется, что сегодня у нас новизна ситуации, в которой оказалось то, что называется Российской федерацией, совершенно не осмыслена. Россия никогда не существовала в таких границах и с таким этническим составом. Российская империя не была Российской федерацией. Какие-то русские, много русских оказались за пределами Российской федерации.

Должен ли русский национализм стать формой ирредентистской идеологии? Чтобы нам было надо вернуть все территории, где живут русские? Чем это грозит, чем это может обернуться? А может быть, плевать на все, будем бороться. Никто же об этом толком не говорит. Может быть, и слава богу.

А что нам делать с остатками, руинами прошлых проектов, прежде всего, советского проекта? Что должно означать, например, Бурятская республика или почему, например, человек, который хочет стать прези-

дентом Татарстана, должен обязательно владеть татарским языком? Если человек как кандидат на пост президента Татарстана владеет татарским языком, то, наверное, у него будут какие-то электоральные преимущества перед тем, кто не владеет. И пусть он выиграет из-за этого, а не за счет ограничений. И так дальше. Тут на самом деле много сюжетов, которые, на самом деле, спокойно, толком не обговорены, потому что по процентному соотношению многие национальные государства могут позавидовать количеству русских в России, 80% – в какой степени это национальное государство?

Что нужно для того, чтобы это национальное государство построить? Можно ли представить себе национальное государство в виде асимметричной федерации, где какие-то территории, где русских мало, имели бы какой-то особый статус. Толком, спокойно, без кликушества, об этом мало кто говорит.

Ухабов-Богославский: В 90-х годах XX века из российского паспорта была вычеркнута графа «национальность», а последняя перепись показала некий странный феномен: часть населения идентифицировала себя не как русских, а как россиян. Отсюда у меня два вопроса.

Во-первых, какая, с вашей точки зрения разница между этими двумя идентификациями: «русский» и «россиянин»?

Миллер: Многое бывает связано с разными политическими предпочтениями и разными стратегиями. Например, на Украине. Это украинцы, которые говорят на украинском, это украинцы, которые говорят преимущественно по-русски, и это русские, которые говорят по-русски. Эта средняя категория очень интересна, потому что фиксация национальности в паспорте, между прочим, интериоризировалась, люди присваивали ее. Человек говорит в семье по-русски, но знает, что он украинец. Во многом такой эффект создается именно за счет паспортной системы.

Есть ли российский национальный проект, осуществим ли он? Может быть, и да. Он наталкивается на определенные сложности, и это очень хорошо отражает русский язык. Заметьте, если русские говорят, скажем, о великом русском ученом Павлове, ведь они так и говорят: «Великий русский ученый Павлов». А потом они говорят: «Великий российский ученый Зельдович». Что они имеют в виду? Что он наш, но какой-то все-таки не совсем наш, и в результате это слово «российский» оказывается маркером инаковости, а не общности. Русские же не перестанут про себя говорить, что они русские. Кто-то откликнулся и назвал себя «россиянином», но сколько этих людей, можем ли мы считать на основании переписи, что это первая ласточка? Так чтобы в сле-

дующей переписи 20%, через пятьдесят лет – 100% – не знаю. Это не к историку вопрос. Но все-таки у меня есть сомнения на этот счет.

Как это делать иначе? Обратите внимание на то, что делал в рамках своего заглохшего проекта «Русский выбор» Никита Михалков. Он представлял, например, Нину Ананиашвили и говорил: «Вот великая русская балерина Нина Ананиашвили, она грузинка, но она и русская». Он пытался создать дискурс, в котором слово «русский» приобрело бы смысл того понятия, которое мы пытаемся выразить словом «российский»: имеется в виду, что этническая принадлежность не принципиально важна, а важна принадлежность к этой общности. И нехай тогда все будут русские. И тогда будут русские русские и, скажем, бурятские русские, так же как есть французские французы и арабские французы. Об этом тоже, кстати, никто толком не говорит.

Шершнев: Я хотел бы задать два вопроса.

Первый вопрос: что такое русское пространство? Чем оно характеризуется: его границы и содержание.

И второй вопрос: какова формула русского пространства?

Спасибо.

Миллер: Насчет формулы ничего сказать не могу. Насчет границ русского пространства – я пытался показать, как они меняются, пытался показать, что это не есть нечто жестко определенное, что оно может сжиматься и расширяться, и очень сильно.

Глазков: У меня несколько вопросов.

Первый. Когда вы говорили о Польше, вы очень ярко проиллюстрировали отношение между шляхтой и польскими крестьянами и роль этих отношений в национальном вопросе. Почему то, когда вы рассказывали о России более подробно, вы об этом не рассказали и только очень коротко упомянули, отвечая на вопрос. Почему вы так с этим обошлись, мне не очень понятно: мне кажется, что это принципиальный вопрос. Кстати, к этому вопросу имеет отношение и тема языка, который в первой трети XIX был в большой мере создан Пушкиным и заложил основы... Вы почему-то об этом не говорили, интересно, почему.

Второй вопрос. Насчет идентичности, отечества. Вы упомянули перевод «Капитала» Маркса на русский язык, а ведь было еще другое произведение, «Манифест», в котором, если я не ошибаюсь, было сказано: «Пролетарии не имеют отечества». Хотелось бы, чтобы вы также прокомментировали эту тему.

И последнее. Если я вас правильно понял, то нация образуется в результате конкуренции проектов. С определенного исторического мо-

мента в нашей цивилизации есть рынок национальных проектов, и на нем какие-то проекты побеждают, а какие-то проигрывают. Я бы хотел у вас спросить, вы как историк могли бы указать на некоторые закономерности того, какие проекты побеждают, а какие нет? Из того, что мы слышали, вытекает, что это скорее из области случайностей. Церковь, например, взяла и уперлась: не стала переводить Священное Писание на современный русский язык. И если бы дала, было бы по-другому. В каком-то смысле это перекликается с вопросами, которые вам задавал Виталий Лейбин, относительно выводов для прагматики. Есть ли закономерности, почему тот или иной проект выигрывает?

Миллер: Насчет дворян и крестьян, очень коротко. Язык все-таки формируется еще в XVIII веке, в том числе и словарь, что очень важно, но у Пушкина-то родным языком, если считать родным тот, на котором он впервые заговорил, на котором с ним мама говорила, был, как вы знаете, не русский, а французский. Разрыв между крестьянами и дворянами был очень большим.

Тезис о том, что пролетарий не имеет отечества, очень важен, потому что если вы посмотрите на XIX век, то национализм как идеология, как дискурс, как поле значений не является абсолютно доминирующим. Эти социалистические проекты были серьезными конкурентами, особенно в своем российском исполнении, где сознательно игнорировалось национальное, в отличие, скажем, от социализма австрийского.

Что касается случайностей, то я бы не сказал, что это случайность, что Церковь уперлась. Это все можно объяснить, у них была своя правда. Вообще в каждом споре у каждой стороны своя правда. Какие проекты выигрывают – трудно сказать: нету общих правил, всегда должен быть ситуационный подход.

Что еще здесь важно, что отчасти перебрасывает мостик к звучавшему здесь иногда в вопросах термину «цивилизация». Империя всегда позиционирует себя как цивилизационно независимое целое. И она хочет, чтобы ее поданные были цивилизационно ей лояльны. Посмотрим, например, как после восстания 1863 года Российская империя запрещает использование, как это было написано в указе, «польских букв для литовского языка» и вводит кириллицу. Литовцы были ужасно недовольны. То же самое сделали латышам и эстонцам. Они запрещали не язык: пишите себе на литовском, но кириллицей. Это попытка провести цивилизационную границу. Сегодня татары хотят перейти на латиницу – смотрите, что получается. Это как раз цивилизационный спор, цивилизационный барьер, не национальный.

В этом смысле можно сказать, что у России всегда были очень серьезные проблемы с легитимацией себя как более привлекательной цивилизации. В европейском дискурсе она, в общем, служила неким образом негативного Другого, элиты были от этого европейского дискурса не эмансипированны.

Посмотрим на эпизод уже из советского периода. Был на Украине один марксистский коммунистический писатель по имени Микола Хвильевый. Он в какой-то момент сказал, что мы – украинские марксисты – должны искать образцы, союзников и так дальше на западе, потому что этот московский коммунизм, он все-таки какой-то не такой. Это цивилизационный выбор. Он не очень долго об этом говорил по вполне понятным причинам, его просто убили. Но это вопрос о том, как эти цивилизационные границы тоже могут очень по-разному проводиться: кто-то будет говорить про Святую Русь как цивилизационную границу, кто-то скажет про наследие Речи Посполитой, кто-то скажет о том, что в Киеве было Магдебургское право, а дальше на восток не было, и так дальше. И это все – ментальные карты, это апелляция к какому-то фактору в прошлом, который якобы все объясняет. Ничего не объясняет, потому что на каждый такой факт есть еще другой, с винтом. Не в этом дело.

Чудновский: Будьте добры, оцените со своих позиций следующую гипотезу. По мере того как малое государство перерастает в империю, включая в свой состав новые территории, его шансы на национальный проект уменьшаются. Уменьшаются на всей территории, но, возможно, сохраняются и даже укрепляются в метрополии, на той территории, откуда шла экспансия. То есть наличествует обратная зависимость между масштабом территории и возможностью реализации проекта на ней в целом.

Два примера, поясняющие то, что я хочу сказать. Англия колонизировала Индию, заставила местных жителей говорить по-английски, но не сделала из них англичан. Ясно, что если бы она продолжала удерживать эту колонию, никаких шансов на национальное единство бы не было. Россия: по мере того, как Московское княжество группировало вокруг себя территории, была ли какая-то эффективная граница, где остановись она там, и национальный проект, конечно, при других дополнительных обстоятельствах, реализовался бы? Как только стали переходить через Урал, как вы заметили, на чужую территорию, и идти дальше, шансы на национальную самоидентификацию на этой огромной территории в десять тысяч километров с запада на восток упали до нуля. Правильно ли это суждение?

Миллер: Не думаю, что это суждение правильное. По двум причинам.

Во-первых, англичане совершенно не хотели делать индусов британцами, и уж тем более *англичанами*. У них даже мысли такой не было. Они отзывали британских офицеров из Индии, чтобы те не оставались там на пенсии, чтобы индусы не видели старого больного дряхлого англичанина. Англичанин, британец должен был быть полубогом. Никто британский национальный проект в Индии реализовывать не собирался.

Во-вторых, мне кажется, что с задачей некоторой консолидации того пространства, которое было освоено Московским княжеством в рамках процесса, именуемого в учебниках «преодолением феодальной раздробленности», княжество это справилось на удивление эффективно. Если вспомнить, что сделали с Новгородом, то станет очевидным, что консолидация далеко не всегда проводилась пацифистскими методами.

Конечно, расстояния играют некоторую роль, но все относительно. Представьте себе, что телеграф изобрели бы лет на шестьдесят пораньше. Еще не известно, отделилась бы Австралия или нет. С точки зрения интересов русского национального проекта, взяли Сибирь, колонизировали Сибирь, сумели удержать – молодцы. Сегодня за счет Сибири и живем: нефть качаем, газ.

Чем территория больше, тем сложнее, но если уж мы реализуем имперский проект, то когда он рухнет, и национальный проект переживает кризис. Это не значит, что он обязательно должен рухнуть, но кризис он переживает очень серьезный. Испанцы переживали такой кризис и переживают до сих пор, британцы в последние десятилетия тоже – все это ровно после распада империи.

Ермаков: Я хотел бы узнать почему никак не была упомянута и оценена концепция Константина Леонтьева, выраженная в его базовой статье «Национальная политика как орудие всемирной революции», которая в каком-то смысле альтернативна как бюрократическому имперскому проекту, который вы тут критиковали, так и националистическому, который, опять-таки, ограничен Карамзиным, и нет ни Шишкова, ни Радищева, хотя они были раньше.

Миллер: Этот вопрос был бы легитимен в конце курса лекций. Сейчас просто время ограничено.

Про Леонтьева скажу только то, что он все-таки был очень изолированным мыслителем. В свое время, когда он писал, Леонтьев рассматривался как экстремал, белая ворона и большого отклика не находил. Он был маргинал в этом дискурсе о нации.

Вопрос из зала: Когда говорят о национализме, пример с Ирландией и Великобританией, конечно, является классическим. Но буквально сегодня ирландский парламент принял решение о запрещении английского языка в качестве государственного и вводе гэльского. Все надписи, государственные бумаги и выступления будут на гэльском. Это Ирландия – первая колония Британии, четырьмястами лет влияния английского языка и культуры. Замечательный факт.

Миллер: Вопрос о том, правы они или нет, будет решен через пятьдесят лет. Если они заставят ирландцев говорить по-гэльски, при этом не забыв английского, то они правы. Не заставят – значит, были неправы.

Лейбин: Может быть, в завершение вы скажете о том, что здесь сегодня происходило?

Миллер: Что здесь происходило – Бог его знает. Мне кажется, что о таких темах просто надо говорить спокойнее и основательнее. И чаще. Надо чаще встречаться.

14 апреля 2005

Дебаты о нации в современной России

*Мы публикуем полную стенограмму лекции известного специалиста по истории России и стран Центральной и Восточной Европы, доктора исторических наук, профессора Центрально-европейского университета (Будапешт), ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН **Алексея Миллера**, прочитанной 12 апреля 2007 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру»».*

Лекция представляет собой последнюю часть значимого для автора цикла о русском национализме. Первая лекция – «Триада графа Уварова» – была прочитана 5 апреля. Вторая лекция – Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка – была прочитана два года назад. Возможно, позже появятся промежуточные лекции этого цикла.

Текст лекции

Мы выйдем за рамки академического дискурса даже в большей степени, чем я планировал изначально. Я в прошлый раз жаловался на то, что у меня плохо с планированием, и, готовясь к этой лекции, убедился, что совсем плохо. Потому что попытка совместить аналитическую и проектную часть явно выходила за рамки 1,5-2 часов, и когда я стал думать, чем бы пожертвовать, то решил, что в данном случае я, в основном, буду жертвовать академической, аналитической частью. Это значит, что широкого анализа дискурса о современной нации вы сегодня не услышите, но некоторые отсылки к нему будут. В большей степени я сосредоточусь на том, что можно назвать проектной частью. Первые 15 минут я попытаюсь строже придерживаться академической традиции, а потом пушусь в свободное плавание.

Во-первых, с каких позиций я подхожу к обсуждению рассматриваемой темы? Логично задаться вопросом, нужна ли нация, и нужно ли о ней дискутировать, и, если нужно, то с кем и зачем. С моей точки зрения, нация – это понятие весьма неопределенное, разные трактовки «нации» и «национальных интересов» использовались и используются как инструмент укрепления общественной солидарности, инструмент исключения чужих и сплочения своих, как способ легитимации власти и собственности. И я бы сказал, что как регулятор проблемы социальной справедливости и солидарности нация не может похвастаться

большими успехами. Если мы подумаем, чем руководствуется каждый из присутствующих в зале, когда решает, сколько ему платить налогов, станет очевидно, что он руководствуется, во-первых, «шкурными» интересами, а, во-вторых, страхом перед налоговым инспектором, но не очень думает про национальные интересы. Это нормально.

Однако роль нации, как несущей конструкции политической сферы, как регулятора политической жизни, представляется мне ключевой в современном мире. Для того чтобы это показать, я процитирую человека, которого никак нельзя заподозрить в увлечении любого сорта националистической мифологией, и который прекрасно знает, «из какого сора» растут нации. Это Иммануил Валлерстайн. Я зачитаю:

«Существование нации – это миф в том смысле, что все нации являются социальными образованиями, и основная роль в их создании принадлежит государству. Чтобы создать нацию, нужно восстановить ее историю и долгую хронологию (многое при этом приходится придумать), а также определиться с набором характеристик, даже если далеко не всем в группе эти характеристики подходят. К концепциям национального государства следует относиться как к асимптоте [это математическое понятие, обозначает линию, с которой кривая не может пересечься на ограниченном пространстве], к которой стремятся все государства. Некоторые государства уверяют, что они многонациональны и единая нация им не нужна, но даже они пытаются создать у себя некую идентичность, которая объединяла бы все государство. Национализм, возможно, является основной статусной идентичностью, поддерживающей современную миросистему, которая, в свою очередь, опирается на структуру суверенных государств. Если посмотреть повнимательнее, то национализм характерен не только для слабых государств. На самом деле, национализм наиболее силен в самых богатых странах, хотя публично к нему призывают гораздо реже, чем в странах послабее».

Мы еще не раз будем возвращаться к этой цитате. Иными словами, совсем не обязательно верить в националистические мифы, чтобы признать значимость нации и национализма для функционирования современного общества. И, прежде чем говорить, например, что национализм однозначно плох, стоит задуматься, насколько уверенно мы можем утверждать, что мир без национализма был бы лучше. Глядя на исторические примеры обществ с господством религиозной, классовой или расовой идеологии, легко вообразить обратное.

Я напомним еще одного автора, на которого я люблю ссылаться в рассуждениях о современной функции национализме. Это антрополог Кэтрин Вердери, которая говорит о том, что нация – это наиболее уни-

версальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени. Т.е. особенность символа нации в том, что он пробуждает целый спектр эмоций, сформированных за долгое время его употребления. Он не однозначен, как всякий символ, и в этом его сила. Нация выступает как базовый оператор в системе социальной классификации. Это элемент политического и символично-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования.

Из этого следует, что тотальный отказ от национализма – это отказ от эффективного политического действия, как ни грустно это для сторонников известной позиции, которые считают, что порядочные люди в националистическом дискурсе не участвуют, потому что, «ввязываясь в эту игру, обречены на проигрыш и лишь способствуют утверждению этого вредного взгляда на вещи». Националистический дискурс, мы помним, может быть на некоторое время оттеснен на периферию общественного сознания, как это было, например, в России конца 80-х – начала 90-х гг., но надолго сохранить это положение вещей не удастся.

Здесь я хотел бы быть верно понятым. Во-первых, если мы, например, попробуем сказать, что все беды, которые пали на наши головы в конце 80-х – начале 90-х гг., связаны со слабостью национализма, то это еще нужно будет доказать. То есть повышенный градус национализма не предохраняет от ошибок реформаторов и от крупномасштабного жульничества. Более того, я бы сказал, что иногда хорошо, что национализм слабо развит, потому что можно представить себе ситуацию, когда он бы не мог предотвратить распад СССР, но гарантировал бы развитие по югославскому сценарию.

Во-вторых, следует разделять нацию как, с одной стороны, категорию практики политической жизни и социального взаимодействия, а, с другой, как категорию научного анализа, который, на самом деле, не слишком полезен для исследователя общества. Т.е., неверно интерпретировать наблюдение, что национализм неизбежно утверждается в современном обществе в сколько-нибудь длительной перспективе, как то, что «правда», «реальность» все равно возьмут свое. Эта правда состоит не в том, что суть конфликтов и проблем нашего времени неуклонно сводится к национализму и к национальному. А в том, что в мире сегодня доминирует дискурс, который именно через нацию и национальные интересы описывает актуальные проблемы.

Например, представим себе вполне актуальную на сегодня проблему борьбы группировок, которые позиционируют себя как национальные, с международными корпорациями за контроль над энергетическими ресурсами, будь то в России или где-то еще. Если мы захотим понять, ка-

кие там реально действуют интересы, то нам, в общем, категория национальных интересов не понадобится. Но если мы захотим понять, почему кто-то выигрывает с помощью позиционирования себя как национальной группировки, отражающей национальные интересы, то эта категория очень пригодится, потому что такую позицию легче продать.

В близкой мне области исторических исследований, например, национальный нарратив, то есть рассказ истории через призму путешествующей через века нации, – сегодня объект насмешек или критики в профессиональной среде. Но это, в свою очередь, не отменяет того факта, что в школах по всему миру история рассказывается через призму национального нарратива. И, кстати, ничего в этом смысле в ближайшее время не изменится.

Отсюда вывод, что нацию можно понимать как социальный оператор, как способ идентификации, как главную ценность, как миф. Но, как бы то ни было, позиция неучастия в дискуссии о том, что такое национальные интересы, и какой должна быть нация, – это путь к политической маргинальности. И вопрос о том, какие ценности следует отстаивать в этих дебатах, какие вопросы следует обсудить, и как должно быть организовано это обсуждение – вот о чем я и собираюсь поговорить.

В приведенной выше цитате Валлерстайн ясно определяет, что главный участник националистического дискурса в современном мире – это государство. И это естественно. Государство заинтересовано в этом дискурсе потому, что в современном мире нация – это, прежде всего, способ легитимации власти и концепция, которая создает рамки политического процесса. В его руках самые мощные инструменты – школа, телевизор (даже там, где он в частных руках, никто «национальные ценности» подрывать не позволит), армия и т.д. В то же время даже в самодержавной России (как я пытался показать в прошлый четверг) власть понимала, что она не обладает монополией на говорение о нации, и в современной России власть понимает, что не обладает этой монополией, и что она не должна к этой монополии стремиться.

В этой связи возникает очень важный вопрос о том, как в рассуждениях, дебатах о нации используется неотъемлемо присущий любой политической жизни механизм исключения. Как в бизнесе каждый бизнес стремится к монопольному положению, если ему дается такая возможность, так и в политической жизни любая политическая сила хотела бы утвердиться как, желательно, единственный легитимный интерпретатор понятия «национальных интересов». В этом случае очень часто используется практика исключения, когда оппонирующие силы определяется

как антинародные и антинациональные. Но вот зачем нужна нация как рамка? Если ее нет, если она не работает, то мы определили своего оппонента как антинародного и антинационального, он нас определил так же, в результате мы оказываемся в ситуации, очень близкой к гражданской войне. В принципе, гражданская война – это именно доведенный до абсолюта кризис нации как политической рамки, регулятора.

Все демократии функционируют на основании того, что определенные политические силы определяется как внутринациональные, как свои, и, таким образом, обеспечивается то, что, проиграв выборы, они не уstraняются с политической арены, что они выживают и имеют право на свой голос в этом обсуждении. Она же налагает на политически сильную сторону обязательство уважать ненасильственные, в идеале демократические правила политической игры и обязательство относиться к оппонентам, как к «своим».

И власть, кстати, чувствует необходимость такого механизма. Даже в современной России она уже несколько раз делала попытку предложить партиям заключить пакт о том, как категория национального может использоваться в политической борьбе. Другое дело, что качество подготовки подобных пактов у нас примерно соответствует нашему опыту с демократией вообще, т.е. этот опыт в лучшем случае неуклюжий.

В свете этого, с одной стороны, можно, например, утверждать, что русский проект «Единой России» демонстрирует непонимание этих принципов или нежелание их понимать. Вы знаете, что это такое, я не буду это описывать.

Поскольку постоянная общественная дискуссия по проблемам нации – это способ воспроизводства идентификации, достижения и воспроизводства консенсуса основных политических сил по каким-то базовым вопросам, то идея, что доминирующая политическая сила может выступать в качестве главного организатора процесса этих дебатов, сама по себе абсурдна. Когда мы смотрим на персонификацию, то есть на то, кто должен со стороны «Единой России» курировать этот процесс, то, конечно, можно обсуждать, насколько И. Демидов подходит на роль лидера молодежного крыла «Единой России». Но насколько он подходит на роль модератора общенациональных дебатов о нации, обсуждать бессмысленно, потому что он категорически не подходит.

С другой стороны, чтобы показать, что это не болезнь «Единой России», а общая проблема, я сошлюсь на текст, который сегодня опубликован на «Полит.ру». Это очень интересная статья Галины Зверевой. Действительно очень интересная. Я до сих пор с трудом контролирую

себя в попытках говорить об этом тексте. Она там говорит, что власть строит Матрицу («Матрицу» Г.Зверева берет из фильма). Есть такие люди, которые работают программистами этой Матрицы (Сурков, вероятно, прежде всего). Еще есть какие-то люди, которые, если они не находятся на содержании Кремля, то выступают в качестве добровольных пособников, и их задача, если они разделяют какие-то постулаты этого дискурса, – получить подряд на обслуживание Матрицы. И Г.Зверева заключает свою статью маленьким разделом, который называется «Либералы и матрица». И она задает вопрос, якобы открытый вопрос, но, на самом деле, для всякого, кто смотрел этот фильм, понятно, что не может быть дискуссии по этому поводу. Что должны делать либералы? Должны ли они участвовать в этом процессе построения Матрицы (так она определяет этот дискурс) или они должны, как Нео, с этим бороться? Все. Значит, человек определил, что либералы в этом дискурсе о нации участвовать не должны, т.е. она совершила ту же самую операцию исключения.

Об этом, кстати, говорил Аузан в связи с общественным договором: «А я с любым человеком, который не призывает меня «замочить», буду обсуждать проблемы. Я с ним буду не сотрудничать, я с ним буду обсуждать проблемы, я с ним буду разговаривать». А в ответ он слышал: «Как же так?! Как же с этим человеком можно разговаривать?!»

Когда совсем недавно какая-то «Газета» опубликовала интервью с Лимоновым, обратите внимание, какая там возникла интересная ситуация. Сперва было опубликовано заявление, подписанное рядом политических сил, что не надо давать слово в публичной сфере экстремисту. Потом некоторые силы стали отзываться свои подписи под лозунгом «Мы не будем подписывать таких заявлений вместе с Жириновским и «Единой Россией». Никто же не говорил: «Мы не будем подписывать, потому что, по сути, неверно, что Лимонов экстремист». Это бы я понял, т.е. это можно обсуждать. Но если ты полагаешь, что Лимонов – экстремист, а не подписываешь, потому что это заявление подписала «Единая Россия», то это и есть одно из ключевых проявлений нашей болезни.

По поводу практики исключения я вам приведу еще один пример. Понятно, что существует широко распространенная (мы все ее знаем) практика делегитимации оппонента по следующему признаку: «А чего это там нам про русскую нацию чего-то говоришь? Ты сам-то кто? И фамилия у тебя какая?» Это, вроде, практика нехороших людей, ксенофобских. Нет, на самом деле, это слишком широко распространенная практика. Вспомните, что происходило, когда вдруг активизировался

ДПНИ. Это легальная организация, лидеры которой нам могут не нравиться – это совершенно другой вопрос. Что произошло, когда в публичном дискурсе вдруг стал активно фигурировать некто Белов, лидер этой организации? Его либеральные оппоненты тут же поспешили сообщить читателю его паспортную фамилию, и не только потому, что она неблагозвучная, но и потому что она намекает на не вполне русские корни этого человека. Чем эта практика отличается, я не понимаю. Это то же самое, только вид сбоку.

В дебатах нужно участвовать, и в них должны участвовать легитимно все силы; исключены они могут быть по двум признакам, с помощью двух механизмов. Первый: нарушение законодательства: либо пропаганда экстремизма, либо, например, предательство национальных интересов. Но есть совершенно конкретные статьи Уголовного кодекса, которые определяют, каким образом человек может предавать национальные интересы: продать какую-нибудь тайну, взять тайно деньги от другого государства, или еще что-нибудь в том же роде. Другой способ исключения – это консенсус широкого круга политических сил, которые легитимно присутствуют на политической арене, по поводу того, что «с этими людьми мы не общаемся, и мы с ними не дебатировем». В России это пока невозможно, но, например, в Германии мы видим, что есть легальные экстремистские партии и группировки, с которыми никто не хочет разговаривать и иметь дело.

Другая особенность наших дебатов, помимо того, что все их участники пытаются с большей или меньшей интенсивностью разрушить систему коммуникации, ее заблокировать – это то, что отсутствует консенсус по слишком широкому кругу вопросов. Поясню, что я имею в виду. У нас нет консенсуса по вопросу о том, следует ли считать Россию нацией-государством и надо ли стремиться к тому, чтобы Россия таким государством стала. Потому что некоторые говорят, что Россия – империя, всегда была, всегда останется, и не надо пытаться этого делать.

Нет согласия по вопросу о том, следует ли воспринимать Россию, которая сегодня существует, как некую данность, которую надо обустривать. Некоторые говорят, например: «Россия в сегодняшних границах – это нонсенс, мы должны расширить ее территорию туда, туда и туда». Некоторые, напротив, говорят: «А еще бы хорошо этих, этих и этих исключить». Вспомните, как много людей говорили, что хорошо бы исключить Чечню. Многие сегодня тоже так думают.

Далее, у нас нет консенсуса по поводу того, какая нация нужна: российская, русская, как это понимать. И, что самое интересное, в дебатах сторонники разных точек зрения все время апеллируют к общественно-

му мнению, настроениям, и говорят: «Основная-то масса людей на нашей стороне!» Т.е. нет даже консенсуса по поводу того, каковы же массовые настроения. Это довольно специфическая ситуация.

Дальше я перехожу к проектным вещам. Хочу сосредоточиться на одном вопросе и на некоторых следствиях, которые вытекают из того решения, которое я предлагаю. Может быть, вопрос, который наиболее интенсивно обсуждается, – это вопрос о том, какая нация, российская или русская, нам нужна. Мне кажется, что это вопрос из того разряда, которые, скорее, затрудняют понимание проблемы, чем открывают новые перспективы.

Если коротко, тезис такой: нам нужны обе. Теперь попробую объяснить, что это значит. В науках об обществе сегодня считается уже неприличным говорить о противопоставлении гражданского, т.е. включающего, правильного, западного национализма, и этнически-культурного, тем более, расового национализма, естественно, неправильного, характерного для Востока, Восточной Европы и т.д. На самом деле, в любом национализме, в любом реализованном проекте нации тесно переплетены гражданская и культурная составляющие. Вопрос в пропорции и механизмах сочетания этих факторов. Понятно, что гражданская нация в нашей стране не может быть другой, кроме российской, потому что речь идет о правах гражданина России, его обязанностях, о равенстве всех граждан в этих правилах и обязанностях – все тут понятно.

В чем же проблема? На самом деле, проблем несколько. Самая очевидная проблема заключается в том, что с гражданственностью и политическим участием у нас дело обстоит не очень хорошо. Конституционный патриотизм, который является сутью гражданского проекта нации, у нас довольно слаб, и я замечу, что странно было бы, если бы было иначе. Во-первых, потому что вообще конституционная традиция у нас слабая, во-вторых, потому что современной конституции совсем мало лет, наконец, потому что, если мы посмотрим, как принималась эта конституция, то это при всем желании нельзя представить как героический эпизод нашей истории.

И неважно, почему нам нечем хвастаться в плане демократического строительства – потому что власть плохо это делает, или потому что граждане пассивны, или из-за сочетания этих двух факторов. Если у нас проект нации должен основываться на этих вещах, то очевидно, что у нас нет *достаточных* оснований для его осуществления в близком будущем.

Следующий вопрос – гражданство. Вы подумайте, что такое российское гражданство! Какие вещи оно обеспечивало до недавнего времени?

Оно обеспечивало привилегию попасть на войну в Чечне, привилегию постоять в очереди в посольство за визой, много других крупных и мелких неприятностей. А какие пряники, какие удовольствия? Только сейчас, только в последнее время происходят такие вещи, которые дают понятию российского гражданства весьма умеренную сравнительную привлекательность. Отчасти это происходит потому, что разбогатевшее государство начинает понемногу выполнять некоторые свои базовые обязанности. Хорошо ли, плохо (скорее, плохо), но лучше, чем в большинстве соседних стран. И отчасти потому, что государство стало принимать различные (кстати, не обязательно разумные) ограничения по отношению к негражданам.

Так мы теперь, например, узнали, что положению иностранцев в России можно не только завидовать, но и сочувствовать. То есть раньше иностранец – это был человек, который может иметь валюту, ходить в валютный бар «Интуриста», купить любые тряпки или книги (кому что важнее), и еще он может уехать из страны, когда захочет, в отличие от всех нас. Сегодня мы очень часто видим иностранцев, которые могут быть высланы, когда они вовсе этого не хотят, которые не могут получить некоторые виды работы и т.д.

Другая проблема заключается в отсутствии общественного консенсуса в отношении понятия «российская нация». В официальном, политически корректном языке «россияне» и «российская нация» считаются нормой, но в обыденной речи это, конечно, не так. Часто слово «российский» становится не объединяющим термином, а, наоборот, маркером «нерусскости». Например, у нас Павлов – великий русский ученый, Жуков – великий русский полководец. А Гинзбург у нас кто? Он великий российский ученый. Когда мы так сказали, мы определили, что, вроде, наш, вроде, великий, но как-то язык не поворачивается сказать «русский». И примеров из прессы, критических, язвительных замечаний вроде «Что это за слово такое? Покажите мне россиянина!» масса. Причем эту иронию проявляют совсем не обязательно люди ксенофобской и расово-племенной ориентации. Очень часто это говорят люди, которые предлагают заместить понятие «российский» понятием «русский», но придать понятию «русский» в этническом смысле открытый характер.

Негативное отношение многих русских к понятию «российский», интуитивное, часто не вполне осознанное, возникает, как правило, из-за подозрения, что «российскость» является субинститутом «советскости». А мы помним, что в советской практике в некоторые периоды национальная политика осуществлялась за счет подавления

«русскости». Нерусские, в свою очередь, подозревают в «российскости» новое издание «советскости» в том смысле, что будет давление русификацией, как в другие периоды советской национальной политики.

На мероприятии в Кремле, которое проходило накануне 2007 г., было представление разных народных промыслов, такая фольклоризация этничности, и был мутный разговор о русском языке. В целом это мероприятие замечательно подходит для того, чтобы активизировать страхи и той, и другой стороны.

Есть другие проблемы. Например, если единственный критерий принадлежности к нации – это гражданство, то как в эту концепцию вписываются зарубежные русские? Они что, однозначно чужие? Ведь соотечественник определяется через культурные факторы, ну, и через «русскость». А речь идет о миллионах человек.

С другой стороны, очевидно, что представить себе «российскость», начисто лишенную «русскости», невозможно, так же, как «британскость», лишенную «английскости», так же, как «республиканскую французскость», лишенную «культурной французскости». И замечу, что чем слабее, недоразвитее гражданская составляющая, тем важнее культурная компонента в конструкции нации. Кстати, еще важная вещь, что, если в обществе увеличивается число мигрантов, даже в обществе, где, вроде бы, гражданская интерпретация нации доминирует, то мы наблюдаем, как активизируется культурная компонента. На примере Франции, Британии мы все это увидим.

Ответ на вопрос, является ли «русскость» альтернативой «российскости» или ее необходимым дополнением, очень сильно зависит от того, что мы понимаем под «русскостью». Если мы попробуем просто филологически заместить, то мы столкнемся с не менее серьезными проблемами, чем при использовании понятия «российскость». Хорошо, у нас много русских, которые не хотят быть россиянами просто так, без «русскости». Но у нас же много людей, которые откажутся быть русскими, даже если их туда пригласят. У нас миллионы людей, которые отказываются идентифицировать себя как русские и имеют на это полное право. Значит, при попытке заместить всеобъемлющее понятие «российскости» всеобъемлющим понятием «русскости» мы тоже сталкиваемся с проблемой.

На другом полюсе рассуждений о «русскости» у нас заявленное в современной дискуссии стремление интерпретировать «русскость» как этническую категорию. Если вы почитаете Севастьянова (есть такой известный публицист), то увидите: он открыто настаивает на биологической, генетической трактовке «русскости». Более изощренный вари-

ант, претендующий на респектабельность, предлагает Соловей или Соловьи, потому что муж и жена вместе публикуют тексты на эту тему.

Опасность такой позиции очевидна, потому что если она принята в обществе, если она становится частью государственной политики, то автоматически влечет за собой постановку очень простых вопросов. Во-первых, кто определяет принадлежность к русским? Во-вторых, может ли анализ ДНК сегодня заменить нам циркуль для обмерки черепов? В-третьих, как переписывать Нюрнбергские законы под Россию? Что из этого получится – понятно.

Оптимизм внушает то обстоятельство, что разумное понимание «русскости» как культурной идентификации (я сейчас поясню, что это означает) разделяет подавляющее большинство населения России. Социологические данные, которые у меня есть, выглядят следующим образом. На вопрос «Кого можно считать русским?» 41% отвечает: «Того, кто воспитан на русской культуре и считает ее своей», 37% – «Того, кто любит Россию», 29% – «Того, кто считает себя русским». Сторонников того, чтобы считать русскими тех, кто русский по паспорту, – 10%. Тех, кто считает, что русский – это синоним православного – тоже 10%. Кстати, это к вопросу о том, какую роль в этих дебатах играет активизация православного дискурса как дискурса «русскости» (я к этому еще вернусь). Здесь сумма процентов у нас больше 100%, потому что люди могли давать больше одного ответа.

Вообще, попытка представить православие как национальную религию не принесет ничего хорошего ни православию, ни нации. Достаточно посмотреть, например, на опыт польского католицизма. Сошлюсь на авторитетного для русского национализма человека, Михаила Никифоровича Каткова. Он понимал эти вещи в XIX в. Вот что он пишет в 1866 г.:

«Ни христианство, ни православие не совпадают с какою-либо одной народностью. Как православными могут быть и действительно есть и нерусские люди, так точно и меж русскими есть не православные. Было бы в высшей степени несообразно ни со вселенским характером православия, ни с политическими национальными интересами России отменить от русского народа всех русских подданных католического, евангелического исповедания, а также еврейского закона, и делать из них, вопреки здравому смыслу, поляков или немцев. Народы различаются между собой не по религиозным верованиям, а, прежде всего, по языку. Как только русские католики и евангелики, а равно как евреи усвоили бы себе русский язык не только для общественного, житейского своего обихода, но и для духовной своей жизни, они перестали бы быть элементом, в на-

циональном отношении чуждом, неприязненным и опасным русскому обществу».

Здесь важно, что Катков не знает этих терминов и еще интуитивно проводит разграничение между ассимиляцией и аккультурацией. Вообще, термин «аккультурация» появляется поздно, в начале XX в. Зачем социологи его придумали? Они в какой-то момент поняли, что нельзя описывать все процессы усвоения одной группой или индивидом черт, присущих другой группе, как процессы ассимиляции. Они поняли, что ассимиляция касается идентификационного ядра, ассимиляция – это процесс, который ведет к отождествлению себя с той группой, в которую ты ассимилируешься. Аккультурация – это другое. Человек может усвоить очень широкий набор культурных, языковых и т.д. элементов группы, с которой он постоянно соприкасается, но при этом он может идентифицировать себя как принадлежащего к другой группе. Катков, когда он говорит «усвоили бы русский язык для духовной своей жизни», пытается интуитивно определить эту разницу. *Не только для общественного, житейского своего обихода*, а «для духовной своей жизни».

Это важно, потому что при наложении «русскости» и «русскости», понимаемой как культурная идентификация, мы получаем ту работающую идеологическую конструкцию, которая дает возможность прагматического подхода к нашим проблемам строительства нации. «Русскость» как открытая категория предлагает всем желающим стратегию ассимиляции. В то же время мы признаем, что «русскость» не может быть всеобъемлющей, потому что миллионы граждан России ассимилироваться, идентифицировать себя как русские, не хотят. Их равенство гражданских прав с русскими и комфортное сосуществование в одном государстве обеспечивает концепция российской нации.

При этом надо понимать, что в языковом и культурном отношении население России намного более сильно связано с общим стандартом, чем в большинстве стран мира. Социальная коммуникация в России происходит на русском, русская культура является общей для всех граждан страны, в том числе для тех, кто не идентифицирует себя как русские. Поэтому от своих нерусских граждан, как и от тех, кто, например, по долгу службы живет в России и работает в России, не имея гражданства, но, например, хотел бы его получить, государство вправе требовать не ассимиляции (избави бог!), а аккультурации. Это значит, что они могут идентифицировать себя как нерусские, но они усваивают русский язык как язык социальной коммуникации *российской* нации, и они усваивают определенные нормы общественного поведения, приня-

тые в русской среде и среди аккультурированных с русскими групп, это очень важно.

В то же время государство обеспечивает тем, кто не идентифицирует себя как русские, не только формальное равенство прав, но и реально комфортные условия жизни, возможность сохранения языка и культуры. В этом смысле не надо ничего изобретать. В мировой практике существует подробно разработанная система мер о защите этнических, религиозных и культурных меньшинств. Я отмечу, что только через сочетание «российскости» и «русскости» в том виде, в котором я это описал, мы можем выйти на осмысленное определение меньшинств и обсуждение этой проблематики.

Здесь проблема в том, что эта мировая практика находится в резком противоречии с идеологическим и институциональным наследием советской национальной политики. Давайте задумаемся. Ведь на самом деле советская национальная политика совершенно не умела защищать меньшинства. Эта политика знала только один способ решения проблемы этнического меньшинства – это превращение его в большинство в рамках определенной, выкроенной для него территориальной автономии. Эта операция, кстати, неизбежно превращала другие группы, живущие на этой территории, в свою очередь, в меньшинства, в том числе и фрагменты тех групп, которые за пределами этих автономий представляют собой доминирующую группу.

Советская традиция, между прочим, отразилась в языке современной Российской конституции. Смотрите, ведь в ней речь идет не о многонародной или полиэтнической нации, а о многонациональном народе России. Это чисто советское наследие. Т.е. наций в России как бы много.

Россия, с точки зрения многих людей, участвующих в этом дискурсе, во многом определяется как федерация по национальному признаку. Кстати, обратите внимание, что когда были дебаты в Думе по поводу того, как должно называться это государство, очень жесткие споры разгорелись по следующему поводу: будет ли у нас это Россия (Российская Федерация) или Российская Федерация (Россия). О чем здесь идет речь – понятно. Если Российская Федерация (Россия), тогда федерация – это способ политической организации, а Российская Федерация – это уменьшенная копия Советского Союза.

На самом деле, даже на закате советского периода тогдашнее руководство понимало суть этой проблемы. Недавно был опубликован фрагмент воспоминаний Аркадия Вольского о том, что его как-то вызвал Андропов и говорит: «Давайте кончать с национальным делением

страны. Представьте соображения об организации в Советском Союзе штатов на основе численности населения, производственной целесообразности, и чтобы образующая нация была погашена. Нарисуйте новую карту СССР». В общем, на самом деле, неясно, мы это никогда не узнаем (может быть, слава богу), был ли у советской власти в тот период, когда ее воплощал Андропов, тот потенциал, который позволял бы такую реформу провести. Но одно мы знаем точно: попытка провести такую реформу сегодня ни к чему хорошему не приведет просто потому, что для этого нужен страх и такая степень репрессивности, которую мы себе пожелать не можем.

Смотрите, как сегодняшняя власть реагирует на эту проблематику. Потихонечку, очень аккуратно некоторые национальные округа растворяются в крупных других субъектах федерации за счет объединения. Там, где это можно сделать – замечательно. Здесь важно, чтобы это вдруг не было превращено в нормативный подход. Потому что, на самом деле, Бурятский автономный округ и, скажем, Республика Татарстан – это немного разные вещи, и применять один и тот же сценарий, один и тот же рецепт к двум таким образованиям – из этого ничего хорошего не выйдет. Вопрос не в том, чтобы отменить автономию Татарстана. Вопрос в том, как нам переосмыслить понятие автономии и содержание этого института, т.е. хотим ли мы добиться, чтобы территория автономий перестала рассматриваться как эксклюзивная собственность определенной этнической группы. Но, кстати, если мы хотим этого добиться, тогда это должно стать неотъемлемо связано с отказом русских от претензии на эксклюзивную собственность на Россию.

На самом деле, нам надо еще раз, заново, перевести с английского на русский язык понятие *national self-determination*. Когда-то это было уже сделано и очень неудачно: самоопределение наций. Кстати, это было сделано очень неудачно не только в России. На английском языке слово *nation*, прежде всего, означает *государство*, поэтому *national self-determination* – это, прежде всего, самоопределение не этнического общества, а граждан государства. Если мы хотим остаться при понимании этой формулы как «права на самоопределение нации как этнического сообщества», значит, мы настаиваем на продолжении в XXI в. тех пакостей, которых мы много насмотрелись на опыте Восточной Европы, Балкан, Африки, Азии в XX в.

Мы должны ясно понимать одну вещь. Идея, что геноцид и этнические чистки происходят от недостатка демократии – это глубокое заблуждение поборников демократии. Если кому-то хочется понять, почему это не так, почитайте последнюю книгу Майкла Манна, которая

называется «The Dark Side of Democracy» («Темная сторона демократии»). В ней он говорит о том, что геноцид и этнические чистки вполне возможны, даже весьма вероятны именно при демократии, если эта демократия понимается как власть этнического большинства.

Это наследие советской институционализации этничности нам предстоит преодолевать очень медленно и осторожно и заменять его практикой защиты меньшинств. Причем здесь очень важно, во-первых, не перепутать этапы: сначала разработать практику защиты прав меньшинств (кстати, необязательно этнических), а уже потом демонтировать какие-то прежние институты. Во-вторых, помнить принцип «не навреди», т.е. не действовать по принципу Наполеона: «Ввяжемся, а потом посмотрим». Обязателен компромисс с местными элитами, специальный рецепт для каждого конкретного случая и т.д.

Еще одна вещь, о которой я забыл сказать. Если мы принимаем такую структуру, то тогда понятно, что мы можем делать с проблемой соотечественников. Обратите внимание, что здесь тоже нет консенсуса, и это очень опасная тема. Помните, когда Украине отключали газ, был такой разговор, что «они там отрезанный ломоть, чужие, вот пусть горилкой и заправляют свои автомобили, и топят ей». И народ реагировал на это с удовольствием. В какой-то момент Путин при обсуждении этого вопроса стал педалировать тему: «А за что мы платим такие чудовищные деньги Украине? За что мы ее субсидируем? Понятно, почему и зачем Западная Германия платит деньги Восточной Германии – потому что это процесс объединения нации». Вот Путин так про это поговорил пару раз, и тут же выскочил журналист Дмитрий Киселев со второго канала с вопросом: «А, может быть, нам тоже определить себя как разделенную нацию и побороться за присоединение этих территорий?» Путин сразу сказал: «Нет, нет, этого не надо». Я думаю, что просто он немного лучше Киселева знал последствия того, к чему приводят такие «штучки». Был такой политик, который стремился всех немцев объединить, и этим немцам в результате очень «хорошо» жилось в 1945 г. А Путин как раз часто прогуливался по Дрездену, который сильно «украшился» в результате этих экспериментов.

Посмотрите, здесь один из очень серьезных вызовов нашим сегодняшним дебатам о нации. Казалось бы, что постепенно складывается консенсус, что за Россию надо приниматься, как за объект для обустройства, в ее сегодняшних границах. И многие люди говорили, что жалко, что Советский Союз развалился, но ведь между словами «жалко, что развалился» и «надо восстанавливать» – дистанция огромного размера. Основная масса говорила, что жалко, но восстанавливать

не надо или просто не реально. И вот, вроде бы, сейчас что-то началось на Украине, что-то такое, что грозит расколом страны. И посмотрите, как сразу активизировался дискурс: «Может быть, нам и надо воспользоваться этой ситуацией, может быть, нам уже пора ввязываться?» То есть даже по такому базовому вопросу консенсус очень хрупок.

Я завершаю. Если мы хотим как-то заниматься соотечественниками, то в каком смысле надо у немцев учиться? Учиться на их политике в отношении соотечественников после 1945 г. – не «до», а «после». После 1945 г. они разработали весьма действенную программу, которая позволяла немцам, которые хотели вернуться жить в Германию, возможность там обустроиться. При всех наших разговорах о «русскости», солидарности и т.д., что происходит на деле? Кстати, какие-то вещи очень просты: создается специальный фонд, дополнительный 1% подоходного налога. Или, даже лучше, налог не менять, но дать каждому право 1% от уплаченного отдавать в этот фонд. (Как в других странах на церковь.) При этом, не хочешь – не отдавай. Многие вещи можно делать на уровне элементарных законодательных решений.

За рамками осталась масса очень интересных и важных вопросов, каждый из которых – это предмет для отдельного разговора. Какие механизмы действуют в разных социальных ситуациях, механизмы, активизирующие этничность или чувство принадлежности к гражданскому сообществу? Давайте задумаемся, что происходит в этом отношении на разных уровнях системы образования в разных регионах страны. Я просто обозначаю перечень вопросов. Что происходит с человеком, когда он попадает служить в армию? Как ему надо устроиться, чтобы его поменьше били, чтобы он сбился в стайку, которая будет его защищать? Каковы механизмы его включения в политическую жизнь, если они сегодня вообще работают? Что происходит на рынке труда? Что происходит на рынке жилья? Как мы можем говорить о нации, если люди не могут двинуться с места в поисках работы, например? Что происходит на рынке образования – та же самая проблема? Вообще, в процессах миграции внутри страны, не только «из» и «в» страну?

Во всех этих случаях мы либо выстраиваем политику, которая способствует ассимиляции и аккультурации (кто как хочет), либо способствуем мобилизации изоляционистских вариантов групповой идентичности. Причем когда я говорю «изоляционистских вариантов групповой идентичности» – это совсем не обязательно национальные варианты. Например, та же Кондопога – не тот случай, когда русские объединились против нерусских. Там работают другие механизмы. Мы можем представить себе какие-то процессы в Кондопоге, в результате

которых люди, вместе громившие этот ресторанчик (и сочувствовавшие) могут разъединиться. Они могут, например, понять, что у корелов, может быть желание иметь какую-то квоту представительства во власти. В этом, кстати, нет ничего дурного. Одно дело, если будет нормальное обсуждение этих вопросов, но могут быть «этнические предприниматели», которые заставят две группы, которые были объединены против кавказцев, готовить палки друг на друга.

Для меня, может быть, самое важное из всего сказанного сегодня – это попытка задать рамку наложения «российскости» и «русскости». Мне кажется, через это наложение мы можем получить рабочую конструкцию. Спасибо.

Обсуждение

Лейбин: У меня уточняющий вопрос. Правильно ли я понял, что сегодняшний разговор происходил в понятийной и весьма осторожной тональности, и это соответствует тому, какой проект Вы предлагаете?

Миллер: Вообще, «осторожная» тональность всегда полезна при разговоре о таких вещах.

Лейбин: Правильно ли я понял, что главный проектный тезис состоит в том, что нужно иметь две политики: ассимиляции и аккультурации – которые должны выбираться гражданами? В принципе, это не очень сложное различие. За пределами этого различия пока остается упомянутая проблема связки нерусских наций в составе Российской Федерации с территорией. Вы эту проблему упомянули, но она прямо не решается одним разделением. Там еще нужно политику аккультурации, направленную на территорию, отделить от аккультурации, направленной на граждан.

Миллер: Пока мы не проехали, я обращаю внимание на то, как Вы формулируете вопрос. Вы только что сказали, что «надо бы нам понять, какую политику мы собираемся проводить по отношению к нерусским нациям на территории Российской Федерации». И таким образом вы подтвердили мое опасение, что наш способ даже не только говорения, но и размышления об этой проблематике находится под давлением советской традиции. Вы сказали, что главный тезис, который вы услышали – это различие между аккультурацией и ассимиляцией. Это один из тезисов. Но есть второй мой тезис, который мне сейчас представляется все более важным в свете вашего вопроса. Перестаньте говорить о «многих нациях, живущих на этой территории». Потому что если нация, то это политический проект, если это политическая рамка, то тогда

не может быть «многих наций, живущих на этой территории». Если мы говорим об этнической собственности на какую-то территорию, то это, кстати, тоже легитимная вещь, но по отношению к тем группам, тем народам (народ – не нация!), которые продолжают вести традиционный образ жизни. Им для того, чтобы северного оленя пасти, кита бить или еще что-то делать, нужна какая-то территория, на которой не будут качать нефть. В этом смысле они имеют право на такую специфическую территорию для сохранения своего образа жизни. Но когда мы говорим об абсолютно или в большей или меньшей степени модернизированных группах, то почему у них должно быть эксклюзивное право на какую-то территорию? На «Полит.ру» можно найти статью Найшуля, где он говорит: «Вот у нас в России есть русская земля и есть татарская земля. На территории современного Татарстана они налагаются друг на друга и мирно сосуществуют». Ну, слава богу, что мирно сосуществуют. Но, на самом деле, такая конструкция, такой подход блокирует возможность нормального политического процесса, потому что он постоянно создает мину замедленного действия. Значит, чья это территория в конечном счете? Если это территория и тех, и тех, то нет права собственности. Не может быть не эксклюзивного права собственности. Если общее право собственности, тогда хорошо – право собственности, общее для всех граждан России на всю территорию.

Лейбин: Ошибочка у меня вышла...

Миллер: Знаете, это не ошибочка. Может быть, это ошибка, я рад, если это так. А если это не ошибка, то давайте это обсуждать. Я не говорю, что другие точки зрения неправильные. Я излагаю мою точку зрения.

Лейбин: Я просто совершил ошибку, интерпретируя ваш текст. Сейчас, в жесткой оппозиции Найшулю, я услышал тезис о нации в России.

Григорий Глазков: Я не знаю, о каком тексте вы говорите, но взгляды Найшуля мне хорошо известны, и у него как раз немного по-другому. Он говорит о религиях, и есть религия земли русской, а есть религия народа. И на таком языке получается, что это русская земля, но в ней живет татарский народ, и у него своя религия. Это не то же самое.

Миллер: Секундочку. Во-первых, он говорит о земле, а не только о религии. А во-вторых, я обращаю внимание на ту формулу, которой вы только что воспользовались: «Это русская земля, а в ней живет татарский народ». Соответственно, права татарского народа зависят от того, что себе русский народ думает по поводу прав татарского народа. Может быть, русский народ очень хороший и думает: «Пусть себе живут».

А в какой-то момент он может сказать: «А мы передумали...» Это то, о чем и говорит Манн: если такая концепция существует, то вот вам мина замедленного действия. Как только будет реализована этническая демократия, то тогда татарскому народу может быть отказано в этом праве.

Лейбин: Это важный пункт, позиции прояснились. Выступавший здесь Найшуль действительно имел в виду, что мы не строим в России национальное государство. А Алексей Ильич имеет в виду, что мы строим в России национальное государство.

Миллер: Я не настаиваю на том, что точка зрения Найшуля неправильная, а моя правильная. Я свою точку зрения отстаиваю и, естественно, не претендую на ее эксклюзивность.

Станислав Репинецкий: Уже второй раз присутствую на Ваших лекциях, и, насколько я понял вашу сегодняшнюю лекцию, Вы, прежде всего, говорили о перспективной стратегии и политике, опять же в области построения национальных, народных проектов. И я бы хотел поставить проблему не по перспективной политике, а по политике текущего момента, чтобы услышать ваше видение нынешней ситуации и то, как эту ситуацию можно решить. Проблема следующего содержания. Я имею честь возглавлять общественную организацию в одном из российских регионов, многонародном (пользуясь терминологией), но не национальном. Эта организация объединяет наиболее активных молодых людей из сферы образования, культуры, науки и т.д. В рамках нашей общественной организации национальная проблема стоит очень остро, потому что люди наблюдают два очень серьезных момента в нашей современной ситуации. Момент первый: наш полуторамиллионный город, который считается обычным российским городом, получает от государственного бюджета в разы меньше, чем соседний 300-400-тысячный город, который считается столицей какой-то там республики. Это серьезная проблема. Соответственно, видя это, люди не очень хорошо относятся к этой республике, которая непонятно за что получает больше денег из федерального бюджета. Второй момент: в представлении большей части нашего населения процент национальных богатств, принадлежащих народным этническим группам, несоразмерен тому проценту, которые занимают эти этнические группы в общем составе населения. Представители этнического большинства, т.е. русские, интерпретируют это таким образом, что титульная нация должна себя защитить, что события в Кондопоге – это идеал, и, соответственно, выражение «Ты что, не русский?» становится уже нормой. Причем хочу сделать акцент, что это люди, которые по своей профессии несут «ра-

зумное, доброе, вечное», и молодежь. С другой стороны, такая же молодежь, с такой же профессией из этнических меньшинств это интерпретируют в духе русофобской традиции, уничтожения русских.

Миллер: Я все понял, очень хорошие вопросы. Давайте потихоньку разберем две ситуации, о которых говорилось. Ситуация первая. Вы сказали, что есть большой город 1,5 млн, ему дотаций меньше, чем соседнему городу, в котором меньше населения, но который является столицей республики, и рассказали, какие проблемы это порождает. Здесь еще появляется проблема, которую мы не обсуждали, проблема соотношения полномочий и деления финансового пирога между центром и регионами совсем не обязательно по этническому признаку. Это другая тема, когда мы говорим о построении федерации, сколько могут регионы получать, сколько они должны получать, насколько они должны быть более самостоятельны. Это, кстати, очень важно, это тоже проблема нациестроительства, но оставшаяся вне того, о чем я говорил.

Когда мы подходим к той ситуации, которую вы описали, мы можем ее интерпретировать двумя или даже тремя способами. Способ первый. У нас национальные автономии состоят на привилегированном положении, и им больше достается. Можно обсуждать, почему. Понятно, какие эмоции и какое недовольство это порождает. Как только мы выходим за рамки национальной собственности на территорию, тогда мы можем, например, задать следующий вопрос. У нас есть некое территориальное образование, у которого слабее развитие (одна сторона дела) или которое обладает специфическим конфликтным потенциалом (другая сторона этого дела), и центр совершенно сознательно, исходя из этих вещей, больше субсидирует этот регион. Представим себе, что центр поступает «по справедливости», на 300 тыс. человек столько, а на 1,5 млн столько. В той вашей соседней республике (не знаю, какой) социальная и национальная напряженность обостряется, потому что, понятно, чем меньше денег, тем больше напряженность. В какой-нибудь момент, если это, избави бог, республика, как у нас Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, т.е. многообщинная, там начинается конфликт. Куда эти люди побегут из этого региона? Они побегут в соседний большой город. Это ваш город. Вам мало не покажется. Так что, может быть, большие дотации соседнему региону имеют определенный смысл. Но мы можем увидеть этот смысл, только освободившись от фильтра, что «им больше, потому что они нерусские». Это первое.

Кстати, не так давно, на прошлой неделе, Г.Х. Попов сформулировал любопытную точку зрения: в наших усилиях мы должны поощрять рождение первого ребенка и еще больше поощрять рождение второго

ребенка, а на третьего ребенка ничего не платить. Он это обосновывает тем, что мы же уже один раз пробовали делать такой эксперимент при советской власти, мы финансово пытались стимулировать рождаемость. В поведении русских это ничего не изменило: сколько рожали, столько рожают. Где это дало эффект? В кишлаках в Средней Азии, в горных аулах и т.д. Мы хотим снова это получить? Не надо. Если мы говорим, что для нас русский ребенок ценнее, чем таджикский, то, наверно, мы очень плохие люди. Если мы говорим о том, что мы хотим получить качественное прибавление с точки зрения модернизованности общины, с точки зрения того, какого гражданина мы можем получить... Мы, конечно, не можем воспользоваться евгеникой, это была, напомним, популярная и вполне респектабельная для определенного момента наука. Но, в принципе, то, что говорит Попов, вполне может быть предметом обсуждения. А если мы говорим о русских детях, которые прибавляются в результате этой политики, то, как сказал Гаврила Харитонович, это происходит, как правило, в тех семьях, где после рождения ребенка им никто не занимается, потому что все заняты потреблением алкоголя. Мы их хотим плодить в большей степени? Тогда уже мы из плоскости этнической, национальной переводим эту проблему в качество населения с точки зрения образования. Как простимулировать рождаемость в семьях, которые могут обеспечить нормальную репродукцию гражданина, квалифицированной рабочей силы и пр.? Другой аспект этого вопроса – а что же это у нас за государство такое, если у нас столько неблагополучных семей? Но это следующее.

Теперь насчет того, что Вы сказали: «Богатства распределены неравным образом». Это сквозь призму чего? Давайте посмотрим с точки зрения какого-нибудь якута. Ведь это черт знает что происходит? «С нашей национальной территории эти гады выкапывают каждый год фигуру тучу алмазов, продают. А сколько мы с этого имеем?» Значит, либо мы концентрируемся на этих двух позициях, и тогда мы понимаем, что у нас нет вообще пространства для общего разговора, либо мы говорим, что нет национальной собственности на территорию. Разговоры: «Вы бы, якуты, бегали там за своими оленями и не знали бы, что у вас там алмазы, мы русские пришли, их нашли, выкопали и т.д.», – все это отменяется. Возникает вопрос, как делится рента от природных ресурсов, находящихся на той или иной территории, между центром и регионами. А это совершенно другой вопрос, и его совсем не обязательно рассматривать в национальном ключе.

Елена Гурова: К вопросу о том, что для сохранения национальных особенностей ведения хозяйства типа китобоя нужна территория, море

и т.д. Модернизация экономики страны на русской территории, в смысле в русской деревне, как она была в XIX в. привела к лишению русских наций их привычного образа жизни. В 30-ые гг. в коллективизацию, индустриализацию русская деревня утратила свой привычный статус, свое привычное занятие. К 1991 г. Россия как страна, как Советский Союз, уже потеряла продовольственную безопасность. Может быть, проблема русского и российского заключается в том, что русский народ чувствует себя точно также обделенным, потеряв экономическую основу своей привычной жизни. А сейчас стоят запустелые поля, и деревни в Карелии насильственно потеряли свою экономическую основу, свою сущность (лес валить, в лесу зверя бить – то, чем они занимались). Поэтому получается, что когда заступаются за права национальных меньшинств, русский народ подспудно чувствует, что его права нарушены.

Миллер: Я попробую довольно странным образом ответить на Ваш вопрос. Мой дедушка был рязанским кулаком. Его раскулачили в 1930 г., у него отняли привычный образ жизни и много чего еще. И их было четверо братьев. Дед погиб на войне, а трое братьев благополучно существовали после войны. Один из них работал ветеринаром, другой был учителем в школе, третий – директором колхозного рынка. Если бы этих людей, лишенных той привычной среды существования, спросили эдак в 1950 г.: «Ребята, вернуться хотите?» Я вас уверяю, что каждый из них ответил бы: «Нет, не хотим». Конечно, можно порассуждать о том, что русский народ лишили привычного способа существования. Но пытаться превратить это в реальный проект, что «давайте, вернем русский народ в деревню, пусть они там живут», не выйдет. Речь идет, все-таки, о маленьких группах, которые сохраняют традиционный образ жизни. Перемены в жизни русского народа связаны не только с тем, что пришли какие-то колонизаторы (и не столько с тем, что пришли какие-то колонизаторы) и отняли привычные условия существования, с тем, что произошла модернизация экономики и т.д. Ну, давайте вернем 70% русского народа в привычные условия существования, из города в деревню. Это?

Гурова: Нет, те, которые остались в деревне.

Миллер: Да ради бога! Кто же мешает? Почему мы должны обсуждать этот вопрос через проблему спасения привычных условий существования русского народа? Они, кстати, там не на оленях ездят и не на лошадках, в основном, а на двигателях внутреннего сгорания и т.д. Соответственно, если мы говорим, что хорошо бы создать в деревне нормальные условия существования, мы же имеем в виду не то, что ло-

шадку им вернуть, а чтобы у них трактор был, чтобы они ферму сделали какую-то. Мы же не пытаемся вернуть им привычные условия, а пытаемся создать для них нормальные. Это совершенно другой вопрос. Это не вопрос сохранения какой-то малой группы, которая живет традиционным образом, у которой, кстати, если приглядеться, есть радиоприемник, мобильный телефон и т.д.

Лейбин: Заметки на полях. Я запутался в нескольких планах обсуждения. В самом начале, мне кажется, было очень важное методологическое введение в лекцию о том, что нация – это искусственный конструкт и форма специфического дискурса. Следовательно (это не было проговорено, но оно, кажется, понятно), дальше речь должна идти о том: а) как мы выстраиваем понимание целей политического дискурса, в каких терминах (возможно, не в этих); б) что именно является допустимым в коммуникации в разных кругах, и как именно построить систему табу. Если рассматривать Уварова, то там он, конечно, строил национальный проект, но временно, видимо, считал, что польская квазигосударственность пока необходима. Если я правильно понял, вы говорите нечто подобную и про нашу сегодняшнюю дискуссию, что, конечно, мы имеем в виду цель построение национального государства, но пока мы делаем это очень осторожно, в том числе допуская квазигосударственность, например, в некоторых республиках. Главный вопрос, который меня все время мучает – каким образом есть гипотеза, что кто-то сможет удержать в рамках каких-то табу этот дискурс? Кто это организует? Почему именно эти табу, а не другие?

Миллер: Я позволю себе интерпретировать этот вопрос, как вопрос о проблеме политического статуса национальных автономий в рамках Российской Федерации или России. Насчет того, что происходит, как и что удерживается в рамках чего и т.д. Обратите внимание, совсем недавно мы наблюдали очень интересный процесс. Государственная Дума одобрила новый договор о разграничении полномочий с Татарстаном. Он был эксклюзивный, т.е. он явным образом нарушал ту рамку, которую пытаются наложить. Это обосновали тем, что тот договор о Российской Федерации Татарстан не подписывал, поэтому имеет право на другую специфическую конструкцию. Совет Федерации сказал: «Нет, это неправильно» – и зарубил этот проект. Как мы можем сказать, кто из них прав? Я бы сказал, что критерием истины является практика. Если бы после решения Совета Федерации в Татарстане поднялось народно-освободительное восстание и партизанская война, то тогда, наверно, надо было бы сказать: «Чего-то сенаторы не додумали. Наверно, права была Дума». Если этой национально-освободительной, «парти-

занской» войны не поднялось, то тогда, возможно, прав Совет Федерации. Все это может быть ассиметрично. Обратите внимание, какие задействованы концептуализации. Например, о чем говорит Шаймиев. Он говорит об интересах народа Татарстана, которые он хочет защитить. В переводе на язык, который бы мне совсем понравился, он говорит об интересах населения региона, который называется Татарстаном. Это население русское, татарское и не только. И он хочет выбить из центра региону больше полномочий. Молодец. Имеет право. Если он говорит о том, что мы еще должны заботиться о Татарстане как о регионе, в котором живет основная часть татар (тут он уже будет жульничать, потому что основная часть живет за пределами Татарстана), что мы должны заботиться о том, чтобы в регионе развивались культурные татарские институты – да ради бога, но только не через разговор о том, что эта территория – собственность татарского народа. Т.е. этническая и этнокультурная автономия может экстерриториально существовать, может быть привязана к определенной территории, но она должна быть этнокультурной. Она не должна основываться на концепции «национальной собственности» на определенную территорию. Вот мой тезис. Точно так же, если мы говорим, что не надо пытаться отхватить у соседних государств регионы, в которых много русского населения. Но ведь и Татарстан не должен пытаться отхватить от Башкирии территорию, где много татарского населения, под этим флагом. Я показываю, как сохранение концепта этно- национальной собственности на территорию может вести к очень тяжелым политическим последствиям.

Ольга Лобач: Алексей Ильич, если перевести Ваш проект в экстракт, то (поправьте меня, если что) он выглядит следующим образом. Меняется принцип политического территориального деления в России. Национальность признается как российская и общая. Остальное деление относится к народностям. Тогда теряет смысл территориально-национальное деление, и логично перейти к некоторым этнически-хозяйственным объединениям, то, что вы говорили по поводу оленеводов и всего остального. Тогда получается, что политическое деление должно быть по представительству населения, должен быть сделан передел, который позволяет формировать ступенчатую политическую систему представительства у руководства страны. Хозяйственные условия не становятся четко привязанными к национальным территориям, и, если я не ошибаюсь, это основное «все». Вопрос в следующем. Как должна выглядеть та властная группировка, ее коммуникационный посыл, ее ресурсы и процесс, которым она будет к себе привлекать для того, чтобы иметь возможность реализовать проект, при котором специ-

фическим будет только хозяйственный тип воспроизводства своей культуры, а все остальное остается унифицированным как в политическом, так и в хозяйственном смысле? Повторяю вопрос – как должны выглядеть и группа, и ее коммуникационный посыл тех, кто бы мог это сделать?

Миллер: С формулировкой вопроса я не согласен. Я не согласен с тем, как Вы изложили суть моего проекта. Зачем я рассказывал об Андропове? Я рассказывал об Андропове затем, чтобы закончить этот рассказ фразой, что такая политика в современных условиях невозможна. А вы говорите: «Давайте сделаем, как Андропов планировал».

Лобач: Я как раз и спрашиваю: если это является целью, и она невозможна сейчас – покажите коммуникационные ходы и механизмы, которые через 4-6 шагов приведут к этому.

Миллер: Помните, была такая история с попыткой объединить Адыгею с Краснодарским краем? Вроде, пошло-пошло, а потом застопорилось. Вопрос – почему? Если провести в Адыгее референдум, то большинство населения выскажется в пользу такого объединения, потому что большинство населения не адыги. Вместе с тем, что при этом думают адыги? Вот важный момент. Они думаю, в частности, следующее: «А как так получилось, что больше адыгов живет за пределами России, чем на той территории, которая сегодня называется республикой Адыгеей?» Как это получилось? Они имеют ответ на этот вопрос, кстати, исторически аккуратный. Когда Российская империя завоевывала эту территорию, она разными методами способствовала уходу оттуда мусульманского населения, т.е. их выгнали. И адыги говорят: «Ребята, вы просто собираетесь завершить процесс отъема у нас национальной территории. Мало вам не покажется». Власть вменяема, она сказала: «Хорошо, поговорим об этом еще». В этом и есть суть того, что я предлагал – поговорите об этом еще. Ведь, с одной стороны, адыги воспринимают эту ситуацию как несправедливую. С другой стороны, русское население, которое живет в Адыгее, воспринимает эту ситуацию тоже как несправедливую. Потому что они большинство электората, а из кого состоит законодательное собрание республики Адыгея? Какое процентное представительство?

Лобач: Значит, получается, как в анекдоте: осталось уговорить графиню, все остальные «за». Но ведь проблема заключается в том, что нынешняя национальная территория связана одновременно с большим объемом политических и хозяйственных функций. Вы говорите: «Народ Адыгеи по-прежнему официально имеет этническое право вести свою хозяйственную деятельность на данной территории». Но хозяй-

ственное и политическое деление меняется. В противном случае я не знаю, как перейти.

Миллер: Одна из причин нашего непонимания заключается в том, что если Вы присмотритесь к тому, как адыги ведут свое хозяйство, то обнаружите, что там ничего специально традиционного нет. Я говорил о других группах, именно не принявших по тем или иным причинам модернизированного образа жизни. Когда мы говорим о ситуации адыгов, то начинаем вступать в очень интересную проблематику механизмов: а) защиты меньшинств; б) положительной дискриминации. Какие могут быть механизмы положительной дискриминации тех или иных меньшинств по тем или иным причинам? Пример. Республика Адыгея. Мы можем сохранять ситуацию, в которой 25% населения выбирают больше половины законодательного собрания? Наверно, этого не надо делать. Мы можем сказать, что адыгское представительство не может быть меньше определенного процента, и оно обладает правом вето на определенный набор решений – тогда мы переходим в область защиты прав меньшинств.

Лобач: Проектный вопрос другой. Либо Вы говорите, что это уже сейчас делается, и главное – сохранять линию, которая идет, с некоторыми поправками. Я спрашиваю, кто это будет проводить?

Миллер: Нет, проблема заключается в том, что это сейчас делается тихой сапой. На самом деле, это делается не на основе общественного консенсуса, и когда, условно говоря, какой-нибудь Бурятский округ сливается с Красноярским краем, Вы там слышите какой-нибудь разговор про защиту прав меньшинств? Ничего. Про что говорят, выступают какие-то люди? Как наши телевизионные программы, им надо отстреляться накануне референдума, им надо, чтобы народ правильно проголосовал, и нужно отработать приказ сверху, чего уж делать. Они показывают какого-нибудь человека, который говорит: «...и славно, что Бурятский край сольется с Красноярским, потому что скажешь «Бурятский край», а его никто на карте найти не может. А мы сольемся с Красноярским, и нас все найдут – и еще что-нибудь такое же – или, может быть, у нас денег прибавится». Почему прибавится? Кто об этом говорил? Какие механизмы? Может, прибавятся. Никто же не говорит: давайте, примем такое решение, но это решение будет подготовлено набором законодательных шагов, которые объяснят тем же бурятам, каким образом их права будут защищены, какие специальные дотации из центра они будут получать на развитие своей культуры и пр., не как автономная территория, а как бурятская община. На самом деле, когда вы говорите: «Кто и как будет проводить коммуникацию?» – сначала нуж-

но договориться, что такая коммуникация необходима. Об **этих** вещах надо говорить, чтобы можно было добиваться какого-то консенсуса.

Григорий Глазков: У меня три вопроса. Первый на уточнение. Когда Вы сейчас рассказывали о подписании письма против Лимонова, Вы сказали, что есть у нас болезнь такая, что «если эти подписывают, тогда я не буду». Вы могли бы сказать, как эта болезнь называется?

Миллер: Какая разница?

Глазков: Нет, это вопрос важный. Потому что в той части Вашего выступления Вы и Аузана упоминали, поскольку сегодняшняя тема имеет и институциональный ракурс тоже. На этом языке вы можете сказать, что это такое?

Миллер: На институциональном языке это, конечно, не имеет названия. По-моему, в одном обсуждении здесь же, в «Полит.ру» было хорошее название – «болезнь одного гектара» – что мы не будем делать с этими ребятами на одном гектаре.

Глазков: Это вопрос не терминологический, а сущностный. То, что вы здесь предлагаете, в принципе, имеет смысл рассматривать с точки зрения договороспособности внутри страны. Второй вопрос. Было уже много разговоров по поводу монополии на территорию, где располагается тот или иной народ. Вы привели пример традиционного хозяйства, но фактически Вы сказали о режиме резервации.

Миллер: Да, если угодно.

Глазков: С другой стороны, говорили о возможности добывать нефть, алмазы и пр., что они должны быть у всех, и буряты тоже могут в Москве что-нибудь добывать или, например, завод построить. Но вопрос обычно не про это. Вопрос о том, например, какие храмы можно на этой территории строить, какие праздники будут там отмечаться, какие выходные дни, какой язык там должен использоваться в официальных органах наряду с русским и должен ли. Каким образом Вы предлагаете решать вопросы такого рода, потому что здесь без монополии точно не обойтись?

Миллер: Первое, что касается храмов. С моей точки зрения, все.

Глазков: В равной мере? Т.е., например, если сейчас гостиницу «Россию» снесли, можно, чтобы там не другую гостиницу строили, а большую мечеть поставили и сказали, что очень важная у нас мусульманская нация. Вы считаете, это будет правильное решение?

Миллер: А этот вопрос решается очень просто. Например, у нас есть Московская городская дума. Она, естественно, утверждает план застройки города. Мусульманская община г. Москвы может обратиться в Московскую городскую думу и сказать, что им бы очень хотелось по-

строить мечеть именно на этом месте. Московская городская дума обязательно должна это рассмотреть. Если она решит, что это нормально, что так можно сделать, то строят. И она может решить (я подозреваю, что так она и решит), что «давайте-ка выделим какое-то другое место». Выделят и построят. Я вижу нормально функционирующий механизм регулирования этих вещей уже сегодня. Другое дело, что есть какие-то болевые точки и не только в России. Например, кто-то хочет построить католический храм за забором Освенцима, по этому поводу возникает скандал. Кто-то хочет построить большой православный монастырь через стенку с буддийским храмом, где территория считается специальной, священной, и т.д. Но это специальные болезненные точки. Но посмотрите на проект Поклонной горы. Создается новый мемориальный комплекс. Там стоят православный храм, мечеть, синагога. Кто-то из-за этого расстроился? По-моему, нет.

Теперь язык. Это очень важная вещь. Вы очень правильно сказали, что везде на территории России русский язык является государственным языком. На некоторых территориях нужен второй язык. Почему? Потому что если на этой территории проживает определенное количество населения, у которого родной язык другой, европейская Хартия о языках предполагает, что они должны иметь возможность обращаться в государственные органы на своем родном языке. Поскольку государство – для гражданина, а не наоборот, то эту возможность нужно обеспечить. Дальше, обращаю внимание на интересные коллизии. Это, например, проблема с языком в средних школах в Татарстане. На преподавание русского языка и русской литературы законодательно определено столько же часов, сколько на татарский язык и татарскую литературу. Причем это во всех школах и для всех учащихся. Здесь мы видим концепцию Найшуля в действии. У нас есть две большие общины, они живут на одной земле, и эта земля и тех, и других. Как можно этот вопрос решить? Выше описанным образом. Как этот вопрос решается в рамках системы, которую я предлагаю. Все, кто хочет учиться на татарском языке, учатся на татарском языке. Поскольку количество татарского населения в Татарстане большое, то не мешает и русским ученикам в школах Татарстана поучить татарский язык. Но здесь не должна стоять проблема паритета. Они учат русский язык, кстати, и в русской, и в татарской школах, потому что это язык коммуникации и язык этого государства, не потому что это национальный русский язык. И если русские ученики имеют несколько уроков татарского языка в неделю, это абсолютно нормальная вещь. Но настаивать на этом паритете применительно к русским школам, по-моему, абсолютно контрпро-

дуктивно, потому что, когда мы смотрим на реальное положение вещей, то понимаем, что русские его не выучивают и не учат. Если только мы отходим от принципа, что две земли наложились друг на друга и т.д., то получаем возможность для нормального обсуждения, решения этого вопроса.

Глазков: Я не могу сказать, что полностью удовлетворен, но это длинный разговор. Последний вопрос. Как Вы считаете, опыт каких стран был бы наиболее релевантен по отношению к России для осуществления проекта, о котором Вы говорите? Условно говоря, для Вас образцом является американская модель или таких моделей вообще нет?

Миллер: В определенном смысле надо осознать уникальность нашей ситуации. Ее уникальность заключается в том, что у нас есть очень большая инерция советского наследия. Мне очень часто приходится участвовать в разных обсуждениях, империя – не империя, как присутствует империя в современной жизни. Мой ответ таков: мы живем на руинах империи. Это очень важная констатация, надо осознать ее смысл. Если мы сейчас разнесем этот домик «Билингвы» на руины, то можем ли мы завтра начать здесь строить что-то заново? Ничего подобного. Потому что кое-что от стен останется и т.д. Когда строили заново крышу на руинах этого здания после пожара, многие параметры реконструкции были заданы самими руинами.

Лейбин: Крыша стала лучше.

Миллер: Мы должны учитывать наличие этих руин. В этом смысле у нас нет таких аналогий, поэтому должна быть специфика проектного мышления. Но это вовсе не значит, что мы не можем заимствовать. Потому что есть грамотная практика защиты интересов меньшинств. Не надо ничего изобретать, возьмите ее. Возьмите ее, только введите ее в законодательство, ее нет там. Сегодня ее там нет, в этом дело. Никто даже об этом не говорит.

Вопрос из зала: С Вашего позволения, два вопроса. Что для Вас двойная, тройная идентичность? Насколько полезным, жизнеспособным, плодотворным является такой механизм для формирования гражданской нации в условиях сегодняшней России? И, если можно, еще один вопрос. Что, с вашей точки зрения, сегодня наиболее актуально: формирование гражданской нации или соблюдение баланса между «российскостью» и «русскостью» в процессе поиска национальной идентичности?

Миллер: Что касается первого вопроса, спасибо за него большое, но мне кажется, что, на самом деле, можно вывести ответ из того, что я уже сказал. Если мы хотим, чтобы у нас была российская идентичность

(а мы этого хотим), и она, совершенно очевидно, гражданская, то если человек при этом идентифицирует себя не как русского, а как, например, татарина, получается уже двойная идентичность. Вот он татарин или, например, мусульманин (почему мы все время говорим о национальной идентичности?) Может быть, религиозные идентичности даже более важны, и, кстати, разные их варианты. Он татарин и россиянин, и эти конструкции возможны только в том случае, если понимать, что «русскость» не определяет целиком культурного стандарта. Но мы говорим, что «русскость» во многом определяется «русскостью», во многом, но не во всем, она не может быть однозначна с «русскостью».

И второй вопрос. Мне кажется, что это взаимосвязанные вещи. Например, есть Валерий Александрович Тишков, его позиция, что у нас на самом деле есть российская нация, вся проблема в том, что почему-то значительная часть народа, самого разного и, как я пытался показать в докладе, по разным причинам, не хочет этого признать. Поэтому все, что нам нужно сделать – это вправить им мозги и каждый день говорить: «Российская нация. Российская нация» – пройдет совсем немного времени, и все поверят. Мне кажется, это не очень продуктивно, при том, что я против российской нации, как я успел показать, ничего не имею. Допустим, что Тишков прав. Если бы он был прав, я был бы очень доволен, ну, и пусть будет российская, замечательно. Но не будет, не получится в том варианте, который предлагает Тишков, из-за: а) инерции дискурса; б) количества групп, которые говорят: «Не нравится нам этот проект». Какие у вас способы погасить их голоса в дискурсе? У вас нет этих способов. Т.е. эти способы, конечно, есть, но мы же не хотим их применения. Значит, мы ищем какую-то основу, на которой мы могли бы с этими разными группами договориться. С кем бы мне было бы невозможно договариваться – например, с Соловьев. Он и сам не будет со мной договариваться, он скажет: «А чего это ты с такой фамилией лезешь рассуждать про русскую нацию?» – а если не скажет, то подумает. Я так говорю сознательно, потому что в его текстах я вижу намеки на именно такой сорт дискурса. Тем более, не хочу с Севастьяновым, потому что он захочет проводить мне анализ ДНК, а я не хочу, чтобы он проводил анализ моего ДНК, потому что, может, кто-то еще использует это для алиментов. Не хочу. Вот мой ответ.

Вопрос из зала: Вы, постулируя разницу наций, тут же ввели возможность позитивной дискриминации для малых народов. Где границы этой позитивной дискриминации, и географические, и вертикальные? Оленеводы гоняют своих оленей по тундре. Приходит некая НК и начинает там добывать нефть. Сразу возникает вопрос: «Ребята, где наша

доля в этой нефти? Мы теперь не можем пасти оленей на этой территории». Китобои добывают своих китов, возникает вопрос, где их доля в шельфовой добыче? Где граница позитивной дискриминации? Надо ли ограничиться одними оленеводами? Или возникает вопрос о башкирах, у них есть какие-то свои традиционные промыслы, поселения. Где эта граница? Необходимо ли вводить вообще эту позитивную дискриминацию, выпадающую из того постулата, который вы ввели?

Миллер: Я хочу разделить две эти вещи. Позитивная дискриминация – это одно, а сохранение привычной среды обитания – это немного другое, хотя они могут соприкасаться. Если какая-то нефтяная компания хочет добывать нефть на этой территории и хочет отнять какое-то количество пастбищ, или, например, она хочет добывать нефть на шельфе, тут первый возникающий вопрос – а можно ли, урезав эту территорию, тем не менее, все-таки сохранить для них возможность привычной жизни. Тогда начинается обсуждение, какие им за это будут коврижки. Но мы можем очень легко представить себе ситуацию, что у них есть несколько гектаров, где они это делают, и, если мы здесь начинаем добывать нефть, то у них вообще территории для привычного образа жизни нет. Мы можем даже провести с ними переговоры и получить от них согласие, что «ну, хорошо, давайте вы нам каждому заплатите по столько-то, и тогда мы на это согласны». С точки зрения ответственного поведения «больших и сильных» это жульничество и подлость, потому что хорошо известно, чем все это кончится. Через 10 лет этих людей вообще не будет, потому что они эти деньги получают, в «нормальную», привычную для нас (я условно беру ее как нормальную, потому что для них нормальная жизнь другая) жизнь не впишутся, сопьются, и мы будем говорить про айнов, которых нет (их четыре). Ничего общего с этим не имеют традиционные промыслы. Традиционные промыслы у всех есть, они никак не связаны с выживанием. Это сохранение культурного наследия. Они собрались, повышивали бисером, порезали по кости, сели в автомобиль и поехали к себе в нормальную европейскую квартиру. Это совершенно другое дело.

Теперь позитивная дискриминация. Очень сложный вопрос, как она должна работать, и это все время меняется. Это предмет демократического процесса и торга. Например, существует народ маори, живет в Новой Зеландии. Новозеландцы, в смысле белое колонизирующее население, туда пришли, известно, что стало с численностью маори или, например, австралийских аборигенов и т.д. Это уже произошло. В какой-то момент и австралийцы, и новозеландцы дошли до идеи, что (помните по анекдоту?) «да и с ребятами нехорошо получилось». Т.е. не-

плохо было бы покаяться немного, за людей их не считали, показывали в зоопарке вместе с кенгуру (было такое, кстати). Давайте, раз уж они выжили, несмотря на все наши старания, все-таки попытаемся организовать для них позитивную дискриминацию и облегчить им вписываемость в современную жизнь, дадим им какие-то преимущества и т.д. Где эти границы проходят, и как это работает – это другой вопрос. Потому что все анекдоты про то, что лучший шанс получить работу у черной одноногой лесбиянки – это тоже перебарщивание. Но если у вас есть два более или менее равных кандидата на ту или иную работу (т.е. оба могут выполнять эту работу), то позитивно дискриминируемые меньшинства могут получать преимущества. В том случае, если у вас в стране сильная безработица, тогда такой механизм уже не будет действовать, потому что тогда те, кого вы позитивно не дискриминируете, начнут возмущаться. Это баланс, он гибкий, он ищется. Это предмет демократического торга, процедур и т.д. Как мы сами понимаем, те же маори получили эти права не потому, что они вдруг взяли и выиграли выборы в новозеландский парламент, но потому что выборы в новозеландский парламент выиграли те силы среди белых колонистов Новой Зеландии, которые были согласны с тем, что это надо делать.

Вопрос из зала: Тогда возникает вопрос – какова конечная цель? Интеграция малых народностей в существующую действительность или собирание их как этнографического элемента?

Миллер: В том случае, если эта интеграция может быть успешно осуществлена, и если они этого хотят, то, конечно, интеграция. Но если они этого не хотят, то тогда сохранение. Как же иначе? Они же тоже люди, их надо спросить.

Сергей Липавский: Вы вскользь коснулись темы, которую я не до конца для себя уяснил, в частности, уже 16 лет мы слышим о том, что Россия должна помогать своим соотечественникам за рубежом. Слышим это из уст достаточно образованных людей: Дмитрия Rogozina, Константина Затулина, известного тебе. И видим, как это иногда в некоторых местах осуществляется, например, массовая раздача российских паспортов в Крыму или в Абхазии. Возникает вопрос, если помогать, то кому, где и как? С точки зрения Вашей убедительной модели, естественно, никому, нигде и никак. Кого считать соотечественниками на Украине? Русскоязычных, которые считают себя частью украинской нации или тех украинцев, которые не считают себя частью украинской нации?

Миллер: Спасибо за очень важный вопрос. Первое. Тема соотечественников – это хорошая тема для внутри- и внешнеполитической де-

тельности, которая очень часто меньше всего ориентирована на заботу о соотечественниках. Понятно, что существуют силы, которые это используют, поэтому о том, кому, как и где помогать, очень важно говорить. Тезис первый. Помогать надо тем, кто этого хочет и кто об этом просит. Следующий вопрос. Можно ли сказать, что помогать надо так, как они просят? Ни в коем случае. Здесь нужно быть очень разборчивым. Если русскоязычное население Крыма, например, просит открыть филиалы российских вузов в Крыму, почему нет? Другое дело, что надо как-то об этом договариваться, например, с украинским правительством, чтобы это было в правовом поле. Если они просят поставлять им дотированную русскоязычную литературу, почему нет? Если они просят присоединить Крым к России, то я бы сказал, что перед ними надо извиниться и попросить их не педалировать эту тему. Важно, что любой человек, который говорит, что «я русский, живу за пределами России», может попросить Россию как государство помочь ему в Россию переселиться. И у России должна быть программа для того, чтобы это было по-человечески, нормально сделано. Вот это обязательно нужно.

Теперь о паспортах. Это очень любопытно, потому что массовая задача российских паспортов – это значит, люди попросили принять их в российское гражданство. В общем, в этом ничего специально плохого нет. Абхазия, Осетия – это конфликтные территории, но мне кажется, что происходящее определяется позицией, которую я могу понять. Эти территории оказались в текущем положении в результате довольно ожесточенных конфликтов. Эти территории зависли в этом положении надолго. Говорить, что у нас есть способ решения этой проблемы, не приходится, потому что у нас его нет. Я не считаю, что эти территории должны быть приняты в состав России, без согласия Грузии это сделать нельзя. Совершенно очевидно, что они не хотят вернуться в состав Грузии. А люди там есть? Они там живут? А как они должны функционировать, если российский паспорт обеспечивает абхазскому человеку возможность поехать, в том числе, в Россию на заработки, пересечь эту границу. Представим себе, что на них распространяется запрет на визы. И что они будут делать? Чтобы они там с голоду передохли? Надо очень точно различать то, что в этой сфере является гуманитарной акцией, и то, что в этой сфере является использованием людей для достижения политических интересов. То, что это различие всегда провести очень сложно, и то, что на практике очень часто граница между этими вещами очень зыбкая – это факт. А мир наш вообще несовершенен. И

люди по определению не только хорошие, но и плохие, каждый в отдельности, а уж тем более все вместе взятые. Спасибо.

Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны

*Мы публикуем полную расшифровку лекции известного историка, специалиста по окраинам Российской империи, профессора Центрально-Европейского университета в Будапеште, ряда других европейских университетов, ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН **Алексея Миллера**, прочитанной 6 апреля 2006 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру».*

Лекция демонстрирует новый и чрезвычайно мощный подход к анализу истории крушения европейских империй, рассматривающий континентальные империи в качестве системы сообщающихся сосудов, в рамках которой функционировали во многом связанные процессы. Система эта скреплялась общим пониманием границ взаимного разрушения, по мере нарушения которых она и рухнула как целое. И, несмотря на то что «история ничему не учит, поскольку не повторяется», она дает ряд инструментов для анализа и современной ситуации. Данный подход напрочь лишен идеологической и концептуальной предвзятости, например, представления об обреченности их на распад «в результате роста национального самосознания». Ключевое событие европейской истории XX века, с которого началась эпоха войн на уничтожение, рассматривается поверх национальных эмоций и идеологий.

Текст лекции

Сначала я скажу пару слов о самой теме лекции. Перед лекцией была презентация книжки «Западные окраины Российской империи», которую только что выпустило «Новое Литературное обозрение». Мы ее редактировали вдвоем с Михаилом Долбиловым, и во многом с ним же и написали. Мне бы хотелось, чтобы тема лекции была с этим связана, но выходила за рамки этой книги. И под конец этой презентации Святослав Каспэ (спасибо ему!) задал чудесный вопрос. Он сказал, что за последние годы уже много написано про Российскую империю, и все время для тех, кто занимается историей империи, основным оппонентом выступают национальные нарративы. А нельзя ли как-то отойти от этой оппозиции? Сейчас отойдем от этой оппозиции, и я, до определенного момента забыв о национальных нарративах, попробую показать,

что и история империи, взятая отдельно, не позволяет нам объяснить всего, что происходило в Российской империи.

Иначе говоря, тот вопрос, с которого я начну, – это вопрос «Почему мы не можем понять того, что происходило на окраинах Российской империи, если мы ограничиваем поле нашего зрения только Российской империей». От этого вопроса я перейду к описанию того, что я называю макросистемой континентальных империй на окраине Европы. Сюда войдут Российская империя, империя Габсбургов, империя Гогенцоллернов и Османская империя. А в конце мы подойдем к вопросу, который вынесен в заголовок: почему эти империи рухнули все вместе в ходе Первой Мировой войны. Это тот случай, когда я отступлю от своего железного правила и скажу, что из того, о чем сегодня пойдет речь, можно сделать злободневные политические выводы. Хотя всегда настаиваю на том, что история ничему не учит и не должна учить в плане выработки стратегии политического действия, потому что она никогда не повторяется.

Итак, что имеется в виду, когда идет речь о макросистеме континентальных империй. Давайте посмотрим на нее. Это четыре империи, у которых есть общие границы. У двух из них – у Габсбургов и у Романовых – общие границы с остальными тремя участниками этого ансамбля. У двух – у Гогенцоллернов и у Османов – границы с двумя участниками. Эти границы в XVIII и XIX вв. довольно интенсивно движутся. Собственно, сама система складывается в результате мощной подвижки этих границ, которая была связана с разделом еще одной империи, которая здесь находилась в конце XVIII в., – это Речь Посполитая.

Но еще более важно, что не только эти границы движутся, но в восприятии людей, которые делают политику этих империй, эти границы имеют еще огромный потенциал дальнейших подвижек. Очень многие зоны пограничья в имперских столицах рассматриваются как зоны оспариваемые, угрожаемые. Если мы думаем о западных границах Российской империи, то вот вам такой пример. Где Александр I узнал о нападении Наполеона на Россию? Он узнал об этом на балу в дворянском собрании в Вильне. Он сохранял каменное спокойствие, ничем не показал этого известия, сразу после бала поехал в Петербург. Но это показывает, как один из Романовых, можно сказать, на своей шкуре ощутил, что западная окраина империи – это угрожаемая зона. Многие другие примеры я приведу в дальнейшем.

Теперь посмотрим, как распределены роли в этой макросистеме. Посмотрим на такой важный для функционирования империи фактор, как

религия. У нас есть Романовы, которые позиционируют себя как покровители православия и в самой империи Романовых, и за ее пределами. У нас есть Габсбурги, которые сами католики и католикам покровительствуют. У нас есть Османы, которые, разумеется, сами мусульмане, и они едины в двух лицах – и султана, и халифа, т.е. главы мусульман. И Гогенцоллерны – это протестантская династия, и покровительствуют они протестантам.

Если мы посмотрим на то, как развивались отношения в религиозной сфере, то мы увидим, что это распределение ролей очень важно. Например, мы смотрим на Габсбургскую империю и видим, что на довольно раннем этапе развития Габсбурги довольно терпимы к протестантам. И вдруг в конце XVII в. все меняется: протестантам буквально откручивают головы. Почему это произошло? Потому что Османская империя потерпела поражение в битве под Веной. А вместе с ней потерпели поражение многочисленные протестантские венгерские дворяне, которые сражались в Османской армии против христианских Габсбургов. Как только борьба за лояльность венгерских протестантов была окончена, потому что турок прогнали, тут же можно было начать откручивать им головы.

Если мы посмотрим на историю староверов в России, никак нельзя понять всего, что происходило, оставаясь в рамках Российской империи. Потому что где староверы обрели свою церковную иерархию? В подвластной Габсбургам Белой Кринице, где один из епископов впервые рукоположил новых староверских епископов. Мы еще поговорим об этом религиозном измерении.

С религиозным распределением ролей связано и распределение и по пан-идеологиям, если можно так сказать. Потому что у нас есть панславизм (всем известная вещь), пангерманизм (всем известная вещь), и у нас есть панисламизм и пантюркизм, которые существовали в странном симбиозе. Есть очень известный историк-тюрколог Кемаль Карпат, который написал книгу под названием «Политизация ислама». У него есть глава, которая называется «Пантюркизм в Российской и Османской империях». Почему глава называется так? Потому что если мы посмотрим, как формировался пантюркизм, то обнаружим, что среди его отцов-основателей, главных идеологов как минимум половина была российскими подданными.

Когда мы подумаем о том, как формировалась политика Российской империи в отношении мусульман в России, то мы ее совершенно не поймем, если не обратим внимания на то, что звонком для возникновения исламского вопроса в Российской империи была Крымская война,

когда вдруг оказалось, что многие мусульмане в Российской империи симпатизируют совершенно не тому, кому следовало бы с точки зрения Петербурга, т.е. Османской империи. Сразу мусульманский вопрос стал проблемой. Это, между прочим, было большим открытием для Романовых. Потому что если мы посмотрим на XVIII в., то татары активно используются как медиаторы при освоении новых мусульманских пространств. Татары уже знали русский язык, они знали арабский, говорили на каких-то вариантах тюркского языка, их использовали в качестве переводчиков, медиаторов с местным населением. Вдруг после Крымской войны все меняется. Теперь власти осознали, что татары могут быть носителями пантюркистского проекта и их нужно как можно быстрее изолировать от других тюркских, особенно и мусульманских народов Российской империи.

Посмотрим на панславизм. Он был вызван и Габсбургами, и Османами, у которых было много подвластных славян. Как это отражалось на политике империй? После войны между Австрией и Пруссией, когда Пруссия победила (это 1866 г.) и присвоила себе роль объединителя Германии, и происходит объединение Германии по сценарию, который в немецкой историографии называется *Kleindeutsch*, т.е. малонемецкий, с отрезанием австрийских немцев, Габсбурги встали перед проблемой, как им реорганизовать свою империю. Были разные варианты. Чехи, например, очень хотели получить такие же права, как и венгры. Почему Габсбурги на это не пошли? Одна из причин: они боялись оттолкнуть своих немцев. Посмотрите, династия Габсбургов оказалась зажата между двумя вызовами: панславизм и пангерманизм, который уже оседлала Пруссия. В результате венграм можно было дать половину империи, чтобы они там делали, что хотели. Но если дать еще какой-то кусок чехам, то тогда немцы оказываются на сиротском положении, они перестают быть имперским народом, перестают быть доминирующей группой в Цислейтании. И в результате их лояльность к Габсбургам будет еще больше подорвана, могут пойти в сторону Пруссии. Если мы посмотрим на 1938 г., когда 90% австрийцев приветствовали аншлюс, то в этом предположении не было ничего удивительного. Мы видим, что какие-то судьбоносные решения по внутренней организации империи очень часто диктуются более широким имперским контекстом.

Итак, пангерманизм – это вызов для Габсбургов, это мы уже сказали. Но ведь это вызов и для Романовых. Обратите внимание, когда Юрий Самарин, известный славянофил, написал свои «Письма из Риги», где говорил, что Романовым надо опереться на угнетенное

местное население, т.е. латышей и эстонцев, против в общем-то лояльных им балтийских немцев, его на несколько месяцев посадили то ли в Шлиссельбургскую, то ли в Петропавловскую крепость, я не помню, чтобы он остыл. Потому что раз региональная элита лояльна, то чего же ее отпугивать. Объединилась Германия, и ситуация становится совершенно иной. Теперь уже вопрос о лояльности немцев – это вопрос, который беспокоит не только Самарина, но и самих Романовых.

Я вам приведу пример уже из начала XX в. Балтийские немцы, в основном это крупные землевладельцы, ощущают себя в Прибалтике очень неудобно, потому что растет эстонский и латышский национализм, и Романовы уже этот национализм поддерживают. Что они решают сделать? Они решают несколько изменить демографический баланс. Они начинают раздавать земли в своих имениях семьям немецких колонистов, которых они приглашают переехать в Прибалтику из Поволжья и Восточной Украины, где немецких колонистов было очень много.

Теперь посмотрите на положение Петербурга в данной ситуации. Они перевезли 20 тыс. человек, это немало. Что Петербург может сделать? С одной стороны, основная линия имперского Петербурга, что для империи этничность не важна, ее нет ни в каких перечнях. Есть только религия и язык. Люди, которые переезжают, – это российские поданные. И в рамках Российской империи они совершенно легально перемещаются. Значит, сиди и сложа руки смотри, что происходит?

И через два года, когда они поняли, что это нарастающая тенденция, приходится дискриминировать немцев по этническому признаку, т.е. издать циркуляр, запрещающий немецким колонистам переселяться на земли в Прибалтике. Именно из-за того, что теперь балтийские провинции с их немецкой элитой воспринимаются как угрожаемое пограничье. Потому что на них может претендовать объединяющаяся Германия, потому что в берлинском рейхстаге уже звучат голоса о том, что нужно принять закон, по которому все немцы вне зависимости от того, где они живут и чьими подданными являются, – поданные немецкого рейха. Мы видим, как внутренние изменения в одной из империй неизбежно становятся фактором жизни других соседних империй.

Надо еще учесть, что границы этих империй часто разрезают родственные, близкие этнические группы. Скажем, украинцы, как мы их сегодня знаем (а тогда это были русины), живут и в габсбургской Галиции, и в Российской империи. Литовцы живут и в Российской империи, и в Пруссии. Дальше я могу просто перечислять: азербайджан-

цы, румыны, евреи (которые живут везде), поляки, немцы. Масса таких групп, которые разделены границами империй.

Эти границы – очень пористые. Не только идеологии путешествуют через эти границы, не только деньги, которыми одна столица снабжает своих союзников в другой империи и наоборот. Путешествуют люди. На самом деле миграционные процессы здесь имеют массовый характер. Есть диссертация, которая описывает миграции населения между Российской и Османской империями в XVIII в. Автор приходит к выводу (хотя он не нашел никаких документов, подтверждающих эту точку зрения), что фактически это был интенсивный и организованный обмен населением. И, в общем, выглядит это логично. Потому что когда мы видим, как не десятки, а сотни тысяч мусульман из регионов, которые Российская империя оттяпала у Османской империи, уходят в Османскую империю и как на их место из Османской империи вытесняются болгары, сербы, отчасти даже греки, возникает ощущение, что мы присутствуем при довольно популярной в XX в. практике обмена этническими группами.

Посмотрите на немецкую диаспору в Российской империи. Посмотрите, как много евреев перемещается из одной империи в другую. Посмотрите, как чехи мигрируют в Российскую империю. Это все анклав, которые не только создают особые идентичности на новых местах расселения и, кстати, влияют на соседей. Потому что если мы посмотрим на самую распространенную ересь в начале XX в. на Украине, то это штундизм – форма немецкого протестантизма. Но и в местах исхода это тоже влияет на формирование идентичности и лояльности.

Возьмем пример Галиции. Там партия, которая называлась русофильской, которая была настроена промосковски, была очень сильна в середине XIX в., она доминирует. В 60-70-е гг. происходит интенсивная эмиграция этих активных русофилов из Габсбургской монархии в Российскую империю. Среди прочего потому, что в связи с реформой образования в Российской империи, введением классических гимназий, открылось много учительских позиций по преподаванию классических языков. А эти русофилы, которые были, в основном, униатскими священниками, были довольно образованные люди и классические языки знали. Теперь они могут найти работу, и они уезжают. 500 человек. Можете представить, что это значит. 500 политических активистов, переехавших из маленькой Галиции. Это один из важных факторов (но объясняющий далеко не все), почему к концу 80-х гг. в Галиции уже доминирует украинская ориентация.

Если мы посмотрим на лояльность, скажем, поляков, то невозможно понять, почему поляки в той или иной империи ведут себя лояльно или, наоборот, не лояльно, если не брать во внимание, что происходит с ними в другой империи. Скажем, был Александр Велепольский, маркиз, который пытался убедить людей в Петербурге в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в., что полякам надо вновь дать автономию и что это приведет к примирению. Этот человек был действительно весьма лоялен Российской империи. Если мы посмотрим, как это все получилось, то мы обнаружим маркиза Велепольского в 1847 г. пишущим письмо на имя Меттерниха. Что он пишет в этом письме? Что «с этого дня вы можете считать меня заклятым врагом Габсбургов. Везде, где я смогу, я буду с ними бороться». О чем идет речь? О том, что в 1846 г., когда польская шляхта готовила в Галиции восстание против Габсбургов, Габсбурги решили, что нечего играть в эти игры, и натравили польских крестьян на помещиков. Польские крестьяне радостно порезали примерно 500 человек, по некоторым подсчетам – до 1000. Одним словом, с этого момента Габсбурги – это враги Велепольского.

Если мы посмотрим, почему поляки так лояльны Габсбургам после восстания 1863-1864 гг. в России, то совершенно очевидно, что не только потому, что они получили какую-то автономию (они хотели заметно больше). А потому, что они прекрасно понимали, что та куца автономия, которую им дали Габсбурги, – это самое лучшее, что у них на сегодня есть. А в России после восстания 1863 г. им больше ничего не светит. Это система тесно сообщающихся сосудов.

Другой пример такого рода (и здесь мы вернемся к религиозному фактору) – это политика Российской империи в отношении армянской церкви. В 1828 г. Романовы «откусили» у Персидской империи Эчмиадзин (это резиденция Католикоса). И как только они получили духовный центр армянской церкви под свой контроль, они встали перед серьезной проблемой. Что делать? Либо заниматься приведением армянской церкви к общему знаменателю, т.е. отдавая приоритет каким-то внутренним нормам религиозной политики в Российской империи, приводить армянскую церковь в такое же положение, на котором находились остальные конфессии. Или отдать приоритет политике влияния, т.е. как можно использовать Католикоса для влияния на большинство армянского населения, которое находилось вовсе не под властью Романовых, а под властью Османской империи. Чему они отдают приоритет? Они отдают приоритет внешнеполитическим задачам. Армянская церковь имеет абсолютно несхожие условия, привилегии вплоть до того, что Католикоса выбирает коллегия выборщиков, в которой

большинство составляют подданные не Романовых, а турецкого султана.

Это показатель того, что эти империи заметно более тесно связаны между собой, чем европейские империи вообще. Понятно, что все европейские империи так или иначе находятся во взаимодействии друг с другом: соревнуются, борются и т.д. И понятно, что все эти империи так или иначе разыгрывают карту различного рода сепаратизма у своего противника.

Но хочу обратить ваше внимание на то, что совершенно иначе этот фактор работает, скажем, в отношениях России с Францией или Великобританией, с одной стороны, и Габсбургами и Гогенцоллернами – с другой. Что я имею в виду? Представим себе, что французы хотят поддержать очередное польское восстание. Они могут это сделать, они это делали. Какое значение это имеет для внутренней политики Франции у себя в метрополии или в своих колониях? Ровным счетом никакого. Англичане хотят поддержать борьбу кавказских горцев, например, против Российской империи, что они и делали. Какое значение это имеет для политики Британской империи в отношении собственных мусульман? Ровным счетом никакого.

Теперь представим себе, что Вена хочет поддержать польское или украинское движение в Российской империи. Это моментально ставит перед Веной вопрос: как ты будешь модифицировать политику в отношении собственных поляков и украинцев? Если Пруссия хочет сделать то же самое, например, в отношении поляков, сразу же это ставит вопрос о том, как будет меняться прусская политика в отношении ее собственных поляков.

Иначе говоря, у трех империй общий скелет в шкафу (это Речь Посполитая), много других взаимосвязей. И это значит, что эти империи на самом деле очень осторожно в течение всего XIX в. разыгрывают этническую карту в соперничестве друг против друга. Они, конечно, с удовольствием подгрызали друг друга. Но всегда они руководствовались достаточно жесткими конвенциональными ограничениями. Они всегда были очень осторожны в этом.

Приведу вам такой пример. В 70-е гг. XIX в. в Петербурге в Министерстве иностранных дел решили: «Давайте-ка откроем консульство Российской империи во Львове. Там много людей, которые нам симпатизируют. Будет очень хорошо иметь опорную точку». И написали об этом российскому послу в Вене с предложением поговорить с кем положено. Посол в ответ говорит, что «да, я, конечно, поговорю, но, вообще, вы должны быть готовы к тому, что на основах взаимности они

(Габсбурги) попросят открытие такого же консульства в Киеве». Ответ из российского Министерства иностранных дел: «Забудьте». Российское консульство во Львове открылось спустя 20 лет. И эти ограничения очень серьезно работали.

Постепенно эта система начинает давать сбои и разрушаться. Начало этого довольно длительного процесса приходится на Крымскую войну. Дело в том, что Крымская война подорвала вообще глобальную систему концерта великих держав Европы, который был основан на том, что «мы друг с другом воюем, даже очень регулярно (потому что это такое развлечение интересное), но мы никогда не стремимся друг друга разрушить, и мы всегда даем проигравшему спасти лицо». На этом был основан концерт великих держав.

Именно в ходе Крымской войны этот концерт был разрушен. В том числе и потому, что Николаю спасти лицо не дали. Мы же знаем, что Николай сначала очень агрессивно нагнетал ситуацию в отношении Османской империи. Когда он обнаружил, что ему придется воевать не только с Османской империей, но и с Англией, Францией, он сказал: «Ой, ребята, извините, я вовсе не это имел в виду». Ему сказали: «Нет-нет, раз уж начали – давай закончим». Можете себе представить, что значила для Николая потеря лица в ходе Крымской войны (а он, в общем, не сомневался, что проиграет), если фактически понятно, что человек покончил жизнь самоубийством в такой довольно изощренной форме, чтобы не нарушить христианских заповедей. Именно то, что произошло тогда, вскоре после этого позволило объединиться Германии (это было невозможно в рамках концерта великих держав). И вся система пошла в разнос. Пропущу подробности, как это развивалось дальше.

Но крахом всей этой системы стала Первая мировая война. Не только потому, что эти державы оказались вовлечены в войну друг против друга (они и раньше воевали друг против друга, ничего страшного). Природа войны была принципиально другая по целому ряду параметров. Во-первых, это была первая война, в которой всерьез участвовали армии, основанные на всеобщей мобилизации. Что это значит? Это значит, что впервые уже окончательно была разрушена граница между, что называется, профессиональной армией и гражданским населением. Теперь любой более-менее здоровый мужчина в возрасте от 16 до 60 лет (а именно это был призывной возраст) рассматривался как потенциальный солдат. Это значит, что теперь воюющие стороны стремились увести с отступающей армией или даже заранее выселить те категории населения (по этническому признаку), которые потенциально могли стать

резервом для пушечного мяса в случае, если соперничающая империя придет на эту территорию.

Поэтому с западных окраин Российская империя активно выселяет немцев и евреев. Потому что у военного establishment'a эти две группы вызывают подозрение по части их лояльности. Что происходит с русинами в Галиции? Именно там впервые возникает то, что потом мы так хорошо знали в XX в., – концлагеря. Это концлагеря для тех русинов, которых австрийские власти подозревали в симпатиях к Москве. Когда в 1915 г. делегация галицийских русинов явилась к императору с петицией официально переименовать галицких русинов (как они официально назывались) в украинцев – это был вопрос жизни и смерти. Потому что венгерские войска, которые были на этой территории, не очень говорили на славянских языках. И когда они спрашивали: «Ты кто по национальности?» и слышали «Русин» – это ничего хорошего этому человеку не обещало. Поэтому этничность становится фактором, из-за которого ты можешь пострадать вне зависимости от твоей лояльности. Этничность становится фактором повседневной жизни, повседневной безопасности и тягот.

Для Российской империи еще было важно, что когда власти столкнулись с тем, что этих без малого 6 млн человек, которые оказались беженцами в результате немецкого наступления 1915 г., надо как-то расселить и как-то оказывать им помощь, они не придумали ничего другого, как сгруппировать их по этническим группам. Если мы посмотрим на политическую элиту прибалтийских государств после Первой мировой войны, то значительная часть этих людей – это активисты беженского движения. Т.е. сами обстоятельства войны уже резко мобилизовали этнический фактор. Но этого совсем не достаточно.

Это была тотальная война, война на выживание. И раз это война на выживание, все конвенциональные ограничения (не общегуманистические, что людей не надо травить в газовых камерах, хотя и газы пробовали, а ограничения по части использования национальной карты друг против друга) были выкинуты на помойку.

В результате что произошло? Есть очень известный историк австрийской армии в Первой мировой войне и офицерского корпуса Иштван Дзак. Он в одной из своих книг замечает, что крах австрийской армии и крах Габсбургской империи как таковой начался в российских лагерях для военнопленных. В очень большой части, я думаю, он прав. Потому что если мы посмотрим, что происходит в лагерях для военнопленных, то там работает Особый политический отдел российского МИДа, задачи которого – распропагандировать прежде всего сла-

вянских военнопленных – габсбургских подданных, для того чтобы потенциально их можно было использовать, если война будет продолжаться, уже по российскую сторону фронта. Один из плодов этой работы – это Чехословацкий корпус, который после революции займет всю Сибирь.

Только ли Россия занималась этими вещами? Разумеется, нет. И Габсбурги, и немцы организуют специальные лагеря для украинских военнопленных. Сейчас известный американский историк Марк фон Хаген пишет об этом книжку, она будет очень интересной, о том, как этих людей надо было отобрать, как им надо было объяснить, что они украинцы (это была нелегкая задача) и как их надо было потом сделать украинцами всерьез. Немцам это удалось. Естественно, эти лагеря были лучше по условиям, чем лагеря для русских военнопленных. Эти люди не сыграли никакой решающей роли в войне, на фронте. Где они сыграли решающую роль? Эти люди, поскольку их в лагере среди прочего обучали читать и писать на украинском языке, потом стали школьными учителями в той части Украины, которая оказалась под властью Польши.

Обратите внимание, когда пытаются объяснять карту электоральных предпочтений на современной Украине, все говорят: «Вот это была Российская империя, а вот это была Габсбургская империя, и там Габсбурги нагадили». Нет. Эта карта выглядит иначе. Это карта, на которой граница протекает между Польшей и Советским Союзом в межвоенное время, потому что Волынь голосует похоже с Западной Украиной. А Волынь всегда была в Российской империи.

Посмотрим еще на оккупационную политику немецких войск, например, на западных окраинах Российской империи. Первое, что они делают, – они запрещают русский язык в администрации и, наоборот, делают официальным языком администрации украинский, белорусский, литовский – местные языки. Это, конечно, не несло каких-то революционных изменений в языковых предпочтениях населения, потому что это не решается так, щелчком пальцев. Но производит переворот в сознании. Потому что впервые в сознании местного населения вдруг обнаружилось, что владение этими языками может быть очень существенным, карьерным в том числе, плюсом. Это было только начало.

Т.е. мы видим, что империи начали закачивать очень большие ресурсы, материальные и человеческие, в поддержку этих национальных проектов. К чему я это говорю? Если мы внимательно посмотрим на все эти вещи, если мы попробуем оценить, что случилось в результате Первой мировой войны, то в несколько ином свете предстает привыч-

ный тезис, что эти империи пали в результате того, что национальные движения стали очень сильными, что Немезида этих империй – национальные движения. Я бы оспорил эту точку зрения. Я бы сказал, что Немезидой этих империй стали они сами. Потому что они сами весьма способствовали усилению этих национальных движений в кадровом, материальном и т.д. плане в ходе Первой мировой войны.

Обратите внимание еще на такой факт, что чем ближе к концу войны, тем больше и Российская империя, и Османы, и Габсбурги пытаются, как им кажется, использовать последний ресурс мобилизации этого человека с ружьем – использовать национализацию частей. Т.е. в русской армии создаются украинские, белорусские части и т.д. Эти части потом окажутся очень важным фактором при формировании национальных государств. Если, вы, кстати, посмотрите на элиты всех государств, которые возникли на развалинах Габсбургской империи, то вы обнаружите, что их элиты в межвоенный период – это почти исключительно люди, которые были в армии и были связаны тем, что называется «ветеранский опыт». Они, как правило, были в одном легионе, в одной дивизии, в одном корпусе, в одном лагере для военнопленных, они были объединены какими-то общими переживаниями.

Эти империи могли существовать как империи за счет некоего сотрудничества и ограничения взаимной подрывной деятельности. И как только они отказались от этих ограничений, они сами себя порушили. Надо учитывать, что не работает теория чайника: закипает, закипает это национальное движение, температура повышается, 70°C, 80°C, 90°C – взорвалось. Посмотрите, например, на поляков. Более 3 млн. поляков (а это люди, которые в XIX в. активно восставали во всех империях) исправно стреляли друг в друга через линию фронта в течение нескольких лет. Они лояльно служили в романовской, габсбургской и даже немецкой армиях.

Если мы посмотрим на период уже окончания Первой мировой войны, то мы увидим, что на самом деле все эти национальные движения субъективно, по самооощущениям лидеров этих движений, были очень слабы. В 1917 г. был создан орган, он назывался Тариба (совет). Это был орган Литовского национального движения. Чем ребята занимались в течение года? Они слали телеграммы в Берлин. Текст телеграмм был примерно такой: мы торжественно объявляем недействительными все прежние договоры и клятвы о привязанности (имелись в виду обязательства перед Россией) и хотим стать частью проектируемой немецкой *Mitteleuropa*. В принципе, лидеры этих национальных движений по большей части думали о том, как бы найти нового патрона в этой раз-

рушающейся ситуации. Потому что нужно отдавать себе отчет в том, что для Российской империи (и это последнее, что я скажу) мощнейшим фактором распада была большевистская революция.

Если мы посмотрим, например, на закавказских лидеров (там есть Закавказская Федерация), они ведут переговоры с турками, это 1918 г. Чего от них добиваются турки? Прежде всего, начальное условие переговоров – провозгласите независимость от России. Какой ответ грузинских и армянских деятелей? «Нет. Мы являемся частью Российской Федерации, которая будет создана, когда будет восстановлена власть Временного правительства». Временного правительства нет. Они объявляют, что они ему лояльны. Почему? Знаете, когда гуляешь по зоопарку и неожиданно из клетки выскочил тигр, главное – вовремя найти свободную клетку и туда спрятаться. Это к вопросу о тюрьме народов. Империю можно называть тюрьмой народов, но она еще защищает от внешних воздействий. Для грузин и армян российская тюрьма народов прежде всего выполняла эту функцию.

Но если проваливается легитимный центр (а в большевистской революции этот центр проваливается), то все элиты на окраинах начинают волей-неволей думать о том, как мобилизовать местный национальный ресурс для борьбы с большевиками.

Если мы посмотрим на таких людей, например, как Вернадский. Можно его считать украинским патриотом? Очень сомневаюсь. Он не был великорусским шовинистом, но украинским патриотом в плане отдельного от России существования он вовсе не был. Он основывает украинскую Академию наук. Почему? Потому что он не верит в то, что большевиков удастся выгнать из Москвы и Петербурга, но он очень надеется, что какие-то элементы русской культуры удастся сохранить на Украине, если ее удастся отстоять от большевиков.

И таких людей было довольно много. Короленко в своих дневниках замечает, когда он увидел какого-то русского офицера в армии Петлюры: «Господи, до чего же надо было довести людей (имеется в виду: до чего же большевики должны были довести людей), чтобы они шли в любую армию, которая воюет с большевиками».

Завершаю. Обещал вывод, который имеет отношение к современной политике. Он будет такой. Даже в эпоху своего высшего могущества в XIX в. империя Романовых, те люди, которые ей управляли, прекрасно осознавали, что на свои западные окраины они не могут смотреть, как на свой задний двор, в котором они и только они хозяева и никаких других влияний нет. Даже Сталин это понимал в эпоху своего высшего могущества в 30-е гг. Когда он переходит от политики коренизации к

политике подавления национальных элит, потому что теперь он переходит к тактике защиты того, что есть.

К чему я это все говорю. Политика Москвы в 90-е гг., которая была основана на представлении о том, что теперь, даже после распада Советского Союза, Москва, тем не менее, может претендовать на пространство СНГ, в том числе на западную часть этого пространства, на решающее и исключительное слово, – были глубочайшим заблуждением. И очень обидно, что пришлось заплатить тяжелыми поражениями и, в общем, потерей лица в 2003-2004 гг. за осознание этой истины. Слава Богу, кажется, сегодня эта истина осознана. Спасибо.

Обсуждение

Лейбин: Я, конечно, должен подхватить знамя современности. Уроков извлекать мы не будем. Но чрезвычайно продуктивная логика анализа может быть применена и на современном материале, что вы, в частности, показали в своем выводе. И остаются еще вопросы о применении данной логики к современному материалу. Что такое современный материал – понятно. Есть игра с окраинами, есть многонациональные, многоэтнические образования, включая Евросоюз, Российскую Федерацию, Украину, Грузию и др., есть разные типы игры. Вопрос. Есть ли сейчас, на данный момент, какая-то конвенция о том, чтобы похожие игры не были играми на уничтожение? Если нет, то возможна ли она и в каком виде? Как могла бы выглядеть конвенция в данной ситуации? На неуничтожение, например, России и Украины.

Миллер: Я отвечу на этот вопрос. И давайте так, если у кого-нибудь еще есть вопрос по политической части – еще один, скажем, зададим, а потом хотелось бы получить исторические вопросы.

Реплика из зала: Расскажите, пожалуйста, вашу последнюю мысль чуть-чуть более развернуто.

Миллер: Хорошо, постараюсь это развить. В 90-е и последние годы Россия оказалась вовлечена на западных окраинах бывшей Российской империи в игру с нулевой суммой. Игра формулируется так: столько, сколько один игрок выигрывает, столько другой игрок проигрывает, и другого быть не может. Соответственно, с одной стороны воевала Россия, а с другой стороны воевали те, кто был активными игроками, условно говоря, Запада. Но я сразу оговорюсь, что не все на Западе собирались участвовать в этой игре в таком исполнении.

Эта игра в длительной перспективе, с точки зрения России, обязательно обречена на провал. Она обречена на провал по одной простой

причине. Потому что соревнование с Западом в цивилизационной привлекательности мы раз и навсегда проиграли, по крайней мере, в обозримой перспективе. У нас есть другие козыри. Но в XIX в. Российская империя еще участвовала в этой борьбе – соревнование в цивилизационной привлекательности и цивилизационной лояльности. В рамках такой борьбы можно было, например, не запрещать литовский язык, чего никогда не делали, но запрещать использование латиницы для литовского языка. Это была граница цивилизационной лояльности. А перед этим запретили латиницу для украинского и белорусского языков.

В современных условиях Россия может что-нибудь для себя выиграть в том случае, если она найдет те пункты в повестке дня, по которым сотрудничество будет интересно и определенным западным партнерам. Я бы не сказал, что таких договоренностей совсем не проглядывается. Мне кажется, что в определенной сфере они есть.

Смотрите, если мы будем говорить, какие уроки извлечены из той катастрофы, которая постигла российскую политику на Украине в 2004 г. Я бы сказал, два главных урока. Первый урок – экономизация способов влияния. Посмотрите, сегодня это прежде всего проблема энергоносителей, это «Газпром». И это принципиально важно. Потому что, если мы спорим о цене на газ, о тарифах на транзит со всеми вытекающими отсюда последствиями для этих стран, то это легитимный, как любит повторять Путин, спор хозяйствующих субъектов. И те или иные договоренности заключаются между этими субъектами, и они легитимны с международной точки зрения.

Теперь посмотрим, в чем интерес «Газпрома», помимо большой трубы, объемов газа и его цены. Это то, что называется красивым словом *retail*. Для того чтобы получить большую, настоящую, реальную прибыль, надо войти на рынки розничной торговли энергоносителей. Как это делает «Газпром», как он старается это делать? Посмотрите на Прибалтику. При том, что Прибалтика очень антироссийская, они там стоят насмерть, как Брестская крепость, газовый рынок Прибалтики уже целиком принадлежит кому? Нет, не одному «Газпрому», но и «Газпрому» в том числе в консорциуме с немецкими компаниями. Т.е. крупные газовые и нефтяные игроки Германии и России о чем-то очень существенном договорились. Символом этого (только символом!) является новое трудоустройство Герхарда Шредера. Последствия – очень серьезные.

Дальше, если это будет основой, можно думать о том, что определенная модификация европейской политики на этом пространстве мо-

жет быть достигнута. Помимо того, что сам Европейский Союз на этом пространстве теряет свой главный инструмент. В принципе, что такое Европейский Союз? Это потенциально великая держава, обладающая способностью, как сказал один политолог, к неограниченному расширению. Вдруг оказалось, что расширение – ограниченное. И оказалось, что Европа могла диктовать условия тем странам, которые теперь гордо называются Центральной Европой. Почему? Не потому, что Европа была очень сильна. А потому, что Европа могла кое-что пообещать. Рухнул Варшавский договор – Европейский Союз сказал: «Польша, Венгрия, Чехия, Словакия! Ребята, сидим спокойно, выполняем план присоединения к ЕС – будете в ЕС через 10 лет». Все они сказали: «Есть, дорогой товарищ начальник» – и принялись выполнять. И та же Венгрия ничего не говорила про какую-то Трансильванию, за которую в других обстоятельствах она обязательно поборолась бы, и т.д. Потому что есть большая морковь, пряник.

Дальше. «Оранжевая революция» на Украине случилась. Смысла ее обсуждать не будем. Если бы в этот момент Европейский Союз сказал: «Ребята, через 10 лет вы будете в ЕС, начинаем выполнять план действий», Ющенко не получил бы 14%, и Янукович не получил бы 32%. Но Европейский Союз этого не сказал и не мог сказать. Вот границы его влияния. Значит, с Европейским Союзом уже можно говорить о том, как будет организовано это пространство.

С Европейским Союзом не надо вести себя так, как вел себя по поручению Путина Дмитрий Козак, когда он пытался просто кинуть Европейский Союз, разрабатывая условия примирения Приднестровья и Кишинева. Почти весь меморандум Козака можно было протащить, за исключением присутствия войск, например. Ребята, надо от чего-то отказываться! Но в чем была катастрофичность этого сюжета? Россия в тех условиях, когда она могла продемонстрировать способность вести себя как честный брокер, вместо этого продемонстрировала, что она на это не способна. Если она видит, что у нее в руках, вроде как, козырных карт больше, она начинает играть, как будто никого здесь рядом не стояло. Ей объяснили, что так дело уже не пойдет. За счет событий 2003-2004 гг., кажется, это уже поняли. Вот, что я хотел сказать. А теперь я бы очень хотел услышать исторические вопросы, если они есть.

Андрей Мартынов («НГ-ExLibris»): Алексей, большое спасибо за очень интересную лекцию. У меня два суждения полемического свойства, которые, я надеюсь, получают от вас достойную критику. Первое. Вы говорите о том, как национальный фактор повлиял на распад континентальных империй, это как раз заявлено в названии лекции. Но

как вы смотрите на такую мысль, что практически все европейские государства, втянутые в войну, так или иначе потерпели военное или политическое поражение, в том числе и не империи. Поясню. Будем откровенны. Франция проиграла бы войну. Германия, если бы там не было: а) войны на два фронта, т.е. восточный фронт; б) участия на раннем этапе британских армий, на после апреля 1917 г. – наличия американской армии генерала Першинга, которая практически остановила наступление немцев, последнее наступление – 1917 – начало 1918 г. Национальный фактор, естественно, присутствовал, но в первую очередь здесь имело место наличие ресурсов у континентальных государств, и они оказались недостаточными по отношению к империям и просто государствам не имперского типа, которые не были континентальными.

И второй вопрос-рассуждение о том, что империя распадается не в результате только лишь национальных процессов, а естественным образом посредством перехода этноса в нацию. Этнос образует империю как некий наднациональный тип государства, в котором нации оказываются, условно говоря, равными. Условно говоря, слоган Российской империи «Православие, самодержавие, народность». Под народностью при этом подразумевается наличие всех народов или этносов, населяющих Российскую империю, а не, условно говоря, примат русского, украинца, еврея, чуваша, остзейского немца. И империя начинает распадаться на том этапе, когда этнос уже перерастает свое начальное существование и превращается в нацию. Т.е. он уже осознает себя как некое национальное образование.

Первая Мировая война ускорила распад путем военных поражений континентальных государств. Но Британская империя – победительница не надолго пережила континентальные государства. Вы можете сказать о панславизме, то, что вы говорили на лекции. Но хотел бы обратить ваше внимание, что тот же Николай I, например, очень скептически относился к славянофилам, так же, как скептически относился к западникам. И многие славянофилы тоже преследовались именно за их национализм. В более поздний период империи Николая Александровича, последнего государя, была очень сильная оппозиция, дискредитация образа царя из-за того, что он не участвовал в Балканских войнах, в частности, не поддержал братьев-славян. Большое спасибо.

Миллер: Я начну со второго вопроса. Скажу коротко, потому что, если отвечать развернуто, то на другие вопросы уже не будет времени. Я со всем, сказанным вами, абсолютно не согласен и по части того, кто и как строит империю, и по части соотношения этноса, империи и на-

ции, и по части, чем была народность в формуле Уварова. Я считаю, что Уваров был основателем русского национализма. Думаю, что это фигура, которой стоит поподробнее позаниматься, что я и пытаюсь делать. Думаю, что текст появится где-то через пару месяцев. Поэтому я дальше не буду это комментировать. Скажу, что со всем не согласен.

Теперь, что касается второго вопроса. Здесь я тоже со всем не согласен, но в другом смысле. Когда мы говорим о проигрыше или не проигрыше в войне... Кто-то проигрывает, кто-то выигрывает – вопрос не в этом. Вопрос в том, распадается ли в результате такого проигрыша или выигрыша империя или нет. Франция отчасти проиграла. Она не стояла на грани распада, хотя континентальная Франция тоже представляет собой имперское образование, к началу XX в. уже довольно плотно сбитое: Нормандия, Бретань, Лангедок и т.д. Там сепаратистских настроений не возникло. Среди прочего, потому что эта карта просто не игралась. Это очень важно.

Если вы посмотрите на Британскую империю. У них проблемы с шотландцами в XVIII в. – очень серьезные. Когда они кончаются? Они кончаются прежде всего тогда, когда католическая Франция перестала поддерживать якобитов Шотландии. Т.е. не собственный потенциал национального движения, а его поддержка извне играет очень важную роль. Поэтому не надо все сваливать в одно корыто.

Говоря об этих континентальных империях надо иметь в виду, что в Габсбургской империи к моменту ее распада уже был построен общий рынок. Т.е. это был единый экономический организм. Это не ситуация, в которой происходит демонтаж формальной империи, Британской, просто потому, что в тех условиях это уже не работает. Это совершенно другие механизмы. И континентальные империи распадаются совсем иначе, чем морские, по другим причинам, в других ситуациях. Хотя, кстати, морские империи тоже могли бы просуществовать еще дольше. Но дело в том, что главный победитель во Второй Мировой войне, т.е. Америка, продиктовала демонтаж этих империй.

Алексей Собченко: Нам всем кажется очевидным: что империи были обречены и что после определенного момента что-то случилось. И мы, потом выучив это в истории, воспринимаем это как само собой разумеющийся факт. На самом деле, были в истории развилки, когда могло случиться – могло нет. Типичный пример – Карибский кризис. Мог мир кончиться, могла случиться Третья Мировая война – она не случилась. Мне кажется, что у империй был шанс. И этот шанс был бы, если бы не случилась Первая Мировая война, и развилкой мог быть, например, размен Польши. Допустим, Россия отдала бы царство Польское в

обмен на какие-то православные земли в Австрии или на Балканах. Или же если бы Масарик не обманул Вильсона, занизив число немцев, живших на территории будущей Чехословакии, Вильсон таки настоял бы на сохранении Дунайской Конфедерации. Иными словами, империи были вполне жизнеспособны. И Первая Мировая война была тем гвоздем, которая переломала. Собственно говоря, да или нет?

Миллер: Спасибо. Я могу согласиться с тем (и даже разовью этот тезис), что империя – это не случайность истории. Посмотрим, что такое империя. Империя – это наиболее стабильная и долгоживущая форма политической организации больших пространств с большим количеством населения. На фоне этого национальные государства выглядят пока довольно кратковременным историческим эпизодом. Но, говоря об этом, нужно понимать, что это не значит, что каждая конкретно взятая империя может существовать вечно. Каждая отдельно взятая империя переживает кризисы, старение, распад и т.д. Не из-за национализма же рухнула Римская империя.

В связи с этим возникает следующий вопрос: фокус на XIX – начало XX вв. Если мы посмотрим на те империи, о которых шла речь (да и на другие тоже), чем они озабочены – как структурировать пространство империи так, чтобы в ядре было мощное национальное государство, которое бы могло контролировать окраины. Это очень сложный взаимосвязанный процесс. Мы привыкли думать, что Испания как национальное государство создала себе империю, что Британия как национальное государство создала себе империю. Это глубочайшее заблуждение. Империя строила Испанию.

И когда империя провалилась в своей имперской миссии, например, потеря Кубы в конце XIX в., это не позволило Испании сделать то, что удалось сделать французам. Т.е. в достаточной степени убедить всех жителей Пиренейского полуострова, что язык, который им навязывают, – испанский, а не кастильский. Вот французы убедили всех жителей этого шестиугольника в том, что это французский язык и они все французы. Им это в XIX в. давалось очень тяжело. В середине XIX в. примерно треть населения Франции не говорит по-французски вообще. В Испании мы видим, как она сейчас расползается по швам.

Соответственно, когда мы смотрим на Российскую, на Османскую империи – это то, о чем я говорил в предыдущей лекции ровно год назад, как раз в начале апреля. Можно посмотреть, это вывешено на сайте. Дело в том, что неясен вопрос, сумели ли бы Романовы вместе с русскими националистами построить мощное национальное русское государство в ядре империи, сохранив при этом империю. Из-за того, что

случилась Первая Мировая война, мы не знаем ответа на этот вопрос, и никогда его не узнаем.

Все остальное – это плод того, что называется фантастическая историографии. Есть такой новый жанр, который очень популярен на Украине. Там есть любимый мною роман «Парад». Там главный герой – офицер Украинской повстанческой армии, который едет на парад в Москву, проводимый победившим Гитлером. И этот парад вместе с Гитлером будет принимать Бандера. Очень много всего любопытного. Я считаю, что это хороший жанр, потому что позволяет вытащить на поверхность многое из национальных подсознаний. Для русской публики этот жанр тоже очень свойственен. Скажу только одно слово, чтобы не развивать эту тему: Аляска и все, что с этим связано.

Григорий Глазков: У меня два вопроса. Первый о вашем отношении к имперскому устройству. У меня после вашей лекции сложилось впечатление, что вас можно отнести скорее к сторонникам такого устройства, вам оно просто нравится. И хотелось бы понять, правильное ли у меня возникло впечатление.

И вторая часть этого вопроса касается причин распада империй именно в это время. Многие люди считают, что такой способ устройства различных частей мира себя просто исчерпал. Можно говорить о разных причинах, почему. Я рискну высказать одно предположение, что конец XIX – начало XX вв. – это повсеместный процесс зарождения того, что сейчас принято называть массовым обществом, и связан в том числе с вовлечением в политический процесс тех народных масс, которые, в общем, никакой политической роли никогда не играли. Мне кажется, что империю реально строить тогда, когда в политическом процессе участвуют только элиты, с ними можно договариваться. А с массами договариваться невозможно, и поэтому шансов сохраниться у империи в такой ситуации просто нет. Это первый вопрос.

Миллер: Это первый?! Я насчитал, как минимум, три больших!

Глазков: Ну, вам виднее. А то, что я называю вторым вопросом – он исторический, и связан с тем, о чем был предыдущий. Меня несколько удивило то, что вы сказали о роли большевистской революции в распаде империи. Есть довольно расхожее мнение, что, наоборот, большевики как раз и сохранили империю, и именно поэтому они победили. Идеологию сменевеховства я не буду развивать, думаю, вам очень хорошо знакома эта идея. Было бы интересно услышать ваше мнение на этот счет. Спасибо.

Миллер: Спасибо, очень хорошие вопросы. Во-первых, потому что позволяют избежать определенного недоразумения. Вопрос про то, что

мне нравится имперское устройство. Это заблуждение. Я объясню. По мне всякое устройство хорошо, если оно работает, если люди могут спокойно в этом устройстве существовать и не режут друг друга. Если у вас есть национальное государство, которое устоялось, и все довольны – и слава богу, и замечательно. Если у вас есть империя, то подумайте три раза перед тем, как ее рушить. Потому что самое ужасное, что бывает в истории, – это переходы от одного состояния в другое, когда городской пропадает с угла улицы, а все темные человеческие инстинкты, присущие всем (включая тех, кто сидит в этой аудитории), вылезают на поверхность. Вот тогда никому мало не кажется.

При этом важно понять, что очень часто, если я пишу про империю, для меня эвристически плодотворная позиция – это позиция, которая не осуждает империю априори. Потому что я не пишу про империю, что она плохая, потому что если я так пишу, тогда я не стараюсь ее понять. А раз не стараюсь ее понять, то я ее и не понимаю. Как следствие, я должен попытаться понять логику тех людей, которые в этой империи функционируют, и увидеть многие из тех вещей, которые деформированы теми национальными нарративами, которые на самом деле господствовали в XX в.

Вот вам один пример. Мы говорим, поляки часто восставали против Российской империи (я даже в лекции так сказал). Но, господа, давайте зададим вопрос: какая этническая группа доминирует среди людей, убитых повстанцами 1863 г.? Вы, может быть, удивитесь, но доминируют поляки. Потому что это национальное движение стремилось подавить потенциальную оппозицию этому движению в самой польской среде. А эта оппозиция была очень сильной. Кто первые восемь жертв польского восстания 1830 г.? Это восемь польских генералов, которых застрелили в Варшаве, потому что они отказались возглавить восстание. Тогда мы переходим от истории навязанных нам и на самом деле не существующих однородных этнических и национальных групп: все восстают или все не восстают – и смотрим на реальные группы. А это возможно только в контексте новой истории империи.

Следующий вопрос. Причины распада и эффективность – не эффективность формулы империи. А что такое империя? То определение, которое мне очень нравится (я считаю его операционно самым продуктивным) – это определение Чарльза Тилли, который говорит, что империя – это такая форма политических отношений, при которой центр осуществляет не прямое правление в отношении периферии. Это значит, что центр обязательно должен иметь своих союзников и акторов (вольных-невольных, влюбленных в центр или не влюбленных – это

уже другой вопрос) на местах. Он должен местным элитам нечто давать и через эти компромиссы осуществлять свое не прямое правление. Над чем осуществляет контроль этот имперский центр? Над частью изымаемых ресурсов, над внешней политикой, над правовым полем и многими другими вещами, мы уже уходим в детали.

Здесь важно, что если мы следуем такому определению, то мы понимаем, что Римская империя – это одна из форм империи. Она для многих историков была образцом. И очень часто историки говорят, что та или иная империя – недоделанная империя, потому что не похожа на Римскую. Ну и что, что не похожа? Империи разные, какие-то морские, какие-то континентальные (это принципиальная разница). Не надо слишком расширительно толковать, но что здесь важно. Например, Древняя Греция, союз греческих полисов – это империя или нет? Если мы посмотрим с точки зрения определения Тилли, то это замечательно вписывается в определение империи. Потому что есть Афины, которые на самом деле контролируют политическое поведение остальных полисов. И у нас есть примеры того, что Афины делали с некоторыми полисами, которые имели свое мнение по каким-то принципиальным вопросам, вплоть до посыпания этого места пеплом.

Если мы посмотрим на империю в современном мире, то она уже не основана на формальном включении. Вспомните, что означало само слово «империум». «Империум» – «суверенность», «суверенитет». В этом смысле суверенными могут быть далеко не все формально независимые государства. И если с этой точки зрения мы посмотрим на современный мир, то увидим, что, скажем, Американская империя проявляется прежде всего не в Ираке. Ирак – это сбой Американской империи. Потому что Американская империя построена на других принципах контроля. Там, где американцам надо посылать войска, – там эта империя не сработала как надо. Мы видим, какие сложности эта империя сейчас испытывает, перенапряжение и т.д.

Теперь про массы. Это, безусловно, очень важный вопрос: активизация масс, участие масс в политике. Совершенно очевидно, что для морской империи эта проблема решалась проще. В том смысле, что Британии ничего не мешало провести полную демократизацию на Британских островах, не трогая при этом колонии. Между прочим, так они это и делали. В том смысле, что британская аристократия спасала свой образ жизни прежде всего в колониях, есть про это хорошая книжка Дэвида Кэннадайна «Орнаментализм».

Кстати, очень интересный вопрос. Если выпало в империи родиться, то в какой империи на окраине лучше живется: в империи, которая

основана на старом порядке и элитных соглашениях, т.е. в традиционной империи, или в империи, где произошла политическая модернизация ядра – в Британской, например. Мой ответ вслед за очень уважаемым мной Домиником Ливеном: два раза подумайте. Демократические в своем ядре империи часто в своем поведении на окраинах заметно более жестоки.

Мы, к сожалению, никогда не узнаем, сумели ли бы, например, Габсбурги сохранить, модифицировав, свою империю. Потому что у них были слишком большие напряжения. Но это ключевое напряжение, с моей точки зрения, было не внутреннее, а внешнее: Первая Мировая война и зависимость от Германии. Если бы мы представили себе, что Габсбурги сохраняют полный суверенитет, то вполне возможно, что они могли бы сохраниться. У нас просто ограниченное воображение, и нас этому учили, что XX в. – это век торжества национальных государств, и так оно должно быть. Это решалось в тот момент. Потому что если бы не было Первой Мировой войны с распадом этой макросистемы континентальных империй, то ситуация могла бы развиваться по-другому.

Не ответил про большевиков, очень важный вопрос. Советский Союз (я хочу это очень четко подчеркнуть!) не является продолжением Российской империи. Он возникает на том же месте, но организован на принципиально других основаниях. Заметьте, что местные элиты, на которые опиралась Российская империя, надо было убрать. Да и центральные элиты тоже, по большей части. Заметьте, что сам принцип территориализации, институализации этничности, который был в Советском Союзе в 20-ые гг. и позднее – это то, что было абсолютно чуждо империи Романовых. Это абсолютно другие принципы. Если читаете по-английски, читайте Терри Мартина. Если не читаете, читайте переводы статей Мартина в журнале «*Ab imperio*». Я думаю, что то, что им написано, написано очень хорошо. Сейчас есть какие-то попытки поставить концепцию Мартина под вопрос. Пока что они абсолютно беспомощны. Мне кажется, что он сказал очень важную вещь и очень правильную.

Лейбин: Я должен вставить реплику, поскольку я тут блюду непрерывность нашего цикла и общее содержание. У нас была лекция не историка, а социолога, но хорошая лекция, Д.Е. Фурмана, в логике всеобщей телеологичности распада империй. Чтобы соединить эти два разговора, мне кажется, что в той лекции самое интересное было не это, а то, как именно при Советах удалось все временно отстроить. А телеогичность остается, потому что есть цели, выходящие за пределы историче-

ского рассмотрения, в данном случае социологическое убеждение, которое потом было перенесено на исторический материал. Верно или не верно – другой вопрос, но мне кажется, что такая телеология возникает либо в случае идеологического замысла, либо из другой дисциплины, извне исторического материала.

Максим Брусиловский (независимый журналист): В первую очередь позвольте вас поблагодарить за озвучивание тезиса о том, что советская система была принципиально антиимперской.

Миллер: Я не сказал «принципиально антиимперской». Это была другая империя.

Брусиловский: Да, она была задумана во многом как именно анти-теза Российской империи. Хотя и кое-что приходилось повторять, но это было против воли. В данном случае я хотел сказать не об этом. Хотелось бы остановиться на отношениях Российской империи и ислама. Вы выделили как важную веху Крымскую войну, после которой, по вашим словам, дела пошли хуже. Я бы, как важную веху, выделил скорее Русско-турецкую войну и с прямо противоположным выводом.

Миллер: Какую Русско-турецкую войну вы имеете в виду? Их много.

Брусиловский: Целый ряд Русско-турецких войн. В основном, освобождение Болгарии и войны в период Александра II.

Миллер: Та война, при Александре II, была одна, чтобы вам было легче.

Брусиловский: Я имел в виду, естественно, эту. Потому что до этого еще и при Петре были Русско-турецкие войны, все о них прекрасно помнят.

Миллер: Хорошо, извините.

Брусиловский: После нее можно сказать, что дела пошли совсем хорошо. Потому что она очень ясно показала, что большая часть страхов на тему мусульман в России абсолютно необоснованна. Она показала, что бессмысленно бояться того, что при конфликте с крупным мусульманским государством русские мусульмане повернут штыки против империи. В большинстве случаев этого не происходило. После этого начался бурный роман, вернее основная фаза бурного романа между империей и исламом. Стали строиться новые мечети, медресе, в Петербурге, кстати, была построена замечательная мечеть. Стал строиться так называемый русский ислам – ислам, который основывался на русоцентричности, т.е. это некая отдельная модель. Еще один вопрос: когда вы изучаете Российскую империю, как вы это делаете? Как историк-патологоанатом раскладывает на части мертвую ткань? Или вы, все-таки

считаете, что эти корни Российской империи до сих пор живы и, возможно, сейчас могут каким-то образом плодоносить? Спасибо.

Миллер: По поводу ислама. Напряженность в отношениях вовсе не была исчерпана с Русско-турецкой войной 1877-1878 гг. Она во многом нарастала. Но я согласен с вами, что империи удалось многое сделать по части приручения ислама и отстройки ...

Брусиловский: Собственной модели.

Миллер: Можно, я теперь буду. Я понимаю, что я прерывал вас, но давайте будем в несимметричной ситуации. Но эта модель не совсем работала. Это Российская империя строила иерархию исламского духовенства, потому что для ислама иерархия чужда. Обратите внимание, кстати, как строились те мечети. Существовал типовой проект. Эти мечети до боли похожи на православные церкви, это очень забавно.

Брусиловский: И петербургская? Тут невозможно не перебивать.

Лейбин: Давайте, вы не будете перебивать, потому что привилегия такая – лектора не перебиваем.

Миллер: Я имею в виду в Поволжье. Это все работало. Это была попытка действительно «одомашнить» ислам. Но не будем забывать, что в это время постоянная головная боль российских бюрократов, которые занимаются исламом, – это суфийские братства, которые становятся невероятно популярны и сильны, это пантюркизм, который продолжает оставаться очень влиятельной идеологией. И речь не шла о том, что в войне, победоносной Российской империи, со слабой Османской империи мусульмане похваляют какие-то недоступные им ружья и кинутся с тыла на российские войска. Речь шла о том, что в условиях кризиса Российской империи этот фактор может сыграть очень большую роль.

Второй вопрос был про то, как патологоанатом или как не патологоанатом. В определенном смысле как патологоанатом, и очень рад этой роли. Потому что если мы, например, занимаемся историей империи, которая существует, то пространство для свободы мышления и выражения у нас очень ограничено. Потому что, если империя здесь у нас сейчас живет, то ты либо за нее, либо против. И существует какой-то спонсируемый империей блок людей, которые за зарплату пишут, какая эта империя хорошая.

Я довольно долго жил при советской власти, и мне в голову не могло прийти заниматься такой темой, как ревизия того, что писали историки тоталитарной школы про ужас сталинизма. Ужасы были. Они довольно однобоко интерпретировались каким-нибудь Фридрихом, Бжезинским или Робертом Конквестом. Но обратите внимание, что более внимательный взгляд на советскую жизнь и вычленение каких-то эле-

ментов: что люди жили, а некоторые люди не любили Советскую власть, но по-своему были при этом счастливы – это все стало возможно, когда Советская власть, слава богу, нас оставила. Т.е., все-таки, возникает другое пространство.

Я не вижу никакого потенциала для возрождения Российской империи. И считаю, что это очень хорошо. В том числе и для меня как для историка, потому что в этом случае меня, если по честному, нельзя подозревать в стремлении ее возродить, даже если я в ответ на какие-то тенденциозные суждения национальных историографий ее «защищаю».

Но это вовсе не значит, что я не вижу живого наследия Российской империи. Другое дело, что увидеть его довольно сложно. Для меня с исследовательской точки зрения близка Украина. Когда мы смотрим на ситуацию с языком, исторической памятью, разными предпочтениями типа с Россией мы, против России и т.д., очень сложно понять, глядя на сегодняшнюю ситуацию, сколько в этой ситуации унаследованного от Российской империи, а сколько – наследие советского периода. А это две разные политики.

Это очень сложная исследовательская задача, часто на самом деле не разрешаемая. Не разрешаемая в том числе и потому, что никаких социологических опросов с точки зрения настроений рядового населения в Российской империи никто не проводил, нам не на что опереться. Мы не знаем, что думал крестьянин на Полтавщине, условно в 1917 г. Совершенно не знаем. У нас есть разные подозрения, что для него главным был вопрос, не кто он по национальной принадлежности, а чья земля будет. Но тут возникает вопрос, кто из тех, кто пытался ему рассказывать, какая его национальная принадлежность, более эффективно использовал лозунг «Земля будет твоя». Тут окажется, что украинские эсеры делали это лучше. Есть много всяких таких вещей. Мы не можем проследить этих подвижек.

Еще раз очень коротко и четко. Российская империя давно мертва. Я этому рад как историк, потому что это дает мне больше пространства для ее изучения, и меня это прежде всего волнует. Я думаю, что с политической точки зрения потенциал Российской империи не может быть использован. При этом одновременно кое-какие элементы наследия Российской империи сегодня с нами.

Олег Мудрак (Институт Восточных Культур РГГУ): У меня несколько вопросов и замечаний. Насчет того, что пантюркизм возник после Крымской войны. Мне кажется, что это движение возникает позже. Дело в том, что участие крымских татар на стороне турок в данной войне – это, скорее всего, следствие того, что присоединение Крыма

произошло менее, чем 100 лет назад. А еще южные крымские татары – это, собственно, диалект турецкого языка, это были этнические турки, они и участвовали. А формирование такого движения как пантюркизм возникает действительно в России после присоединения Туркестана, Кокандского ханства, когда нужно было сделать новую администрацию и в Поволжье, начинают внедряться идеи о том, что все тюркские народы. Собственно, этноним «тюрки» в общем значении применим только для Средней Азии и частично для Поволжья. У османов слово «тюрк» в лучшем случае значило «пастух», «дурак», «чурбан», «деревенский», «глупец». И принятие турками название «тюркие» связано, во-первых, с пантюркизмом («тюрки», как я говорил, – был этноним в Средней Азии), а с другой стороны, с социализмом, т.е. это эквивалент того же самого пролетариата. Они строили пролетарские государства, отменяли, собственно, Османское государство.

Теперь насчет Гогенцоллернов. Вы сказали, что Гогенцоллерны – это протестантская империя. Здесь хотелось бы заметить, что южная и юго-западная Германия была католической, она и сейчас католическая. Так что с ходу говорить, что это протестантская империя как-то странно. И вообще такое ощущение, что одним из главных признаков империи является ее полиэтничность.

Миллер: Можно на этот вопрос я отвечу коротко, потом вернемся. Когда мы говорим, что Российская империя была империей православной – это вовсе не значит, что в этой империи жили только православные. Это значит, что династия и империя идентифицировали себя именно с православием. Если мы говорим о Гогенцоллернах как о протестантской империи, то я вам просто скажу одно слово «Kulturkampf». Все.

Мудрак: Хорошо, согласен. Но здесь тогда еще другой вопрос. Германия – все таки, моноэтническое государство, даже империя Гогенцоллернов фактически моноэтнична. И чем ситуация в Германии отличается от той же ситуации в Италии. Италии больше различий между Северной Италией и какой-нибудь Сицилией, чем между землями Германии. Но в результате победы в войне союзников Италии и самой Италии это государство не разваливается, оно не платит контрибуцию, не происходит отделения территории Братиславы отдать Польше и т.д. Здесь сыграл проигрыш, как мне кажется. В целом все. Но Гогенцоллерны – это, скорее, государство, которое намеревалось стать империей, установить новый порядок в центральной части Европы, но оно еще было национальным государством.

Миллер: Хорошо, я понял. Я понял, и я, конечно, не согласен. Вы правы, Гогенцоллерны мечтали о большой империи, это Mitteleuropa. Но если мы посмотрим на Пруссию накануне объединения Германии, то, как вы думаете, говорило ли большинство населения этого государства на немецком языке? Спешу вас разочаровать. Не говорило. Потому что различные славянские говоры и польский язык составляли там больше половины, это данные. Когда мы говорим о том, что Германия, объединенная Бисмарком, – это моноэтническое образование. Это по целому ряду причин не так. Я уже сказал о поляках, которых много, и они важный фактор. Есть и всякие другие славянские племена. Но есть еще Эльзас, о котором можно было бы говорить отдельно. Это зависит от перспективы. Посмотрим на Баварию. Это те же немцы, они так же себя ощущали? Дистанция по языку очень большая, и между hochdeutsch и баварским.

Мудрак: Как у русского с сегодняшним белорусским.

Миллер: Значит, в принципе, это схожие проекты. Один удался, другой – нет. Интересно спросить, почему. Между прочим, у Баварского государства более богатая государственная традиция, чем у Украины. Следующий вопрос, который возникает в связи с этим. Помните, как начинается немецкая Веймарская конституция? Она начинается со слов: «Мы – немцы всех племен». И это очень важно. Потому что они понимали свою гетерогенность. То, что сегодня мы знаем как голландский язык, вполне может рассматриваться как диалект немецкого, грубый и испорченный. Это к тому, было ли это образование империей.

Кстати, еще один пример. Представим себе жителей Эльзаса после оккупации Германией, после войны с Францией. Как вы думаете, как он смотрел на офицера оккупационной армии, кого он в нем видел? Думаете, он видел немца? Ни чуточки. Он знал, что есть очень симпатичные немцы, которые живут тут неподалеку через границу. Он видел в нем пруссака. Это к вопросу о том, какое это было национальное государство. Это опять же наследие немецкой историографии, которая основательно поработала над превращением Reich'a, который официально назывался империей, между прочим, в немецкое национальное государство. Могу вам потом посоветовать статью, где это все реконструируется.

Мудрак: А с Италией?

Миллер: С Италией не будем. У меня там тоже есть что сказать. Важнее – «тюрк». Здесь, конечно, очень интересная ситуация. Потому что, во-первых, проблема тюркизма и исламизма была осознана в середине XIX в., не всеми, но некоторыми. Есть хорошая история, которая

об этом свидетельствует. Был такой хорошо вам известный человек Н.И. Ильминский. Когда он еще был молодой и неопытный, он собирался распространять православие на языках народов Поволжья. И языки эти он хотел кодифицировать (потому что у них не было письменности) с помощью арабского алфавита. И он встречает В.В. Григорьева, тоже вам известного человека, который ему объясняет, почему не нужно этого делать. Григорьев объясняет Ильминскому, что на самом деле существует такая угроза, как альтернативный российскому проекту, религиозная и прочая экспансия в Поволжье – татарский проект. Они это понимают довольно рано, уже в 50-ые гг.

Дальше – больше. Вы совершенно правильно сказали, что тюрк – это уничижительное слово в Османской империи. Я с вами абсолютно согласен. Важно, что пантюркизм, когда он начал формироваться как идеология, начал формироваться при помощи идеологов из Российской империи. И для них это было очень удобно. А вот для Османов – это совершенно не было удобно. Потому что их империя включала далеко не только тюрков, но арабов и т.д., поэтому они очень долго отдавали предпочтение внутри своей империи панисламизму. Но это вовсе не значило (и на эту тему есть богатая литература), что как экспортный продукт они пантюркизм не поддерживали. Могу опять же дать вам литературу. Абдулхамид II уже поддерживает пантюркизм в экспортном его варианте. А с младатурками и Ататюрком – это уже другая история.

Но, кстати, эту историю можно продолжать. Потому что, если мы посмотрим на то, как все языки мусульманских народов в Советском Союзе переводят на латиницу, потому что главная задача – отсечь от исламского культурного наследия, от арабского языка. И когда они решили, что «нет, ребята, тут надо пересматривать»? Когда Ататюрк в Турции вводит латиницу. Это, кстати, в очередной раз подтверждает мой тезис, что нельзя понять политику империй в этих вопросах, если замыкаться рамками самой империи. Они очень чутко реагируют на вызовы.

Александр Гловели (банковский аналитик): Может быть, вы со мной не согласитесь, но, с моей точки зрения, окончательный распад и континентальных, и по существу важнейший этап распада морских империй – это не Первая Мировая война, а, все-таки, окончание Второй. Я склонен анализировать вслед за Черчиллем Первую Мировую войну как начало большой тридцатилетней войны в Европе, которая привела к распаду вообще всех империй. И мне кажется, что после Второй Мировой войны наступил этап распада имперского этоса в ведущих

странах, после чего как раз возрождение и имперских идей, и амбиций, и имперской формы государств стало невозможным.

Но, как мне представляется, и в этом заключается мой вопрос, главным фактором в распаде любой империи является осознание того, что империя не готова, не может по разным причинам кормить сама себя. Был такой афоризм, по-моему, Наполеона: «Война должна кормить сама себя». Мне кажется, что и империя тоже, как государственная форма, должна кормить сама себя. Т.е. центр должен за счет периферии все-таки в стратегическом отношении всегда укрепляться. Только в этом случае он способен будет этой периферии что-то давать. И не только в экономическом, но и в идейном, институциональном планах центр должен постоянно наращивать мускулы. По-моему, в Российской империи этот принцип не соблюдался вообще, в Советской, кстати, тоже. Мы всегда давали на периферию из центра, и ничего оттуда не возвращалось. Возьмите, например, Чечню. Так вот, когда этот принцип перестает соблюдаться, именно тогда образованные нации отказываются от идей империи. Мы, к сожалению, пока еще не совсем образованы. Спасибо.

Миллер: Во-первых, мне очень близка, по-своему, эта точка зрения, что Первая Мировая война – это был первый акт большой тридцатилетней войны. Я бы сказал, что эта война во многом шла даже помимо двух Мировых войн. Потому что если мы посмотрим на пространство, о котором вы говорили, то очевидно, что есть масса локальных войн и конфликтов, которые возникают ровно тогда, когда империи отступают, распадаются, ослабляют свой контроль и т.д. Это уже не война периферии против центра, а война разных групп на периферии между собой. На эту тему есть очень богатая литература. В принципе, здесь важно, что тот мир, который мы увидели после Второй Мировой войны – это был мир существенно упрощенный с точки зрения этнической и пр. карт мира. И это все было сделано в межвоенный период и в ходе Второй Мировой войны.

Не надо быть пленниками пространства. Скажем, у нас есть Центральная Европа, ее многокультурность, люди живут вместе, бок о бок, совсем не так мирно, как кто-то склонен говорить, когда воспевают Центральную Европу. По крайней мере, друг друга систематически не режут. Что случилось в XX в.? Евреев вырезали. Причем не только немцы, как мы знаем сегодня. Немцев выгнали. А прежде чем выгнать, некоторые, особо миролюбивые нации, как, например, чехи, устроили такой немецкой погром, о котором до сих пор рассказывать страшно, потому что он сильно превышает первые «не злодейские» нацистские по-

громы евреев. Украинцы и поляки резали друг друга на Волыни и в разных других местах. Массовые подвижки населения, то же самое на Балканах.

Для того чтобы на этом пространстве построить национальные государства, надо было выгнать с мест, где люди веками жили, или вырезать на этих местах, не сдвигая их с этого места, или вырезать, сдвинув их с места и загнав в скотский вагон, миллионы людей. Это к вопросу о том, что лучше: национальное государство или империя. В этом смысле империя, когда она растет, воюет, завоевывает – она совершает насилие. Но национальное государство, когда оно формируется, тоже все по уши в крови.

Теперь об экономических вопросах. Вы совершенно правы, что эта проблема обостряется. Что центр имеет от периферии? Эта проблема по-разному обсуждается в разных империях. В России эти дебаты носили название «дебаты об оскудении центра». Это было очень популярно. Проблема заключается в двух вещах. Первая. Экономика не является абсолютным имперским приоритетом. Имперским приоритетом является мобилизация и способность к проекции военной мощи. С этой точки зрения оценивается эффективность экономики. С этой точки зрения советская экономика была потрясающе эффективна. Потому что в нищей, полуразрушенной стране сумели создать ядерный потенциал, равный потенциалу богатейшей страны мира. Каково там приходилось людям по ходу дела – это уже не приоритет. Но это доведенный до абсурда случай. Но, в принципе, империи были втянуты в очень интенсивное соревнование друг с другом. И это был их приоритет. Если мы говорим о том, что Российская империя в XVIII в. на Украине вообще не собирала налогов – ну и что? Зато там стояла на постое русская армия. Зато она оттуда в эту русскую армию набирала этих местных товарищей, и с помощью этого побеждала Османскую империю.

А теперь я перехожу к тому, что будет близко вашему сердцу, т.е. к финансам. В конце XVIII и начале XIX вв. две империи стояли как хорошие кандидаты на банкротство. Эти две империи были – Российская и Османская. Все войны, которые они вели, особенно в XIX в. друг с другом, это, как правило, были войны на заемные деньги. В чем разница? Почему среди прочего (там есть и другие факторы), но Россия сохранила финансовый суверенитет, хотя не целиком, а Османская империя потеряла его настолько, что у нее вообще вместо Министерства финансов была Администрация по управлению государственным долгом, составленная из французов и англичан. Потому что, если две страны впервые сходятся в войне, то банки дают им деньги под примерно

одинаковые проценты. Одна страна выиграла эту войну, а другая проиграла. Когда они будут вести вторую войну, проценты для этих государств будут уже разные.

Т.е. эти войны для Османской империи были дорогой в никуда, она потеряла свой суверенитет задолго до того, как она распалась. А для Российской империи это был выход к Черному морю и всякие такие вещи, а с деньгами кое-как удавалось выкрутиться, и была свобода маневра. Это к тому, что война, все-таки, приносит и определенные при- были тоже. И когда мы говорим о ресурсах и т.д., это тоже важно.

К примеру. Я уже говорил, что габсбургская экономика функционировала очень эффективно. Это был тот случай, когда экономика уже не была основана на изымании ресурсов из периферии в центр. Она была основана на торговых отношениях, которые были взаимовыгодны всем. Когда эта империя распалась, экономически проиграли все. Она распалась мирно. У них были очень скучные комиссии по разделению имущества. Все было мирно разделено. Т.е. разрухи, вызванной гражданскими войнами, коммунистами и т.д., не было. Тем не менее, они все экономически очень сильно пострадали. Не пытайтесь объяснить то, что происходит с империями только через экономическую логику. Потому что экономическая логика не является самодовлеющей.

Лейбин: Предлагаю вам сделать резюме. А я от своего резюме откажусь, потому что впечатлен.

Миллер: Когда на прошлой лекции Виталий попросил меня сделать резюме, я сказал, что, наверно, главный вывод – надо чаще встречаться. И я на самом деле собираюсь последовать этому выводу, который остается. Мы видим, как в таком разговоре в отношении многих привычных вещей можно поставить знак вопроса. Я вовсе не жду, что всех, кто задавал мне вопрос или делал какое-то утверждение, а я им в ответ прежде всего говорил «а я с вами абсолютно не согласен», что я всех убедил в том, что я прав, а они нет. Но я, по крайней мере, поставил знак вопроса, и, может быть, дал толчок к тому, чтобы вы еще что-то дополнительно почитали. Может, что-нибудь из непривычного для вашего круга чтения. Это очень важно. Поэтому я анонсирую нашу встречу в первый 1 июня, потому что продолжим некоторые темы, связанные с этим.

Империя Романовых и евреи

*Мы публикуем полную расшифровку лекции известного историка, специалиста по окраинам Российской империи, профессора Центрально-Европейского университета в Будапеште, ряда других европейских университетов, ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН **Алексея Миллера**, прочитанной 1 июня 2006 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру».*

Ведущий в коротком представлении назвал тему лекции «животрепещущей» на том основании, что до недавнего времени многие «кухонные» русские разговоры о политике и культуре естественным образом сворачивали на «еврейский вопрос» или на хотя бы еврейский анекдот. Но пафос лекции как раз в ее «некухонности», в освобождении от идеологической предвзятости. Разрывы идейной традиции в нашей стране, представление о том, что Российская империя «давно закончилась», позволяют рационально анализировать политику империй, не впадая в зависимость в равной степени и от национальных, и от имперских мифов.

Текст лекции

Данная тема не такая животрепещущая, слава Богу, Российская империя давно закончилась. Может быть, те из вас, кто получает рассылку с этого мероприятия, обратили внимание, что в первых анонсах была указана неверная тема: «Евреи в империи Романовых». Я попросил сразу же ее исправить. В чем здесь разница? Я надеюсь, что даже в самом остром приступе мании величия не стал бы себя представлять как эксперта истории евреев. То, о чем я буду говорить, это не история евреев, это история политики властей по отношению к евреям.

Я выбрал эту тему, потому что мне казалось, что на этом примере можно хорошо проиллюстрировать некоторые методологические принципы анализа национальной политики в империи этноконфессиональной, если угодно, те принципы, которые я пытаюсь пропагандировать. А вот во время прошлой лекции, перед лекцией была презентация, где Михаил Долбилов, мой соавтор, сказал одну фразу, которая заставила меня подумать, что есть ещё одна большая цель у сегодняшней беседы. Мы говорили о книге Юрия Слезкина, которая известна русскому читателю под названием «Эра Меркурия», а в английском варианте она называется «The Jewish Century». И Михаил Долбилов сказал, что в

отношении этой книжки были высказаны обвинения, что она играет на руку антисемитам. И я подумал, что об этом тоже стоит поговорить, почему такие ощущения возникли и что за этим стоит.

В целом я попытаюсь показать, что еврейский нарратив пребывания в Российской империи ничем не отличается от других национальных нарративов на эту тему. То есть это нарратив виктимизации, который сильно упрощает проблему, что не значит вовсе, что виктимизации не было и что евреям в Российской империи жилось хорошо.

Итак, евреев в России почти не было, начиная с XVI века и до конца XVIII. Им был запрещен въезд в Российскую империю. Почему это произошло, не будем говорить, но важно, что даже в XVIII веке этот запрет соблюдался более или менее, хотя все чаще слышны голоса о том, что, может быть, все-таки каким-то евреям разрешить в Россию приезжать. Купцам, потому что от них прибыль, врачам, потому что от них польза, и другим обладателям экспертного знания. И пока они обсуждали этот вопрос, в империи Романовых появились евреи как-то совершенно незапланированно. Потому что произошел первый раздел Речи Посполитой, и Российской империи на тех территориях, которые были включены по первому разделу в ее состав, досталось примерно 50 000 евреев. Эти евреи совсем были не похожи на тех, о которых говорили как о потенциальных гостях, от которых может быть польза. Это были люди, жившие в местечках, вполне традиционные. Если они и обладали экспертными знаниями, то совершенно не того рода, которого от них ожидали.

Тут возникает интересная вещь. Столкнувшись с совершенно незнакомыми людьми, Российская империя повела себя довольно, скажем так, просвещенно-абсолютистски. Первые шаги были в духе общеевропейского подхода, то есть евреи рассматривались как отдельное сословие. В чем эти шаги заключались? Евреев обложили налогом, который был для всех евреев одинаковый, меньше, чем у купцов, и больше, чем у крестьян. Но дальше начались интересные нововведения. Была сложена традиция магдебургского права. Она предполагает, что евреи не могут быть членами цеховых объединений или купеческих корпораций. Они должны быть отдельным сословием. Вместо этого евреям было велено приписаться в существовавшие сословия и вместе с этим получить все права, которыми члены этих сословий обладали. В том числе права участвовать в выборе магистратов и быть избранными членами магистрата. Это, в общем-то, была революционная мера.

Второе, что было сделано, – были восстановлены, к тому времени существенно ограниченные Речью Посполитой, права кагала, то есть

еврейского самоуправления. Это было сделано по двум причинам. Во-первых, потому что это соответствовало общей традиции Российской империи – опираться на такие самоуправленческие структуры при управлении населением окраин. А во-вторых, потому что какой был выбор? Бюрократия была очень слабая, и выбор был либо кагал, либо отдать евреев под контроль местного дворянства. Симптоматично, что выбрали кагал.

Можно сказать, что Екатерина придерживалась общепросветительского взгляда на евреев, то есть представлении о евреях как о людях плохо устроенных, подлежащих некоторому исправлению, но все отрицательные черты евреев приписывались неправильным условиям их существования. Соответственно, исправление евреев должно было идти путем исправления условий их бытования. Что имелось в виду? Евреи занимаются не тем, чем надо, они занимаются вредными вещами, такими как мелкая торговля, содержание кабаков и винокурен, ростовщичество и арендаторство. Они управляют имениями, отдавая их собственникам какой-то стабильных доход и, таким образом, неизбежно повышая эксплуатацию крестьянского населения. Какими сортами деятельности евреи должны заниматься с точки зрения Просвещения? Во-первых, они должны землю пахать. Во-вторых, они должны заниматься крупной торговлей. В-третьих, они должны освоить какие-то экспертные профессии. Пусть они будут врачами и т.д.

Фактически, то, что произошло в 1770-80-е годы, – это была, насколько вообще возможно говорить об этом в условиях сословного общества, эмансипация евреев. В 80-е годы XVIII века правовое положение тех 50 000 евреев, которые жили на тот момент в Российской империи, было лучше, чем где бы то ни было в Европе. Закон Екатерины о том, что евреи приписываются к сословиям с получением всех соответствующих прав, – это 1780 год, а первые шаги по правовой эмансипации евреев в Габсбургской империи – это 1781-82 годы. То есть Екатерина была пионеркой.

Как всегда в таких случаях, власти столкнулись с протестами христианского населения. Вообще, это правило европейской истории: как только правительство пытается предпринять меры к эмансипации евреев, местное христианское население начинает более или менее активно, довольно часто в brutальных формах, протестовать против этого. Однако на эти протесты был дан ответ в именном указе 1785-го года, в котором говорилось: «когда еврейского закона люди вошли уже на основании указов Ее Величества в состояние, равное с другими, то и надлежит при всяком случае соблюдать правило, Ее Величеством уста-

новленное, что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона и народа». В скором времени из этой небольшой группы еврейского населения выделяются люди, которые свои навыки посредничества и предпринимательства уже используют не в связке с польской аристократией, как это обычно было, но в связке с русской аристократией. Эти люди становятся в очень короткий срок необычайно богаты, они получают придворные чины, некоторые из них получают имения с крепостными, оставаясь в иудейской вере. Совершенно очевидно, что эта община начинает раскалываться, в том смысле, что есть часть евреев, которая ориентируется на функционирование уже в русской среде и обслуживание интересов русских патронов, а какая-то часть продолжает функционировать к связке с польской шляхтой.

Здесь мы подходим к одному из спорных моментов в историографии, потому что в начале 90-х годов купцам-евреям было велено выпиться из московского купечества. Изначально купцы-евреи получили привилегию, по сравнению с другими купцами в Империи. Они могли приписываться к купеческим гильдиям в любом месте Империи. При том что городское население и купцы в общем были зафиксированы на своем месте.

Почему это произошло – отдельная любопытная история. Если будет вопрос, я о ней расскажу. Что симптоматично? Нигде в литературе вы не найдете объяснения, что же произошло. Там не написано, что еврейские купцы «кинули» своих московских коллег, не потому что московские были честные, а те нет, а потому что еврейские купцы знали ещё один способ обмана, который московские купцы не знали. Московские купцы пожаловались, еврейских купцов выгнали из Москвы. Они отправились не в белорусские местечки, откуда они были родом, а в Петербург, где на рубеже веков было основано еврейское похоронное братство, организация, которая официально получила участок земли для похорон иудеев. То есть официальное присутствие в столице иудеев было вполне приемлемо. Поэтому интерпретации в литературе, что изгнание евреев из Москвы в 1791 году – это начало черты оседлости, я бы хотел оспорить.

Мне кажется, что начало систематической дискриминации евреев в Российской империи следует отнести к периоду после второго и третьего разделов Польши. Почему это принципиально важно? Потому что это обращает наше внимание на очень важный фактор. До второго и третьего раздела мы имеем дело с очень небольшой группой населения – 50 000 человек. После второго и третьего раздела количество

евреев в Российской Империи резко увеличивается. Это уже близко к полумиллиону человек. То есть Империя, которая в 1772-м году фактически не имела еврейского населения, к началу XIX века, то есть через 30 лет, становится Империей с самым большим еврейским населением в мире. С тем чтобы вскоре, в середине XIX века, стать Империей, в которой жила половина всего мирового еврейства. Численность имеет значение – мы должны это учитывать. Мы ещё к этому вернемся.

После второго и третьего разделов возникает на самом деле то, что можно назвать еврейским вопросом. Понятия «еврейский», «польский», «украинский» вопросы – термин из жаргона имперской бюрократии, который означал, что та или иная группа населения представляет для Империи проблему, и для того чтобы ею управлять, нужно составить какой-то специфический свод правил и законов именно для этой группы. Такой Еврейский комитет, который должен обсудить, что же делать с евреями и как их дискриминировать, начинает работать в Петербурге в начале XIX века.

Очень интересна структура этого комитета. Сюда входят высшая имперская русская аристократия, польская аристократия с присоединенных территорий и евреи. Но это те евреи, которых русские аристократы, входящие в этот комитет, посчитали нужным пригласить в качестве своих помощников в этот комитет. Польские аристократы не имеют этого права. То есть Империя приглашает к участию в работе комитета тех евреев, которые уже завязаны на центр. Это очень важный момент. Мы уже начинаем отслеживать очень важный сюжет в отношениях Империи и евреев. Это проблема завязки на те или иные элитные группы. Либо в центре Империи, либо на периферии. Пока польская аристократия и польское дворянство ещё рассматриваются Империей как лояльная региональная элита (не забудем, что в это время Чарторыйский может служить министром иностранных дел в Российской империи), это не так остро чувствуется. Но со временем, особенно после восстания 1830-го года, эта проблема станет острой. То, что значительная часть евреев связана агентскими отношениями с польским дворянством, становится все больше и больше в глазах Империи проблемой. Если мы возьмем время до Александра II, если коротко, то мы можем сказать следующее. После того, как было принято Положение о евреях, Александр фактически никакой систематической деятельности в отношении евреев не ведет. Империя предложила евреям посылать детей в государственные школы и сказала, что если вы не хотите, то за свой счет будете содержать ваши традиционные школы. Еврейские

дети в государственные школы не пошли, а Империя пожала плечами и оставила все как есть.

Империя начинает очень интересный эксперимент где-то в конце второго десятилетия XIX века – попытка посадить евреев на землю. Туда были даны некоторые государственные деньги, были даны некоторые привилегии. Парадоксальным образом эта программа не была совсем провальной. Если мы посмотрим на период 60-х годов XIX века, мы обнаружим только в Новороссии значительное число поселений, где основную часть жителей составляют евреи – 23 000 еврейских семей. Это по самым осторожным подсчетам тысяч сто человек. Они там живут и занимаются сельским хозяйством. Империя придумала интересный способ решить проблему отсутствия сельскохозяйственных навыков в среде евреев. 10% жителей таких населений составляют немцы-колонисты, которые должны этим евреям показывать, что нужно делать на этой земле. Идея была неплохая, потому что евреи с немцами могли разговаривать и понимать друг друга. Если мы посмотрим на все другие эксперименты по еврейской колонизации, а их было много, что в Европе, что в Новом Свете, то они все заканчиваются провалами. Здесь этот эксперимент закончился провалом в том смысле, что, конечно, процент евреев, севших на землю, был ничтожно мал в сравнении с общим числом, и не решал задачу «перевода евреев в производительный способ жизни». Но, тем не менее, если 100 000 человек в одной Новороссии у тебя пахут землю, это нельзя считать полным провалом.

Когда мы говорим, что стена гетто строится с двух сторон, это вполне актуально для XIX века. Евреи очень настороженно относятся к любым попыткам властей так или иначе менять их образ жизни. И, в общем, стараются достаточно активно, и порой эффективно этому сопротивляться. Примером может служить история с введением рекрутской повинности для евреев. Это 1827 год. Сначала Николай поручил разработать соответствующий закон Еврейскому комитету, несколько месяцев прошло, закон не был готов. Надо представить себе Николая Павловича и отношения его с бюрократией, чтобы понять, что нужно было серьезно мотивировать в финансовом отношении еврейский комитет, чтобы он саботировал царские указы. Затем это поручается Новосильцеву. Новосильцев тоже занимается этим саботажем. В конечном счете, этот закон принимается в обход всех существовавших в это время законодательных норм. Так или иначе, он принимается.

Почему евреи совершенно трагически воспринимали этот закон? Понятно, что вообще служить в царской армии было очень плохо. И

никто не был рад. Но для евреев существенная проблема – это попытка обращения. И понятно, что в армии сохранить иудейство было очень сложно. Здесь нужно отметить, что рекрутский набор в отношении евреев имел специфическую норму, правовое окно, которое было сделано в рамках этого закона: что еврейские общины могут поставлять в качестве рекрутов подростков, детей в возрасте от 12 лет. В кантонистские батальоны. Это, безусловно, была мера, рассчитанная на христианизацию этого населения. Здесь очень важно отметить одну вещь: закон не обязывал общину отдавать в рекруты подростков. Это было решением еврейской общины. Когда мы смотрим, почему еврейские общины отдавали-таки подростков, у них была своя логика. Очень ранний возраст вступления в брак, любой нормальный еврейский юноша к 18 годам уже был женат и имел детей. Если он уходит в армию, содержание семьи падает на плечи общины. Это становится серьезной проблемой. Николай требовал ежемесячных отчетов в определенный момент, сколько кантонистов удалось обратить в христианство. Но надо сказать, что это единственный пример из политики империи Романовых в отношении евреев, где мы видим систематическое и вполне репрессивное стремление к массовой христианизации евреев.

Вообще надо сказать, что православная церковь настороженно относилась к христианизации евреев. Она сильно евреев боялась. Если мы говорим о том, почему евреям запрещено въезжать в Россию в XVI веке, – то это в связи с ересью жидовствующих. Если мы смотрим на XVIII-XIX века, то здесь мы имеем дело с другим движением: иудеиствующие или субботники. Это было массовое движение. Русские крестьяне переходили в иудаизм. Переходили селениями. Несмотря на репрессии – их гнали в Сибирь и на Кавказ. Некоторые такие селения ещё остались до сих пор. Но можно сказать, что в этом православном отношении к евреям помимо страха и отторжения, за счет того, что контакта систематического не было, антииудаизм был заметно менее развит и затейлив, чем в католическом мире. Потому что эти мотивы кровавого навета, то есть использования крови христианских младенцев в ритуальных целях, или мотив символического надругательства над телом Христа – это все мотивы католического мира. В православие они проникают очень запоздало, в контактных зонах с католичеством, и если мы говорим о кровавых наветах и о процессах по кровавым наветам, то здесь надо сказать, список прегрешений Российской империи выглядит очень скромно. Число процессов можно пересчитать по пальцам одной руки. Был один процесс, – Саратов, 1856 год – который закончился осуждением обвиняемых, они были тут же помилованы вер-

ховной властью. Для сравнения скажу, что таких процессов только во второй половине XIX века в Габсбургской монархии было больше дюжины. Причем там тоже один процесс закончился обвинением, это 1899 и 1900 год, было два процесса по одному делу. Леопольда Хильснера осудили, сперва к смертной казни, потом к пожизненному заключению. Помиловали его, но не реабилитировали в 1916 году. Интересная подробность этого процесса: в нем участвует такая видная фигура, как Томаш Масарик. Он выступает общественным защитником. И чехи в своих учебниках всегда отмечают этот факт. Они всегда забывают другой факт: общественный обвинитель, некто доктор Бака, все то время, когда Масарик был президентом Чехословакии, был избранным бургомистром города Праги. Так что и нарративы о том, где антисемитизма было больше, нуждаются в определенной корректировке.

Николая I евреи считали царем сильно враждебным. Не без основания. Вместе с тем, можно сказать, что помимо этой регламентации и наказывания, если перефразировать Фуко, в правление Николая произошли некоторые важные вещи, которые способствовали модернизации еврейской жизни. Можно сказать, что именно оттуда берет корни такое явление, как русско-еврейская интеллигенция. Что произошло? В 40-е годы XIX века была предпринята целая серия реформ, которая предполагала две вещи: отмену кагала (это было очень важно, потому что кагал способствовал консервации еврейской общины) и создание новых светских школ для евреев с преподаванием многих предметов на русском языке и с преподаванием религии на немецком. Автором проекта был Уваров. Это очень интересное явление, потому что Уваров был довольно эффективным бюрократом, который понимал, что если ты что-то хочешь сделать в отношении той или иной общины, этнической группы, то нужно найти союзников внутри этой группы. И ему это удалось. К тому времени уже появились сравнительно немногочисленные просвещенные евреи, которые отторгались традиционалистскими общинами и которых можно было привлечь к преподаванию, что он и сделал.

Если бы не было этих школ, то, очевидно, не произошел бы взрывообразный рост численности евреев среди учеников гимназий и университетов, когда это стало возможно, когда они стали открыты. Это произошло через два десятилетия. Любопытно, но общины сопротивляются этим школам, потому что снова воспринимают их как инструмент отрыва от иудаизма и христианизации. Уваров нанимает на службу реформистского раввина, выпускника мюнхенского университета Макса Лилиенталя, который должен ездить по еврейским общинам и

объяснять, что нет, там будут учить иудейской религии, что никто их обращать в христианство не собирается. Не всегда эти поездки кончались для Лилиенталя благополучно, но он старался.

В принципе, можно сказать, что весь этот период до Александра II — это период, когда государство пытается каким-то образом перестраивать жизнь еврейских общин, и еврейские общины по большей части довольно эффективно этому сопротивляются. Но возникает какое-то число модернизированных евреев. Ситуация резко меняется при Александре II. Вторая половина 1850-х и до конца 1870-х годов — это окно возможностей, когда у Империи был шанс провести эмансипацию евреев. Когда в обществе были сильны настроения, которые можно описать как либеральное приглашение к ассимиляции. И когда со стороны евреев уже пошел достаточно массовый отклик на это приглашение.

Что в это время происходит? Для евреев открываются гимназии и университеты, численность их там растет фантастическими темпами. Слезкин приводит такой пример, что в Николаевской гимназии, которая открывается в Одессе в 1879 году, в первом наборе 105 евреев и 38 христиан. То есть механизмы начинают работать. Империя не выбрала тактику одномоментной эмансипации. То, чем занимается Империя, можно назвать тактикой избирательной эмансипации. Такого открывания черты оседлости для отдельных групп еврейского населения. Но если мы посмотрим на то, какие группы получают право покидать черту оседлости, то мы обнаружим довольно интересную картину: я вам перечислю. Итак, люди с высшим образованием; учеными степенями; врачи, не имеющие степеней; выпускники Технологического института; все, окончившие курс высших учебных заведений; аптекарские помощники; дантисты; фельдшеры; повивальные бабки; изучающие формацию, фельдшерское повивальное искусство; ремесленники; отставные солдаты. Молодые евреи имели право покидать черту оседлости на время обучения, в том числе и ремесленным профессиям. Когда мы смотрим на этот список, становится понятно, что при желании покинуть черту оседлости можно. Она становится довольно пористой. Существует довольно сильное убеждение в кругах совсем даже не абстрактных либералов, а либеральных русских националистов, типа Каткова, что эта череда мер должна вести в конечном итоге к полной эмансипации евреев. Катков за это очень агитирует. Он в частности говорит, «русское законодательство безостановочно идет вперед в одном и том же направлении. Желательно, чтобы закон не проводил черты различия между ними, евреями, и всем русскими подданными. Евреи

езде, где только признают их права, действуют в интересах политического единства страны». Интересный пример – это эмансипация евреев в Царстве Польском, проведенная накануне январского восстания 63-го года. Проводится эта эмансипация, начинается восстание, восстание подавлено, дальше что происходит? Все реформы Велепольского, которые давали дополнительные права полякам, отменяются. Единственная реформа, которая не тронута, – это реформа, касающаяся еврейской эмансипации. В принципе, здесь мы опять возвращаемся к этой теме, связи еврейского и польского вопросов. Она становится очень острой. Евреи не поддержали восстание 1830 г. Муравьев, который после следующего восстания заслужит звание «вешателя», говорит, что надо создать из евреев специальную полицию в Царстве Польском. И пусть они следят за тем, чтобы поляки себя хорошо вели. Seriously рассматривался этот вопрос, но решили, что нет, наверное, евреи, получив эти возможности, станут использовать их и в своих интересах. Логично.

Посмотрим на какие-то очевидно дискриминационные меры в отношении евреев, как, например, введение двойной нормы рекрутского набора. В отношении евреев она вводится в 1850 году. Но было бы очень наивно полагать, что ее придумали в отношении евреев. И что они были первые, кто от этого пострадал. Двойная норма рекрутского набора введена для поляков в 1840 году, за 10 лет до этого.

Другой пример того, как беспокойная ситуация в польском вопросе влияет на поведение властей в еврейском вопросе, – это вопрос о праве евреев приобретать землю. В 1862 году во всем Западном крае евреям разрешили приобретать ненаселенные земли. Этот закон действовал всего 2 года. За это время Бродский успел купить столько земли, чтобы сделать свою сахарную империю. Но, кстати, сделав свою сахарную империю, он поставил сахар на стол всем слоям населения, включая крестьян, которые до этого знали, что такая штука есть, но видели его только на барском столе. Почему в 1864 году этот закон отменили? Потому что возникла принципиально иная ситуация. Рынок земли в 1862-м году сравнительно ограничен. Разрешить евреям покупать землю? Ну почему нет. Попробуем евреев накануне возможного восстания перетянуть на свою сторону. В 1864-м ситуация иная. Земли теперь на рынке много. Потому что произошли конфискации земель у участников январского восстания. Оставить за евреями право покупать значительно большее количество земли довольно рискованно. Тем более, и это самое главное, меняется проект, что мы делаем как Империя на западных окраинах. Потому что теперь принят проект русификации земельной собственности. Полякам запрещено покупать землю здесь, они

ее могут только продавать. И евреям запрещено, потому что подозревают, что евреи могут действовать в качестве агентов, ширмы для поляков. Теперь землю могут покупать только русские. Идея изменить соотношение сил в крупной земельной собственности среди прочего связана с земской реформой. Земства на западных окраинах не было до 1911 года. Именно потому, что там большинство составляют поляки среди дворянства.

90% тех или иных законодательных инициатив в эпоху Александра II – это инициативы, которые расширяют права евреев. Но Империя не смогла или не захотела провести эмансипацию. Здесь надо понять, что было много страхов. Страх заключается в том, что к этому времени численность еврейского населения Империи – это около 5 млн человек. Российская империя имеет дело с проблемой, по масштабам своим существенно отличающейся от тех стран, которые к тому времени эмансипацию уже провели. Есть такое замечание у одного исследователя этих сюжетов. Он пишет, что всего 300 000 евреев к концу XIX века жило за пределами черты оседлости. И, в общем, правильно – «всего»! Потому что это 7% от общей численности евреев в Империи. Но, с другой стороны, эти 300 000 – это втрое больше численности всех евреев, живущих во Франции или в Голландии, это на 60 000 больше, чем численность всех евреев, живущих на британских островах, это половина всех евреев, живущих в Германии.

Единственная империя, где в процентном соотношении сопоставимы величины с российскими евреями – это Австро-Венгрия. В правовом смысле Австро-Венгрия решилась провести эмансипацию евреев в 1867 году. Они подстраховались экономическими регуляторами. Что они сделали? Любой человек без систематических источников дохода и заработка мог быть выслан по месту своего рождения, если за него не могла поручиться община, в которой он на тот момент оказался. Этот закон действует в Австро-Венгрии до конца XIX века. А в правовом смысле они евреев эмансипировали. Для того чтобы понять, что произошло. В Австро-Венгрии на какой-то момент победил либерализм. Они сделали Конституцию и провели правовую эмансипацию евреев.

В Российской Империи это сделано не было, и Российская империя очень сильно за это заплатила. Что произошло к концу 1870-х годов? Произошли две вещи: полная правовая эмансипация не проведена, при этом количество евреев, которые откликнулись на это либеральное приглашение к ассимиляции, уже очень велико. И тут эта тенденция сталкивается с другой тенденцией. Именно конец 70-х – начало 80-х гг. –

это время, когда во всей Европе не просто рождается, а начинает доминировать новый сорт антисемитизма – современный антисемитизм. Это революция! Раньше считалось, что еврей слаб, непродуктивен и из него надо сделать человека, как мы. И ещё в очень большой степени это проблема антииудаизма. Как мы знаем, vykрестившийся еврей в правовом смысле и в Российской Империи переставал быть евреем. Что такое современный антисемитизм? Это принципиально иная вещь. Еврей становится плох потому, что он силен, хитер, лучше других умеет управляться в новом капиталистическом мире и еще, гад, научился прятаться, так что его даже и не различишь. И поэтому неважно, что он говорит по-русски, что он крестился и т. д. Здесь уже очень сильная расистская составляющая. О том, как это настроение формируется, можно много говорить, но в Российской империи, мне кажется, это в очень большой степени импортированная вещь, потому что этот страх перед евреем, поднимающимся из грязи в князи, был очень силен в Германии. Цифры поражают, действительно. В 30-е годы XIX в. 80% евреев, живущих в Германии, принадлежат к наиболее бедным слоям населения. В 70-е гг. число зажиточных, т. е. тех, чей доход выше среднего (по налогам видно), – те же самые 80%. Евреи составляют 1% населения Германии и владеют примерно в начале XX в. третью самых крупных состояний, т. е. 30% в числе наиболее богатых немецких семей. Понятно, что это ситуация, которая заставляет задуматься. В России этого еще не произошло, но этот дискурс уже мощно присутствует в газетах, этот новый антисемитизм формируется под знаменитым лозунгом: «Жид грядет». Этот «грядущий жид» – новый хозяин жизни, который придет и все захватит. Это накладывается на страхи о слабости национального капитализма и пр. Фактически это настроение доминирует во всей Европе – новый современный антисемитизм.

Есть только одна страна, в которой либеральное приглашение к эмансипации продолжало действовать вплоть до конца XIX в., – Венгрия. Потому что они осуществляют свой проект строительства нации в своей части Габсбургской монархии, и они, когда начали строить свою нацию, сообразили, что у них нет буржуазии. И венгерское дворянство честно в этом призналось – об этом пишут идеологи венгерского национального движения: у нас что-то не получается быть капиталистами. Что делать? Из кого взять? Есть два варианта: либо немцы, либо евреи. Они решили, что лучше евреи, чем немцы. И в рамках этой национализации они дают немцев, и Будапешт как город, в котором венгерская и немецкая общины более или менее соотносимы в начале 60-х гг., становится почти свободным от видимых признаков немецкого присутствия

в 80-е гг. Это в 20 лет они сделали. Они приглашают евреев встраиваться в венгерскую нацию, т. е.: говорите по-венгерски, будьте лояльны, считайте себя венграми – и мы вас будем считать венграми. Это работало до начала XX в.

Возвращаясь к российской ситуации: понятно, что поскольку империя в 1860 – 70-е гг. этой эмансипации не провела, дальше это уже было на самом деле трудно сделать, в условиях того современного антисемитизма, который нарастает. И вот здесь произошла следующая вещь: более или менее аккультурированных и ассимилированных евреев становится все больше, а общество, охваченное современным антисемитизмом, все больше их отторгает, т.е. «фейсом об тейбл». Куда этим людям податься? Есть какие-то сегменты русского общества, которые не отторгают евреев? Да, они есть. Это социалисты и отчасти либералы. Вот евреи туда и отправились. Когда в 70-е гг. евреев обвиняют в том, что их слишком много в революционном движении, – это поклеп. Количество евреев в народническом движении в 70-е гг. абсолютно точно соответствует числу евреев среди всего населения империи – 4-5%. К концу 80-х гг. число евреев в революционном движении уже до 40%, и ситуация сильно меняется.

Теперь коротко еще о двух вещах. Рубеж 80-х гг. – первая волна погромов. В принципе здесь очень важно понять две вещи: что погромами называются очень разные, с точки зрения механизмов, явления. Может быть, с точки зрения того, кого громят, – без разницы, каковы механизмы. Но с точки зрения историка все-таки это важно. Если мы смотрим на 80-е гг., то все-таки основная масса – это типичные этнические бунты крестьянского населения. Следующая крупная волна погромов – 1905 г. Это уже совершенно другая природа. Это погромы, в которых очень велика политическая составляющая: евреев (и, кстати, не только евреев) громят, потому что их идентифицируют как сторонников революционного движения, громят активные контрреволюционеры. Николай II искренне им сочувствует (я имею в виду погромщиков). Николай II помиловал примерно 90% осужденных погромщиков. Следующая волна, которую тоже описывают как погромы, – это уже период Гражданской войны. Это опять совершенно другое явление, потому что эти погромы – вернее, эти виды насилия – осуществляются в основном уже организованными, более или менее, воинскими группами. Либо армейскими, либо отрядами, бандами – как угодно назовите. Т. е. это очень разные явления, и как раз то, что мы очень разные явления называем одним словом, говорит о том, что мы плохо это изучили. Мы всегда еврейскую историю ссылаем как бы в особое гетто... Попробуйте

вспомнить какую-нибудь историю Российской Империи или, скажем, западных окраин, в которой история евреев рассказывается в ткани общего нарратива, – этого нет, это всегда как бы отдельно, если она вообще присутствует. Мне кажется, что это очень обедняет наше понимание того, что происходит. Тот же погром надо рассматривать в контексте других подобных явлений, которые не обязательно ориентированы на евреев.

Что я пытался показать? Я пытался показать следующие вещи: политика была очень разная. Евреи знали в Российской Империи времена и плохие, и терпимые, и даже, изначально, довольно пристойные. Эта ситуация неоднородна. Нарратив еврейского страдания вполне легитимен. Но этим история не исчерпывается.

Очень важно, если мы хотим понять политику Империи в еврейском вопросе, видеть взаимосвязь с другими проблемами на тех окраинах, где они живут. Потому что если мы выйдем за рамки западных окраин Российской Империи и посмотрим, какой была политика в отношении евреев на других территориях, то ситуация будет выглядеть совершенно иначе. И в Бесарабии, и на Кавказе, и в Средней Азии, где живут разные группы еврейского населения, те группы евреев, которых Империя идентифицирует как местных, получают абсолютно те же права, что и другие группы местного населения. Тогда, когда евреи западных окраин заперты в черте оседлости, бухарские евреи имеют право приобретать собственность хоть в столицах. Мы не можем описать эту ситуацию как проходящую просто из нелюбви к евреям. Имперская бюрократия всегда расколота по отношению к евреям. Есть вполне юдофобские группы и даже институты – евреев сильно не любило Военное министерство, особенно в начале XX века. И есть заметно более толерантно относящиеся. Это Министерство финансов. А также гражданская администрация на местах, что очень любопытно.

К началу XX века стало понятно, что Империя провалила еврейский вопрос. Она не сумела использовать эту группу населения в интересах империи, что было вполне возможно. Еврейский вопрос и дальше дает нам любопытные иллюстрации общего состояния империи. Все высшие сановники Империи, включая Витте и Столыпина, считают, что еврейскую эмансипацию нужно провести как можно скорее. Столыпин так старался, что однажды даже добился того, что Совет министров единогласно принял некоторые решения об отмене наиболее кричащих дискриминационных мер в отношении евреев. Здесь важно, что у императора всегда было право выбрать между мнением большинства и мнением меньшинства. Тут ему не оставили выбора. Ему принесли мнение

единогласное. Николай развел руками и сказал: «Душа моя говорит, что я не должен этого делать». Так все это закончилось. В принципе, мы можем сказать, что после 1905 года все больше и больше возникает среди евреев, которые озабочены этим вопросом, ощущение, что решение еврейского вопроса возможно какое угодно, но только не эмансипация в рамках Российской Империи. Это может быть сионизм, иммиграция, преобразование Российской Империи во что-нибудь другое, свержение самодержавия.

Если австрийских евреев называли «Kaiser treu», то есть «верные государю», то значительная часть евреев в России была, если можно так выразиться, «Pushkin treu». То есть они очень любили русскую культуру, они были привязаны к России, но заведомо не к государю императору и этому устройству. В общем, можно сказать, что это история неудачи национальной, или этноконфессиональной политики Империи, может быть, одна из самых кричащих историй. При этом обращу ваше внимание на такую вещь. Если мы посмотрим на то, что происходит после краха Российской Империи, то мы увидим, что масштаб еврейских страданий 1917-1920 годов заметно превышает масштаб еврейских страданий в рамках Российской Империи. А с другой стороны, мы видим, что среди тех, кто заставлял людей страдать с маузером в руке, мы уже находим изрядное количество евреев с другой стороны. История евреев в России не может быть рассказана только как история жертв. Мне кажется, что в этом смысле книжка Слезкина очень полезна. Она одна из первых нарушила это табу. То есть поговорить о евреях в некотором смысле как о нормальных людях, как о группе, представители которой совершают замечательные и дурные поступки. Историю которых нужно таким образом и рассказывать.

Есть ли какая-то загадка и некая ненормальность еврейской истории? Да, она существует. Ее сразу видно, когда мы смотрим на то, как исследователи пытаются описать феномен экономического успеха евреев при капитализме. Это все время описательные, а не аналитические категории. Слезкин называет это меркурианством, другой исследователь — homo oeconomicus judaicus. Ну и что? Что это добавило к нашему пониманию? Но более или менее представляя себе, почему Российская Империя оказалась настолько неуспешна в использовании этих навыков евреев, в этом вопросе, почему евреи оказались настолько успешны в капитализме, я, к сожалению, должен поднять лапки вверх.

Обсуждение

Лейбин: Если я правильно понимаю, подход Алексея Миллера состоит в том, чтобы освободившись от политико-идеологического груза, посмотрев на Российскую Империю как на умершую, можно было заняться реконструкцией ее внутренней логики. И в этом смысле отчасти и апологией. Этот подход позволяет увидеть множество интересных и в разной степени удачных государственных решений.

Я вспоминаю Вашу статью про современное состояние дел в Восточной Европе и думаю, возможна ли такая позиция анализа, которая позволила бы столь же отстраненно и рационально посмотреть на нынешнюю ситуацию. Кажется, если я правильно понимаю, то тот метод, который вы используете при анализе современной ситуации, похож на ваш же метод исторического анализа. Когда вы говорите о логике казалось бы парадоксального конфликта России и Польши, вы реконструируете, что там со стороны России может быть задача дискредитация Польши как специалиста по России. Вопрос состоит в том, думали ли вы, что такой метод отстранения от материала действительно легитимен по отношению к современной ситуации?

Миллер: Ответ будет коротким. Принципиальная разница между анализом сегодняшней ситуации и историей Российской Империи заключается в следующем. Я могу пойти в архив и посмотреть, что писал Александр II, какой-нибудь губернатор, какие-нибудь министры на ту или иную тему. Поэтому, когда я пытаюсь рационализировать логику его поведения, я опираюсь на источник. Если пытаться рационализировать логику сегодняшних властей, то, во-первых, я не могу опираться на источник, потому что я не знаю, что они пишут на эту тему, во-вторых, всегда рискуешь нарваться на вопрос: «А тебе не кажется, что ты им вкладываешь какие-то чересчур умные мысли в голову? Может, все заметно проще?». А у тебя нечего ответить. Какие-то аргументы появляются все-таки только по прошествии времени. В этом смысле все-таки в одном случае я могу доказывать что-то, а в другом случае это «угадайка».

Илья: Ещё раз спасибо вам за интересную лекцию. Вот какой вопрос: как правило, сионистское движение в России – желание евреев уехать в Израиль – связывают с погромами 1904-1905 гг., знаменитым Кишиневским погромом, и никогда не говорится о сионистском движении до этого периода. Можете немного осветить этот аспект и как к этому относились Романовы?

Миллер: Вопрос очень хороший, потому что позволяет мне сказать вещи, о которых я не говорил. Во-первых, пойдем, что количество сионистов среди евреев в Российской Империи было очень невелико. Это была довольно маргинальная группа, сравнительно с другим выбором: около двух миллионов евреев из Российской Империи выехало в эмиграцию. 80% из них отправились в Соединенные Штаты. Имели ли погромы какое-то значение? Конечно, имели. Но тогда возникает вопрос: почему из Габсбургской монархии уехало в процентном соотношении такое же количество евреев и ровно в том же направлении? А там погромов не было. Тогда мы должны допустить, что помимо погромов есть ещё и экономические факторы эмиграции. Едут не только евреи, те, которых в Европе того времени называли *Ost-Juden* в противовес аккультурированным *West-Juden*. Но едут ирландцы, у которых тоже работы нет, едут итальянцы с юга теми же миллионами. Почему 80-е годы? Потому что погромы случились. Наверное, это сыграло какую-то роль. Но с другой стороны, может быть, это можно объяснить за счет того, что именно в это время начинает функционировать пароходное движение между Старым и Новым светом? Значит, билет становится дешевле, путешествие становится не таким изнурительным, плюс начинается цепная реакция. В 90-е годы, когда проводились исследования, на какие денежки едем, обнаружилось, что больше половины евреев едут уже не на свои деньги, а на деньги родственников, которые устроились в Соединенных Штатах. То есть опять же, если мы хотим действительно что-то понять, то мы должны смотреть на множество факторов, и когда мы сравниваем Российскую Империю, здесь есть погромы, а вот в Габсбургской монархии – нет. А все равно едут. И ровно из тех мест, где живут очень похожие евреи. Евреи в Будапеште или Вене совсем не похожи на евреев Галиции. Зато евреи в Галиции очень похожи на евреев в черте оседлости. И тогда мы понимаем, что нельзя объяснить все явление через погромы. Потому что там, где погромы нет, все равно это происходит. Погромы, антисемитизм и прочее, конечно, могло подталкивать людей в сионизм. Есть такая очень плохая книжка о Владимире Жаботинском, лидере сионистского движения. Там автор написал гениальную фразу: «Владимир Жаботинский начал учить родной язык в возрасте 21 года». Понятно, что человек вырос в ассимилированной еврейской семье. У него родной язык русский. Он столкнулся с проявлениями антисемитизма и путем умозаключений пришел к выводу, что везде евреи будут чувствовать себя плохо в условиях этого современного антисемитизма, кроме как в своем собственном государстве.

И он идет в сионистское движение. Но это была реакция меньшинства. Будем это иметь в виду.

А насчет сионизма – он был и до 1905 г., но в 1905 г., как и многие другие политические течения, впервые мог открыто о себе заявить.

Ольга Малинова: Вопрос как раз отчасти связан с Владимиром Жаботинским. Он касается асемитизма, о котором Владимир Жаботинский, если мне память не изменяет, в 1909 году... Вопрос вот какой. В какой мере та среда, в которую вливались эмансипированные евреи, откликнувшиеся на либеральный призыв к ассимиляции, была готова принимать их в качестве евреев со всеми особенностями идентичности? И в этой связи как существовало такое явление как асемитизм, то есть сосуществование с евреем и принципиальная неготовность воспринимать его как что-то особенное.

Миллер: У Слезкина в этой книге есть чудесное определение, кто такой еврей. Он говорит, еврей – это тот, кого считают евреем. То есть еврей – это не тот, кто себя считает евреем, а тот, кого считают евреем. С точки зрения историка это с какой точки зрения важно? Человек находится в ситуации, в которой его считают евреем, и поэтому он ведет себя тем или иным образом. Эту тему в свое время развивал Фазиль Искандер. У него есть такой рассказ, как в ауле большое возбуждение среди населения, потому то прошел слух, что приедет какой-то чиновник что-то там делать, невредное, и он еврей. И когда он приезжает, все вокруг него собираются и внимательно его оглядывают со всех сторон. Они первый раз еврея увидели. Потом самый старый и мудрый подходит к нему и спрашивает: «А вот вы, евреи, с рождения знаете, что вы евреи, или вам потом это объясняют?» Конечно, это не только в отношении евреев. Мой любимый пример, которым я всегда пользуюсь, – это Тузенбах из «Трех сестер». Его тоже спрашивают – кто он, немец? А он пытается объяснить, что он и не немец, по большому счету, но фамилия у него такая.

Здесь были очень разные стратегии, этот вопрос очень плохо исследован. Были стратегии, скажем, смены фамилии, имени и отчества, принятия русских вариантов. А в Америке что, не так? Очень много таких случаев. Особенно в те времена, когда там господствовал антисемитизм, совсем не так давно. Есть какие-то позиции, когда люди не желают мимикрировать, а пытаются неготицировать отношения с принимающим сообществом. На эту тему, наверное, можно написать много интересного, но большего я пока сказать не готов. У Зигмунда Баумана есть такой хороший термин. Он говорит, что термин «антисемитизм», равно как и «филосемитизм», очень непродуктивны. Мы описываем

как антисемитизм и отношение к евреям в XV веке, и отношение в XX веке. А это очень разные явления. Он предлагает термин «аллосемитизм», то есть отношение к евреям как к иному. И что из этого вытекает? Понятно, что в XX веке модерный антисемитизм господствует, это остро.

Алексей Трифонов: У меня несколько вопросов. Во-первых, хотелось бы услышать, насколько продуктивно было существование еврейского населения в Османской Империи, как известно, там евреи пользовались достаточно большими льготами. Продуктивно с точки зрения взаимоотношений Османской Империи и еврейской общины. Второе, что хотелось бы понять, вы говорили, что на окраинах западных погромы начинаются в 80-е годы, а чем тогда можно объяснить еврейские погромы во время польского восстания 64-го года, которые были достаточно значительны? И, наконец, в связи тем, что тут уже говорилось по поводу сионистского движения, как вы можете прокомментировать позицию той части русских консерваторов, относящихся не к кружку Мещерского, а скорее Тихомирова, в конце 80-х и 90-е годы, которые активным образом поощряли сионистское движение и говорили, что да, это замечательное решение еврейского вопроса?

Миллер: Что касается Османской Империи, я бы был очень аккуратен в характеристике положения евреев в Османской Империи как благоприятного. Вот смотрите, в Российской Империи одной из дискриминационных мер в отношении евреев, которая просуществовала довольно долго, был двойной налог. Его отменили 1807 году. Скандальная вещь, об этом много написано в историографии. А евреи в Османской Империи двойной налог платили всегда. Это была норма. Можно сказать, что в этой традиции, исламской, отношения к евреям (и к христианам, кстати) терпимое в том смысле, что это все люди Книги. И как люди Книги они имеют право существования на этой земле. И не должны быть насильственно обращаемы в ислам. Но с этим по-разному бывало.

В Российской Империи есть Одесса, где позиции еврейской общины были очень сильные и где быть антисемитом было очень неудобно с точки зрения условий проживания. В Османской Империи тоже был такой город – это Салоники. На заре сионистского движения евреи Салоник даже говорили: «Ну зачем вам Палестина, сюда все приезжайте, в Салоники».

Еврейские погромы во время восстания 1864-го года... Вы знаете, здесь природа другая. Традиционная природа. Когда две стороны дерутся, а евреи пытаются либо сохранить нейтралитет, либо разные

группы евреев принимают ту или иную сторону, понятно, что им достается. Значительная часть евреев поддержала польское восстание, хотя был на уровне манифестаций. Но была и другая часть евреев, которая была лояльна правительству. И если вы посмотрите на то, какие группы населения пострадали от рук повстанцев в этническом смысле, то на первом месте будут не евреи. И заведомо не русские. На первом месте будут поляки. Можно сказать, что главным образом от польского восстания пострадали поляки. Не от русских войск, а от рук повстанцев. Это же была партизанская война. Соответственно, подпольное правительство издавало указы, а потом резало тех, кто их не выполнял.

Есть знаменитая история о том, как евреи сообщили Кутузову, где будет переправляться Наполеон. Реакция Кутузова была простая – он заподозрил, что их послал Наполеон. И всех их повесили. А потом оказалось, что они правду сказали, и потом ту общину, из которой они происходили, наградили за их героизм и верность царю. Это такая типичная ситуация. Она постоянно воспроизводится.

Теперь поощрение эмиграции. Это очень важный вопрос, но есть простой вопрос на него. Да, самые ксенофобские группы в русском национализме, как раз официально ставили в свою программу всяческое поощрение иммиграции евреев из России. Это был один из ключевых программных пунктов Союза Русского Народа, например. Они даже пытались деньги собирать на это дело. Но я бы здесь хотел обратить вот на что ваше внимание. Когда историю евреев в XIX веке рассказывают так, как будто главным событием в истории XIX века является Холокост, то тогда мы очень мало что можем понять. То есть рассматривать то, что происходит в XIX веке как ступени, будто мы взбираемся, или, скорее, опускается в этот ад Холокоста, – это все-таки не так. Потому что у самых лютых антисемитов, которые существовали в Российской Империи к моменту ее распада, воображения хватало на то, чтобы выгнать всех евреев. Пусть себе в свой Израиль едут и там себе живут, а нам они не нужны. Все-таки изобретение Холокоста больше изобретение XX в., вот это я хочу сказать.

Александр Юсунгуров (Санкт-Петербург): Если сравнивать, видите ли вы какие-то аналоги? Есть какие-то аналоги другого народа, другого этноса в Российской Империи, может пост-Российской Империи, которые не в такой степени сыграли роль, как евреи, но... думали ли вы на эту тему? Понятно, что на первый взгляд ничего нету, но если сегодня, например, брать южные районы России – отчасти проблемы армянского населения.

Миллер: Первый ответ простой – аналогов нет. Ответ несколько более сложный: во-первых, есть масса групп, которые выполняют такую функцию. Один американский социолог назвал ее функцией мобилизованной диаспоры. И это армяне, греки, китайцы в других местах. Их бесконечное количество, этих групп. Вы можете прочитать первую главу Слезкина, там эти аналогии – вагон. Специфика Российской Империи – это масштаб. В чем специфика этой еврейской истории? Они были одной из таких мобилизованных диаспор и неожиданно оказалось, что они жили на той самой территории, где произошел этот самый капиталистический взрыв. И поэтому евреи сыграли в высшей степени специфическую роль. Можем смотреть на евреев в каких-то других частях света, они выполняют ту же роль мобилизованной диаспоры, но заметно более скромную.

Мишулин: У меня вот какой вопрос. Я человек не особо ученый. Скажите, в чем именно, по-вашему, причина аллосемитизма, то есть какое-то особенное отношение к евреям, и на каких факторах вы основываетесь, выводя свое отношение к этому вопросу?

Миллер: Особое отношение к евреям объясняется огромным множеством разных факторов, отчасти ситуационных, отчасти очень простых. А евреи что, сами к себе не относятся как к особенным? Ещё как относятся. Затем, посмотрите, если мы говорим о традиционных обществах, еврейские общины очень отдельные, они очень замкнуты. Когда мы говорим, скажем, о проблемах аккультурации, люди живут рядом, две общины разные соприкасаются. Они, как правило, отделены друг от друга. Но степень отделенности правоверного иудея от соседей, как правило, на порядок выше по одной простой причине. Нельзя даже пойти к соседу в гости, закусить и выпить водки. По вполне понятным причинам – кашрут надо соблюдать. Аллосеминизм современного антисемитизма – это, конечно, совершенно другое. Это расовое. Это все очень сложные вещи, всегда очень много факторов.

Александр Гловели: Вы сказали, что это новое модернистское отношение к евреям в значительной степени обязано своим существованием такому капиталистическому развитию и успеху евреев в рамках этого развития. Они проявили себя как грозный, конкурентоспособный фактор по отношению к другим этносам. В то же время, я там понимаю, со времен Зомбарта, идет традиция, которая рассматривает эти капиталистические способности евреев в основном в двух-трех сферах, самое главное – в финансовой сфере, но никак не в сфере промышленной и производственной. Я хочу напомнить, что для ефрейтора Гитлера было мировым открытием, когда он услышал на лекции полуграмотного лек-

тора о существовании двух видов капитализма: один финансовый, другой – промышленный. Причем носителем финансового был еврей, паразитический, а носителем промышленного капитализма был немец, ариец, германец. Я могу привести пример даже из современной действительности, когда академик Львов по радио рассуждал о двух видах нефтяных компаний в России. Одни занимаются добычей нефти внутри этих компаний, например, это ЛУКОЙЛ, или «Роснефть» – там, где нееврейские руководители или собственники, а есть, например, компания ТНК или ЮКОС, которые рассматривают нефтяную промышленность как вид финансового актива. Вот эта традиция, что евреи более успешны в не совсем честных сферах бизнеса, как торговля или финансы, насколько она оправдана? Вы сказали, что, например, Бродский построил империю сахарного производства. Насколько это соответствует действительности? Можно ли назвать крупные состояния еврейские, которые созданы в промышленности?

Миллер: Я в самом начале сказал о том, что я не специалист по истории евреев. Поэтому квалифицированно ответить на этот вопрос не могу. Понятно, что евреи были особенно успешны в банковской сфере, но если мы возьмем тот же самый пример в Германии, например, то как там строилась промышленность, откуда она взялась? Если в Британии сначала возникает индустрия и потом обслуживающие ее банки, то в Германии наоборот. Сначала возникают банки, а потом они строят эту промышленность. Соответственно, я не хочу уподобляться Львову и вступать в эти спекуляции. Я очень сомневаюсь, что степень честности и порядочности предпринимательства с еврейской или нееврейской фамилией принципиально отличается. Думаю, что это примерно одно и то же. Вы не можете себе представить честного банкира? Мне как-то довольно просто это сделать. Я приведу два примера евреев-банкиров. Один из них в течение 20 с лишним лет заведовал финансами Российской Империи. Звали его Штиглиц. И ничего, между прочим, неплохо это делал. Другой был такой Ротшильд, с которым связана такая забавная история. Вы никогда не задумывались над тем, как это так получилось, что Герцен, негодяй, сидит в Лондоне и пишет пасквилы на Романовых и публикует этот журнал на деньги, которые он получает со своего имени, находящегося в России? А история была очень простая. Когда Николай собрался конфисковать это имение, барон Ротшильд написал ему письмо, в котором указывалось, что у нас тут возникла некоторая проблема, дело в том, что один мой клиент оказался под угрозой конфискации его собственности вашей Империей, я вынужден буду

пересмотреть наши договоренности о следующем займе, если что. На этом все и кончилось.

И я бы поостерегся считать, что банкиры большие жулики, чем индустриалисты, — это еще доказать надо.

Елена Гусева: Не кажется ли вам, что тема лекции перестала быть остро актуальной — в результате смены строя экономического предпринимательства и так далее? Этой проблемы уже все меньше и меньше. Естественно, националистический вопрос стоит в государственной власти, но он больше не к нации евреев относится, а совершенно к другим. Потому что ассимиляция произошла на уровне смешанных браков.

Миллер: Я понял ваш вопрос. С сожалением должен отметить, что он не по теме, потому что я говорил об империи Романовых и евреях. То есть о политике империи Романовых в отношении евреев. Обсуждать сегодняшнюю ситуацию я не готов. Единственное только, напому вам такой анекдот: умирает старый армянин, вокруг него собрались родственники и он им говорит: «Берегите евреев». Они спрашивают: «Почему?», он говорит: «Ну понимаете, не будет евреев, за вас примутся». В некотором смысле не уберегли, и теперь на первой линии огня оказались так называемые «кавказцы» несуществующие. Это вовсе не значит, что антисемитизм не играет большой роли в разных версиях русского национализма. Есть такие, кто считают антисемитизм совершенно непродуктивным. Но изрядное количество считает иначе. Берегите кавказцев.

Лейбин: У меня была гипотеза: острота проблемы снялась, когда появился анекдот «меняю лицо кавказской национальности на жиновскую морду». Это, кажется, в 90-е. У меня был, кстати, хитрый ход, как можно попытаться перейти от темы Романовых к современности. Ход такой, немножко спекулятивный, уже не состоявшийся, поэтому и рассказываю. Вы рассказывали с точки зрения Империи и окраин в разных местах, на Украине, в Польше. Там была какая-то реакция аудиторий. Как реагирует аудитория, украинская или польская, у которой есть свой исторический нарратив в сравнении с тем, что сегодня у нас происходит?

Миллер: Вы считаете, что мы должны рассматривать реакцию аудитории как реакцию евреев? Я сомневаюсь. На что меня это натолкнуло? Заметьте, что расовый и политический антисемитизм в России является калькой. Он слизан с полонофобии. Я могу это доказать. Есть такой документ, он называется «Катехизис еврея», это такая листовочка, которая распространяется на нацистских митингах с конца 1980-х годов. Там схема изложения похожа на протоколы сионских

мудрецов. Там инструкция того, как еврей должен вредить невинному русскому народу. Инструкция написана таким образом, чтобы всем было понятно, что Чернобыль взорвался из-за евреев и т.д.

Так вот, в России первый документ, построенный по этому принципу, – это 60-е годы XIX века. Это был «Катехизис поляка», который был опубликован Катковым. А в оправдание Каткова можно сказать, что он этот документ не сочинил, а ему его дали как найденный в бумагах одного из вождей польского движения Людвика Мерославского. Там тоже объясняется, как поляки должны внедряться в русское общество и чего они там должны подрывать. Это очень любопытно. Может быть, Катков был искренне заблуждающимся. Можно даже допустить, что Мерославский его сочинил, потому что он был очень затейливый человек. Но важно другое, что подозрительность по отношению к поляку как какому-то Конраду Валленроду, который внедряется в наше национальное тело, чтобы подорвать его изнутри, – это очень распространенный сантимер в русском обществе во второй половине XIX века. И по этой калке будет потом действовать современный антисемитизм, причем не только в России, но в той же Польше, где он был не менее силен.

Александр Челноков: Вопрос из области словообразования, словоупотребления и словарных заимствований. Может тоже характеристично и мне тоже часто бросалось в глаза, что в России для употребления этноса, нации евреев существует целых три слова: «еврей», «иудей» и «жид». Мне показалось, что вы, когда цитировали источники XVIII-XIX веков, адаптировали слово на современное – «еврей».

Миллер: Нет, это не так. Дело в том, что в 1787 году по просьбе евреев города Шклова Екатерина II издала специальный указ, в котором было сказано, что евреи сказали, что слово «жид» им кажется оскорбительным, нельзя ли впредь именовать их евреями. Екатерина издала соответствующий указ и с тех пор в официальных бумагах Российской Империи употребляется только слово «еврей». Это не значит, что в языке, в дискурсе, слова «жид» не было. Какой-нибудь Николай I в частной беседе вполне мог сказать что-нибудь про жидов. Но в этом контексте, имея в виду, что официально использовалось слово «еврей», это уже однозначно принимало значение ругательства. Потому что в Польше «жид» – нормальное обозначение еврея. Но официально Российская Империя пользуется только словом «еврей» с конца XVIII в.

Андрей: Я думаю, что многие читали двухтомник Солженицына «Двести лет вместе».

Миллер: Ой, как я боялся этого вопроса.

Андрей: Вопрос у меня такой, считаете ли вы, что в первом томе своего сочинения Солженицын адекватно описывает сопротивление евреев по ассимиляции?

Миллер: Вы знаете, я уже довольно давно читал эту книгу, поэтому могу только общее впечатление об этой книге сказать. У меня ощущение, что это попытка с негодными средствами. Человек довольно плохо знает материал, человек немолодой. Когда я читал эту книгу, у меня не было ощущения, что я читаю текст, отвечающий сколько-нибудь критериям научности.

Дальше другой вопрос. Отношение к этой книге было очень противоречивое. Высказывались разные мнения. Является ли эта книга более или менее изощренным антисемитским высказыванием? У меня не было такого ощущения. Солженицын решил попробовать поговорить на интересную для него тему. Мне кажется, у него это получилось в высшей степени неудачно, но я на основании этой книги не торопился бы обвинять его в антисемитизме.

Сопротивление чему? Еврейские общины действительно отчаянным образом сопротивлялись любым попыткам вторжения государства в свою жизнь. И весьма успешно это делали. Мой любимый пример, это как в 1860-м году... я не помню, когда отменили двойной рекрутский набор для евреев... еврейское мужское население Каменца-Подольского увеличилось в три раза. Понимаете, что произошло? Вот это вам показатель. Николай среди прочих злостных мер против евреев обязал их взять фамилии, каковых у них для царских властей не было. Не могли они предложить царским властям фамилии, с помощью которых их можно бы было идентифицировать и отлеживать. Я думаю, что стремление ассимилировать евреев, то есть сделать из них русских, у Империи в массовом масштабе вообще не было. Если вы посмотрите, например, на указы начала XIX века, когда Империя говорит общинам: «Вот вам 6 лет и за это время вся документация, которую царские чиновники должны проверять, должна быть переведена на один из трех языков: немецкий, польский или русский». Что имеется в виду? На какой-нибудь язык, который понятен среднему российскому чиновнику. Не в том смысле, что они все ими владеют, но в среде российских чиновников можно найти человека, который знает по-немецки или по-польски. Это попытка навязать какой-то общий медиум. Я не вижу никаких систематических усилий со стороны Российской империи, кроме кантонистов, а это, в общем, маленькая группа, ассимилировать евреев в первой половине XIX века.

Вопрос из зала: Армяне это учат в школе, там это общеизвестно, что в начале новой эры царь армянский угнал туда 20 000 иудеев. Про них толком больше ничего не известно, судя по всему, они ассимилировались, приняли христианство. В этой связи напрашивается вывод, что сила крови еврейской, женской, если она проникает куда-то, то... Можно ли ждать ассимиляции абхазов?

Миллер: Ход вашего мышления настолько чужд мне, что мне трудно ответить на этот вопрос. Но вам, может быть, будет любопытно почитать чудесную книжку Дины Рубиной «Синдикат», хотя она временно затянута. Там рассказывается о поиске потерянных колен Израилевых в том ключе, который мне очень близок.

«Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения

*Мы публикуем полную стенограмму лекции, прочитанной известным специалистом по истории и современному состоянию Восточной и Центральной Европы, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником ИНИОН РАН, профессором Центрально-Европейского университета в Будапеште **Алексеем Миллером** 24 апреля 2008 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру». «Историческая политика» – конструирование своей истории и истории своих соседей из задач сегодняшнего дня – в последние годы стала заметным явлением в жизни постсоциалистических стран. Тому, как реализуется эта политика в России, Польше, на Украине и в других восточноевропейских странах и была посвящена лекция традиционного участника проекта «Публичные лекции «Полит.ру» Алексея Миллера – российского историка, активно включенного в процесс российских и международных дискуссий по проблемам «исторической политики». Примеры дискуссий подобного рода можно прочитать в польском журнале «Европа» (Анджей Новак. ««Бедная империя, или Второй Рим» – соблазны имперского дискурса в современной русской мысли», Алексей Миллер «Ответ Анджею Новaku, или кое-что о «жертвах» и «насильниках»», Анджей Новак «Краткий ответ на ответ») и украинском журнале «Критика» (Андрей Портнов. «Вісті з хорошої імперії», Алексей Миллер. «Лист дезертира», Алексей Миллер. «Письмо дезертира» (рус. яз), Андрей Портнов «Ударимо дезертирством по добровольцях»).*

Текст лекции

Добрый вечер. Когда Борис предложил мне выступить с очередной лекцией, я сразу, даже особо не задумываясь, сформулировал тему. Не задумываясь, потому что знал, о чем бы хотелось поговорить. Заявленная тема волнует меня, я бы даже сказал «достает», в течение нескольких лет, и с каждым годом все больше. Но потом, когда я стал более конкретно думать, как и что я расскажу, я понял, что в каком-то смысле сам себе поставил ловушку.

Во-первых, то, что меня особенно «достает» в этом сюжете, касается, если так можно выразиться, «цевых проблем» историков. Это, конеч-

но, не всем здесь будет интересно, и я постараюсь об этих вещах говорить как можно короче и в самом конце. Но если кому-то из вас станет скучно в последние 15 минут, то я заранее извиняюсь. Это просто тот случай, когда «не могу молчать». Не историки, отнеситесь к этой проблеме с антропологической точки зрения, посмотрите на то, что волнует историка, со стороны.

Другая сторона ловушки заключается в следующем. Борис уже сказал, что я здесь выступаю не в первый раз. И в подавляющем большинстве эти выступления были выступлениями о сюжетах из того прошлого, которым я занимаюсь, т.е. XIX – начало XX вв. Я всегда подчеркивал, что говорю как историк, и не нужно перебрасывать слишком прямые мостики к политике. Однажды я здесь выступал на современную тему о том, как происходят дебаты о нации в современной России. В этом случае я сразу подчеркнул, что выступаю не как историк, а как наблюдатель, участник этих дебатов.

Тут оказалось, что сформулированная тема разрушает эту перегородку, которую я все время старался строить, между своими занятиями как историка и как человека, который участвует и в изучении современных проблем, и в их обсуждении. Т.е. сегодня речь пойдет о проблеме весьма актуальной и, я считаю, имеющей большое общественное значение. Это обозначено словами «историческая политика». Я потом объясню, что это значит. Это новый термин, и я попробую показать, что явление, о котором я буду говорить, все-таки имеет качественно новые измерения по сравнению с обычной политизацией историей. И не обязательно быть историком, чтобы это обсуждать. И в то же время, как я уже сказал, эта тема особенно волнует меня именно как историка.

Подзаголовок – «плоды вовлеченного наблюдения» – тоже для меня очень важен. Все-таки у меня за последние годы накопился довольно редкий опыт. Я преподаю в Центрально-Европейском университете в Будапеште, где значительная часть студентов, до недавнего времени большинство – это люди, закончившие тот или иной вуз в Восточной Европе. Под Восточной Европой я буду понимать все постсоциалистические страны, включая Россию. Из года в год я с этими людьми общаюсь, вижу, что происходит. Это одна сторона дела. С другой стороны, за последние несколько лет я читал курсы лекций в университетах Варшавы и Киева, я часто бываю в этих странах. И именно об этих трех странах пойдет речь: Польша, Украина, Россия. Я интенсивно общаюсь с историками из этих стран. У меня уже много лет есть проект, где мы занимаемся тем, что раньше называлось повышением квалификации университетских преподавателей. И опять же это люди не только из

России, но из разных других стран тоже. Т.е. я вижу, что происходит, это личный опыт.

Кроме того, поскольку я занимаюсь историей Российской империи, которая к Украине и Польше имеет непосредственное отношение, то мне приходится читать разные рецензии на то, что я пишу, а иногда даже вступать в полемику с рецензентами. И я специально попросил организаторов дать ссылки на некоторые примеры этой полемики. Не потому что она особенно значима, а потому что она очень репрезентативна.

В этом смысле я действительно вовлечен и часто буду говорить о личном опыте, но, повторяюсь, не потому что считаю его особенно важным, а потому что считаю его вполне репрезентативным.

Итак, историческая политика. Понятно, что история всегда была в той или иной степени политизирована. Собственно, когда она складывается как профессиональная дисциплина, это уже рамки того, что принято называть национальным нарративом, национальной историей, т.к. историки участвуют в формировании идентичности, в строительстве нации и пр. Они занимались тем, что помогали государству воспитывать хороших солдат и т.д. В общем, если мы посмотрим на конец XX в., было ощущение, что эта роль истории уходит в прошлое, причем как в Западной Европе, так и у нас. Все-таки понятно, что в Западной Европе был уже проект объединенной Европы, акцент не на военные подвиги, а на Гете, на примирение, на социальную историю и т.д. У нас, в социалистическом мире, конечно, государство контролировало историю, цензурировало ее. Но если мы вспомним 1970-80-ые гг. (я могу их вспомнить, я уже тогда был историком), в принципе, во-первых, ну, не хочешь заниматься «актуальным», так занимайся историей Швеции, а не России XIX-XX вв. Было очень много ритуального, мало агрессии в проведении политики партии.

И за последние годы в этом смысле стало что-то меняться. Термин «историческая политика», если я не ошибаюсь, был придуман в Польше года четыре назад. Но смотреть на этот сюжет, именно сквозь эту призму, как на политику, стали даже чуть раньше. Одна из ссылок к моей дискуссии с очень хорошим польским историком Анджеем Новаком относится к 2003 г. И в том же 2003 г., если я не ошибаюсь, Анджей Новак опубликовал статью в правительственной польской газете «Речь Посполитая», в которой он написал, что возникает серьезная угроза: «Немцы и русские в последнее время стали что-то пересматривать в своем историческом нарративе и, похоже, собираются расстаться с фиксированной ролью палачей, с признанием того, что они плохие

ребята в этой истории. А нам обязательно нужно эту тенденцию предотвратить, и нужно их в этой роли плохих ребят зафиксировать». В общем, это одна из линий, которую в исторической политике можно проследить вплоть до сегодняшнего дня: зафиксировать себя в роли жертвы, а кого-то специально подобранного – в роли палача. Специально подобранного, потому что каждый может вспомнить много обидчиков, но всегда выбирает, кого выгодно вспомнить именно в данный политический момент. Польша неизменно изображается жертвой России и Германии, а иногда даже жертвой США, когда это выгодно, ведь «Рузвельт продал нас в Ялте».

Чтобы вы представили, насколько это в Польше интенсивно, приведу примеры. Буквально несколько недель назад президент Польши Лех Качиньский выступал с телеобращением к польскому народу. В частности он говорил об опасностях, которые таятся в объединенной Европе, и частично произносил свою речь на фоне карты Германии 1939 г., с намеком на то, что немцы теперь в рамках объединенной Европы стремятся туда же. Когда несколько месяцев назад была дискуссия о том, как поделить места, пропорции представительства в Европейском Союзе, Качиньский в качестве аргумента использовал следующий тезис: «Немецкий аргумент, что надо исходить из численности населения, порочен, потому что если бы немцы не убили столько наших граждан во время Второй мировой войны, то нас было бы намного больше, поэтому дайте нам дополнительные места в органах управления Евросоюза». Это в чистом виде историческая политика. В отношениях с Россией ключевой мотив – российская имперскость и, конечно, Катынь. Это одна часть.

Другая часть проблемы – это борьба с внутренними политическими врагами. В Польше уже довольно давно создан Институт национальной памяти, который некоторое время довольно продуктивно работал. Одна из его функций вызвала споры в обществе. Эта функция люстрации. Т.е. у них хранятся архивы служб безопасности Польской народной республики. И они должны были смотреть, не сотрудничали ли политики, люди, занимающие выборные должности с органами коммунистической безопасности. Те люди, которые выражали беспокойство по поводу этой программы, довольно рано начали говорить о том, что при избирательном использовании этих материалов они могут превратиться в оружие против политических противников.

С недавнего времени споры об этом прекратились в том смысле, что все самые худшие опасения сбылись. Я бы сказал, что апофеозом был трюк Качиньских накануне президентских выборов, когда за неделю до

выборов вдруг вся Польша узнала, что дедушка Дональда Туска, главного соперника Леха Качиньского, служил в Вермахте. Потом, конечно, поговорили, обсудили: «Ну, и что, служил, что из этого?». Это все было уже после выборов, а те несколько процентов голосов, которые нужно было отнять, они отняли, потому что они вбросили это за неделю до выборов. И это вытягивание папок идет очень активно именно сейчас, потому что в последнее время Качиньские сделали ответственные должности в этом институте фактически политическими должностями.

Обратим внимание, например, что политика меняется в зависимости от того, кто пришел к власти (мы еще вернемся к этому). Например, Дональд Туск, как только победил недавно на парламентских выборах, сказал: «Катынь — это все-таки, прежде всего, внутрироссийская проблема. Пусть они между собой это обсудят, какая степень ответственности, в чем их вина. Не будем делать это предметом межгосударственных отношений». Этим он, естественно, заслужил ушат помоев со стороны враждебного политического лагеря. Понятно, что историческая политика в виде требования покаяния со стороны со стороны внешних или внутренних политических партнеров — это очень мощный инструмент.

Наконец, третий элемент — это борьба за положительный, душеукрепляющий образ национальной истории. В принципе, все нации хотят сделать такой национальный нарратив, который выполнял бы конструктивную функцию в формировании понимания «Мы», солидарности и т.д. В Польше было очень жестко переформулировано, что есть такие люди, в основном, конечно, за рубежом, которые хотят представить поляков как плохих людей, и поляки должны сплотиться против этой идеологической агрессии для защиты своих святынь интересов.

Я приведу несколько примеров, как это работает. В Варшаве есть музей Польского восстания 1944 г., Варшавского восстания. Это было восстание против немцев. На Восточном берегу Вислы стояла Красная Армия, и она там стояла, пока немцы добивали это восстание. Музей вам очень подробно расскажет день за днем про это восстание. Он вам не расскажет только одной вещи — о тех ожесточенных дебатах среди руководства польского партизанского движения, которые шли в тот момент, когда принималось решение начать восстание, и затем в течение многих лет, надо ли было восставать именно в этот момент. Ничего этого нет. У нас есть героический поступок, герои, которые гибнут. А все, кто пытаются задавать вопрос: «Какова ответственность политиков, которые послали этих ребят на смерть?», убраны.

Другой пример – отношение этого лагеря (именно этого лагеря, это не вся Польша, это именно лагерь, который проводит именно такую историческую политику) с историком Яном Гроссом. Этот человек вырос в Польше, мать у него полька, отец – еврей. С моей точки зрения это не важно, сколько в нем какой крови, но с точки зрения исторической политики – весьма важно. Он написал две книги. Первая книга называлась «Соседи», о том, как в одном польском местечке в 1939 г. польские жители этого местечки сожгли 600 своих еврейских соседей в амбаре. Немцы в этом не участвовали в том смысле, что их там не было. Они, конечно, создали определенные условия, но это другой вопрос. Была оживленная дискуссия на эту тему. А недавно Гросс опубликовал вторую книгу, которая называется «Страх». И в этой книге он рассказывает о том, как несколько тысяч евреев были убиты в Польше уже после того, как вернулись недобитые из нацистских концлагерей. И структура дискуссий про эту книгу была уже совершенно другой. Те отдельные голоса, которые звучали в первой дискуссии, что «Гросс, наверно, поляков не любит, он вообще не наш, хочет нас обидеть», были все-таки маргинальны. Теперь один из основных, стержневых мотивов: Гросс – еврей, который мстит за что-то полякам, он хочет поляков обидеть, представить в черном цвете. Т.е. дискуссия не о том, что он написал, не о фактах и оценках, а о личности этого автора. Это польский случай.

Теперь украинский случай. Института национальной памяти в Украине до недавнего времени не было. Сейчас его создали. Они еще не раскрутились, и не совсем понятно, как они будут его использовать, но, наверно, будут. Что у них общего с польским примером? Это фиксация украинцев в роли жертвы и фиксация того, кого положено, и прежде всего России, в роли палача. Есть две ключевые темы: украинская повстанческая армия и голодомор.

Тема украинской повстанческой армии используется еще и во внутреннем политическом дискурсе, потому что это попытка утвердить определенные представления о том, какие украинцы правильные и хорошие. Но понятно, что украинская повстанческая армия борется за свободу против советской оккупации. Голодомор – это геноцид украинского народа. И это государственная политика, т.е. государство очень активно участвует в насаждении и фиксировании этой точки зрения и в подавлении дискуссии на эту тему.

Я вам приведу пример. Ющенко, когда предлагал закон о голодоморе, хотел, чтобы там были статьи, которые уголовно наказывают людей, не просто отрицающих голодомор, но отрицающих голодомор как гено-

цид, оспаривающих эту характеристику голодомора. Причем это происходит в ситуации, когда в научных кругах дебаты на эту тему ведутся довольно интенсивно. Про то, как строится политика в отношении УПА, я приведу следующий пример. Не так давно была опубликована книга про то, как УПА спасала евреев. Сегодня автор этой книги работает в Институте национальной памяти при Совете национальной безопасности Украины. Т.е. это кадровое использование в политических целях историков, которые готовы обслуживать определенную политику. Внутри исторического цеха я знаю несколько примеров, как люди, которые не вписывались в этот нарратив, сталкивались с проблемами при защите. Идет определенный прессинг. Опять же подчеркну, что среди прочего этот пример говорит о том, что есть и люди, которые думают иначе. Голодомор – это еще очень мощная тема внешней политики. Сейчас запускают проект под названием «Украина помнит, мир признает». Это как раз про голодомор. Они собираются объехать 15 стран с какими-то мероприятиями по этому поводу.

А теперь такой вопрос – а что у нас, насколько мы отличаемся? Сразу скажу, что в некоторых аспектах отличаемся довольно существенно. У нас, с одной стороны, мотив жертвы в международных отношениях все-таки не используется. Отчасти, наверно, потому, что Россия была империей, и представлять себя как жертву не очень удобно. Не используется политиками: когда Путин чем-то недоволен в поведении Меркель, он ей не говорит: «А твои поубивали 20 млн. наших человек». Но если мы посмотрим на дискурс, то этот мотив мы видим уже вполне оформленным. Вспомните знаменитый византийский фильм. Вообще, это тенденция рассказать о том, как Запад все время был врагом России. Приведу примеры. Все вы знаете сайт «Иносми.ру». Поставьте над собой такой психологический эксперимент: почитайте его три дня подряд и не читайте ничего другого. Вы же тогда поверите, что в мире живут одни русофобы. Возьмем недавний случай. Издательство «Европа», которое, несомненно, связано с сайтом «Иносми.ру». Они опубликовали, за что им честь и хвала, перевод очень интересной книги Доминика Ливена, которая по-английски называется «The Russian Empire and Her Rivals». Угадайте, как звучит перевод по-русски? «Российская империя и ее враги». Слово *rivals* вообще-то переводится как «соперники». Для слова «враги» в английском языке есть слово *enemies*. Если вы посмотрите на предисловие к этой книге, на изобразительный ряд, которым эту книгу снабдили, то вы поймете, что это не ошибка переводчика. И таких вещей очень много. Проект Михаила Леонтьева, если кто-то сумел досмотреть до конца

хотя бы одну серию, на Первом канале. Это все элементы одного процесса.

Другая сторона дела, что нам нужно положительное прошлое. Во что это превращается, все мы прекрасно знаем, я даже не буду на этом останавливаться.

Интересно следующее. Оказывается, что самое важное для всех случаев в исторической политике – это очень жесткая манихейская фиксация, либо ты за красных, либо ты за белых, и очень четкая категоризация, кто такой автор. Вам, наверно, знаком дискурс: «Ну, что с него возьмешь, он на западные гранты живет», «у иностранных посольств шакалит» и т.д.

Чтобы понять, насколько это заразно, я перейду уже на личный опыт. Когда я читал здесь первую лекцию в 2005 г., лекция была про то, как русский национализм формировал представление о русской национальной территории внутри Российской империи. В частности я говорил о том, что Сибирь не сразу была освоена как часть русской национальной территории. И потом при обсуждении один господин встал и сделал следующее замечание. Я вам прочитаю:

«И очень забавное утверждение про Сибирь. Не могу не заострить на этом внимание, настолько легкое и ловкое смешение понятия. Дело в том, что русские, уходя за Урал, они говорили, что уходят из России, потому что реальная государственность была здесь. Они уходили в русскую землю, далекую, но тоже русскую. И, вы знаете, термин «Русская Америка», именуемая ныне Аляской, никем не именовалась не-российской территорией. Но сверхзадача сформулирована, термины даны – теперь за работу, товарищи. Мы должны определить тот круг территорий, по поводу которых можно уже сегодня ставить вопрос о целесообразности их принадлежности к России. За это вам наше большое спасибо».

Человек читает текст или высказывание сразу в политических категориях. Т.е. если я рассказываю о том, что не всегда Сибирь осознавалась, как часть русской национальной территории, это значит, что я за отделение Сибири от России. Кажется довольно смешным и не очень умным, что я ему тогда и объяснил. Но совсем недавно от человека, которого глупым ну никак не назовешь, от Модеста Колерова, я прочитал следующую вещь. Оказывается, серия книг, которую я редактирую (называется «Окраины Российской империи»), ставит своей задачей развал России. Почему? Потому что некоторые книги этой серии ничего, пусть будут, потому что они посвящены западным окраинам, т.е. современным Польше, Украине, Белоруссии – они уже отвалились и ладно.

Есть книга по Средней Азии – тоже ничего. Но ведь там оказались еще книги про Северный Кавказ, который входил в Российскую империю и сегодня входит в Российскую Федерацию, и оказалась книга про Сибирь. И Колеров написал, что это часть большого проекта по дальнейшему развалу России.

Для меня здесь возникает большой вопрос. Что происходит? Ладно, если Модест Колеров понимает, что это довольно странное утверждение, но по каким-то своим, непонятным мне политическим соображениям, хочет так сказать – бог ему народный судья. А вдруг он действительно так думает? Это порождает очень серьезную проблему, к которой я еще вернусь.

Кстати, в тех текстах, сноски на которые я включил в объявление, меня обвиняют в том, что я русский империалист. Но это тексты украинские и польские. Опять же повторю, что не я важен, а важно то, что любая сложная конструкция, которая не вписывается в простую структуру, сразу с обеих сторон атакуется, потому что она им мешает. В этом смысле очень важный элемент этой исторической политики заключается в следующем. Люди, которые ее осуществляют, что в России, что в Украине, что в Польше, что в других странах – партнеры. Они, на самом деле, называют друг друга нехорошими словами и постоянно друг с другом спорят, но, поскольку они спорят в крайне упрощенных, примитивных категориях, они друг другу очень полезны, потому что они создают структуру этого спора, в которой ни для каких более сложных конструкций места нет.

Не так давно был семинар по русско-украинским отношениям, который проходил в Москве. Приехали историки с Украины. Я на этом семинаре не был, поэтому про то, что там говорилось, не буду рассказывать. А вот донесли мне про то, что говорилось после этого семинара в Киеве, когда один из руководителей украинской делегации жаловался: «С русской стороны случайных людей не было, а с нашей, помимо нашей делегации, приехали еще несколько человек «самотеком» и говорили как-то не так. Вот надо у русских поучиться этому сплочению рядов. А вот русских, которые говорят что-нибудь не так, они туда не позвали». Т.е. эти люди между собой чувствуют себя очень хорошо. Они друг другу нужны. Им другие мешают, которые не хотят стенка на стенку биться. В этом смысле разрушение того пространства, на котором возможен диалог – это одна из задач проекта исторической политики.

Чтобы вам было понятно, как это работает, покажу на более примитивном уровне. Зайдите на любой интернет-форум, где обсуждаются

русско-украинские или русско-польские отношения. Вы обнаружите, что среди первых же постов объявляется какой-нибудь абсолютно зубодробительный, почти наверняка матом, почти наверняка такой, который дальше перетекает в поток взаимных оскорблений. Т.е. блокируется любая возможность нормальных дискуссий. В интернет-сообществах существует сильное подозрение, что этим занимаются специально нанятые люди, и это кое о чем говорит. Если это действительно так, то значит, кто-то дает на это деньги.

Это, среди прочего, новизна этой ситуации. Потому что ресурсы государственных и окологосударственных структур напрямую закладываются в проведение этой исторической политики для того, чтобы разрушать любое пространство диалога, и для того, чтобы маргинализировать любые точки зрения, которые чуть-чуть более сложные.

Я приведу такой пример. Геноцид или не геноцид голод на Украине 1932-1933 гг.? На эту тему могут быть очень разные точки зрения. Границы между исторической политикой и неисторической политикой проходит не между теми, кто говорит «геноцид», и теми, кто говорит «не геноцид», нет. Возьмите два текста. Есть такой историк, наверно, самый серьезный историк, который сегодня занимается историей Украины в разных ее аспектах, Джон-Пол Химка. По фамилии вы можете угадать, что у него есть украинские корни. Вот он совсем недавно опубликовал статью, где, с моей точки зрения, вполне убедительно доказал, что это не геноцид. Есть, например, такой итальянский историк Андреа Грациози, который в журнале «Отечественные записки» в первом номере за 2007 год опубликовал статью, в которой он говорил, что это был геноцид, но дальше я процитирую:

«Одни историки (назовем их историками категории А), называют голод 1932-1933 годов геноцидом и считают, что он был устроен искусственно с целью а) сломать хребет крестьянству и/или б) подточить или даже вовсе уничтожить жизнеспособность украинской нации... Другие историки (назовем их историками категории Б), соглашаются с тем, что сталинская политика была преступна, но настаивают на необходимости изучать голод как «сложное явление»

Дальше он будет отстаивать тезис, что голод на Украине можно охарактеризовать, как геноцид, но при этом он скажет, что (я прочитаю, это важно): «Разумеется, не Россия и не русские, которые сами страдали от голода, ... прибегали ... к антиукраинским мерам». Разумеется, не правы, говорит Грациози, историки категории А, которые описывают геноцид таким образом, как он дальше говорит, «примитивным» образом. Но именно таким примитивным образом геноцид и описывается

в украинском дискурсе, который насаждается властью. Т.е. можно себе представить дискуссию между Химкой и Грациози, которая, используя сложные аргументы, не будет носить характера исторической политики, когда это будет вопрос выяснения истины и обсуждения трактовок, а не инструмент формирования образа врага. Но что произойдет с текстом Грациози? Никто из украинских историков, которые будут настаивать на том, что это геноцид, который устроили русские, не будет цитировать ту его часть статьи, где он говорит, что они не правы. Они будут цитировать только один тезис: геноцид. Те, которые будут ссылаться на Химку, будут ссылаться только на один тезис – не геноцид. Т.е. все время происходит совершенно сознательная примитивизация. Это очень важно, это и есть историческая политика.

Теперь я коротко, даже меньше, чем планировал, расскажу про исторический цех. Для исторического цеха проведение этой исторической политики во многом смерти подобно. Потому что если эта тенденция доминирует в обществе, то она, естественно, проникает в учебные курсы, доминирует в общественном пространстве, формирует тот способ чтения истории, который блокирует для человека любой более сложный аргумент. Она потенциально оглушает самих участников. Если вы посмотрите на фигуры этих людей, с которыми я полемизирую в текстах, на которые ведут ссылки, Анджей Новак – блестящий ученый, Андрей Портнов – очень способный украинский историк, он еще молодой, не будем ему давать слишком завышенных эпитетов. Но как только они включаются в это, они сами начинают мыслить примитивно, либо по желанию, либо против своего желания. Поэтому я затрудняюсь интерпретировать, что сделал Модест Колеров, когда сказал, что написать книгу о Сибири, как об окраине Российской империи, значит подрывать целостность России. Может быть, он действительно в это уже верит?

Когда мы сравниваем, говорим, что ситуация в России, вроде, лучше. Тут возникает вопрос: «В каком смысле лучше?» Да, пока не столь интенсивно, не столь активно, не столь напрямую историческая политика используется в некоторых сферах реальной политики. Но тут у меня возникает вопрос, который меня очень беспокоит: «А, может быть, это потому, что мы, как всегда, медленно запрягаем?» Было бы очень опасно. В этом смысле я могу сказать, что есть другой аспект, в котором ситуация в Украине, в Польше не в пример лучше нашей. Потому что в Польше существует какая-никакая демократия. Что это значит? Это значит, что Качиньские могут проиграть выборы, что они благополучно и сделали, и Туск сразу скажет: «Давайте оставим Ка-

тынь для обсуждения русским». И во многом, кстати, проиграют выборы потому, что молодое поколение, которое, наконец, пошло на избирательные участки, было сыто по горло этой исторической политикой. Для Качиньских фильм Вайды «Катынь» плохой, потому что там единственный русский с лицом, которого играет Гармаш, – хороший. А вы помните, какие рецензии на фильм Вайды, которого у нас никто не видел, публиковались у нас в рамках исторической политики? В Польше все-таки возможно такое переключение с помощью урны для голосования.

В Украине демократии нет, но там есть политический плюрализм. Ющенко не смог провести закон о голодоморе в том виде, в котором хотел, глорификация УПА наталкивается на серьезное общественное противодействие. Политическое противодействие. Т.е. если мы серьезно говорим об исторической политике, мы находимся в плоскости политики, значит, есть какие-то силы, которые будут политически сопротивляться.

У нас по этому поводу тоже идет политическая борьба. Если мы посмотрим поездку Путина в Бутово, на полигон, где были расстреляны люди, или поездку Путина и Медведева в Новочеркасск, где они возложили венки к памятнику рабочим-жертвам расстрела 1962 г., – это вещь, немного мешающая исторической политике. Но здесь важно, что у нас политическая борьба, как всегда, происходит между кремлевскими башнями или между околоскремлевскими башнями. Т.е. у нас политическая конструкция такова, что если власть однозначно и решительно двинется в сторону исторической политики, последствия будут заметно более разрушительны. Хотя они и так уже разрушительны, но они будут еще более разрушительны, чем то, что мы видим в Польше и в Украине. Вот на этой оптимистической ноте я и заканчиваю свое выступление.

Обсуждение

Борис Долгин: Еще одна устная ссылка. Некоторое время назад в разделе «Документы» мы опубликовали обращение общества «Мемориал» «О национальных образах прошлого». Это о том, что очень часто сталкиваемся с реальными проблемами войны памяти, когда на одно и то же событие разные стороны смотрят по-разному, имеют разную историю по этому вопросу, более того – пытаются использовать в политике. Призыв документа – создать что-то вроде форума (в широком смысле) для того, чтобы использовать эти сюжеты для сближения, для

наращивания опыта взаимодействия, а не для того, чтобы разрушать пространство диалога в политических целях.

Миллер: Борис, спасибо большое, что вы упомянули этот документ, потому что я сам хотел о нем сказать, но забыл. Мне как раз кажется, что, при том что этот документ мотивирован самыми положительными интенциями и правильно ухватывает ощущение, что здесь таится большая угроза, диагноз как раз ставит неверно, и поэтому предлагает не совсем верные способы решения.

Если использовать тот анализ, который я вам сейчас предложил, то я вас уверяю, что эта идея открытого форума, который должен компенсировать недостаток общения, который якобы и является главной причиной взаимного непонимания между разными сторонами, не сработает. Потому что этот форум моментально будет превращен бойцами исторической политики в одну из своих площадок. С моей точки зрения, если мы думаем о том, что бы можно было сделать, нужно делать портал, на котором по основным темам этой исторической политики, вывешивались бы два сорта текстов в разных разделах. Один пусть называется «Научные дебаты», и там место таким текстам, как Грациози, Химки и пр. А другой пусть называется «Зоопарк», и туда можно вешать просто для ознакомления тексты этих бойцов, чтобы интересующиеся граждане могли сравнить и понять, в чем разница. Но ни в коем случае не форум, куда все будут заходить и опять ругаться матом и плевать друг другу в борщ.

Долгин: Первое. Форум все-таки имелся в виду в совсем другом смысле. Второе – единственное, что могу организационно сказать, что не знаю, как насчет второй группы текстов, но первые мы с удовольствием будем публиковать и у себя.

Александр Даниэль: Во-первых, сразу отвечу на последнее соображение, которое вы высказали, Алексей Ильич. Ведь предложение о Форуме в нашем обращении было высказано специально вне конкретных форматов, потому что мы считали правильным, что обсуждение этого обращения приведет к более внятной для нас самих представлению о форматах. В частности, ваше предложение мне кажется крайне интересным, и спасибо вам за него. Очень возможно, что одним из форматов этого форума будет именно то, о чем вы говорите. Я бы только заметил, что культурная дискуссия может вестись не только историками, на мой взгляд, но тут ключевой момент – не профессионализм, а именно культура дискуссии, готовность слушать и слышать друг друга.

Теперь, если позволите, реакция на вашу лекцию. Во-первых, я не могу не солидаризоваться с вашей генеральной мыслью, она мне кажет-

ся бесспорной и вполне правильной. Я только хотел сказать, что все, может быть, не так трагично, если выйти за пределы служивой науки. И в Польше, и в России, и на Украине есть независимые исследователи, есть люди, не скованные теми или иными догмами, они работают, публикуются. Я бы хотел обратить внимание, которые состоят не в государственной политике, а в общественной готовности ее принимать. На самом деле, в этом смысле хотелось бы поверить в тех специально нанятых людей, которые на сайтах контролируют на исторические дискуссии, было бы замечательно, если бы это было так. Я боюсь, что в большинстве случаев это не так, и те люди, которых вы предлагаете поместить в зоопарк, выражают действительно то, что они бескорыстно думают. Я вовсе не хочу отрицать влияния именно государственного промывания мозгов в названных вами странах на историческом измерении общественного сознания. Мне кажется, что это процесс с положительной обратной связью. Общественные настроения формируют правительственную политику, правительственная политика раскачивает общественные настроения, и эта система входит в резонанс и друг друга взаимно усиливает, в этом, на мой взгляд, опасность. Вот что можно было бы этому противопоставить, чем тормозиться честная общественная рефлексия об истории.

Вы произнесли одну фразу, и это, пожалуй, главный пункт, по которому я хотел бы вам возразить. Вы сказали, что частичная победа над государственной исторической политикой в Польше связана с тем, что молодое поколение сыто этими проблемами по горло. По-моему, ставку на то, что молодое поколение или вообще общество сыто по горло проблемами истории – крайне опасная ставка. На самом деле, в России мы на этом точно проиграем.

Миллер: Не надо меня убеждать в этом, это просто плод недоразумения. Я потом объясню.

Даниэль: Хорошо, тогда я просто для аудитории объясню, что я имею в виду. Я был в Польше в прошлом мае, как в разгар самых острых полемик и люстраций на некой конференции, устроенной вовсе не сторонниками братьев Качиньских, а, наоборот, их яростными оппонентами. И почему-то на этой конференции центральной темой была русская память, русская история. И я высказался примерно в том духе, что либеральное равнодушие к истории, воцарившееся после 1991 г., представление о прошлом, как о черной дыре, о которой говорить не стоит, от которой нужно просто отвернуться, и что после 25 октября 1917 г. наступило сразу 21 августа 1991 г., а в промежутке ничего не было, это и создало нынешнюю политику государства, на этом пустыре

выросло то, что мы сейчас имеем. Аудитория встретила эту мысль крайне холодно, и я понял почему. Потому что этот упрек российскому либеральному сознанию абсолютно так же применим к польскому либеральному сознанию, т.е. к тем людям, которые сидели в этом зале. Мне кажется, что ни в коем случае нельзя от этого уходить. Ведь Ярослав Качиньский – автор этого Музея Восстания, и все польские социологические опросы говорят, что на Музее Восстания, на том, что они его создали, он и его брат набрали огромный процент голосов. А либералы спокойно отдали эту тему, потому что история их не интересовала, у них была тенденция забыть и идти дальше.

Что касается польской люстрации. На самом деле, Качиньские выиграли на музее и проиграли на люстрации год назад, когда конституционный суд под сочувствие большей части польского общества завел самые чудовищные статьи этого закона о люстрации. Просто потому что это затронуло достоинство всей польской интеллигенции, и польская интеллигенция солидарно, даже не глядя, кто правые, кто левые, на этот закон отреагировала.

В связи с этим у меня к докладчику только один вопрос. Алексей, вы начали с того, что сформулировали два понятия: историческая политика и политизация истории. Но все, что вы говорили об исторической *real politic*, ничем не отличается от политизации. В чем разница между этими двумя понятиями в вашем понимании?

Миллер: Да, вопрос ключевой. Сначала про молодое поколение, про главное возражение. Это плод недоразумения. Когда я говорил о том, что молодое поколение пошло и проголосовало против Качиньских, я все-таки не имел в виду и не думал, что меня так поймут, что главным мотивом польских выборов была историческая политика и вообще исторический сюжет. Это был один из элементов довольно большой общей картины, потому что это было частью ругани с Россией, с немцами, она обслуживала эту политику. И эта политика молодому поколению совершенно не понравилась.

Далее про «все не так плохо, есть исследователи» и т.д. Я говорил, что, конечно, есть эти исследователи. Насчет того, все ли не так плохо, рискну не согласиться, и у меня здесь два аргумента. Я вначале говорил о том, что я имею постоянный контакт со студентами из трех стран. Я вижу, что меняется. Это студенты, которые закончили вузы в Польше, в Украине, в Грузии, в Азербайджане, в Белоруссии, в Молдове, в России. Я вижу, как растет эта индоктринация, как она становится все более и более жесткой. А это плод исторической политики. Кстати, судя по всему, самые тяжелые последствия дает промывка мозгов в Грузии.

Вот оттуда приезжают люди в очень тяжелом состоянии, и их приходится действительно лечить. Кстати, иногда получается. Очень интересно, я в последние несколько лет стал сталкиваться с ситуациями, когда студенты вообще отказываются вступать в диалог. Т.е. если они сталкиваются с какой-то попыткой преподавателя деконструировать ту систему координат, с которой они приехали, то они уходят. У меня был случай, когда грузинский студент бросил мой курс в середине, заплатил штраф, потерял баллы, т.е. создал для себя массу проблем, но бросил этот курс тогда, когда я сказал, что Грузия, как мы ее знаем, формируется в XIX в., и она вовсе не является чем-то данным и т.д., как и многие другие страны. Это было для него совершенно непереносимо. Я вижу, что происходит, и отсюда вопрос насчет этих исследователей. Исследователи – это очень хорошо, они везде есть, и в Польше, и в Украине, и в России. Важно другое, где они обитают, и что из этого доходит. Потому что если есть историческая политика, то тогда как доминирующие внедряются соответствующие списки литературы, пособия для учителей. Вот знаменитое пособие для учителей по XX в., которое мы так активно все время обсуждали, в большинстве своем не читая. Я хочу сказать, что ничего плохого в этой книге нет в том смысле, что имеет право на жизнь такая точка зрения, было бы странно, если бы ее не было.

Долгин: Речь идет о пособии под редакцией Филиппова.

Миллер: Не в том смысле, что я согласен с тем, что в этом пособии написано. Но то, что Сталин – великий менеджер и т.д. – ну, есть люди, которые так думают. И нехай себе думают, нехай свою точку зрения провозглашают. Это становится очень опасным в другой момент. Ведь эта точка зрения вдруг становится доминирующей не потому, что вдруг она нашла могучий отклик в обществе, и все бросились: «Наконец-то нам правду сказали!» Но потому что был проведен целый ряд мероприятий по пропагандированию, по внедрению, по изданию, И кто это делал? И если вы мне скажете, что это делала какая-то структура, которая с властью никак не связана, то я улыбнусь вам в ответ. Это и есть историческая политика. Политизация истории есть всегда. На самом деле, любой человек, любой историк, когда он что-то пишет, в большей или меньшей степени политизирован. Дальше уже начинается совершенно другая тема: как человек сам себя анализирует, как он старается услышать другие голоса, как он ведет полемику с людьми, которые по-другому мотивированы. Это все происходит в обществе, и общество слышит этот хор голосов. А другое дело (и это мой главный тезис, который я пытался подчеркнуть), когда силы, которые обладают огром-

ными ресурсами, в том числе медиа-ресурсами, входят и начинают это внедрять, тогда этот хор, многообразие голосов маргинализуется, и идет прямая линия, жуткая индоктринация, плоды которой я вижу каждый раз в аудитории, когда я вхожу в нее. Историческая политика это, подчеркну, способ промывки мозгов в условиях информационной открытости. Одно дело, когда есть цензура, и через нее что-то не пропускают. Так при советской власти было. А другое дело, когда напечатать можно все, но есть механизмы загнать это все на периферию общественного сознания. Поэтому я и не согласен.

Насчет Вашего замечания о либералах. Я сам себя не причисляю к либералам. Но для меня важно другое, то, что те, кто стараются сложно думать об истории, как раз очень плохо работают с медийным пространством и не обращают внимания на те низкие жанры, которые и являются очень важными. В конце концов, взял Филиппов и написал пособие. А где, если угодно, либеральное пособие на тему русской истории в XX в.? Где оно? Я как-то сделал хулиганскую вещь, но, слава богу, у меня был хороший издатель, и он мне простил. У меня есть книга «Украинский вопрос в политике властей и в русском общественном мнении». Она вышла в 2000 г. тиражом 2 тыс. экземпляров. Я хулиганским образом всю книгу положил в Интернет. И меня Игорь Савкин, поклон ему низкий, редактор издательства «Алетейя», простил и не стал за это преследовать. Оказалось, что с моей книжкой историческая политика в Украине с 2000 г. борется не покладая рук и уже в кровь сбила себе кулаки, а все равно не выходит. Но это же надо с медиа работать! Поэтому когда кто-то говорит: «Мы издали 25 томов про историю ГУЛага тиражом 3 тыс. экземпляров», – то я хочу спросить: «Ребята, неужели вы думаете, что этим вы сформируете медийное пространство? Это очень важно, это очень нужно, это развитие науки и еще много чего, но это не решит проблему, пока вы не сделаете одного тома, который будет вашим ответом на белую книгу, черную книгу, красную книгу и еще что-то». В этом отношении тот лагерь сложно мыслящих довольно плохо работает. Но я вам хочу сказать, что иногда возникают странные возможности коалиции. Пример. То, что пишет Сергей Кара-Мурза на исторические темы, мне совсем не близко. Но совсем недавно я прочитал его статью, вопль возмущения по поводу этого «византийского» фильма. Значит, и его уже достало. Это меня достало, его достало, нас по-разному достало. Но мне неважно, что нас по-разному достало, мне важно, что нас обоих достало. Мне не нужно, чтобы наши точки зрения совпадали, мне нужно, чтобы была какая-то коалиция людей, возмущенных примитивом.

И насчет резонанса, молодого поколения и т.д. Молодое поколение интересуется, но надо научиться с этим молодым поколением разговаривать, и это очень сложная задача. Кстати, в том числе я считаю, что у либералов очень серьезная проблема, потому что традиция говорения на эти темы, которая была выработана в 60-70-ые гг., во многом продолжается. Мы недавно говорили, в том числе с вашими коллегами из Мемориала, и вместе сказали такую вещь, что надо понять, что страна изменилась, люди изменились, и надо понять, как о тех же вещах говорить по-новому людям, которые уже не прячутся на кухне от советской власти, не ощущают себя совершенно обездоленными, как поговорить об этом по-новому с сытой страной. Это не мои слова, это я у кого-то украл, не помню, кто это сказал. Как о разных проблемах, в том числе о проблеме трагедии в нашей истории поговорить со страной, которая стала потихоньку сытой, которой это ужасно нравится, она радостно переживает это новое качество. Но, тем не менее, это не значит, что они совсем не готовы поговорить о прошлом, в том числе в трагическом ключе. Хотя не только о трагедиях идет речь.

Ольга Лобач: Во-первых, я благодарна за ту тему, которую вы упомянули вскользь, но она мне представляется крайне важной. В частности, то, что относится к искушению профессионального сообщества. Не так давно был открытый семинар «Полит.ру», который собирал философов. Они разговаривали по поводу современного состояния философии, и в частности самими философами там была высказана мысль: «Раньше мы были нужны, были ангажированы, и жилось нам очень хорошо и правильно, философия в нашем обществе была востребована. А сейчас мы живем так же, как остальные гуманитарии, хуже, чем раньше, потому что успешный философ сейчас никому не нужен». Судя по всему, акцент на искушение переместился на историю, потому что она более употребима в политически-медийных дискуссиях. При этом могу горячо согласиться с вами в диагнозе современной культурной ситуации, когда у вас отнимают возможность говорения, которая предполагает услышание вас. Тексты существуют, а коммуникации нет. У меня только один вопрос. Вы действительно считаете, что участие в медийном пространстве, вхождение в пространство формализованных обменов, как вы его описали, поможет спасти эту ситуацию? И второе. Профессиональное сообщество историков, судя по всему, в вашем изложении не обладает этической устойчивостью к использованию. И вообще может ли любое профессиональное сообщество обладать такой устойчивостью? В этом смысле моя позиция заключается в том, что то, что вы описываете, называется определенной культурной ситуацией, и если

вы не выделяете себя из профессионального сообщества в сообщество культурных людей, где у вас есть действия, принципы, формы этой деятельности, где профессиональное сообщество становится второй характеристикой, то из этой ситуации не выйти. А также большое спасибо, потому что я уже не один раз слышу в ваших текстах мысль, представляющуюся мне важной, о том, что политика – это только одна из действительностей нашего социума, и если ставить ее слишком высоко, с ней никогда нельзя будет ничего сделать. Вы сами ее туда поставите и никогда не найдете с ней ни общего языка, ни взаимодействия.

Миллер: Вопрос, вроде, короткий. А у меня есть целый ряд важных, с моей точки зрения, возражений. Во-первых, философы. Ничего подобного. Ангажируют. И я вам приведу пример философа Леонида Полякова. Замечательно ангажирован и недавно обслуживал, в 2007-2008 гг., по самое не балуйся.

Долгин: И это далеко не единственный пример, я бы мягко сказал.

Миллер: Историков, правильно, тоже ангажируют. Обладает ли профессиональное сообщество историков устойчивостью – конечно, нет, если мы берем историков за профессиональное сообщество. Но внутри есть какие-то группы, которые такой устойчивостью, в общем, обладают. На разных уровнях разные вещи их начинают задевать и выводить из себя. Я не хочу называть имен. Но я занимаюсь networking, построением сетей, и я вижу, как я приобретаю союзников. Причем эти сети не обязательно только внутри России. Я знаю ситуации, когда на историческом факультете московского вполне уважаемого университета люди, профессиональные историки, причем не обязательно широко либерального направления, видят, как у них начинают воровать студентов, их начинают подтягивать к обслуживанию исторической политики. И они говорят своим студентам: «Знаете, ребята, обратной дороги вам не будет». Постепенно, по крайней мере, какие-то фрагменты исторического сообщества начинают на это реагировать. Точно то же самое происходит в других странах, которые являются территорией, на которой это осуществляется.

Теперь что касается того, что не будем ставить политику высоко, никогда не договоримся и т.д. Слишком высоко ставить политику не надо. Может быть, я неправильно понял, но в том, что вы говорили, я узнал тезис, что власть всегда плоха, и порядочный интеллигентный человек с ней разговаривать не должен. Если это не так, то перестаю отвечать, поскольку вы представляете, что я могу сказать по этому поводу.

Игорь Чубайс: Спасибо большое за лекцию, я узнал много разных новых фактов, но возникло и много вопросов. Когда вы говорите об исторической политике, мне кажется, что вы недостаточно четко ее объясняете или не совсем понятно ее оцениваете. Потому что когда вы говорите об исторической политике на Украине или в Польше, у вас подтекст такой, что это зло. Когда вы стали говорить об учебнике Филиппова, вы говорили об этом, как о чем-то естественном и нормальном. В этой связи у меня короткие размышления.

Долгин: Там просто неправильно была понятна мысль. Естественно и нормально, что появляется такой учебник, неважно, в России, на Украине или в Польше. Плохо, что осуществляется государственная политика по продавливанию этого учебного пособия.

Чубайс: Так этот учебник – целиком и полностью порождение государственной политики.

Миллер: Именно в этом смысле это и ужасно. Правильно, мы абсолютно с вами согласны.

Чубайс: Ладно, мне еще надо подумать. Но с моей точки зрения, то, что вы называете исторической политикой, по существу неизбежно, потому что знание всегда социально обусловлено. Нет абсолютно нейтрального знания. Только озабоченный мужчина, глядя на небо, мог увидеть там созвездие Девы. Там нет никакой девы, а он увидел созвездие Девы, потому что мы всегда социально обусловлены. Тем не менее, есть какой-то ход, который позволяет эту проблему снизить, не отменить, но снизить. И ход заключается в том, что необходимы настоящие, хотя и тоже социально обусловленные, но фундированные научные исследования. Вы все время говорите о Катыни, Голодоморе и т.д. Кто у нас знал о Голодоморе до тех пор, пока украинцы три-четыре года назад не раскрутили эту проблему? У нас же вообще нет ответа. Кто у нас говорил о Катыни до 1991 г., причем ведь мы здесь проигрываем на 100%, потому что на самом деле мало кто знает, что в 1920 г., когда был замечательный поход Сталина и Тухачевского в Варшаву, 75 тыс. наших красноармейцев там осталось в плену и было уничтожено. И ни разу ни советское, ни постсоветское правительство не вспомнило об этих людях, которые погибли ни за что. А за Катынь мы обязаны каяться. Но поляки помнят своих, а нашим властям плевать на своих. Поэтому если бы у нас была своя история, настоящая, тогда эта политизация истории была бы уже крайне затруднительна. У нас нет научных школ, у нас нет новой гуманитарной науки, у нас сегодня гуляет сталинизм, и из-за этого все наши проблемы. Если бы мы сказали, кто такой Сталин, эстонцы и украинцы с нами бы не ссорились. А когда

его поднимают на щит, тогда несется. «Мы погибли, а что же вы делали?!» И тогда они будут отворачиваться от России, а не просто от историков.

Миллер: Хорошо. Здесь очень важны два тезиса. Во-первых, я готов с вами целиком и полностью согласиться. То, что вы сказали в конце, что ссоры и не ссоры, а совершенно сознательная эксплуатация темы современной России как наследницы сталинских преступлений, возможно ровно потому, что мы это не сделали темой нашего внутреннего обсуждения. В этом смысле можно попытаться объяснить политикам, что очень часто интересы нормального исторического осмысления и их интересы совпадают, просто не надо слушать только одних. А дальше вы сами продемонстрировали упражнение в исторической политике. Вы сказали, что «ежели бы мы сразу полякам выкатили 75 тыс. наших красноармейцев, вот бы они заткнулись по поводу Катыни». Вопрос здесь в следующем. То, что они чтят людей, погибших в Катыни – абсолютно святое и нормальное дело. Смотрите, что ненормально. Во-первых, они тоже хотят, чтобы это был геноцид. Во-вторых, они сразу включают его в политический контекст. Обратите внимание, почему это историческая политика, потому что есть, например, такой эпизод, как Волынская резня. Они четко знают, что им надо политически заключить союз с Украиной. Как они работали с темой Волынской резни, когда УПА резала несколько десятков тысяч поляков, причем с примерной жестокостью, чтобы остальные убежали. Как они с этим работают? Примирение, совместные конференции и т.д. Вы что думаете, украинцы во всем покаяться и т.д.? Ничего подобного. Бегают толпы людей по Украине, которые кричат, что поляки первые начали, сами виноваты и т.д. Но есть политическая воля к преодолению этого. Они внутри своей собственной страны будут говорить людям, которые сейчас хотят построить памятник жертвам Волынской резни: «Это политически неграмотный ход». Значит, вопрос не в том, будем ли мы помнить. Всех надо помнить, всех надо изучать, всем надо ставить памятники и т.д. Вопрос в том, как это используется. Поэтому не надо. 75 тыс. красноармейцев совершенно не являются ответом на Катынь. Вот как раз это и есть пример исторической политики: «Вы нам Катынь, а мы вам 75 тыс. красноармейцев». Это и есть плевание друг другу в борщ. Этого очень желательно было бы избежать. А про Филиппова понятно, что нормально, что люди высказывают разные точки зрения. Ненормально, когда какая-то специфическая обслуживающая точка зрения внедряется, как доминирующая, с помощью, условно говоря, госзаказа.

Никита Соколов: Для меня в выстроенной вами картине остается сомнительным один штрих. Я бы совершенно в нее уверовал, но мне не хватает информации, чтобы окончательно в нее уверовать. До сих пор, до самой последней секунды все время говорилось о линиях такого противостояния, отягощенных воспоминаниями того, что это противостояние по линии империя – окраина. В связи с этим чрезвычайно интересно было бы узнать, как строятся эти разговоры, когда учет взаимных грехов начинаются между окраинами. Эпизод Волынской резни, Колиивщина к этому относятся, можно еще вспомнить, там многими событиями отягощены взаимные отношения Украины и Польши. Не упрощаем ли мы задачу, не делаем ли черно-белой ситуацию, не принимая в расчет раздельные счета между окраинами, или они такие же, как с метрополиями?

Миллер: Я бы сказал, что и в отношениях между окраинами, и в отношениях между окраинами и метрополией есть пространство для применения исторической политики. Я вас уверяю, что в Польше есть силы, которые хотят ту же самую Волынскую резню превратить в объект исторической политики, но исходя из собственных политических задач. Другое дело, что они не доминируют в политике. Потому что доминирующая линия польской внешней политики, которая преемственна между всеми правительствами (а оно у них после каждого выборов новое, еще ни разу партия, которая в Польше была у власти, не выиграла их второй раз) это «Мы с украинцами должны дружить и известно против кого». Принцип «мы дружим против кого-то». Но когда возникает какой-то конфликт между бывшими окраинами, казалось бы, сколько времени прошло, скажем, чехи и австрийцы, но это тоже объекты исторической политики, когда там возникают реальные политические интересы. Там это все-таки в политике занимает не настолько важное место. Тут еще другая сторона вопроса. Очень часто некоторые страны ставятся в пример, что они хорошо все делают. Нет стран, которые делают все хорошо. В этом смысле Гавел ставится как пример человека, который правильно работал с историей, правильно все говорил. Ничего подобного. Точно так же были политизированы. Гавел не отменил декретов Бенеша и т.д.

Долгин: Декреты Бенеша – декреты о выселении судетских немцев.

Миллер: Да, и об отъеме их собственности. И до сих пор они их не отменили. У всех есть свои проблемы, я бы здесь не хотел уходить в проблему исторической вины, и как с ней надо работать. Это отдельная сложная тема. Я сказал о пространстве Восточной Европы по той причине, что, наряду с Польшей, Украиной, Россией, я работаю еще в Вен-

грии, смотрю, что там происходит. Историческая политика – общая проблема всего региона.

Виталий Лейбин: Я бы хотел немного сдвинуться с некоторого ма-нихейства, которое, кажется, возникло в обсуждении. Мне по некоторым оценкам показалось, что содержание у вас более глубокое, чем ма-нихейское различие, что государственная политика – это плохо, а не-которая настоящая наука – это хорошо. Ведь на самом деле у историче-ских нарративов есть много разных функций: педагогическая – понят-но, что государство в школе всегда что-то преподает. Правильно ли я понимаю, что дело не в том, что государство не должно работать со сферой идеологии и исторической мифологии, а в том, что она работает слишком просто. Теперь вопрос. Кто и как может помочь работать сложно? Мы же понимаем, что есть отличные историки, как Тит Ли-вий, но он не сомневался, что Римская империя и римская доблесть – это супер. Кто создаст такой нарратив о российской доблести, может быть, не только государственной, но и гражданской. Какова более сложная структура этого мира? И второй вопрос – исторический. Мо-жет ли быть по-исторически по-другому, более сложно организована общественная коммуникация в тех случаях, когда страны только-только после перелома или еще новые, как Украина, или после революции, как мы. Бывает ли в таких странах более сложное обсуждение, и какие есть примеры?

Миллер: Я не знаю ответов на эти вопросы. Я был бы очень рад, если бы я мог уверенно сказать, что то, о чем я говорил – это болезни роста. Я, в общем, надеюсь, что это так. Но мне кажется, что для того, чтобы это превратилось в болезнь роста, этому надо совершенно созна-тельно противодействовать. И второй вопрос – кто сделает. Это вопрос заказа. Государство же неслучайно кого-то выбирает, делает ему заказ и потом награждает местом в Совете национальной безопасности. Оно сформулировало такой заказ, никто государство не заставлял, не надо думать, что там сидят такие дурачки, которые не понимают, что они со-знательно все это дело примитивизируют. Они решили, что так им бу-дет по каким-то причинам выгодно. Я считаю, что ситуация вовсе не вынуждает их к такому. Скажем, такая историческая политика, которая проводится на Украине, в этом смысле не только какие-то проблемы решает, как они думают, но она очень серьезные проблемы создает. Они могли бы по-другому работать с проблемой молодости, неоднород-ности собственной страны, и у них бы заметно лучше получилось. Но я как-то смотрел передачу, которую вел Савик Шустер уже на Украине, и они там обсуждали УПА. Там были две стороны. Одна сторона гово-

рила о том, что УПА – это герои, а другая сторона говорила о том, что УПА – это преступники. И там выступил какой-то человек, который стал говорить: «Знаете, время было такое, это была война, люди друг друга убивали, и все в какой-то степени герои, потому что жертвовали собой, в каком-то смысле преступники, потому что убивали других людей, еще что-то нехорошее делали. Может быть, просто скажем, что это пожилые люди, что ветераны советской армии, что ветераны УПА, дадим им пенсию и закончим на этом. Скажем, что они – две части украинской истории, каждый по-своему заблуждался, каждый по-своему понимал свою правду и все». И тут обе стороны на него набросились. Это и есть историческая политика, когда с одной стороны у вас Витренко, а с другой стороны какой-нибудь галицийский украинец, который считает так, а не иначе. Я думаю, что всегда есть выбор. Эта опция, что оставим Катынь русским в том смысле, что пусть они сами разбираются с этой проблемой своей вины. Это Туск придумал, потому что он такой умный? Нет, эта опция всегда была на столе, о ней сто лет говорят. Просто он решил, что он ее возьмет, а другие смотрели на нее, лежащую на столе, и не видели, не хотели видеть. В этом смысле это проблема того, чего хочет власть.

Павел Полян: Забавно, у меня тоже был один грузинский студент, который так расстроился, узнав, во-первых, что турков-месхетинцев обижали, в том числе обижали вторично при демократическом грузинском правительстве, что тоже перестал ходить на наши общие мероприятия.

Миллер: Но есть другие грузинские студенты.

Полян: Наверное.

Миллер: Нет, я их видел, я их знаю, я с ними работаю.

Полян: Мне кажется, термин «историческая политика» красивый, но лишен реального серьезного содержания, потому что речь идет о соотношении достаточно четких вещей, политики и истории. Даже не только политики и истории, но политики и науки, потому что точно в таком же положении, как история, по отношению к государственной политике находятся и другие дисциплины. Демография особенно на острие, может, гораздо больше, чем история. Также социология и даже география. Всегда находится такая часть, и есть, наверно, тем не менее, историческое ядро. В данном случае, если мы будем говорить об историческом сообществе, которое на это идти не склонно, и в этом есть следующий потенциал. Не надо думать, что одна идеология, которая кроется за политикой, может приводить к таким печальным результатам, о которых сегодня очень интересно рассказывал Алексей. Это мо-

жет быть и экономик. Например, если вы думаете, что такой прекрасный жест немецкого правительства, как выплата компенсаций оstarбайтерам, другим категориям обиженных при Гитлере – это гуманитарный жест, который выработан во внутренних механизмах немецкого общества, немецкой души, вы глубоко заблуждаетесь. Это реакция на реальную угрозу бойкота немецкого банка. Когда немецкие интересы в Америке оказались настолько под угрозой в силу исков, которые выдвинули малочисленные, но юридически сильные группы жертв-американских евреев, Германия дрогнула и государство объединилось в очень трудный и сложный процесс, объединилось с крупной немецкой промышленностью и пошло на эту компенсацию, которая всячески преподносится, как чрезвычайно благообразное и снимающее с мундира Германии какие-то пятна. А вот когда речь дошла до советских военнопленных, у которых не было никакого лобби ни в Германии, ни в России, нигде, то тут они сочли возможным так далеко не идти и выкинули их из числа претендентов на то, что раздавалось. Хотя исторически для этого не было никаких оснований. Именно в Германии были первые исследования по советским военнопленным, которые камнями на камнях не оставляли от позиции, сформулированной в немецком законе. Не в украинском, не в российском, не в молдавском и не польском, а в немецком, в цивилизованном немецком законе об этой компенсации. Те, кто были военнопленными, не имеют на нее права, а то, что советские военнопленные были в таком статусе, который с военнопленным не имеет почти ничего общего – это неважно, они все равно были военнопленными такими же, как английские и американские. Так что происхождение этой давящей на науку государственной воли, государственной политики, даже не всегда такой последовательной – это общий случай. Выступил «Мемориал», это мне достаточно близко. Две альтернативы. Мне кажется, обе они правильны. То, что говорил Алексей про интернет-форум, мне кажется более существенным, чтобы выходили документальные сборники документов, адекватным образом откомментированные, и были доступны и в интернете и еще как угодно. Например, такого сборника по голодомору нет. Я был свидетелем не только таких маргинальных дискуссий в рамках того, что, с моей точки зрения, не так уж обязательно называть исторической политикой. Я был свидетелем и участником дискуссии о голодоморе на научных форумах, где канадские, немецкие, американские, российские, украинские ученые вполне с аргументацией. Но у них не было общего документального текста, на который можно было бы опереться и разобрать аргументы друг друга. Каждый что-то знает, что-то в архиве нашел, что-то не на-

шел, что-то подтасовал, что-то забыл, что-то вспомнил, а вот такого рода книги нет. И мне кажется, что это одна опция, которая должна обязательно развиваться. Но в то же время в международном историческом сообществе, которое свободно от влияния своих правительств, в той или иной степени, во всяком случае, в большей, чем национальные, должны существовать какие-то органы, общественные структуры, исторические Гринписы, amnesty international и т.д., которые от имени исторического сообщества, как профессионалов (политики тоже профессионалы, наверно, и историки профессионалы), борясь за свою историческую и профессиональную честь и за музу Клио, должны этому противостоять, как профессионалы профессионалам. Их слово должно быть веским. Это зависит не от того, что это тут же будет засорено теми, о ком говорилось в этом докладе. Форматы, процедуры, сознательное, осмысленное противостояние обязательно необходимо именно в профессиональной среде.

Миллер: Очень коротко. Насчет того, что нет ничего нового. Мне трудно сейчас это сформулировать, но я думаю, что чего-то принципиально новое есть. Павел говорил о том, что в 1939 или 1940 году были историки, которые были готовы объяснить, почему надо присоединять Западную Украину, Белоруссию. Этот пример показывает, что одна очень важная часть моего аргумента не была понята. Павел приводил примеры из Советского Союза 1940 г. Это вполне жесткое, хотите, называйте тоталитарное, хотите авторитарное, но это было жесткое идеологическое общество, где все обслуживали, а которые не обслуживали, обслуживали на лесоповале. Это совершенно другая ситуация. Мы сейчас все-таки обсуждаем общество, которое живет если при авторитаризме, то очень мягких формах авторитаризма, где, в общем-то, никакой физической угрозы почти нет. Надо очень сильно постараться, чтобы какие-нибудь борцы за чистоту русской нации тюкнули тебя в подъезде. Я в хорошем смысле говорю. Действительно, есть люди, которые пострадали таким образом, но все-таки это единицы, и это, судя по всему, все-таки не государственный заказ. Но, тем не менее, государство в этом плюралистическом обществе с множеством разных медийных форм, где оно не совсем все контролирует (ведь не только телевизор существует, все-таки интернет — очень мощная вещь), но проводит такую политику, историческую политику. И здесь для меня очень важен был момент, что не то, чтобы историку звонили и говорили: «Слушай, ты там набросай примерно пять страниц к очередной речи Никиты Сергеевича по поводу юбилея воссоединения Украины с Россией» — историк садился и набрасывал. А историки рекрутируются, как уже се-

рьезные бойцы идеологического фронта, уже не в том смысле, что они госслужащие, когда работают в академическом институте, а они уже в структурах, которые никакого отношения к академическим не имеют. И в этом смысле есть принципиальная новизна.

Григорий Чудновский: Темы, которые вы подняли, дают возможность подойти к ним с других ракурсов. Я хочу задать один вопрос и одновременно сказать, что мне наиболее близко то, как вы оценили структуру дискуссии. Эта принципиальная вещь действительно ускользает, потому что там главное коммуникация, а ее не получается. А мой вопрос следующий. Я ухожу от вашего дискурса, я его понимаю, но ухожу. Но если вам удастся, как включенному наблюдателю, ответьте, пожалуйста. У меня создается впечатление, что все, что вы говорили, – это часть более общей рамочной проблемы – новое мироустройство. В частности, те страны, о которых вы говорили, которые включены в последние годы в Евросоюз, и их поведение в рамках Катини, упреков Германии в том, что у Польши не хватает населения, потому что оно уничтожено, это можно понимать, как важный способ провокации, в которых непонятны границы реакции тех будущих партнеров в Евросоюзе, с которыми придется жить, а одновременно реакция на эти вещи тех стран типа России, которые не входят в данный блок. По-моему, здесь возникает серьезная проблема, связанная с границами реакции, и для этого надо провоцировать. Поэтому неслучайно, я думаю, кроме обслуживающей темы политиками, историками, журналистами процессов становления новых государств, есть еще такая тема, как прощупывание. Эта тема исходит из незнания реакции и необходимости прощупать. Поэтому, например, на Украине можно говорить о голодоморе, как геноциде, и 99% – это не очень важная информация, был ли голодомор или целенаправленный геноцид со стороны России. Они подняли эту тему и хотят посмотреть, как на нее реагирует мир, Россия в частности. Можно точно так же говорить, что героями Украины стали люди с сомнительным прошлым, нацистским и т.д., это вызывает взрывы. Вот эти взрывы необходимы, их надо понять и прощупать. Поскольку вы правильно говорите, что сильно упростился подход, а надо его ставить в более сложных конфигурациях. Поэтому речь идет о том, что это провоцирующие технологии, которых не хватает в силу того, что мы слабо размежевались, и это дополняет наше понимание друг друга.

Миллер: В какой степени кто кого хочет провоцировать, я не знаю, я у них в головах не сидел. Я точно знаю, что вы не правы, когда говорите, что на 99% голодомор для Украины не важен, а это прощупывание реакции и т.д. Ничего подобного. Это один из ключевых элементов

определенной стратегии идентификации людей самой Украины. Поэтому, конечно, описать все то, о чем я говорил, в таких категориях, как вы попробовали, не получится.

Долгин: Могу еще добавить, что за годы, пока мы жили в разных местах, кое-что изменилось. Если вспомнить реакции начала 90-х гг., то сейчас они уже разные.

Леонид Блехер (фонд «Общественное мнение»): Алексей Ильич, мы с вами живем в стране, в которой косю тысячу лет основную роль играет представление людей, которые не говорят, а только слушают и действуют. Я хочу спросить у вас, не имеет ли смысла подход, при котором поведение историков, поведение политиков само по себе является некой реакцией, что первичными являются представления людей о мире. Дело же не в том, что говорят Качиньские, а в том, что их выбрали, совершенно свободно выбрали люди. И тех людей в Польше, которые считают иначе (а они есть), оказалось меньше. Есть состояние общественного сознания и в Польше, и на Украине, и у нас в России, которое определяет как пляску политиков, так и не голоса, но популярность тех или других голосов историков. То, что происходит и то, что вы говорили, выглядит так, будто источником всего являются мыслящие, думающие, говорящие, формулирующие люди. Да, такая точка есть, и за ней очень большая традиция. А если представить себе, что они сами по себе являются функцией и следствием совсем другого океана, тогда смена их взглядов, этих голосов с либеральных 80-90-х гг. – это такие странные полугосударственные, полунационалистические неопределенные у нас в России или неуверенные на Украине в 80-90-ые гг., когда народ как в какой-то же шизухе за полгода голосует противоположным образом. Это же что-то говорит о людях, никаких политиков еще не было, они появились потом. И политики, мне даже неудобно говорить, но в каком-то смысле историки только озвучивают состояние мышления людей.

Миллер: Первое, что я могу сказать – какое-то рациональное зерно в этом есть в том смысле, что, конечно, происходит какая-то эволюция общественных настроений. Она отражается и в том, как историки выбирают темы и т.д. Это верно. Но все-таки к исторической политике это прямого отношения не имеет. Я обращаю ваше внимание на то, что Качиньские посчитали, что они войдут в резонанс с электоратом, если они так сформулируют свое послание избирателям, и выразили, может быть, отчасти чаяния какой-то части электората – ради бога. Но вот прошел год, и вдруг оказалось, что их стратегия неверна, что они эти выборы проиграли. Дальше Ющенко так сформулировал свою истори-

ческую политику, и, может быть, он выражал настроения какой-то группы, с которой он внутренне резонировал. Но с точки зрения его политической карьеры это было самоубийством, потому что он лично настоял на том, чтобы попробовать договориться с Восточной Украиной и стать объединяющей фигурой, он эту опцию своим УПА выкинул в помойку. Обратите внимание, что тот политик, который пытается это сделать сегодня в Украине – Юлия Тимошенко – старается как можно меньше затрагивать эти разделяющие темы. Ни по голодомору, ни по УПА она не бежит в первых рядах. Т.е. представлять, что есть какая-то молчащая масса, у которой есть одно настроение – ничего подобного. Тем более, вы говорите, что люди 1000 лет думали одно и то же. Люди изменились, между прочим. Они научились читать газеты, смотреть телевизор, читать интернет и массу всяких других вещей. Они вообще научились читать в основном в XX в. С этими тысячелетними процессами кое-что все-таки меняется.

Блехер: Мы в нашем фонде проводили косые сотни исследований о том, как люди воспринимают то, что им говорят. Самая интересная тема. И какими же шокирующими были для нас результаты исследования того, как люди воспринимают то, что им говорят по телевизору. Исследования, которые смотрят на то, что говорится, не получают адекватного результата. Адекватно расспрашивать тех, кто слушает, и этот результат шокирующий. Люди пропускают те слова, которые им по каким-то причинам не подходят. Люди истолковывают вплоть до противоположного смысла то, что им подходит. Воспринимающий активен. Это с виду мы говорим – он слушает, это не так.

Миллер: Я с этим совершенно согласен. Но все-таки это не значит, что можно пойти так далеко, как идете вы.

Блехер: Но договориться можно.

Миллер: Договориться можно.

Александр Матюхин (студент): Как я понял из лекции, вы сказали, что история фактически делается в двух экземплярах: одна – в сложных категориях для профессионалов и профессионалами, а другая – в упрощенных категориях для широких масс различными людьми, в том числе тоже профессионалами.

Долгин: Просто разные механизмы трансляции знания.

Матюхин: Да. Вот получается, что мы до масс тоже должны донести адекватную информацию, которая соответствует действительности. Спрашивается, можно ли при упрощении этих профессиональных категорий сохранить сущность повествования.

Долгин: Хороший методологический вопрос.

Миллер: Я думаю, что вопрос не только в том, как донести, упрощая. Хотя и здесь, как и во всем, надо меру знать, в этом упрощении. Дело ведь в том, что ставится в центр этих посланий об истории. Любимая мысль Александра Аузана, который здесь часто выступает, заключается в том (если я ее правильно понимаю, пусть он меня извинит, если неправильно), что большая часть наших бед – от Карамзина. В том смысле, что есть определенный исторический нарратив, в котором в центре стоит государство и великие военачальники. Соответственно, памятники у нас военным победам и т.д. Если где-то в опросах мелькает, что самый главный – Пушкин, так это слава богу. А так главные у нас – все-таки люди, которые умеют загнать большую массу людей в болота построить Петербург и там сдохнуть, или еще что-нибудь в таком роде. Я думаю, что можно построить не очень сложный нарратив. Условно говоря, вот что сейчас делает Лунгин. Я не знаю, что у него получится, но он снимает фильм, в котором он хочет сказать: «Ребята, посмотрите, важнее не Иван Грозный, а митрополит Колычев». Если мы так перестроим исторические нарративы, а потом или, не дожидаясь, пока мы-историки это перестроим, как пионеры, талантливые люди снимут по этому фильмы, то мы добьемся существенных изменений в том, что вы называете массовым сознанием. Т.е. это не вопрос того, что историки сложно, а для масс надо просто. Это еще вопрос выбора тем, героев и т.д.

Долгин: Скажем так: любая модель – это всегда некоторое упрощение, абстрагирование от чего-то, но дальше вопрос в том, насколько корректно выбирается то, что сохраняется, и насколько корректно используется эта модель.

Борис Складенко: Алексей Ильич, прежде всего, спасибо за великолепную, прекрасную лекцию, в которой прозвучало два пояснения, из которых, на мой взгляд, проистекают методологические вещи, но не совсем четко между собой соотносимые. Первая – прозвучал вопрос о манихейском уходе от обсуждения, как средство.

Долгин: О манихейском уходе от многоцветия.

Складенко: Да, и, соответственно, уходе от обсуждения темы по существу, по содержанию. Это первое. А второе, что прозвучало – это политизированность, ангажированность историков. Не совсем понятно соотношение между ними, потому что политизация – это, вроде, из области именно ангажирования, субъективного или ангажированного выбора самого историка, в то время как манихейство в противоположность холистическому есть способ мышления, который есть таков, каков он есть, присущий тому или иному индивидууму. В менталитете народа

или в проблематике, которая обсуждается в менталитете народа каково соотношение? Все-таки, с одной стороны, вы говорите о манихействе, как способе ухода, с другой стороны, об ангажированности.

Миллер: Как только я сказал слово «манихейство», сразу стал жалеть, что его сказал. Я некорректно его употребил. Я имел в виду, что сознательно конструируется оппозиция очень простых тезисов, которые исключают нормальный разговор. Т.е. вы нам – Катынь, а мы вам – 75 тыс. наших красноармейцев. Я ведь вам могу сказать, что как только Катынь возникла как проблема, одна из стратегий была не в том смысле, что «давайте разберемся, напишем книги о Катыни», которые мы написали. В России книги о Катыни есть и неплохие.

Долгин: Это ровно та же проблема, что есть академическая наука, и что есть реальные средства трансляции, которые доходят через СМИ, через образование.

Миллер: Вот когда у нас возникает Катынь, и мы можем это обсуждать, либо мы не хотим это обсуждать и говорим: «Это немцы». Либо мы говорим: «А вы наших красноармейцев убили» – в смысле и вы гады, и мы гады, вот и хорошо. Помните, был такой замечательный эпизод, когда диктор канала «Россия» говорил про Джинджича, и это вызвало скандалы, когда он сказал: «И вот этот предатель сербского народа получил свою пулю». Я абсолютно уверен, что это он сам. Я имею в виду, что он это не согласовывал на уровне начальника ВГТРК, но он сам уже, его мышление является продуктом той атмосферы, которая создана. Это очень важно. И это как раз очень серьезно, это сказывается.

В этом смысле оставим манихейство, оно здесь не причем. Эта убийственная простота такой оппозиции, когда стенка на стенку, когда драка. Есть такое красивое словосочетание – диалог историографий. Вот украинская историография сформулировала свою позицию, что голодомор – это геноцид, российская историография сформулировала свою позицию – не геноцид, и сейчас у них будет диалог, мы можем представить, какой. Понятно, что дальше есть штрейкбрехеры по обе стороны: «Если ты, падла, украинский историк, не признал это геноцидом, то ты не принадлежишь украинской историографии, а ты предатель родины». Когда Масарик доказывал, что Краледворская и Зеленогорская рукописи – это подделки (а это была часть чешского мифа), его противники говорили ему, что «тебя родила не чешская женщина, а ведьма с отравленной кровью». И когда мы слышим это, когда полемизируют с человеком не потому, что он сказал, а потому, кто он, сколько у него процентов чешской, русской, украинской и прочей крови, и сколько денег он получил из каких ресурсов – это и есть историческая политика.

Лейбин: У меня появился один вопрос в лоб, по поводу учебника Филиппова. Там был еще учебник социологии, и происходила интересная ситуация обсуждения. Разные социологи пытались обсуждать, как же написать учебник обществоведения для школьников. Участвовали в том числе лекторы, которые сюда приходили. Никто не взялся. Но там более простая ситуация. С учебником истории похоже. Было точное знание, что если поручить это человеку-спичрайтеру, то он напишет плохо. Но если обратиться к сообществу, то они напишут, что мы плохие парни в духе вражеской исторической политики. Вопрос, можно ли утверждать, что российское историческое сообщество профессионалов таково, что при правильной организации властей оно могло бы разместить заказ на некоторый педагогический учебник, нарратив для педагогических целей, который не вызывал бы шизофрению у школьников. Есть ли такое сообщество и можно ли разместить такой заказ?

Миллер: Натан Эйдельман любил цитировать тезис одного из царей: «Некем взять». Т.е. реформы проводить некем. И Эйдельман всегда говорил: «Ты попробуй заказ сформулировать, и народ-то найдется, он к тебе потянется». Я думаю, что это та же ситуация. Я понимаю, что у нас далеко не лучшим образом обстоит дело с исторической наукой, но я думаю, что найти вменяемых людей, которые это напишут, можно. Мне никогда никаких заказов от властей не поступало. По собственной инициативе я решил, что для того, чтобы можно было в университетах преподавать историю Российской империи именно как империи, в которой не только русские жили, надо было бы сделать серию книг «Окраины Российской империи» в издательстве НЛО. Я ее делаю. К ней можно предъявлять разные претензии и фактического, и стилистического характера и т.д. Но я вам точно говорю, что если в Украине и Польше адепты исторической политики обвиняют меня в том, что я империалист, а в России мне говорят, что я стараюсь развалить Россию, похоже, кое-что удалось.

Долгин: Мы исчерпали время, и вопросов в таком режиме больше не будет. Но мы попросим Алексея Ильича ответить на вопросы в режиме нашего традиционного «Задай вопрос». Последнее завершающее. На мой взгляд, то, что было сказано по поводу государственной политики, и то, что говорилось по поводу общественной формы «Мемориалом», друг другу совершенно не противоречит. Это просто подходы из двух разных углов. Да, государственная политика есть, и надо ее учитывать, нужно с ней работать. С другой стороны, это не мешает обществу идти на какой-то исторический форум. Не в смысле интер-

нет-форума, речь идет о том, чтобы взаимодействовать книгами, научными встречами, круглыми столами и т.д.

Миллер: Я хочу сказать, что та тема, по которой сейчас высказался Борис, является предметом активных дебатов. И чтобы не возникало какого-то недоразумения, я не являюсь противником общества «Мемориал», но я, как мне кажется, часто являюсь конструктивным критиком некоторых инициатив этого общества и остаюсь на этой позиции, что не мешает мне очень по-дружески общаться и с теми, кто присутствует, и с теми из «мемориальцев», кто сегодня отсутствует.

Россия и Восточная Европа

*«Полит.ру» публикует новую статью известного историка, эксперта по Восточной Европе **Алексея Миллера**, окончательный вариант которой будет опубликован в периодическом издании Института Научной Информации по общественным наукам «Политическая наука», №2, 2006 под заголовком «Формирование новой системы международных отношений в Восточной Европе».*

В последнее время события в отношениях России с ее западными соседями развиваются весьма интенсивно и драматично. Эта статья представляет собой попытку проанализировать политику России в этом регионе в течение последних лет, показать ее взаимосвязь с другими направлениями внешнеполитической активности России и угадать среднесрочные тенденции развития международных отношений в Восточной Европе, насколько это возможно в ситуации, когда каждый день приносит новые, порой весьма неожиданные, политические повороты.

Новая Восточная Европа как объект игры с нулевой суммой

В 2001 г. я написал статью под названием «Восточная Европа: вообразить заново»⁷. Основные тезисы ее были следующие. Прежняя Восточная Европа, охватывавшая страны Варшавского договора, перестала существовать. Большинство этих стран уже вступило в НАТО и считает главным приоритетом внешней политики вступление в ЕС, причем имеет все основания рассчитывать на решение этой задачи в обозримом будущем. Новая Восточная Европа, если использовать этот термин для обозначения тех стран, которые не принадлежат западным структурам и не имеют ясной перспективы вступления в них, охватывает теперь лишь Белоруссию, Украину и Молдавию. Эти страны становятся объектом игры с нулевой суммой между Россией и США⁸. ЕС политику в отношении них не определил. Продолжение такого противостояния, суть которого определяется формулой «чем ближе к нам, тем

---

⁷ Впервые опубликованная по-немецки (Osteuropa neu denken. Russland, seine westlichen Nachbarn und die Grenzen Europas. // Transit, 21, 2001, p. 76-90), в России она вышла в 2001 г. в журнале «Неприкосновенный запас» № 4(18), с. 82-87.

⁸ Это соображение верно и по отношению к некоторым другим бывшим республикам СССР, но они остаются за рамками этой работы.

дальше от них», вредно и для стран Восточной Европы, и для России. Для этих стран это вредно потому, что, во-первых, тот из крупных внешних игроков, который считает себя в данный момент проигрывающей стороной, начинает работать на подрыв стабильности, а во-вторых, потому, что сами они заинтересованы в сотрудничестве с обеими сторонами – и Россией, и Западом. Для России такая политика плоха тем, что в длительной перспективе ведет к неизбежному поражению, поскольку всякий, кто поставлен перед необходимостью делать стратегический выбор между Западом и Россией, выберет Запад – и будет прав. Лишь бы «в Запад» взяли. Соревнование с Западом в цивилизационной привлекательности Россия проиграла всерьез и надолго, и поэтому все мечты о возвращении прежней или о построении новой, хоть бы и «либеральной» империи, ни к чему хорошему не ведут.

Тогда я считал, что совсем не обязательно следовать правилам игры с нулевой суммой, представляя Украину, Белоруссию и Молдову как лодки, которые выбирают, к какому берегу пристать. Вместо этого можно увидеть реку, в которой их лодки, вместе с российской, движутся в одном направлении – к Западу. Разумеется, у каждой из них своя траектория движения: одни могут надеяться на вступление в западные структуры, другие нет. Но если отрешиться от логики игры с нулевой суммой, то Россия среди прочего может добиваться того, чтобы любые шаги по сближению ее восточных соседей с ЕС с ней согласовывались. Речь идет, разумеется, не о праве вето, а о том, чтобы постепенно, но заранее, а не вдогонку, выстраивать такую структуру отношений с ЕС (торговых, визовых и т.д.), при которых даже потенциальное вступление в Евросоюз Украины – как бы далеко сегодня до него ни было – не становилось ударом по российским интересам.

Перечисляя затем разнообразные сложности на пути к осуществлению сценария с конструктивной логикой, я все-таки считал, что этот вариант – не утопия. Бурные события последующих лет показали с полной ясностью, что игра с нулевой суммой была продолжена. Как всегда в таких случаях, виноваты все участники. На Западе хватает людей, которые заинтересованы именно в таких правилах игры. К неоднородности понятия «Запад» мы еще вернемся, но нас, прежде всего, интересует российская внешняя политика. Нет сомнений, что Москва во многом сама себя высекала.

Молдавский провал

Уже в 2003 г. Россия ясно продемонстрировала, что не способна играть роль «честного брокера», когда в рамках «меморандума Козака» постаралась сделать условием примирения между Кишиневом и Тирасполем продление пребывания в Молдавии своих войск аж до 2020 г. Вместо того чтобы разрабатывать соглашение в сотрудничестве с ЕС и ОБСЕ, Москва вела подготовку этого соглашения одна, без Запада и *против* Запада, в расчете на то, что Воронину деваться некуда. И поражение Москвы состояло не только и даже не столько в том, что Путину пришлось буквально в последний момент отменять свой визит в Кишинев из-за отказа Воронина подписать соглашение. Москва сознательно выбрала тактику действий без сотрудничества и согласования с другими крупными акторами в той ситуации, когда была, как ей казалось, сильнее в данном месте и в данное время. Несколько телефонных разговоров Воронина с Брюсселем ясно показали, насколько ошибочными были кремлевские расчеты на то, что ресурсов Москвы по-прежнему достаточно, чтобы действовать на постсоветском пространстве без оглядки на Запад и без сотрудничества с ним. А еще они показали, насколько прав был в своем решении Воронин, в том числе и с точки зрения своих личных интересов, потому что иначе он бы превратился в такую же мишень для Запада, как Кучма и Лукашенко, не обладая при этом ресурсами сопротивления белорусского президента. Между тем, именно в той ситуации, с промосковским (тогда) президентом в Кишиневе, и можно было продемонстрировать способность быть достойным и предсказуемым партнером, готовность работать вместе с ЕС. Только целью в этом случае должно было быть именно и только урегулирование приднестровского конфликта, а не сохранение своих войск в регионе.

В данном случае очень важно, что в 2003 г. в Брюсселе как столице ЕС еще не было наших прежних заклятых друзей по Варшавскому договору, а в Берлине и Париже у власти были люди, которые меньше всего хотели ссориться с Москвой. От одной мысли о дальнейшей экспансии ЕС в Восточную Европу у них тогда, накануне уже согласованного вступления стран Вышеградской группы, начиналась мигрень. Но уже в 2003 г. ЕС ясно дал понять, что хочет, чтобы с ним всерьез считались в новой Восточной Европе, странам которой вскоре предстояло стать непосредственными соседями Евросоюза.

Президентские выборы на Украине – потеря лица

Однако события, развернувшиеся на Украине в 2004 г., показали, что провал «меморандума Козака» ничему Москву не научил. Предположим, что у Москвы были уважительные причины не желать победы Виктора Ющенко (хотя далеко не все в Москве так думали, и уж тем более не все воспринимали эту ситуацию как своего рода Сталинградскую битву). Предположим, что мы допускаем вмешательство в выборы в соседней стране, хотя бы по принципу – «и они (Запад) тоже». Вопрос о том, кто первый начал, оставим в покое как не имеющий ответа. Но даже в этом случае вопрос о методах – то есть, во-первых, об их эффективности, а во-вторых, об их избирательности, не снимается. И по обоим критериям Москве гордиться нечем.

Выдвижение в качестве кандидата власти на президентских выборах представителя донецкого клана как самого сильного и агрессивного в своей экономической экспансии в другие регионы Украины должно было вызвать и вызвало консолидацию «антидонецких» сил. В. Янукович, с его судимостями и прочими достоинствами, был, наверное, самым трудным объектом для «раскрутки», какой только можно вообразить. Нетрудно представить себе, как бы отнесся Кремль к выдвижению такого кандидата на губернаторских выборах в России (впрочем, история А. Климентьева, отправленного под суд после победы на сразу же отмененных выборах мэра Нижнего Новгорода, дает ясный ответ на этот вопрос). Именно то обстоятельство, что Янукович оказался абсолютно неприемлем, в том числе эстетически, для слишком многих людей, позволило Ющенко выиграть со столь впечатляющим отрывом центр Украины, в том числе Киев. И это в ситуации, когда при жесткой фиксации симпатий и, что не менее важно, антипатий избирателей на востоке и западе исход выборов решался именно в центральной части страны. На фоне Януковича любые недостатки и слабости Ющенко как кандидата уже не имели никакого значения для изначально сомневавшихся избирателей.

Каковы бы ни были причины, побудившие Кучму и «авторитетного» лидера Донбасса Р.Ахметова сделать ставку на Януковича, это не объясняет готовности Путина поддержать кандидата, недостатки которого были слишком очевидны. Если Путин уже после выборов сказал правду, что Кремль делал только то, о чем просили власти в Киеве, то это ни что иное, как признание собственной некомпетентности. Он позволил сделать себя, а вместе с собой и страну, которую он представляет, заложником внутриукраинской клановой борьбы. Я вовсе

не хочу сказать, что в Кремле должны были определять, кто именно будет соперником Ющенко, но право отклонения заведомо неприемлемой кандидатуры как условие активной помощи Москва обязана была использовать.

История отравления Ющенко не ясна, и, может быть, никогда не станет вполне ясной. Весьма возможно, что Москва не имела к этому отношения. Но Москва не отшатнулась от Кучмы и Януковича, когда Ющенко стал жертвой таких методов «предвыборной борьбы», и, тем самым, взяла на себя чудовищную моральную ответственность. Именно это, а также немыслимая топорность, с которой были вброшены избирательные бюллетени в Донецке, сказалось на последующих событиях. Не вмешательство России на стороне одного из кандидатов как таковое – Запад тоже вмешивался активно – но то, *как* это было сделано, и то, *как* был «украден» второй тур, привело к консолидации общественного мнения, прежде всего в Европе, против Януковича и поддержавшей его Москвы. А это, в свою очередь, позволило тем политикам в ЕС, прежде всего полякам, которые стремились мобилизовать Европейское сообщество в поддержку Ющенко, добиться своей цели. Ни Шредер, ни Ширак не мечтали о том, чтобы ЕС сыграл на Украине ту роль, которую он сыграл. Но в силу совершенной скандальности происходящего им не оставалось ничего другого, как поддержать миссию Квасьневского. И не надо обижаться на Квасьневского. Если кто-то виноват в том, что ему удалось сыграть столь важную роль в украинском кризисе, то этих виноватых надо искать в Москве.

Для президента Путина «оранжевая революция» стала сильным ударом по престижу, настоящей «потерей лица». В своем отношении к внешней – а во многом и к внутренней – политике Кремля российские граждане, в грубом приближении, делятся на три категории. Во-первых, это те, кто изначально враждебно относится к «режиму Путина». Здесь все просто: для этих людей вмешательство России в события на Украине заслуживает осуждения само по себе.

Во-вторых, это те, кто считает, что России надо «перестать церемониться», особенно в отношении соседей. Часть этой категории людей полагает, что надо СССР восстанавливать, часть – что надо какую-то новую империю строить. Этим различием, при других обстоятельствах важным, здесь можно пренебречь. Для них в целом Путин «потерял Украину», а для многих из этих людей вина Путина определяется по принципу, сформулированному в известной песне Высоцкого: «Ты ж советский, ты же чистый как кристалл, начал делать, так уж делай, чтоб не встал!».

Но наибольший интерес представляет третья – наверное, самая многочисленная – категория, которая относилась к Путину по принципу «права на сомнение», то есть не спешила осуждать, старалась понять мотивы тех или иных действий и, в целом, соглашалась со многим во внешней политике его первого президентского срока. Для этой группы политика России в украинских событиях стала «моментом истины».

Здесь нужно сделать оговорку. Многие комментаторы, ставившие в один ряд неудачи Кремля в избирательных кампаниях на Украине и в Абхазии, совершали ошибку. Дело в том, что никто в здравом уме не может представить, что президент лично занимался абхазскими проблемами. Нельзя даже быть уверенным, что Путин помнил фамилию Хаджинбы через полчаса после того, как последнего привели к нему для фотографии на избирательном плакате. Другое дело Украина. Это был приоритетный вопрос внешней политики. Путин неоднократно встречался с Кучмой и Януковичем, дважды ездил в Украину в ходе избирательной кампании. Это – его персональный провал. А если даже в качестве отговорки объявить, что президента «подставили» плохие советники и политтехнологи, то и при этой трактовке это – все равно личный провал Путина, потому что надо знать, кому поручаешь важные вещи. И по существу, и по стилю политика Кремля в ходе украинской избирательной кампании была вызывающе некомпетентной.

«Оранжевые» события в Киеве совпали со страстями по поводу монетизации льгот внутри страны, поэтому трудно определенно сказать, какая доля существенного падения рейтинга Путина в 2005 г. была вызвана его некомпетентной и неуклюжей ангажированностью на Украине. Но стоит обратить внимание, что рейтинг президента вернулся к уже позабытому уровню 2004 г. именно теперь, после «газовой войны».

Внутриполитическая ситуация на Украине и ее связь с внешней политикой Киева

Ключевая проблема Украины – это раскол страны. Речь о том, что принято называть востоком Украины и что на самом деле представляет собой те десять восточных и южных регионов, которые решительно голосовали против Ющенко. Если третий тур выборов, завершившийся победой Ющенко, легитимен, то легитимны и те 70 с лишним процентов голосов, которые в этих регионах были поданы против президента. Ничто не говорит в пользу предположения, что Ющенко знает, как решать эту проблему. Для начала он пригрозил судом тем, кто ставит во-

прос о федерализации Украины и даже об автономии регионов и выборах губернаторов. И не услышал, заметим, в свой адрес почти никакой критики за это со стороны Запада⁹. Затем Ющенко сформировал правительство, в котором лишь 4 из 23 министров родились или долго жили на востоке и юге страны. Причем партия Тимошенко, а она сама входит в число этих четырех выходцев с востока, получила на выборах в ее родном Днепропетровске в 2002 г. 4% голосов. То есть, в кабинете Тимошенко не было политиков, которых избиратель «востока» признавал бы своими легитимными представителями. Ситуация не изменилась принципиально и в правительстве Еханурова. Как справедливо замечает, комментируя эти данные, канадский политолог Доминик Арель, такая политика отражает убежденность Ющенко и его главных союзников, что «восток» должен быть подвергнут «исправлению», системной реформе, руководимой извне.

Арель говорит очень важные вещи, и в том, что он говорит, много неочевидного и для наших комментаторов украинских дел. Поэтому дам длинную цитату. «Восточные украинцы, – пишет Арель, – не русские, но в том, как они интерпретируют свое прошлое и будущее, они тесно связаны с Россией. ... Западные украинцы не чувствуют этой связи, а если и чувствуют, то намного слабее. В этом суть дела. Западные украинцы склонны верить, что эту двухуровневую идентичность на востоке можно «снять». Это то, что можно назвать строительством нации в этническом смысле. На языке национальных активистов это значит сделать из восточных украинцев «настоящих» украинцев. Но очень может быть, что в опыте восточной Украины есть нечто устойчивое, что делает этот проект иллюзорным. Это не вопрос языка как такового, но языка в определенном историческом регионе. Восточные украинцы смотрят на «оранжевую революцию» сквозь призму своего восприятия регионального опыта, и язык, на котором они говорят, становится символом этого самовосприятия. Они отвергают «оранжевую революцию» не потому, что они внутренне враждебны проекту открытого общества, но потому, что ощущают, что этот проект их исключает»¹⁰.

Почему это важно для внешней политики Украины? Как показывает опыт тех стран, которые уже осуществили в последние пятнадцать

---

⁹ Этот пример может служить ясной иллюстрацией двойных стандартов многих западных комментаторов и политиков, которые резко критиковали Путина за отмену выборов губернаторов, хотя в России, в отличие от Украины, эта процедура все-таки дает право голоса региональным парламентам.

¹⁰ *Dominique Arel*. The “Orange Revolution” Analysis and Implications of the 2004 Presidential Election in Ukraine. Third Annual Stasiuk-Cambridge Lecture on Contemporary Ukraine, Cambridge University, 25.02.2005.

лет «бросок на запад», первой стадией процесса неизменно было вступление в НАТО, а затем, через некоторое время, в ЕС. В отличие, например, от Грузии, где никакой явной оппозиции вступлению в НАТО нет, в Украине положительно к членству в НАТО относится не более 25% населения, а более половины – резко против. Причем, главным образом, это «восточные украинцы». Даже идею вступления в ЕС поддерживает только 49,9% населения¹¹. Это значит, что попытка форсировать вопрос о вступлении в НАТО чревата для Ющенко еще большим углублением внутренних проблем. Не случайно именно оппоненты Ющенко пытаются сейчас, зимой 2006 г., инициировать референдум о вступлении в НАТО, поскольку уверены в его негативном исходе. Пропагандистская кампания в пользу курса на вступление в НАТО на Украине ведется, но значимых изменений в настроениях избирателей она в обозримом будущем не принесет.

Между тем тот символический капитал, который был у Ющенко – борца, страдальца, победителя (все это написано без иронии), – растрочен едва ли не без остатка, причем как внутри страны, так и за рубежом. Внутри страны вновь доминирует восприятие Ющенко как человека слабого, не слишком компетентного, в целом не соответствующего масштабу той роли, на которую он замахнулся. За год у власти к этому портрету добавились обвинения в коррумпированности окружения и сомнения в чистоплотности самого президента, вызванные скандалом из-за роскошного образа жизни сына Ющенко и тем, каким образом президент старался этот скандал приглушить. Рейтинги президентской партии «Наша Украина» за три месяца до новых парламентских выборов, по самым оптимистичным оценкам, не превышают 20%. Между тем в результате конституционной реформы именно Верховная Рада становится главным центром власти в стране и формирует правительство. Попытки Ющенко поставить конституционное соглашение под сомнение и инициировать референдум в пользу его отмены в январе 2006 г. ясно показали, что ни сил, ни правовых механизмов для такого сценария у него уже нет. Единственный оставшийся у Ющенко значимый политический союзник – социалисты – ясно дали понять, что будут отстаивать новые принципы организации власти. Единственный орган, который мог бы легитимно оспорить конституционное соглашение, – это Конституционный суд, но он оказался недееспособным из-за истечения полномочий большинства судей, а парламент не торопится

---

¹¹ *Дмитричева О.* Любовь без расчета в кредит // Зеркало недели. – Киев, 2005. – 12-18 марта. – № 9. Опрос центра им. Разумкова.

утвердить новых членов КС до выборов и формирования правительства Верховной Радой.

Если курс на вступление в НАТО неприемлем для востока страны, то курс на сближение с Россией и полноценное вступление в ЕЭП неприемлем для запада Украины, где живет подавляющее большинство оставшихся верными Ющенко избирателей. Даже если бы президент захотел вдруг резкого сближения с ЕЭП, с электоральной точки зрения он ничего бы не приобрел на востоке и рисковал бы много потерять на западе страны, где у него есть сильный конкурент в лице Ю.Тимошенко и ее блока. Отставленная премьерша не только оказалась еще большей популисткой, чем Ющенко, но и заметно более органично справляется с исполнением этой роли на политической сцене. Она настойчиво апеллирует к символике Майдана, так что даже на этот весьма выцветший ресурс Ющенко сохранил монополию лишь с точки зрения формальных авторских прав, закрепленных за его старшим сыном. Блок Тимошенко уже обогнал «Нашу Украину» по популярности у избирателей центра страны и наступает ей на пятки на западе.

Среди провозглашенных Ющенко внешнеполитических приоритетов лишь интеграция в ЕС могла бы послужить в качестве платформы для объединения расколотой страны. В ЕС есть силы, которые пытаются настаивать на скорейшем рассмотрении этого вопроса. Европейский комиссар Данута Хубнер (разумеется – представитель Польши) включила этот тезис в один из своих меморандумов уже в начале 2005 г. И не нужно слишком легко сбрасывать это со счета – поляки имеют в этом поддержку целого ряда новых членов ЕС (хотя и не тех, кто несет на себе финансовое бремя расширения). Напомню, что роль идеологического обеспечения для первой стадии расширения НАТО и ЕС играла концепция «похищенной» Центральной Европы, в которой России была отведена роль того самого похитителя и, что важнее, главного и перманентного «Иного», источника угрозы. Тот же мотив стараются использовать применительно к новой Восточной Европе. И эти голоса теперь звучат не «из прихожей», а в главных европейских салонах. В этом смысле ЕС теперь стал заметно более трудным партнером для России.

Кроме того, Ющенко очень хочет надеяться, что стремление Украины в евроатлантические структуры получит поддержку со стороны Вашингтона. Однако позиция США более значима в вопросе расширения НАТО, чем ЕС, к тому же приоритетом для США является «продать» членство в ЕС для Турции.

Главные доноры Евросоюза из числа стран «старой Европы» весьма ясно заявили о нереалистичности надежд на членство Украины в ЕС в сколько-нибудь обозримом будущем. Эта позиция была столь жестко обозначена с самого начала отношений с новой украинской властью, что во время своего визита в Германию сразу после победы на выборах, на волне симпатий к «оранжевой революции» немецкого общественного мнения, Ющенко не счел возможным ни разу даже упомянуть о перспективе членства Украины в Евросоюзе.

Все, что происходило в ЕС в 2005 г., лишь подчеркивало бесперспективность надежд Украины. Европейская конституция была провалена. Расширение 2004 г. создало много проблем, которые ЕС не сможет быстро переварить. Бюджет на 2007-2013 годы принят с трудом, и дебаты ясно показали, что наиболее богатые страны весьма жестко борются за сокращение собственной доли финансового бремени. Теракты в Лондоне и, особенно, беспорядки в парижских предместьях сделали будущее решение о принятии Турции еще труднее, причем вне зависимости от того, каким оно будет.

Ясно, что раньше Турции Украина в ЕС не войдет. И, скорее всего, не войдет вместе с Турцией. А шансов на то, что она войдет в ЕС вместо Турции, еще меньше. Скорее всего, ЕС «закроется» после принятия Болгарии и Румынии в 2007 г., во всяком случае, пока не сумеет переварить расширение и принять Конституцию, либо будет в течение длительного времени допускать новых членов гомеопатическими дозами. Например – Хорватию.

Ющенко можно только посочувствовать – в сфере внешней политики он не может получить для себя накануне выборов никаких дивидендов. В некотором смысле положение Ющенко оказалось хуже, чем у Кучмы. Последний, понимая, что на Западе Украину в обозримом будущем не ждут, как мог затягивал принятие решений по вопросам участия в интеграционных проектах с Россией, стараясь при этом не только сохранить прежние привилегии в энергетической сфере, но и получить новые – либо как поддержку на выборах, либо как плату за интеграционные обещания, с выполнением которых можно было еще потянуть. Проведя избирательную кампанию под лозунгами «марша в Европу» и перевода отношений с Россией «на прозрачные рыночные основания», доказывая, что членству в ЕС мешает главным образом плохая репутация режима Кучмы, Ющенко лишил себя пространства для маневра, чтобы в следующий момент убедиться, что никакого ускоренного «марша в Европу» не получится. Экономические потери в отношениях с Россией не заставили себя долго ждать. А на роль Моисея, способного

если не 40, то хотя бы 20 лет водить свой народ по пустыне, то есть по долгой дороге в ЕС без дешевого российского газа, Ющенко никак не похож. Да и народ несколько иной...

Уроки Ноября, или кого и чему научила «оранжевая революция»

Практически все авторитарные режимы на постсоветском пространстве, будь то мягкий российский авторитаризм или совсем не мягкий узбекский, сделали быстрые и эффективные выводы относительно того, как можно блокировать «цветные революции». Это отразилось в изменениях законодательной базы¹², создании контролируемых властью молодежных организаций, которые можно вывести на площадь в нужный момент. Лишь режиму Акаева не хватило времени на подготовку. Однако «цветная революция» в Киргизии сопровождалась прогулкой участников свержения А. Акаева по бишкекским магазинам, которая убедительно показала, что мирный характер киевских событий – это не правило, а, скорее, исключение. Последовавшие затем события в Узбекистане (весьма кровавые) и в Азербайджане (где власти и оппозиция уже вели себя более сдержанно, ограничившись лишь арестами потенциальных лидеров оппозиции и мирными митингами протеста) свидетельствуют, что «оранжевая революция» войдет в историю не как начало волны подобных движений в постсоветских государствах, а, скорее, как последняя удавшаяся «цветная революция». На перевыборах Н. Назарбаева в Казахстане, которые, как считалось после «оранжевой революции», станут следующим большим «боем за демократию», никто даже не вспоминал о киевских событиях годичной давности. Ясно, что и Лукашенко на ближайших выборах «цветная революция» не грозит – вопрос только в том, сумеет ли оппозиция организовать скольконибудь массовые выступления протеста и сколько они продлятся¹³.

¹² Всякий делал это как умеет. Лукашенко законом запретил плохо говорить о себе. И.Каримов просто запретил работу ряда иностранных общественных организаций в стране. Впрочем, в этом отношении ему показал пример тот же Лукашенко. В России Дума подготовила держимордовский закон о неправительственных организациях, который удалось несколько приблизить к нормам приличного общества лишь после волны протестов в самой стране и за границей.

¹³ Лукашенко в обозримом будущем никакая «оранжевая революция» не грозит, поскольку его авторитарный режим с режимом Кучмы не сравнить. Свои Гонгадзе у него, разумеется, есть, а вот появление собственных Мельниченко, Ющенко и любой значимой оппозиции Лукашенко душит в зародыше. Силловые структуры вполне ему лояльны. При этом он ухитряется поддерживать в Белоруссии уровень жизни по крайней мере не ниже украинского, и свои выборы и референдумы выигрывает без

Да и в самом Киеве о Майдане все больше вспоминают как о, может быть, и прекрасном, но далеком прошлом, не оправдавшем возлагавшихся на движение надежд. Степень коррумпированности власти, ее поглощенность внутренними дрязгами, равно как и уровень свобод через год после «оранжевой революции» принципиально не отличается от того, который можно было видеть на Украине через год после прихода к власти Кучмы. Было бы, конечно, интересно, понаблюдать за тем, насколько эволюция режима Ющенко на протяжении нескольких лет повторяла бы эволюцию режима Кучмы, но боюсь, такой возможности у нас не будет.

Можно с удовлетворением отметить, что в политике Кремля впечатления от «оранжевой революции» вылились не только в разработку превентивных мер в самой России, но и в серьезное переосмысление задач и методов внешней политики страны. Здесь скажем только о методах. Наконец осознав, какую роль могут играть неправительственные организации в проведении внешней политики, в том числе во влиянии на внутривнутриполитическое положение в других странах, в Кремле не ограничилось стремлением поставить такие организации в России под строгий контроль, но впервые предусмотрели в бюджете расходы на поддержку деятельности подобных российских организаций за рубежом. В ходе новой избирательной кампании на Украине Россия уже не стала превращать себя в заложницу одной силы, а поддерживает интенсивные контакты со всеми ведущими игроками. Заметно активизировалась работа кремлевских политтехнологов в медийном пространстве, и, похоже, что с этой задачей они справляются лучше, чем с ведением избирательной кампании Януковича в 2004 г. Есть и другие признаки того, что в Кремле постепенно осваивают общепринятые способы проведения так называемой «политики влияния».

вбросов бюллетеней. (Последнее не означает, разумеется, что Лукашенко непременно откажется от подобных методов, если нужда припрет.) В активной политической поддержке России Лукашенко для сохранения своей власти не нуждается. Похоже, что в отношении Лукашенко Запад в целом принял тактику постепенного размягчения режима. Сколько это займет времени, и удастся ли вообще, сказать трудно. Поэтому Москве, у которой с Лукашенко немало своих проблем, но которая все же боится его смены по принципу «не стало бы хуже», в отношениях с Белоруссией можно никуда особенно не торопиться. Белоруссию с Лукашенко на Западе никто не ждет, а Белоруссию без него мы увидим еще не скоро.

За что воевал Кремль в газовой войне?

Модификация методов российской политики во многом связана и с тем, что существенной корректировке подверглись стратегические цели политики России в Восточной Европе. Было бы непростительным упрощением считать, что газовый конфликт между Россией и Украиной был вызван только – или даже главным образом – стремлением Кремля повлиять на исход парламентских выборов на Украине в последнее воскресенье марта 2006 г.¹⁴ и «загнать» Украину в ЕЭП. Москва, скорее, готова была смириться с ростом антироссийских настроений на Украине для достижения своих стратегических, а не краткосрочных целей.

Очевидно, что прежние политико-идеологические приоритеты, тема близости России и Украины, их интеграции отошли на задний план. И общественное мнение оказалось к этому готовым. Объединение России и Украины по-прежнему приветствовали бы более 70% граждан России. Однако еще накануне газового конфликта лишь 18% опрошенных россиян считали объединение реальным, а значит, видели эту задачу как приоритет для российской политики. Еще 35% допускают такую возможность лишь в отдаленной перспективе, и примерно столько же считает, что это абсолютно нереально¹⁵. Как следствие, общество уже не ждет от политиков усилий по достижению утопической цели и даже готово поддержать жесткую линию по отношению к Украине как к «отрезанному ломтю».

Это не значит, что интеграционные планы в отношении Восточной Европы вообще и Украины в частности сданы в архив. Однако они уступили первое место на шкале приоритетов экономическим задачам. Политическая интеграция с Белоруссией может стать результатом проводимой экономической политики, но экономические цели и, прежде всего, цели энергетической экспансии не будут более приноситься в жертву задаче «заманить» Украину в ЕЭП или Белоруссию в «единое

---

¹⁴ Хотя было бы смешно считать, что газовый конфликт такого влияния не оказал. По состоянию на январь 2006 г. расклад политических сил на Украине таков, что вполне вероятным выглядит сценарий, о котором недавно еще трудно было думать всерьез: союз в новой Верховной Раде Партии регионов Януковича как более сильного партнера с партией «Наша Украина» Ющенко как партнером более слабым. А блок Тимошенко в этом раскладе выполнял бы роль оппозиции, атакующей прежде всего Ющенко за «предательство национальных интересов». Такой расклад сил стал во многом результатом «газового конфликта».

¹⁵ Опрос «Левада-Центра» в сентябре 2005 г.

государство». Энергоносители становятся стержнем российской политики, и Путин ясно говорит об этом.

Тема рынка энергоносителей и способов их доставки от производителя к потребителю требует отдельного и подробного обсуждения. Обозначим лишь несколько ключевых моментов, которые оказывают непосредственное влияние на международные отношения в Восточной Европе.

Во-первых, нужно отметить качественную новизну возникшей ситуации с ценами на энергоносители. Резкие колебания этих цен – не новость. Однако сегодня следует говорить не об очередном пике цен, за которым неизбежно последует их спад, но о выходе базовых цен на принципиально иной уровень. Дело в том, что число крупных потребителей энергоресурсов выросло и будет продолжать расти за счет Индии, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Число же надежных поставщиков нефти и газа сокращается. Постепенно иссякают запасы в Северном море.

Это делает совершенно несерьезными любые разговоры о диверсификации поставок газа в Европу и сокращении зависимости ЕС от «Газпрома». Напротив, его доля неизбежно будет расти. Балтийский трубопровод в Германию не сможет принять на себя всю нагрузку, которая сейчас приходится на украинские газопроводы. Но, вместе с построенным из Турции до Италии газопроводом «Голубой поток», проложенным по дну Черного моря, он сможет обеспечить транспортировку в «старую» Европу всего объема газа, закупаемого у России. В этом случае угроза несанкционированного отбора газа Украиной будет касаться уже не Германии, Италии, Франции, но только Венгрии, Словакии и Румынии. Последним получателем газа вместо его транзитера станет и Польша. Это сводит на нет возможности стран Восточной Европы (как старой, так и новой) сопротивляться повышению цен на газ. Весь вопрос будет сводиться к тому, смогут ли они за него платить.

Строительство мощностей по поставкам газа в Китай, Корею, Японию, США (как трубопроводов, так и заводов по производству сжиженного газа) позволит «Газпрому» выбирать рынки сбыта. При этом последние шаги «Газпрома» в Центральной Азии показывают, что ему практически удалось монополизировать сбыт газа, добываемого в Туркменистане и Узбекистане. Парадоксальным образом «оранжевая революция» сыграла в этом регионе на руку Кремлю – авторитарные правители Ашхабада и Ташкента решили, что политическая поддержка Москвы им не помешает, и предпочли сотрудничать с «Газпромом», а

не пускаться в рискованные проекты газотранспортного консорциума с Украиной.

В отношении ЕЭП в Москве очевидным образом принята тактика «поезд уходит без опоздавших»¹⁶. В рамках новой энергетической стратегии главным партнером России в ЕЭП становится Казахстан. И роль Казахстана в свете последних событий, в том числе попыток реанимации ГУАМ, сильно возрастает. ГУАМ потенциально представляет вызов для России в двух вопросах. Во-первых, это Приднестровье. Но так же, как Россия одна была не способна решить эту проблему, так и без России решить ее нельзя¹⁷.

Существенно более важен вопрос о транспортных коридорах каспийской нефти и среднеазиатского газа в обход России, с которым ГУАМ связан напрямую. Вот здесь тесный союз с Казахстаном становится для Москвы крайне важен, потому что если казахстанские нефть и газ будут прокачиваться главным образом через российскую систему или продаваться в Китай, альтернативные пути транспортировки должны будут опираться лишь на нефть Азербайджана и оказываются просто нерентабельными. Вопрос о том, станет ли Восточная Европа угрозой для энергетических позиций России или одним из источников прибылей «Газпрома», еще далеко не закрыт, но на данном этапе «Газпром» играет партию белыми фигурами.

«Газпром» готовится собирать богатый урожай. Чтобы он был действительно обильным, «Газпрому» нужен контроль не только над магистральными трубопроводами, но и над газораспределительной сетью, то есть сбытом газа непосредственным потребителям. В «старой» Европе «Газпром» пытается с переменным успехом добиться этого в партнерстве с крупнейшими местными кампаниями. На рынке Прибалтики ему также пришлось по политическим соображениям действовать в союзе с

---

¹⁶ Это не значит, что Москва не заинтересована в различных проектах кооперации с Украиной. Самый свежий пример – предложения нового главы Минатома С. Кириенко о сотрудничестве в этой сфере. Однако и здесь приоритет безусловно отдан экономическим, а не политическим целям. В других областях торговых отношений Россия, чей рынок становится все более привлекательным для экспортеров, начала весьма жестко наказывать своих партнеров из Восточной Европы за любые прегрешения, которые прежде сходили им с рук. За последние месяцы Москва ввела запреты на поставки широкого спектра сельскохозяйственной продукции из Польши, Молдавии и Украины. Потери Польши и Украины исчисляются даже не десятками, а сотнями миллионов долларов.

¹⁷ Ющенко будет, наверняка, очень осторожен своей политике в отношении Приднестровья. У него слишком много более важных интересов в отношениях с Россией, чтобы резко играть против Москвы в вопросе о Тирасполе. Здесь не следует ждать в ближайшем будущем никаких неприятных сюрпризов.

Рургазом и концерном E.ON. Сегодня этот рынок сбыта уже в руках консорциумов «Газпрома» и немецких концернов. В Восточной Европе «Газпром» старается, где может, обходиться без западноевропейских партнеров. В конфликтах, которые сопровождались на разных этапах отключением газа, «Газпрому» удалось именно в конце 2005—начале 2006 гг. добиться уступок в вопросе о собственности на газопроводы и газораспределительные сети в Белоруссии и Молдавии. На очереди – создание совместного с «Нафтогазом» предприятия по сбыту газа на внутреннем рынке Украины. Аналогичную политику «Газпром» проводит в Грузии и Армении. С учетом того, что «Газпром» подконтролен государству, Кремль принципиально меняет механизм использования экспорта энергоносителей как инструмента внешней политики. Мощь газа как политического оружия резко возрастает.

В этой связи правительствам Восточной Европы есть от чего занервничать. Особенно это касается Украины, которая за пятнадцать лет независимости не сделала ровным счетом ничего для перехода на энергосберегающие технологии. Здесь полезно сравнение с Польшей, которая, как и Украина, унаследовала от социализма крайне энергоемкую экономику. Поляки, однако, не сидели сложа руки и сегодня могут платить за газ более 200 долларов. Так что современную отчаянную ситуацию Украина создала для себя во многом сама¹⁸.

Впрочем, объяснима и нервная реакция Польши и прибалтийских стран на строительство балтийского газопровода – никто не знает, сколько будет стоить газ через год. По расчетам американских экспертов, достаточно совпадения во времени двух неблагоприятных факторов, как, например, ураган Катрина и нападения на нигерийские нефтяные скважины в этом году, чтобы цена на нефть взлетела до 160 долларов за баррель, а с ней и цена на газ. Между тем, скандал вокруг ядерной программы Ирана делает такой вариант развития событий вполне возможным.

Весьма важно, что в своих проектах экспансии «Газпром» опирается на союз с мощными коммерческими структурами «старой» Европы и,

---

¹⁸ Украине в последнем конфликте было все равно, требует Газпром 160 или 230 долларов за тысячу кубометров газа, потому что коллапс экономики наступал в обоих случаях. Киев отчаянно старается сохранить в безраздельной собственности свои магистральные трубопроводы, и не допустить дальнейшего повышения цен на газ. Поэтому можно уверенно предположить, что мы были свидетелями лишь первого раунда газовой войны. В частности, достигнутые 4 января соглашения между Газпромом и Нефтегазом Украина в будущем может попытаться оспорить, потому что межправительственные соглашения с ее стороны будет подписывать правительство, уже отправленное Верховной Радой в отставку.

как следствие, может быть уверен в достаточно благожелательном отношении политиков этих стран. Найм Г. Шредера на работу в совместное предприятие по постройке балтийского трубопровода вызвал скандал, но решения бывший канцлер не изменил. Не менее важно, что новый канцлер А. Меркель сразу дала понять, что не намерена ставить проект под сомнение. Весьма показательно, что ЕС приветствовал договоренности по газу между Москвой и Киевом, в то время как США необычно резко их критиковали – политические приоритеты игры с нулевой суммой в этом случае старая Европа не пожелала ставить выше своих экономических интересов.

Формирующаяся империя «Газпрома», если это термин применим в данном случае, весьма отличается от межгосударственных интеграционных проектов прежних лет. Она не нуждается в политической интеграции и заметно менее чувствительна к смене политических сил, находящихся у власти в Восточной Европе. Не менее важно, что эта империя опирается на коммерческие контракты, легитимна с точки зрения международного права¹⁹ и способна защищать себя в судах.

Отношения России с Польшей и роль Варшавы в Восточной Европе

В последние годы отношения России и Польши неизменно были сложными. В то же время, как убедительно показано в статье С. Дембского в этом сборнике, официальная Варшава, во всяком случае, на уровне министров иностранных дел, неизменно старалась сохранять сдержанный тон. В целом то же можно сказать и об официальной позиции Москвы. Разумеется, польские средства массовой информации отнюдь не придерживались этой линии. Антироссийские кампании в польской прессе представляли собой дежурное явление в течение последних полутора десятилетий. В российских средствах массовой информации польская тема появлялась заметно реже, хотя всплески антипольских настроений также имели место.

---

¹⁹ Этот проект может не нравиться, но попытки его заблокировать со стороны, например, США, выливаются для Вашингтона в серьезные траты. Так, в 2005 г. США пришлось выделить Грузии около 50 млн. долларов, чтобы убедить Тбилиси не продавать Газпрому распределительные сети. Но проблема стала вновь в 2006 г., и теперь, похоже, Тбилиси придется согласиться на предложения Газпрома. А в случае с Украиной критика Газпрома со стороны США вовсе не сопровождалась предложениями финансовой помощи Украине – просто масштабы не сопоставимы с Грузией или Молдавией, вместо десятков миллионов счет идет на миллиарды долларов.

В 2004 и 2005 гг. мы стали свидетелями резкого обострения отношений между Москвой и Варшавой, что было обусловлено целым рядом причин. Чаще всего это связывают с вмешательством президента А. Квасьневского в кризис на Украине осенью 2004 г. В Москве его роль в киевских событиях восприняли с нескрываемым раздражением, хотя Москва сама создала все условия для успеха его миссии своей слишком активной и неуклюжей поддержкой В. Януковича. Именно благодаря этому Квасьневский смог мобилизовать для активного вмешательства в события на Украине ведущие фигуры ЕС, хотя изначально и Берлин, и Париж надеялись остаться в стороне. Между тем, Квасьневский, благодаря своим контактам в обоих лагерях украинских политиков, сыграл важную роль в предотвращении использования силы со стороны режима Кучмы, за что, в конечном счете, ему должны быть признательны все участники противостояния.

События в Киеве показали, что претензии Варшавы как новоиспеченного члена ЕС на ведущую роль в определении восточной политики этой организации при определенных обстоятельствах могут стать реальностью. Дальнейшее ухудшение отношений Москвы и Варшавы в 2005 г. происходило уже в условиях, когда недружественные заявления и жесты делались на уровне высокопоставленных официальных лиц. Российская сторона в этом плане отнюдь не отставала от польской: достаточно напомнить о том, как Путин «забыл» упомянуть поляков среди тех, кто сражался с нацизмом во время празднования 60-й годовщины Победы, о том, как российский президент поспешил высказаться об избиении детей российских дипломатов в Варшаве в первый же день после происшествия, и о том, как были затем избиты сотрудники польского посольства в Москве. Вряд ли следует объяснять это лишь раздражением в связи с украинскими событиями. Готовность Москвы к эскалации напряженности в отношениях с Варшавой может иметь и «рациональное» объяснение. Никакой положительной повестки дня в сфере международных отношений в Восточной Европе у Варшавы и Москвы на сегодня не видно. Польша выступает адвокатом скорейшего принятия Украины (а также, в принципе, Белоруссии и Молдовы) в ЕС и НАТО, подчеркивая при этом, что данный вопрос совершенно не касается России. Польша наиболее активно из всех стран ЕС поддерживает оппозицию Лукашенко в Белоруссии²⁰ и не скрывает критиче-

---

²⁰ Отношения Минска и Варшавы сегодня плохи как никогда. Отчасти это связано с конфликтом вокруг Союза поляков в Белоруссии, который Лукашенко поставил под свой контроль, отстранив прежнее нелояльное ему руководство. Именно в Польше создана радиостанция для вещания против режима Лукашенко. Но наиболее важно,

ского отношения к проектам российско-белорусской интеграции. Наконец, Польша, вместе со странами Прибалтики, предпринимает все возможные усилия для того, чтобы торпедировать проект строительства газопровода из России в Германию по дну Балтийского моря. В целом Польша претендует на роль лидера, вокруг которого могли бы объединиться те новые члены ЕС, чьи отношения с Россией остаются весьма неблагоприятными. Она же играет активную роль в попытках создания новой организации «Содружество демократического выбора», об антироссийской направленности которой открыто говорят некоторые ее участники. Варшава настойчиво говорит в Брюсселе о необходимости «энергетической солидарности» стран ЕС, причем в ее трактовке этого понятия «Газпром» выступает как источник угрозы, в том числе и политической. В этих условиях дальнейшая эскалация напряженности в двухсторонних отношениях Москвы и Варшавы, акцентирование при каждом удобном случае польской русофобии может помешать Польше в ее стремлении утвердиться в качестве ведущей силы, определяющей восточную политику ЕС, ведь страны «старой» Европы обострять отношения с Москвой не хотят.

Трудно предсказать, насколько успешной может быть такая тактика, основанная на принципе «чем хуже, тем лучше». Пока что политические процессы в самой Польше, где пришедшая к власти в конце 2005 г. консервативно-католическая и националистическая партия братьев Качиньских «Право и справедливость» всерьез рассматривает возможность коалиции с радикальными популистами и евроскептиками из Лиги польских семей и Самообороны, скорее подрывают позиции Польши в ЕС. Сама же по себе Польша не обладает ни экономическим, ни политическим потенциалом для того, чтобы в длительной перспективе играть ведущую роль в Восточной Европе. Именно кризисные ситуации в Восточной Европе создают для Варшавы дополнительные возможности.

ЕС, Россия и Восточная Европа

Болгарский политолог Иван Крастев дал полезное определение ЕС как великой державы с неопределенными границами²¹. Оно требует

что Польша неизменно предоставляла убежище белорусским оппозиционерам, оказывала им поддержку, насколько это возможно, в самой Белоруссии и старалась усилить свое влияние в среде белорусской интеллигенции и молодежи, в том числе приглашая на учебу и стажировки.

²¹ *Krastev I.* Putinowskie “społeczeństwa obywatelskie”? Imperium rosyjskie po pomarańczowej rewolucji // *Europa*. – № 43, – Kraków, 2005, 26.10. – S. 6.

уточнения. Во-первых, ЕС лишь потенциально является великой державой, и не вполне ясно, сможет ли он ею стать. Во-вторых, ЕС обладает уникальным механизмом расширения, легитимность которого никем с правовой точки зрения не оспаривается. Способность ЕС создавать у своих соседей мощную положительную мотивацию для присоединения к Союзу сегодня является главным инструментом внешнеполитического влияния ЕС. Но это же является источником определенной внешнеполитической слабости Евросоюза.

Оценивая возможности политики ЕС в Восточной Европе, нужно иметь в виду, что неверно рассматривать эту проблему по аналогии с влиянием ЕС в последние пятнадцать лет на страны прежней Восточной Европы, которые теперь принято называть странами Центральной Европы. Принципиальное различие состоит в том, что в отношении стран Центральной Европы ЕС сразу ясно определил перспективу членства. Именно этот фактор оказывал решающее стабилизирующее воздействие как на внутривнутриполитические процессы, так и на отношения между странами региона. Иными словами, за правильное поведение был твердо обещан приз – членство в ЕС. Можно только догадываться, как развивались бы, например, отношения Венгрии с Румынией и Словакией, если бы все эти страны не рассматривали вступление в ЕС как приоритет своей внешней политики. Внутренняя стабильность, сдерживание авторитарных тенденций и радикального национализма тоже во многом определялись в странах Центральной Европы и в прибалтийских республиках этим фактором.

Когда полпред Украины в ЕС Р. Шпек настаивал в январе 2006 г. на том, чтобы ЕС дал обещание его стране, что она будет принята в Союз, он, на самом деле, касался главной болевой точки сложившейся ситуации. Не желая связывать себя обещаниями такого рода, Брюссель лишает проевропейских политиков на Украине важнейшего ресурса легитимации, причем в ключевой момент перед парламентскими выборами. Сам факт того, что в этой ситуации ЕС не готов дать такое обещание даже в отношении отдаленного будущего, свидетельствует о глубине разногласий о будущем Восточной Европы среди политиков Союза.

В ЕС нет и в ближайшее время не будет консенсуса по вопросу о возможности дальнейшего расширения Союза на восток. Вместе с тем, Евросоюз уже не желает рассматривать пространство СНГ и, прежде всего, страны Восточной Европы как зону преимущественного влияния России. Внешнеполитические неудачи в Восточной Европе в 2003 и 2004 гг., кажется, заставили Кремль понять и принять эту новую реальность. В то же время ЕС, в особенности «старая» Европа, не заинтере-

сован в том, чтобы превращать этот регион в зону конфронтации с Россией. В ближайшее время предстоит трудный диалог ЕС, Москвы и стран Восточной Европы о том, каковы будут новые правила игры на этом пространстве. Первый этап выяснения новой реальности уже пройден – он заключался в расставании прозападных элит Восточной Европы с иллюзиями относительно возможности ускоренного марша в ЕС по образцу стран Центральной Европы.

Москва же до сих пор целиком полагается в своей европейской политике на контакты с Парижем, Берлином и Римом. Между тем в 2005 г. Г. Шредер уступил пост канцлера А.Меркель, которая вовсе не нуждается в тех особых отношениях с Путиным, за которые она не раз критиковала Шредера в ходе избирательной кампании. С. Берлускони вполне может потерять свой пост уже в 2006 г. Ж. Ширак тоже переживает закат своей политической карьеры, и на смену ему в 2007 г., если не раньше, может прийти Н. Саркози, никаких симпатий к России до сих пор не проявлявший.

Однако эта новая ситуация не обязательно должна обернуться для России ухудшением отношений с ЕС, в том числе по вопросам, связанным с Восточной Европой. Визит Меркель в Москву в январе 2006 г. ясно показал, что смена тона в отношениях России и ее главного партнера в ЕС, Германии, не будет сопровождаться пересмотром реального содержания отношений, прежде всего в экономической сфере. Здесь интересы совпадают, и это крупные интересы.

Меркель старается установить более дружелюбные отношения с США. Ось Москва-Берлин-Париж уходит в прошлое. Берлин стремится улучшить отношения и с Варшавой. В 2006 г. состоится встреча в уже подзабытом формате Версальского треугольника Варшава-Берлин-Париж. Однако плодом нормализации отношений Германии и Франции с Польшей не станет готовность Берлина и Парижа следовать польской линии в отношении Восточной Европы. Это будет, скорее, попытка перетянуть Варшаву, до сих пор выступавшую верным союзником США, на сторону «старой» Европы. Для Польши это будет серьезным выбором, потому что отказ от сотрудничества с ведущими державами ЕС может привести к ее дальнейшей маргинализации в Союзе. Если Варшава пойдет на сближение с Берлином и Парижем, это, весьма вероятно, откроет возможность и для потепления ее отношений с Москвой. В этом случае возможности США проводить и далее на пространстве СНГ политику, основанную на концепции игры с нулевой суммой, значительно уменьшатся.

В этой ситуации важно, чтобы Москва проявляла сдержанность в проведении своей политики влияния в Восточной Европе, прежде всего избегала попыток слишком явного и активного одностороннего вмешательства в политические дела этих стран. Возможность углубления кризиса на Украине одинаково опасна как для России, так и для ЕС, и все стороны должны проявлять крайнюю осторожность в игре на этом поле. ЕС уже пригласил и Януковича, и Тимошенко посетить Брюссель, показав тем самым, что готов принять любой исход парламентских выборов, если они будут в меру честными.

Решительно критикуя Лукашенко, ЕС также не будет делать резких шагов для предотвращения его переизбрания в 2006 г. И не будет критиковать Москву за поддержку белорусского режима.

Заключение

В целом можно констатировать, что за последние несколько лет место Восточной Европы в международных отношениях, с одной стороны, существенно изменилось – страны региона перестали рассматриваться как зона исключительного влияния Москвы. Москва, как кажется, признала новое положение вещей и сделала ставку на принципиально новые механизмы экономической экспансии²².

С другой стороны, становится все более очевидно, что в отношении будущего новой Восточной Европы «оранжевая революция» ничего не решила. Она лишь заострила многие проблемы и для самой Украины, и для ее соседей. Политическое будущее стран региона еще останется неопределенным в течение довольно длительного времени.

26 января 2006

---

²² Это не значит, что Россия прежде к такой экспансии не стремилась. Однако методы ее проведения были качественно иными. Прежде это была точечная экспансия крупных частных кампаний на рынки Восточной Европы, которая часто опиралась на непрозрачные и ненадежные приватизационные механизмы. Современная экспансия Газпрома жестко координируется Кремлем, и часто связана с привлечением к сделкам в качестве партнеров крупных концернов из ЕС.

Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России

Различного рода «ментальные карты» являются неотъемлемым элементом нашего мышления. Столь же неотъемлемой чертой самих «ментальных карт», или различных принципов организации географического, политического, цивилизационного пространства, является их субъективность и политическая ангажированность. Норвежский политолог Айвер Нойман убедительно показал, что регионы воображаются в соответствии с теми же механизмами, по которым, согласно хорошо известной теории Б. Андерсона (3), воображаются нации (22, с. 113–114). Среди различных концепций регионального членения Европы²³ в последнюю четверть века наиболее оживленные дискуссии касались содержания понятия *Центральная Европа*. В этой статье рассмотрены наиболее общие аспекты темы Центральной Европы: проблемы терминологии; история различных концепций, связанных с этим понятием; развитие дискурса Центральной Европы в последние десятилетия XX в; место в этом дискурсе России.

Терминология

В русском языке термин *Центральная Европа*, а также близкие к нему или связанные с ним термины *Средняя Европа*, *Восточно-Центральная Европа* появились сравнительно недавно. Все эти термины были придуманы не для отражения каких-то сформулированных в России концепций, но для перевода тех или иных иностранных понятий, которые наши ученые, политики и публицисты заимствовали главным образом из работ немецко- или англоязычных авторов, а порой из чешских, польских или венгерских текстов²⁴. Речь в этих текстах шла, разумеется, не о геометрически вычисляемом центре Европы, но о полити-

²³ Понятия *регион* и *регионализация* употребляются сейчас очень широко и для описания явлений очень разного масштаба. В этой статье речь идет о субрегиональном уровне, если саму Европу считать регионом; или макрорегиональным, если сравнивать с небольшими еврорегионами и регионами внутри отдельных стран.

²⁴ Нетрудно догадаться, что читавшие в основном немецкую литературу чаще употребляют слово «Средняя» как кальку с немецкого «Mitte», а «англоязычные» наши авторы предпочитают, конечно, слово «Центральная» (от Central).

ческих и / или исторических концепциях. Как это часто случается в подобных ситуациях, важные различия, существующие, например, между немецким *Mitteleuropa* и англоамериканским *Central Europe*, «по дороге» терялись.

Термин *Восточно-Центральная Европа* (калька с английского *East-Central Europe*)²⁵ вообще часто приводит к недоразумениям. Он означает восточную часть Центральной Европы, в то время как в России многие ошибочно понимают его как объединение Восточной и Центральной Европы. Задача этого термина отчасти состояла в том, чтобы отграничить восточную часть Центральной Европы от Германии и Австрии, то есть западной части Центральной Европы, а отчасти в том, чтобы определить ту часть Центральной Европы, которая находилась после второй мировой войны под контролем Кремля. (Поэтому в Восточно-Центральную Европу порой могли включать ГДР.) Напротив, на востоке процесс включения какого-либо народа в Восточно-Центральную Европу предполагает утверждение, что восточноевропейскость в нем менее важна, чем центральноевропейскость. Но определенная «устремленность» этого термина на восток, разумеется, существует. Вполне логично, что в английском он утвердился с легкой руки поляка Оскара Халецкого.

Таким образом, используемый в русском языке термин *Центральная Европа* обозначает целый букет существенно различающихся, иногда прямо друг другу противоречащих концепций, причем концепций сравнительно недавнего происхождения. Правильнее поэтому говорить не о понятии *Центральная Европа*, но о теме Центральной Европы по аналогии с музыкальной темой, которую можно подвергать бесконечным вариациям. Выходящие даже сегодня книги и статьи о Центральной Европе неизменно открываются рассуждениями о том, что их авторы понимают под Центральной Европой именно в этом тексте. А значит, спрашивать нужно не о том, принадлежит ли та или иная страна Центральной Европе, но о том, какое место отводится той или иной стране в той или иной концепции Центральной Европы.

При желании можно описать региональное членение Европы вообще не прибегая к понятию *Центральная Европа*: если максимально расширить Юго-Восточную Европу, к которой прежде нередко относили Венгрию; Восточную Европу, к которой можно по определенным критериям отнести часть даже современной Польши; балтийский регион, куда можно включить другие части Польши, и так далее. Иначе

---

²⁵ В немецком тоже в качестве кальки появился термин *Ost-Mitteleuropa*.

говоря, любые исторические, географические, экономические, цивилизационные факты можно по-разному группировать и интерпретировать. Историки продолжают спорить, есть ли определенная «реальная» общность, которая лишь получила свое имя с возникновением понятия *Центральная Европа*. Политологи практически едины в том, что самостоятельного политического субъекта по имени *Центральная Европа* нет и не было. Но очевидно, что *Центральная Европа* существует как идеологический феномен примерно в течение последних двух веков.

История концепций Центральной Европы

Впервые термин *Mitteleuropa* или близкие к нему начинают употребляться в 40-е годы XIX века. В 1842 г. немецкий экономист Фридрих Лист писал о «среднеевропейской экономической общности», постулируя необходимость немецкой экономической экспансии, а монархию Габсбургов рассматривая как аграрный придаток индустриальной Германии. Идея германской доминации, как экономической, так и политической, на пространстве между Россией и Германией разрабатывалась позднее Фридрихом Науманном в его книге «*Das Mitteleuropa*» (21). Причем взгляд Науманна был обращен и на Запад, так что его *Центральная Европа* включала и Бельгию. Можно сказать, что в немецких концепциях Центральной Европы неизменно, хотя и в весьма различных, в зависимости от обстоятельств, дозах, присутствовала идея гегемонии. В то же время было бы несправедливо демонизировать то, что писали немцы на тему Центральной Европы в XIX и начале XX века. В немалой степени эти концепции отражали реальный вклад немцев в экономическое и культурное развитие региона, ведь немецкая диаспора Центральной Европы была весьма многочисленна, а немецкий был *lingua franca* региона²⁶. Достаточно сказать, что изгнание этнических немцев из соседних стран после 2-ой мировой войны затронуло от 9 до 11 миллионов человек.

Не-немецкая, часто даже анти-германская традиция рассуждений о Центральной Европе тоже уходит корнями в XIX в. В бурном 1848 г. лидер чешского национального движения Франтишек Палацкий писал: «вдоль границ Российской империи живет много народов – славяне, румыны, венгры, немцы. Никто из них в отдельности не имеет достаточно сил, чтобы сопротивляться могущественному восточному соседу. Они могут это сделать, только будучи тесно и прочно объединенными».

---

²⁶ Поэтому заведомо неверны часто встречающиеся попытки определять Центральную Европу как пространство между ареалом немецкого и русского языка.

Он видел реформированную Австрию как форму такого объединения. Заметим: *венгры, немцы, румыны* – то есть Палацкий мыслил в данном случае согласно региональному, а не расовому принципу. Немцы присутствуют в этом перечне постольку, поскольку они не объединены в мощное государство. Уже тогда, говоря о немцах, Палацкий однозначно имел в виду не Пруссию, но австрийских немцев и немецкую диаспору соседних областей. (Сами эти немцы думали совсем в иных категориях – либо династической лояльности Габсбургам, либо объединения Германии – и вовсе не спешили откликаться на солидаристские идеи Палацкого.) В сентябре 1848 г. поляк Адам Чарторижский совместно с венгром Ласло Телеки разработали проект дунайской конфедерации. К этим планам позднее возвращались многие, в том числе и Лайош Кошут.

Таким образом у не-немецких подданных Габсбургов концепция особенности этого региона с самого начала включала в себя два политических мотива – объединительный и изоляционистский. С одной стороны, она с переменным (в целом – с весьма ограниченным) успехом выполняла интегрирующую роль по отношению к народам региона, подчеркивая общность их судеб и необходимость солидарности. С другой, в основе этого императива лежала защита прежде всего от России, часто от России и Германии. «Сдавленность» между Россией и Германией становится основным мотивом этой версии Центральной Европы. Именно объединение Германии исключает ее из такой концепции Центральной Европы как национальное государство и одновременно мощную европейскую державу.

Нередко концепция Центральной Европы использовалась как инструмент изоляции и ранжирования и в отношениях между «малыми» народами этой части Европы. Согласно известной шутке, восточная граница региона неизменно проходит, по мнению отдельных народов, по их границе с восточным соседом.

В России «немецкая редакция» концепции Центральной Европы как пространства для германской культурной, экономической и политической экспансии вызвала противодействие. Этой концепции была противопоставлена концепция *славянского мира*. Именно с 40-х годов XIX в. получают развитие различные варианты панславизма. В своем внимании к славянскому фактору Россия была не одинока, причем не только в XIX в. Можно сказать, что чем сильнее ощущалась германская или турецкая угроза, и чем дальше была Россия – тем больше симпатий к «славянским идеям» разного рода возникало у славян Европы. У поляков, немало от России пострадавших, они были слабее, особенно со

второй половины XIX века. Однако и польские мыслители порой пытались «спасти» для себя идею славянской общности, исключая Россию из славянского мира. У чехов и, особенно, у словаков панславистские концепции находили больший отклик.

В рамках идей славянской общности нет места понятию Центральной Европы как особого региона. Региональный принцип заменяется пан-этническим, неславянская часть региона отсекается, а вместо этого присоединяются славяне Юго-Востока и Востока Европы. Можно сказать, что в течение длительного времени славянская и центральноевропейская идеи конкурируют в умах славян этой части Европы. Важно, однако, помнить, что эта конкуренция была лишь дополнением к доминирующему мотиву политической мысли того времени – национализму.

С точки зрения западноевропейской мысли XVIII и XIX вв. тема Центральной Европы была маловажной, едва заметной. Преобладало дихотомическое деление Европы на Запад и Восток, на цивилизованную и получивилизованную, или, что часто было более важно, полуварварскую часть, куда вместе с Россией были записаны Западом и Польша, и Чехия, и Венгрия (31, см. также 18). Ларри Вулф в своей книге «Изобретая Восточную Европу» приводит массу примеров саркастических, презрительных, «ориенталистских» описаний тех стран, которые сегодня заявляют о своей центральноевропейскости, взятых из западной литературы XVIII в. «Можно описать изобретение Восточной Европы как интеллектуальный проект полу-ориентализации», – замечает Вулф, пытаясь таким образом определить генетическое сходство исследуемых им интеллектуальных практик с описанным Э. Саидом феноменом ориентализма. «Как и для ориентализма, – продолжает он, – для изучения Восточной Европы характерно соединение знания и власти, пронизанное доминацией и подчинением» (31, с.7, 8)²⁷.

Важной характеристикой этого пространства в глазах французских просветителей была его славянскость, и потому «Энциклопедия» характеризует венгерский язык как славянский диалект, родственный языкам Богемии, Польши и России. «Эта чушь не была сознательным обманом, но она соответствовала задаче проекта объединения, связи», – пишет Вулф (31, с. 357). Так что западная мысль породила две интерпретации «славянскости»: если Гердер видел в «цивилизационной молодости» славян основу для надежд на их славное будущее, то у большинства других авторов это служило основанием для закрепления

²⁷ Таким же путем, пытаясь показать и сходство, и различия с «ориентализмом», пойдет затем М. Тодорова в своем анализе западного «дискурса о Балканах».

за славянами места на нижних ступенях иерархии европейских народов.

Любитель красивой фразы австрийский канцлер Меттерних по преданию говорил, что «Азия начинается за Ландштрассе» (то есть за улицей на востоке Вены). *Восток* и *Запад* в этой системе представлений были вполне идеологическими понятиями. С точки зрения Меттерниха Прага безусловно была на Востоке, хотя географическая карта свидетельствует, что она расположена западнее Вены. Вулф рассказывает, что граф Луи-Филипп де Сегюр, ехавший послом в Петербург в 1784 – 1785 гг., описывал, как он «совершенно покинул Европу» и «перенесся на десять веков вспять» при пересечении границы Пруссии и Польши. Тогда же американец Джон Ледьярд (Ledyard), ехавший в противоположном направлении, провозглашал приветствие Европе, пересекая «великий рубеж между азиатскими и европейскими манерами» на той же самой прусско-польской границе (31, с. 4–6). Самое любопытное (и ускользнувшее от внимания Вулфа) обстоятельство заключается в том, что свои приветствия и прощания с Европой наши путешественники провозглашали на границе Пруссии с Польшей, которая стала проходить именно в этом месте лишь двенадцатью годами ранее, после первого раздела Речи Посполитой; так что чуть раньше де Сегюр и Ледьярд узрели бы этот «великий рубеж» на несколько сот километров западнее: «знание» о принадлежности Пруссии Западу, а Польши Востоку было для обоих важнее наблюдаемой реальности.

Даже в межвоенный период концепция Центральной Европы оставалась маргинальной. На 5-м и 6-м всемирных конгрессах историков (Брюссель, 1923 и Осло, 1928 г.) поляк Оскар Халецкий ставил вопрос о цивилизационных различиях между западной и восточной частями того пространства, которое принято было называть Восточной Европой, и которое включало все, что на восток от Германии. (Именно секции, посвященные истории так широко понимаемой *Восточной Европы*, и заседали в рамках официальной структуры межвоенных исторических конгрессов.) Историки новых независимых государств, возникших после Первой мировой войны, боролись за новое место в истории для своих стран. Поначалу их усилия характеризуются разнобразием концепций и подходов. Часто к проблемам региона историки подходили сквозь национальную призму. Дискуссия между венграми (И. Лукинич), чехами (Я. Бидло), поляками (М. Хандельсман) шла о границах региона, о том, что считать главными особенностями или организующими принципами в истории этой группы стран. Не без сопротивления чехов было достигнуто согласие об отходе от славянского принципа.

Однако национальность историков явно накладывала отпечаток на их концепции. Так, Хандельсман, например, совершенно без оснований утверждал, что Речь Посполитая находилась в центре региона и ее история может служить как организующий принцип для всей Центральной Европы. Венгры были склонны подчеркивать роль Дуная как интегрирующей оси.

Из политиков больше всех внимания уделял в это время идее Центральной Европы президент Чехословакии Т. Г. Масарик. Во время Первой мировой войны он писал о «новой Европе» в рамках привычного дихотомического членения континента, но в 1921 г. он употребил понятие *Центральная Европа* для обозначения «особой зоны малых наций между Западом и Востоком». В его интерпретации она была жестко противопоставлена немецкой концепции Mitteleuropa, но также и панславизму. Это была попытка по-новому, уже после развала Габсбургской монархии, и потому не обращая внимания на ее прежние границы, определить сообщество, о котором в середине XIX в. писал Палацкий (4, с. 207; 8, с. 21–22).

Приход к власти нацистов и в особенности Вторая мировая война вызвали волну эмиграции интеллектуалов как из Германии, так и из соседних стран – в Англию, но главным образом за океан. О. Халецкий, приехав в 1940 г. в Нью-Йорк, публикует в 1943 г. статью под названием «Восточная часть Центральной Европы в послевоенном устройстве» («East Central Europe in the Postwar Organization»), а в 1944 г. – статью «Историческая роль Центрально-Восточной Европы» («The Historical Role of Central-Eastern Europe») во влиятельном журнале «The Annals of the American Academy of Political and Social Science». Разнобой в терминах, употребленных Халецким в заголовках статей, свидетельствует о поиске наиболее подходящего варианта. В 1950 г. он издал книгу «Пределы и разграничения европейской истории», в которой дал полное изложение своих взглядов («The Limits and Divisions of European History». L.; N. Y.). Здесь Халецкий проводил деление на западную часть Центральной Европы (West Central Europe), имея в виду Германию и Австрию, и восточную часть Центральной Европы (East Central Europe), обозначая так пространство между Германией и Россией. Под влиянием поляков, венгров, австрийцев (О. Халецкий, О. Яси, Р. Канн) в США разворачивается активное изучение истории империи Габсбургов. Именно с этого времени начинается утверждение понятия *Центральная Европа* в англосаксонском мире.

Однако в 1950 – 1960-е гг. это касается главным образом историков. На Западе тема Центральной Европы в то время по преимуществу

ассоциировалась с германоцентричной идеей Mitteleuropa, которая после войны выглядела окончательно дискредитированной нацистами, пытавшимися приспособить ее к своим нуждам. Американец Генри Майер опубликовал целую книгу, посвященную критике этой концепции, под названием «Mitteleuropa в немецкой политической мысли и практике» (20). После войны в Германии иногда даже стали прибегать к не претендовавшему на полную серьезность термину Zwischeneuropa (то есть «Европа между»), лишь бы не пользоваться понятием Mitteleuropa. В политическом дискурсе Запада по-прежнему доминирует дихотомическое членение Европы. Железный занавес чудесным (а на самом деле вполне закономерным) образом почти совпал с той линией раздела, которая была создана в умах еще в эпоху Просвещения. Многие как на Западе, так и на Востоке постарались забыть об этом сами и заставить поверить других, что линию раздела между Востоком и Западом Европы придумали Сталин и Черчилль.

В СССР в 60 – 70-е годы понятие *Центральная Европа* постепенно утверждалось в языке научных публикаций, посвященных социалистическим странам. Но особенность его употребления состояла в том, что оно почти неизменно фигурировало в сочетаниях «Центральная и Восточная»²⁸ или «Центральная и Юго-Восточная» Европа, что, с одной стороны, подчеркивало единство социалистического лагеря, а с другой освобождало авторов от необходимости сколько-нибудь жестко определять границы именно Центральной Европы. (Между прочим, последнее было не только удобно, но во многом и разумно.)

Расцвет «дискурса о Центральной Европе» в 1980-е годы

В своей статье «Заново открывая Центральную Европу» американский историк и политолог Тони Джадт анализирует прежде всего западноевропейский интеллектуальный и политический контекст, в котором стало возможным возрождение дискурса о Центральной Европе в начале 80-х годов. После Ялты, – констатирует он, – эта часть Европы надолго выпала из поля зрения подавляющего большинства европейских интеллектуалов. Лишь эмигранты упорно писали о странах от Вены до Вильнюса. Джадт отмечает, что все, или почти все, идеи, которые получили такой широкий отклик на Западе в начале 80-х гг., неоднократно высказывались прежде. Даже знаменитые образы Кундеры («похищенный Запад») можно найти у Мирчи Элиаде, который в 1952

---

²⁸ Поэтому, вероятно, многие у нас и понимают (ошибочно) термин *Восточно-Центральная Европа* как эквивалент привычного *Восточная и Центральная Европа*.

г. писал: «Эти культуры стоят на грани исчезновения. Разве Европа не чувствует ампутации части своей собственной плоти? Ведь в конечном счете, это все европейские страны, и все эти народы принадлежат европейскому сообществу» (15, с. 33).

Несколько важных событий и процессов совпали во времени, чтобы сделать западную публику восприимчивой к таким речам. Это упадок западных коммунистических партий и вообще марксистски ориентированных левых, вторжение СССР в Афганистан, польская «Солидарность». Важно было также возрождение внимания к теме прав человека в западной политической теории. Для некоторых западноевропейских, в особенности французских, радикалов, дискурс о Центральной Европе стал также сферой проекции их собственных идей об эмансипации Европы от США. Осуществить это могла Европа, объединяющая восток и запад континента. Новое и особое значение приобрела тема Центральной Европы в Германии, где ее пытались приспособить к решению главной задачи «восточной политики» – будущего объединения страны. Один из лидеров немецкой социал-демократии Эгон Бар уже в 60-е гг. рассуждал о возможности того, что центральноевропейская система безопасности заменит в будущем НАТО и Варшавский договор (5, с. 3, 6).

Сами восточноевропейские интеллектуалы совсем не были готовы принять такую повестку дня. Но именно потому, что «сегодня Центральная Европа стала (для интеллектуалов Запада – А. М.) идеализированной Европой нашей культурной ностальгии, и поскольку это имеет много общего с тем способом артикулировать оппозицию советской доминации, который выбрали многие видные диссиденты, возникли условия для диалога», – писал Джадт в 1989 г. (15, с. 48).

Сама инфраструктура этого диалога была прежде всего западной. Конечно, активисты «Солидарности» встречались со своими чешскими и словацкими коллегами в горах на границе, обменивались опытом и литературой. Но эти встречи, ограничась все ими, так и остались бы интересным лишь для будущих историков эпизодом «польско-чешских революционных связей». Идея Центральной Европы получила широкую известность и политическое значение прежде всего благодаря Западу. Именно здесь глашатаев идеи Центральной Европы стали переводить и печатать, и они сами читали друг друга по-английски, по-немецки или по-французски. «У них много больше шансов встретиться друг с другом в Нью-Йорке и Париже, чем в Варшаве и Праге», – писал Т. Г. Эш в 1986 г. (4, с. 211).

Но диалог этот разворачивается в пространстве своеобразной полукоммуникации – западные интеллектуалы используют концепцию Центральной Европы, чтобы обновить и переформулировать политические конфликты у себя дома, а диссиденты от Варшавы до Будапешта никогда ни на секунду не готовы согласиться с тем, как западная публика на них смотрит (15, с. 51). Это очень важное наблюдение сохраняет актуальность и сегодня. При этом покровительственное, порой снисходительное отношение, так часто раздражающее людей из Праги, Варшавы или Будапешта в их общении с людьми из Парижа или Вены, совсем нетрудно отыскать в их собственном отношении к людям из Москвы или Киева. Модель полукоммуникации воспроизводится порой с точностью до мельчайших деталей.

Запад был не только ареной этого дискурса Центральной Европы, но и главным адресом послания, которое инициаторы дискурса по советскую сторону «железного занавеса» вкладывали в него.

Тема Центральной Европы заново начала звучать в работах восточноевропейских диссидентов в начале 1980-х гг., вскоре после поражения «Солидарности». Настроение во всех странах советского блока было тогда очень мрачным: очередная, наиболее мощная попытка освободиться, потерпела неудачу, причем для подавления движения даже не понадобились силы СССР. Венгерский герольд темы Центральной Европы Дьордь Конрад дал своей книге «Центральноевропейские медитации» многозначительный подзаголовок «Антиполитика». Первому западному аналитику и пропагандисту этого нового дискурса Т. Г. Эшу не составило труда заметить, что антиполитика в конечном является лишь следствием того, что политика невозможна (4, с. 208). Столь же мрачно звучат и первые вариации на тему Центральной Европы у Милана Кундеры: «Центральной Европы больше не существует. Три мудреца в Ялте разделили ее надвое и приговорили к смерти. Им было все равно, что станет с великой культурой» (17, с. 29). Никакой практической программы диссиденты предложить не могли, и даже в 1988 г. многие из них, подобно венгерскому литературоведу Эндре Бойтару, считали, что «выйти из потока можно только ценой катастрофических событий», под которыми Бойтар подразумевал новую мировую войну (6, с. 268).

Однако, как было уже сказано, на этот раз выступления восточноевропейских интеллектуалов получили на Западе качественно иной отклик. Это произошло не сразу. Переломным моментом стала публикация в «Нью-Йорк Таймс» в апреле 1984 г. статьи М. Кундеры «Трагедия Центральной Европы». Статья была тогда же перепечатана в «Die

Zeit» и «Le Monde», а в конце года появилась в английском журнале «Granta» (№ 11, 1984) под более определенным названием, которое Кундера изначально дал тексту: «Похищенный Запад или прощальный поклон Культуре». Этот текст был сознательно сконструирован как «послание» Западу, и очень удобное для адресата послание.

Кундера обвинял Запад в том, что тот предал Центральную Европу, отдав ее Сталину. Последствия Ялты были разрушительны для Европы в целом, потому что именно в Центральной Европе билось сердце европейской культуры, ее наиболее живой источник. Даже сейчас, в 80-е годы, здесь сохранились в борьбе с советско-русским коммунизмом самые чистые и плодотворные образцы европейской культуры. Долг Запада – вмешаться, не только из чувства вины, но и в своих собственных интересах, потому что лишь воссоединившись со своей похищенной частью Запад может обрести целостность.

Эта статья Кундеры отличалась от других современных ей текстов о Центральной Европе не идейным содержанием, но предельной откровенностью пропагандистского высказывания. Трудно однозначно судить, получила ли она столь широкое распространение из-за этих своих качеств, или Кундера изначально писал «на заказ». (Напомню, что статья практически одновременно вышла в ведущих англо-, франко- и немецкоязычных изданиях.) Как бы то ни было, эффект, который Эш сравнил с шоком от «Архипелага ГУЛАГ», был достигнут. Запад получил идейное знамя для завершающего этапа борьбы с «внешней империей Кремля».

Россия в «дискурсе о Центральной Европе»

А. Нойман прекрасно определил роль России для дискурса о Центральной Европе как роль «конституирующего чужого». В современном «издании» концепции Центральной Европы Запад играл двойственную роль – роль «иного» и одновременно «своего», в то время как Россия выступает в однозначной роли «чужого». Именно через описание отличия от России доказывается «западность» Центральной Европы. Именно Россия выступает и как главный виновник «трагедии Центральной Европы», и как главная угроза ее будущему. Кундера вполне откровенно заявлял, что, говоря о чуждой цивилизации, имеет в виду именно Россию, а не только СССР. Немало других участников дебатов о Центральной Европе это подразумевали. Эш, в частности, отмечает, что контекст, в котором Конрад или Гавел употребляют понятие *Восточная Европа*, никогда не бывает позитивным (4, с. 183–184).

Две важных и связанных с Россией темы в дискурсе о Центральной Европе – это мотивы «жертвы» и «сопротивления». Все претенденты на место в Центральной Европе – неизбежно жертвы²⁹. Причем в наиболее тенденциозных версиях, например у Кундеры, вина не только вполне вынесена вовне, но и четко расписана на две составляющие. Деструктивная роль целиком отдана России. Причем именно России, а не СССР, который рассматривается как вполне «органичное» воплощение «русских черт». Другой виноватый – Запад, отдавший в Ялте Центральную Европу на растерзание неевропейским варварам. Такое распределение вины вызывает к Западу об искуплении за отступничество не только от Центральной Европы, но и от своих фундаментальных ценностей – то есть вызывает о вмешательстве, о «возвращении долга». Русским отказано в праве считать себя жертвами того же коммунизма, и на них возложена вся полнота ответственности за несчастья Центральной Европы. Разумеется, попытки представить русских исключительно как жертву (германского генштаба, «мировой закулисы», еврейского заговора, безродных космополитов, латышских стрелков, поляка Дзержинского – список можно продолжать), нередко встречающиеся в нашей публицистике, – пошлы. Но не менее пошлы и попытки представить исключительно как жертвы внешнего или «иностранческого» вмешательства народы других стран. Об этом напомнил Кундере Милан Шимечка, когда написал, что труды по разрушению культурных достижений пражской весны и гонений на интеллектуалов взяли на себя главным образом вполне местные, вполне чешские и словацкие люди (27). Кстати, биография самого Кундеры, в возрасте 19 лет в 1948 году вполне добровольно вступившего в Коммунистическую партию, прекрасно иллюстрирует правоту Шимечки (19).

Тот же Шимечка указал и на другой элемент явной тенденциозности Кундеры, когда написал, что не Сталин, но Гитлер положил «начало конца» Центральной Европы (20), в том числе уничтожил тех, кого Данило Киш (16) назвал самым полным воплощением центральноевропейца, – евреев этого региона. Причем и во время войны, и, что особенно позорно, в первые годы после нее местные жители практически во всех без исключения странах региона поучаствовали в этом процессе. Можно добавить, что другую ключевую группу региона – немцев – по-

---

²⁹ Канадский философ Чарльз Тейлор недавно заметил, что мир оказался вовлеченным в своеобразный чемпионат по виктимизации, когда каждый доказывает, что страдал больше других, в расчете на разного рода преимущества и компенсации сего дня.

сле войны извели под корень, частично в погромах, но главным образом изгнанием, тоже местные жители.

В СССР статья Кундеры и близкие к ней по духу тексты практически не получили отклика. Их откровенно антисоветский характер сделал их добычей спецхранов. В то же время из-за своей столь же откровенной русофобии они не могли стать популярны в Самиздате. Только представители русской эмиграции вступили с Кундерой в полемику. В. Максимов сделал это в свойственном ему агрессивно-простоватом стиле, предъявив Кундере счет за белочехов, которые не захотели помочь белым в борьбе с большевиками, за что, по мнению Максимова, заслуженно и заплатились после Второй мировой войны (1). Но были и более серьезные реакции. Беседы с Л. Копелевым подтолкнули М. Шимечку вступить с Кундерой в полемику по вопросу о его отношении к России (27, с. 157). Наиболее же основательный ответ Кундера получил от И. Бродского.

«К чести западного рационализма, призраку коммунизма, побродивши по Европе, пришлось отправиться на восток. Но нужно также отметить, что нигде этот призрак не встретил больше сопротивления, начиная от «Бесов» Достоевского и кончая кровавой баней гражданской войны и большого террора, и сопротивление далеко не закончилось даже сейчас. По крайней мере, на родине г-на Кундеры призрак устроился без таких проблем... Политическая система, которая изъела г-на Кундери из употребления, в той же мере является продуктом западного рационализма, как и восточного эмоционального радикализма», – писал Бродский в 1986 г., когда эти рассуждения еще отнюдь не были общим местом (7, с. 479). Бродский весьма проницательно заметил, что Кундера и «многие его братья восточноевропейцы стали жертвами геополитической истины, придуманной на Западе, а именно концепции деления Европы на Восток и Запад» (7, с. 481)³⁰. Под конец со свойственным ему сарказмом Бродский обратил внимание на то, что «претензии на культурное превосходство совсем не предотвращают стремления на тот запад, над которым Кундера это превосходство якобы ощущает... То есть он стремится именно в тот культурный климат, который породил эти предательства и который он критикует» (7, с. 482). То есть Бродский уже в середине 80-х поставил вполне точный диагноз: все рассуждения о центральноевропейской исключительности оказывались лишь декором базового мотива – стремления стать частью Запада.

---

³⁰ Без малого двадцатью годами позже этот тезис научно обоснует Л. Вулф в книге «Изобретая Восточную Европу» (31), и станет знаменитым.

Бродский, кажется, был первым, кто дал подробную критику главного основания мифа о Центральной Европе. Основанием этим была идеализация Запада, а с ним и Центральной Европы как «западной» в оппозиции Востоку. Свой ответ Кундере Бродский заключил фразой, которая может стать программой для замечательного исторического исследования: «Вторая мировая война была гражданской войной европейской цивилизации».

Крах коммунизма и пиррова победа концепции Центральной Европы

В 1989 г. программа центральноевропейского дискурса оказалась практически выполнена в своей вполне заслуживающей уважения «негативной» части, то есть в стремлении освободиться от власти Москвы. В этот момент стало особенно очевидно, что никакой позитивной программы эти рассуждения о Центральной Европе не содержат. То есть Л. Валенса и некоторые другие политики попытались сперва говорить о некоей «НАТО-бис», о каком-то особом, «третьем пути» для стран Центральной Европы. Но эти рассуждения на Западе не вызвали никакого положительного отклика и быстро сошли на нет.

«Realpolitik», о которой так презрительно рассуждали восточноевропейские диссиденты в 80-е годы, никто не отменял. Показательно в этом отношении содержание даже вполне «интеллигентского» по составу авторов выпуска журнала «Daedalus», появившегося уже зимой 1990 г. под названием «Восточная Европа... *Центральная Европа...* Европа?» Западноевропейские интеллектуалы всерьез обсуждали в нем одну тему – объединение Германии и ее место в Европе. Этому были посвящены статьи Т. Г. Эша, Т. Джадта, Ж. Рупника. О теме Центральной Европы в исполнении восточноевропейских диссидентов Джадт уже тогда писал «Предмет остается собственностью *Zivilizationsliterati*, и на востоке, и на западе. Мода неизбежно пройдет... Останутся переводы книг, о которых на Западе до этого мало кто знал. А это уже неплохо» (15, с. 50).

Политики пост-социалистических стран быстро приняли правила игры, и, оставив толком не начав, попытки превратить Центральную Европу в самостоятельного политического актора, занялись обеспечением для своих стран преимущественных прав на вступление в западные структуры. Совершенно справедливо П. Бугге охарактеризовал концепцию Центральной Европы как «абортированную попытку создать особую идентичность» (8, с. 15).

Сегодня центральноевропейскость превратилась для тех стран, которые уже вступили в НАТО и близки к вступлению в ЕС, в ярлык неполноценности их членства в западных структурах. Их место сегодня пытаются занять те, кому прежде отказывали в принадлежности к клубу «первой очереди», – Румыния, Хорватия, Болгария, Литва, Украина.

История в концепциях Центральной Европы

Различные интерпретации прошлого играют важную роль среди аргументов в спорах о границах региона Центральной Европы и о содержании этого понятия. Часто к истории обращались не-историки, к случаю используя те или иные факты или то, что хотелось представить как факты. Но нередко и профессиональные историки выступают как «подносчики снарядов», или —сознательно скажем обиднее – как официанты на пиру политиков, сервируя по первому требованию или даже пытаясь эти требования предугадать, аргументы для политических рассуждений. Неизбежная черта таких текстов – их упрощенность, склонность к однозначным интерпретациям. Между тем история редко предоставляет материал именно для таких суждений.

«Исторический рок Центральной Европы в том, что она оказалась неспособна стать независимой после краха сначала татарско-турецкой, а затем немецко-австрийской гегемонии Запада, и снова попала под господство, теперь советско-русское. Именно это не позволяет нашему региону реализовать западную ориентацию, выбранную тысячу лет назад, хотя она и представляет собой наше самое глубинное историческое стремление», – писал в одном из своих эссе о Центральной Европе венгерский публицист Д. Конрад. И получил вполне заслуженный комментарий Т. Г. Эша: «В этом тексте история превращена в миф. Эта мифопоэтическая тенденция – стремление приписать прошлому Центральной Европы то, что, как надеется автор, будет свойственно Центральной Европе будущего, смешение того, что должно быть, с тем, что было, – довольно типична для нового центроевропеизма. Нас хотят убедить, что то, что было действительно центральноевропейским, всегда было западным, рациональным, гуманистическим, демократическим, скептическим и толерантным. Остальное было восточноевропейским, русским, или, возможно, немецким» (4, с. 184).

Прошло без малого двадцать лет, но в том, как Д. Конрад обращается с историей, мало что изменилось. В 2000 г. на конференции в Бухаресте Конрад объяснял, по каким критериям он определял, кто достоин членства в Центральной Европе. Как он утверждал, главный критерий

был в том, кто боролся с насаждением советского строя, а кто нет. В интерпретации Конрада к числу «борцов» относились венгры с их 1956-м годом, чехи с их 1968-м годом, поляки с их 1956-м, 1968-м, 1970-м, 1980-м годами. Он «не заметил» ни румынского и западноукраинского послевоенного сопротивления, более длительного, чем у венгров или чехов, ни тем более гражданской войны в России, о которой Кундере в ответ на схожие рассуждения напомнил Бродский. Конрада трудно заподозрить в сознательном интеллектуальном жульничестве. Он, если воспользоваться известной формулой Ч. Милоша, являет собой пример недюжинного, но в определенном отношении «порабощенного» ума, который пал жертвой концепции, к созданию которой сам приложил руку. Пример этот весьма типичен – ничем не лучше обращаются с историей Кундера, Михали Вайда и многие другие герольды центральноевропейской идеи.

В цитированном высказывании Конрада бросается в глаза скачок из «габсбургской гегемонии» к «советско-русскому господству». Пропуск межвоенного периода, когда Центральная Европа была свободна и от того, и от другого, не случаен. Опыт этого времени особенно наглядно демонстрирует мифическую природу исторического образа Центральной Европы, возникающего в писаниях Кундеры или Конрада. И немало профессиональных историков поспешило это отметить.

Режим, установившийся в Польше в середине 20-х, польский историк Анджей Фришке назвал плюралистическим авторитаризмом (10, с. 275). Это справедливо и для других стран региона. Имеется в виду, что, отказавшись от демократических форм осуществления власти, правящие элиты не стремились к установлению всеохватывающего контроля над обществом, к идеологической монополии и устранению с политической арены всех конкурентов. В то же время «партии власти» манипулировали выборами и использовали псевдо-парламентскую систему в собственных интересах как инструмент легитимации уже принятых в узком бюрократическом кругу решений. Также и политические партии в большей степени строились на принципах личной преданности лидеру, чем на идейной общности. Британский историк Джордж Шопфлин отметил еще одну общую черту политической жизни межвоенной Центральной Европы, а именно особую роль закрытых групп, как правило военных, связанных неформальными личными связями, которые были основаны на каком-либо общем экстраординарном опыте (29, с. 73). Примером могут служить легионеры Пилсудского, офицеры чешского корпуса, прошедшие сибирскую эпопею, или венгерские офицеры, участвовавшие в белом терроре 1919–1920 годов. (Без труда можно

увидеть разительные черты сходства описанного феномена с политическим режимом пост-коммунистической России.)

Анализируя политическое развитие стран Центральной и Восточной Европы в межвоенный период, Джордж Шопфлин показывает, что этот регион вовсе не был частью Запада. «Первая половина XX в. в Восточной Европе – это время медленного, порывистого, с остановками идущего процесса модернизации, который был прерван и радикально трансформирован коммунистической революцией, с ее особенными модернизационными проектами, мифами и утопиями». Режимы во всех этих странах были квазидемократическими. Ни одно правительство в Центральной Европе не проиграло выборов в межвоенный период. (Два исключения связаны с расколами в самой правящей элите.)

Таким образом, имитируя устройство парламентских демократий, страны Центральной Европы не смогли в межвоенный период создать сильное и единое гражданское общество, во многом из-за остроты социальных и национальных противоречий, а также из-за того, что правящие группы не были заинтересованы в их преодолении. Эти обстоятельства дали Дж. Шопфлину, попытавшемуся вообразить возможное послевоенное развитие стран Центральной Европы при отсутствии советской доминации, право предположить, что во многих из них становление демократии проходило бы далеко не гладко, а по образцу, напоминающему послевоенную Грецию с ее режимом «черных полковников». «Если бы не Советы, мы бы увидели развитие, в котором институты были бы без сомнения более этатистские, чем западные. Для оценки политической ситуации, сложившейся в большинстве стран Центральной Европы в начале 30-х годов, важно определить «вектор перемен», а именно направление эволюции общественных настроений и политического спектра. Повсеместно происходила политическая радикализация общества, и в первую очередь усиливался правый радикализм» (29, с. 87–88)³¹.

Впрочем, сам Шопфлин, противопоставляя Восточную и Западную Европу межвоенного периода, тоже следует определенным схемам, как бы изымая из Запада все то, что плохо подходит под оппозицию демократического общества Западной Европы и отсталого общества Восточной Европы. Германия оказывается частью Центральной Европы, муссолиниевская Италия – вероятно, Южной Европой, а тяжкие недуги

³¹ Вряд ли эта тенденция зародилась лишь в межвоенный период. Как подчеркивает Эш, «наиболее глубокие и леденящие душу предвидения тоталитарного кошмара можно найти именно у типично центральноевропейских авторов начала XX в. – Кафки и Музиля, Броха и Рота (4, с. 185).

демократии во Франции и даже Британии вообще не упоминаются. Справедливее позиция Джадга: «Начиная с битвы у Белой горы и до сегодняшнего дня, Центральная Европа была регионом непрестанных этнических и религиозных конфликтов, отмеченных кровопролитными войнами и резней, масштаб которых колебался от погрома до геноцида. Западная Европа часто была не лучше, но она была более везучей...» (15, с. 48). Если продолжить это рассуждение, то можно сказать, что Центральная Европа была более везучей, чем Восточная. Причем и после Первой мировой войны, когда в России случилась успешная большевистская революция, а в других странах она не удалась, как в Венгрии или Германии, и позже, когда советский режим в его наиболее жестокой сталинской версии перемалывал эти общества лишь несколько лет (с 1948 по 1953 г.), а не несколько десятков лет, как в СССР.

Это подводит нас к одному из ключевых мотивов спора историков о Центральной Европе. Суть его в вопросе: каково относительное значение опыта XX в. и наследия предшествующих веков в очевидных различиях сценариев, по которым протекала посткоммунистическая трансформация. Многие приписывают решающее значение давним событиям и процессам: принятие христианства в его православной или католической версии, роль свободного средневекового города и других, по выражению Е. Сюча, «островков свободы» и т. д. Смешно отрицать значение прошлого для современного развития. Но абсолютизация этого подхода прямо ведет к концепции Хантингтона. Он четко и верно формулирует проблему: после окончания холодной войны вопрос о восточной границе Европы оказался открытым. Однако интерпретация ее у американского политолога весьма спорна. «О ком следует думать как о европейцах, а значит как о потенциальных членах ЕС и НАТО?» – вот смысл этого вопроса для Хантингтона. Отвечая на него, Хантингтон проводит «культурную границу Европы, которая в Европе после холодной войны является также политической и экономической границей Европы и Запада», по линии, «веками отделявшей западных христианских народов от мусульман и православных» (13, с. 158). Эта линия идет по границе России с Финляндией и с республиками Прибалтики, разрезает территорию современных Белоруссии, Украины, Румынии и Боснии, упираясь в Адриатическое море на побережье Черногории (13, с. 159). Главная опасность подобных теорий – а Хантингтон в своих построениях далеко не одинок – в том, что они идеологизируют конкретную политическую и экономическую ситуацию. Механизм ее исторической обусловленности в этих концепциях крайне упрощается, изменчивость и многофакторность процесса подменяется ложной идеей

многовековой неизменности, которая предполагает и предопределенность развития в будущем. Иначе говоря, эти теории эвристически контрпродуктивны для понимания проблемы границ Европы и границ регионов в Европе.

Ено Сюч, на знаменитую работу которого «Три исторических региона Европы» так любят ссылаться при обосновании «западности» Центральной Европы, на самом деле писал о том, что на протяжении веков в этом регионе свойственные для Запада тенденции и структуры общественного развития никогда не достигали такой степени зрелости и концентрации, чтобы самостоятельно предопределять характер развития отдельных социумов. При этом Сюч подчеркивал, что определить специфику региона можно только через сравнение его с Востоком и Западом, поскольку никакой общей парадигмы развития обществ Центральной Европы не было. Его учитель Иштван Бибо не случайно назвал свою главную работу о регионе «Убожество восточно-европейских государств». Он показал, что одним из стержней коллективной ментальности и исторических мифов венгров и многих соседних народов является мотив этнической виктимизации, перерастающий в фобию исчезновения собственного народа как этнического сообщества. Но работы этих, как и многих других ученых, совсем не склонных интеллектуально обслуживать политический дискурс Центральной Европы, подвергаются совершенно сознательной манипуляции, и становятся источниками лишь «удобных» цитат.

Очень схожую с хантингтоновской линию раздела Европы американский политолог Шерман Гарнетт, например, обосновывает иначе, чем Хантингтон. С его точки зрения, эта граница отделяет страны с более давней государственной традицией от тех, кто еще только ищет стабильные институциональные формы и кадры для воплощения государственности; а также эта граница отделяет тех, кто уже добился успеха рыночных и политических реформ, от тех, кому это пока не удалось (11). Такая концепция уже не выглядит детерминистской, опирающейся на предопределенную прошлым и независимую от воли и деятельности современников цивилизационную границу, она указывает на вполне рациональные и доступные для оценок, анализа и, что самое важное, изменений факторы.

Но вернемся к истории, точнее – к совсем недавней истории. Еще ждет своего осмысления вопрос о том, как влияет на процесс посткоммунистической трансформации опыт XX в., в том числе и опыт последних коммунистических десятилетий. Понятно, что степень социальных разрушений там, где советский режим существовал в течение 70 лет,

качественно отличается от тех, которые испытали общества, попавшие под власть системы на без малого 30 лет позже. Это «опоздание», повторюсь, сократило до годов, а не десятилетий, сталинский, наиболее жестокий террористический этап развития советской системы. Но и позднее можно видеть существенные различия. Степень открытости Западу, степень свободы дискуссий об экономических и социальных реформах в Венгрии и Польше была существенно выше, чем у многих их товарищей по «народно-демократическому» несчастью, не говоря уже об СССР. И в кадровом, и в концептуальном смысле эти страны были значительно лучше подготовлены к трансформации, когда она стала возможной. Каково сравнительное значение этих факторов и наследия более далеких веков в характере посткоммунистической трансформации? Мы никогда не сумеем определенно ответить на этот вопрос. Но мы определенно можем сказать, что только низкая квалификация историка или сознательное стремление к манипуляции читателем стоит за попытками объяснить события после 1989 г. как предопределенные пятьсот лет назад.

Не менее важно учесть и роль Запада в разном характере этой трансформации. В какой степени успешный марш «вышеградских» стран на Запад можно описать как «приход» к ним Запада? Иначе говоря, какова роль западной поддержки реформ и стабилизирующего политического влияния Запада и перспективы близкого членства в западных структурах?

Исторический миф о Центральной Европе Эш справедливо поставил в один ряд с другими «хорошими» мифами – с солженицынским мифом о «России, которую мы потеряли», с немецким мифом о 20 июля 1944 г., доказывающим, что покушавшиеся на Гитлера были настоящими либералами и демократами. «Следует ли позволять хорошим мифам лгать?» – спрашивал Эш и язвительно замечал, что, когда дело не касается Центральной Европы, Гавел и Конрад тоже способны дать на него правильный ответ (4, с. 186).

Вообще в теме «история и дискурсы о Центральной Европе» нужна принципиальная смена иерархии. В самих концепциях Центральной Европы история выполняет служебную функцию, со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для истории как ремесла. Дискурсы о Центральной Европе сами должны быть предметом исторического, или, если угодно, историко-политологического исследования, прежде всего в области истории идей. Только выяснив для себя разнообразные интересы и «тенденциозности», связанные с различными концепциями Центральной Европы, историки могут использовать

понятие *Центральная Европа* как инструмент исторического исследования. В противном случае тенденциозность даже помимо воли исследователя будет проникать в их труды вместе с самим понятием. Эта игра, по-моему, стоит свеч, поскольку у нас уже сегодня есть достаточно работ, убедительно демонстрирующих плодотворность применения понятия *Центральная Европа* для анализа определенных периодов и определенных аспектов исторического процесса. Например, понятие Центральная Европа оказывается инструментом для преодоления узких рамок национальных историй, которые являются проекцией в прошлое националистических идеологий и подвергают историю безжалостной цензуре с тем, чтобы показать, сколь «неизбежно» и «предопределено историей» было формирование новых государств.

Первые шаги в этом направлении уже сделаны. В 1999 г. специальный номер журнала «European Review of History» (Vol. 6, № 1) был посвящен дискуссии историков из Голландии, Англии, Франции, Венгрии, Польши, России об использовании понятия *Центральная Европа* как инструмента исторического анализа³². Большинство ее участников были согласны с тем, что понятие Центральной Европы для историков отнюдь не бесполезно. Но все авторы были солидарны и в том, что профессиональное изучение исторической специфики региона не имеет ничего общего с тем историческим мифом, который является составной частью политических концепций Центральной Европы 1980-х – 1990-х гг.

«Ягеллонская» версия Центральной Европы

Политический успех концепции Центральной Европы во второй половине 80-х – начале 90-е годов сегодня подталкивает некоторых политиков к попыткам использовать эту же «раскрученную торговую марку» для продажи новых или заново упакованных старых идей. В 2001 г. с собственной инициативой центральноевропейской кооперации выступил австрийский МИД. В целом это была весьма смутная, лишенная какой бы то ни было конкретики концепция активизации сотрудничества Австрии с претендующими на вступление в ЕС соседними странами. Вряд ли можно интерпретировать ее как попытку Вены сыграть самостоятельную партию в этой части Европы, опираясь на габсбургскую традицию. В экономическом и политическом смысле Австрия уже давно стала младшим партнером Германии, по сути дела реа-

---

³² В первую очередь см. статьи Л. Контлера, П. Бутге, Л. Петера, М. Яновского и А. Миллера.

лизированной частью демократической версии проекта *Mitteleuropa*. Главная цель этой инициативы была в улучшении образа самой Австрии, которая страдала от бойкота своих партнеров по ЕС в связи с вхождением в правительство партии не гнушающегося ксенофобских заявлений Йорга Хайдера. Вена пыталась компенсировать неудобства за счет расширения контактов с Будапештом, Прагой, Варшавой. О готовности поддержать эту инициативу сразу же заявил Будапешт, у которого и без того уже существуют самые теплые отношения с Веной, тем более что венгерский премьер Виктор Орбан по духу своей политики Хайде-ру близок. Прага и Варшава никак на эту идею не откликнулись, а вскоре присоединение австрийского правительства к требованию Берлина о семилетнем моратории на свободную миграцию рабочей силы из стран-новичков сделало их отношения с Веной еще более натянутыми. Австрия безвозвратно упустила свой шанс всерьез поиграть с темой Центральной Европы в конце 80-х и начале 90-х годов: открыв границу с Венгрией, что привело к быстрому падению берлинской стены, Вена не смогла развить этот успех, воспользоваться имевшейся у нее как у нейтральной страны и тогда еще не-члена ЕС свободой маневра. Так что нынешняя запоздалая центральноевропейская инициатива Австрии останется лишь маргинальным эпизодом.

Значительно больший интерес, особенно для наблюдателя из России, представляют попытки использовать тему Центральной Европы, предпринимаемые в последние годы в Польше. Как уже отмечалось, очертания Центральной Европы существенно меняются в зависимости от географического положения рассуждающего о ней. В случае с Польшей это правило проявляется очень заметно. Еще в 1989 г. Т. Джадт заметил, что Польша в большей степени, чем другие претенденты на место в Центральной Европе, склонна смотреть на Запад не только как на «пункт назначения», но и как на опору в своей миссии на Востоке (15, с. 47). Почву для таких рассуждений давала действительно давняя традиция, к которой можно отнести очень важный для польской культуры миф кресов и лозунг границ 1772 г. Этот последний затем на разных этапах был переосмыслен в концепцию Речи Посполитой трех, а не двух народов, в идею союза с литовцами, украинцами и белорусами в борьбе с Российской империей, в федералистские планы Ю. Пилсудского.

После второй мировой войны эту традицию продолжала, существенно ее при этом модифицировав, парижская «Культура» под редакцией Ежи Гедройца. Помимо общего антикоммунистического пафоса, в идеях «Культуры» было немало других позитивных моментов. Гедройц

призывал навсегда расстаться с мыслями о ревизии польских границ на востоке, с надеждами вернуть Вильно и Львов. Он считал гораздо более важным установление добрых отношений с восточными соседями. Но Гедройц и его ближайший сотрудник и соавтор этой концепции В. Мерошевский хотели не просто дружить с украинцами, белорусами и литовцами. Они хотели «дружить против» России. В современной Польше эту составляющую концепции Гедройца нередко отрицают. Но нет сомнения, что даже субъективно она присутствовала. Видный деятель украинской эмиграции Ярослав Пеленьский, который в 90-е годы был также директором Института Восточноевропейских исследований Академии наук Украины, тесно сотрудничал с Гедройцем и так объясняет причины своего дистанцирования от «Культуры»: «Я думал иначе, чем Гедройц, я считал, что его концепцию Украина-Беларусь-Литва нужно расширить и на Россию» (32, с. 58). Ему вторит видный польский политик, в прошлом активист «Солидарности» Дариуш Росати, который также признает, что «в основе этой доктрины лежало убеждение, что Украина и Беларусь настроены в меру антироссийски» (25).

В начале 90-х гг., когда концепция Центральной Европы представляла собой определение тех избранных из числа восточноевропейских стран, кого следовало в первую очередь принять в структуры Запада, Польша со своими партнерами по Вышеградской группе без всяких сантиментов отвергла попытки Киева войти в эту организацию. Но уже вступив в НАТО и ощущая себя одной ногой в ЕС, Польша, точнее некоторая часть польских политиков и интеллектуалов, решила, что тема Центральной Европы теперь может быть использована в ее восточной политике. Эту польскую версию идеи Центральной Европы порой называют «ягеллонской». Ее основная идея состоит в том, что наследие Речи Посполитой оказалось определяющим для культуры и ментальности Украины, Белоруссии и Литвы, придало им центральноевропейский характер. Так сформулированная концепция Центральной Европы отодвигала восточную границу региона (а на самом деле, в понимании ее авторов, восточную границу Европы вообще) на новые западные границы России. Таким образом, *Центральная Европа* по сути дела превращается в «Крайнюю» Европу, Восточная Европа исчезает, а Россия квалифицируется как Евразия или Западная Азия, что вполне соответствует неизменно преобладавшей традиции польской мысли о России.

Некоторые мотивы этой темы звучали и прежде. Например, Р. Шпорлюк, ныне директор Украинского Института в Гарварде, уже в 1982 г. писал о том, что «западные народы СССР принадлежат Цен-

тральной Европе» (30, с. 34)³³. Но в тот момент подобные рассуждения мало кого интересовали, кроме самих украинцев. В 90-е же годы тема стала актуальна. Ее принялись разрабатывать и историки, и публицисты, и политики. В 1993 г. в Люблине была создана федерация Институтів Восточно-Центральної Європи, куда по уставу могли входить только научные учреждения стран региона, то есть Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Украины, Литвы и Белоруссии, но не Германии и тем более не России. Любопытно, что участие венгерских и чешских историков в этой инициативе неизменно оставалось минимальным, оставляя федерации с ее центром в Люблине свободу рук в пропаганде именно «ягеллонской» концепции Центральной Европы.

Уже в 2000 г. вышла в свет двухтомная работа «История Восточно-Центральной Европы» под редакцией основателя этой федерации и неустанного пропагандиста идеи Ежи Клочовского. Период вхождения в состав Речи Посполитой описывается в ней как «определивший подлинное лицо» Литвы, Украины и Белоруссии, а то, что происходило с этими странами после разделов Речи Посполитой, становится лишь искажением, разрушением этой сущности. Весьма характерно, что автор использует понятия Украина, Литва и Белоруссия, равно как понятия украинский, литовский и белорусский народы / нации в их современном значении, о котором бессмысленно говорить применительно к эпохе Речи Посполитой. Грамотный историк Клочовский это знает, но в таких рассуждениях ремесло историка безжалостно приносится в жертву политической пропаганде. «Следует подчеркнуть, что целый ряд современных исследовательских направлений, явно доминирующих в Украине и Беларуси, по причинам как историческим, так и актуаль-

³³ При этом он брал в союзники Кундеру, ссылаясь на упоминание последним Украины в следующем контексте: Кундера писал, что с чешской культурой происходит то, что уже произошло с украинской, то есть она погибает, теряет свою европейскость. О том, кто, по мнению Кундеры, в этом виноват, равно как и о том, что Кундера понимает под европейскостью культуры, мы уже говорили. Здесь важно другое, а именно замечательная иллюстрация того, как работает логика подобных дискурсов. Каждый выбирает то, что ему нравится. Шпорлюку нравилось упоминание Украины в контексте (западно)европейской культуры. При желании можно обратить внимание на то, что Кундера говорит об утере украинской культурой этих «благородных черт» как о свершившемся факте, иначе говоря, о том, что она *перестала* принадлежать к этому кругу избранных. Все это тем более любопытно, что блестящий, высококвалифицированный историк Шпорлюк привлекает совершенно безответственного в своих высказываниях об истории беллетриста Кундеру в качестве авторитета при обсуждении прошлого. То есть Шпорлюк принимает правила игры, в которых важна не аккуратность и взвешенность суждений ученого о предмете сложном и противоречивом, каковым и является вопрос о месте западных влияний в культурном наследии современной Украины, но яркость публицистического высказывания.

ным, подчеркивает принадлежность этих стран Восточно-Центральной Европе, и именно в рамках этой перспективы строит новые концепции их истории», – так, с достойной восхищения откровенностью, обосновывает Ключовский включение этих стран в регион Восточно-Центральной Европы (12, с. 8). Сам Ключовский убежден, что из его исторических концепций должны следовать политические выводы³⁴.

Новая «центральноевропейская» упаковка довольно старых идей о польской внешней политике по-своему оправдана. Во-первых, она заглушает их *польскость*, которая до сих пор остается довольно неудачной маркой для продажи идеологических продуктов у восточных соседей. Разумеется, что в свете ожесточенных, порой даже весьма кровавых конфликтов с поляками уже в XX в. в Западной Украине или «на Виленщине» сегодня предпочитают говорить о «европейском» или «западноевропейском», но не польском культурном наследии этих земель. У известной украинской писательницы Оксаны Забужко наряду со стандартными рассуждениями о «культурно чуждой империи» и о тоске по утраченной европейскости вдруг появляется весьма интересный призыв к полякам, чтобы для них «украинская культура перестала быть средством достижения цели, а стала целью» (33, с. 64, 69). Разделяя характерную для «ягеллонской» версии концепции Центральной Европы неприязнь к России, Забужко, однако, понимает, что в польской традиции поддержка украинского движения изначально возникла и долго оставалась, если до сих пор не остается, средством.

В Западной Украине крах «Руха» и иллюзий насчет быстрой украинизации и «броска на Запад» в последнее время привели к возникновению своеобразного западноукраинского сепаратизма. Но никто не говорит, конечно, о том, чтобы «вернуться в Польшу». Речь о том, чтобы «вступать в Европу по частям», «отцепив поезд» Восточной Украины, который для паровоза Западной Украины оказался слишком тяжел. При этом с точки зрения степени модернизированности самой Западной Украины уместно сравнивать ее именно с паровозом. В попытке вернуться в Центральную Европу Западная Украина возвращается и к своему статусу нищей окраины этого региона, «галицийская нищета» которого вошла в XIX в. в поговорку.

В некоторых случаях антипольскость восточных соседей осложняется провинциальной манией величия. В статье «Центральная Европа – почему нас там нет?» редактор белорусского журнала «Наша нива» Сергей Дубавец называет Белоруссию «типичным центральноевропей-

³⁴ Выступление Ключовского в дискуссии о польской восточной политике 1 марта 2001 г. см. на сайте www.batory.org/forum.

ским государством». В его интерпретации центральноевропейскость означает неопределенность ориентации, смешение восточноевропейских и западноевропейских влияний. Это вполне здравый тезис, но далее начинается свободный полет фантазии. Переходя к существу своей концепции, автор замечает, что в Европе нужна третья сила, то есть вертикальная интеграция помимо деления на Восток и Запад. «Чтобы стать государством, – пишет Дубавец, – Беларуси не хватает украинского сопротивления и литовской культуры, а не русской нефти и членства в НАТО. Эта Центральная Европа находится не в западной части Центральной Европы, в Вышеградской группе – которая является карантинном перед входом в Запад. Это сени, а не дом. Подлинная Центральная Европа на востоке, это территория Великого княжества литовского, с центром в современной Беларуси. Беларусь могла бы быть ядром Центральной Европы. Нужен еще один исторический поворот, чтобы Великое княжество литовское поднялось со дна истории» (9, с. 34–35). В этом построении замечательно то, что Восточно-Центральная Европа оказалась перекалвалифицирована в западную часть Центральной Европы. Таким образом ягеллонская интерпретация темы была отвергнута (вместе с Польшей как центром тяготения), а «со дна истории» поднята другая, более близкая автору традиция Великого княжества литовского до его унии с Польшей.

Но вернемся к польской интерпретации темы Центральной Европы. Она не только камуфлирует «польскость» определенных идей, но позволяет придать им «общеевропейское» звучание. Именно в этом виде их поддержал В. Гавел в своем выступлении в Братиславе в мае 2001 г., где он призывал сделать следующий этап расширения НАТО возможно более массовым и направить его на территорию бывшего СССР³⁵. Польская «Газета Выборча» опубликовала эту речь под весьма характерным заголовком – «Не допустим нового раздела мира» (23). Проведение восточной границы Европы по западной границе России редакторы «Газеты Выборчей», разумеется, новым разделом мира не считают, просто потому, что такой раздел их устраивает.

В «ягеллонской» Центральной Европе Польша получает роль регионального лидера. Варшава не только много раз обещала выступать «адвокатом» Литвы и Украины в западных структурах, но и заявляла о своих претензиях на особую роль в определении восточной политики НАТО и ЕС. В Москве это вызывает нескрываемое раздражение, а во

³⁵ Хороший анализ того, как эта речь может быть использована в политической жизни Запада см. в статье *Александра Янова* «Гавел против России, или грехопадение европейского либерала» // Московские Новости. № 21 (1088). 22 – 28 мая 2001.

многих западноевропейских столицах как минимум настороженность. Некоторые польские политики вообще склонны объяснять особые отношения между Варшавой и Вашингтоном именно тем, что США более отзывчивы к польским представлениям о роли Варшавы на востоке, чем их западноевропейские союзники³⁶.

Признавая, что до сих пор Варшава ничего не смогла предложить Украине, кроме красивых слов, многие в Польше прямо говорят о том, что нужно мобилизовать ресурсы НАТО и ЕС для проведения своей политики на востоке. Понятно, что делать это они будут именно под флагом «центральноевропейской» или «общеевропейской» идеи. Причем «общеевропейскость» будет определяться именно через «центральноевропейскость» в том смысле, что образ «конституирующего иного» будет по-прежнему закреплён за Россией. Прага и Будапешт будут в этом союзниками Варшавы, потому что теперь, когда они уже стали частью западных структур, прямой практический интерес этих стран состоит в том, чтобы не остаться надолго в неудобном положении пограничья. Так что попытки дальнейшего применения темы Центральной Европы для идеологического обеспечения политики продолжаются. Как и прежде, их успех или неудача будут зависеть от того, насколько влиятельными окажутся западные политики, которые попытаются в очередной раз воспользоваться риторическими талантами теперь уже бывших диссидентов.

* * *

Закljučая свой анализ дискурса о Центральной Европе в его «кундеровской» версии, А. Нойманн заметил: «Есть много резонансов, по которым Западу стоит поддержать формирование многопартийной системы и рыночной экономики в Чешской республике, Венгрии, Польше и т. д. Но идея, что они в каком-то смысле «более европейские», чем их непосредственные соседи на востоке, к числу этих резонансов не принадлежит» (22, с. 160). Следуя здравой логике этого замечания, можно продолжить: у Запада также много причин, чтобы поддержать формирование многопартийной системы и рыночной экономики в бывших советских республиках, но идея, что они более европейские, чем Россия, или что их нужно «спасать» от России, не относится к их числу. В этом случае становится ясно, что сегодня центр тяжести различных концепций Центральной и Восточно-Центральной Европы не в том, чтобы мотивировать поддержку и заинтересованность Запада – для этого можно ис-

³⁶ См. дискуссию о польской восточной политике 1 марта 2001 г. на сайте www.batory.org/forum.

пользовать иные, более рациональные аргументы. Главная функция этих концепций состоит именно в исключении или в ранжировании конкурентов, соревнующихся за привилегированное положение в отношениях с Западом.

Литература

- 1) *Максимов В.* Евангелие по Милану Кундере // Новое Русское слово (Нью-Йорк). 12.01.1986.
- 2) *Янов А.* Гавел против России, или грехопадение европейского либерала // Московские Новости. № 21 (1088). 22 – 28.05.2001.
- 3) *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983. 364 P.
- 4) *Ash T. G.* Does Central Europe Exist? // Ash T. G. The Uses of Adversity. Essays on the Fate of Central Europe. N. Y.: Vintage Books, 1990. P. 180–212.
- 5) *Ash T. G.* Mitteleuropa? // Daedalus. Winter 1990. Vol. 119. № 1. P. 1–21.
- 6) *Bojtar E.* Eastern or Central Europe? // Cross Currents. № 7. 1988. P. 253–270.
- 7) *Brodsky J.* Why Milan Kundera Is Wrong About Dostoevsky? // Cross Currents. № 5. 1986. P. 477–483.
- 8) *Bugge P.* The Use of the Middle: Mitteleuropa vs. Stredni Evropa // European Review of History. 1999. Vol. 6. № 1. P. 15–35.
- 9) *Dubawiec S.* Europa Srodkowa: dlaczego nas tam nie ma? // Wiesz. Wrzesien 1997. S. 34–36.
- 10) *Friszke A.* O ksztalt niepodleglej. Warszawa: Biblioteka «Wiezi», 1989. 544 S.
- 11) *Garnett S. W.* Keystone in the Arch. Ukraine in the Emerging Security Environment of Central and Eastern Europe. Washington D. C.: Carnegie Endowment for International Peace. 1997. 214 P.
- 12) Historia Europy Srodkowo-Wschodniej. T. 1 / Red. J. Kloczowski. Lublin: Instytut Europy Srodkowo-Wschodniej, 2000. 554 S.
- 13) *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.: Simon and Schuster, 1996. 368 P.
- 14) In Search of Central Europe / Ed. by G. Schopflin & N. Wood. L.: Polity Press, 1989. 221 S.
- 15) *Judt T.* The Rediscovery of Central Europe // Daedalus. Winter 1990. Vol. 119. № 1. P. 23–54.

16) *Kis D.* Variations on the Theme of Central Europe // Cross Currents. № 6. 1987. P. 1–14.

17) *Kundera M.* Interview to Alain Finkielkraut // Cross Currents: A Yearbook of Central European Culture. № 1. 1982. P. 15–29.

18) *Lemberg H.* Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom «Norden» zum «Osten» Europas // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. NF, 33. 1985. S. 48–91.

19) *Matejka L.* Milan Kundera's Central Europe // Cross Currents. № 9. 1990. P. 127–134.

20) *Meyer H. C.* Mitteleuropa in German Political Thought and Action. The Hague, 1955.

21) *Naumann Fr.* Das Mitteleuropa. Berlin, 1915.

22) *Neumann I. B.* The Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 281 P.

23) Nie ma zgody na nowy podział świata // Gazeta Wyborcza. 14.05.2001.

24) On the Edge. Ukrainian-Central European-Russian Security Triangle / Ed. by M. Balmaceda. Budapest: CEU Press, 2000. 221 P.

25) Realizm, pragmatyzm, idealizm? (Dyskusja w Fundacji Batorego 1 marca 2001 r.) // Tygodnik Powszechny. 22 kwietnia 2001.

26) *Schwarz E.* Central Europe – What It Is and What It Is Not // In Search of Central Europe / Ed. by G. Schopflin & N. Wood. L.: Polity Press, 1989. P. 143–156.

27) *Simecka M.* Another Civilization? An Other Civilization? // In Search of Central Europe / Ed. by G. Schopflin & N. Wood. L.: Polity Press, 1989. P. 157–162.

28) *Simecka M.* Which Way Back to Europe? // In Search of Central Europe / Ed. by G. Schopflin & N. Wood. L.: Polity Press, 1989. P. 176 – 182.

29) *Schopflin G.* The Political Traditions of Eastern Europe // Daedalus. 1990. Vol. 119. № 1. P. 55–90.

30) *Sporluk R.* Defining «Central Europe»: Power, Politics and Culture // Cross Currents. A Yearbook of Central European Culture. № 1. 1982. P. 30–38.

31) *Wolff L.* Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1994. 411 P.

32) Z perspektywy emigracji. Z Jarosławem Pelenskim rozmawia Olga Iwaniak // Wiesz. Marzec 1998. S. 48–59.

33) *Zabuzko O.* Od «Malej apokalipsy» do «Moskowiady» // Wiesz.
Wrzesień 1997. S. 60–69.

Дуализм идентичностей на Украине³⁷

Ссылки на историю часто используются при обсуждении причин и природы тех региональных различий в идентичности, которые столь очевидны в современной Украине. Впрочем, чаще всего апелляции к истории служат не столько для объяснения, сколько для легитимации одного из вариантов этой идентичности и дискредитации другого. В этой статье история используется «по назначению», т. е. в качестве инструмента, помогающего пониманию, в том числе пониманию разных сторон. Заодно статья указывает на некоторые весьма распространенные сознательные манипуляции или невольные заблуждения в использовании исторического материала при рассуждениях на тему идентичности в современной Украине.

Главный наш тезис сводится примерно к следующему. Начиная с XIX века, когда, собственно, и были запущены процессы формирования национальных идентичностей на пространстве современной Украины³⁸, мы имеем здесь дело с ярко выраженным дуализмом стратегий идентификации. Однако ситуация XIX – начала XX века, когда украинская идентичность противостояла «общерусской» ориентации, принципиально отличается от противоборства двух различных вариантов собственно украинской идентичности, которые сложились под воздействием событий первой половины XX века. Эти два различных типа украинской идентичности имели и имеют до сих пор ярко выраженную региональную привязку, поэтому мы будем условно называть их «западноукраинским» и «восточноукраинским». Следует сразу оговориться, что те типы идентичности, о которых пойдет речь, следует понимать в веберовском смысле, как идеальные типы. В реальной жизни они внутренне неоднородны, заведомо не исчерпывают всего богатства вариантов

---

³⁷ Материал для этой статьи частично собран в рамках работы над проектом, финансируемым Фондом Герды Хенкель. Я признателен львовскому историку Остапу Середи за ценные замечания к черновому варианту этой статьи.

³⁸ Я сознательно пользуюсь этой довольно неуклюжей формулировкой, с тем чтобы избежать проекции современности в прошлое, т. е. употребления понятий «Украина» и «украинцы» в их современном значении применительно к XIX веку. Подробно о том, какие проблемы для понимания прошлого порождает ретроспективное употребление вошедшего в оборот во второй половине XIX века термина «украинцы» как названия нации, см.: *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000. С. 31–50.

идентификации в обществе и не являются стопроцентно локализованными.

Между украинскостью и общерусскостью

В XVIII и начале XIX века память о Гетманщине и региональный патриотизм в среде малорусского дворянства постепенно слабели. Зенон Когут, наиболее основательный исследователь истории Гетманщины XVIII века, писал: «...Оппозиционные тенденции замедлили, но не остановили интеграцию и постепенную ассимиляцию украинского дворянства в русское имперское дворянство. Несмотря на живучесть некоторых местных традиций, в конечном счете, факторы, способствовавшие интеграции, оказались сильнее»³⁹. В этом замечании все верно, кроме описания данного дворянства как украинского – эти, часто совсем недавно нобилитированные, представители казачьей старшины заведомо не думали о себе как о представителях украинской нации.

Национализм в Восточной Европе был разбужен наполеоновскими войнами. Польское восстание 1830–1831 годов весьма убедительно показало, что загнать джина национализма обратно в бутылку с помощью принципа легитимизма не удастся. Именно как реакция на это восстание под покровительством министра просвещения С. С. Уварова формулируется, наиболее четко в работах историка Н. Г. Устрялова, концепция триединой русской нации, объединяющей великорусов, малорусов и белорусов⁴⁰.

Эта концепция общерусской нации охватывала всех восточных славян. Различия между великорусами, белорусами и малорусами трактовались как заведомо менее значимые по сравнению с чертами их родства. Возникновение этих различий объясняли, по преимуществу, вредным польским влиянием и оторванностью попавших под власть Речи Посполитой белорусов и малорусов от их братьев по вере и конструируемой новой общности, нации. Некоторые элементы малорусской (или, как еще писали, южнорусской) специфики могли вызы-

³⁹ Kohut Z.E. The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and Its Integration into the Russian Nobility // *Banac I., Bushkovich P. Nobility in Russia and Eastern Europe*. New Haven: Slavica Publishers, 1983. P. 78, 83.

⁴⁰ У этого проекта строительства триединой русской нации, как и у альтернативных ему проектов, в том числе возникшего несколько позднее украинского проекта, были, разумеется, более древние интеллектуальные корни. Однако о национализме как идеологии и политической стратегии применительно к Российской империи можно говорить только начиная с первой половины XIX века. См.: *Миллер А. Империя Романовых и национализм*. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

вать неподдельный интерес и даже восхищение, но именно как особенности одной из версий русской жизни. Малорусская идентичность в рамках такой системы координат была идентичностью региональной и в качестве таковой могла мирно сосуществовать с общерусской идентичностью.

Проект украинской идентичности как особой национальной идентичности, отрицающий общерусскую концепцию, впервые был ясно сформулирован членами Кирилло-Мефодиевского братства в 1840-е годы. Они видели Украину как самостоятельное политическое образование, возможно в широкой славянской федерации. Николай I прямо связывал возникновение общества с влиянием польской послеповстанческой эмиграции: «Явная работа той же общей пропаганды из Парижа; долго этой работе на Украине мы не верили; теперь ей сомневаться нельзя»⁴¹.

Арест в 1847 году и последующая ссылка членов общества обозначили одну из линий фронта борьбы по вопросу об идентичности, которая сохранится вплоть до краха империи Романовых – между империей и украинскими националистами, которых тогда называли украинофилами⁴². Важнейший пункт новой стратегии идентификации состоял в определении русского языка как «чужого» и в стремлении к эмансипации украинского как универсального медиума «возрождающейся нации». Цензурные инструкции 1863-го и, особенно, 1876 года жестко ограничили сферу дозволенного применения украинского языка, который официально считался народным наречием⁴³. По мнению властей, языком образования и культуры общерусской нации должен был оставаться только литературный русский язык.

---

⁴¹ Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959. С. 118. После поражения восстания 1830–1831 годов часть активистов польского движения отошла от прежней позиции, зеркально повторявшей общерусский проект и считавшей русинов частью польской нации. Они стали пропагандировать идею союза Польши, исторической Литвы и Руси против москалей.

⁴² Об эволюции понятия см.: Миллер А. Украинифильство // Славяноведение. 1998. № 5.

⁴³ Украинский язык в XIX веке как раз совершал эволюцию от наречия к стандартизированному литературному языку, так что и те, кто настаивал на его статусе наречия, и те, кто настаивал на его статусе языка, были, каждый по-своему, тенденциозны. Тексты Валуевского циркуляра 1863 года и Эмского указа 1876 года, а также подробный анализ обстоятельств их принятия см. в кн.: Миллер А. И. Украинский вопрос... О том, как происходил выбор между кириллицей и латиницей для украинского языка, см.: Миллер А., Остапчук О. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // Славяноведение. 2006. № 5. С. 25–48.

В контексте нашей темы важно отметить, что в 1850–1860-е годы, когда возвращенные из ссылки члены Кирилло-Мефодиевского братства уже могли публично заявить о своих взглядах, обозначилась и линия противостояния внутри местного общества. Именно с этого времени мы можем говорить о борьбе малорусской (или общерусской) и украинской версий идентичности на Украине. В октябре 1858 года П. А. Кулиш писал С. Т. Аксакову следующее: «Мы имеем против себя не одно Правительство, но и ваше общественное мнение. Мы имеем против себя даже собственных земляков-недоумков. Нас горсточка, хранящих веру в свою будущность, которая, по нашему глубокому убеждению, не может быть одинакова с будущностью Великорусского народа»⁴⁴.

Разумеется, в обеих ориентациях была масса оттенков. Лишь немногие горячие головы среди сторонников украинской ориентации выступали в XIX веке за немедленное отделение Украины. Некоторые вообще были искренними и последовательными федералистами, как М. П. Драгоманов.

Среди сторонников малороссийской ориентации были люди, выбиравшие ее, прежде всего, как меньшее зло по сравнению с польской угрозой⁴⁵. Но постепенно в этом лагере все больше преобладают убежденные сторонники «общерусской» идентичности. Хотя различия в отношении к малорусской специфике всегда сохранялись – одни ею умилялись и хотели ее сохранить, другие относились к региональной специфике как провинциальности и желали полного слияния с великоруссами. Но враждебное отношение к идее украинской нации, неприятие «украинства» или «мазепинцев» было общим для всего лагеря⁴⁶. Местные, киевские противники украинофильства неизменно играют

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Ед. хр. 1762. Л. 1–2.

⁴⁵ Вот что писал малоросс С. С. Гогоцкий, профессор педагогики Киевского университета, священнику В. В. Гречулевичу, автору одного из многих появившихся в то время украинских букварей, в Петербург в декабре 1859 года: «Мы должны всячески поддерживать единство трех племен Русских, а иначе... Латино-Ляшская партия его (малороссийский народ. – А. М.) сейчас же раздавит или по крайней мере прямо подавит и ассимилирует. Ляхи это отлично понимают, и потому-то они постоянно, под видом искреннейшего благожелания, нашептывают нам, что Малороссия может быть самостоятельной. Нас-то, Западных Малороссиян, обмануть трудно; но Восточные Малороссияне, как я заметил, легко даются и уже дались в обман. Они не замечают того, что Ляхам и Иезуитам только того и нужно, чтобы 1) развить нерасположение в Малороссиянах к Великоруссам; 2) развить мысль об отдельности и 3) вытолкать употребление литературного русского языка. Ляхи очень хорошо знают, что если бы Малороссия оторвалась от Великороссии, то первую, особенно Западную, они схватили бы тотчас же и задушили, как кот мышку» (ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Ед. хр. 1763. Л. 1–3).

важную, порой ключевую роль в инициировании и подготовке всех репрессивных мер, предпринимавшихся имперским центром в борьбе с украинским движением.

В Галиции под властью Габсбургов в среде русинского населения также происходит ожесточенная борьба между разными стратегиями идентификации. Уже в 1850-е годы постепенно сходит на нет привлечательная прежде для части русинской элиты русинско-польская версия идентичности, которая отражена в формуле «gente ruteni, natione poloni», т. е. родом – русин, но польский гражданин⁴⁷. Борьба продолжалась, в основном, между «русофилами», т. е. сторонниками общерусской концепции, и «народовцами», т. е. сторонниками украинской идентичности. Таким образом в Галиции, в других социальных и политических условиях, воспроизводился тот же конфликт, что и в Российской империи. Народовцы постепенно берут верх в последние десятилетия XIX века, хотя русофилы сохраняли заметное влияние и в начале XX века. Расклад сил отчасти объяснялся тем, что здесь имперская власть играла на стороне народовцев, а русофилы подвергались, особенно начиная с 1880-х годов, довольно жестким преследованиям⁴⁸. Кроме того, было важно, что русофильские силы редели за счет оттока представителей этого лагеря в Российскую империю, а украинская ориентация усиливалась за счет притока людей и средств из украинофильской среды в России⁴⁹. Наиболее ярким примером может здесь служить

⁴⁶ Тот же Гогоцкий в середине 1870-х годов полемизирует с украинофилами уже иначе: «Кто в самом деле уполномочивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название Русских и все принадлежности этого названия, в том числе и наш общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и многотрудным процессом нашей истории, и все это заменять чем-то *украинским*, т. е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только *крайнюю местность*... Смешное и жалкое увлечение, будто *украинское* может быть для нас выше и важнее *русского!*» (Русский вестник. 1875. № 7. С.414–415. курсив Гогоцкого). Прозвище «украинофилы», как это часто случается, было с течением времени принято активистами украинского движения как самоназвание, поэтому их противники изобрели новое, заведомо враждебное – «мазепинцы».

⁴⁷ Более характерна с этого времени, причем не только в Галиции, но и в российской Украине, смена польской идентичности на украинскую (историк В. Антонович, митрополит Шептицкий, важный для Украины консервативный политический мыслитель В. Липиньский). Таким людям обычно была присуща пропольская ориентация.

⁴⁸ Вена воспринимала русофилов как действительных или потенциальных агентов Петербурга. Галицийские поляки активно поддерживали это убеждение имперских властей. Чем напряженнее становились отношения с Россией, тем меньше терпимости к русофилам проявляла Вена.

⁴⁹ Himka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus': Ikarian Flights in Almost All Directions // Intellectuals and the Articulation of the Nation / Michael Kennedy and Ronald G. Suny, eds. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1999. P. 109–164.

М. С. Грушевский, сыгравший весьма важную роль в развитии украинского движения в Галиции.

Конфликты между галичанами-народовцами и надднепрянскими⁵⁰ украинофилами случались постоянно. Культурные, в том числе и языковые, различия ощущались современниками порой весьма остро. М. С. Грушевский, обращаясь к активистам украинского движения, в 1906 году недаром ссылаясь на пример сербов и хорватов, предупреждая об угрозе формирования двух разных народов на едином этническом фундаменте⁵¹. Тот же Грушевский чуть позднее жаловался на то, что в Киеве некоторые эмоциональные украинцы бросали на пол в магазине галицийские издания, выражая таким образом неприятие галицийской версии украинского языка⁵². О том же говорил чуть позже и Е. Х. Чикаленко, один из лидеров и главных спонсоров украинского движения в Киеве: «...Антипатия до галичан и всего галицкого, которая заметна у левобережных... действительно существует, и я боюсь, как бы она не развилась еще больше»⁵³.

Будем, однако, помнить, что вплоть до Первой мировой войны разговор о национальной идентичности имеет смысл лишь применительно к элитным группам и части городского населения. Основную же массу составляют крестьяне, в среду которых грамотность и национальные идеи начинают проникать в заметных масштабах лишь в начале XX века. Поэтому конфликты между галичанами и «левобережными», помимо вопроса о том, надо ли заимствовать неологизмы для украинского языка из польского и русского или придумывать свои новые, нередко касались обычных в такой среде вопросов о тактике, о персональном лидерстве, распределении средств и других сюжетов, имеющих лишь косвенное отношение к идентичности. Не дуализм западноукраинской и восточноукраинской идентичности является на тот момент главным, хотя различий между западными и восточными областями было много и они потенциально были чреваты конфликтом. Главная линия раздела и в Галиции, и в российской Украине в начале XX века по-прежнему проходит между общерусской и украинской стратегией идентификации.

---

⁵⁰ Надднепрянскими называют области Украины, прилегающие непосредственно к Днепру. – *Примеч. ред.*

⁵¹ *Грушевський М.* Укrapна і Галичина // Літературно-науковий вісник. XXXVI (1906).

⁵² См.: *Чикаленко Е.* Щоденник. Т 1. 1907–1917. Київ: Видавництво «Темпора», 2004. С. 133.

⁵³ Там же. С. 134.

После революции 1905 года, которая принесла заметное расширение политических возможностей, противостояние этих лагерей в Российской империи обостряется и приобретает новые, более явные организационные формы. Теперь есть, пусть и довольно чухлая, украинская пресса, включая ежедневную газету «Рада». Наряду со старыми подпольными «Громадами» украинцы создают, тоже подпольное, «Товарищество украинских прогрессистов», уже больше похожее на политическую партию. Противники украинства тоже имеют свои газеты («Киев», «Киевлянин»), а также организацию – киевский «Клуб русских националистов» во главе с местными уроженцами Д. И. Пихно и А. И. Савенко. Если Кулиш в свое время жаловался на «земляков-недоумков», то Чикаленко в своем «Дневнике», который представляет собой великолепный источник для понимания атмосферы и обстоятельств украинского движения того времени, пишет уже о своих оппонентах: «вражьи землячки», «наши перевертни, которые зовут себя русскими националистами», «черносотенные малороссы»⁵⁴. Иллюзий по поводу просвещения «недоумков» он уже не питает.

Разумеется, основная масса образованной публики не принадлежит ни к одному из этих полюсов. Чикаленко в своих дневниках дает описания таких людей, которых он старался обратить в правильную веру и привлечь к движению. «Родом он черниговец, но из-за того, что всю жизнь прожил за пределами Украины, он воспитался, как и большинство украинских интеллигентов, на общеросса»⁵⁵. «Он, без сомнения, испытывает стихийную любовь к украинству, но в возрождение нашей нации, очевидно, не верит, да и не думал никогда об этом. Он с отвращением относится к украинскому литературному языку, считает его калечением милой его сердцу народной мовы, хотел бы, чтобы газета писалась мовой Шевченко, Котляревского, а в тех случаях, когда слов не хватает, следует брать, по его мнению, всем уже известные русские слова»⁵⁶. А вот как Чикаленко оценивал ситуацию в 1909 году в целом: «Города наши так омосковлены, что очень, очень малый процент населения вообще проявляет какой-либо интерес к украинству... Обычный городской обыватель, который кое-как умеет говорить крестьянской украинской мовой, не выпишет нашей газеты, потому что он лучше понимает газету российскую, да она и даст ему больше новостей, и эти новости будут свежее»⁵⁷.

---

⁵⁴ Чикаленко Е. Указ. соч. С. 93, 188, 256.

⁵⁵ Там же. С. 319 (о И. М. Полторацком).

⁵⁶ Там же. С. 68 (о И. Д. Яновском).

⁵⁷ Там же. С. 47–48.

Вопрос о том, как могла бы развиваться борьба сторонников общерусской и украинской идентичности в условиях стабильного развития империи, навсегда останется без ответа. Ясно, по крайней мере, что в среде украинских активистов совсем не было в то время ожиданий значительных успехов в обозримом будущем.

Войны и революции 1914–1921 годов – идентичность в эпоху слома

Неверно понимать развитие национальной идентичности по аналогии с постепенным и неуклонным созреванием плода, и не только потому, что плод может и не созреть. В определенных обстоятельствах процессы формирования национальной идентичности развиваются взрывообразно, охватывая заметно более широкие, чем вчера, слои населения. В условиях спокойной жизни национальная идентичность для большинства людей – периферийная тема, но в кризисные эпохи она превращается в ключевой элемент стратегии выживания не только социальных групп, но и индивидов. Именно так развивались события после начала Первой мировой войны.

В ходе мировой войны природа всех этнических проблем радикально изменилась. Великие державы стали жестко подавлять потенциальных союзников врага у себя в тылу и использовать поддержку национального сепаратизма в лагере соперника без ограничений, характерных для предшествующего периода, когда они больше были озабочены сохранением определенной солидарности между империями в борьбе с национальными движениями. Российская оккупация Галиции в 1914–1915 годы сопровождалась гонениями на украинских активистов, а австрийские власти создали даже специальные концентрационные лагеря для русофильски настроенных русинов. «Неправильная» этничность или идентичность сама по себе могла теперь стать достаточным основанием для ареста, депортации, экспроприации имущества, «правильная» – источником неожиданных преимуществ. Немецкие власти, а за ними и австрийцы создавали особые, привилегированные лагеря для военнопленных-украинцев, которых часто приходилось убеждать в том, что они именно украинцы. Там с ними сначала работали пропагандисты из Галиции, а когда обнаружилось отчуждение выходцев с «русской» Украины от галичан, пропагандистов рекрутировали уже среди выходцев из надднепрянских областей.

На оккупированных в 1915 году территориях немецкие власти разрешили местные языки и запретили использование русского в образо-

вании, печати и администрации. «Иерархия» языков, установленная в Российской империи, была перевернута. Это, разумеется, не меняло тотчас языковую ситуацию с точки зрения распространения языков, но имело далеко идущие символические последствия – впервые возникла ситуация, в которой владение местными языками окраин давало индивидам существенные преимущества⁵⁸. Успехи немцев и поражения русской армии привели к тому, что идея отдельного от России существования Украины под покровительством Германии с 1916 года уже перестала казаться фантастической.

Как следствие, уже в 1915 году Николай II впервые употребляет в публичном документе понятие «украинцы» в положительном контексте и благодарит их за лояльность⁵⁹. В Петербурге к тому времени поняли, что России следует бороться за симпатии украинцев в новых условиях, когда армия терпит поражения, а к прежним участникам игры – полякам, Вене, Ватикану – присоединялась Германия. Власти воюющих империй теперь направляли на поддержку национальных движений невиданные прежде ресурсы.

После Февральской революции 1917 года по приказу Верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова начинается украинизация и белорусизация армейских частей. Корнилов надеялся таким образом предохранить эти части от большевистского влияния и в то же время мог рассматривать эту меру как ответ на активность Германии в украинском и белорусском вопросе. Вот как вспоминал в 1919 году об этих событиях бывший гетман Украины, а в 1917 году лояльный генерал империи П. П. Скоропадский, которому Корнилов поручил украинизацию вверенного ему корпуса: «Корнилову я ответил, что только что был в Киеве, где наблюдал украинских деятелей, и на меня они произвели впечатление скорее неблагоприятное, что корпус впоследствии может стать серьезной данной для развития украинства в нежелательном для России смысле и т. д. Легкомысленное отношение Корнилова к этому вопросу показало мне его неосведомленность и непонимание»⁶⁰.

⁵⁸ Французы, оккупировавшие Новороссию в 1919 году, проводили такую же политику. О культурной политике Германии на оккупированных территориях есть хорошая монография: *Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity, and German Occupation in World War I.* Cambridge, 2000.

⁵⁹ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. С. 183.

⁶⁰ *Скоропадський П.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Кіпів; Філадельфія, 1995. С. 64. О своем детстве и семье Скоропадский вспоминал так: «Украина понималась как славное родное прошлое, но отнюдь не связывалась с настоящим, другими словами, никаких политических соображений, связанных с восстановлением Украины, не

Большевистский переворот фактически уничтожил тот легитимный центр в Петербурге, с которым окраинные движения собирались торговаться по поводу широты их федеративных или автономных прав, и заставил задуматься о независимости многих из тех, кто прежде не рассматривал ее как серьезную перспективу. В украинском национализме многие, в том числе даже русские деятели, видели силу, способную остановить продвижение большевиков на юг.

Пересказать перипетии событий на Украине в 1917–1920 годах в рамках статьи невозможно. Достаточно напомнить, что власть в Киеве за это время 14 раз переходила из рук в руки. Режим Центральной рады сменился гетманством Скоропадского, затем Директорией Петлюры. На востоке, с центром в Харькове, в это время существует Украинская Советская республика, а в Галиции отдельная Западно-Украинская Народная Республика.

Петлюра, потерпев поражение, перешел на сторону поляков, а галицкие украинские части, проиграв в марте 1919 года полякам битву за Львов, присоединились к Деникину⁶¹. Красная Армия добивала Врангеля в союзе с армией Махно, в подавляющем большинстве состоявшей из украинских крестьян. Так в 1919–1920 годах разные военные формирования украинцев оказались на стороне Польши, белых, большевиков, что прекрасно иллюстрирует, насколько причудливыми были раздели и союзы, возникавшие здесь на почве переплетения различных национальных и социальных ориентаций.

За неполные семь лет с начала Первой мировой до конца советско-польской войны миллионы людей на Украине стали объектом украинской, немецкой, австрийской, польской, французской, российской, большевистской пропаганды, обращавшейся к ним как к украинцам. Им обещали землю, порядок и защиту от большевизма в независимой Украине, светлое коммунистическое будущее в Советской Украине, и так далее. Эти люди служили в разнообразных украинских частях, сидели в украинских лагерях для военнопленных. Когда историки говорят о том, что XIX век кончился в 1914 году, они имеют в виду и взрывное распространение в эти годы идей национализма и националистических механизмов идентификации.

было. Моя вся семья была глубоко предана российским царям, но во всем подчеркивалось как-то, что мы не великороссы, а малороссияне, как тогда говорилось, знатного происхождения» (*Скоропадський П. Мое дитинство на Україні // Скоропадський П. Спогади. С. 387*).

⁶¹ Подробнее см.: *Шанковський Л. Українська Галицька Армія. Львів, 1999.*

Две украинские идентичности

Современная оппозиция «западноукраинской» и «восточноукраинской» идентичности сформировалась в XX веке, прежде всего под влиянием опыта межвоенного периода. Описание этой оппозиции как отражающей разницу между Западной Украиной – наследницей более толерантной, демократической и либеральной традиции Австро-Венгрии, и надднепрянской Украиной – жертвой авторитарной традиции и русификаторской политики империи Романовых, представляет собой ошибку или сознательную манипуляцию. Во-первых, то, что сегодня называется Западной Украиной на современных электоральных картах, состоит не только из бывших австрийских владений. Сюда входит и Волынь, которая никогда под властью Габсбургов не была. Во-вторых, не все бывшие австрийские владения голосуют и вообще ведут себя по модели Западной Украины. Закарпатье с Ужгородом, Буковина с центром в Черновцах были частью Австро-Венгрии, но в своем политическом поведении они явно отличаются от Галиции.

Между тем Восточная Галиция и Волынь вместе входили в состав межвоенной Польши, а Закарпатье и Буковина – нет. Именно во второй Речи Посполитой начал формироваться тот тип украинского национализма, который характерен для Западной Украины. Польско-украинские отношения в межвоенный период были довольно напряженными. Остро стоял вопрос о «национальной собственности» на Восточную Галицию с центром во Львове. Все более обострялась в связи с активной польской колонизацией борьба за землю на Волыни. Сторонники поисков компромисса были как с польской, так и с украинской стороны. Однако с украинской стороны это предполагало серьезные уступки, в частности признание не только Западной, но и Восточной Галиции частью Польши. Непримиримы националисты нередко прибегали к террору, причем не только против поляков, но и против своих «отступников». В 1929 году возникает ОУН (Организация украинских националистов), которая считала насилие легитимным способом политической борьбы и осуществила еще до войны сотни актов саботажа и диверсий, а также по крайней мере шесть десятков политических убийств. Членами организации (максимальная численность – около 20 тыс.) были в основном молодые люди, гимназисты и студенты, а на первом этапе также часть бывших офицеров разных украинских армий 1918–1920 годов. ОУН во многом сформировала этос молодого поколения межвоенного периода. В этом этосе отчаянная готовность к самопожертвованию во имя нации сочеталась с такой же жестокостью к тем,

кто мешал ее воплощению действием или самим своим присутствием на «украинской национальной территории».

В то же время даже в 30-е годы, когда авторитарные тенденции в польской политической жизни усилились, у украинцев оставалось много легальных возможностей для деятельности национальных организаций. Навыки национальной мобилизации у галичан были сильнее еще в период Австро-Венгрии, прежде всего за счет деятельности униатского духовенства, но именно в межвоенный период пути востока и запада в этом аспекте разошлись кардинально. Советская социальность никак не была похожа на ту школу национальной самоорганизации, в том числе легальной, которую западноукраинцы получили в межвоенной Польше.

Межвоенный период стал в Восточной Европе временем перехода к всеобщему школьному образованию. Школа – мощнейший механизм массовой индоктринации, причем опыт первого грамотного поколения оказывается особенно важен, потому что с грамотностью общество приобретает новые каналы межпоколенческой трансляции мифов и идентификационных установок. В Польше работали украинские школы. Важной составляющей индоктринации в этих школах были антисоветские и антирусские представления, что вполне соответствовало идеологической ориентации польской государственной власти. Здесь, прежде всего на Волини, были активны в общественной жизни ветераны петлюровских войск, совсем недавно сражавшиеся и с белыми, и с красными русскими.

Широко распространен в западноукраинской среде был модерный (именно потому, что это не традиционный антииудаизм или антисемитизм XIX века) антисемитизм, который отчасти был связан с антисоветизмом (образ «жидокоммуны»), отчасти питался общим для значительной части и поляков, и украинцев того времени взглядом на евреев как на капиталистических эксплуататоров.

В этих условиях и формируется часто радикальный в методах борьбы этнический украинский национализм, для которого и поляки, и евреи, и русские были не просто «иные», но «чужие», часто – враги. Многочисленная здесь в габсбургский период русофильская партия сильно пострадала уже в ходе Первой мировой войны, а теперь окончательно сделалась маргинальной.

В начале Второй мировой войны украинские националисты в Галичине были готовы к союзу с гитлеровской Германией. Но очень скоро они поняли, что, в отличие от времен Первой мировой войны, немцы теперь не готовы обсуждать перспективу создания, пусть даже зави-

симого от рейха, украинского государства⁶². Фактически, в ходе войны националисты Западной Украины воюют против всех – против Советов, против поляков, против евреев и даже против немцев. Понимание того, что победа невозможна и союзника-патрона, на которого следовало бы оглядываться, нет, подталкивает к самым радикальным действиям. Просто во время большой войны имперских армий идет еще местная война, в которой землю, которую западноукраинцы считают своей, «чистят» и от евреев, и от поляков⁶³. Отсюда печально знаменитая волынская резня 1943 года, когда беспримерная жестокость, с которой отряды Украинской повстанческой армии убивали десятки тысяч поляков, должна была подтолкнуть остальных к бегству.

Борьба украинского подполья продолжалась до конца 1950-х годов уже против советской власти, нередко представленной этническими украинцами с востока, и против тех местных, кто шел с ней на сотрудничество. Ситуация вооруженного националистического подполья, воюющего против всех и даже против украинцев, если те проявляют склонность к компромиссам с кем-либо, вела к дальнейшей радикализации движения. Именно в эту эпоху и в эти реалии уходят корни современного западноукраинского национализма, с его жесткой этнической привязкой, с мощными мобилизационными механизмами, с отношением к более «мягко» настроенным соотечественникам как к «коллаборантам» и отступникам. Тогда же загнанная советской властью в подполье униатская церковь окончательно закрепляется в роли оплота украинства, которую она во многом обрела в межвоенной Польше⁶⁴.

В определенном аспекте ситуация в Украинской ССР была схожа с ситуацией на украинских землях под властью Польши. В ходе полити-

⁶² Хорошее сравнение оккупационной политики Германии на Украине в ходе мировых войн см. в: *Grelka F.* Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42 // Studien der Forschungsstelle Ostmitteleuropa an der Universität Dortmund. Band 38. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005.

⁶³ Превосходный общий обзор событий, которые автор назвал «гражданскими войнами» в Советском Союзе в ходе Второй мировой войны, см. в: *Rieber A. J.* Civil Wars in the Soviet Union // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003. Vol. 4. № 1. P. 129–162. Наиболее взвешенная интерпретация проблемы участия украинцев в холокосте дана в: *Himka J.-P.* Ukrainian Collaboration in the Extermination of the Jews During the Second World War: Sorting Out the Long-Term and Conjunctural Factors // *The Fate of the European Jews, 1939–1945. Continuity or Contingency? (Studies in Contemporary Jewry. An Annual. XIII)* / Ed. by Jonathan Frankel. New York-Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 170–188.

⁶⁴ Следует помнить, что в XIX веке настолько значительная часть униатских священников была в лагере русофилов, что Вена и Ватикан в начале 1880-х годов были вынуждены организовать тотальную чистку униатского духовенства и провести реформу местных семинарий.

ки украинизации, ставшей специфической частью общей для всего СССР политики коренизации⁶⁵, общерусская и/или малорусская версии идентичности оказались вне закона, в том числе и в буквальном смысле. Утверждается именно украинская идентичность. Ликвидация безграмотности проходит на украинском языке. В 1920-е годы Москва рассматривает УССР и БССР еще и как «выставочные павильоны» национальной политики, стремясь таким образом проецировать свое влияние на восточнославянское население в Польше⁶⁶.

«Общерусскость» и малороссийство могут теперь открыто декларироваться лишь в эмиграции, и здесь они вели арьергардные бои с «расколом общерусской нации». Так, в 1925 году созданное в Праге «Общество студентов малороссов и белоруссов «Единство русской культуры»» выступает с декларацией, включившей в себя все основные идеологемы общерусского проекта. «Мы, малороссы и белоруссы (sic!), не отказываемся от наших народных особенностей, знакомых и любимых нами с детства... Но мы не забываем, что все мы – украинцы, кубанцы, галичане, белоруссы, все – без различия политических убеждений, в то же время и русские наравне с великороссами, как баварцы и саксонцы – немцы, наравне с пруссаками, провансальцы и гасконцы – французы, наравне с бретонцами, тосканцы и сицилийцы – итальянцы наравне с ломбардцами. Для нас ясно, что великая Россия не равнозначна Великороссии. Над созданием общего отечества русских малороссы и белоруссы трудились не менее великороссов... Непонятно поэтому стремление части малороссов и белоруссов... отвернуться от плодов общих с великоруссами культурных усилий предшествовавших поколений, чтобы под новыми именами, следуя новому вероучению, строить здание новой культуры почти с основания... Искусственно возбуждаемое между русскими племенами взаимное отчуждение, направленное на разрушение всего, чем спаян был русский народ в целом, грозит поставить в неминуемую опасность чужеземного засилия не только Россию, но прежде всего свои Украину, Кубань, Белоруссию, Галичину... В полном убеждении, что отрицание русского единства объясняется лишь заблуждением у многих малороссов и белоруссов, которое должно смениться сознанием неизбежности тесного и добровольно-

⁶⁵ Специфика заключалась в том, что в Украине и Белоруссии коренизация в большей степени, чем в других республиках СССР, была связана с демонтажем достижений проекта строительства общерусской нации, с дерусификацией.

⁶⁶ Эта проблематика до сих пор плохо освещена в литературе стран региона. В этой связи особенно важно как можно скорее перевести на русский блестящее исследование американского историка Т. Мартина о политике коренизации в СССР: *Martin T. The Affirmative Action Empire*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001.

го сотрудничества всех ветвей русского народа, мы призываем всех украинцев, кубанцев, галичан и белоруссов, не заглушивших в своей душе чувства кровной и культурной русской связи, к дружной работе, способствующей на будущее время живому, свободному и цельному в своей многогранности единству русской культуры»⁶⁷. Но это уже голоса издалека.

Однако идеологическое наполнение восточноукраинской идентичности существенно отличалось от западноукраинского варианта. Ненависти к русским в школе, разумеется, не учили. Русские и Россия описывались уже как иные, но «свои». В школе говорили об «интернационализме и дружбе народов». Сколько-нибудь существенного националистического подполья не было. В этих условиях формируется украинская идентичность, которая не имеет столь жесткой этнической доминанты, как в ее западном варианте. Образ военного прошлого, многократно отшлифованный советской пропагандой, здесь тоже совсем иной – восточноукраинцы сражались на правой стороне и вместе с русскими.

Здесь граница между русскостью и украинскостью оказывалась пористой, легко пересекаемой не только в межэтнических браках, но и в отдельной биографии. Л. И. Брежнев, например, пока он делает карьеру на местном уровне, в Днепропетровске, по документам – украинец. Но как только его карьера выходит на союзный уровень – он по документам уже русский.

Отношение друг к другу представителей двух разных украинских идентичностей во многом походит на те отношения, которые были между украинцами и малороссами до Первой мировой войны. Украинцы смотрели на малороссов как на объект просвещения и социальной инженерии, как на заблудших и исковерканных чужим влиянием. Так же смотрят на восточноукраинцев западноукраинцы⁶⁸. Если малоросс упрямо настаивал на своей идентичности, а тем более на ее праве быть доминирующей в стране, то он в глазах украинца становился «вражьем землячком», прихвостнем москалей. Так же смотрит западноукраинец на упрямо отстаивающего свою правоту восточноукраинца. В свою очередь малороссы считали украинофилов подпавшими под вредное влия-

---

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 5974. Оп. 3. Д. 5. Л. 6. Фактически в эмиграции оппозиция общерусскости и украинства оставалась актуальной весь межвоенный период. Подробнее см.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. С. 195–203.

⁶⁸ Оговоримся, что в последнее время картина стала более сложной, поскольку Киев после «оранжевой революции» воспринимается западноукраинцами уже иначе, а воплощением восточноукраинскости остались для них Донецк и Харьков.

ние (поляков, Австрии, Германии) и обвиняли их в агрессивном национализме. Так же восточнуукраинцы смотрят на западноукраинцев, обзывая их нациками и считая, что они служат интересам поляков и американцев. Каждая из сторон сегодня претендует на то, что воплощает ценности демократии и модернизации лучше соперника. Западноукраинцы описывают восточнуукраинцев как «совков», а те отвечают на смешками в адрес «рогулей», деревенщины. Обе стороны в своем глазу бревна не видят, обе смотрели и смотрят друг на друга как на «чужих», как на источник угрозы. Что, в общем, не лишено оснований, если исходить из представления, что ситуация такого дуализма идентичностей ненормальна, временна и должна быть разрешена победой какой-то одной идентичности в масштабе всей Украины. Но верно ли исходить из этого?

Сегодня невозможно предсказать, как будут развиваться отношения между сторонниками двух украинских идентичностей. Либо они будут стремиться учить оппонентов, как жить, и тогда нестабильность и угроза раскола страны будет сохраняться, либо они будут учиться жить друг с другом, и тогда радикалы по обе стороны будут постепенно маргинализированы, а страна обретет качественно новую стабильность.

«Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны⁶⁹

Понятие *малоросс* (*малорус*) — необычайно сложный и интересный предмет для исследования. Сложность его обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, *малоросс* — понятие, использовавшееся как для самоидентификации и репрезентации определенной группы, так и для идентификации этой группы извне, причем в тот период времени и на том пространстве, где стратегии идентификации были полем ожесточенной борьбы в сложных структурах взаимодействия с большим числом акторов. Поэтому *малоросс* и производные от него понятия функционируют в нескольких взаимосвязанных, но существенно отличных контекстах. Во-первых, можно говорить о «внутреннем» дискурсе, то есть о дискурсе в той среде, которая идентифицирует и репрезентирует себя с помощью понятия *малоросс*. Во-вторых, есть несколько дискурсов о *малороссе* «извне», то есть в среде немалороссийской — прежде всего это великорусский и украинский дискурсы, которые будут предметом нашего рассмотрения, но также и польский дискурс, который мы вынуждены оставить за рамками статьи. С определенного времени для части самой группы, члены которой идентифицировали себя как *малороссов*, понятие *малоросс* утрачивает свою легитимность и заменяется понятием *украинец*. Это, в свою очередь, вызывало сопротивление, порой весьма ожесточенное, как среди тех, для кого *малоросс* оставался легитимным понятием самоидентификации, так и со стороны официальных властей империи и русского общественного мнения. Все это придает понятийной ситуации необычайное напряжение и динамику. Особенность русского дискурса о малороссе состоит в том, что сами понятия великоросс, русский, общерусский приобретают тот или иной смысл в зависимости от интерпретации понятия малоросс. В XVIII — начале XX в. понятие малоросс пережило несколько кардинальных трансформаций, становилось не только оспариваемым, но и прямо «боевым». Это особенно характерно для XX в., причем и для украинского, и для русского дискурса (в том значении, которое понятия русский и украинский приобрели к тому времени). Политически нагруженным, причем сугубо негативным смыслом, понятие малоросс оста-

---

⁶⁹ Написано в соавторстве: А. Котенко, О. Мартынюк, Алексей Миллер

ся в украинском дискурсе и сегодня⁷⁰, что, конечно, затрудняет изучение понятия в исторической перспективе, но одновременно делает эту задачу еще более захватывающей. Через изучение понятия малоросс, которое очень сильно меняло свое содержание не только во времени, но и в параллельно существовавших дискурсах идентичности, мы неизбежно затронем целую группу других важных идентификационных понятий — украинец, великорус, русский, общерусский, кацап, хохол и т.д.⁷¹

Рождение малоросса

Семантическое поле понятия малоросс сложилось задолго до XIX в. Первыми важными терминами были русь или русины, как называлось в письменных источниках население древней Руси. Как подчеркивает Н.Н. Яковенко, этноним русины оставался вне конкуренции в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском для обозначения местного населения бывшей Руси до середины XVI в., когда параллельно появились и начали употребляться их новые и «латинские» формы Ruthenia/Ruthenus (Рутения/рутены) и Roxolania/Roxolanus (Роксолания/роксоланы). В 1580–1590-х гг. к ним добавились эллинизированные Россия и народ российский⁷². Еще один неологизм из греческого, Малая Россия, появился на свет в XIV в. и сначала употреблялся для обозначения польской части Киевской митрополии, а после 1648 г. — для обозначения территории казацкой Гетманщины. Он особенно вошел в оборот во второй половине XVI в., но поначалу имел сугубо эк-

⁷⁰ См., например, статью: Малороссийство // Довщник з кторц Украши. К., 2001. С. 447.

⁷¹ Констатируя, что эта поистине огромная тема недостаточно изучена и страдает от идеологизации, а также декларируя наши намерения подготовить вскоре более объемное и охватывающее более широкие хронологические рамки исследование, отметим ряд ценных работ, где эта тема уже затрагивалась: *Грушевський М.* Велика, Мала і Бша Русь // *Украша*. 1917. № 1/2. С. 7–19; *Каннелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия—Украина: история взаимоотношений* / Под редакцией А. Миллера. М., 1997. С. 134–135; *Шелухин С.* Украша — назва нашо! земл з найдавших чаав. Прага, 1936; *Яковенко Н.* Вибір імені versus вибір шляху (назви украшсько! територі між юнцем XVI — кінцем XVII ст.) // *Міжкультурний діалог*. Т. 1: ідентичтсть. К., 2009. С. 57–95; *Boeck B.* What's in a Name? Semantic Separation and the Rise of the Ukrainian National Name // *Harvard Ukrainian Studies*. 2004–2005. Vol. 27. № 1–4. P. 33–65; *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge, 2006. P. 299–353. Авторы этих работ зачастую отстаивают разные точки зрения и нередко прямо полемизируют друг с другом.

⁷² Детальный разбор сюжетов, связанных с флуктуацией названий Роксолания, Русь и Малая Россия, см.: *Яковенко Н.* Вибір імені. С. 62–74.

клезиастическое функциональное значение и использовался местным духовенством исключительно во время контактов с Москвой⁷³; во внутреннем же обращении местная элита отдавала четкое предпочтение России для обозначения своих территорий бывшей Руси (без Московии).

В самой Москве жителей православных воеводств Речи Посполитой звали литовцами или черкасами⁷⁴ и поначалу воспринимали откровенно враждебно, причем, как пишет К. Харлампович, такое отношение особенно усилилось после участия черкасов в Смуте⁷⁵. Как элегантно высказался об этих отношениях И. Шевченко, описывая пребывание в 1627 г. в Москве Л. Зизания, «если в 1627 г. украинцы не совсем осознавали своей самобытности, то москвиты им об этом напоминали»⁷⁶. В это же время (1630-е гг.), как пишет Б.Н. Флоря, в сообщениях властей пограничных московских городов впервые для обозначения православных жителей Речи Посполитой появляется термин хохлач, который с 1644 г. уже употреблялся в качестве синонима черкаса, запорожского казака. Автор указывает, что впервые «хохол» появляется в русских свидетельствах в начале XVII в. как «характерная черта облика поляка» — представителя «чужой» веры и «чужого» народа, людей другой, чужой и враждебной веры, признаком чего и служат «украшающие

⁷³ Первый такой опыт случился в 1561 г. и закончился тем, что священник, который прибыл из Киева, был обвинен в «злословии», «подвергся безчестию и злостраданию с досаждением, и различным озлоблениям и поруганию от некоторых людей московских» (*Харлампович К.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 10). То же правило употребления этого термина срабатывало позже и с руководителями казачьего государства. Так, например, Б. Хмельницкий, обычно называя свое государство Украиной, в обращениях к царю, вслед за церковной традицией, употреблял название Малая Русь — см., например: Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. Т. 3. М., 1954. С. 257, 365. Как отмечает Н.Н. Яковенко, со временем религиозное наполнение Малой России среди казачьей старшины стерлось и больше не осознавалось (*Яковенко Н.* Вибір імені. С. 75–81). О раннемодерном «народе руском» и его отличии от «народа московского» в дискурсе Речи Посполитой см., например: *Frick D. Meletij Smotryc'kyj.* Cambridge, 1995. P. 231.

⁷⁴ Последний термин был закреплен за казаками. См., например: Документы Разрядного приказа 1571–1664 гг. в Актах Московского государства. Т. 1–3. СПб., 1890–1901.

⁷⁵ В 1620 г. Московский собор постановил вторично крестить «полуеретических» православных выходцев с юга, так называемых «обливанцев» (*Харлампович К.* Малороссийское влияние. С. 22). Автор указывает, что такое отношение сохранялось вплоть до XVIII в., несмотря на большое количество в Москве священников с юга. Там же. С. IV.

⁷⁶ *SevCenko I.* The Rebirth of the Rus' Faith // Idem. Ukraine Between East and West: Essays on Cultural History to the Early Eighteenth Century. Edmonton, 2009. P. 145.

их «бесовские» хохлы». Представление о том, что «хохол» — неременный признак католика-поляка, должно было оказаться несостоятельным при усилении контактов между Москвией и Запорожьем, что и произошло в 1630-х гг.⁷⁷

Вместе с тем, уже с XV—XVI вв. в книгах канцелярии великих князей литовских пограничные со степью околицы называются украинами, а местные жители — украинниками или людьми украинными. После Люблинской унии 1569 г. это название переходит из Великого княжества в Польское королевство, сначала закрепившись как самоназвание жителей Киевского воеводства, а после казацких войн середины XVII в. превратившись в самоназвание жителей Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств. Именно в результате этих войн и вызванных ими политических изменений (создание Гетманщины и постепенный отход ее элиты от восприятия Речи Посполитой как своего отечества⁷⁸) Украина начинает использоваться как название казацкого государства, ситуационно выступая в качестве синонима бывшей Руси⁷⁹.

В 1674 г. публикуется подготовленный в среде киевского духовенства «Синописис», который пытался связать Киев и Москву с помощью религии и династии, вместе с тем представив население Мало- и Восточной России как единое целое, назвав его общим славенороссийским христианским народом (касательно киевских времен) или православнороссийским народом (во времена Алексея Михайловича)⁸⁰. Однако, как напоминает З. Когут, эта идея во второй половине XVII в. оставалась лишь одним из целого ряда вариантов оценки связи Малороссии с Велико-

⁷⁷ Флоря Б. Кто такой хохол? // Родина. 1999. № 8. С. 59.

⁷⁸ З. Когут считает, что казацкое отождествление себя с отечеством-Гетманщиной начинается уже с Б. Хмельницкого, вытесняя польско-литовское государство в иерархии ценностей казаков в 1660-х гг. Ф. Сисин пишет, что первым понятие отечества по отношению к Украине употребил в 1652 г. И. Выговский. См.: *Когут З.* Вщ Гадяча до Андрусова: осмислення «отчизни» в українській політичній культурі // Гадячка уті 1658 року: контроль минулого ісучасність. Полтава, 2009 С. 82–89; *Сисин Ф.* «Отчизна» у політичній культурі України початку XVIII століття // Україна модерна. 2006. № 10. С. 9.

⁷⁹ Яковенко Н. Вибір імені. С. 84–93.

⁸⁰ Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа и первоначальных князех богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного великого князя киевского и всея России первейшего самодержца Владимира и о наследниках благочестивыя державы его Российския, даже до пресветлого и благочестивого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца. См.: *Sinopsis / H. Rothe* (Ed.). Kyiv, 168. Facsimile mit einer Einleitung. Cologne, 1983. В XVIII в. «Синописис» был самым распространенным историческим сочинением в России.

россией и их «народов»⁸¹ (а сам автор, как указывает С. Плохий, все так же традиционно называл именно украинские земли Россией, пренебрегая официальной Малой Россией)⁸². Последним примером последовательного употребления словаря первой половины XVII в. стала «Летопись Самовидца», написанная незадолго до событий 1708–1709 гг., то есть до перехода Мазепы на сторону Карла XII и Полтавского сражения. Автор использовал в качестве своих референтов только Украину и украинцев, причем речь шла о стране и населении обоих берегов Днепра⁸³.

Эта ситуация нашла отображение и в изданном в то же время триязычном лексиконе Ф. Поликарпова. Хотя в нем нет отдельных статей о малороссах или украинцах, в некоторых местах автор словаря указывает на отличность последних от московитов. Так, в своем «славянском» предисловии автор, перечисляя разные языки, на которые делится «славянский», указывал среди них, наряду с польским, чешским, сербским, болгарским, литовский (то есть белорусский) и малороссийский. В греческом варианте для этого автор употребляет «ρo1ovik|v, ΡoēmiK|v, oePiK|v, Poulgapik|v, 1iTfaviK|v ipwooaiK|v»; в латинском — «Polonicam, Bohemicam, Serbicam, Bolgaricam, Lithuanicam i Rossiacam», избегая употребления мало- (miK|Og, parvus или minor) в греческом и латинском тексте, называя «малороссийский» язык просторwooaiLK|v/Rossiacam⁸⁴. Таким образом, еще московский «Лексикон» Поликарпова своеобразно подвел итог двум векам употребления термина «русский» для обозначения территории, языка и населения по обоим сторонам Днепра.

Можно предположить, что своеобразный Sattelzeit в понимании малоросса/Малороссии/русского/России наступил в начале XVIII в. Как

⁸¹ Козут З. Питання росшсько-украшсько! односп та украшсько! окремносп в украшськш думцш і культурі ранньомодерного часу // Idem. Коршнш щентичност! К., 2004. С. 144. Примером противоположной «Синопису» точки зрения насчет связи Малой и Великороссии считается «Кройника» Феодосия Софоновича (создана приблизительно в то же самое время, в 1670-е гг.). См.: Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. К., 1992.

⁸² Plokhyy S. The Two Russias of Teofan Prokopovych // Mazepa and his time / G. Siedina (Ed.). Alessandria, 2004. P. 344.

⁸³ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник. К., 1878. Соответственно, вместо «Великороссии» автор употребляет «Московское государство», а «Москвой» называет его население.

⁸⁴ Поликарпов Ф. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллинографических и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. Москва, 1704. Л. В, Г, Д. См. также: SevCenko I. The Rise of National Identity // Idem. Ukraine Between East and West. P. 188.

пишет С. Плохий, после сражения 1709 г. под Полтавой светская и церковная элиты Гетманщины были вынуждены изменить свою политическую ориентацию, отказаться от старых покровителей и найти новых. Для этого выходец из Киева Ф. Прокопович предложил заменить Украину/Малороссию в качестве «малороссийского отечества» и объекта первостепенной лояльности «малороссийского народа» на имперскую Россию. Именно поэтому, как указывает Плохий, в текстах Прокоповича, написанных «киевской» лексикой XVII в., под Полтавой сражаются уже не мало- или великороссияне, но российское воинство, россияне. Таким образом, имперская Россия оказалась поднята на уровень нового отечества всех подданных царя, опустив Малороссию на уровень локальной родины, или просто места рождения местного населения⁸⁵.

Несмотря на эти изменения, в текстах начала XVIII в. все еще продолжалось терминологическое шатание. Так, в «Письмах и бумагах Петра Великого» можно встретить в синонимическом употреблении и черкасов, и малороссийского края людей, и жителей Малой России, и малороссийский народ (причем все они населяли обе стороны Днепра). Единство двух народов (велико- и малороссийского) не воспринималось как этническое, а потому, соответственно, Мазепа представлялся как предатель своего государя (гаранта старых прав и вольностей Украины-Малороссии, который к тому же оборонял ее от «бусурманского и еретического наступления»), своей отчизны, своего народа (малороссийского) и своей веры православной⁸⁶. Утверждения казацких летописей начала XVIII в. о том, что Великороссия с Малороссией — разные земли, населенные разными народами (малороссами и великороссами)

⁸⁵ Plokhy S. The Two Russias of Teofan Prokopovych. P. 349, 359. О последующей имперской карьере «отечества» и его семантического поля см.: Schierle I. «Syn otecestva»: «Der wahre Patriot» // *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit* / P. Thiergen (Hg.). Köln; Weimar; Wien, 2006. S. 347–367.

⁸⁶ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. П., 1918. С. 157; Т. 8. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 241–242, 248; Т. 8. Вып. 2. М., 1951. С. 784. Подобное попеременное синонимическое употребление лексики второй половины XVII в. (Русь / Россия / Малороссия / Рось / Мала Россия / Малая Россия / Малоруссия / Малороссийская Украина / Украина; россияне / москвиты, русь / малоросы / православные / люди украинские / народ малороссийский / народ украинский малороссийский / народ русский) см. у двух авторов послеполтавских казацких хроник Г. Грабянки и С. Величко: *Грябянка Г. Действия презельной и от начала поляков кравашой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского, с поляки, за найяснейших королей полских Владислава, потом и Каземира, в року 1648, отправоватися начатой и за лет десять по смерти Хмельницкого неоконченной*. К., 1854; *Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке*. Т. 1–3. К., 1848–1855.

и объединенные одним царем, а потому претендующие на все свои «старинные» права и свободы, нашли продолжение во второй половине

XVIII в. в разного рода документах и текстах, созданных представителями казацкой элиты, которая постепенно все более инкорпорировалась в элиту имперскую (именно так, в частности, представлял себе отношения двух героинь своего текста С. Дивович, автор «Разговора Великороссии с Малороссией» (1762), в котором «Малороссия» объясняет «Великороссии», что они всего-навсего «смежные страны» и что она добровольно перешла под власть одномоментного царя, после чего предоставляла царю «важные услуги», а потому заслуживает благодарности и справедливого отношения со стороны Великороссии⁸⁷). В то же время постепенно прививалась и концепция Прокоповича. Например, автор «Замечаний до Малой России принадлежащих» (началов.) всячески превозносил изменения в Гетманщине времен Екатерины II и показательно сравнивал Б. Хмельницкого с Е. Пугачевым⁸⁸.

Как и в случае с Прокоповичем, не вполне ясно, была ли распространенной такая точка зрения, или же она оставалась сугубо индивидуальной. Скорее всего, большинство элиты бывшей Гетманщины оставалось верной взглядам автора «Истории Русов». Автор «Истории...», в продолжение традиции казацких летописей начала XVIII в., сознательно противопоставлял два разных народа, которые имеют разное происхождение (русы, руснаки, роксоланы, россы, контрамосковиты, мосхи) и населяют разные территории⁸⁹. «История Русов», объединив своих предшественников, подчеркивала отдельный «отечественный» статус Малороссии для ее народа русов, хотя и не ставя при этом вопрос об отделении от империи. Именно это сочинение, изданное впервые только в 1846 г., смогло, распространяясь до того в рукописях, донести понятия казацкой старшины до поколения 1840-х гг., которое начало осуществлять совершенно иной по направленности модерный национальный проект.

⁸⁷ См.: *Петров Н.* Разговор Великороссии с Малороссией // Киевская старина. 1882. № 2. С. 313–365, а также: Историческое известие на каком основании Малая Россия была под республикою Польскою // Украшський археографічний збірник ВУАН. 1928. 1. С. 147–161; Возражение депутата Полетики на наставления Малороссийской коллегии господину же депутату Дмитрию Натальину // ЧОИДР. 1858. № 3. С. 71 – 102.

⁸⁸ Замечания до Малой России принадлежащие // ЧОИДР. 1848. № 1. С. 1–55.

⁸⁹ История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского архиепископа Белорусского. М., 1846. С. 2–3. Лучшей на сегодня попыткой разобраться в обстоятельствах создания текста и найти его автора представляется статья: *Plokhyy S.* Ukraine or Little Russia? Revisiting an Early Nineteenth-Century Debate // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. № 3–4. P. 335–353.

Таким образом, можно сказать, что понятие малоросс появляется в русском языке под влиянием Киева на рубеже XVII—XVIII вв. Именно в XVIII в. в русский язык постепенно проникают малороссияне/малороссийцы/малороссиянцы/малороссы в типичном раннемодерном географическом (не этническом!) значении жителей, уроженцев Украины/Малороссии.

Уничжительным вариантом понятия было малороссийчик⁹⁰. В XIX век малоросс входит как понятие, обозначающее население Малороссии, левого берега Днепра, соединенное с великороссами общим суверенным и религией, но ни в коем случае не этнически или же исторически.

Романтизация малоросса в начале XIX в.

Несмотря на присоединение территорий и населения по правому берегу Днепра в результате разделов Речи Посполитой, существенных изменений в понятии малоросс не произошло. Термины малоросс/украинец/южнорусс все так же бессистемно употребляются как синонимы в своем значении XVIIIв. — для обозначения населения определенной территории, преимущественно на левом берегу Днепра.

П. Бушкович говорит об украинофильской атмосфере в имперской культуре 1790—1850-х гг., при которой местный (малорусский) патриотизм и культурная лояльность империи не воспринимались антагонистически⁹¹. Анализируя журнальные публикации первой половины

⁹⁰ Примеры см. в Словаре русского языка XVIII в. (Вып. 12. СПб., 2001. С. 35, 49). Как пишет Е. Погосян, на это же время приходится и широкое вовлечение в обиход официальной культуры названия «Россия» как синонима «Руси» (иногда, например в «Истории» В. Татищева, с разной темпоральностью — первое понятие касалось современных Татищеву событий, второе же — древнего прошлого («древняя Русь» vs. «современная Россия» (с XVIв.)), а также производных от России россов в смысле русских, впервые употребленных в этом значении в 1682 г. Начиная с первой четверти XVIII в. Русь как синоним России отживает свое, и уже в середине XVIII в. М.В. Ломоносов (а за ним и остальные историки) используют в подавляющем большинстве названия россияне, Россия (а для далекого прошлого — россы), таким образом, признавая древний и современный им народ российский одним и тем же. Детальнее об этом см.: Погосян Е. Русь и Россия в исторических сочинениях 1730—1780-х годов // Россия. Вып. 3 [11]; Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века / Сост. Н. Мазур. М., 1999. С. 7—19; Крестова Л. Отражение формирования нации в русской литературе XVIII в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958. С. 253—296.

⁹¹ Восприятие Малороссии как составляющей части пары в дихотомии локальной родины и более широкого отечества встречается, например, у Н. Маркевича («Отечество выше родины; она только часть его; но для чьей души нет родины, для того нет и отечества» — эпиграф к его сочинению «Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян» (К., 1860)) или же у П. Кулиша: «Любовь к родине есть лучшее ос-

XIX в., он выделяет два этапа отношения к малороссам/украинцам. На протяжении первого (1800—1830 гг.) умы образованной публики занимали преимущественно вопросы армии и государства, а не этносов, его населяющих. Самым важным периодическим изданием в это время считался карамзинский «Вестник Европы», ведомый наставлением своего основоположника о том, что «все народное ничто перед человеческим; главное дело быть людьми, а не славянами», а потому у «карамзинистов» интерес к Малороссии/малороссам появлялся только как к частному примеру более общих проблем. В частности, «Вестник Европы» впервые печатал речи лидера левобережной казацкой старшины и апологета превращения Малороссии в шляхетскую республику Г. Полетики о патриотизме, которые для его редакторов были частным примером дворянской чести и просвещения во всей империи. По мнению Бушковича, то же дружественное отношение, разве что с разной степенью заинтересованности, было характерно и для других журналов. В результате этого, и не в последнюю очередь благодаря романтическому «открытию» Малороссии во многих «сентиментальных травелогах» путешественников из Великороссии⁹², до 1830 г. в русских взглядах на южные территории складывается устойчивый шаблон: для представителей образованного общества это был преимущественно нецивилизованный любопытный руссоистский мир (Юг, «наша Италия», хотя в некоторых версиях — Швейцария или Шотландия), населенный просвещенными патриотами-дворянами, а также изобретательным и добродетельным крестьянством⁹³.

Точно так же, как часть общерусского патриотизма, воспринималось и историческое прошлое, а частные попытки его присвоить вызывали иронию. Именно потому вопросы о старине казались смешными малорусским интеллигентам 1820-х, например Г.Ф. Квитке:

Нет, никто мне не говори, где именно Россия! — восклицает постаревший Трофим Миронович, вспоминая прежние моды. — Спорю и утверждаю, что у нас, в Малороссии. Доказательство: когда россияне были еще славянами (это, я не помню, где-то читал), то имели отлич-

---

нование любви к отечеству» (Записки о Южной Руси. Т. 2. СПб., 1857. С. VI).

⁹² О «сентиментальных» путешествиях в Малороссию и романтизме см.: Сиповський В. Украша в росшському письменстві! К., 1928. С. 17—57; Толочко О. Києво-руська спадщина в кторичній думці Украши початку ХІХ ст. // Украшсью проекти в Росшськш Їпері / В. Верстюк та ш., ред. К., 2004. С. 266—310.

⁹³ Bushkovitch P. The Ukraine in Russian Culture, 1790—1860: The Evidence of the Journals // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1991. № 3. P. 341—349. Похожие оценки см.: Luckyj G. Between Gogol' and Shevchenko. Munchen, 1971; История Русов... С. 69—75.

ные меды и только их и пили. Когда такому народу хотелось попить меду, то они ехали к славянам. В Великой России таких медов, как у нас, в Малороссии, варить не умеют; следовательно, мы — настоящие славяне, переименованные потом в россияне⁹⁴.

В это время появляются и такие публикации, как, например, утверждения Н.А. Полевого, который, принимая карамзинские идеи предыдущего поколения о том, что малороссы — «наши», подчеркивал в то же время, что они — «не мы»; что хотя «доныне Малороссияне только исповедуют Греческую веру, говорят особенным диалектом Русского языка и принадлежат к политическому составу России, но по народности вовсе не русские»⁹⁵.

Наиболее радикальной попыткой изменить значение понятия малоросс в первой трети XIX в. была «Русская правда» П.И. Пестеля, сочинявшаяся, обсуждавшаяся и принятая в качестве программы Южного общества, то есть на территории Украины, на съезде в Киеве в 1823 г. В частности, он писал:

...племя Славянское, Коренной Народ Русской составляющее, имеет пять оттенков: 1) Собственно так называемые Россияне, населяющие Губернии Великороссийские; 2) Малороссияне, населяющие Черниговскую и Полтавскую Губернии; 3) Украинцы, населяющие Харьковскую и Курскую Губернии; 4) Жители Киевской, Подольской и Волынской Губерний, называющие себя Руснаками, и 5) Белорусцы, населяющие Витебскую и Могилевскую Губернии⁹⁶. <...>

Коль скоро же сего различия существовать не будет, то и вовсе никакого в государственном отношении существовать не может, ибо: 1) язык везде один и тот же: различны одни только наречия, а сии даже и в самых Великороссийских губерниях не везде одинаковы, да и нету того большого народа, коего бы язык не имел различных наречий; 2) вера одна и та же, православная во всех губерниях, как в великороссийских, и хотя в некоторых местах униатство еще исповедуется, но оно ничто иное есть, как слабый остаток соблазна, Флорентийским собором предложенный, иноземным насилием в несчастные те времена введенный и ежедневно более и более искореняющийся. <...> 3) Гражданское состояние в сих губерниях совершенно одинаково с таковым в Великороссийских губерниях, ибо те же сословия с теми же правами существуют⁹⁷.

⁹⁴ Цит. по: *Зубков С.* Русская проза Г.Ф. Квитки и Е.П. Гребенки. К., 1979. С. 121.

⁹⁵ *Полевой Н.* Малороссия; ее обитатели и история // Московский телеграф. Сентябрь 1830. № 17–18. С. 86, 229.

⁹⁶ Русская правда. Гл. 2, § 3 // Восстание декабристов: Документы. Т. 7. М., 1958. С. 138.

⁹⁷ Там же. С. 139.

Из этого Пестель делал вывод:

*...никакого истинного различия не существует между разрядами Коренной Народ Русский составляющими, и что малые оттенки замеченный должны быть слиты в одну общую форму. А по сему постановляется правилом чтобы всех жителей населяющих Губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую истинными Россиянами почитать и от сих последних никакими особыми Названиями не отделять*⁹⁸.

Таким образом, полная ассимиляция малорусов и белорусов провозглашалась первоочередной задачей наиболее радикального проекта превращения империи в «единую и неделимую» нацию, разработанного в России в XIX в.

Власти империи, разумеется, были более осторожны в своей политике, но отчасти идеи Пестеля в отношении малорусов и белорусов разделяли. Министр народного просвещения С.С. Уваров, сделавший народность частью своей знаменитой триады, особо покровительствовал историку Н.Г. Устрялову, который в 1830-е г. создал версию русского исторического нарратива, в ряде ключевых элементов остававшуюся неизменной вплоть до краха империи. История государства у Устрялова оказывалась меньше истории народа, поскольку в течение длительного времени государство не включало Западной Руси, то есть территории Великого княжества Литовского⁹⁹. В свою очередь, этот тезис позволил Устрялову дать новое историческое обоснование претензиям на земли, аннексированные в ходе разделов Речи Посполитой, как на русскую национальную территорию и, соответственно, на малороссов как на «русское население», что точно соответствовало уваровской политике в этом вопросе после восстания 1830—1831 гг. По Устрялову, в искажении представлений о Великом княжестве Литовском, в затушевывании его «русской природы» виновны поляки, «которые, поработив впоследствии лучшую часть русской земли, старались изуродовать и историю ее»¹⁰⁰. Во второй половине XIX в. эти идеи постепенно превратились в догму русского национализма.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Устрялов имел в виду Великое княжество Литовское до унии с Польшей, то есть княжество с поднепровскими землями. См.: *Устрялов Н.Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839.

¹⁰⁰ *Устрялов Н.Г.* О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. С. 72. Пестель объясняет происхождение различий между этими, как он говорит, «оттенками Русского Народа» сходно с Устряловым: «иноземное насилие в несчастный времена» (Русская правда. Гл. 2, § 3 // Восстание декабристов: Документы. Т. 7. С. 139).

После 1830 г., частично под влиянием польского восстания, но главным образом из-за идей народности, которые распространяются в это время, в имперских периодических изданиях появляется большое количество статей о русской истории и этнографии, а особенно (и здесь польский импульс был весьма важен) — об украинцах/малороссах, тексты (о) которых становятся своего рода аргументами против поляков¹⁰¹. Именно в это время издаются второй сборник украинских (уже не малороссийских, как первый) песен М.А. Максимовича (повлиявший на П.А. Кулиша и Н.И. Костомарова), второе и третье (1830, 1842) издание «Истории Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского, балансирующие на грани истории и фольклористики фальсификаты И.И. Срезневского «Запорожская старина» (1833–1938), а также сильно повлиявшая на Т.Г. Шевченко «История Малороссии» Н.А. Маркевича (1842–1843). В общий контекст эпохи вполне вписывались знаменитые слова Н.В. Гоголя в письме к А.О. Смирновой от 24 декабря 1844 г.:

...какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве¹⁰².

Борьба украинца с малороссом

Баталии по поводу статуса малорусского языка/наречия не утихали в течение всей второй половины XIX и начала XX в.¹⁰³ Часто в контексте этих споров использовалось понятие общерусский язык¹⁰⁴. Новый

¹⁰¹ Bushkovitch P. The Ukraine in Russian Culture. P. 349–361.

¹⁰² Гоголь Н. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1952. С. 418–419.

¹⁰³ Некоторые вполне антиукраинские авторы пользовались попеременно понятиями «язык» и «наречие», но неизменно говорили о малороссийском языке/наречии. См.: Флоринский Т.Д. Малорусский язык и «украинско-русский» литературный сепаратизм. СПб., 1900. Перепечатан в: Украинский сепаратизм в России. М., 1998. С. 330–384.

¹⁰⁴ См., например: Михальчук К. Что такое малорусская (южнорусская) речь? // Киевская старина. Август 1899. С. 135–195. Позднее Струве придавал большое значение понятию общерусский, говоря об общерусской культуре и общерусском/русском языке, и подчеркивал: «...в нашем споре самое употребление термина «великорусский» опасно и нежелательно: оно вводит в заблуждение, что та культура и тот язык,

импульс дискуссии получили в 1904 г., когда комиссия, работавшая под эгидой Академии наук, признала украинский самостоятельным языком. Это несколько убавило категоричности в высказываниях противников украинского движения, но отнюдь не прекратило полемику. Академик А.И. Соболевский в 1907 г. рассуждал так:

*Одни знатоки говорят, что <...> малорусский и великорусский языки — два разных славянских языка, другие настаивают на значительной близости этих двух языков и называют их только наречиями русского языка <...> здесь огромное значение имеют политические убеждения говорящих*¹⁰⁵.

«Понятийная война» захватила и Галицию. Употребление нескольких версий национальных самоназваний в Галиции было связано с борьбой сторонников разных концепций национального самоопределения, заострившейся в среде галицийских русинов во второй половине XIX— начале XX в. Для представителей всех направлений главным самоназванием вплоть до Первой мировой войны оставался традиционный этноним «Русь», но интерпретировали его по-разному. За малозаметными различиями в написании прилагательного русский (или же галицко-русский) — русский — руський стояли существенные расхождения галицийских «старорусинов», «русофилов» и «украинофилов»¹⁰⁶. Термин *ruski* в территориальном или традиционно-этническом, но не национальном значении в середине XIX в. использовала для самообозначения и полонизированная часть образованных галицийских ру-

---

которые этим термином обозначаются, стоят, так сказать, в одном ряду с «малорусским» и «белорусским»» (*Струве П.Б.* Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. С. 66).

¹⁰⁵ *Соболевский А.И.* Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907. Цит. по: «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004. С. 44–45.

¹⁰⁶ О борьбе этих направлений существует довольно обширная литература; среди прочего см.: *Magocsi P.R.* Old Ruthenianism and Russophilism: A New Conceptual Framework for Analyzing National Ideologies in Late 19th Century Eastern Galicia // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists / Paul Debreczeny* (Ed.). Kiev. September 1983. Vol. II: Literature, Poetics, History. Columbus, Ohio, 1983. P. 305–323; *Миллер А.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 68–74; *Himka J.P.* The Construction of Nationality in Galician Rus: Icarian Flights in Almost All Directions // *Intellectuals and the Articulation of the Nation / Ronald Grigor Suny and Michael D. Kennedy* (Eds.). Ann Arbor, 1999. P. 109–164; *Wendland A.V.* Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland, 1848–1915. Vienna, 2001; *Sereda O.* From Church-Based to Cultural Nationalism: Early Ukrainophiles, Ritual-Purification Movement and Emerging Cult of Taras Shevchenko in Austrian Eastern Galicia in the 1860s // *Canadian American Slavic Studies*. 2006. Vol. 40. № 1. P. 21–47.

синов¹⁰⁷. Термины малорусский / малороссийский употреблялись реже, но и вокруг них шла своеобразная семантическая война. Ряд источников указывают на преобладающее в период революций 1848–1849 гг. отождествление галицкой Руси с Малой Русью. «Малоруссомания теперь господствует», — сетовали в переписке «общероссы» К. Хоминский и А. Петрушевич¹⁰⁸.

Контакты как с украинофильскими, так и с панславистскими деятелями из Российской империи, заметно усилившиеся в 60-е гг. XIX в., привели к тому, что названия Малая Русь, малорусский, малороссийский стали чаще употребляться для самообозначения в публичном дискурсе. Грекокатолический священник Иван Наумович, ставший позже одним из лидеров русофильского движения, заявлял в Галицийском сейме в 1866 г.: «Как не можем быть поляками, так и не являемся великорусами, всегда были, являемся и будем малорусами». В связи с ростом русофильских настроений уже во второй половине 1860-х гг. некоторые видные деятели галицко-русского движения, не меняя малоруской самоидентификации, стали подчеркивать культурное единство «со всем русским миром». «На Руси <...> один русский язык, а на этом языке два выговора: малорусский и великорусский», — писал в 1866 г. видный русофильский деятель Богдан Дедицкий¹⁰⁹. Деятели украинофильского направления сначала повсеместно использовали термин малорусский народ, ставя знак равенства между понятиями Русь и Малая Русь, а затем и Украина (Русь-Украина), как, например, это сделал Владимир Навроцкий в географическом описании «землі заселеної русинами»¹¹⁰. Но уже в начале XX в. Малороссия и малороссийский (наряду с русский) утвердились как национальные самоназвания русофилов («москвофилов») и стали неприемлемыми для их оппонентов — украинофилов-народовцев. Отстаивая название Русь-Украина / Украина-Русь вместо употребляемого русофилами Малороссия, деятель Украинской национально-демократической партии Льонгин Цегельский одновременно пытался доказать духовное и даже антропологиче-

¹⁰⁷ См.: Ziefta A.A. Gente Rutheni, natione Poloni. Z problematyki kształtowania się ukraińskiej świadomości narodowej w Galicji // Prace komisji Wschodnioeuropejskiej Polskiej Akademii Umiejętności. 1995. № 2. S. 61–77.

¹⁰⁸ Цит. по: Турпи О. «Українська щєя» в Галичит в середит XIX століття // Украша модерна. 1999. Ч. 2–3. С. 63–64.

¹⁰⁹ Цит. по: Серєда О. Мкце Роси в дискусіях щодо національної ідентичносї галицьких українців у 1860–1867 роках // Россия — Украина: история взаимоотношений. С. 165, 167.

¹¹⁰ Навроцкий В. Руска родина (географичний обзор землі заселеної Русинами) // Правда. 1867. Ч. 23. С. 3–4.

ское превосходство европейцев «русынов-украинцев» над азиатами «москалями». Призывая не отрекаться от традиционных самоназваний Русь и русин (поскольку, по Цегельскому, лишь Русь-Украина в племенном, языковом и национальном плане была связана с древней, киевской Русью) и употреблять одновременно сразу два названия — Русь и Украина, Цегельский, главным образом, ополчался против употребления термина Малороссия. Для этого он противопоставлял Малую Русь Малороссии, считая, что первое название употреблялось около 1300 г. применительно лишь к Галицкому княжеству, а второе сознательно придумали «московские цари» для левобережной «Украины-Гетьманщины» с целью представить ее перед всем миром в качестве «подрядной», «малой» части великой «России». Смешение Малой Руси и Малороссии в одно понятие и его последующее навязывание украинцам-русином было, по Цегельскому, делом рук российского правительства и галицийских москвофилов, имевших целью «змосковщення» Украины-Руси¹¹¹.

Русофилы подвергли эту тенденцию критике с теми же аргументами, что использовались противниками украинцев в России. Так, О.А. Мончаловский пишет:

Галицкие украинофилы, начиная с 1899 года, стали употреблять названия «Украина», «украинский» вместо названий «Малая Русь», «малорусский» <...> Термин «украинский» употребляется вместо термина «малорусский» или обычного в Галицкой Руси слова «русский», причем некоторые пишут «украинсько-руський», другие «украиньско-русский», а третьи «русько-украинский» или «руско-украинский». Цель употребле-

¹¹¹ Цегельский Л. Звістки взяли ся іщо значать назви «Русь» і «Україна»? Львів, 1907. На официальном уровне слова украинец и украинский (Ukrainer, ukrainisch) заменили традиционные русин и русский (Ruthener, ruthenisch) позже. В июле 1915 г. депутаты венского парламента Кость Левицкий и Микола Василько передали австрийскому правительству обращение украинского парламентского представительства с просьбой ввести в официальный и публичный обиход национальное название украинцы вместо русины. Авторы обращения и сопровождающего его обоснования, подготовленного в львовском Научном обществе им. Шевченко, утверждали, что название русины используют москвофилы для подтверждения тезиса о «едином и неделимом русском народе», в то время как на самом деле по обе стороны австро-российской границы все чаще употребляется название украинцы. Австрийское правительство отправило обращение на экспертизу профессорам Венского университета В. Ягичу и Г. Юберсбергеру, получило от них противоположные ответы и отложило его «в долгий ящик». Окончательное решение употреблять в официальных текстах украинцы вместо русины было принято лишь незадолго до распада империи, в феврале 1918 г. (Расевич В. Меморандум від липня 1915 р. до австрійського уряду про необхідність вживання національної назви «україні» // Україна в минулому. Київ; Львів, 1994. Вип. 5. С. 172—189).

ния этих терминов — желание в самом имени отделиться от общности с Русью, с русским народом¹¹².

Уже в конце XIX в. украинские деятели, наряду с малороссом, отказываются и от термина украинофил, о чем 17 марта 1891 г. Драгоманову писала его племянница Леся Украинка: «Вот, пришлось к слову, потому скажу Вам, что мы отбросили название «украинофилы», а зовемся просто «украинцы», потому что такими мы есть, безо всякого «фильства»¹¹³. Впрочем, это свидетельство скорее знаменует переходный этап процесса перестройки понятийной сферы в украинской среде¹¹⁴. Как языковой акт украинский национализм приобрел кодифицированную форму в «Словаре украинского языка» Б.Д. Гринченко 1907—1909 гг.: в нем ожидаемо отсутствовали малоросс и хохол, а среди «украинских» статей было также «украинство: свойство и деятельность украинца в национальном смысле»¹¹⁵.

¹¹² Мончаловский О.А. О названиях «Украина», «украинский». Галицко-русская матрица. 1903, Львов (цитируется по: «Украинская» болезнь. С. 187—189). В другом своем сочинении Мончаловский говорил о «малорусском племени русского народа», «русском населении Галичины», «галицко-русском наречии» и об обязанности «сознательных русских галичан бороться с украинством». (Прилагательное «сознательный» («свидомый») было в чести и у малорусов.) Здесь же он говорит об общерусском языке и общерусской литературе. См.: Мончаловский О.А. Главные основы русской народности. Львов, 1904. Цит. по: «Украинская» болезнь. С. 97, 100.

¹¹³ Укратка Л. 316бання творів. Т. 10. К., 1978. С. 85—86. Любопытно, что в своей полемике с Костомаровым в 1880-х М. Де-Пуле «соглашался» на использование «украинцев», тем не менее не отождествляя их с «украинофилами»: « Не одна природа южной России, не одно оригинальное малорусское наречие отличают ее от России северной; в ней выработался и тип особенный русского человека, украинца (но не украинофила), значительно отличающийся от типов московского, северного, восточного и западного». См.: Де-Пуле М. К истории украинофильства // Русский архив. 1881. № 3. С. 225, 233. Почти в то же время происходит избавление от «украинофильства» среди украинских деятелей Галиции. См., например: Задачи русской интеллигенции на Украине // Дело. 1882. № 36. 12 (24) мая. С. 2.

¹¹⁴ См., например, эволюцию П. Стебницького, отразившуюся и в его сочинениях (Стебницький П. Вибрат твори. К., 2009). Как вспоминал о Стебницьком его соратник по украинскому движению С. Ефремов, «из его рассказов выяснилось, что во время своего студенчества в Киеве был он «общеросом» (см.: Ефремов С. Лицар нездоланий (Непобедженный рыцарь) / Петро Стебницький. Вибрані твори. К., 2009. С. 562). В 1904 г. Стебницький еще писал о «нас, малороссах», о малорусской литературе и языке, а также об общерусской литературе (Стебницький П. Вибрані твори. С. 156—161). После революции 1905 г. понятие «малоросс» уже не используется Стебницьким для идентификации — оно решительно уступает место понятию «украинец», «украинский». Понятие «малоросс» совершенно отсутствует в переписке Стебницького и Чикаленко. См.: Евген Чикаленко — Петро Стебницький. Листування. 1901 — 1922 роки. Київ, 2008.

¹¹⁵ Гринченко Б. Словарь украинского языка. К., 1909. С. 330—331.

Понятие украинофильства приобретает в языке украинских деятелей отчетливые отрицательные коннотации. Называя украинофильство «то эмбриональной, то дегенеративной формой национального сознания», А. Никовский отмечал:

*Несомненно, что украинофильство как идея уже похоронено, а его живые представители или же подросли к стадии украинского сознания, или же должны были отойти в сумерки небытия, потерять всякое значение и общественный интерес*¹¹⁶.

Отметим, что параллельно с этим в русском дискурсе украинофильство приобретает положительное звучание:

Будучи по традиции «украинофильским» (по новейшей терминологии), русское прогрессивное общественное мнение должно энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек, вступить в идейную борьбу с «украинством», как с тенденцией ослабить и отчасти даже упразднить великое приобретение нашей истории — общерусскую культуру, —

писал Т.Д. Флоринский, имея в виду под украинофильством стремление к «скромному областному развитию»¹¹⁷. Консолидация результатов этого нового этапа «борьбы за понятия» происходит после революции 1905 г., в принципиально новых условиях.

Во-первых, и на местном, и на общеимперском уровне возникла легальная политическая конкуренция, связанная с выборами городских дум и Государственной думы. В Киеве эта политическая борьба находила теперь отражение и в газетных баталиях, поскольку резкое ослабление цензурного пресса позволило легально выходить украинским изданиям, которые включились в полемику с местными русскими изданиями. Среди украинских изданий особая роль принадлежала ежедневной газете «Рада», которая просуществовала до начала Первой мировой войны благодаря самоотверженным усилиям состоятельного землевладельца Е.Х. Чикаленко, одного из лидеров и, по сути, координатора украинского движения того периода. Главным оппонентом «Рады» был «Киевлянин», продолжавший антиукраинскую линию 1870-х гг. и ставший главным органом созданного усилиями А.И. Савенко и Д.И. Пихно под патронажем П.А. Столыпина Киевского клуба русских националистов (далее — ККРН)¹¹⁸. Примерно в это же время в Киеве создается

¹¹⁶ Яринович А. До психологи украшофшства // Основа. Вересень 1915. № 2. С. 130.

¹¹⁷ См.: Флоринский Т.Д. Малорусский язык и «украшсько-руський» литературный сепаратизм // Украинский сепаратизм в России. С. 393–395. (1-е изд. — СПб., 1900).

¹¹⁸ К началу Первой мировой войны ККРН был самой влиятельной русской националистической организацией в Западном крае, если не во всей России. История ККРН очень слабо изучена, во многом потому, что ККРН стал одной из первых мишеней большевиков после их прихода в Киев — все захваченные ими члены Клуба

и Общество украинских прогрессистов (Товариство украгнських поступивцв, далее — ТУП). Эти организации фактически олицетворяли два лагеря, непримиримых в своем отношении к украинству.

Особенность киевской ситуации состояла в том, что украинские активисты и малороссы-антиукраинцы из ККРН обращались к одному и тому же местному читателю, то есть тому политическому еще не определившемуся малороссу, хохлу, которого одни хотели сделать украинским националистом, а другие — националистом русским. Иначе говоря, прежняя борьба за интерпретацию понятия малоросс дополнялась теперь борьбой за умы и сердца реальных людей.

Следуя логике этой борьбы, оба лагеря, состоявшие из выходцев из одной среды и часто хорошо знакомых друг с другом, нередко коллег по университету, старались представить друг друга в самом черном цвете. ККРН в дискурсе «Рады» — черносотенцы, реакционеры и предатели собственной нации¹¹⁹. В дискурсе КРНН круг «Рады» и ТУП — мазепинцы, отщепенцы, раскольники, сепаратисты, русофобы, агенты внешних сил, причем теперь не только и не столько поляков, сколько Австрии и Германии¹²⁰. Если для «Рады» малороссы-антиукраинцы все

были расстреляны (69 человек), а пропавший архив Клуба, по некоторым данным, был захвачен ЧК.

¹¹⁹ Дневники Чикаленко пестрят весьма эмоциональными определениями таких малороссов-антиукраинцев: «вражий землячок» (с. 93, 306, отметим преемственность с «земляками-недоумками» из письма Кулиша 1859 г.), «зрадник» (с. 142), «московский запродавец» (с. 340), «наши перевертни, которые зовут себя русскими националистами» (с. 256). Чикаленко не прочь поиграть понятиями: «черносотенные малороссы, как Савенко, начали себя называть теперь богдановцами в память Богдана Хмельницкого, который присоединил Украину к Москве, противопоставляя себя «мазепинцам», которые, якобы, хотят оторвать ее от России. Но по сути они не «богдановцы», потому что Богдан присоединил Украину на автономных началах и отстаивал автономию Украины <...> В действительности мы «богдановцы», потому что с самого начала возрождения украинского самосознания далее автономии не шли» (с. 188). См.: *Чикаленко Евгений*. Щоденник. Т. 1. 1907—1917. Кшв, 2004. Ср. у Стебницького: «истинно русью», и просто русью, и наши «тоже малороссы» — скалят на нас зубы, грозят кулаками, обзывают предателями и укоряют немецкими субсидиями» (Чикаленко — Стебницький. Листування. С. 167). Чикаленко предлагает и свою интерпретацию «кацапа»: «наш народ называл великороссов «москалями» или «кацапами» (слово «кацап» или «касап» в тюркских языках и в молдавском означает «резник», «резун», «живорез»), а со временем начал называть москалей «руськими». Чтобы отделить свою нацию и территорию от москалей, интеллигенция наша вынуждена была отбросить свое прежнее имя «руської» и приняла для своей нации наше народное название «украинская». А для территории название «Украина» (Там же. С. 255—256).

¹²⁰ Многочисленные примеры см. в сборниках антиукраинской публицистики, изданных стоящим на тех же позициях и сегодня М.Б. Смолиным: Украинский сепаратизм в России. М., 1998; «Украинская» болезнь русской нации.

сплошь были реакционеры, что далеко несправедливо, то «Киевлянин» столь же несправедливо представлял всех украинцев-националистов космополитами, социалистами и беспринципными революционерами:

Стараясь дать себе ясный отчет о положении «мазепинского» дела, не надо ни на минуту забывать двойственный характер этого движения. Мазепинцы с одной стороны всемерно играют на квазинациональном чувстве, являясь ярыми националистами новоизобретенной в Австрии украинской нации. Но, с другой стороны, эти господа — демагоги самой низкой пробы, подлинной гайдамацкой формации. Очень многим из них, социалистам и космополитам, выражаясь без перчаток, наплевать на всякую нацию, в том числе и украинскую. Поэтому-то эти «националисты» с такою охотою принимают в свою среду людей всевозможных национальностей и в особенности еврейской. Это мы видели ясно во время уличных демонстраций по поводу Шевченки. По этой причине они готовы поддаться и под Австрию, и под немца, и под самого черта. Так как настоящий их лозунг «Голодранци со всього свгга збирайтеся докупи», этой своей стороною «голодранци» примыкают к революционно-социалистическим партиям, являясь одним из ответвлений этих партий¹²¹.

Ситуация кардинально менялась, когда обе стороны начинали говорить о малороссе неполитизированном. Для украинцев такие люди были, прежде всего, жертвами русификации и «несознательными украинцами»¹²², теми, кого надо было спасти для украинской нации. Чикаленко в своих дневниках дает описания людей, которых он старался обратить в правильную веру и привлечь к движению:

Родом он черниговец, но из-за того, что всю жизнь прожил за пределами Украины, он воспитался, как и большинство украинских интеллигентов, на общеросса...¹²³ Он, без сомнения, испытывает стихийную любовь к украинству, но в возрождение нашей нации, очевидно, не верит, да и не думал никогда об этом. Он с отвращением относится к украинскому литературному языку, считает его калеченьем милой его сердцу народной мовы, хотел бы, чтобы газета писалась мовой Шевченко, Котляревского, а в тех случаях, когда слов не хватает, следует брать, по его мнению, всем уже известные русские слова¹²⁴.

¹²¹ Мазепинская опасность // Киевлянин. 1914. № 60.

¹²² См., например, письмо Чикаленко Стебницкому от 16 апреля 1906 г., где тот говорит, что среди депутатов Государственной думы «...свцмих украшщв буде дуже, дуже мало, а родом украшщв звичайно багато» (Евген Чикаленко — Петро Стебницький. Листування. С. 44).

¹²³ Чикаленко Е. Щоденник. Т. 1. С. 319.

¹²⁴ Там же. С. 68.

А вот как Чикаленко оценивал ситуацию в 1909 г. в целом:

*Города наши так омосковлены, что очень, очень малый процент населения вообще проявляет какой-либо интерес к украинству. <... > Обычный городской обыватель, который кое-как умеет говорить крестьянской украинской мовой, не выпишет нашей газеты, потому что он лучше понимает газету российскую*¹²⁵.

В целом украинские националисты считали, что, невзирая на ряд гениальных поэтов и писателей, великорусская культура бедна и груба. Они часто намекали на пристрастие великороссов к спиртным напиткам, бешеным пляскам и грубому обращению с близкими¹²⁶. В этом смысле украинский дискурс разделял западное видение русских как полудикого азиатского народа, неспособного к европейскому образу жизни. Центральные российские губернии описывались как метрополия, выкачивавшая из Малороссии средства, не возвращая их в форме развития школьного образования и инфраструктуры¹²⁷. Великоросс представлялся колонизатором, который пренебрегает потребностями поработанного народа. В политическом плане восточный тип великороссов означал их неготовность к демократическому преобразованию государства и признанию прав национальных меньшинств, причем это касалось не только приверженцев монархического строя, но и союзников украинских националистов из партии кадетов. Говоря об их лидере П.Н. Милюкове, лидер ТУП Чикаленко так писал в своем дневнике: «Нет, что ни говори, а в каждом кацапе, каким бы прогрессивным он ни был, таки прочно внутри сидит централист!»¹²⁸ Стремление некоторых малороссов к подражанию великорусской культуре как непременно высшей в ущерб развитию собственной понималось как заблуждение или результат подавления и травмы от насильственной русификации. Символ веры Чикаленко и других украинских националистов состоял в том, что с развитием собственной прессы и начальной школы на родном языке «все эти русины, малороссы и хохлы станут национально сознательными украинцами на территории от Сяна до Дона»¹²⁹.

¹²⁵ Чикаленко Е. Щоденник. Т. 1. С. 47–48. Вообще мотив русификации как непосредственной и глобальной угрозы встречается у Чикаленко и Стебницького в их «внутреннем» дискурсе очень часто: «Все города и местечки на Украине страшно обрусели» (Чикаленко Е. Щоденник. Т. 1. С. 281–282); «что теперь можно сделать тысячами, того не сделаешь потом, когда народ обрусееет, и миллионами» (Чикаленко — Стебницький. Листування. С. 72).

¹²⁶ См.: Недоля П. Малороси, союзники і національна свщомкть // Рада. 1910. № 108.

¹²⁷ Стебницький П.Я. Україна в економії Росії // Вибрані твори. С. 280.

¹²⁸ Чикаленко Е. Щоденник. Т. 1. С. 320.

¹²⁹ Там же. С. 281–282.

С другой стороны, для киевских русских националистов, которые сами идентифицировали себя как малороссов, малоросс «звучит гордо». Они, продолжая линию «Киевлянина» в 1860–1870-е гг., соревновались с украинскими националистами за культурное наследие Малороссии, стараясь утвердить малороссийскую принадлежность многих ключевых фигур, включая Шевченко, на которые претендовал и украинский пантеон. «Сепаратистские» нотки у Шевченко, по их мнению, появились только под воздействием вредных влияний полонофильского кружка Кирилло-Мефодиевского братства. В дискурсе ККРН статус Шевченко снижался от «гения» к «талантливому поэту», его символическая роль «отца нации» отрицалась. Это особенно резко проявилось в дискуссии об установке памятника поэту.

Это вовсе не гений, каким силятся изобразить украинофилы. Это просто талантливый поэт. Украинофилы из постановки памятника Шевченке делают политическую демонстрацию. В сущности, дело здесь даже не в памятнике: последний является только предлогом для украинско-сепаратистской демонстрации. Гг. Грушевские и Науменки хотят в яркой форме показать, что, мол, отдельный и самостоятельный украинский народ не только существует, но и сознает свою национальную и культурную «отдельность», что этот народ жаждет культурного и политического «самоопределения», жаждет «самостийной» Украины <...> Украинофилам памятник Шевченке надо ставить непременно в Киеве, в центре Малороссии, в древнейшей столице Руси. Михаил Грушевский говорит ведь, что Киев «матір городів українських». Земля древних полян, по его учению, — Украина, а поляне — это и есть нынешние малороссы. Поэтому и древние киевские великие князья на языке г. Грушевского именуются «украинскими князьями», так что Владимир Святой, например, тоже приписан к малороссам. Забыто даже его варяжское происхождение <...> Отсюда понятно, как страстно хочется украинофилам, помешавшимся на том, что древняя Русь, отпрыск новгородо-варяжской Руси, была хохлацкой Русью, — видеть статую Шевченки на склонах древнего Киева, —

писал лидер клуба Савенко, демонстрируя обостренное внимание к понятийному аппарату своих противников¹³⁰. ККРН считал себя истинным выразителем малороссиян.

Я сам — чистокровный малоросс и горячо люблю свою родину, ее чудную природу, обычаи, язык и предания, историю, как люблю и хохлов, ленивых и добродушных. Но я всеми силами души ненавижу украинофильство, движение предательское и подлое, —

¹³⁰ Киевлянин. 1908. № 116.

так неоднократно рассуждал Савенко на страницах «Киевлянина»¹³¹. Впрочем, в этой же статье автор превращает понятие «малоросс» в «уходящую натуру», только далеко не в том смысле, что его оппоненты-украинцы:

В настоящее время малороссийский крестьянин совершенно не знает слова «малоросс». Если вы спросите малоросса о его национальном происхождении, он всегда и неизменно отвечает: «Я — русский». Представление о полном единстве русского народа глубоко внедрилось в умы южноруссов.

При этом деятели Клуба русских националистов уже не принимали безоговорочно привычных стереотипов образа малоросса как веселого, добродушного обитателя Юга, любящего вкусно поесть и спеть красивую песню. Они не раз жаловались на великороссов за упрощенное понимание ситуации в Юго-Западном крае. «О Малороссии они имеют такое же смутное представление, как французы о России. Им представляется, что мы, малороссы, живем среди вишневых садов, в белых мазанках и целый день едим вареники и ругаемся на малороссийском наречии», — писал тот же Савенко¹³². Он многократно пытался показать, что малоросс может быть современным городским обывателем, истинным буржуа, которых так не хватало в империи. Мультимиллионеры Терещенко и Харитоненко в этом смысле были в глазах Савенко блестящими образцами типа малоросса-предпринимателя и мало-росса-купца¹³³. С определенного времени КРНН стал претендовать на ли-

¹³¹ Савенко А.И. Заметки // Киевлянин. 1908. № 134. Эта формула, выкованная еще Ригельманом и Гогоцким в 1870-е гг., стала своего рода мантрой в публицистике малороссов-антиукраинцев. «Я как сын малорусской ветви русского народа, люблю все малорусское: и живую малорусскую речь (но не «украинскую», в которой так много искусственного и не малорусского), и малорусскую природу, и самое важное — малорусский народ» — это уже профессор Т. Локоть (Как быть с украинством // Голос Москвы. 1911. № 277. С. 2).

¹³² Савенко А.И. Заметки // Киевлянин. 1908. № 134. Были и более серьезные претензии: «Националисты великоросского происхождения встревожены украинофильством. И насколько мы здесь преуменьшаем размеры этого движения, настолько великороссы преувеличивают его. Совершенно забывая, что в переживаемые годы тяжелой смуты именно Малороссия послужила оплотом национально-патриотического движения, некоторые политические деятели Великороссии дошли до признания малороссов инородцами, наравне с поляками, финляндцами, грузинами и т.д.: все, мол, это сепаратисты» (Савенко А.И. Заметки. По поводу 100-летия с дня рождения Гоголя // Киевлянин. 1908. № 320).

¹³³ «Оба архимиллионера были чистейшей воды малороссы и оба обладали не только выдающимися, но и замечательно трезвыми русскими умами <...> Словом, это были выдающиеся чисто русские самородки, чисто русские не только по происхождению, но и по характеру и направлению их деятельности». См.: Савенко А.И. Заметки // Киевлянин. 1908. № 115.

дерство среди русских националистов в масштабе всей империи, ссылаясь, среди прочего, на свои успехи в ходе избирательных кампаний:

*...в то время, как великороссийские губернии даже в Третью Думу послали в значительном числе революционеров, Малороссия послала в Таврический Дворец почти сплошь русских националистов, и в то время, как великороссийская Москва и Петербург служат оплотом революции, центр Малороссии — Киев — служит центром всего общерусского патриотического движения*¹³⁴.

Говоря об установке памятника Гоголю в Киеве, Савенко формулировал специфические задачи малорусского русского национализма, решать которые следовало без участия великороссов:

*Это должен быть памятник от Малороссии своему земляку — великому русскому патриоту. Отнимите вы это, дайте на памятник хоть один великороссийский рубль, и национально-политическое значение памятника исчезнет. Если малороссийский памятник Гоголю громко и сильно говорил бы миру, что вся Малороссия, так же, как и Гоголь, считает себя нераздельной частью единой России, то общерусский памятник Гоголю будет в этом отношении безмолвен*¹³⁵.

Тем временем русский дискурс о малороссе претерпел следующую трансформацию: если в первой половине XIX в. в нем читался призыв «заново открыть» русскость, искаженную и подавленную польскими влияниями, то в начале XX в. о польских влияниях говорилось уже редко, а русскость малоросса воспринималась (или представлялась) как естественное состояние. Теперь эту русскость нужно было «защищать» от «отравляющего влияния» украинской пропаганды, но по своему «качеству» малороссийская русскость претендовала быть даже более основательной и прочной, чем великорусская, податливая на искушения революционных идей и обманчивые голоса из среды меньшинств на окраинах империи.

В ходе Первой мировой войны и революционных лет политически активные носители малорусской идентичности оказались одной из наиболее пострадавших групп, а понятие малоросс утратило легитимность в СССР периода коренизации 1920-х гг. Понятие малоросс как инструмент самоидентификации продолжало существовать лишь в среде межвоенной эмиграции. Там же продолжались и баталии вокруг понятия малоросс. Однако этот период — предмет особого исследования.

---

¹³⁴ Савенко А.И. Заметки. По поводу 100-летия с дня рождения Гоголя.

¹³⁵ Там же.

История понятия «нация» в России¹³⁶

Понятие нация играет ключевую и весьма многоплановую роль в политическом мышлении модерна. Задача этой статьи — проследить эволюцию понятия нация и контекстов его использования в русском языке от петровского времени до конца XIX века. Проблематика начала XX века обсуждается в самых общих чертах лишь в заключении к статье, поскольку резкое увеличение числа и объема текстов, использующих понятие нация в этот период, требует особого, весьма трудоемкого и продолжительного по времени исследования.

Понятия народ и народность рассматриваются в этой статье в той мере, в которой они были непосредственно связаны с понятием нация, то есть использовались для его перевода, замены, объяснения, порой — вытеснения. Этот подход обусловлен рядом причин. Во-первых, такая связь, то есть использование понятий народ и народность именно для перевода, замены и объяснения понятия нация, действительно прослеживается, и в статье это будет показано. Изучение этой связи и позволяет выделить из весьма широкого поля значений понятий народ и народность ту специфическую область, где они приобретают политическое содержание, резонирующее с содержанием понятия нация. Во-вторых, такой подход позволяет четче проследить механизмы заимствования, усвоения и цензурирования понятия нация, то есть взглянуть на него не только с точки зрения истории понятий, но также в контексте истории культурных трансферов¹³⁷. Наконец, поскольку до сих пор вни-

---

¹³⁶ Полный вариант статьи будет опубликован в книге «Понятие о России: к исторической семантике имперского периода». Под. ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова и И. Ширле. М., НЛЮ, 2012.

¹³⁷ См.: Миллер А. И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 42–66. Мои другие недавние публикации на тему истории понятий нация, народ и народность: Миллер А. I. *Natsiia, Narod, Narodnost' in Russia in the 19th Century: Some Introductory Remarks to the History of Concepts* // *Jahrbucher fur Geschishte Ost-Europas*. Vol. 56. 2008. № 3. Р. 379–390; Миллер А. И. Народность и нация в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // *Российская история*. 2009. № 1; Он же. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. Гл. 3, 6. Некоторые фрагменты этих статей включены в настоящий текст, который я рассматриваю как суммирующий и обобщающий для этого этапа моих занятий историей понятия нация в России.

мание исследователей было сосредоточено главным образом на понятии народность, это неизбежно приводило к некоторой недооценке значения и распространенности понятия нация¹³⁸.

В выборе источников мы, сознавая все недостатки такого подхода, ограничиваемся почти исключительно авторами «первого ряда», то есть известными политическими и творческими персонажами. Причина проста — даже этот пласт источников исследован на сегодняшний день совершенно недостаточно. Впрочем, отчасти ограниченность круга источников компенсируется прочтением их не с точки зрения истории идей, но именно в рамках истории понятий. Из прессы систематическому анализу были подвергнуты лишь катковские издания первой половины 1860-х годов. Также использованы традиционные для таких исследований источники — словари и энциклопедии, в основном XIX и начала XX века.

Датировка заимствования, источники и механизмы

Процесс заимствования понятий нация и народ исследован слабо. Можно, однако, уверенно утверждать, во-первых, что источников и каналов заимствования было несколько, и, во-вторых, что понятие народ заимствуется ранее понятия нация.

Сергей Плохий считает, что понятие народ усваивается в Московском государстве в середине XVII века, когда после восстания Богдана Хмельницкого и перехода левобережной Гетманщины под власть царя резко интенсифицировались контакты между Московским царством и киевским кругом православных духовных деятелей¹³⁹. В этом

¹³⁸ См.: Бадалян Д. А. Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XIX века: Сб. науч. работ. СПб., 2006. С. 108–122. См. также весьма краткий и, риску сказать, во многом поверхностный текст о народности как политической концепции: *Perrie M. Narodnost': Notions of National Identity* // *Kelly C., Shepherd D.* (ed.) *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940*. Oxford, 1998. P. 28–37. Понятие народность рассматривается также в: *Knight N. Ethnicity, Nationality and the Masses: Narodnost' and Modernity in Imperial Russia* // *Hoffman D. L., Kotsonis Y.* (ed.) *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices*. New York, 2000. P. 41–65. Наиболее подробный обзор использования понятия народность для обозначения набора качеств, свойств в научном дискурсе 1830–1880?х годов дан в монографии: *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 52–97.

¹³⁹ *Plokhyy S. The Origins of the Slavic Nations* // *Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. Cambridge, 2006. P. 250–299; См. также: *Kohut Z. E. A Dynastic or Ethno-Dynastic Tsardom? Two Early Modern Concepts of Russia* // *Siefert M.* (ed.) *Extending the Borders of Russian History: Essays in Honor of Alfred J. Rieber*. Budapest; New

контексте понятие народ имело, разумеется, сильные религиозные коннотации. Важную роль в процессе утверждения понятия народ в значении общности не только религиозной, но и этнополитической, связанной также с династической лояльностью, сыграл Синописис, или собрание кратких выдержек из летописей о «начале славено-российского народа». Составленный Иннокентием Гизелем, настоятелем Киево-Печерского монастыря, Синописис был впервые издан в Киеве в 1674 году и оставался на протяжении всего XVIII века главной исторической книгой в России¹⁴⁰. Трансфер понятия народ из родственного языкового, религиозного и культурного контекста, во многом вместе с трансфером в Россию самих его носителей из среды киевских книжников, способствовал его быстрой ассимиляции.

Николай Александрович Смирнов, изучивший в начале XX века три более или менее кратких списка (словаря) недавно заимствованных слов, составленных в первой трети XVIII века, указывает, что, хотя главным источником заимствований была в то время Германия, многие слова, в том числе и нация, заимствовались через Польшу, на что указывает окончание -ия¹⁴¹. В недатированном, но сохранившем собственоручную правку Петра I Лексиконе вокабулам новым по алфавиту слово нация объясняется как «народ русский, немецкий, полский и прочая»¹⁴². В Регламенте шкиперам (СПб., 1724. С. 4) слово нация употребляется в смысле государственной принадлежности: «Когда чужестранный (шкипер) найдет что в воде потерянное, людьми наша нации, то оное объявлять»¹⁴³. Наконец, краткий список иностранных слов Различная речения иностранная против славено-российских, датированный 1730 годом, сохранился в архиве графа Алексея Сергеевича Уварова. В нем содержатся такие записи: «нация — народ», «димократия — народодержавство»¹⁴⁴. Понятие нация использовал в своих проповедях послеполтавского периода Феофан Прокопович при обсуждении международных отношений и применительно к иностранным державам, предпочитая понятие народ или наше отечество применительно к Рос-

---

York, 2003. P. 17–30.

¹⁴⁰ См.: *Самарин А. Ю.* Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII — XVIII в.). М., 1998.

¹⁴¹ *Смирнов Н. А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910. (Отд. оттиск из: СОРЯС. Т. 88. № 2). С. 5. См. также: *СлРЯ XVIII*. Вып. 14. СПб., 2004. С. 97.

¹⁴² Первое издание см. в приложениях к: *Смирнов Н. А.* Западное влияние. С. 362–382.

¹⁴³ Цит. по: Там же. С. 203.

¹⁴⁴ Под названием Сборник этот документ опубликован: Там же. С. 383–384.

сии¹⁴⁵. Таким образом, к первой четверти XVIII века понятие народ уже было прочно усвоено, утратило новизну и использовалось для пояснения понятия нация в качестве эквивалента. Это сохранилось и впредь. Например, в словаре Владимира Ивановича Даля одна из трактовок понятия народ оказывается близкой понятию нация: «Обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением»¹⁴⁶. Слово же нация сохраняет отчетливый оттенок чужеродности, «иностранности» вплоть до второй половины XIX века.

Можно высказать предположение, что понятие нация заимствовалось в петровскую эпоху как из общения с поляками, так и в ходе контактов, в том числе дипломатических, с другими государствами Европы. Очевидно, что из польского контекста, и в прямой связи с польскими реалиями приходит понимание нации как дворянской корпорации, которое оставалось актуальным в России вплоть до начала XIX века¹⁴⁷.

Скорее из дипломатических контактов и для дипломатических целей усваивается понимание нации как суверенного государства. Это видно из цитированного Регламента шкиперам. В первом русском неофициальном сочинении по вопросам международного права, опубликованном вице-канцлером Петром Павловичем Шафировым в 1717 году, понятие нация не использовалось. Однако понятие политичные народы, которым пользуется Шафиров, в английском переводе его книги, появившемся в 1722 году, передано как *civilized nations*¹⁴⁸.

В целом в XVIII веке между понятиями нация и империя в России нет напряжения и противоречия.

Понятие нация часто использовалось в донесениях русских дипломатов, в том числе с Балкан¹⁴⁹. Слово нация в значении «держава», «империя» продолжало использоваться и в ходе войн с Наполеоном в

---

¹⁴⁵ См.: *Plokhy S. The Two Russias of Teofan Prokopovyc // Sedina G. (ed.) Mazepa and His Time. History, Culture, Society. Alessandria, 2004. P. 361; Феофан Прокопович. Соч. М., 1961. С. 133. С. Плохий считает, что Прокопович в то время был сторонником «национализации» Московского государства и «неустанным строителем национального образа России», беря пример с протестантских проповедников, делавших то же самое в стане противника России по Северной войне — Швеции (*Plokhy S. The Two Russias. P. 363–364*).*

¹⁴⁶ *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., 1881. С. 461.*

¹⁴⁷ *Шафиров П. П. Разсуждение, какие законные причины его царское Величество Петр Первый Царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел. СПб., 1717; Shafirov P. P. A Discourse Concerning the Just Causes of the War between Sweden and Russia: 1700–1721 (Translation from 1722) / Ed. by W.E. Butler. Dobbs Ferry; New York, 1973.*

¹⁴⁸ Ср.: *naryd szlachecki* (польск.), *natio hungarica* (лат.).

¹⁴⁹ *Костяков Ю. В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997.*

тайных меморандумах, адресованных Александру I и писанных по-французски. Так, о «toutes les nations de l'Europe» рассуждает в своей записке от ноября 1809 года Федор Петрович Пален¹⁵⁰, о «toute l'ÿnergie de la nation russe» говорит в своем меморандуме от 22 января 1812 года Барклай де Толли¹⁵¹.

Нация как дворянская корпорация и тема прав первого сословия

В начале 1780-х годов Денис Иванович Фонвизин работал над Рассуждением о непременных государственных законах, которое должно было стать введением к соответствующему проекту законов Петра Ивановича и Никиты Ивановича Паниных¹⁵². Братья Панины составляли этот проект для наследника Павла Петровича¹⁵³. Проект продолжал ту линию на ограничение самодержавия, которая была заявлена в проекте Никиты Панина о создании имперского совета и расширении полномочий Сената, поданном Екатерине вскоре после ее восшествия на престол. Слово нация встречается в тексте более десяти раз и используется Фонвизиным как ключевое понятие, которым автор обозначает корпорацию российского дворянства. Рассуждение словно стоит на границе эпох — влияние идей западноевропейского Просвещения очевидно, но не менее очевидно влияние шляхетской традиции Речи Посполитой. Фонвизин стремится обосновать понимание дворянской нации как источника легитимной власти монарха. Он даже рассуждает о праве нации восстать против нечестивого монарха: «В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь вправе возвратить свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы»¹⁵⁴.

Эти рассуждения были частью сугубо тайного документа и трудно представить их заявленными публично. Однако в ином контексте, не применительно к России, эти темы, в том числе выраженные с помощью понятия нация, могли появиться и в печати. В брошюре, написан-

¹⁵⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 5. М., 1967. С. 294.

¹⁵¹ Там же. Т. 6. М., 1962. С. 267.

¹⁵² Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 254–266.

¹⁵³ Письмо Павлу Петровичу с приложением проекта было подготовлено осенью 1784 года, вскоре после смерти воспитателя наследника Никиты Панина, но было доставлено адресату лишь после его восшествия на престол, когда никого из авторов уже не было в живых.

¹⁵⁴ Там же. С. 259.

ной против Барской конфедерации под видом перевода с французского, Яков Иванович Булгаков многократно употребляет понятие Нация, рассуждая о правах польского шляхетства, а по сути используя ссылки на эти права для оспаривания легитимности преобразований, подрывавших влияние России в Речи Посполитой¹⁵⁵.

В этом сочинении понятие нация оказывается уже тесно связанным с темой конституции и с вопросом соотношения прав нации и представительских учреждений, что, впрочем, имплицитно присутствовало уже в уваровском списке 1730 года. Но сама трактовка прав Нации Булгаковым преследует цель лишить легитимности реформаторские усилия сейма. Впрочем, утилитарный, пропагандистский характер этого сочинения не отменяет важности обсуждаемого вопроса об опасности узурпации власти представительными учреждениями. Таким образом, в конце XVIII века понятие нация, обозначавшее наделенное неотъемлемыми правами дворянское сословие, используется для обсуждения темы ограничения власти монарха, темы конституции и темы представительных учреждений.

Нация, конституция и представительные учреждения

Проблема нации как источника легитимности была поставлена со всей остротой Французской революцией. В Декларации прав человека и гражданина (1789) говорилось: «Источником суверенной власти яв-

---

¹⁵⁵ Записки о нынешнем возмущении Польши / Перевел с французского языка капитан Н... Я... [Булгаков Яков Иванович]. СПб., 1792. Вот несколько цитат: «Мятежники нарушили тем самым святейшие условия первейшего Пакта, составляющего Польскую Нацию [...] то есть Пакта о равенстве прав всех членов военного Польского дворянства» (Там же. С. 45); «Если бы можно было позволить каждому законодательному собранию, под видом тем, будто оно уполномочено во всем от Нации, лишать все Магистраты вверенной им власти, тогда б Нация беспрерывно была подвержена ужаснейшему и пагубнейшему всех деспотизмов игу большинства собраний; коих возмущение Франции и Польши представляют нам теперь яснейший пример» (Там же. С. 22); «Знаменитое преимущество свободного избирания Польских Королей, принадлежащее Нации» (Там же. С. 37); «Нельзя тому противоречить, что Нация, установляя себе Конституцию, не лишается права оную усовершенствовать и делать в ней разные перемены, какие только являющаяся ее польза потребует, но сие право ни мало не может принадлежать законодательным собраниям, если оно не вверено им единодушно от всей Нации» (Там же. С. 41).

В этом же духе, и тоже с использованием понятия нация для обозначения польского дворянства, говорила о делах в Польше Екатерина II в инструкции своему представителю при Тарговицкой конфедерации: «Главный интерес России — восстановление в Польше прежнего свободного правления — счастливо сходится с желанием, по крайней мере, трех четвертей населения самой этой нации» (см.: *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 588).

ляется нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации»¹⁵⁶.

При этом в революционной Франции нация заведомо понималась как надсословная общность, наделенная суверенитетом и правом политического представительства. Вопрос о том, кто же составляет нацию, кто действует от имени нации, если она не ограничивается дворянской корпорацией, становится одним из ключевых. Можно сказать, что в конце XVIII и начале XIX века понятие нация заимствуется в Россию заново, уже из контекста революционной Франции.

Новое содержание понятия утверждалось довольно быстро даже на самом верху российской социальной пирамиды. 27 сентября 1797 года наследник престола, будущий царь Александр I, отправил из Гатчины с близким другом Николаем Николаевичем Новосильцевым письмо своему почитаемому бывшему воспитателю Фредерику-Сезару Лагарпу. В письме сообщалось, что Новосильцев едет спросить «советов и указаний в деле чрезвычайной важности — об обеспечении блага России при условии введения в ней свободной конституции». Суть своего плана, призванного даровать свободу «сверху», дабы избежать революции «снизу», Александр излагал так:

...я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться игрушкой в руках каких-либо безумцев [...] мне кажется, что это было бы лучшим родом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей. Вот в чем заключается моя мысль¹⁵⁷.

Разумеется, Александр излагал Лагарпу свою мысль на французском языке, но наследник престола Российской империи говорил именно о России, и именно применительно к России употреблял понятие нация в неразрывной связи с понятиями свободы, конституции и представительства. Александр провозглашает своей целью избежать французского революционного сценария, а также подчеркивает, что заимствование идей и их распространение в обществе должно происходить «само собою разумеется, постепенно». Нетрудно разобрать эхо наставлений Фонвизина, адресованных батюшке Александра. Этот вопрос о сохранении стабильности и управляемости в ходе преобразований и заимство-

---

¹⁵⁶ Туманов В. А. (ред.) Французская республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26–27.

¹⁵⁷ Цитируется по: Шильдер Н. Александр I // Русский биографический словарь. Т. 1. СПб., 1896. С. 141–384 (цит. с. 159–160).

ваний станет ключевым для русской мысли XIX века, и она будет давать на него самые разнообразные ответы¹⁵⁸.

В реформаторских проектах Михаила Михайловича Сперанского, относящихся к первому десятилетию XIX века, слова нация мы не находим. Но используемое им понятие народ по смыслу часто оказывается идентичным понятию нация. Конечно, французское влияние на Сперанского очевидно, и в 1812 году обвинения в «привязанности к французской системе» стали одной из причин его ссылки. В Отрывке о Комиссии Уложения, написанном в 1802 году, говорится: «Вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые являются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»¹⁵⁹. Вслед за этими знаменитыми рассуждениями Сперанский делает замечание, которое затем подчеркивает, очевидно, из осторожности: «Прежде надобно создать сей народ, чтоб дать ему потом образ правления»¹⁶⁰. Он вполне отдает себе отчет в том, что нация формируется через политическую практику. Во Введении к Уложению государственных законов (1809) Сперанский рассуждает о том, кому в России могли бы принадлежать «права политические», то есть «право избрания и право представления», при этом прямо отсылая к опыту «европейских государств», в которых «основалась система выборов или народного представления»¹⁶¹. В течение всего XIX века понятия народного представительства, национального собрания будут тесно связаны с понятием нация. Даже в самый лютый с точки зрения цензурных ограничений период 1840-х годов редактировавшийся Михаилом Васильевичем Петрашевским словарь иностранных слов мог напечатать подробную и внятную статью Национальное собрание, со ссылками на опыт стран, стоящих «на высшей ступени развития», в то время как статья Нация могла лишь сообщить читателю, что «это слово часто употребляется вместо слова народ в тех случаях, когда имеют в виду обратить внимание читателя [...] на племенную родственность членов какого либо народа»¹⁶².

---

¹⁵⁸ См. подробнее: Миллер А. Приобретение необходимое, но не вполне удобное.

¹⁵⁹ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 43.

¹⁶⁰ Там же. С. 44.

¹⁶¹ Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М., 2004. С. 36.

¹⁶² Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. Вып. 1. СПб., 1845. С. 220, 223.

Период, когда понятие нация использовалось для описания конституционных реформ, оставаясь почти исключительно принадлежностью франкоязычной части дискурса российских элит, продлился до середины 1820-х годов. Победа в войне с Наполеоном не сняла с повестки дня проблему политических преобразований, прежде всего конституции и национального представительства. Именно эти принципы были реализованы Александром I во вновь созданном Царстве Польском, получившем и конституцию, и сейм, и конституционного монарха, по совместительству российского самодержца. Именно в Варшаве по поручению царя Новосильцев начал в 1818 году готовить Государственную уставную грамоту, а точнее *La charte constitutionnelle de l'Empire de Russie*. Текст писали на французском и с привлечением французских юристов¹⁶³.

Если в 1797 году Александр, тогда наследник престола, предполагал, что, после того как он дарует конституцию, «нация изберет своих представителей» и к ним перейдет власть, то в подготовленной по его распоряжению Государственной уставной грамоте 1819 года единственным источником легитимности является уже сам монарх¹⁶⁴. Но идея национального представительства в проекте все же осталась: статья 91 заявляет: «*La nation russe aura a perpétuité une représentation nationale*»¹⁶⁵. В русском переводе XIX века это звучало так: «Да будет российский народ отныне навсегда иметь народное представительство».

Именно в контексте своих трудов в Варшаве, в канцелярии Н. Н. Новосильцева, Петр Андреевич Вяземский задумывается над русским переводом ряда политических понятий, о которых прежде рассуждали исключительно на французском. «Многие слова политического значения, выражения чисто конституционные были нововведениями в рус-

¹⁶³ Ближайшим сотрудником Новосильцева в этом деле был П. И. Пешар-Дешан (Deschamps), который, как отмечал близко его знавший П. А. Вяземский, «набил себе руку во Франции на приготовлении и редакции» таких проектов (см.: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 149, 171–172, 181).

¹⁶⁴ Ст. 12: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных». Ст. 31: «Общие законы постановляются государем при содействии общего государственного сейма».

¹⁶⁵ Цит. по: *Schiemann Th.* Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. Berlin, 1904. S. 365. (Полный французский текст см: *La charte constitutionnelle de l'Empire de Russie / Preface de M. Th. Schiemann.* Berlin, 1903.) Интересна также ст. 94, которая говорит о национализированных иностранцах (*étrangers nationalisés*), которые могут занимать должности в России после пятилетнего беспорочного пребывания и при условии овладения русским языком. Иными словами, критерием допуска является принятие подданства (гражданское понимание нации) и успешная аккультурация.

ском изложении», — так говорил сам Вяземский о проблемах, с которыми тогда столкнулся. Вяземский консультировался по поводу перевода таких понятий с Карамзиным, и, вероятно, не только с ним. Некоторые результаты своих размышлений он излагал в письме из Варшавы 22 ноября 1819 года Александру Ивановичу Тургеневу:

Зачем не перевести *nationalit* — народность? Поляки сказали же: *narodowosc*. Поляки не так брезгливы как мы, и слова, которые не добровольно перескакивают к ним, перетаскивают они за волосы, и дело с концом. [...] Слово, если нужно оно, укоренится. Неужели дичимся мы теперь от слов татарских, поселившихся у нас? А гораздо лучше, чем брать чужие, делать — своим, хотя и родиться должны от не всегда законного соития. Окончание *ost* — славный сводник; например: *libyalit* непременно должно быть: свобода, а *liberal* — свободный¹⁶⁶.

Будучи в Варшаве, Вяземский заимствует механизм «перевода» слова из польского языка, но думает, конечно, о либералах и свободах Западной Европы¹⁶⁷.

Важный аспект двойного значения слова народность становится вполне ясен из того, как в 1824 году П. А. Вяземский, уже в печати, получал своего оппонента, Михаила Александровича Дмитриева: «Всякий грамотный знает, что слово национальный не существует в нашем языке; что у нас слово народный отвечает двум французским словам: *populaire* и *national*; что мы говорим песни народные и дух народный там, где французы сказали бы *chansons populaires* и *esprit national*»¹⁶⁸.

¹⁶⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1812–1819. СПб., 1899. С. 357–358. Сам Тургенев в своем письме Вяземскому еще в 1812 году писал о национальной войне (Там же. С. 5). Вообще изучение эпистолярного наследия той эпохи может дать представление о распространенности понятия нация в образованной среде. Так, В. А. Жуковский уже в 1810 году демонстрирует вполне зрелое понимание нации в письме к А. И. Тургеневу: «В истории особенно буду следовать за образованием русского характера, буду искать в ней объяснения настоящего морального образования русских. Это мне кажется прекрасною точкою зрения, а со временем может выйти из моих замечаний что-нибудь весьма полезное (пишу это про тебя). Политические происшествия можно назвать воспитанием того отвлеченного существа, которое называют нацией» — см.: В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу, 12 сентября 1810 г., [Муратово] (*Жуковский В. А. Собр. соч.* В 4-х т. Т. 4. М.; Л., 1960. С. 468–469).

¹⁶⁷ Подробнее см.: *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. С. 81–112; Он же. Народность и нация.

¹⁶⁸ *Вяземский П. А.* Разбор второго разговора // Дамский журнал. 1824. № 8. С. 76–77 (цит. по: *Бадалян Д. А.* Понятие «народность». С. 113). В немецком языке этот вариант двойственности тоже присутствует. Слово *narodowosc*, использованное Вяземским как образец, современный польско-немецкий словарь переводит как

Эта линия напряжения между народностью как *populaire* и народностью как *national* будет активно эксплуатироваться позднее в политическом дискурсе славянофилами и, особенно, народниками.

Разумеется, П. А. Вяземский искал именно адекватный перевод слов *нация*, *национальность*, *национальный*. Однако понятие народность в 1820-е годы не пользовалось большой популярностью. Слово народность решительно не нравилось, например, Пушкину, в том числе и неопределенностью своего значения: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы — но никто не думал определить, что он разумеет под словом народность»¹⁶⁹.

В самом начале 1820-х годов Александр I по ряду причин отказывается от планов конституционных преобразований в России как несвоевременных¹⁷⁰. Идеологически национальное представительство и конституция не отвергнуты окончательно, но из публичного дискурса эти темы изымаются. Однако в кругу тайных обществ они продолжают обсуждаться весьма интенсивно. Русская Правда Павла Ивановича Пестеля, которая сочетала элементы конституции и политической программы, была написана в основном в 1822–1825 годах, и в главных пунктах была одобрена членами «Южного общества» декабристов¹⁷¹. Пестель пишет Русскую правду по-русски, но думает при этом по-французски, и на французском оставляет пометки на полях о том, что следует писать далее. Свой русский текст Пестель просил редактировать тех соратников, которые, как он считал, знали русский лучше, чем он. Он, очевидно, был озабочен поиском русской формы и русских слов для представления своих идей — поэтому он пишет не конституцию, а Русскую Правду. Поэтому, зная и используя понятие *нация*, применительно к России он пользуется понятием «Русский Народ» как синонимом *нации*. Пестель готовит этот документ с мыслью о его обнародовании после победы восстания. Полное название документа говорит в этом смысле само за себя: «Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как

Nationalitat или как Volkszugehörigkeit (Polnisch-Deutch Vorterbuch. Langenscheidts. Berlin, 1980. S. A290).

¹⁶⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1949. С. 40 (О народности в литературе).

¹⁷⁰ Подробнее см.: Миллер А. И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное. С. 51.

¹⁷¹ Подробнее о редакционной работе над Русской Правдой см.: Нечкина М. В. «Русская Правда» и движение декабристов // Восстание декабристов. Документы. Т. 7. М., 1958. С. 9–75.

для Народа так и для Временного Верховного Правления». Поиск подчеркнуто русских выражений вместо иностранных понятий конституция и нация связан именно с проблемой восприятия широкой публикой, для которой слово нация оставалось к тому времени отчетливо иностранным.

В Русской Правде изложен наиболее радикальный и последовательный, выдержанный совершенно во «французском духе», проект строительства нации в Российской империи. Он сочетает радикальные политические преобразования, включая уничтожение, в том числе буквальное, династии, и самую радикальную ассимиляторскую программу.

Пестель дважды использует слово нация в Русской Правде, оба раза говоря об «иностранцах, принадлежащих к разным другим нациям». Сама оговорка о других нациях свидетельствует, что он имплицитно имеет в виду и нацию Российского государства. (Вообще эта формула, в которой понятие нация применяется к России «по аналогии», будет весьма характерной для русского дискурса всего XIX века. Понятие нация вполне осознанно использовалось в XVIII веке именно как инструмент внешнеполитической репрезентации. В XIX веке эта формула часто используется уже неосознанно: если Россия среди других, то нация, а если речь идет только о России, вне сравнительного контекста, то естественнее употребить понятие народ.)

Пестель воспринимает нацию (Народ) как этнически открытую общность, связанную политическими узами гражданства и культурно-языковым единством.

П. И. Пестель делит народы на большие и малые, причем он не рассматривает народ или племя как имманентную сущность, и видит в малых народах объект ассимиляции и социальной инженерии. Он противопоставляет и подчиняет важное для эпохи романтизма «Право Народности» «Праву Благоудобства» (вторая глава, параграф 1), полагая, что «право Народности существует истинно для тех только Народов, которые, пользуясь оным, имеют возможность оное сохранить», то есть, способны отстоять его военной силой. Малые народы, по Пестелю, лишены такой возможности, а «посему лутче и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим Государством и совершенно сольют свою Народность с народностью Господствующаго Народа, составляя с ним только один Народ, и переставая бесполезно мечтать о Деле Невозможном и Несбыточном»¹⁷².

---

¹⁷² Восстание декабристов. Документы. Т. 7. С. 121–122.

В альтернативном декабристском программном документе, заметно более краткой Конституции Никиты Михайловича Муравьева, говорилось об освоении русского языка, без знания которого через 20 лет после введения этой Конституции в жизнь нельзя будет пользоваться гражданскими правами¹⁷³.

В обязанности «Русского Народа», как и других больших наций, входит, по П. И. Пестелю, «охотно принимать в свою Народность племена присоединенные, дабы они составляли в Государстве не только худо прилепленные к нему части, но сливались бы совершенно в общий Состав, забывали бы свою прежнюю бессильную Народность и вступали бы с удовольствием в новую Величественнейшую Народность». Русская Правда, очевидно, вдохновлялась французской моделью нациестроительства, основанной на лидирующей роли централизованного светского государства и культурно-языковой гомогенизации.

Проект Пестеля — это, кажется, единственная попытка рассматривать всю империю как материал для строительства нации. «Большое Государство» из Русской Правды, по сути, стремится перестать быть империей, преодолев культурную, языковую и, со временем, кажется, даже конфессиональную неоднородность, слив все группы подвластного населения в один «Господствующий Народ»¹⁷⁴.

Русская Правда — это пример реакции на качественно новую ситуацию, возникшую в результате аннексий конца XVIII и начала XIX века, когда этническая гетерогенность империи резко возросла. Тема этнической разнородности империи и способов ее преодоления, ассимиляции и аккультурации становится все более важной и описывается с помощью всего доступного набора понятий — народ, нация, народность.

Анализ реформистских проектов первых десятилетий XIX века показывает, что перед их авторами с новой остротой встала проблема перевода слова нация, сохранявшего отчетливый привкус иностранного заимствования, на русский язык. В это время происходила эмансипа-

---

¹⁷³ Гл. 2, ст. 8: «Через 20 лет по приведении в исполнение сего устава Российской империи никто не обучившийся русской грамоте не может быть признан гражданином» (текст Конституции см.: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 321–326, 328–336).

¹⁷⁴ Русская Правда делает исключение для Польши, которая трактуется как «историческая» нация, способная к самостоятельному существованию. При этом перспектива предоставления Польше независимости оговаривается целым рядом условий, среди которых — право России определить будущую линию границы и обязанность Польши эту границу признать, а также обязанность Польши предоставлять всю свою армию, в случае необходимости, в состав русской армии.

ция русского языка как языка публичной сферы. Частью этой эмансипации было стремление находить слова русского корня для перевода заимствуемых понятий. В ключевых политических документах, таких как различные Уложения, Заповедные Грамоты и Русские Правды, стремление к замене слова нация русскими эквивалентами (народ, народность) было связано с предполагавшимся в будущем публичным характером этих документов. Отсюда стремление, во-первых, использовать слова, более понятные широкой публике, и, во-вторых, избежать иностранных слов, дабы не подчеркивать лишний раз заимствованного характера предлагаемых политических идей и норм.

От перевода к редактированию, вытеснению и цензуре

Весь реформаторский и революционный дискурс как властвующих элит, так и заговорщиков-декабристов оставался, за редкими исключениями, непубличным. После восстания декабристов и польского восстания 1830–1831 годов прежний дискурс о нации и национальном представительстве как желанной, хотя и труднодостижимой цели, сменился в позиции официальных кругов отрицанием конституции и национального представительства как неуместных для России в принципе. Это потребовало и отказа от понятия нация как слишком тесно связанного с идеями конституционализма.

В отношении понятия нация Сергей Семенович Уваров произвел операцию, во многом похожую на то, что было сделано в отношении понятия цивилизация¹⁷⁵.

Знаменитая формула «Православие, Самодержавие, Народность», предложенная Уваровым, знаменует этот новый этап¹⁷⁶. Уже в 1820-е годы имперские элиты, на основании как зарубежного, так и домашнего, декабристского опыта, осознали весь масштаб опасности, таившейся для старого режима в понятии нация. К этому моменту становится очевидным «неудобство» понятия нация не только как атрибута определенного политического устройства, несовместимого с самодержавием. Оказалось также, что понятие нация может быть с успехом использовано элитами окраин империи для того, чтобы бросить вызов имперскому центру. 25 января 1831 года, после демонстрации в честь казненных декабристов, сейм от имени польской нации детронизировал Николая I.

С. С. Уваров четко сформулировал свое отношение к политическому содержанию понятия нация: «Приняв химеры ограничения власти

¹⁷⁵ См. статью М. Б. Велижева в настоящем сборнике.

¹⁷⁶ Подробнее см.: *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. С. 193–216.

монарха, равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимо-конституционной формы правления, колосс не протянет и двух недель, более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены»¹⁷⁷. Главные элементы традиционной идеологической конструкции воспроизведены — империя в ее современном состоянии и могуча (колосс), и хрупка одновременно. Но если прежде конституция и национальное представительство рассматривались как благо, недоступное для России в ее нынешнем состоянии, то теперь это «ложные преобразования».

Остается, между прочим, неясным, какую роль в выборе именно термина народность сыграли сотрудники Уварова, переводившие его французские тексты на русский язык. Сам Уваров писал: *nationalite*¹⁷⁸, — и в ряде его русских текстов мы встречаем также слово национальность в контекстах, похожих на те, в которых используется слово народность¹⁷⁹.

Вытеснение из официального дискурса понятия нация было, прежде всего, вызвано его неразрывной связью с конституцией, национальным представительством и надсословностью. Именно расплывчатость понятия народность и возможность использовать его не столько для перевода, сколько для редактирования понятия нация оказались востребованы. Механизм этого явления понимал Виссарион Григорьевич Белинский, который писал: «Слово же народность именно есть одно из тех слов, которые потому только и кажутся слишком понятными, что лишены определенного и точного значения»¹⁸⁰. Цензура преследовала понятие нация, что можно хорошо видеть на примере печальной судь-

¹⁷⁷ Цит. по: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 361.

¹⁷⁸ См.: *Зорин А.* Идеология «православия–самодержавия–народности»: опыт реконструкции. (Неизвестный автограф меморандума С. С. Уварова Николаю I) // *НЛО*. 1997. № 24. С. 71–104.

¹⁷⁹ В своей записке царю в 1843 году С. С. Уваров говорит о необходимости подавить в среде польской молодежи мечтания о «частной народности и пустое стремление к восстановлению утраченной самобытности», понимая под народностью и самобытностью государственный суверенитет и ностальгию по Речи Посполитой. Говоря в этой же записке о немецком дворянстве прибалтийских губерний, он употребляет слово национальность: «мысль, что их мнимая национальность есть национальность Германская, сильно укоренилась между ними». См.: Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833–1843. (Записка, представленная Государю Императору Николаю Павловичу Министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 году и возвращенная с собственноручною надписью Его Величества: «Читал с удовольствием»). СПб., 1864. С. 124, 50–51.

¹⁸⁰ *Белинский В. Г.* Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия (1841 г.) // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 5. М., 1954. С. 654.

бы статей Белинского, где он пытался коснуться этих вопросов даже в весьма завуалированной форме¹⁸¹.

Нация обсуждается Белинским в связи с такими понятиями, как государство и общество. По необходимости Белинский делал это в завуалированной форме и не мог вполне развить свои идеи — цензура внимательно следила за этими сюжетами. Весьма возможно, что именно опасением цензурных репрессий можно объяснить, почему в статье Общ^{ий} взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия, написанной в 1842 году, Белинский лишь однажды использовал слово нация, но многократно — слово народ¹⁸². (Впрочем, статья все равно не прошла цензуру и была опубликована только в 1862 году.) Темы, которые Белинский пытался обсуждать в печати, занимали умы в умножавшихся как раз в то время интеллектуальных кружках, где свобода высказывания не зависела от цензуры¹⁸³.

¹⁸¹ Там же. С. 681; *Белинский В. Г.* Статьи о народной поэзии // *В. Г. Белинский*. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 122. Подробнее см.: *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. С. 99–101.

¹⁸² *Белинский В. Г.* Общий взгляд. С. 654.

¹⁸³ Молодой П. А. Валувев, член «кружка шестнадцати», в который входили Гагарин, Лермонтов и другие яркие молодые аристократы, 6 декабря 1839 года в своей записной книжке оставил на французском запись, адресованную Гагарину, с которым, по всей видимости, он обсуждал эти темы: «*Мысли о национальности (nationalite)*. Гагарин друг, но больший друг истина [...] Я не могу точно установить, к какому времени относится изобретение этого слова. Как бы то ни было, изобретение неплохое. В наше время газетчики подразумевают под этим словом почти исключительно большую или меньшую независимость нации (nation), образующую среди других наций обособленное политическое целое. В этом смысле вызывают постоянно призрак польской национальности. — Но мы в нашем споре совсем не так поняли слово национальность. Применяя это слово к внешним политическим формам, ограничивая национальность рубежами, установленными правительствами, сводя ее, так сказать, только к костюму, маске, под которой народ появляется в политическом мире, забывают, мне кажется, основные элементы национальности, занимаются тем, что восстаивают на зыбучем песке дипломатические переговоры, т. е. здание, фундамент которого должен покоиться на внутренней жизни, нравах и истории нации. Я думаю, что мы употребляли слово национальность в том смысле, которым обозначают национальный дух, национальные обычаи, национальные песни. Чтобы быть возможно более сжатым, спешу представить вашему одобрению предварительное определение слова национальность. Национальность есть целое, состоящее из языка, нравов, верований и характера нации, она является комплексом всего того, что ее существенно отделяет от других — комплексом связывающим» (см.: *Герштейн Э. Г.* Лермонтов и «кружок шестнадцати» // *Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исслед. и мат-лы: Сб. 1. М., 1941. С. 77–124, цит. с. 100*). Тогда же регулярно собираются кружки у И. В. Киреевского, П. Я. Чаадаева; эти кружки тоже заведомо не были чужды этой проблематики.

Более поздние работы свидетельствуют об устойчивости рассмотренных мотивов в мысли В. Г. Белинского. Например, он возвращается к ним в статье Взгляд на русскую литературу 1846 г. О «взрослости»: «В чем состоит эта русская национальность, этого пока еще нельзя определить»¹⁸⁴. О политическом содержании понятия: «Человек силен и обеспечен только в обществе; но, чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — национальность»¹⁸⁵.

Усилия властей давали результат, и, как писал Модест Андреевич Корф в своем дневнике 1848 года, шеф жандармов Алексей Федорович Орлов не без удовлетворения отмечал, что угроза революции в России по образцу европейских потрясений мала, поскольку:

...главный оплот наш [...] против народной [...] общей революции, в том, что у нас нет ни элементов для нее, ни орудий [...] Элементов нет, потому что свобода книгопечатания, народная репрезентация, народное вооружение и прочие, наполняющие теперь Запад идеи, для девяти десятых русского народонаселения — совершенная ахинея¹⁸⁶.

В то же время, стремясь вытеснить понятие нация на обочину дискурса, власти открывали публичное пространство и, что особенно важно, пространство периодической печати для дебатов о народности. В политике имперских властей элементы националистической тактики становятся очевидными с 1830-х годов. Особенно ясно это прослеживается в деятельности С. С. Уварова, создавшего кафедры отечественной истории, внедрившего в образование национальный исторический нарратив в его устряловской версии, стандартизовавшего университетские программы¹⁸⁷.

Изначально понятие народность использовалось для обозначения общности (и в этом значении могло быть более или менее сходно по значению с понятиями народ и нация) или для обозначения свойств литературных сочинений и других произведений искусства. Оба значения оставались актуальными вплоть до 1880-х годов. Вместе с тем в конце 1840-х годов новая трактовка понятия народность как набора специфических характеристик, присущих тому или иному народу, была предложена Николаем Ивановичем Надеждиным в его докладе Об эт-

¹⁸⁴ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 г. // В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 21.

¹⁸⁵ Там же. С. 29.

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 728, д. 1817, ч. хі, л. 144об.–145. Цит. по: Шевченко М. М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 123.

¹⁸⁷ Подробнее см.: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Гл. 6.

нографическом изучении народности русской¹⁸⁸. Надеждин и его взгляды на народность оказывали существенное влияние на программу деятельности Императорского Русского географического общества и курс этнографической науки вплоть до 1880-х годов. Мария Войттовна Лескинен, подробно рассмотревшая надеждинскую трактовку народности, считает, что «соотношение народа и народности у Надеждина близко к современному различению этноса и этничности»¹⁸⁹. Если воспользоваться словами самого Надеждина, «народы составляют предмет, которым ближайше занимается, а описание 'народностей' есть содержание, из которого складывается этнография»¹⁹⁰. Именно в этом значении употребляет в 1883 году и позднее понятие народность Владимир Сергеевич Соловьев, когда пишет, что «англичане грабят народы, немцы уничтожают в них саму народность»¹⁹¹.

Постсевастопольская Россия. «Перезагрузка» понятия народность, возвращение нации

В. С. Соловьев пользовался выражением «предсевастопольский период», которое, пожалуй, более точно определяет рубеж двух эпох, чем привычное понятие «эпоха великих реформ»¹⁹². Смена дискурса начинается практически одновременно с началом нового царствования, во второй половине 1850-х годов, задолго до отмены крепостного права. Атмосферу 1856–1857 годов хорошо передает заметка Александра Ивановича Герцена, открывающая третью книгу Полярной звезды. «В последние два года литература наша возмужала на десять лет», — пишет Герцен и объясняет, что в томе нет обозрения русской литературы уже не потому, что недостаточно материала, но потому, что он не уверен, что «отзывы Полярной Звезды не опасны для книг и лиц в России»¹⁹³.

Понятие нация и производные от него не сразу возвращаются на страницы печати — это происходит скорее в самом начале 1860-х годов.

¹⁸⁸ Впервые опубликован: Зап. Русского географического общества. Кн. 2. 1847. Современная публикация: Этнографическое обозрение. 1994. № 1–2. С надеждинской интерпретацией народности сходна трактовка понятия национальность как «одинаковости обычаев и нравов» среди «лиц, принадлежащих к какому-либо одному народу», которую дает в 1845 году словарь Н. Кирилова (Карманный словарь иностранных слов. Вып. 1. С. 221).

¹⁸⁹ Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке. С. 64–91 (цит. с. 67).

¹⁹⁰ Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 110.

¹⁹¹ Соловьев В. С. Национальный вопрос в России // В. С. Соловьев. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1889. С. 266.

¹⁹² Там же. С. 449.

¹⁹³ Полярная Звезда. Кн. 3. Лондон, 1857. С. III (репринтное переизд.: М., 1966).

Однако уже в конце 1850-х в дискурсе имперской бюрократии используется понятие национальный, причем прежде всего в связи с национализмом на окраинах империи. В предписании цензурным комитетам от 1858 года в случае переиздания Грамотки Пантелеймона Александровича Кулиша, впервые напечатанной в Петербурге в 1857 году, указано исключить из нее статьи, «проникнутые национальным украинским духом»¹⁹⁴. В 1860-е устойчиво присутствует в языке бюрократии понятие национальный вопрос. Собираясь в инспекционную поездку в Киевское генерал-губернаторство летом 1864 года, Петр Александрович Валуев так формулировал свои задачи в докладной записке царю: «В отношении к национальному вопросу надлежит обратить внимание на стремления малороссийского сепаратизма и наблюдать за тем, чтобы под видом патриотического противодействия полонизму так называемые крайнофилы не организовали в народных массах противодействия правительственному великорусскому началу единства России»¹⁹⁵. Понятие нация и производные от него активно используются в начале 1860-х и в дискурсах окраинных националистов¹⁹⁶.

В начале 1860-х годов впервые заявленная в печати, в первую очередь в журнале *Основа*, идеология украинского национализма поставила под вопрос концепцию общерусской народности, объединяющей великороссов, малороссов и белорусов. Этот вызов приобретал особое значение в условиях освобождения крестьян, когда актуальными становились вопросы массового начального образования и языка преподавания в начальных школах, а также проблема включения крестьян в нацию (или народность) в качестве субъекта. Новую остроту этим сюжетам придали события 1863–1864 годов, связанные с польским восстанием. Эти две темы — национального сепаратизма на окраинах и консолидации русской нации — существуют уже нераздельно в дискурсе 1860-х годов.

Наиболее активны в обсуждении этих вопросов катковские издания. Сам Михаил Никифорович Катков уделяет им пристальное внимание. До 1863 года в его публицистике чаще используется понятие народность, содержание которого, впрочем, становится очень близко понятию нация. В ответ на статью Николая Ивановича Костомарова *Две*

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 772, оп. 1, ч. 2., ед. хр. 4503.

¹⁹⁵ Там же. Ф. 908, оп. 1., ед. хр. 231, л. 4об.

¹⁹⁶ Н. И. Костомаров, например, в известной статье «Две русские народности» дважды говорит о том, что «в Великороссии великий князь заменил общественную волю всей нации» (*Основа*. СПб., 1861. № 3. С. 74–75. Подробнее анализ публицистики журнала «Основа» см.: *Миллер А. И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении*. СПб, 2000).

русские народности, где речь шла о великорусах и малорусах/южноруссах как об отдельных народностях, Катков писал: «Возмутительный и нелепый софизм [...] будто возможны две русские народности и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка!»¹⁹⁷ Здесь «русская народность» очевидно используется в значении «нация»¹⁹⁸. Тогда же, по аналогии с европейскими державами и в связи с вызовом со стороны украинского национализма, в русской мысли начинает активно разрабатываться тема разграничения между русской нацией и русской национальной территорией, с одной стороны, и империей — с другой¹⁹⁹.

В 1863 и 1864 годах Катков уже много пишет именно о нации, прежде всего в связи с вопросом о «принципе национальности», то есть о праве наций на самостоятельное политическое существование и о целостности империи, которую он трактует как государство русского народа.

Очень часто в текстах М. Н. Каткова появляется в это время пропагандистское словосочетание «национальное чувство»: «нет в мире народа, в котором национальное чувство было бы так сильно и крепко как в русском народе»²⁰⁰. Это составляет очевидный контраст с его настроениями 1861 года, когда он еще не принял на себя роли главного пропагандиста русского национализма: «Русская народность еще сама сомневается в себе, ищет себя и не обретает. Где на народность большой спрос, где о ней слишком много толкуют, там значит ее мало или там ее нет в наличности»²⁰¹.

Эта смена дискурса в условиях польского восстания была характерной для большей части общества.

---

¹⁹⁷ Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских Ведомостях», «Русском Вестнике» и «Современной Летописи». Вып. 1. М., 1887. С. 276.

¹⁹⁸ Параллельное использование понятий народность, нация, национальность как сходных по смыслу было типично для 1860-х годов. Н. Я. Данилевский в России и Европе (1869) использует народность и национальность как синонимы, причем национальность чаще и более охотно.

¹⁹⁹ Подробно см.: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Гл. 7.

²⁰⁰ Московские ведомости. 21 мая 1865. № 110. См. также: Там же. 11 февр. № 34.

²⁰¹ Катков М. Н. Наш язык и что такое свистуны // Русский вестник. Т. 32. М., 1861. С. 13. Мотив недостаточной национальной сплоченности, недостаточной национальной энергичности почти неизменно возникает в русских рассуждениях о нации и народности, когда речь заходит о сравнении с образцами — Британией, Францией, Германией.

&Константин Николаевич Леонтьев использовал в своих работах понятие нация, а в начале 1870-х даже не придавал ему негативного смысла. Так, в статье Панславизм и греки Леонтьев писал:

Немцы — нация. Славяне — племя, разделенное на отдельные нации языком, бытом, прошедшей историей и надеждами будущего. Немцы могли соединиться в одно союзное государство. Славяне могут составить лишь союз отдельных государств. Этнографически немецкое государство и немецкую нацию можно уподобить большой планете, около которой есть лишь два одноплеменных спутника германского племени — Голландия и Скандинавия. Россия — планета со многими спутниками, похожими этнографически не на Баварию или Ганновер (Баварию или Ганновер можно было бы уподобить лишь отдельному Новгородскому или Малороссийскому царству), а на Голландию и Швецию²⁰².

Очевидно, что здесь понятие нация у Леонтьева тесно связано с государственностью и с особой степенью культурной близости, в то время как племя — понятие, обозначающее общность более широкую и аморфную.

В работе 1875 года Византизм и славянство К. Н. Леонтьев уже начинает развивать представление о современном ему национализме (это слово он и использует) как о силе, неразрывно связанной с либерализмом и конституционным устройством. В этом качестве национализм оказывается орудием либерального «упрощения», борьбы с аристократическим принципом внутри отдельных обществ и орудием нивелирования человеческих обществ в мировом масштабе²⁰³. Наиболее четко эти идеи были представлены Леонтьевым в брошюре Национальная политика как орудие всемирной революции²⁰⁴. Главный тезис дан чеканной формулой: «Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации»²⁰⁵. Национализм у Леонтьева оказывается борьбой со всяческой традиционной оригинальностью за установление светского либерально-конституционного уравнительного порядка, «космополитизмом идей и чувств»²⁰⁶.

²⁰² См.: *Леонтьев К. Н.* Панславизм и греки // *К. Н. Леонтьев. Собр. соч.* Т. 5: Восток, Россия и славянство. М., 1912. С. 12 (первая публикация в Русском вестнике в 1873 г.).

²⁰³ См.: *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // *К. Н. Леонтьев. Собр. соч.* Т. 5. С. 110–261.

²⁰⁴ *Леонтьев К. Н.* Национальная политика как орудие всемирной революции. М., 1889.

²⁰⁵ Там же. С. 6.

²⁰⁶ Там же. С. 10.

Все эти нации, все эти государства, все эти общества сделали за эти 30 лет огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смещения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т. д. [...] Все общества Запада за эти 30 лет больше стали похожи друг на друга, чем было прежде. Местами более против прежнего крупная, а местами более против прежнего чистая группировка государственности по племенам и нациям есть поэтому не что иное, как поразительная по силе и ясности своей подготовка к переходу в государство космополитическое, сперва европейское, а потом, быть может, и всемирное!²⁰⁷

«Наияснейший первообраз новой Европы» К. Н. Леонтьев видит в «эгалитарно-либеральной» Франции²⁰⁸. Россия, по Леонтьеву, вступила на путь революционно-эгалитарного национализма с отменой крепостного права: «Политика племенная, обыкновенно называемая национальною, есть ни что иное, как слепое орудие все той же всесветной революции, которой и мы, русские, к несчастью, стали служить с 1861 года»²⁰⁹.

Особенный интерес представляет заключение этой брошюры, где К. Н. Леонтьев, отвергнув и осудив современный национализм, не желает отказываться от самого понятия и говорит об «истинно-национальном» призвании России, которое должно быть «культурное, а не чисто-политическое»²¹⁰. Иными словами, Леонтьев хочет отделить «истинно-национальное призвание» от тех либерально-демократических принципов, которые так прочно с ним ассоциируются. Именно эта тактика антилиберальных сил вскоре позволит им в значительной мере присвоить понятие нация и изменить его содержание. Сам Леонтьев надежды на осуществление «истинно-национальной миссии» прямо связывал с «современной реакцией» в России²¹¹.

Конечно, аристократическое реакционерство Леонтьева, сожалевшего о том, что рабство, религиозность и утонченный разврат уходят в прошлое, было слишком экзотическим цветком, но в упрощенном (и извращенном) виде его аргумент о необходимости отделить национализм от идей конституционализма, светскости и демократизма был усвоен широко. Так в 1880-е годы традиционная конструкция, в кото-

---

²⁰⁷ Там же. С. 13.

²⁰⁸ Там же. С. 19.

²⁰⁹ Там же. С. 44.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же. С. 48.

рой нация и национализм являются источником угрозы и, одновременно, необходимым ресурсом, получает новое содержание.

Принципиальная «незападность» русского общественного устройства важна, разумеется, и для таких оппонентов М. Н. Каткова, как славянофилы. Один из аспектов этой темы — взаимоотношения русской нации с империей и династией. Славянофилы считали, что русский народ отказался от политического бремени в пользу самодержавной монархии, демократы и те либералы, которые не были настроены националистически, говорили о свержении самодержавия на пути к общей свободе и гармонизации отношений между различными этническими группами империи. Националисты же, в том числе из среды поздних славянофилов, ставили вопрос о том, что империя должна служить прежде всего интересам русской нации, а не династии²¹². Отчасти реакцией на эту позицию становится постепенная национализация династии Романовых при Александре III и Николае II.

Другой аспект темы — определение тех территорий и групп населения, которые должны были стать частью русской национальной территории и русской нации и, как следствие, тех окраин империи и групп населения, которые не рассматривались как объекты ассимиляции в обозримом будущем²¹³. В 1880-е годы киевский противник украинского движения Михаил Владимирович Юзефович сформулировал лозунг «единой и неделимой России», который для него означал не единство империи во всей ее полноте, но именно единство русской нации как объединяющей всех восточных славян²¹⁴. В это же время формула «исконно русские земли» становится неотъемлемой частью официального языка.

---

²¹² См., например, относящиеся к 1864 году рассуждения М. П. Погодина: «Русский государь родился, вырос из Русской земли, он приобрел все области с русскими людьми, русским трудом и русской кровью! Курляндия, Имеретия, Алеутия и Курилия суть воскрылия его ризы, полы его одежды, а его душегрейка есть Святая Русь [...] видеть в государе не Русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей, это есть такая нелепость, которой ни один настоящий русский человек слышать не может без всякого негодования» (*Погодин М. П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний, 1831–1867. М., 1867. С. 189*). В начале XX века эти идеи выражались уже более лапидарно: «Русский национализм, как я его понимаю, есть признание права русского народа получить возмещение расходов, понесенных им в постройке империи» (*Сигма [Сыромятников С. Н.] Дома. XLII // Новое время, 9 (22) февр. 1903. № 9675*).

²¹³ В связи с этим начинает расширяться понятие инородец. См. статью В. О. Бобровникова в настоящем сборнике.

²¹⁴ Именно от «единой и неделимой России» был поставлен в Киеве в 1888 году памятник Богдану Хмельницкому.

В 1880-е годы не только реакционеры и традиционалисты, но и либералы смещают внимание с нации на национализм. Ярче всего это видно в работах В. С. Соловьева, для которого в этот период данная тема была центральной²¹⁵. Нация и народ у Соловьева зачастую выступают как синонимы²¹⁶. Нация порой трактуется как вневременное явление: Соловьев, например, говорит о нациях в древнем мире²¹⁷, о «важной культурной нации Финикии»²¹⁸. Народность и национальность понимаются им в надеждынской традиции как набор специфических характеристик²¹⁹.

«Мания национализма, — считает Соловьев, — есть господствующее убеждение наших дней»²²⁰. Понятия народность, национальность и национальная идея Соловьев использует как положительные, обозначающие освободительные устремления, национализму же он придает исключительно отрицательное значение:

Различие между национальностью и национализмом — то же самое, что между личностью и эгоизмом [...]

Народность есть положительная сила, и всякий народ имеет право на независимое (свободное от других народов) существование [...] Национальная идея, понимаемая в смысле политической справедливости, во имя которой защищаются и освобождаются народности слабые и угнетенные [...] заслуживает всякого уважения и симпатии. [...] Национализм или национальный эгоизм, то есть стремление отдельного народа к утверждению себя на счет других народностей, к господству над ними, есть полное извращение национальной идеи²²¹.

Такую трактовку национальной идеи становилось крайне затруднительно совмещать с повесткой дня русского национализма, который выступал за целостность империи. Тема политического представительства не связывается уже у Соловьева с темой нации.

В. С. Соловьев отмечает популярность новой, органицистской трактовки нации, говоря о «зооморфическом идолу, которому служат ны-

---

²¹⁵ Его сборник «Национальный вопрос в России» выдержал 3 издания (1884, 1888, 1891). Последнее издание, состоящее уже из двух выпусков, включает статьи за 1883–1891 годы. Цит. по изданию 1989 г.: Соловьев В. С. Национальный вопрос. С. 257–637.

²¹⁶ Там же. С. 261.

²¹⁷ Там же. С. 355.

²¹⁸ Там же. С. 365.

²¹⁹ См. уже цитированное: «Англичане грабят народы, немцы уничтожают в них саму народность» (Там же. С. 266, 269).

²²⁰ Там же. С. 516.

²²¹ Там же. С. 518.

нешние националисты»²²². «Родоначальниками нашего национализма» Соловьев объявляет славянофилов²²³, отрицая либеральные корни национализма и превращая таким образом национализм в консервативную идеологию. В отличие от К. Н. Леонтьева, осуждавшего либеральный национализм и предлагавшего собственную версию «правильного» национализма, Соловьев вовсе не пытается предъявить права на национализм, отстоять его либеральную генеалогию, но однозначно его осуждает, отдаст на откуп идейным и политическим оппонентам. В статье Национализм для словаря Брокгауза — Ефрона, написанной Соловьевым, национализм характеризуется как «знамя дурных народных страстей», «переразвитие национального чувства», а популярность национализма объясняется «ошибочным его смешением с патриотизмом»²²⁴.

Обозначившаяся уже в 1860-е годы, к 1880-м годам вполне набирает силу тенденция использовать понятие нация прежде всего для обсуждения темы этнической или расовой консолидации, а также темы нации как организма и как мистической духовной связи²²⁵. Неразрывно связанная с понятием нация в первой половине XIX века, тема политического представительства и конституции теперь чаще всего артикулируется либералами без использования этого понятия. В социалистической части политического спектра нация все чаще подчиняется классу или вытесняется им.

Понятие народность в 1880-е годы почти выходит из употребления. В языке конца XIX — начала XX века народность чаще всего обозначает этническую группу, причем издававшаяся тогда Большая Энциклопедия полагала, что человеческие коллективы «постепенно развиваются

²²² Там же. С. 631. Среди тех, кто активно использовал понятие национальный организм, был, например, Ф. М. Достоевский. См.: *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. В 15 т. Т. 14. СПб., 1995. С. 117, 291.

²²³ Соловьев В. С. Национальный вопрос. С. 501.

²²⁴ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (изд.) Энциклопедический словарь. Т. 20а. СПб., 1897. С. 710, 713.

²²⁵ В 1886 году вышел русский перевод эссе Эрнеста Ренана «Что такое нация?», где расовая трактовка нации и тема духовной связи занимают центральное место. Впрочем, расовые мотивы связываются с нацией уже в 1870-е годы. Так, А. Н. Пышин уже в 1875 году писал: «...‘национальность’, ‘раса’ имеют важное значение в истории развития народа» (*Пышин А. Н.* Древний период русской литературы и образованности. Сравнительно-исторические очерки // Вестник Европы. 1875. № 11. С. 104). В начале XX века связь нации и расы была настолько прочной, что словарь Гранат вместо статьи о нации помещал отсылку к статьям Раса и Ассимиляция, давая обширную статью Национальный вопрос (Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 30. Пг., 1916. С. 69). О расовом мышлении, в том числе о связи расы и нации, см. статьи К. Холла и В. Толыз в настоящей книге.

из народности в национальность и из национальности в нацию»²²⁶. Ни эта энциклопедия, ни широко распространенные в то время энциклопедические словари Брокгауза — Ефрона и Гранат не содержат отдельных статей о народности. То определение народности, которое дал в 1873 году Александр Дмитриевич Градовский, позднее стало основой для определения нации во многих толковых словарях и энциклопедиях²²⁷.

Начало XX века

В 1915 году публицист и библиограф Николай Александрович Рубакин посвятил один из выпусков своего труда Среди книг обзору литературы по национальному вопросу. Приведенный им список, охватывающий почти исключительно публикации предыдущей декады, насчитывает около 700 позиций. Кроме того, в самом обзоре Рубакин неоднократно отсылает читателя к публикациям, включенным в предыдущие разделы его библиографии, так что можно уверенно утверждать, что он оперирует примерно одной тысячей наименований²²⁸. Далеко не полный обзор Рубакина служит убедительной иллюстрацией тезиса, высказанного в начале статьи, — объем материала для начала XX века настолько велик, что требует специального исследования, далеко выходящего своим масштабом за формат статьи. Здесь есть место лишь для

---

²²⁶ Южаков С. Н. (ред.) Большая Энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 13. СПб., [1903]. С. 715. Примеры такой иерархии понятий можно встретить и в конце XIX века. Так, известный миссионер Н. И. Ильминский 21 апреля 1891 года писал К. П. Победоносцеву о народах Поволжья: «Я полагаю, что такие мелкие разрозненные народности не могут прочно существовать и, в конце концов, они сольются с русским народом самым историческим ходом жизни» (Письма Н. И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву. Казань, 1895. С. 399).

²²⁷ А. Д. Градовский писал о народности как о «совокупности лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого», которая «имеет право образовать особую политическую единицу» (Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и литературе. М., 1873. С. 10). Ср.: «Нация — совокупность лиц, связанная сознанием своего единства, главными факторами которого являются: общность происхождения, общность языка, религии, быта, нрава, обычаев и исторического прошлого» [Сеславин Д. Н. (сост.) Карманная энциклопедия и слово-толкователь по новейшим источникам. СПб.; Киев; Харьков, 1902. С. 246]. Ср. также: «...совокупность индивидов, связанная сознанием своего единства, общности происхождения, языка, верований, быта, нравов, обычаев, исторического прошлого и солидарностью социальных и политических интересов настоящего» (Нация // Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон (изд.) Малый энциклопедический словарь. 22е изд. В 2 т., 4 вып. Т. 2, вып. 3. СПб., 1909. Стб. 693–694).

²²⁸ См.: Рубакин Н. А. Национальный вопрос // Н. А. Рубакин. Среди книг. Т. 3, полутом 1. Пг., 1915. С. 100–198.

самых общих наблюдений о самом исследовании Рубакина, автор которого не скрывает своих либеральных убеждений, что, конечно, делает его обзор довольно тенденциозным.

Вполне в духе времени Рубакин посвящает заметно больше внимания трактовкам национального вопроса и национализма, чем нации, что отражает смещение внимания к понятиям, непосредственно связанным с политической активностью, получившей, наконец, после 1905 года, легальное пространство. Своего отрицательного отношения к национализму автор вовсе не скрывает:

Литература по национальному вопросу подавляет теми человеконенавистническими тенденциями, которыми в большей или меньшей степени проникнуто огромное большинство произведений, разработке национального вопроса посвященных [...] Национальный вопрос это вопрос о борьбе, о грызне национальностей между собой, потому что не о единении человечества обыкновенно говорят люди, выдвигая на первый план национальные различия и так называемые «национальные идеи», а о разъединении его, о поддержании, хотя бы даже искусственном и насильственном, тех различий, какие в разных племенах и расах наблюдаются²²⁹.

Рассуждая о том, что такое нация и национальность, Рубакин сразу отмечает многообразие мнений по этому вопросу. Он выделяет четыре основных подхода: «метафизическую точку зрения», понимающую нацию как мистический организм, рационально неопределимый²³⁰; «психологическое (волюнтаристское) направление»²³¹; «эмпирическое направление, ограничивающееся перечислением элементов, присущих нации»²³²; наконец, «экономический материализм»²³³. У Рубакина нация практически исчезает как «сущность» и со всей очевидностью приобретает черты ключевого понятия, оспариваемого различными идеологами

---

²²⁹ Там же. С. 105. Итак, для Рубакина нация связана с племенными и расовыми различиями. В очерке также очевидно противопоставление больших наций малым народностям и национальностям.

²³⁰ Примером такого подхода Рубакин, вслед за Н. А. Бердяевым, считает славянофильство (Там же. С. 103).

²³¹ Здесь в качестве образца приведен Э. Ренан (Там же).

²³² В качестве представителя этого направления упомянут П. Л. Лавров (Там же. С. 104).

²³³ Здесь упоминаются К. Каутский, О. Бауер, из российских авторов — Х. Житловский.

и политическими силами²³⁴. Он также пытается выстроить классификацию и, одновременно, генеалогию типов русского национализма:

1. народность официальная;
2. славянофильство раннее;
3. славянофильство позднейшее;
4. славянофильство современное;
5. реакционный национализм Каткова и наших дней, представителями которого являются крайне правые;
6. национализм октябристского оттенка;
7. национализм либеральный, представителями которого могут считаться писатели, группирующиеся около «Русской Мысли» и сборника «Вехи»²³⁵.

Себя Рубакин позиционирует вне этого поля, вероятно, близко к Павлу Николаевичу Милюкову и основной группе кадетов, которые видели себя в оппозиции к национализму.

В качестве типичного примера взгляда на эти темы из правой части спектра, где-то на границе тех групп, которые Н. А. Рубакин описывает под пунктами 5 и 6, можно привести выдержавшую как минимум три издания книгу члена Киевского клуба русских националистов Павла Ивановича Ковалевского *Национализм и национальное воспитание в России*²³⁶. Это сочинение, представляющее собой набор весьма противоречивых, нередко интегрально-националистических, расистских и даже протофашистских тезисов, представляет интерес в контексте нашего исследования, поскольку значительная его часть посвящена определению ключевых, с точки зрения Ковалевского, понятий националистической мысли. Определяет и развивает эти понятия Ковалевский с помощью многочисленных отсылок к тем авторам, из трудов которых он извлекает близкие его взглядам цитаты²³⁷.

Нация, по Ковалевскому, это:

²³⁴ См., например: «Нет человечества, существуют лишь нации», говорит националист. 'Нет наций: существуют лишь народности', — говорит сепаратист. 'Народности, это — осужденные на исчезновение, случайные, несущественные видоизменения нации', — возражает 'сепаратисту' паннационалист. 'Нации и народности — это не больше, как осужденные на исчезновение, случайные, неестественные модификации человечества', покрывает эти голоса своим голосом космополит» (Там же. С. 112). Подробнее о нации как ключевом символе, оспариваемом разными политическими силами, см.: *Verdery K. Whither «Nation» and «Nationalism»? // Daedalus. 1993. Summer. P. 37.*

²³⁵ *Рубакин Н. А. Национальный вопрос. С. 116.*

²³⁶ *Ковалевский П. И. Национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1912.*

²³⁷ Круг цитируемых Ковалевским современников достаточно широк — от М. О. Меншикова до П. Б. Струве, а из текстов прошлого ему особенно нравится цитировать «Русскую Правду» П. И. Пестеля (Там же. С. 68–69, 253, 359).

*...группа людей, занимающая определенную территорию на Земном шаре, объединенная одним разговорным языком, исповедующая одну и ту же веру, пережившая одни и те же исторические судьбы, отличающаяся одними и теми же физическими и душевными качествами и создавшая известную культуру. Национальный — свойственный, присущий данной нации. Национальность — собрание свойств и качеств, присущих той или иной другой нации*²³⁸.

Ковалевский проводит различие между нацией и народом:

*В русском языке есть слова «народ», «народность», «народный». Но это не то же, что нация, национальность, национализм. Это или больше, или меньше. Словом «русский народ» обозначают или состав жителей всего Российского государства, и тогда в это государственное понятие входит 150 наций, составляющих Российскую империю, или словами «русский народ» обозначают сословие, класс людей, простой класс народонаселения*²³⁹.

Это рассуждение замечательно по двум причинам. Во-первых, нация у Ковалевского выступает как этническая группа, отсюда 150 наций в Российской империи, что парадоксальным образом близко позднейшему советскому дискурсу. Во-вторых, для общности, охватывающей всех подданных/граждан империи, Ковалевский предпочитает понятие народ.

Целый набор понятий, производных от нации, становится предметом его обсуждения и научнообразного толкования — национальное чувство, национальное сознание и так далее²⁴⁰. Среди ключевых для Ковалевского — понятия национализация, национализировать. «Национализировать значит внедрять в ту или другую группу людей свойства, присущие той или другой нации». Ковалевский утверждает, что «в настоящее время русская нация очень слабо национализирована»²⁴¹. Хотя Ковалевский говорит о становлении сознательного русского национализма после того, как «Верховная власть 17 октября 1905 г. признала самосознание русского народа настолько установившимся, что призвала граждан к принятию участия в устройстве и управлении государством»²⁴², он связывает недостаточную национализацию не столько с недостаточной включенностью людей в политическую и гражданскую активность,

---

²³⁸ Ковалевский П. И. Национализм. С. 65–66.

²³⁹ Там же. С. 68.

²⁴⁰ Там же. С. 83–84.

²⁴¹ Там же. С. 66.

²⁴² Там же. С. 55.

сколько с недостатком национального сознания, то есть этнической мобилизации и индоктринации²⁴³.

П. И. Ковалевский использует понятие нация в типичном для XX века ключе — как инструмент исключения из национальной общности своих политических противников: «В настоящее время большинство русской интеллигенции не только анационально, но прямо антинационально»²⁴⁴. В связи с этим у Ковалевского возникает и расовый мотив, когда он доказывает, что интеллигенция должна быть проникнута «живым чувством кровной своей связи с данной национальной группой»²⁴⁵.

Другой способ национализации — это «внедрение национальных свойств одной нации другой нации»²⁴⁶, «сознательное и умышленное насаждение национальных свойств и качеств державной нации в нациях культурно слабых и соподчиненных»²⁴⁷.

Даже поверхностный взгляд на цитированные сочинения Н. А. Рубакина и П. И. Ковалевского, каждый из которых был далеко не ведущей фигурой в своем лагере, показывает новое качество периода. В условиях, когда манифест 17 октября 1905 года принципиально изменил содержание и границы общественной и политической сферы, понятие нация становится частью консолидированных, развитых и взаимоисключающих идейных систем, используется для планирования пропагандистских стратегий, тактических шагов и формулирования публичных политических программ.

Заключение

Понятие нация появилось в русском языке в петровский период, но сохраняло статус нового и заимствованного вплоть до последних десятилетий XIX века. С самого начала понятие было многозначным, обозначая государство, совокупность его подданных, дворянскую корпорацию. Также с самого начала в его понимании присутствовал и этнический мотив. Поэтому один из ключевых вопросов — пропорциональное соотношение всех этих мотивов в тот или иной период.

---

²⁴³ Формулируя свой политический идеал, Ковалевский переписывает триаду Уварова, в которой считает нужным заменить лишь народность: «В основе исповедания русской национальной партии лежат следующие три положения: самодержавие, православие и русское единодержавие» (Там же. С. 209).

²⁴⁴ Там же. С. 58.

²⁴⁵ Там же. С. 59.

²⁴⁶ Там же. С. 67.

²⁴⁷ Там же. С. 68.

Понятие народность вошло в оборот в 1820-е годы, будучи изначально, наряду с народом, одним из вариантов перевода понятия нация на русский язык из франкоязычного дискурса образованных элит. Народность имела широкое хождение в период 1830–1860-х годов, во многом благодаря включению этого понятия в уваровскую триаду, где народность служила уже инструментом редактирования, а не перевода понятия нация.

В николаевской России использование и обсуждение понятия нация, особенно в политическом контексте, часто блокировалось, в том числе цензурными средствами, главным образом из-за связи нации с темами конституции, политического представительства и надсословности²⁴⁸. Понятия народность и (реже) национальность использовались в 1820–1880-е годы и для обозначения совокупности индивидов, и для обозначения набора специфических черт, отличающих одну группу от другой. К концу XIX века сложилась иерархия, согласно которой народность развивается в национальность и затем — в нацию. В других интерпретациях та же иерархия отражала размеры групп — от малых народностей и более многочисленных национальностей к нации. Впрочем, оба варианта этих иерархий не были вполне общепринятыми²⁴⁹.

В первую декаду царствования Александра II понятие нация постепенно сместилось в центр публичного дискурса. Начиная с 1870-х годов все чаще использовалось понятие национализм, которое стало центральным понятием дискурса в 1880-е годы. К 1880-м годам народность была окончательно вытеснена понятиями нация, национальность и национализм, которые, как прежде народность, стали предметом оживленных, даже ожесточенных полемик. Если в период 1840–1870-х годов понятие нация использовалось в основном авторами западнической, ли-

---

²⁴⁸ Роль цензуры в регулировании использования понятия нация нуждается в специальном исследовании. Помимо уже приведенных примеров вмешательства цензуры в творчество В. Г. Белинского можно упомянуть негласный запрет, наложенный властями на М. Н. Каткова, в результате которого ведущий националистический журналист того времени не мог публиковать статей по национальной проблематике с 1871 по 1882 год (см.: *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 181). Возможно, что это стало результатом специального заседания совета министров 20 ноября 1871 года, на котором по инициативе министра внутренних дел А.Е. Тимашева обсуждалась слишком независимая позиция «Московских ведомостей» (см.: *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 275, 503; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 3. Л., 1955. С. 161).

²⁴⁹ Некоторые авторы, как И. С. Аксаков, «переворачивали» иерархию, некоторые использовали понятие нация для обозначения всех без исключения этнических групп (П. И. Ковалевский).

беральной ориентации (В. Г. Белинский, М. Н. Катков в его либеральный период), то с утверждением этого понятия как общепринятого в 1880-е годы оно вошло и в арсенал правых, которые боролись с либералами за утверждение собственной, часто авторитарной и расовой, трактовки нации. В либеральной прессе это вскоре привело к появлению сентенций с осуждением национализма как гипертрофированного и искаженного патриотизма, как формы ксенофобии. Уже в 1880-е годы либералы во многом отдали понятие нация на откуп своим противникам справа, часть которых вскоре стала определять себя как националистов.

Понятия народность и нация использовались для обсуждения и концептуализации как минимум четырех ключевых общественно-политических тем. Во-первых, для обсуждения политической системы, в том числе темы конституционного устройства и политического представительства. В этом контексте народность выполняла скорее блокирующую функцию в отношении понятия нация, которое в первой и второй трети XIX века неразрывно ассоциировалось с западноевропейским опытом политического представительства вообще и с Французской революцией в частности. В этот период понятие нация имеет далекий горизонт политического ожидания.

Во-вторых, понятия народ (как эквивалент нации у М. М. Сперанского) и собственно нация (у В. Г. Белинского и позднее) использовались для артикуляции темы преодоления (или изменения смысла) сословных и других социальных барьеров. В 1860-е годы возник ряд идейных течений, которые стали рассматривать отношения в треугольнике власть — интеллигенция — народ (в смысле простой народ) как структуру с одним лишним элементом. Для левых этим лишним, антинародным элементом были правящие элиты, для правых — антинациональная интеллигенция.

В-третьих, понятие нация использовалось для описания и структурирования империи, для выделения в ней консолидированного (или подлежащего консолидации) ядра, которое иногда описывалось как «русская нация внутри империи». Здесь можно говорить скорее о преемственности понятий народность и нация. Устряловская схема русской истории, которая заложила основы русского национального исторического нарратива, оставшегося в этой части непрерываемым даже для таких разных историков рубежа веков, как Василий Осипович Ключевский и Дмитрий Иванович Иловайский, была сформулирована в рамках дискурса народности. В имперском контексте понятия народ и нация использовались и для обсуждения темы ассимиляции. В конце XIX и начале XX века термин народность, изменив свое содержание,

употреблялся для обозначения этнических групп, эволюция которых в политически самостоятельные единицы (нации) с точки зрения русского национализма считалась нежелательной. В этот период тема «русские в империи» постепенно приобрела типичный для современного национализма имперских наций мотив требования привилегированного положения «государствообразующей нации» в империи.

Наконец, понятие нация (а позднее — народность, национальность) использовалось для описания отношений России с окружающим миром. В XVIII и первой половине XIX века нация помогала артикулировать тему России как державы, равной своим европейским партнерам, а также тему отставания в развитии и необходимости реформ. Для артикуляции проблемы эмансипации России от доминирующего западного влияния в первой половине XIX века использовалось понятие народность. Эта эмансипация могла мыслиться и как «про-европейская», и как «анти-европейская». Уваров, запустивший народность в политический обиход, тесно связывал с этим понятием темы «взрослости России», утверждения престижа русской культуры и права быть избирательным в заимствованиях с Запада. Но с самого начала он считал необходимым настойчиво подчеркивать европейскую ориентацию и формулу «эмансипации в Европе», опасаясь интерпретации этих тем в воинственном антиевропейском духе. Так проявилась в 1830-е годы одна из ключевых тем русской политической жизни, не раз возвращавшаяся впоследствии: стремление власти жестко определять меру европейских заимствований. В этом стремлении власть часто смешивала мотивы расчета и осторожности с эгоистическим авторитаризмом и оказывалась, в той или иной степени, в конфронтации как с западнической, так и с изоляционистской частью политического спектра. Предпочтение, вплоть до 1870-х годов отдававшееся властями понятию народность перед понятием нация, стояло на перекрестье взаимосвязанных тем определения отношений России с Европой и определения предпочтительной модели политического устройства. Но уже с конца 1860-х годов понятия нация, национальность успешно служили для выражения как западнической, так и последовательно анти-западной позиции, причем в цивилизационном (Николай Яковлевич Данилевский), а не ситуационно-политическом смысле.

В XIX веке, при первых двух Александрах, нация использовалась для артикуляции реформаторских планов, которые были призваны сблизить Россию с (воображаемой) Европой и с точки зрения политического устройства, и с точки зрения степени национальной консолидации. При Николае I нация была вытеснена на периферию дискурса, по-

сколько ее политическое содержание признали вредным и неуместным для России. Начиная с Александра III нация активно использовалась сторонниками «особого пути» для артикуляции их идей.

Приключения понятия нация в России продолжились в XX и продолжаются в XXI веке. Нация становилась объектом жесткой цензуры в советское время, неуверенного и, порой, наивного освоения на рубеже советского и постсоветского периодов, ожесточенной борьбы в постсоветский период²⁵⁰, развитие которой во многом повторяет сценарии и интеллектуальные ходы, рассмотренные в этой статье.

---

²⁵⁰ См. *Миллер А.* Дебаты о нации в современной России // Политическая наука, 2008, № 1, С. 7–30.

Россия: власть и история

*О феномене исторической политики в научном сообществе заговорили недавно, однако в последние два-три года проблема государственного регулирования исторических исследований тревожит российских ученых все больше. Казалось бы, в современной науке поддерживается свобода слова и плюрализм точек зрения, но на деле все обстоит иначе. Хотя сегодня историческая политика не может в полном объеме вернуться к советским методам и навязать обществу единственно верный взгляд, это не мешает ей успешно изобретать новые способы вмешательства в историю — от попыток законодательного регулирования исторических интерпретаций до насаждения в школах единственного, редактируемого из политического центра, учебника истории. «Полит.ру» публикует статью **Алексея Миллера**, в которой автор рассуждает о природе и механизмах исторической политики в России, а также предлагает задуматься о последствиях этого явления и о том, можно ли ему сопротивляться. Статья опубликована в новом номере журнала «Pro et Contra» (2009. № 3-4).*

Для обозначения связи профессиональной историографии и коллективной памяти с политикой используется целый ряд понятий. Их ассортимент варьирует от страны к стране²⁵¹, и это может быть предметом отдельного исследования. В России мы, главным образом, имеем дело с такими терминами, как «политизация истории» и «политика памяти». В последнее время все чаще используется термин «историческая политика». Отправной точкой для этой статьи, во второй части которой речь пойдет о ситуации в России, будет попытка определить различия в содержании этих понятий. Разумеется, такое разграничение — дело конвенции, и то, что следует далее, это именно попытка такую конвенцию предложить.

Политизация истории — по сути дела неизбежная и неизбежная вещь. Она начинается уже на индивидуальном уровне: в своих исследованиях всякий историк в большей или меньшей степени находится под влиянием современной ему общественной ситуации, собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной

---

²⁵¹ Не удивительно, что самый богатый набор таких терминов существует в Германии. См. некоторые примеры в статье Ютты Шеррер в этом номере *Pro et Contra*.

идентификации. В определенном смысле эта связь является источником постоянного развития и обновления истории²⁵², потому что новое время и ситуация, равно как и личный опыт, каждый раз подталкивают историков к постановке новых вопросов. В той мере, в которой различные группы историков подвержены сходным воздействиям политических факторов, мы можем говорить о том, как политизация истории функционирует не только на индивидуальном, но и на групповом уровне. Речь идет, например, о контексте национальных историографий, который был определяющим для историков со времен Леопольда фон Ранке, и во многом остается определяющим сегодня. Мы часто говорим также о делении историков по их политическим предпочтениям, которые оказывают влияние и на методологические подходы, — отсюда такие термины, как «либеральные историки», «консервативные историки», «историки-марксисты» и т. д.

Вместе с тем признание того факта, что историк в своем творчестве испытывает влияние современных обстоятельств и собственных политических пристрастий, является исходной точкой для выработки определенных механизмов, которые позволяют снижать это влияние — через рефлексию и самоконтроль, внятное изложение альтернативных точек зрения, внимательное отношение к профессиональной критике. В сфере изучения причинно-следственных связей, оценок событий и деятелей прошлого история не может претендовать на статус объективной науки и способность установить «истину». Нормой признается *стремление* к объективности и исследовательский *поиск*, неотъемлемыми элементами которого являются дискуссия, плюрализм мнений, причем не только внутри сугубо профессиональной сферы историков, но и в представлении результатов работы историков обществу. Профессиональные нормы предполагают такое построение аргумента, которое открыто для верификации, то есть проверки источников и критики тех логических ходов и ценностных установок, которые использует автор. Выработка этих принципов далась цеху историков непросто, тем больше мы должны их ценить.

Политизация истории не ограничивается влиянием политической злобы дня на профессиональных историков. Ее можно видеть и в привычке читателей искать в сочинениях историков мнения по актуальным вопросам. Эта привычка еще больше закрепляется оттого, что не-

---

²⁵² Здесь и далее под историей понимаются исследование и описание прошлого как особая профессиональная сфера деятельности, а также образы прошлого в общественном сознании.

которые ученые, порой в ущерб профессиональной этике, стараются соответствовать подобным ожиданиям аудитории.

О политизации истории можно говорить и в том случае, когда политики используют «исторические» аргументы в своих выступлениях. Это явление также распространено повсеместно и, по всей видимости, неистребимо. В то же время в демократических обществах уже накоплен опыт, когда использование исторических аргументов делает политиков легкой добычей критики как со стороны соперников по политической борьбе, так и со стороны профессиональных историков.

О *политике памяти* мы говорим тогда, когда дело касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти. Речь идет о коммеморации (то есть о сооружении памятников и музеев, об отмечании на государственном или местном уровне как особо значимых определенных событий прошлого), об акцентировании внимания на одних сюжетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других.

Государство также влияет на политику памяти и исторические исследования через регулирование доступа к архивам, через определение стандартов исторического образования (то есть того минимального набора тем и фактов, которые учащийся обязан знать), а также через приоритетное финансирование исследований и изданий о тех или иных проблемах истории и т. д. Политика памяти столь же неизбежна, как и политизация истории, — нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу. Наличие парламентской оппозиции, а также независимых общественных и профессиональных объединений²⁵³, отстаивающих представления, отличные от позиции той партии или группы, которая в данный момент находится у власти, как правило, способствует сохранению плюрализма в политике памяти.

«Места памяти»²⁵⁴, создаваемые в рамках политики памяти, могут быть «закрытыми», то есть фиксирующими строго определенную интерпретацию исторического события или персонажа, а могут быть

---

²⁵³ В наших условиях примером такой организации может служить общество «Мемориал», известна существенная роль, которую в этой сфере во Франции играет влиятельное объединение школьных учителей истории.

²⁵⁴ В широком смысле это не только памятники, музеи, мемориалы, исторические заповедники, любые другие места, так или иначе связанные с коллективной памятью, но также события и образы исторических персонажей.

«открытыми», создающими пространство для диалога и различных трактовок²⁵⁵.

Неотъемлемой частью политики памяти является политика «забывания». Забывание может быть «вытесняющим», когда общество не касается определенных, чаще всего недавних событий как особенно болезненных и конфликтогенных. Примером вытесняющего забывания могут служить первые 15–20 лет отношения к теме нацистского прошлого в ФРГ, отношение во Франции того же периода к теме коллаборационизма и Виши или отношение к гражданской войне в Испании после падения франкистского режима. Как правило, такое забывание через определенное время сменяется повышенным интересом историков и общества к «забытым» темам.

Забывание может быть также «отрицающим», когда ключевые общественные силы избегают признания и обсуждения определенных постыдных или преступных событий прошлого. Отрицающее забывание демонстрирует Япония, до сих пор избегающая разговора о преступлениях, совершенных японцами во время Второй мировой войны, или современная Россия, — например, в том, что касается поведения советских солдат в оккупированной Германии.

Бывает и «понимающее» забывание, когда фокус общественного внимания смещается в сторону от какого-либо события или процесса *после* того, как предприняты усилия по обсуждению, в том числе обсуждению вины и ответственности. В современной Германии, где нацистское прошлое осознано, не отрицается и не замалчивается, с некоторых пор признание ответственности уже не исключает, как когда-то, обращения к прежде «закрытой» теме страдания немецкого гражданского населения во время и после Второй мировой войны. Это тот случай, когда освоение народом темы вины и ответственности за трагедию Второй мировой войны открывает возможность обратиться и к теме его собственных страданий в ходе этой войны.

Таким образом, политика памяти может быть более или менее открытой для влияния и диалога различных общественных сил и историков, более или менее продуктивной в деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов. Но она может также порождать новые конфликты, создавать сознательно искаженные образы прошлого.

Проблематика политизации истории и коллективной памяти уже давно является предметом изучения. Литература предмета поистине

---

²⁵⁵ Например, экспозиция музея может отражать лишь одну трактовку событий, которая кажется верной его устроителям, или различные подходы к этим событиям.

огромна. Появляются даже статьи, предсказывающие спад интереса к этой теме²⁵⁶. Но сегодня мы скорее наблюдаем новый этап активизации политики памяти и политизации истории. Более того, в этой сфере происходят некоторые принципиально новые процессы, которые требуют описания, анализа и, на мой взгляд, особого термина для их обозначения. За неимением лучшего я предлагаю использовать термин «историческая политика». Он заимствован мною у польских сторонников этого нового подхода к проблемам истории и памяти, что, конечно, порождает определенные проблемы. Мое понимание природы исторической политики принципиально отличается от представлений ее сторонников, как явных, так и «стыдливых». С моей точки зрения, у этого термина есть важное достоинство: он верно определяет те отношения, которые возникают между политикой, выступающей здесь как существенное, и историей, которая служит лишь прилагательным. Термин подчеркивает, что речь идет именно о *политическом* феномене, который должен изучаться, прежде всего, как часть политики, и тем отличается от политизации истории и политики памяти в той трактовке, которая дана выше.

Происхождение понятия «историческая политика»

В 2004 году группа польских историков заявила о том, что Польше необходимо разработать и проводить собственную версию исторической политики²⁵⁷. Они не скрывали, что заимствуют термин (*polityka historyczna*) из немецкого *Geschichtspolitik*. В ФРГ понятие *Geschichtspolitik* возникло в начале 1980-х годов. Тогда новоизбранный христианско-демократический канцлер Гельмут Коль, сам имеющий ученую степень историка, решил использовать историческую проблематику для закрепления своего политического успеха. Он назначил профессионального историка Михаэля Штюрмера политическим советником и заговорил о необходимости «морально-политического поворота» в Германии. Важный элемент этого «поворота» состоял в том, чтобы утвердить более позитивный характер немецкого патриотизма с тем, чтобы он не строился исключительно на признании собственной вины за преступления Третьего рейха. Для этой цели следовало скорректировать подход к теме ответственности за преступления нацизма, который сформиро-

²⁵⁶ Rosenfeld G. D. A Looming Crash or a Soft Landing? Forecasting the Future of the Memory «Industry» // The Journal of Modern History. Vol. 81. No 1. March 2009. P. 122–158.

²⁵⁷ Подробнее см. статью Роберта Трабы в этом номере *Pro et Contra* на с. 34–64.

вался в 1960—1970-е годы, когда у власти в ФРГ были социал-демократы, и прочно ассоциировался с ними в политическом плане. Выдержанные в этом духе выступления историков Эрнста Нольте, самого Штюмера и ряда их союзников привели в 1986—1987 годах к знаменитому *Historikerstreit* — «спору историков» о причинах возникновения нацизма и мере его ответственности за Вторую мировую войну (более подробно о «споре историков» см. в материале Ютты Шеррер на с. 89—107). В ходе этой дискуссии Коль и его союзники из числа немецких историков получили столь жесткий отпор, что *Geschichtspolitik* была свернута, не успев толком набрать обороты. Жесткость реакции — порой даже излишняя — подавляющего большинства немецких историков на выступления Нольте во многом была связана именно с тем, что они воспринимались как часть исторической политики. Понятие *Geschichtspolitik* прочно вошло в немецкий лексикон как обозначение «интерпретации истории, избранной по политическим, то есть партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации».

Польские сторонники исторической политики тоже говорили о необходимости утверждения здорового патриотизма с помощью истории, а также о противостоянии «искажениям» польской истории внутри страны и за рубежом. Можно сказать, что они поступили честно, когда решили заимствовать понятие «историческая политика» для обозначения своей программы, — она вполне отвечала приведенному выше определению. В Польше это понятие прочно укоренилось и с 2004 года является не просто предметом ожесточенной полемики, но и объектом анализа, на результаты которого я во многом опираюсь в собственных попытках понять этот феномен. Действия в духе исторической политики в последние десять лет типичны практически для всех стран Восточной Европы; часто заимствуются и конкретные формы ее реализации, хотя далеко не везде сторонники исторической политики готовы сами характеризовать свою деятельность подобным образом²⁵⁸. Стремясь легитимировать историческую политику, ее сторонники любят утверждать, что в ней нет ничего принципиально нового, что все и всегда так поступали и поступают и «ненормальной» является, наоборот, ситуация, в которой у государства нет ясной и энергичной исторической политики. Мое принципиальное расхождение со сторонниками исторической политики состоит как раз в том, что я считаю те явления,

---

²⁵⁸ Подчеркнем, что некоторые элементы исторической политики характерны не только для Восточной, но и для Западной Европы. Подробнее см. статью Ютты Шеррер в этом номере *Pro et Contra* на с. 89—107.

которые получили имя «историческая политика», во многом новыми и существенно отличающимися от политизации истории и политики памяти, как они были описаны выше.

Природа и механизмы исторической политики

Как это обычно бывает с относительно новыми явлениями, историческую политику не так просто «ухватить» и четко описать, тем более что ее механизмы и задачи, как правило, сознательно скрываются. Феномен исторической политики особенно сильно проявляется в посткоммунистических обществах, но это лишь отчасти объясняется повышенным общественным интересом к истории и ее «белым пятнам», оставленным в наследство коммунистической цензурой. Наследие прежнего режима также важно на уровне интеллектуальных привычек и рефлексов, а также доступного историографического багажа.

Но суть вопроса как раз в том, что мы имеем дело с обществами *посткоммунистическими*, то есть освободившимися от прежних жестких форм авторитарного идеологического контроля. Об исторической политике в строгом смысле слова следует говорить только применительно к обществам демократическим или, по крайней мере, более или менее плюралистическим, заявляющим о признании демократических ценностей, в том числе свободы слова. Собственно, именно в этих условиях и возникает политика как конкуренция различных политических акторов, партий и точек зрения. В авторитарных режимах советского типа вмешательство власти в изучение истории и политику памяти было основано на официальной презумпции идеологической монополии, на механизмах цензуры и административного контроля над профессиональной историографией. «Инакомыслящие» историки подвергались проработке на партсобраниях, а упорствующие изгонялись из профессии.

В обществе, претендующем на то, чтобы быть демократическим, все эти механизмы меняются. В отличие от прежней коммунистической системы партии-государства, группа или партия, которым принадлежит власть в данный момент, перестают быть тождественны государству. Общественная сфера становится плюралистической, власть уже не может претендовать на контроль над ней, тем более репрессивный. Плюралистической становится школа, в который учитель истории, соблюдая образовательный стандарт, должен обладать свободой в выборе учебника и трактовки изучаемых событий и процессов. Историку в его научной деятельности должна быть обеспечена независимость и интел-

лектуальная свобода. Доступ к архивам должен быть равным для всех и регулироваться законом, а не административными решениями. Государственное финансирование школы и исследований не предполагает права той группы или партии, которая в данный момент стоит у власти, диктовать содержание преподавания и исследований, поскольку это не деньги данной партии, а бюджет страны, сформированный из налогов граждан; политическая сила, стоящая у власти, не может претендовать на идеологическую монополию.

Именно в этих новых условиях — в той или иной степени соблюдаемых (или имитирующих соблюдение) — возникает набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие. Иными словами, используя административные и финансовые ресурсы государства, те политические силы, которые находятся у власти, осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти. (Речь идет о таких исторических событиях и процессах, по которым в обществе нет консенсуса, которые являются предметом дискуссии.)

Полагаю, что для понимания феномена исторической политики важен не только, и даже не столько вопрос, что именно пропагандируется. Важнее то, как это делается, какие методы используются в этой пропагандистской работе.

Современная историческая политика не может в полном объеме вернуться к прежним, советским методам и навязать единственно верный взгляд, даже если предположить, что в некоторых случаях ее организаторы хотели бы этого, и вынуждена изобретать новые способы вмешательства в историю и политику памяти, а также новые стратегии легитимации такого вмешательства.

Каковы же эти новые механизмы? В институциональном плане, прежде всего, бросается в глаза появление институтов национальной памяти в Польше (см. под-верстку на с. 12) и Украине и учреждений, схожих с ними по функциям и принципам организации, которые существуют во многих других странах.

Другой пример институционального измерения исторической политики — создание музеев под прямым патронатом определенных политических сил; позиции политических оппонентов при этом полностью игнорируются. Так, под патронатом братьев Качиньских был создан Музей Варшавского восстания, под патронатом венгерских правых — «Дом террора» в Будапеште, под патронатом президента Ющенко — «Музей советской оккупации» и стандартная экспозиция о Голодоморе для

региональных музеев и т. д. В центре исторического нарратива вообще и музейных экспозиций, в частности, оказывается мартирология и образ врага, который, как правило, отчетливо ассоциируется с современными политическими силами и вне страны, и внутри нее²⁵⁹.

Историческая политика проявляется и на законодательном уровне, когда парламенты принимают законы, закрепляющие ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную. Иногда в проектах этих законов и даже в утвержденных парламентами актах предусматриваются уголовные наказания для тех, кто оспаривает такую трактовку. Эта практика характерна не только для Восточной Европы²⁶⁰, но и для Западной²⁶¹.

Польский Институт национальной памяти

В польском ИНП работают более 1 200 человек. В нем есть исследовательское и издательское подразделения, а также особая прокурорская служба. Институт контролирует архивы служб безопасности бывшей ПНР, в том числе решает, кто и какие материалы получает из этих архивов, а кто не может их получить. Таким образом, те историки, которые работают в ИНП, получают преимущества. К тому же благодаря работе в ИНП они имеют статус государственных служащих с соответствующими привилегиями и дисциплинарной ответственностью. Их зарплата в разы превышает зарплату историков в национальной Академии наук и университетах. Исследовательский бюджет Института больше, чем сумма бюджетов всех других центров по изучению истории Польши XX века. Руководящий состав и, прежде всего, директор — это политическая номенклатура, назначаемая политическим руководством страны.

С утверждением политического влияния в ИНП партии «Право и справедливость» братьев Качиньских все структурные и правовые проблемы ИНП проявились с особой остротой. Вот как об этом гово-

---

²⁵⁹ Как показал Евгений Финкель в своей статье «In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe and ex-USSR» (готовится к печати), все посткоммунистические страны, за исключением России, видят политическую задачу в том, чтобы представить свою «титულную» нацию как жертву геноцида в XX веке.

²⁶⁰ О примере Украины см. статью Георгия Касьянова в этом номере *Pro et Contra* на с. 24–41

²⁶¹ О Франции см. статью Ютты Шеррер в этом номере *Pro et Contra* на с. 89–107. Отмечу, что часто упоминаемые в этом контексте законы об отрицании Холокоста наказывают не за интерпретацию, но за отрицание факта и масштабов массового убийства европейских евреев.

рит уважаемый польский историк Ежи Едлицкий: «Не в том зло, что появился институт, который призван интенсифицировать работу над проблемами новейшей истории, а в том, что с момента своего основания он отягощен исторической политикой. Политикой, в результате которой в одних руках оказалась сосредоточена прокурорская власть, власть над документами, издательская власть и материальные средства, каких ни один другой институт, исследующий прошлое, никогда в своем распоряжении не имел. Эту власть отдали одной группировке и превратили Институт национальной памяти в трибунал, который имеет право безапелляционно осуждать и бесчестить и отдельных людей, и целые сообщества». Коллега Едлицкого Дариуш Стола добавляет, пожалуй, самое важное: «Профессор Едлицкий, справедливо критикуя Институт национальной памяти, не заметил тесной связи между недостатками этого института и его государственным характером. ИНП — не исследовательское учреждение, а министерство памяти, мои коллеги историки, которые там работают, являются государственными чиновниками, а их шеф — политиком. Научные институты — университеты, исследовательские центры и т. д. функционируют по другим принципам, имеют другие критерии оценки, механизмы защиты независимости...»²⁶².

Новизна такого учреждения, во-первых, в том, что оно объединяет прежде отдельные функции. Контроль над архивами дает историкам института не просто право «первой ночи», но и возможность блокировать доступ к документам для других исследователей. А значит, открывает широкие возможности для манипуляций и даже фальсификаций. Сотрудники украинского Института национальной памяти также имеют преимущественный доступ к архивам Службы безопасности Украины (СБУ), а заместитель директора Института Володымир Вятрович, «прославившийся» книжкой о том, как УПА спасала евреев во время Второй мировой войны, является также советником директора СБУ.

Во-вторых, совмещение исследовательских подразделений и органов следствия превращает ИНП в мощное политическое оружие, как при реализации законов о люстрации, если таковые в стране имеются, так и за счет контролируемых вбросов информации, дискредитирующей политических противников. И примеров такого рода накопилось уже много как в польской политической практике, так и в других странах.

---

²⁶² См.: Co ma panstwo do historii // Gazeta Wyborcza. 2008. Jun. 14

В-третьих, издательские возможности таких учреждений далеко превосходят потенциал академических и частных научных и даже научно популярных издательств.

Наконец, привилегированный статус сотрудников одновременно означает, что их научная и публикаторская деятельность находится под контролем. Если им вдруг случается отклониться от «генеральной линии», которую навязывает политическое руководство страны, их легко можно призвать к порядку. Таких эпизодов в деятельности польского ИНП более чем достаточно.

Идеологические основания

Идеологическое обеспечение исторической политики основано на четырех главных постулатах. Во-первых, история и память представляются, прежде всего, как арена политической борьбы с внешним и внутренним противником. Отсюда делается вывод, что история «слишком важна, чтобы оставить ее историкам»²⁶³. Это, среди прочего, означает, что историки уже не считают принципы профессиональной этики обязательной нормой, а при этом самих историков, как рядовых бойцов идеологического фронта, пытаются поставить под надзор более «искусшенных» и «патриотичных» людей²⁶⁴.

Во-вторых, утверждается, что «все так делают», чем в глазах общественности оправдывается очевидное нарушение принципов функционирования наук об обществе, принятых в демократических условиях. Это выражается и в прямом ограничении свободы высказывания, и в вытеснении неудобных взглядов на обочину медийного поля, и в изменении принципов финансирования. Например, вместо системы распределения грантов на исследования, которая контролируется самим научным сообществом, выделяются деньги на проекты, осуществляемые по прямому политическому заказу.

В-третьих, считается очевидным, что внешний противник неустанно стремится утвердить такую интерпретацию событий прошлого, которая

---

²⁶³ Такие рассуждения Марека Чихоцкого, идеолога исторической политики и советника президента Качиньского, см. в: *Stobiecki R. Historians Facing Politics of History. The Case of Poland // Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989* / М. Копецек (ed.). Budapest: Central European University Press, 2007. Р. 182.

²⁶⁴ Вполне естественно, что среди квалифицированных и совестливых историков сторонников исторической политики немного, напротив, именно историки в последнее время предпринимают усилия по противодействию исторической политике, поскольку прекрасно понимают ее разрушительный эффект как для самой профессиональной историографии, так и для ее коммуникации с обществом.

вредит нашему отечеству. А потому долг историков — солидарно противостоять опасности, как правило, через отстаивание противоположного аргумента: на всякое их «да» мы скажем «нет», и наоборот. Как следствие, разрушается пространство для диалога внутри страны, поскольку все обязаны присягнуть заявленным постулатам.

То же происходит и в отношениях с внешним миром: сторонники исторической политики по обе стороны границы вступают друг с другом в жаркие перепалки. Поскольку ни та, ни другая сторона не стремится ни убедить, ни понять оппонента, то подобные «дискуссии» только нагнетают конфликт.

В-четвертых, оправданием исторической политики служит якобы плачевное состояние патриотизма и преподавания истории в школе. По этой причине предлагается (временно) принести в жертву плюрализм в учебниках и концепциях — ради того, чтобы «дети знали хотя бы главные вещи».

В действительности общественные интересы — только прикрытие, а истинные цели носят политический, партийный характер. «Истинно патриотическая» версия истории неизменно оказывается выгодной определенной политической силе. Так, сторонники исторической политики в Польше с ее помощью сражаются с политическими конкурентами за право братьев Качиньских считаться единственными наследниками движения «Солидарность». В Украине насаждаемые Ющенко трактовки истории Украинской повстанческой армии и голода 1932—1933 годов служат подспорьем в его борьбе с оппозицией и помогают утвердить такую концепцию украинской нации, которая соответствует представлениям президента и его политических союзников. С помощью исторической политики борются за голоса избирателей, устраняют конкурентов в рамках и за рамками процедур законов о люстрации²⁶⁵. Как правило, роль исторической политики во внешнеполитической сфере менее важна, чем внутри страны, хотя сторонники исторической политики часто утверждают обратное.

Как это делается в России

В этой части статьи я не буду подробно реконструировать развитие исторической политики в России, тем более что многие шаги в этой

---

²⁶⁵ Отчасти историческая политика является следствием выхолащивания подлинно значимой политической повестки дня, когда в борьбе за голоса избирателей политики апеллируют не к реальным проблемам современного развития, а к интерпретации прошлого.

сфере носят закулисный характер и пока недоступны для анализа. Я лишь постараюсь показать, как соотносятся некоторые события последних двух-трех лет с той интерпретацией феномена исторической политики, которая предложена выше.

В апреле 2008 года в публичной лекции об исторической политике в Польше, Украине и России я попытался сформулировать ее специфику и привлечь к этому феномену общественное внимание²⁶⁶. Говоря о том, что в России историческая политика проявляется менее интенсивно, чем у соседей, я высказал опасение, что это лишь потому, что мы, как всегда, медленно запрягаем. Я утверждал тогда, что последствия от активизации исторической политики, если таковая последует, у нас будут крайне разрушительны из-за особенностей нашей политической конструкции. Как ни горько это признавать, опасения подтвердились.

В действительности первые серьезные признаки активизации исторической политики появились в России уже несколько лет назад. Судя по всему, команда, которая работала над так называемым учебником Филиппова — на самом деле речь идет о целом комплекте учебников и пособий по истории XX века, — была собрана и получила соответствующее задание еще в 2006 году. Во всяком случае, в 2007-м в свет вышел первый продукт этой группы — пособие для учителей по новейшей истории России²⁶⁷. Вскоре появился учебник «История России, 1945—2007», а также методическое пособие по периоду 1900—1945 годов²⁶⁸. Учебник по этому периоду выйдет в ближайшее время.

Вопрос о том, убедительна ли трактовка событий в этом учебнике, для нашей темы не главный²⁶⁹. При наличии широкого выбора учебников право на существование имеет и такой. (О реальных возможностях выбора см. подверстку на этой странице.) Если отправной точкой для Филиппова — Данилова является отказ от концепции тоталитаризма, то ряд других пособий используют эту концепцию²⁷⁰.

²⁶⁶ «Историческая политика» в Восточной Европе: Плоды вовлеченного наблюдения: Лекция Алексея Миллера.

²⁶⁷ Филиппов А.В. Новейшая история России: 1945—2006 гг.: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2007.

²⁶⁸ История России: 1945—2007: Учебник для 11 класса / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М.: Просвещение, 2007. Второе издание: История России, 1945—2008. М.: Просвещение, 2008; Данилов А.А. История России 1900—1945. Методическое пособие. 11 класс. М.: Просвещение, 2008.

²⁶⁹ Критический анализ учебника, с которым я в основном согласен, см. Борисов М. Мы вас научим Родину любить (А.В. Филиппов. Новейшая история России. 1945—2006 гг.) // Отечественные записки. 2007. № 4 (36).

²⁷⁰ См. неоднократно переиздававшиеся: Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России: XX — начало XXI века. М.: Русское слово, 2008 (8-

Заявление авторов учебника о том, что главной задачей преподавания истории является воспитание гражданина, ничем в учебнике не подкреплено. В действительности труд Филиппова и его соавторов воспитывает патриотизм, понимаемый как преданность даже не государству, а власти. Грехи последней по преимуществу объясняются трудной международной ситуацией и необходимостью мобилизации. По сути дела — это обращенный в прошлое дискурс сегодняшней правящей элиты, который поразительно похож на советский постсталинский нарратив за вычетом коммунистической риторики: дескать, перегибы и преступления были, но они были неизбежны во вражеском окружении и в условиях мобилизации, они искупаются успехами в модернизации страны, без которых была бы невозможна победа в Великой Отечественной войне. Решительно ничего нового. Там, где им не хватает аргументов, авторы нового учебника истории неизменно ссылаются на «мнение народа», который так «помнит», делая вид, будто им не известно, что эта коллективная память сформирована десятилетиями целенаправленных усилий советской пропаганды.

Последняя глава пособия Филиппова называется «Суверенная демократия» (в книге без кавычек). Это понятие преподносится не как элемент идеологии одной из российских политических партий, каковым оно является на самом деле. «Суверенная демократия» используется как объективное описание современного политического режима в России, который и обеспечил, как объясняется в пособии, успешное развитие страны в последние 10 лет. То же самое делается и в учебнике Данилова²⁷¹. Вот как о схожей ситуации в Польше говорит историк Анджей Фришке: «Если мы имеем дело с монолитным повествованием, которое редактирует центр со своими собственными идейно-политическими интересами, то перед нами индоктринация. ...Сегодня в Польше

издание); *Отечественная история XX — начала XXI века* / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2006 (3-е издание); *Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В.* История России: XX — начало XXI века. М.: Просвещение, 2009. В мировой историографии понятие «тоталитаризм» уже мало кто ассоциирует с концепциями К. Фридриха и З. Бжезинского, которые действительно были плодом и инструментом холодной войны. Например, с 2000 года издается превосходный журнал *Totalitarian Movements and Political Religions* («Тоталитарные движения и политические религии»). Поэтому заведомо искажают ситуацию заявления Данилова и Филиппова о том, что концепция тоталитаризма «неизменно была оружием холодной войны», «являлась и является не инструментом познания, а орудием идеологической борьбы».

²⁷¹ Филиппов А.В. Новейшая история России. С. 421–485; *История России: 1945–2007*. Гл. 6, особенно с. 328–329.

происходит индоктринация, причем наглая. Идет настоящая война за память»²⁷².

Стремление регулировать вопросы истории с помощью законодательства, столь характерное для исторической политики, тоже не обошло Россию стороной. Первым о необходимости принять закон, грозящий уголовным преследованием за «неправильные» высказывания об истории Второй мировой войны и роли в ней СССР, заговорил зимой 2009 года министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу, по совместительству один из лидеров «Единой России». Сегодня в Думу внесено уже два законопроекта, развивающих эти идеи²⁷³.

Выбор учебников: видимость плюрализма

Взгляд на прилавки московских магазинов с учебной литературой создает превратное впечатление о преподавании истории в стране. Выбор учебников по истории действительно довольно широк (сами учебники пусть и не вызывают восторга, но, как правило, возмущения не вызывают тоже), но это лишь видимость плюрализма. Учебник Данилова издан тиражом в 250 тыс. экземпляров. (На некоторых учебниках указан тираж 100 тыс., а на других — 150 тыс.; это соответствует двум типографским «заводам», то есть суммарно отпечатано 250 тыс. экземпляров.) Для сравнения — другие учебники издаются сегодня тиражом в 10, максимум — 15, некоторые — в 5 тысяч. Школы не покупают учебники в книжных магазинах. Их снабжают учебниками через специальные распределители, которые рассылают в школы списки наличествующей литературы, а школьная администрация заказывает из того, что имеется.

Учебник Данилова присутствует в этом списке неукоснительно, другие — далеко не все и не всегда. Даже заказав другие пособия, школы никак не гарантированы от того, что вместо заказанного им не придет учебник Данилова. Снабжение учебниками происходит на бесплатной основе. Если школа хочет купить в магазине тот учебник, который считает нужным, она может сделать это только из своего скромного бюджета, из которого производятся в том числе и хозяйственные работы. Мало кто из директоров согласится тратить деньги на учебники вместо ремонта. Можно собрать деньги на учебник с родителей. Многие так и

²⁷² Co ma panstwo do historii // Gazeta Wyborcza. 2008. June 14.

²⁷³ См.: России гарантировано прошлое // Коммерсантъ. № 88 (4143). 2009. 20 мая. Там же см. подборку высказываний высших государственных чиновников о необходимости ужесточения контроля за учебниками истории и за историей вообще.

делают. Но это возможно лишь в том случае, если все родители как один согласны заплатить. Стоит одному воспротивиться — и от учебника Данилова никуда не деться. Если кому-то из родителей покажется, что, требуя заплатить за «лишний» учебник, на него оказывают давление, школе грозят очень серьезные последствия. Это может быть квалифицировано как вымогательство, то есть школа рискует оказаться под статьей УК. В Москве, других крупных городах, где материальное положение родителей получше, принцип свободы выбора учебника еще можно осуществить, но в целом по стране система уже исправно заказывает в школы колоссальный тираж учебника Данилова. Кроме того, по имеющимся у автора данным, РОНО не забывают дать по шапке методистам, у которых подопечные школы не спешат заказывать «учебники нового поколения». А если тесты ЕГЭ будут разрабатываться в опоре на набор учебников Данилова — Филиппова, в чем трудно сомневаться, то окончательную победу этого «учебника нового поколения» можно считать гарантированной.

Двести пятьдесят тысяч тиража — это политическое решение, ни одно издательство не напечатало бы столько на свой страх и риск, если бы руководствовалось сугубо коммерческими соображениями. «Просвещение», очевидно, должно было получить и авансовые деньги на такой заказ, и заверения, что спрос на учебник будет обеспечен. Предоставление авансовых средств и использование административных рычагов для успешного «внедрения» учебника как «правильного» — это и есть историческая политика в чистом виде.

Другой пример исторической политики в российском варианте — указ президента Медведева, изданный в мае 2009 года, о создании при Президенте Российской Федерации комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Указ вызвал волну негативных откликов как профессиональных историков, так и общественности. Вскоре, однако, число таких негативных суждений в публичной сфере резко уменьшилось. Возможно, к событию просто упал интерес, но нельзя исключить и то, что критическая реакция была притушена административным путем. Плохо и то и другое. Если СМИ было велено приглушить оппонентов, значит, власти не желают прислушиваться к критике и решительно настроены перевести сферу исторического сознания под политический контроль. Если общественность постепенно теряет интерес к теме, решив, что указ не будет иметь серьезных последствий, то это весьма наивно²⁷⁴. Указ имеет законную

²⁷⁴ Примеры такого благодушного отношения можно найти в недавней подборке высказываний уважаемых историков, опубликованной сайтом «Полит.ру».

силу, и меры по его реализации неизбежно последуют. О том, каковы будут эти меры, можно догадаться по тем «сигналам», которые до нас доходят преднамеренно или случайно.

Летом 2009 года достоянием гласности — судя по всему, непреднамеренно — стал циркуляр академика Валерия Тишкова, заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН²⁷⁵. В нем руководителям академических институтов предлагалось составить аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций с указанием «лиц и организаций, формирующих и распространяющих фальсификацию». Никаких оговорок, что речь идет о зарубежных «фальсификаторах», в циркуляре нет. Информацию надлежало представить в течение трех дней. Нетрудно предположить, какой ящик Пандоры открывает этот циркуляр, какие, казалось, уже забытые навыки по доносительству и сведению личных счетов он способен возродить²⁷⁶.

Интересные выводы можно сделать из тех публикаций, авторы которых встали на защиту указа о комиссии по фальсификациям. Проанализируем подробнее тексты двух заслуженных активистов исторической политики — Павла Данилина и Александра Дюкова. Заодно и представим себе типичный портрет такого активиста.

Данилин является автором текстов о «суверенной демократии», которые вошли в пособие Филиппова и учебник Данилова. Вот что этот хунвейбин российского разлива заявил оппонентам учебника Филиппова в своем интернет-блоге: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России. Те же благоглупости, которые есть в ваших куцах головешках с козлиными бородами, из вас либо выветрятся, либо вы сами выветритесь из преподавания»²⁷⁷.

Текст Данилина о комиссии хочется цитировать щедро: идеи активистов исторической политики автор излагает с подкупающей откры-

---

²⁷⁵ <http://www.svobodanews.ru/content/article/1766749.html>

²⁷⁶ Авторы письма вполне отдают себе в этом отчет — насколько можно судить из их неуклюжих публичных объяснений в ответ на публикацию циркуляра. См.: *Об ажиотаже* вокруг письма Отделения историко-филологических наук РАН «о фальсификациях истории»: Письмо заместителя академика-секретаря ОИФН РАН по научно-организационным вопросам А.Е. Петрова. Директора академических институтов (с удовольствием отмечу, что не все) поспешили довести инструкцию до подчиненных, иногда сетуя на бессмысленность инструкции, но разводя руками — мол, приказы начальства не обсуждают.

²⁷⁷ Цит. по: *Борисов М.* Мы вас научим Родину любить...

венностью, а его стилистика тоже заслуживает внимания²⁷⁸. Автор честно признаёт: «Все это, безусловно, должно было стать раздражителем профессионального сообщества, и стало, безусловная реакция была получена»; «реакция в профессиональном сообществе историков была резко негативной». Впрочем, сам Данилин объясняет такую реакцию, главным образом, беспомощностью профессиональных историков и их ревностью к успешным бойцам исторической политики: «Именно любители пробили издателей и массово издают книги, в которых на уровне много выше, чем могут позволить себе профессионалы, рассматриваются те или иные события эпохи Сталина, Великой Отечественной, конца царского времени. Эти любители и энтузиасты — вот главное достояние России. Вот те, кто, своего живота не жалея, занимаются тем, что называется отстаиванием исторической памяти. Борьбой с фальсификациями. Как вы думаете, чем на это отвечают официальные историки? Чаще всего жуткой ревностью в бытовом плане, а в академическом — смещением на позиции, которые занимают как раз ревизионисты». Данилин недоволен включением в комиссию даже тех двух представителей Академии, которые там оказались, — директоров академических институтов А.Н. Сахарова и А.О. Чубарьяна, ну и, разумеется, «либерала Сванидзе»²⁷⁹.

Статья Данилина не оставляет сомнений в том, что искать главных «фальсификаторов» нужно внутри страны и борьба с ними должна быть безжалостной. «Ревизионисты подняли головы и выступают в центральных СМИ, как будто при Геббельсе». На взгляд Данилина, новосозданный орган по борьбе с фальсификаторами истории — «это не научная и не академическая комиссия, а политический орган, целью которого будет именно политическая, а не научная работа».

Данилин жалеет об отсутствии в комиссии «Исаева с Дюковым»²⁸⁰. Александр Дюков, молодой человек с историческим образованием, не так давно создал фонд «Историческая память» и стал выпускать одну за другой книжки на острые исторические темы. Из тех

²⁷⁸ Данилин П. Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса. Данилин является шеф-редактором Интернет-сайта www.kreml.org

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Алексей Исаев — военный писатель. Известность получил своей книгой «Антисуворов». Опубликовал ряд других «контрпропагандистских» книг. В 2007 году принят на работу в Институт военной истории Министерства обороны РФ, тот самый, сотрудник которого, полковник, кандидат исторических наук С.Н. Ковалёв прославился статьей «Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны», возлагающей вину за ее начало на Польшу (см.: Военно-исторический журнал. 2008. № 7). Высказываний Исаева о комиссии мне обнаружить не удалось.

двух, с которыми я успел ознакомиться, одна посвящена отношению УПА к евреям и в целом кажется вполне пристойной²⁸¹. Единственное, что удивляет, так это большой набор материалов из архива ФСБ, впервые введенный, как отмечается в книге, в научный оборот. Профессиональным историкам известно, как трудно попасть в архив ФСБ и получить там новые материалы²⁸². Во второй книге, где Дюков выступает как составитель и редактор вместе с Игорем Пыхаловым, заголовок говорит сам за себя: «Великая обогнанная война — 2. Нам не за что каяться!»²⁸³. Приведу лишь несколько цитат из введения, которые показывают, что наши активисты вполне успешно освоили стилистику худших образцов «историко-политического» жанра в исполнении наших соседей. «Наши враги — и внешние, и внутренние — покушаются на самое святое — на народную память о Великой Отечественной войне. Нас пытаются лишить Великой Победы. Вторя геббельсовской пропаганде, псевдоисторики внушают нам, что Победа-де была достигнута «слишком дорогой ценой», что она якобы обернулась «порабощением Восточной Европы», что солдаты Красной Армии будто бы «изнасиловали Германию», а советских граждан, переживших немецкую оккупацию, чуть ли не поголовно сослали в Сибирь. Эта книга — ответ клеветникам, опровержение самых грязных, самых лживых мифов о Великой Отечественной войне, распространяемых врагами России». Или вот это: «Еще один аспект, связанный с советскими репрессиями времен войны, рассматривает историк Александр Дюков. Документы Центрального архива ФСБ, впервые введенные им в научный оборот, свидетельствуют, что советская власть проводила по отношению к сотрудничавшим с нацистами коллаборационистам крайне умеренную и милосердную политику».

Дюков и его фонд, об источниках финансирования которого можно только догадываться, как раз и являются представителями тех «любителей-патриотов», которым, согласно Данилину, пришлось «пробивать издателей» (например, издательства «Европа», «Регнум», «Эксмо») и спасать от поругания нашу историю, вопреки беспомощности или пря-

²⁸¹ Дюков А.Р. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008.

²⁸² О проблемах, связанных с работой в архивах, см., например, публикации историка Никиты Петрова: *Петров Н.* Доступ к госархивам // Мемориал. № 20. Сент.—окт. 2000. С. 14–17; *Он же.* Десятилетие архивных реформ в России // Индекс/Досье на цензуру. 2001. № 14. С. 18–33; *Архивная контрреволюция* (Интервью Н.В. Петрова редакторам «НЛО») // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 375–387.

²⁸³ Великая обогнанная война—2: Нам не за что каяться!: Сб. / ред.-сост. А. Дюков. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

мому предательству историков-профессионалов. Им предстоит сыграть важную роль в проведении исторической политики, и к этому вопросу мы еще вернемся.

Высказывания Дюкова о комиссии²⁸⁴ умнее и сдержаннее, чем речи Данилина, но и он выражает сожаление, «что без представительства «либералов» в Комиссии обойтись было нельзя». Впрочем, Дюков надеется, что это «не повлияет принципиально на эффективность работы». В приведенных цитатах из обоих активистов исторической политики хорошо виден ее важнейший элемент: разрушение пространства для диалога в обществе по проблемам истории. Такой диалог является способом эффективного существования истории в общественном пространстве, но он последовательно заменяется спором «патриотов и предателей», в котором «предатели», в идеале, должны быть лишены права голоса.

В цитируемом интервью Дюков выражает надежду на то, что сотрудники центра «Историческая память» войдут в состав рабочих групп, создаваемых комиссией. Конечно, циркуляр Тишкова показывает, что руководство РАН тоже готово включиться в работу. Но такие фонды, как «Историческая память» Дюкова, демонстрируют желание и готовность перехватить ведущую роль в обслуживании исторической политики, а с ней и те потоки финансирования, которые будут обеспечивать выполнение заказа²⁸⁵.

Это еще одно свидетельство того, как историческая политика меняет сами принципы взаимоотношений власти и науки. Деньги, выделяемые государством на исследования, в том числе исторические, до сих пор распределялись через фонды, которые работали на основании экспертных оценок самого научного сообщества. Так оно, собственно, и должно быть. Но теперь исследования по истории становятся своего рода политехнологическим подрядом, и решения о финансировании и об оценке работы будет принимать политическая власть, а не научное сообщество.

Особенно примечателен ответ Дюкова на вопрос о зарубежных проектах, аналогичных комиссии по борьбе с фальсификациями, и о том, накоплен ли за границей опыт, который следует перенять в Рос-

---

²⁸⁴ Александр Дюков. Бояться деятельности Комиссии по борьбе с фальсификацией истории могут только те, кто эту историю фальсифицируют (интервью portalu Liberty.ru/Свободный мир).

²⁸⁵ «К настоящему времени наш фонд является одной из ведущих организаций в стране, занимающихся проблемами борьбы с фальсификацией истории», — сообщает Дюков. См: Там же.

сии. Пространный ответ я приведу целиком, потому что из него становится вполне ясно, какой опыт Дюков и его соратники считают нужным перенять у нас:

«Прежде всего, назову Комиссию историков при президенте Латвии, созданную в 1998 году. Ключевыми задачами данной структуры являются обеспечение официальных лиц тезисами для «оккупационной» риторики и презентация на международной арене тематики «преступлений против человечества в Латвии в период советской и нацистской оккупаций (1940–1991)», при этом акцент делается на «преступления советского тоталитаризма». Одновременно в Латвии действует правительственная Комиссия «по установлению числа жертв тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР и мест их массового захоронения, обобщению информации о репрессиях и массовых депортациях и подсчету причиненного латвийскому государству и его жителям ущерба», готовящая обоснования для официального выдвижения финансовых претензий к России. <...>

В Эстонии в 1993 году парламент создал государственную комиссию по расследованию репрессивной политики оккупационных сил, перед которой была поставлена задача подготовить «Белую книгу о потерях, нанесенных народу Эстонии оккупациями». «Белая книга» была издана в 2003 году и послужила основой для масштабной антироссийской пропагандистской кампании, а также для требований к России «возместить ущерб, нанесенный оккупацией». Кроме того, при президенте Эстонии была создана еще одна комиссия — Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности при президенте республики. После завершения ее деятельности в начале 2009 года появилась информация о возможности создания на ее основе эстонского Института национальной памяти.

«Институты национальной памяти» — это очень специфические историко-идеологические учреждения, функционирующие в странах Восточной Европы за счет госбюджета. Первым из них стал созданный решением парламента в 1998 году польский Институт национальной памяти <...>.

Аналогичная польскому ИНП структура создана в 90-х годах и в Литве; она носит название «Центр геноцида и резистенции». Юридически центр является департаментом при кабинете министров страны, а директор его утверждается Сеймом по представлению премьер-министра страны. Точно так же, как и в польском Институте национальной памяти, в составе литовского центра функционирует департамент специальных расследований.

На Украине ИНП создан в мае 2006 года; в деле переписывания истории он активно взаимодействует со «специсториками» из Службы безопасности Украины и фондом «Украина— 3000», возглавляемый супругой украинского президента Екатериной Ющенко. Характерно, что недавно украинский ИНП публично заявил о невозможности сотрудничества с российскими историкам по идеологическим причинам. Недовольство руководства украинского ИНП вызвал тот факт, что российские историки рассматривают голод 30-х годов как общую трагедию, а не трагедию исключительно украинского народа.

...Все [эти организации] финансируются из госбюджета, обладают серьезным потенциалом».

По сути, Дюков сказал правду — Комиссия по борьбе с фальсификациями является таким же инструментом исторической политики, как те учреждения у наших соседей, которые он описал в своем ответе. Остается указать на некоторые явные структурные и функциональные отличия комиссии от, например, польского ИНП и объяснить их причины. Во-первых, в отличие от Польши, современные службы безопасности России сохраняют преемственность со службами безопасности советского режима. Как следствие, в России не произошло изъятия архивов КГБ из-под контроля служб безопасности. Отчасти это похоже на ситуацию в Украине, где местный ИНП находится под патронатом СБУ и снабжается нужными документами из архива СБУ. В результате ни в России, ни в Украине невозможно (в пределах здравого смысла) принять закон о люстрации.

Опыт Польши и других стран, где существуют такие законы, показывает, что люстрация дает массу возможностей для расправы с политическими оппонентами со стороны тех, кто в данный момент контролирует власть. Причем этой практике вовсе не мешает то, что архивы служб безопасности были изъяты из-под их контроля сразу после краха коммунистических режимов. Российские и украинские архивы СБ не могут служить основанием для проведения люстрации, поскольку невозможно рассчитывать на аутентичность и полноту используемых архивных материалов.

Состав российской комиссии по борьбе с фальсификациями, куда вошли несколько представителей спецслужб, ясно говорит о том, что в вопросе доступа к архивам спецслужб ставка сделана на сохранение нынешнего положения дел, когда закон РФ о рассекречивании документов после истечения тридцатилетнего срока попросту не выполняется. Согласно этому закону, все документы соответствующей давности должны быть автоматически рассекречены, и исследователи должны

получить к ним доступ. Лишь специальными решениями можно сохранить гриф секретности на отдельных документах. Вместо этого у нас действует практика, согласно которой каждый документ рассекречивается специальными ведомственными комиссиями. Это будет происходить и далее, а доступ к документам будет открываться избранным исследователям, работающим «на заказ». Не исключено, что ведомственные архивисты будут просто делать для этих привилегированных пользователей подборки документов или даже выдержки из них по соответствующим темам. Все это полностью противоречит нормам научного подхода, поскольку исключает возможность независимого поиска в архивах и верификации используемых документов с точки зрения их аутентичности и полноты. Примеры такого рода мы находим, разумеется, в деятельности украинского и даже польского ИМП.

Во-вторых, в российском варианте явно принято решение о том, что собственно и исследовательские, и издательские функции будут рассредоточены по ряду учреждений и центров. И в том, и в другом случае ставка делается не на академические, а, скорее, на политтехнологические структуры²⁸⁶.

Таким образом, все ключевые элементы исторической политики без труда обнаруживаются в российской практике последних двух лет. Во-первых, налицо попытка насаждения в школе единственного, редактируемого из политического центра, учебника истории. Во-вторых, создаются специальные политически ангажированные структуры, совмещающие задачу организации исследований в области истории с контролем за архивами и издательской деятельностью. В-третьих, осуществляется попытка законодательного регулирования исторических интерпретаций. Наконец, имеют место типичные для исторической политики методы легитимации и идеологического обеспечения всех перечисленных выше практик. Как и в большинстве соседних стран, острое исторической политики направлено внутрь страны. Ведь если в России историческая политика соседей вызывает — вполне оправданное — презрение и возмущение, едва ли вдохновители и организаторы нашей собственной исторической политики всерьез надеются, что к плодам их трудов за рубежом будут относиться иначе!

Вступив, по примеру соседей, на путь исторической политики, Россия только способствует закреплению атмосферы «диалога глухих», которая чем дальше, тем больше сопровождает обсуждение вопросов недавнего прошлого. «Зеркальный» ответ, когда на каждое «да» одной

---

²⁸⁶ Как это часто бывает, нет худа без добра: в этом случае у собственно научных структур появляется больше шансов сохранить лицо и репутацию.

стороны другая неизменно говорит «нет», далеко не всегда эффективен для борьбы с исторической политикой других государств. Во всех соседних странах есть немало историков и общественных деятелей, которые решительно критикуют историческую политику собственных властей. (Многочисленные свидетельства этого можно найти в материалах данного номера *Pro et Contra*.) Разумный и достойный путь сопротивления исторической политике соседей состоит не в том, чтобы ответить им той же монетой, а в развитии диалога с противниками исторической политики во всех этих странах. В России есть люди, которые этим занимались и будут продолжать свою работу²⁸⁷. Но отечественная историческая политика никак не делает их задачу легче.

Кроме того, разрушительные последствия исторической политики внутри России могут быть серьезнее, чем в других странах. Причина в том, что возможности общества и исторического цеха сопротивляться исторической политике тем меньше, чем слабее элементы плюрализма и демократии. Сторонники исторической политики стараются внушить российским гражданам, что ситуация с функционированием истории в обществе требует решительных исправительных мер. Это не так. Историческая наука развивалась в постсоветской России совсем неплохо, особенно если принять во внимание те отчаянные материальные трудности, с которыми приходилось иметь дело, в том числе и историкам — как исследователям, так и преподавателям. Мы во многом преодолели методологическое отставание, наладили контакты с зарубежными учеными. Наличие разных точек зрения в академическом сообществе стало восприниматься как норма; постепенно мы — и профессиональные историки, и просто любители истории, даже начали привыкать к диалогу с теми, кто придерживался иных взглядов. Все это может сильно пострадать, если вмешательство политики в историю будет развиваться такими темпами и в таком направлении, как в последние два-три года. Россия не раз уже демонстрировала способность доводить до абсурда заимствованные из-за рубежа идеи и методы.

---

²⁸⁷

Прим. ред.: Пример такого рода работы см. в диалогах Алексея Миллера и Георгия Касьянова «Россия—Украина: Как пишется история» на «Полит.ру»: Часть 1. Голодомор; Часть 2. Вторая мировая война; Часть 3. От Хмельницкого до Мазепы; Часть 4. Между Гражданской и Второй мировой; Часть 5. Первая мировая.

Нация и национализм в Восточной Европе: опыт и перспективы

*Беседа Модеста Колерова и Алексея Миллера в редакции журнала
«Отечественные записки» 7 декабря 2011 г.*

Модест Колеров: Вопрос не в том, существует ли народ. Любой исследователь понимает, что не следует опровергать миф о народе, миф о нации, как убедительно делал это Эрнст Геллнер, на что у него были свои причины как у еврея, пережившего Холокост... Миф о народе — это такая же жизненная сила, как вода, ветер, воздух... Вопрос вот в чем: что, по опыту ваших исследований, в XIX веке, веке рождения национализма, делало нацию нацией и перестало делать? Работало, а сейчас не работает?

Алексей Миллер: Скорее не «работает», но — «оказывает влияние». В последнее время меня занимают исследования истории понятий, позволяющие мне разобраться, что «работало — работает», и как.

МК: В споре с польским культурным империализмом, который, безусловно, доминировал тогда на западе Российской империи, несмотря на политическое поражение польскости, так и не переваренной Российской империей, «профессиональные русские» конкурируют с поляками как проводниками французской «нации» или как с альтернативной имперской этничностью?

АМ: Это довольно сложно... Нужно посмотреть по периодам. Первое, очень явственное столкновение, которое произвело сильное впечатление, собственно, на Николая I, — когда его детронизируют в сейме в 1831 году от имени польской нации. Он не начинал войну, пока оставалась надежда договориться. Он выставлял жесткие условия, но войска не двигал. Войска двигаются после того как происходит эта детронизация. Понятно, что для Николая это травма, ведь он действительно верит, что он «помазанник Божий». Вот он понял, что может сделать нация, зачем она нужна — для того чтобы проголосовать Царя Не-царем. Ему это, конечно, очень не понравилось...

В 1860-е годы статс-секретарь по делам Царства Польского Николай Милютин пытается поработать с понятием польской нации — строится концепция, согласно которой бунтует шляхта, что отчасти справедливо. Реакцией на этот бунт становится аграрная реформа 1864 года, условия

которой для польских крестьян были заметно лучше, чем для великорусов в 1861-м. И попытка развести, не дать шляхте национализировать крестьян в своем духе. Идея состояла не в том, чтобы сделать польских крестьян непольскими, а в том, чтобы сделать из них другую польскую нацию, которая не будет любить панов — они их по-своему и так не любили... Становится существенным элементом церковь, ксендзы, потому что она для крестьян очень важна, но она — связующее звено с панами. Как их «вырубить» — совершенно непонятно; на этом спотыкаются.

МК: И спотыкаются вплоть до 1905 года...

АМ: Не до 1905-го, а до 1980 года! Проект послевоенной польской социалистической нации — во многом то же самое: т.е. это хорошие люди — польские рабочие, крестьяне, не любящие буржуазию и панство, белого поляка. Ведь не каждый поляк белый, а только тот, у которого руки нежные, белые. Конечно, у поляков многому учатся в этом смысле, они — раздражитель, который заставляет об этом думать...

МК: Вообще это ведь мощнейший фермент нациостроительства русских?!

АМ: Во многом. Но здесь как раз нам следует вспомнить о малороссах и белорусах. Поражение первого восстания поляков в 1830–1831-м было важным уроком. Один из вождей восстания, сделавший много для его радикализации, Мауриций Мохнацкий, в самые последние недели возмущения пишет статью с очень характерным названием «Почему не восстают массы». У польских патриотов возникает вопрос: почему крестьяне нас не поддержали? Это касается и польских крестьян, и малороссийских, и белорусских, и литовских. Они понимают, что проигрывают. Ведь до 1830 года все это пространство отдано в культурную собственность полякам. Способ сохранения стабильности империи известен с древности — прежде всего нас интересуют элиты на месте: если они лояльны — работайте. Вот немецкие бароны, вот польская шляхта... Но оказалось, что польская шляхта не может работать как немецкие бароны, потому что их просто слишком много.

МК: И к тому же она начала вести экспансию на незадолго до того отрезанные свои территории, вплоть до Киева... Поскольку там был слаб русский элемент, он проигрывал.

АМ: Слаб, поскольку нет в повестке дня понятия борьбы?

МК: Не столько слаб, но не отобилизован?

АМ: Нет, нет... Вот нам говорят: у империи нет денег и нет кадров, чтобы развернуть на западных окраинах русскую систему образования... Поэтому создается польская система образования. Вроде как логичное

рассуждение. Но что происходит после первого польского восстания 1830–1831 года? Все высшие польские учебные заведения закрыли. Раз — и все. Все финансовые фонды, которые были аккумулированы для их функционирования, забрали и перекинули на русские учреждения. Вызвали польских профессоров — объявили два года переходного периода: через два года кто не читает по-русски — будут уволены! Виленский университет — закрываем. Киевский — открываем. Он же был открыт для поляков. Но по-русски будете учиться, и поляки будут вас по-русски учить. Дальше. Поляки перестраивают свою концепцию собственной «Атлантиды» — у них же представление о Речи Посполитой двух народов — даже в имени, названии страны — имеется в виду княжество (литовское) и королевство (польское). Вдруг появляется концепция Речи Посполитой трех народов — в этой концепции появляется Русь, и Русь — это, конечно, не «москали».

МК: Это западная Русь, часть исторической Литвы?

АМ: Не только. Это часть Литвы, но прежде всего это та часть Великого княжества литовского, которая отошла к Короне после унии. То, что сегодня — Украина западная, правый берег Днепра. Признается ее культурная инаковость — это признание в меру необходимости. Когда польские повстанцы распространяют листовки, обращенные к малорусским крестьянам, — они их пишут кириллицей, а когда к белорусским, которые менее отобилизованы, — униатам, католикам, — то они им пишут на латинице.

МК: А на каком языке?

АМ: Могут на местном наречии. И если мы посмотрим на все первые белорусские издания — их готовила полонизированная шляхта: поляки, но с белорусскими корнями. Книжки издают латиницей. Первая реакция Петербурга в 1859-м — запретить латиницу в применении к русскому языку, включая белорусское и малорусское наречие. Но латиница эта насаждается в Галиции в отношении русинского языка. Именно в споре с поляками и выковывается уваровско-устряловская концепция триединой русской нации.

МК: Насколько эффективно эта уваровщина конкурировала с польскими интересами?

АМ: Машина была отобилизована... Если мы говорим о высшем, элитном образовании, хотя не только высшем — в Киеве, например, параллельно с университетом был создан Институт благородных девиц, который тоже был в значительной мере предназначен для поляков. Там ксендза одно время держали.... Но все равно — это было уже русское заведение.

Успехи — умеренны. Поскольку машина не была отмобилизована в другом смысле: начальное образование фактически не развивалось, даже после отмены крепостного права. Ведь первый царь, который начал систематически увеличивать бюджетные расходы на образование, — это Николай II.

МК: Значит, без системного решения — построения начальной школы — не делается нация или даже народность? Имперское русофильство в борьбе со шляхетской и дворянско-французской «нацией» проигрывает, потому что не строит школ?

АМ: Во многом. Проблема была осознана, о чем свидетельствуют многие записки царю и пр. Но нет осознания того, что это столь важно.

МК: Может быть, это национальный русский код — такое пассивное отношение к начальной национальной школе, несмотря на весь пафос земства?

АМ: Земство-то работало, но не справлялось, а в Западной Украине его не было.

МК: В том-то и дело — земский пафос фрагментарен для общеимперского пространства. Понимая, что земские школа, статистика, медицина — это ресурс, государство ограничивало сферу деятельности земств.

АМ: Потому что был не решен основной вопрос — парламентского представительства. И это — не для всего имперского пространства. Еще в эпоху Уварова, Устрялова возникает представление (а со второй половины XIX века есть четкое осознание), что пространство империи делится на несколько категорий. Первая — ядро великорусских губерний, территорий — совсем «своих». Вторая категория — территории тоже русские, но «больные», попорченные, их нужно реабилитировать и завоевать в культурном смысле — это западные земли. А третья — территории, которые должны быть освоены как русские, эдакие колонии, которые нужно присвоить, сделать частью национальной территории, сменить дискурс — например, Сибирь. Есть территории совсем нерусские — Финляндия, Прибалтийские губернии, Царство Польское, Туркестан, Закавказье... Первый, кто выковал лозунг единой-и-неделимой России, — Михаил Юзефович — он же думал не об империи, а о единой и неделимой русской нации. Он был малоросс, сидел в Киеве и всю жизнь боролся с украинофилами. Юзефович эту формулу записывает на постаменте памятника Богдану Хмельницкому, который его стараниями открыли в Киеве в 1888 г. Это уже потом, у Деникина: единая и неделимая Россия — вся империя. И у Петра Струве можно найти массу всяких рассуждений о том, что есть русская Россия, есть

нерусская Россия, а есть какие-то территории в промежуточном состоянии, и не то чтобы никогда ничего не изменится, но это отдается на откуп времени — там потихонечку все будут осваивать русский язык... Дело в том, что для империи это абсолютно нормально, если у человека несколько языков.

МК: Так-то так. Но вы знаете, например, с какими скандалами, с какой кровью славянофильской осознавалась проблема остзейского культурного изоляционизма внутри империи. Только в 1891 году немецкий Дерптский университет перевели на русский язык.

АМ: Тут не торопились, потому что есть лояльная элита, и зачем ее обижать? Если б они восстали, то перевели бы раньше. Немецкость правящего класса остзейских губерний остро осознается как проблема после объединения Германии. До этого немцы — это очень симпатичные люди, у них масса раздробленных государств, геополитически они не представляли никакой проблемы, а теперь они — потенциальная угроза. Ведь империя нередко поощряет локальные национализмы, пока они слабы и не являются вызовом русскому национализму...

МК: Но если бы империя не рухнула в 1917-м — так бы и было. Они не ставили перед собой сепаратистских задач.

АМ: До поры никто не ставил. И поэтому в 1865 году в той же Литве была попытка перевести литовский язык на кириллицу. Запрет издания литовских книг латиницей существовал до 1904 года! Более того, среди литовцев оказались люди, которым эта идея изначально показалась симпатичной — они отделялись от поляков таким образом.

МК: Они решали проблемы отделения от поляков, конкуренции и получали бесплатные белорусские земли в свое доминирование...

АМ: О белорусских землях они, пожалуй, не думали в тот момент. Но власти совершили ряд ошибок с точки зрения создания системы письма кириллицей для литовского языка: они вместо фонетической стали настаивать на этимологической, чтобы приблизить к русскому. Те, кто считал, что крестьян нужно учить по-литовски, понимали, что гораздо проще их учить фонетическому письму. К тому же, еще не добившись принятия литовским обществом кириллицы как алфавита для своего языка, они тут же начали русификацию — толкали к переводу на русский язык. И к 1868 году уже существовала консолидированная позиция литовских образованных людей — нет, упрямся, но не сдадимся, будет латинский алфавит. И литовцы Пруссии организовали типографии и стали книги возить.

Принципиально иная ситуация с украинским языком. Его запрещают, не повсеместно, но для школ и т.д., а литовский язык не запрещают,

его хотят оторвать от польского влияния, создать как можно больше дистанции. И применительно к латышскому языку было сделано то же самое, но не на всей территории, где жили латыши, а только там, где прежде была Речь Посполитая, — Латгалия, где латыши — католики. И тоже как мера отрыва от поляков. Не от немцев, так как от немцев отделяла религия. Немцы — протестанты.

То есть одно дело — русификация в том смысле, что малороссы и белорусы должны учиться грамоте на русском языке. А другое — пожалуйста, литовский, но на кириллице. В первом случае это русификация в смысле ассимиляции, во втором — аккультурация.

МК: А вы учитываете тот фактор, что доля литовского городского населения — доля ничтожнейшая, Вильно вообще исторически не литовский город. А если считать малороссов частью единого русского народа, то в городах западных губерний русских более чем достаточно для сельско-городского континуума.

АМ: Город в Малороссии — это такой тигль, потому что большинство городского населения, до 80 процентов людей, которые являются носителями русского языка, — выходцы из соседних губерний, их не из Великороссии завезли. Можно говорить о малорусской идентичности как о двух пластах. Есть один — рыхлая, аморфная малорусская идентичность, где есть элементы старого мифа о казацкой вольности, немножко гетманщины. Крестьяне ощущают, что они — хохлы, а не кацапы, и язык у них другой. Но когда гоголевский Вакула приезжает в Питер на черте, встречается с запорожцами, и они к нему обращаются на русском языке, он им тоже по-русски отвечает: мол, мы тоже не лыком шиты, не лаптем борщ хлебаем — можем и по-русски.

Дальше формируется направление, группа людей — украинцев... Что такое украинцы? Это прежде всего отказ от идеи триединства. Малоросс может быть частью русской нации, а украинец — у него своя нация. Собственно, русский национализм борется с украинством, а в Украине — это борьба малороссов с украинцами.

МК: Это борьба под знаменем Малой Руси...

АМ: Это не борьба под знаменем Малой Руси, но борьба под знаменем единства Руси.

МК: Малая Русь как изначальная часть этого единства...

АМ: Да, но люди эти, малороссы, по своему культурному багажу — то же, что и украинцы. И язык они знают не хуже. Как их маркировать?

МК: Идеологическая маркировка при абсолютной идентичности культурного кода.

АМ: Нет, не абсолютная: для тебя Пушкин — либо чужой поэт, либо свой. Ты не стесняешься на него ссылаться, ты его цитируешь...

МК: Если изучить аллюзивные ряды, то они все пронизаны русскими ходами...

АМ: Нет. Если посмотреть дневники активистов украинского движения начала XX века, то очевидно, насколько мощно отторжение русскости. Но так или иначе, когда люди XIX века говорят о «русскости», думают об этой проблематике, они почти всегда скажут — великорус, малорус. «Русский» будет для них обозначать общность...

МК: Суперэтнос...

АМ: ...Но они об этом не очень глубоко думали. Отсюда рефрен, например, в дневниках Владимира Вернадского — когда он, сотрудничая со Скоропадским в Киеве, устраивает Украинскую академию наук... Так вот, рефрен таков: нужно написать статью о соотношении понятий «русский», «великорусский», «украинский», потому что это недодуманно.

МК: Но в Украинской академии наук идет форсированное установление «украинскости» на всех этапах и по всем отраслям гуманитарных наук, в том числе украинской филологии. Значит, для себя он этот вопрос решил.

АМ: Ничего подобного! На самом деле у него есть конкурент — Михаил Грушевский. Надо отдать должное Скоропадскому — он выбирает Вернадского. В чем отличие его концепции от концепции Грушевского? Грушевский хочет все русские научные и культурные заведения украинизировать, а концепция Вернадского — построить рядом второе здание, второй домик; русское не трогаем, а рядом создаем украинское. И в дневниках Вернадский говорит: если мы им этого не сделаем, имеются в виду русские, — им это поляки сделают. Это первая его мотивация. Вторая — надежда на то, что Скоропадскому удастся отбить Украину, что большевиков там не будет, и тогда она может стать пространством выживания русской культуры. Белый офицер может служить у Скоропадского, а у Петлюры — нет.

МК: Я у Вернадского читал, что лексическое насыщение языка полонизмами на тот момент — достраивание языка — вызывает украинскую же неприязнь.

АМ: На самом деле это проблема даже внутри украинской среды — украинцы, такие боевые и очень киевские, они же очень не любили галицкий украинский язык. Вплоть до того, что был такой известный украинский активист Сергей Ефремов — он приходил в книжную украинскую лавку и... если находил книжку, написанную галицким языком,

бросал ее на пол и топтал ногами.... Этот пласт очень интересен и мало-изучен.

Если мы посмотрим на историю черносотенцев, черносотенства в России... и вообще на влияние русского национализма, то окажется, что такой русской Вандеей, опорой черносотенства, была Украина, и прежде всего Волынь...

МК: И Бессарабия....

АМ: И Бессарабия — и именно эти территории посылают в Думу самых ядреных русских националистов. На Волыни у Союза русского народа 200 тысяч членов! И это та территория, которая потом станет территорией, где зародилась Украинская повстанческая армия (УПА). На самом деле это показывает: межвоенный период стал решающим в определении идентичности. Но здесь мы имеем дело с еще одной очень важной темой: именно начало XX века стало тем временем, когда крестьяне постепенно начинают вовлекаться в политическую жизнь.

МК: Это очень важно! Западная, галицийская, ойкумена украинской идентичности в межвоенный период — ведь это та самая Волынь, где до 1917 года были сильны черносотенцы, русские националисты, издававшие в начале XX века только в Почаевской Лавре 6 миллионов экземпляров своей литературы. Куда все это делось на момент создания УПА?

АМ: Надо понимать, что Малороссия до войны 1914 года радикально отличается от Украины в 1918 году. Эти четыре года очень много значат. Тема оккупации очень важна. Что делают русские патриоты, когда немцы оккупируют территории, — отступают с войсками...

МК: Что делают оккупационные власти? Истребляют русскую интеллигенцию вообще...

АМ: Русскую интеллигенцию оккупационные власти не истребляли.

МК: Секундочку, а Талергоф?

АМ: Конечно, Талергоф и Терезин — это концентрационные лагеря, куда загоняют русофильских людей в Галиции, но на самом деле русскую националистическую интеллигенцию в Украине уничтожили большевики.

Большевики создали новый имперский проект, который отрицал стержень предыдущего проекта. В переписных листах 1926 года уже нет категории «малоросс», а только «украинец». Ликвидация неграмотности была проведена на украинском языке, при том что город русский, русскоязычный, и, конечно, легче было на русском провести. Но это был идеологический выбор. И, во-вторых, надо было укорениться. Первый враг советской власти на Украине — русский национализм. Его но-

сители — классово чуждые, дворяне, образованное городское население — ровно те, кого надо гнать в эмиграцию, истреблять... Активисты сначала ушли с русскими войсками, во время Первой мировой войны. Потом тех, которые вернулись, добились в Киеве большевики. Лидер киевского клуба русских националистов Анатолий Савенко кончает жизнь на нелегальном положении, дворником работая в Крыму.

Русских националистов убрали. Крестьянам, которые, вступали в Союз русского народа и которым в лозунге «Бей жидов — спасай Россию!» больше всего нравилась первая часть, в своей идентичности были не тверды.

МК: А почаевские отобилизованные кадры так и вошли в украинство...

АМ: Не совсем. С ними надо было поработать. Что такое Волянь? Это та территория, которая досталась полякам после войны. И там же оседает контингент активистов петлюровского движения.

МК: Поляки интернировали петлюровцев.

АМ: Но потом-то они их выпустили. А петлюровцы — это в значительной части те люди, которые попали в немецкие лагеря для украинских военнопленных.

МК: С которыми немцы поработали.

АМ: Не немцы поработали, а Союз освобождения Украины. Немцы взяли украинских активистов, запустили в эти лагеря, они кормили людей лучше, и они их отобилизовывали как украинцев.

МК: Получается, что гражданское толкование нации отпадает, как только речь заходит о непосредственном прикладном строительстве нации, и выплывает личное.

АМ: В истории украинского строительства нации о гражданских правах вообще речь не идет.

МК: «Первые враги — жида, москаля, поляка».

АМ: Нет, ничего подобного. Возьмем Волянь как лабораторию. Когда происходит попытка строительства русской нации, в том числе на Воляни, кто работает с этими крестьянами? Почаев, Союз русского народа, они нам могут нравиться или не нравиться, но они вовлекают в гражданскую активность, в политику. Во время войны почему русский крестьянин сильно национализируется? Потому что ему стало интересно. Земства в 1912–1913 годах где-нибудь в русской глубинке постоянно жалуются, что мы им библиотеку сделали, а они не ходят. А в 1915 году жалоба другая: к нам народ повалил газеты читать, а вы у нас библиотечных работников на фронт мобилизуете. Потому что новости с фронта стали интересны. А прежде чего ради было читать?

Теперь смотрим дальше. Что произошло на той же Волыни в межвоенный период? Русских активистов либо побили, либо прогнали, либо прижали. Почаев существует, но зажатый. Что началось? Сначала просто украинцев или вообще крестьян местных (они, может быть, еще не поняли, что они украинцы) — душат как нацменьшинства. Потом вроде происходят послабления какие-то, с ними пытаются договариваться — но одновременно начинают процесс польской колонизации Волыни. Значит, люди мобилизуются против. Как Кравчук говорил, «УПА зародилась на Волыни». Что это такое? У людей вызовы — земля, политическое участие, школы, права, потому что польская школа... И они борются. И что такое Бандера? Чем он занимается и кого прежде всего мочит в межвоенный период?

МК: Сельских учителей.

АМ: Отчасти.

МК: И вертикаль МВД.

АМ: Кого он больше всего убил, поляков? Нет. Украинцев.

МК: Недостаточно «свидомых», национально сознательных.

АМ: Нет, как раз тех, очень даже «свидомых», украинцев он убил, которые стремятся с поляками договариваться. Потому что входной билет для разговора с поляками — это признание этой территории неотъемлемой частью Польши. Вот ты это признал — дальше можешь договариваться о разных концессиях и равных правах для твоего меньшинства здесь. А у Бандеры позиция другая: это не Польша, и потом он будет это доказывать в 1943 году, когда станет резать поляков на Волыни. На что похоже отчасти? Скажем, входной билет для русскоязычных политиков в современной Латвии и Эстонии — это признание факта оккупации. Мы можем себе представить, что какой-нибудь русский экстремист убил бы Нила Ушакова за это признание. Вот этим и занимался Бандера. И когда идет эскалация этой напряженности, а потом начинается большая война, там уже начинают действовать другие механизмы. Там тоже гражданское участие. В каком виде? Пойдешь в партизанский отряд. А если не пойдешь, то мы тебя сейчас шлепнем. Это в некотором смысле тоже социализация. Она не такая, как мы привыкли себе воображать, но это социализация.

МК: Да, и если ты не сам идешь в отряд, то ты просто работаешь на него, снабжаешь его, что на самом деле опаснее.

АМ: Все опасно, но выхода нет. Опять же, неверно думать, что это новшество XX века! Представим себе какой-нибудь 1835 год. Живет нормальный польский помещик, на Кресах, в Литве, например. Живет себе и живет, готовится дочерей замуж выдать, собирает деньги на обу-

чение сыновей. Тук-тук. Постучался эmissар эмиграционного правительства в дверочку. Вот в этот момент он еще ничего не сделал, а его прежняя жизнь уже кончилась. И ему, может быть, и без разницы, Польша, не Польша. Но тут у него есть три варианта. Сдать жандармам. Твои девки уже замуж не выйдут — за соседей. И тебя уже никогда не позовут в гости. Помочь. Если они узнают, то у тебя конфискуют имение, и твои девки опять замуж не выйдут. Третье — сказать: «Я тебя очень уважаю, но уйди отсюда». Он пойдет к следующему и расскажет, и опять твои девки замуж не выйдут. И вот ты уже часть польского национального движения. Ты еще за секунду до этого не знал, что ты часть польского национального движения. То же самое с этими крестьянами.

МК: В связи с этим у меня вопрос. Несмотря на всю эту этническую и национальную мобилизацию, как показал покойный В.М. Кабузан в одном из своих последних исследований по демографическому и этнографическому развитию западных губерний империи, порядка 40% в зоне контакта литовцев и поляков не имели этничности. Они были просто «тутейшими», литовцами с польским языком, и наоборот. И здесь спор между нынешними литовцами и поляками идет вот о чем. Литовцы говорят: «Ваши поляки, которые борются за свои права в Виленском крае, — это литовцы, которых вы полонизировали», — говорят литовцы, — в межвоенный период. На это им поляки отвечают: «Мы их, этих поляков, не полонизировали, а вернули к исходному состоянию до середины XIX века, когда вы, литовцы, с помощью русских их деполонизировали».

АМ: Они с этничностью, если иметь в виду набор каких-то культурных качеств. Они без национальной идентичности. И таких людей до сих пор легко встретить в Восточной Польше. Я их видел, я с ними разговаривал. И их упорное нежелание приписать себя, предположим, к украинцам или к белорусам, отчасти связано еще и с тем, что они или их родители пережили в 1948 году, когда украинцев и белорусов в рамках акции «Висла» переселяли в западные части Польши. Но эти рассуждения о том, кто они на самом деле — поляки или не поляки, — это же и часть дискурса русского национализма XIX века: эти люди полонизированы, их надо как бы вернуть. То есть это опять как бы идея крови, а не культуры. Я тебе говорю, что я поляк, а ты мне говоришь: нет, ты не поляк, а ты полонизированный, имея в виду, что дед им еще не был. Это в очень большой степени радикализилось в последнее десятилетие XIX и в первой половине XX века (но не в Советском Союзе), когда было усвоено расовое детерминистское мышление. Это был

научный стандарт. Никто не стеснялся в этом признаться. Еще в 1935 году американские антропологи жаловались в правительство, что оно ведет абсолютно некультурную политику: «Посмотрите, какой просвещенный Гитлер, как он слушает своих антропологов». То есть идея нации или народа как организма, в котором примесь чужой крови портит качество, становится доминирующей где-то с 1870-х–1980-х годов.

МК: И это связано с тем, что встает заря национализма, которая по своим результатам является могильщиком надэтнических империй.

АМ: Нет, могильщиком империй является не национализм.

МК: А что? Мы сейчас говорим не о философии, а о практике.

АМ: Мы говорим именно о практике. Потому что если ты возьмешь, скажем, 1913 год. Сколько этого украинского движения? А уже в 1914 году — все совсем иначе. А почему? Несколько причин.

Во-первых, потому, что когда начинается большая мировая война, у людей разыгрывается воображение. Ты можешь быть самый что ни на есть лютый украинец, но ты понимаешь, что сколько ты ни прыгай, ситуация не изменится в ближайшее время. Ты только пытаешься, как вот Янковский в «Ностальгии» у Тарковского, лампаду пронести по длинному пути. Вот мы не выиграем, но мы передадим эстафету поколениям. А тут возникает ситуация, в которой можно играть на выигрыш. Это первое. Второе, когда мы говорим об этих немецких лагерях для украинских военнопленных. Что это такое? Это империя закачивает свои материальные ресурсы. Российская империя занималась тем же самым — пропагандой среди военных чехов, словаков и т.д., то есть славян. А дальше приходит оккупационная немецкая власть... Почему многие люди ждали немцев в 1941-м? Потому что они помнили, как немцы пришли в 1915-м. Они же были культурные люди. Они первый и единственный раз за всю историю отмыли киевский вокзал. Они никого не убивали, и они объявили в некотором смысле вне закона русский язык — они сказали, что администрация теперь будет функционировать на украинском, белорусском и литовском.

Они, конечно, не изменили совсем ситуацию. Но какой-то интеллигент, который пестовал свою украинскую мову и, в общем, понимал, что никакого ему от этого прироста не будет, неожиданно понял: возможна ситуация, в которой это мой главный культурный капитал. Это же революция в умах. Ну а дальше началась Украинская республика эфемерная и т.д.

Дело вот в чем. Это очень важный момент. Мы можем сказать, что критическое мышление о нации первым в некотором смысле демонстрирует Карамзин в «Письмах русского путешественника». У него

там есть такой эпизод, он описывает, как какой-то человек во Франции пытается откуда-то куда-то перебраться, его ловят крестьяне и говорят: «Не дворянин ли ты случайно?». Он отвечает: «Да нет, вы чего». — «Ну раз так, кричи: Vive la Nation!». Он кричит: «Vive la Nation!» Они говорят: «Молодец, ну иди. Нет, погоди, объясни, что такое нация?» Это, наверное, анекдот, но понятно, что от имени нации действует какая-то группа, а 90% являются зрителями в этом театре истории. То есть у него проблематизируется концепция нации, а это еще 1791–1792 годы.

А вот в 1863 году об этом начинает писать Салтыков-Щедрин со свойственной ему саркастической остротой. И он анализирует какой-то текст каких-то патриотических студентов, которые написали, что мы с народом, с царем, против поляков. И он говорит язвительно: молодцы, и язык такой, немножко неграмотный, но зато отражающий эмоцию. Непонятно, что делать с этим духом нации. Потому что разные писатели по-разному его понимают: Катков так, Чичерин — эдак, а вот Краевский говорит, что вообще никакого духа нации не надо, а делай что велено. И, судя по всему, подавляющее большинство народа разделяет эту позицию. То есть Щедрин как бы разлагает, деконструирует понятие.

Кстати, примерно с этого времени народность уходит как категория, и уже в словаре Брокгауза и Эфрона нет «народности» — есть «нация». А ключевым понятием с конца XIX в. становится «национализм».

МК: К тому времени под знаменем национализма объединилась Италия и Германия.

АМ: Катков все время думает об этом. Когда он обсуждает, что делать с этим малорусским украинским вопросом, он все время как бы оглядывается на Германию: что вот разные племена... И немцы не стеснялись говорить о разных племенах. Первая статья Веймарской Конституции даже в 1919 году говорит, что «немцы всех племен объединяются».

Точно так же можно представить себе русскую конституцию, которая говорит: «Русские всех племен объединяются» Но не сложилось. Но Катков 1860-х годов не называет себя националистом. Если бы его попросили себя идентифицировать, он бы сказал: государственный-либерал и т.д. А дело в том, и это очень важный момент, что само определение «националист» в 1870–1880-е годы разводится с понятиями «либерал» и «свобода».

МК: И попытки соединить либерализм и национализм — слабые и ничтожные.

АМ: То есть либералы от этого понятия отступились. Владимир Соловьев, когда пишет о национальном вопросе и национализме, говорит, что это гипертрофированное (болезненно гипертрофированное) национальное чувство. То есть это для него уже плохо. А националисты в большой степени антилиберальны, и они говорят, что вот эта вся свобода русскому губительна, а агитаторы за нее — это жида, поляки и какие-то обманутые ими отдельные русские люди. То есть нация и освобождение, предположим, во Франции идут вместе. И можно спорить, сколько там было этого освобождения, а сколько якобинского террора, но они идут вместе — нация и конституция. А в России они разводятся. Потом какая-то часть националистов после 1905 года, который им очень не нравился в целом, все-таки приняла конституцию, за исключением дубровинцев, может быть, все остальные, в том числе и на черносотенном фланге, иногда «через губу», иногда с неудовольствием говорили: «Вот, царь-батюшка посчитал русский народ зрелым достаточно для конституционного представительства». Вот примерно так. И там, в русском национализме, варилось много всего, вплоть до нацизма. Был такой Павел Ковалевский, который писал о русском национализме с позиции черносотенца. И он говорил про еврейский вопрос и очень переживал по этому поводу. Он считал, что есть надежда, что вроде бы ученые как-то придумают, как предотвратить евреев от размножения. Он еще не доходил до идеи, что можно всех поместить в газовую камеру и решить вопрос. Но идея, что они, может быть, сами вымрут с помощью ученых, уже была.

А в программе Союза русского народа был абсолютно ключевой тезис: давайте соберем денег и поможем евреям эмигрировать. Потому что все националисты, не только в России, но и в Польше, между прочим, а потом и в Германии, носились с идеей, которая потом вылезла как-то неожиданно, и если не знать истории, то непонятно откуда. В 1968 году в Польше, когда произошло столкновение двух партийных фракций, и одна из них была более еврейская, против них были демонстрации с лозунгом «Евреи — на Мадагаскар». Это просто была реминисценция предвоенного периода. Остров вроде большой, а евреев-то до Гитлера было еще много, и поместятся вроде как. И вот этой идеей всех евреев отправить туда, или в какое-то подобное место, Союз русского народа был очень обеспокоен еще до революции.

Дальше интересно, что русский национализм работает с этой темой — «инаковость» — и поэтому там развивается очень интересная концепция: на западных окраинах, например, где поляки бросают вызов, «мы

— славяне, вместе с украинцами, предположим, белорусы. А вы — москали — вы не славяне, вы туранцы, вы угро-финны».

МК: Да, это и до сих пор в украинском национализме есть.

АМ: И здесь русский национализм будет настаивать на том, что нет, мы славяне, самые что ни на есть «славянистые». Если перенестись на Волгу, то там как раз тот же самый русский национализм будет продвигать совершенно другой дискурс. Что русские и угро-финны — они такие комплиментарные, они так хорошо женятся и вообще все замечательно. И поэтому, ребята, чуваша, например, давайте бросайте свои священные рощи, обращайтесь в православие, русский язык вы уже учили, имена вам уже русские написали, и давайте русскими будете. И с татарами тоже можно. Крящены — их отстаивают от ислама. Там вызов ислама, там русский человек, прежде всего, не исламский, и т.д.

Впрочем, были течения в русском национализме, которые иначе смотрели на конфессиональный вопрос. Катков говорил, что не все православные русские, и не все русские православные. Он даже заявлял, что и иудаист, но если он по-русски думает, то он русский. Но это недолго продлилось. Но там возникла хитрая ситуация. Значительное количество евреев поверило в это приглашение к ассимиляции. Они разогнались, и как бы уже в русскость пошли. А тут им — и дверочки перед носом закрыли. Мол, жидов не велено пущать. А куда жидов пущали? Жидов пущали в социал-демократию и отчасти в либерализм. Вот они туда и ломанулись. 1874 год, народническое движение. Есть евреи? Есть. В процентном отношении точно соответствует по статистике процентному присутствию евреев в Российской империи. Там было 5%, вот они 5% и есть. Дверочку захлопнули... И в 1880-е годы уже 40% активистов революционного движения — евреи. Конечно, если вы людей не пустили, так и будет. В Германии посмотрите.

МК: Социал-демократы.

АМ: Совсем не обязательно. Там шире было. Их много среди либералов, и там много людей, вполне консервативных, среди евреев, которых принимали туда. А ежели тебя не принимали, то все. За тебя сделали твой политический выбор.

МК: Успешное строительство нации, получается, происходит в момент слома, революции, мобилизации, военного времени, революционного времени.

АМ: Это очень важный момент, когда процесс запускается, когда людей вовлекают. А успешно ли это будет? Это как раз решается в результате того, чем эта революция кончается. Потому что если она кон-

чается так как наша, октябрём, то тогда не получается нации. Потому что не на нации был проект основан.

В истории России есть одна успешная революция — 1905 года. Юрий Пивоваров (я у него эту идею нашёл) считал, что эта революция успешна, потому что она открыла политическое поле, но не сломала структуру настолько, чтобы власть упала в руки кадетов, которые наивно предполагали, что они могут держать страну. Ещё Макс Вебер, анализируя русскую революцию, тогда же писал (эти его статьи полны фактических ошибок, но он — что значит серьёзный человек — нюхом понимал главное), что там есть либералы, которые думают, что за ними большинство, они думают, что могут держать страну и что это глубокое заблуждение. В 1917 году был выбор не между либералами и большевиками, а между Корниловым и большевиками. А в 1905-м структуры остались, и там был потенциал и национального строительства, и политического развития. Другое дело, что и власть должна хотеть продвигаться.

МК: Я понимаю твой пафос, что власть сама закапывает себя, и в последние 30 лет успешное строительство этнократий, феерическое триумфальное шествие национализма, сопряжённая с этим кровь и т.д., происходит именно на фоне позорной капитуляции власти перед своими прямыми обязанностями.

АМ: Тут принципиально не согласен. Этнократия — это во многом наследие советского периода.

МК: Да, но этнократия в Прибалтике апеллирует не к советскому периоду, а к досоветской независимости и даже к коллаборационизму с Гитлером.

АМ: Надо различить. Либо мы говорим о пространстве вне России, либо о России. Я хочу о России сказать. Потому что одно дело Прибалтика, и мы можем предъявлять современной власти Латвии и Эстонии всякие претензии, но это отдельная тема. Какая там, кого перед кем капитуляция?

МК: Перед этим прибалтийским национализмом капитуляция коммунистов, национал-коммунистов в 1980-е годы.

АМ: Но коммунисты капитулировали не перед этим, а перед тем, что у них вообще все расплзлось. Но если развивать твою логику и перенестись в Россию, то у нас есть автономные республики, в которых довольно много элементов этнократии.

МК: Башкирия в недавнем прошлом, а сейчас этнократический Татарстан поныне живой....

АМ: Ну и Чечня... Мы живем на развалинах империи. Это значит, что это не пустое пространство. Развалины — это такие мощные стенки не панельных «хрущевок», а капитальных высоток товарища Сталина. В фундаменте этих развалин, которые мы унаследовали, — территориализация этничности, создание национальных автономий. Дальше возникает вопрос: а ты можешь это отменить через колено? В моем представлении попытка сделать это породила бы очень серьезные конфликты.

МК: Очевидно.

АМ: А если ты не можешь это сделать, то ты должен приучиться с этим жить, даже если ты пытаешься на этих развалинах что-то новое построить, но не можешь их разрушить, то тогда ты все-таки делаешь какой-то проект, который учитывает эти стенки. И ты как-то достраиваешь к ним что-то и т.д.

МК: Современное государство не владеет тонкими настройками. И, признавая титульность, оно тем самым признает этнический феодализм. Автоматически.

АМ: Нет, с этим можно потихоньку и постепенно бороться, но на самом деле тут ведь надо что-то предлагать взамен. Потому что сила этнического национализма на окраинах в очень большой степени завязана на московскую коррупцию. Совершенно очевидно, что все эти князьки сидят в роли людей, которые катят откаты в Москву. Все крупные проекты на окраинах от Сочи до восстановления Осетии, до острова Русский — это же все колоссальное, просто неимоверное воровство, и понятно, что эти деньги не на окраине оседают, а возвращаются в Москву. И если так, то как ты можешь апеллировать к людям на окраинах с требованием отказаться от этнических, клановых и прочих локальных скреп?

МК: Но это не всегда так. Например, возрождение темы черкесского геноцида в связи с Олимпиадой в Сочи связано с тем, что сочинский бюджет проигнорировал интересы черкесов.

АМ: Я бы связал это еще с темой, которая была совсем недавно актуальна, ведь планировали отменить автономию Адыгеи, и там действительно 70% русских. И если провести демократический референдум, то он легко выигрывается. Но тут возникает большой вопрос, потому что вот адыги, черкесы могут поставить такой вопрос: «Ребята, а как так получилось, что нас тут 30%?» Потому что геноцид не геноцид, но колоссальная этническая чистка там была. И это все-таки надо учитывать и признавать. Если ты не хочешь это учитывать на уровне закона, а можно было бы, то хотя бы в политике. А иначе мы в партизаны пойдем.

МК: Последовательно проведенный до конца, до логических выводов, принцип демократического представительства — в тех случаях, когда мы имеем дело с нарастающей волной этничности, национализма, — очень быстро превращается в свою противоположность. Почему Германия против того, чтобы греки проголосовали на референдуме за конкретный сценарий своих отношений с Евросоюзом? Потому что все уверены в том, что греки проголосуют большинством за паразитическую модель отношений Греции с Евросоюзом. Значит сейчас все «старые европейцы» предпочитают, чтобы все болезненные решения о судьбе Евросоюза принимались не демократическим, а кулуарным путем.

АМ: Это немножко другая ситуация, не работает эта аналогия. Греки-то как понимают выбор: будем ли мы жить по-старому или будем резать бюджет? Реальный выбор другой: вы будете резать бюджет и останетесь в евро — или вас прогонят.

МК: Для большинства этого выбора нет. Для большинства выбор — «хочу так жить дальше». Этничность не смиряется с гражданскими правами!

АМ: Мы должны понять, что модель нации-государства, как мы привыкли понимать, неприменима к России, как, впрочем, и ко многим другим странам — например, к Индии, Канаде и т.д. Значит, у нас должны быть какие-то элементы консоциативной демократии — либо у нас есть демократия (которой у нас тоже нет) и в рамках ее есть специфические права мобилизованных меньшинств. Это можно сделать! И тогда, кстати, проще придавливать этнических лидеров. Либо эти этнические лидеры просто являются твоими партнерами по «дерибану-распилу» и т.д. — тогда ты говоришь: «Смотрите, как много у нас этнических групп. И ежели пойти по пути представительства, то мы сейчас Россию развалим».

МК: Современные главные модельные решения Запада в отношении национализмов таковы: на опыте Югославии — Дейтонская модель, на опыте Македонии с восстанием албанцев — Охридское соглашение 2001 года. На опыте прибалтийских этнократий — либеральный Запад соглашается и даже использует взаимные этнические чистки как наиболее надежный способ решения. Или, в крайнем случае, квотный принцип представительства во всех уровнях и ветвях власти, как в Македонии, что по определению тоже не является демократическим.

АМ: Здесь мы как бы сейчас пойдем по следующему кругу.... На самом деле этнические чистки на территории Югославии начал не Запад.

МК: Это неважно.

АМ: Нет, это важно! Потому что Запад использует этнические чистки как предлог для вмешательства.

МК: Нет! Я говорю не об этом. Запад использует состоявшиеся этнические чистки, закрывает глаза на взаимные этнические чистки для того, чтобы установить более устойчивую модель разделения на национальные государства.

АМ: В некотором смысле это логично. Если есть конфликт двух этнических групп, и острота его такова, что их нужно просто развести, то регулярно организованное этническое размежевание с переселением (хочешь, называй это этнической чисткой) может быть единственно гуманным способом.

МК: И это старая традиция. Начиная с обмена населением между Турцией и Грецией, навязанного Западом в 1922–1923 году.

АМ: Конечно, но... но! В Башкирии, Татарстане... ситуации-то такой нет пока.

МК: Да и слава Богу, я как раз об этом говорю: современная западная практика неприменима для все еще существующих многонациональных государств.

АМ: Почему? Применима, потому что именно на Западе эти практики и разрабатываются...

МК: Они могут разрабатывать все что угодно, но в Югославии и в Македонии они показали другое! Определение 20-процентной квоты для македонских албанцев — это что за демократия такая?

АМ: Можно взять Канаду, это, кстати, очень полезная модель, потому что она отражает как раз соотношение двух общностей, одна из которых заметно больше другой. Такая модель плохо работает, например, в Бельгии, потому что общины примерно равны. А в Канаде, где есть Квебек, она, между прочим, работает.

МК: Но почему же Охридское соглашение не использует канадский опыт? Практика демонстрирует дальнейшее отступление западных (восточных, северных и южных) моделей перед национализмом. И чем больше государства, в т.ч. и многонациональные, находятся в ситуации кризиса, тем больше на поверхность выходит националистическая модель.

АМ: Я совершенно в этом не уверен. Я бы сказал, что очень многие элементы, свойственные как раз для имперских форм контроля, важны безусловно. Нельзя сказать, что мир как бы продолжает «колоться на...» ... Столько всяких любопытных экспериментов!

МК: Продолжает колотиться! Число членов ООН выросло фантастически. Я вообще с легким утрированием исхожу из того, что мы имеем дело с ренессансом XIX века — национализма, протекционизма и милитаризма. Это повторная реальность и присущий ей социал-дарвинизм.

АМ: С аналогиями следует быть осторожнее — мы опять рискуем стать генералами, готовящимися к прошлой войне.

МК: Но этнократии и национализмы Восточной и Центральной Европы до сих пор сидят сознанием в этнически расчленившем Венгрию в пользу Румынии соглашении в Трианоне, в коллаборационизме Второй мировой войны...

АМ: Да... да... да.

МК: И здесь ты не сможешь ничего объяснить ни венграм, ни румынам ссылкой на канадский опыт.

АМ: Здесь мы уже вступаем в сферу исторической политики. Вот румыны. Я примерно представляю себе, какую простыню претензий к ним ты можешь сейчас выкатить, но хочу сказать, что какие-то вещи меняются. Например, вот я бы отметил неожиданно положительное влияние румынской практики на Молдавию: молдаване, и особенно румыны в Молдавии...

МК: ...которых 4 процента.

АМ: ...Но они зато очень сильно представлены в элите! Они совсем не хотели ничего слышать о теме Холокоста, а румыны, готовясь к вступлению в Евросоюз, вынуждены это были сделать, а теперь и в Молдавии эти вопросы тоже освещаются.

МК: Но это не помешало президенту Румынии, демократической и евросоюзовской, Траяну Бэеску солидаризироваться с гитлеровским союзником маршалом Антонеску, с участником Холокоста.

АМ: Правильно. Но это — пространство борьбы. Братья Качиньские проиграли в Польше, где ситуация меняется совершенно в другую сторону — большей нормальности, меньшей конфронтационности. А Бэеску — он не вечный, румынская политика изменится со сменой власти...

Россия-Украина: как пишется история

*Один из самых острых вопросов идеологии – идентичность. Ее конструирование в постсоветских и других постсоциалистических странах базируется на активном вовлечении истории. Этот процесс накладывается на процесс написания новых, несоветских историй – и XX века, и более ранних периодов. На этом поле активно работает государственная историческая политика (использование истории для обоснования актуальной государственной политики), профессиональные историки с присущими научной корпорации критериями достоверности, разнообразные общественные группы. О том, как и насколько обоснованно пишется и обсуждается один из наиболее горячих участков исторических оснований формирования идентификаций – российско-украинская история – беседуют доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор Центрально-Европейского университета в Будапеште **Алексей Миллер** и доктор исторических наук, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Национальной Академии Наук Украины, профессор Киево-Могилянской академии **Георгий Касьянов**.*

1. Голодомор

Миллер. Думаю, что надо определить время, место, действующих лиц, смысл происходящего: Алексей Миллер, историк, чей дом в Москве, и Георгий Касьянов, чей дом в Киеве, сидят в Будапеште, который сейчас, 15 января, страдает от смога, потому что топят углем, а не газом, из-за очередного российско-украинского газового конфликта, и собираются обсуждать историю российско-украинских отношений. Или, может быть, даже украинско-русскую историю, так будет точнее.

Касьянов. Со стороны Миллера – русско-украинскую, со стороны Касьянова – украинско-русскую.

М.: И надо определиться, что мы, собственно, хотим сделать, чтобы не возникло необоснованных ожиданий, потому что, хоть мы и историки, мы не считаем себя готовыми и вправе излагать, «как это было на самом деле». А предмет наших разговоров, которые будут охватывать тематику от XVII до XX века, – в основном, конечно, концентрируясь на двадцатом, – то, как наиболее острые проблемы истории сейчас трактуются, что мы знаем и чего мы не знаем, что из тех трактовок, ко-

которые функционируют в России или Украине, может действительно относиться к научному знанию, быть предметом научной дискуссии и научной критики, а что к науке заведомо не относится. Согласен?

К.: Да. И нужно сказать, что мы говорим не о том, «что и как было», а о том, как говорят, пишут и рассуждают о том, что считается истинным.

М.: Это не значит, что нас не интересует то, «как это было». Мы пытаемся понять, что мы знаем об этом, тоже.

К.: Да, мы хотим к этому приблизиться.

М.: В наших диалогах мы не станем придерживаться хронологической последовательности и коснемся, прежде всего, того, что сейчас обсуждается наиболее живо, а именно, причин, природы и механизмов голода 1932-1933 года и его специфики в Украине.

К.: Причины, результаты, и образ голода, или, как его стали называть, Голодомора. Нас, конечно, интересует, в значительной степени, не только научная часть этой проблемы – как ученые об этом пишут и говорят, но и как суждения и выводы транслируются в какие-то идеологические формы, как эти формы живут в общественном сознании, там функционируют, и как это потом возвращается к ученым и на них воздействует. Меня очень интригует этот процесс, как в 80-х некие готовые идеологические формы, возникшие в среде украинской диаспоры и некоторых исследователей, пришли в Украину, как они стали функционировать в ситуации конца 80-х годов. Тогда речь шла о суверенизации республики, и в контексте дискуссий о суверенности и перспективе независимости, в частности, связанных с критикой советского прошлого и советского режима как такового, использовались представления о голоде 1932 – 1933 годов. Они возникли на основе преставлений о голоде среди украинской диаспоры, которые были легитимированы большой книгой Роберта Конквеста и работой комиссии Конгресса США, которые так и не были «узаконены» юридически работой юристов 1988-90 годов.

Международная комиссия юристов была создана по инициативе крупнейших диаспор украинских организаций с целью исследовать голод 1932-33 годов в Украине, и сверхзадачей ее, которая, конечно, открыто не формулировалась, было доказать, что это было целенаправленный организованный голод, геноцид. Комиссия работала два года, в ее составе были известные юристы, и ученые, и практики, и она пришла к желаемому выводу, о том, что это был геноцид, но к нему были добавлены так называемые особые мнения членов комиссии, которые в отчете комиссии составляют больше половины. И по этим особым мне-

ниям вывод о геноциде не является окончательным. Т.е. желаемого итога не было. Потом это объясняли тем, что у комиссии было недостаточно документальных свидетельств, но факт остается фактом – комиссия желаемого для заказчика вывода не сделала. Может быть, поэтому результаты ее деятельности не очень и афишировались промоутерами в Украине той версии голода 1932-1933 годов, которая потом стала довлеющей и в научных, и в политических работах.

М.: Мне кажется, что нужно договориться о термине. Если мы пытаемся подобрать какой-то особый термин для обозначения голода, который влечет за собой массовую гибель населения, тогда в качестве одного из вариантов можно принять слово «голодомор». Ведь такой голод был в Украине и еще массе других мест, и мы, если условимся, можем называть его «голодомором». Если «Голодомор» – это термин, который очень четко связан с украинскими событиями 1932-33 года и с трактовкой этого голода как геноцида, тогда употребление этого слова в разговоре становится очень проблематичным.

Еще мы могли бы зафиксировать вот что: мне кажется, что вопрос о том, можно ли эти события называть геноцидом или нет, вполне может обсуждаться историками в рамках научности. Очевидно, что мы далеки от единомыслия по этому вопросу. И при этом я не имею в виду с одной стороны российских, а с другой – украинских историков. То отсутствие консенсуса в терминологии и в базовых научных принципах, которое мы наблюдаем в российско-украинских дискуссиях в последнее время, очень угнетает, поскольку оно и является единомыслием, т.к., наиболее активно и громко вовлеченные в эту дискуссию украинские историки могут рассуждать по-разному и приводить разные аргументы, но мы уже заранее знаем, к какому выводу они придут, – геноцид.

К.: Часть украинских историков.

М.: А их оппоненты с российской стороны тоже используют разные аргументы, но они точно придут к выводу, что это был не геноцид. И такая форма дискуссии мне плодотворной не кажется.

С другой стороны, мы должны понимать, что когда историки говорят о геноциде, то их слова имеют иной смысл и вес, чем если мы говорим об этом в юридической плоскости. Историки, например, могут ссылаться на разные неформальные мнения и авторитеты, трактовать определение геноцида из конвенции ООН расширительно. Пока они ведут сугубо исторические дебаты – это вполне допустимо. Но как только мы начинаем говорить в юридической плоскости, тогда в силу вступают заметно более строгие законы полемики и применения тех или иных характеристик. Мы сейчас не говорим о том, что конвенция ООН – это

истина в последней инстанции. Она писалась в определенных политических условиях, она отражает определенные политические интересы, но это юридический документ, и, пока он не пересмотрен, только он имеет юридическое значение. А не рассуждения о необходимости расширить определение понятия геноцид, даже если эти рассуждения исходят от человека, участвовавшего в разработке конвенции. Потому что значение конвенции как юридического документа определяется не тем, что его написал Липкин, а тем, что его утвердила ассамблея ООН.

Историки могут пользоваться этими терминами вольнее, но важно понимать, что это два разных пласта. Характеристика этого процесса как геноцида теми или иными историками в юридическом смысле ничего не значит, это может сказать только суд. И в этом смысле интересно, что в Украине возникала идея создания именно такого суда. Я хочу напомнить то, что написала Ханна Арендт в своей книжке «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме». Книга эта довольно известна, на нее часто ссылаются, не читая, развивая ту идею, которая отражена в подзаголовке, — о банальности зла. Но в ней есть и другая идея, которая для Арендт не менее важна и которая поссорила ее с израильским истеблишментом того времени; наблюдая этот судебный процесс над Эйхманом и вовсе не ставя под сомнение его вину, Арендт говорила: неправильно, что его судит суд в Израиле, потому что получается, что его судят жертвы, а вся философия правосудия построена на том, что жертва не осуществляет суда, что это должна делать нейтральная сторона. И в этом смысле, даже если мы говорим о возможности такого суда, то он должен быть международным. А идея о том, что такой суд нужно провести в Киеве, вероятно, отражает скорее пропагандистские стремления, чем намерение получить какой-то авторитетный юридический вердикт.

К.: Я начну с конца — с твоих последних предположений. Есть разные предложения, вплоть до международного суда в Гааге. Как правило, эти предложения имеют абстрактный характер предположения: «может быть, стоило бы...». В самой Украине были попытки организовать трибунал на манер Нюрнбергского, в первый раз это, кстати, и делалось в связи с «голодомором». Что бы мы сейчас ни вкладывали в это понятие — в 1993 году высказывалось такое предложение, — организовать «народный трибунал» в связи с голодом 32-33 годов. В той ситуации с доминированием левых в парламенте и с тяжелым экономическим положением это предложение не встретило одобрения, и такой трибунал состоялся, но не в Киеве, а в Литве и через 10 лет. Он, конечно, имел чисто символический характер — ряд организаций осудили то-

талитаризм, и на этом все закончилось. Разворачивая мои тезисы в обратном порядке, я перейду к геноциду. Я соглашусь с тем, что историки могут очень широко трактовать это понятие, хотя в последнее время возникла тенденция всегда отсылать к конвенции ООН, которая называется «О предупреждении преступления геноцида». Очень часто игнорируется само название конвенции – «о предупреждении / предотвращении геноцида»: речь идет о том, чтобы нечто подобное не повторилось в настоящем и будущем, а не о прошлом. Это очень важно. Пункт второй: как украинцы пришли к этому термину, и как это понятие вообще было инсталлировано в дискурс относительно голода. Сначала в публицистике и под ее влиянием в работах исследователей термин был просто принят как таковой, без какой-либо научной критики и ссылок на авторитеты, просто называли голод 1932-33 годов геноцидом. Потом стали обращаться к конвенции, упоминать все ее пять пунктов и считать, сколько пунктов соответствует событиям в Украине. Потом украинские историки обнаружили, что все пять пунктов не обязательны, а достаточно, чтобы был хотя бы один пункт, – и это уже можно квалифицировать как геноцид. И тогда для тех историков, которые представляли мейнстрим в конце 80-х – начале 90-х, это мнение стало восприниматься как единственно правильное, и этот вопрос вообще был снят. Только для тех случаев, когда возникал вопрос о квалификации действий власти в тот период, опять обращаются к конвенции, формально вспоминая снова все эти признаки и говорят, что это был геноцид.

Историки, конечно, не имеют юридического образования, поэтому, когда появляется это слово, оно используется достаточно широко в исторических текстах, и не только в Украине. Например, террор в Вандее некоторые французские историки называют геноцидом, и это выходит за рамки любых его определений. Поэтому четкого определения тому, что произошло в 1932-33 гг., мы не сможем дать в рамках существующих понятий, определений и категорий – любая попытка такого рода будет редукционизмом. И последнее касательно голодомора. Слово «голодомор» – это украинское изобретение, оно было придумано еще до того, как стало активно употребляться в 90-е годы, можно отослать к книге Василия Барки «Желтый князь», оно было в словаре, изданном в диаспоре, сейчас оно есть в словаре украинского языка. Я не думаю, что его можно распространять на весь голод, т.к. тогда оно теряет смысл, который вкладывается в него его авторами.

М.: Я полагаю, что мы сейчас еще скажем об общественном смысле этой дискуссии, нужно еще кое-что прояснить: дело в том, что укра-

инские политики и историки неоднократно говорили и говорят, что они не обвиняют русских, а обвиняют советский режим, Кремль и Сталина. Это довольно здравая позиция, но здесь очень важно отдавать себе отчет, что все люди, которые так говорят, либо очень наивны, либо лукавят, поскольку они прекрасно знают, какое значение эти рассуждения и весь этот дискурс Голодомора имеет в Украине. Потому что для меня в свое время было очень сильным потрясением, когда я смотрел на памятный знак жертвам 1932-33 года, который стоит у Михайловского собора (хороший памятник!), и сразу за ним обнаружил огромный плакат, причем он сделан не руками, а промышленным образом, в пластике. Плакат висит уже многие годы, и в нем выделено специально цветом, что на место выморенных голодом украинцев завезли русских. Т.е. если кто-то говорит, что «мы Москву и русских не обвиняем», то этот человек должен быть очень озабочен тем, как его слова игнорируются и перевираются в Украине. Но мне кажется, что этой озабоченности не существует, и что молчаливо принимается, что кто-то, менее уважаемый или меньше заботящийся о том, чтобы выглядеть уважаемым, мои рассуждения о том, кто виноват, доведет до конца. Верны мои рассуждения?

К.: Я думаю, что в значительной степени да. Во-первых, политика в Украине неоднородна, и есть силы, которые открыто и не стесняясь говорят о том, что в голоде виновата Россия, что нынешние россияне должны нести за это ответственность, и что русские как народ виноваты в том, что украинцы страдали. Эту линию доводят даже до Андрея Боголюбского, о котором говорят, что он, московский князь, плохо обошелся с украинским городом Киевом. Интересно, что эта линия исходит не только от представителей правого лагеря или экстремалов, но и от тех людей, которых называют социал-демократами. Например, известнейшая фигура, Иван Драч, поэт, редактор, шестидесятник, человек, успешно процветавший при советском режиме, — он в 1993 году во время конференции, посвященной голодомору, предъявил счет России. Он же это повторил в 2003 году, через 10 лет, на слушаниях в Верховной Раде — он был депутатом фракции, поддерживавшей так называемую демократическую оппозицию. Через 15 лет после упомянутой конференции, в 2006-2007 годах, и через 20 лет после того, как голод 32-33 годов стал заметным явлением в культурной жизни, некоторые люди из партии, которые входят в блок «Наша Украина», например, Ярослав Кендзьор, тоже бывший диссидент и человек, причисляющий себя к национал-демократам, тоже совершенно открыто говорят о том, что Россия должна ответить, заплатить, повиниться, покаяться и т.д. — именно

нынешняя Россия. И таким образом возникает диссонанс, когда Ющенко говорит о том, что «государств, которые виноваты в этом, нет, людей, которые виноваты в этом, нет, мы просто хотим, чтобы почтили их память, признали это геноцидом, и на этом мы успокоимся». С другой стороны, люди из партий, которые входят в его блок и которые представляют его в парламенте, говорят о том, что «мы обвиняем Россию». Более того, если речь идет об экспозиции, которая находится на огаде Михайловского Златоверхого собора, то фраза, которую ты упомянул, присутствует и в учебниках по истории Украины. Я приведу цитату, хоть и не дословно: «Еще не успел развеяться трупный смрад, как с севера, в основном, из России, уже шли эшелоны с переселенцами», — безо всяких пояснений о характере переселений, его результатах, целях и т.д.

Из всего этого можно сделать один очень важный вывод. Конечно, политики, которые следят за своим международным имиджем и представляют себя как людей, объединяющих Украину и стремящихся к тому, чтобы Украина жила в добрых отношениях с соседями, не говорят таких вещей прямо, хотя им это охотно приписывают и договаривают за них политические оппоненты. Но существует контекст, который часто бывает важнее, чем сам текст, и в этом контексте, к сожалению, присутствуют ксенофобские моменты, где весьма красноречивой фигурой умолчания, шилом в мешке, может быть не только Россия и сталинский режим, но и некоторые этнические группы. Я бы хотел вспомнить о евреях и о том, что высшее учебное заведение, Межрегиональная академия управления персоналом, частное высшее учебное заведение, аккредитованное государством, выдающее дипломы государственного образца, издает статьи в журнале «Персонал», и брошюры, посвященные голоду 1932-1933 годов, в которых открытым текстом, безо всяких экивоков, утверждается, что голод 1932-33 годов был организован большевиками, среди которых основную массу представляли евреи, и что все это — конечно же, «жидомасонский заговор», и — дальше «по тексту».

М.: Я хотел бы задать тебе здесь уточняющий вопрос: когда мы говорим о том, что Ющенко говорит одно, а функционеры низших рангов из его партии — другое, то это мы имеем дело с нарушением партийной дисциплины или с песней на два голоса, которые уже расписаны?

К.: Я не думаю, что они расписаны изначально: во-первых, во всем этом оранжевом блоке никакой дисциплины изначально не было, этот блок создан из довольно пестрой массы партий, общей идеей которых было привести Ющенко к власти...

М.: Но было ли когда-нибудь, чтобы Ющенко одергивал этих людей и критиковал их за то, что они что-либо неверно трактуют?

К.: По поводу голода не было ни одного случая. Было такое, что Ющенко высказал свое недовольство Олегом Тягнибоком, — это человек крайне правого направления, но это касалось антисемитских высказываний. А против русофобских или ксенофобских заявлений, которые звучат каждый день, Ющенко никогда открыто не выступал. Т.е. существует, если не двойной стандарт, то двойная линия.

М.: У меня еще такой вопрос: ведь подобный дискурс представляет угрозу если, может быть, и не для русских, живущих в России, их поди достань, то для тех, по крайней мере, 8 миллионов русских, которые живут в Украине. Насколько люди, которые развивают этот дискурс, понимают, что они способствуют отчуждению этих людей? Они это делают сознательно, чтобы заставить этих людей молчать в тряпочку и считать себя виноватыми, или они вообще об этом не думают в своем стремлении заявить, что Украина — не Россия?

К.: Я хотел бы уточнить: речь идет о русских и о том, что граждане Украины, русские, могут быть представлены как наследники тех, кто приехал из России и стал украинцем по гражданству?

М.: Именно это я и имею в виду.

К.: Если говорить о резонансе и о возможности, что это станет опасным для этих людей, и о том, что они станут изгоями на основании того, что у них какое-то «темное прошлое», конечно же, нет. Причин этому много, я их сейчас не буду озвучивать. Дискомфорта, который бы испытывало русскоязычное население по поводу неких выводов о якобы его роли в Голодоморе, нет, он во многом виртуален. Он педалируется политиками для того, чтобы какая-то часть населения, в данном случае, русскоязычная, испытывала этот дискомфорт, который используется в определенных политических целях как в Украине, так и в России. Проблема в другом — навязывание одной, официальной версии Голодомора как «интегрирующей» идеи — глубоко порочная практика, которая действительно порождает дискомфорт в обществе, охотно используемый политиками.

М.: Хорошо. Я бы считал, что здесь уже нужно дать и другую сторону — российскую перспективу.

К.: Я хотел бы заострить внимание на одном важном моменте: люди — политики и историки, которые педалируют теорию о вине России как государства и русских как народа, о вине и об ответственности, и о том, чтобы повиниться, покаяться, — очень помогают той части российского истеблишмента, и политического, и культурного, которая очень

заинтересована в сохранении нервной атмосферы и неровных отношений России с Украиной. И очень помогают тем ультра в России – или даже не ультра, а просто людям без каких-либо моральных принципов, которые любят слово «однако», создавать тот имидж Украины, который крайне выгоден в условиях кризиса, когда нужен кто-то другой, на которого можно слить негативные эмоции и коннотации.

М.: Я очень хорошо представляю себе тот круг людей, о которых ты говоришь, и они у меня не вызывают симпатии, но не нужно преувеличивать терапевтическую роль всех этих вещей. Самые разные люди в Украине, и не только, считают, что если педалируется в России какая-то антиукраинская тема, то это чтобы «отвлечь внимание трудящихся от проблем». Мне кажется, что как раз этого преувеличивать не надо. Потому что у нас врагов достаточно, мы и без Украины можем обойтись – вон, одни американцы чего стоят...

К.: Украинцы же «под американцами»...

М.: Я бы сказал, что этот дискурс в некотором смысле застал Россию врасплох.

К.: Дискурс – антироссийский?

М.: Нет, о голодоморе как геноциде. Ведь на самом деле у нас же никто не занимался этой темой среди историков. И в этом смысле можно сказать, что нет худа без добра.

К.: Темой голода как геноцида не занимался?

М.: Нет, темой масштабного голода в Украине как таковой. У нас есть проблема российской деревни. Вот у нас есть работы Данилова, Зеленина. Темой голода вообще занимались. Но никто из российских историков не посчитал себя обязанным специально заняться голодом в Украине или в Казахстане. Ничего хорошего это об историках не говорит, потому что нужно заниматься не только «своими болячками».

К.: Может быть, они занимались голодом в СССР в общем?

М.: Может быть, но до сих пор у нас нет ни одной основательной книги о том, какая трагедия произошла в Казахстане. Ведь это же не для того, чтобы казахи сказали: «ну, вы молодцы, выполнили урок», – а чтобы люди в России могли чуть-чуть лучше понимать, что думают казахи о том, что с ними сделала советская власть. И то же самое – об Украине. И до сих пор никакой книжки об этом так и нет, а есть только «отповеди клеветникам».

К.: Может быть, есть такая негласная договоренность: во-первых, с конца 80-х – начала 90-х происходило разделение и национализация истории.

М.: Да, извини, я тебя перебыю, я с тобой согласен: национализация в том смысле, что историки в Москве не занимаются историей Украины, если это не Киевская Русь или Переяславская Рада на худой конец — это соблюдалось жестко еще при советской власти. Я это испытал на своей шкуре, когда писал кандидатскую о Галиции, и у меня там были поляки. Я хотел написать главу о польско-украинских отношениях. И мне сразу сказали: «Ты чего хочешь — писать или защищаться?» Потому что про украинцев пусть пишут во Львове. Но вот как раз после советской власти, когда эти препоны были сняты, и было понятно, что возникли разные государства, и есть какие-то важные, в том числе болезненные сюжеты, и этим можно стало заниматься, никто не пожелал этого сделать.

К.: Но это можно объяснить: в каждом новом государстве возникла необходимость в легитимизации этого государства, и, соответственно, состоялось отделение власти и истории от ранее общего исторического и политического пространства.

М.: Нет-нет. Все-таки Москва — это большой космополитический имперский город.

К.: Москва — да. Но Киев — нет.

М.: Правильно, поэтому не суди о Москве по Киеву.

К.: Я и не сужу. В Киеве как раз произошло это отделение, и там стала возможна только украинская история.

М.: Согласен. В Вильнюсе так же, и еще где-то. В Москве не так, и в Москве так быть не должно. Как раз после распада СССР в Институте Славяноведения возникли центры белорусистики, украинистики, и т.д. Именно тогда, например, я начал заниматься украинским вопросом XIX века в Российской империи. Не потому что чувствовал необходимость легитимации Российского государства.

К.: Я хотел бы прокомментировать твой тезис о Казахстане. Действительно, при том, что есть желание охватывать весь бывший имперский простор, выпадают какие-то сюжеты, которые могли бы быть предметом интереса российских историков — казахский, украинский голод того же времени, — и очень интересная тенденция вычленять российские сюжеты, связанные с голодом, и не обращать внимания на нероссийские сюжеты. Но у меня есть информация, что когда обсуждалась проблема голода 1932-33 годов, с украинской стороны было предложение издать совместный труд, в котором отдельным томом был бы голод в России, отдельным — в Украине и отдельным — в Казахстане. И к этому присовокупить документы обо всех этих событиях. К сожалению, с российской стороны последовал отказ.

М.: А когда это было?

К.: В прошлом году. Я не могу называть имен и фамилий, поскольку я не уполномочен, но это было на уровне высшего академического истеблишмента.

М.: Ну понятно. Мне кажется, что это не удивительно, в том числе, и потому что это было на уровне высшего академического истеблишмента. Мне жаль, что нет такой книжки в России, но я совершенно не имею в виду академический истеблишмент, на который не возлагаю больших надежд, а скорее отдельного индивидуального исследователя. Сейчас в России можно напечатать все, что угодно, ты только напиши! Но никто почему-то не берется. Мне кажется, что российская сторона отреагировала самым примитивным способом: она увидела, что «катят бочку». Дальше ситуация была такая же, как у историков в каком-нибудь 1989 году: они думали как «Краткий курс истории ВКП(б)», только все наоборот. И тут: украинские историки считают, что это геноцид, что Россия виновата, и сейчас мы должны эту бочку толкать обратно. Неважно, какие аргументы мы будем применять, мы точно знаем, что это не геноцид... Причем высказываются люди, которые специалисты, скажем, по XVII веку, и даже они «знают, что не геноцид». Я бы понял, если бы кто-нибудь сказал: «Ваша система аргументов, украинские коллеги, меня не убеждает. Я вижу дырки здесь, здесь и здесь». Но происходит иное, а именно: зеркальное выстраивание аргументов, и цена им такая же, как и тем, что с украинской стороны. И когда ты говоришь, что те украинские политики, которые стремятся использовать «русский вопрос», играют на руку каким-то российским политикам, это и есть один из ключевых механизмов исторической политики, о которой я при разных okazиях стараюсь говорить. Это столкновение «стенка на стенку» называется у них «диалог национальных историографий»: наша украинская историография сказала свое веское слово, и наша российская историография сказала свое, прямо противоположное. И теперь весь интеллектуальный процесс заключается в том, чтобы почетче сформулировать аргументы.

К.: Мне кажется, что ты немножко обостряешь. Все-таки в историографических дискуссиях, когда ученые говорят без участия политиков или более широкой публики, существуют какие-то полутона, нюансы...

М.: Ну в каком смысле нюансы? Вот возьмем Кульчицкого. Он уверен, что это геноцид. Раньше он «знал», что это геноцид 1932-1933 годов, а теперь, в результате дискуссий с оппонентами, он несколько усложнил и уточнил свой аргумент и теперь говорит, что геноцид — это то, что происходило несколько первых месяцев 1933 года. Но вывод-то

все равно изначально предусмотрен, и весь подход к материалу и все аргументы будут заточены под этот вывод. Т.е. нет того, чтобы встретились люди и сказали друг другу: «А мы не знаем, может, это геноцид, может, и не геноцид. И давайте поговорим о том, что это было и как это было, потому что это определение — о нем можно дебатировать без конца, и важно, может быть, не это, а важнее разобраться, что же происходило». Нельзя сказать, что люди совсем не слушают друг друга. Нет, они слушают, но по принципу: «Вы нам такую шайбу с нарезкой, а мы вам тогда болт с винтом». Но смысл все равно один и тот же. И ощущение формирования «стенки на стенку» существует.

К.: Я хочу сказать, что с российской стороны в свое время тоже была ремарка о том, что если уж говорить о геноциде, тогда давайте распространять его на все крестьянство, а не только на украинское. потому что в России тоже. Данилов, по-моему, это сказал.

М.: Тут вот тебе бы сказал Кульчицкий, что «мы не имеем в виду этнических украинцев, а имеем в виду граждан Украины», потому что новая фенечка его, да и не только его, что геноцид был совершен против граждан Украины.

К.: Эта «фенечка» — не Кульчицкого, а Мейса, который отстаивал эту точку зрения в свое время, он хотел расширить определение геноцида на политическую украинскую нацию, а не только этническую, отвергая чисто этнический компонент.

М.: Потому что его очень трудно защищать.

К.: Да.

М.: Тогда давай зафиксируем наше отношение к этому аргументу. Либо у нас есть суверенная политическая нация, и тогда можно говорить о том, что члены украинской политической нации подверглись чему-то, либо ее нет. Если она есть, тогда какие претензии вообще к Москве? А если мы понимаем, что на самом деле Украины как государства не было, тогда нечего морочить голову. Российской политической нации тогда тоже не существовало и существовать не могло.

К.: Я этот аргумент относительно существования нации, созданной Украинской Народной Республикой, потом унаследованной украинской социалистической советской республикой, конечно, не поддерживаю и считаю, что это желание подтянуть действительное под желаемое. В данном случае этот тезис Кульчицкого, который является модификацией тезиса Мейса, просто подтягивает под концепцию геноцида то, что происходило в 1932-1933 году. Но если тогда вернуться к концепции геноцида, даже так, как она отражена в концепции ООН, тогда вообще все рухнет, потому что там нет политической нации.

М.: Там либо этничность, либо раса, либо религия.

К.: И тогда рушится все, потому что получается, что они разрушают сами себя.

М.: И в этой связи Кульчицкий пропагандирует тезис о том, что в деревне наблюдалось какое-то украинское возрождение, и советская власть стремилась это подавить, организовав такой голод для украинских крестьян. Никакой критики этот тезис не выдерживает. Безусловно, была национализация настроений среди украинской элиты, но уже с 1930-го года мы видим, что режим знает, как с этим справляться. Чего, естественно, мы одобрить не можем, поскольку отправка людей на Соловки, а потом добивание их там никому чести не делает.

К.: Этот тезис про крестьянство как выразителя национальной идеи, как основу нации — вероятно, следует вспомнить более широкий контекст — всей украинской историографии 1990-х — начала 2000-х годов — это возвращение в рамки народнического дискурса, в каком-то смысле романтического и в рамках которого народ — это основа всего, а крестьянство — это основа народа, поэтому крестьянство это основа нации. Это все тезисы столетней давности, которые сейчас снова вошли в употребление. И исходя из этой общей ситуации государства, которое хочет нации нивелировать, хочет построить тоталитарное государство, авторитарное, и т.д. — этот тезис, конечно же, экстраполируется на голодомор, и в рамках этого тезиса идея, что украинские крестьяне были основой национализма, и поэтому их уничтожали, выглядит как бы вполне уместно. Но это просто неграмотно, потому что любой студент, который изучает национализм, знает, что такие движения появляются всегда в городах, что национализм, по крайней мере, в Восточной Европе возникает при переходе от аграрного к индустриальному обществу, в эпоху модернизации, что его носителями являются образованные слои общества, что интеграция крестьянства в нацию — сверхзадача, забирающая десятилетия и столетия при относительно благоприятных условиях — в данном случае тезис об украинском крестьянстве как носителе национальной идеи и потому объекте репрессий, не выдерживает критики (наряду с весьма сомнительными пережевываниями одной и той же цитаты о крестьянстве из Сталина 1925 года). Этот тезис принадлежит к политической идеологии романтического национализма, который относится к науке только как объект исследования, а не как методология.

М.: В недавних украинских публикациях возник еще мотив, что голодомор был средством борьбы Москвы за утверждение концепта общерусской нации, которая включала бы малороссов, белорусов и т.д.

Вот так, мол, они нас в эту общую нацию загоняли. Это, конечно, ни в какие ворота не лезет, потому что очевидно, что политика коренизации 20-х годов была полностью противоположна всему этому проекту. Не нужно вешать на советскую власть лишних собак, она и так полностью ими увешана.

К.: Внутри этой логики вполне естественно выглядит тезис о том, что «загоняние в общерусскую нацию», потому что 1932-1933 год, согласно украинской историографии, – это конец украинизации, коренизации и переход к тому, что называется унитаризацией и унификацией культуры.

М.: Что не вполне верно, как мы знаем. Ну вот, поговорив о дискуссионном поле, если так можно выразиться, давай все же попробуем поделиться с нашим знанием и незнанием о том, что там происходило. И о том, на кого здесь можно опереться. Я бы выделил несколько тем, которые нуждаются в серьезном исследовании. Можно было бы начать, условно говоря, снизу. Мне кажется, что происходившее в очень большой степени должно изучаться на микроуровне. Это значит, что помимо общей политики, которая определяется в Москве, есть реальная площадка событий, конкретная деревня, район, и там есть люди, которые в рамках этой кампании преследуют какие-то свои цели, встают перед какими-то, очень часто драматическими выборами. Т.е. с одной стороны, у нас есть разнообразные активисты из бедноты, которые дорвались до власти и в рамках этой кампании по заготовке зерна сводят счеты и т.д. Там всегда находятся люди, которые какую-то семью спасают и помогают спрятать или делают вид, что они зерна не нашли, но большая часть все же отнимает. Есть и какие-то председатели колхозов, которые более или менее сознательно идут под расстрел, отдавая крестьянам семенное зерно, чтобы они выжили в это самое голодное время. Очень важный момент, который требует изучения, – на самом ли деле это была такая, что называется «закрытая коробочка» – вот «морим голодом и никакого выхода у вас нет»? Понятно, что главная цель этого голода – заставить людей отдать землю, пойти в колхоз и там работать.

Оставить колхоз как единственного, пусть и очень худого кормильца, – вот будешь работать – будет тебе плошка каши.

К.: В результате так же и получилось.

М.: Вопрос в том, насколько реальным было выжить за счет колхоза. Дальше, соответственно, какие группы среди страдающих от голода были самыми незащищенными? Потому что, например, кормили ли

детей тех, кто шел в колхоз? Кормили ли в школе? Были ли там детдома, куда собирали этих детей?

Следующий момент — это рекрутация на стройки пятилетки. Она происходила, мы знаем. Сколько было людей, какие механизмы, кто и как мог вырваться? Следующий вопрос — на стыке деревни и города. Что происходило с человеком, который доходил до города? Потому что одна из типичных картинок этого времени — это крестьяне, добредшие до города и умирающие на улицах. А горожане не жируют, но голода там нет. Что происходило? Это один уровень, и про это мы очень мало знаем. Если мы погрузимся туда, то картина станет очень сложной, и она заведомо будет создавать проблемы для этой геноцидальной трактовки.

Следующий уровень — что происходило на уровне коммуникаций между республикой и центром. Мне кажется, это очень важно. Об этом написали Терри Мартин и еще Кондрашин: люди на местах а) боятся рапортовать и говорить правду; б) когда они все же говорят что-то более близкое к реальной картине, хоть и неполную правду, в Москве склонны им не верить. Важно это хорошенько изучить, причем без задачи доказать, было это геноцидом или нет, а просто — изучить. Потому что когда Кульчицкий начинает строить большие замки на фразе Сталина, что «в украинской коммунистической партии 500 000 членов, хе-хе», и это «хе-хе» он дальше интерпретирует на две с половиной страницы, то это нонсенс.

К.: Ну, это делает не только Кульчицкий, а и большинство историков, которые работают в рамках этого доминирующего дискурса.

М.: Да. Кстати, оговорюсь здесь, что все время ссылаюсь в качестве примера на Кульчицкого просто потому, что читаю то, что он публикует, а есть много таких, кто заметно прямолинейнее Кульчицкого и агрессивнее — просто я не слежу систематически за их «творчеством».

Но мне кажется, что тему коммуникации с Москвой стоило бы просто нормально изучить. И, наконец, следующий шаг — и вот тут Терри Мартин, как мне кажется, был очень прав, когда говорил, что национальный фактор очень важен. В каком смысле? Сталин смотрит на Украину, и для его видения проблемы важен национальный фактор. Он боится потенциального сепаратизма. Он видит, что есть элита, которая, может быть, в это играет...

К.: Об этом пишет Кульчицкий.

М.: Отсюда он не склонен этой элите доверять, когда она кричит, что нельзя больше брать зерна. Дальше, у него есть тезис про петлю-

ровцев и пилсудчиков, которые свили там гнездо, и т.д. Проблема заключается в том, что нельзя не признать, что польская агентура есть.

К.: Я в этом не уверен.

М.: Нет, она есть, потому что прометейская акция существует. ГПУ сотнями арестовывало реальных польских агентов в конце 20-х – начале 30-х годов, которые еще в 1929 г. разворачивают пропагандистскую кампанию среди крестьян с призывами не давать хлеба большевикам и поднимать восстание. Об этом есть хорошая книга Тима Снайдера «Очерки тайной войны», изданная в 2005 г. Но любая польская подрывная активность и даже опасения насчет возможной польской интервенции, которые у Сталина были, совершенно не оправдывают того, что делает Сталин. Очень важно понять, что наличие десятков или даже сотен людей, связанных с польской агентурой на Украине, никак, в рамках нормальной человеческой логики, не может оправдать того, что 3 с лишним миллиона человек умерли от голода. Это важно подчеркнуть, а то ведь с российской стороны обязательно найдутся те, кто польскую агентуру отыщут и будут ее наличием оправдывать организованный голод. Итак, Сталин видит проблему, в том числе, через «украинскость» и через призму «польской интриги», и это усугубляет ситуацию. Мне представляется, что это предмет для нормального, спокойно-го обсуждения. Потому что российские историки часто говорят, что это такая общая проблема: Поволжье страдает, Кубань страдает, и страдают все зерновые районы. Конечно, в Украине есть своя специфика. При этом я не думаю, что выдерживает критику аргумент о том, что «и Кубань морили голодом, потому что она была украинская». Но то, что у Польши и у части украинской элиты здесь какая-то своя игра, крепко сидит в голове у Сталина.

Еще в последнее время появились рассуждения и даже вышла небольшая книжка Юрия Шевцова «Новая идеология: голодомор», где, в частности, автор говорит, что советская власть, на самом деле, не хотела, чтобы так все случилось и такой быстрой коллективизации не планировала. Сначала планировали дать на деревню трактора, потом все это заработает, но степень напряженности социального конфликта в деревне была такой мощной и такой вырывающейся из-под контроля, что коллективизация на местах пошла со своей собственной динамикой, заметно более высокой, чем советская власть планировала. И в результате у народа уже все отняли, скотину они уже порезали, а трактора пришли только на следующий год. Опять же, беда в том, что вся эта книжка написана главным образом для того, чтобы оспорить идею геноцида. И в этой книжке много совершенно похабных аргументов.

К.: Например?

М.: Например, Шевцов пишет, что «альтернативой советской беспощадности в ходе коллективизации была только большая война. Чреватая еще большими жертвами и еще большим голодом» (С. 124). Выходит, то, как была проведена коллективизация, и то, скольких жертв она стоила, — это наиболее «гуманистический» вариант, а могло быть только хуже. Там есть еще очень много необидительных, а порой и просто похабных вещей, как, например, заголовок одной из глав «Антикоммунизм — отложенная победа нацизма».

Однако сам тезис о том, что в селе была какая-то внутренняя динамика конфликта, и его стоит изучить, а не говорить об идее единого национального украинского крестьянства, важен. Т.е., к сожалению, в структуре этой склоки, этого «диалога национальных историографий», даже какие-то интересные идеи пропадают.

И, наконец, еще один важный сюжет, о котором написано очень много, — сколько же народу померло? Мне кажется, что про это лучше всего написал Дж.-П. Химка. Этот текст опубликован и по-русски в «Отечественных записках». Он пишет о том, как беседовал с людьми, которые в течение многих лет занимались подсчетами жертв 1932-1933 годов.

К.: Он с Максудовым...

М.: Не только, там и о том, как он с поляками говорил. Мы говорим об одной и той же статье. Он показывает, что и эти люди, и он сам понимают, что точные цифры установить очень сложно, а системы подсчетов весьма сложны и многофакторны. При этом понятно, что мы никогда не получим окончательной цифры, но очевидно и то, что существуют какие-то границы консенсуса. С цифрами в Украине происходили очень интересные события, потому что в какой-то момент возникла знаменитая цифра 10 млн. человек.

К.: 7 тире 10.

М.: Сначала 7 тире 10, а потом просто 10 млн., так говорил Ющенко, а потом возникло много желающих помочь ему с этой цифрой среди историков. Но вдруг Институт демографии украинской Академии наук сказал, что, по его подсчетам — 3,5.

К.: Тоже вилку дают.

М.: Понятно, но основная цифра такая. А у Химки есть такая заметка о том, что людей погибло так много, что попытки приписать еще — это аморально и непонятно зачем. Нет, понятно, чтобы это выглядело еще страшнее, чем Холокост. И это отражает, на самом деле, и наплевательское отношение к страданиям этих людей — 3-х миллионов нам

мало — давай десять уморим. И на самом деле страдания этих людей — это то, что по-английски называется *unmanagable past*. Т.е. такое прошлое, такой опыт, такой ужас, который нельзя никоим образом рационализировать и даже передать. Это то, с чем столкнулись люди, когда они пытались рассказать об Освенциме или о ГУЛаге. Те, которые не как Солженицын, который пытается вывести какую-то душеукрепляющую мораль из ГУЛага, а Шаламов, который говорит: «Не верьте! От первой до последней минуты лагерь корежит, портит и уродует человека». Тадеуш Боровский, который прошел Аушвиц и покончил с собой в начале 50-х годов, написав два сборника рассказов об этом. Или Имре Кертеш, который получил Нобелевскую премию за свою книгу, которую он все время пишет, — одну книгу о том, как он не может рассказать, что он пережил в Аушвице и Бухенвальде. И все это — с массовым каннибализмом, с тем, что мы не можем выбрать, кого из детей кормить — так чудовищно, что это не рассказать.

К.: Это последнее утверждение о том, что трудно рационально понять и осознать эту чудовищность, — я с ним полностью согласен, поэтому часто приходится говорить не о том, что происходило, а о том, что говорят о происходившем. И о той избирательной последовательности событий, которая представлена в трудах историков. Потому что историки, особенно когда речь идет о создании доминантной версии, очень избирательно подходят к материалу. Если реконструировать события голода 1932-1933 годов, то мы обнаружим, что внимание фокусируется на страданиях украинцев, на политике, которая привела к этим страданиям, — и вещи, которые полностью выпадают за эту схему и могли бы сделать картину более разнообразной, полностью игнорируются. Это то, о чем ты говорил: локальный уровень, система отношений в селе, время НЭПа и стремительного обогащения части села и пауперизации другой части. Выпадает система традиционных отношений внутри села, когда село представляет собой систему родственных связей, разных поколений, которые пребывают разных отношениях между собой. И были в селе люди, которые искренне верили, что можно изменить мир такими методами, и действовали этими методами. Эта схема не то что бесцветна — она полностью черного цвета. И это действует против нее самой, потому что если говорить о познавательном потенциале этой темы, то он огромен, он предполагает огромное количество подтем, нюансов и т.д., но все это сведено к одной линии, которая сама себя исчерпала с самого начала, потому что в этой схеме выводы предшествовали гипотезам: геноцид, против украинцев и т.д. — и под эту тему «подтачивались» аргументы. Тут мы имеем дело с экстремальной

формой редуccionизма, порожденной вмешательством политики в историографию. Поэтому если говорить о голодоморе как об историографическом явлении, о чем-то, что может повлиять на всю систему рассмотрения украинской истории, по крайней мере, XX столетия, то нужно стремительно уходить от этого доминирующего дискурса и выводить тему в более общий контекст.

Российский историк Кондрашин пытается делать то же самое на примере российского голода, сравнивая его с другими странами. И его же фамилия как автора стоит под инструкцией для составления сборника документов о голоде, инструкцией, в которой предлагается подбирать документы так, чтобы доказать «общесоюзную» природу голода и затушевывать «украинский фактор»...

Если же набрать в Google «голод», то легко можно обнаружить, что украинский голод, при всем его ужасе и всех его масштабах, теряет ту уникальность, которую ему придают работающие в рамках доминирующего дискурса. Потому что можно взять, например, голод в конце 50-х годов в Китае и рассмотреть его рядом с украинским, и его масштабы поразят наше воображение. Потому что речь о геноциде там не идет совсем, а масштабы — заметно большие. И технология та же самая.

М.: В связи с этой «избирательностью» при подборе архивных документов для публикации — это один из самых деструктивных элементов «исторической политики» подобного рода. Потому что наверняка в рамках такой политики и в публикациях воспоминаний о голоде, которыми занимаются в Украине, будет избирательность, и, таким образом, огромные усилия и средства будут затрачены не на издание действительно научного качества, а на «борьбу национальных историографий». А потом другим людям придется смотреть, что в этих проектах сознательно опущено. Это если повезет, и по ходу борьбы реальные материалы сами не «подредактируют».

Я хочу еще отметить в заключение очень важный момент. С моей точки зрения. Когда мы говорим о сложности этого явления (голода 1932-33 гг.) и о том, что оно не уникально, о роли каких-то локальных факторов, тем не менее, одно можно сказать очень четко и ясно — что режим совершенно не оправдывается этими рассуждениями. Потому что если у тебя гибнет несколько миллионов человек не потому, что ты хотел, чтобы они сдохли от голода, а потому что у тебя был «не совсем удачный менеджмент», то ты все равно сволочь. А если этот «менеджмент» еще и опирается на то, что человеческая жизнь для тебя не очень много значит, в рамках твоей идеологии, то ты тем более сволочь. Мы снова обращаемся к тому, что конфликт в самом селе придает до-

полнительную динамику всему этому. Но у Сталина есть гигантский репрессивный аппарат, который позволяет давать сдерживающие импульсы, если бы он заботился о людях и считал, что эта офигевшая от привалившей в руки власти сельская голытьба сейчас доведет дело до катастрофы. Есть возможность существенно минимизировать это, но ведь никто же этого не делал!

В этом смысле мне кажется, что российская историография тут попадает в ловушку, потому что в России ведь что происходит: с одной стороны, мы должны дать достойный ответ клеветникам по поводу голодомора. Поэтому мы должны защищать Сталина и говорить, что «он не хотел»... Да наплевать ему было, по большому счету. Ведь когда он потом посылает помощь зерновую, и существенную, на Украину — это ведь не потому, что ему было жалко людей, а потому что приближается весна — нужно ведь, чтобы кто-то пахал. В этом смысле вся история с голодом 1932-33 года — часть заметно более широкой проблемы в российской историографии — что мы до сих пор не можем сказать, что это был чудовищный, преступный, античеловеческий режим. Он был по-другому античеловеческий режим, чем нацистский, он не уничтожал людей по расовому признаку, но все равно чудовищный, и чем скорее мы вынесем этот однозначный вердикт, тем скорее нам станет проще не только в отношениях с Украиной или с кем-то еще, но и в отношениях с самими собой. И отсюда, может быть, мостик к следующей проблеме, которую мы будем обсуждать, — Второй Мировой войны.

К.: Человеческая жизнь в рамках той системы понятий, связанных не только с режимом, но и с обществом, значила очень мало. И это не только для Сталина или революционеров, но и все общество в целом в этот момент, по крайней мере, если говорить о доминирующих тенденциях, очень мало ценило личность как таковую. Идея коллективизма доминировала, и идея о том, что чьей-то жизнью можно пожертвовать ради благосостояния общества или перспективного его развития в будущем, была очень популярна в самых разных слоях и даже больше в низах общества. Еще надо помнить о том, что со времени революции и мировой войны прошло не так много лет — если считать концом мировой войны 1918 год, а концом гражданской — 1920-й, всего-то прошло 12 лет. Массовая общественная привычка к насилию и убийству, к дозволенности насилия и убийства, порожденная мировой и гражданской войнами, никуда не делась.

М.: Я согласен. По ходу дела нашел чудесную цитату у Виктора Ерофеева в книге «Хороший Сталин». Отец Ерофеева был переводчиком Сталина с французского. «Де Голль все равно высоко ценил Ста-

лина, добавил отец. Когда в 1956 году мы вместе с послом Виноградовым посетили его, он сказал: «Маленький человек делает маленькие ошибки, а большой — большие». Проблема заключается в том, что маленький человек совершает маленькие преступления, а большой — большие. А может быть, маленький человек совершает большие преступления, может быть, мы об этом еще поговорим. Но совершенно очевидно, что есть опасность, в которую российская часть этого дискурса все время попадает, противостоя украинским обвинениям, в которых с большей или меньшей справедливостью они слышат русофобию. Они впадают в защиту Сталина и советской власти. И я думаю, что есть несколько более сложные и адекватные способы реакции, в том числе, и на украинскую русофобию.

2. Вторая мировая война

Алексей Миллер. Мы собираемся поговорить о большом комплексе проблем, которые условно можно объединить под шапкой «Вторая мировая война», я даже сейчас не буду перечислять все эти темы, потому что думаю, что они появятся в процессе.

Георгий Касьянов. Я хотел бы начать с того, что Вторая мировая война, или как она называется в советской мифологии, Великая Отечественная, была до 90-х годов общим прошлым в том смысле, что все мифы, которые создавались в рамках большого нарратива о войне, исполняли объединительную функцию в построении единой исторической общности, и в этом смысле память о большой войне была одним из а) конституирующих; б) объединяющих мифов в общей советской идеологической системе. Когда началось разделение общего исторического пространства на рубеже 80-90-х годов, сопровождавшееся суверенизацией истории, тогда начался и процесс ревизии, деления этого мифа, и создания на его обломках своих вариантов истории Второй мировой войны. В Украине этот процесс был довольно интенсивным, особенно в 90-е годы, когда возникла необходимость выделить «свою войну». И эта война очень сильно отличается от общей войны советского образца. Очень любопытно следить за тем, как она встраивается в общую государственную идеологию или же противоречит ей в зависимости от политической конъюнктуры, у нее мощное политическое звучание, потому что ветеранские организации — как советских ветеранов, так и националистического движения — оказывают сильное влияние на политику.

Алексей Миллер. Я сделаю небольшую ремарку. Если говорить о том, что в процессе национализации общая война стала национализироваться, то я бы не объединял все эти республики под одной шапкой. Например, я был в казахстанском музее истории (этот музей – вообще отдельная песня), и там герои войны – это герои-казахи (или «герои-казахстанцы»).

Георгий Касьянов. Герои Советского Союза.

Алексей Миллер. Да. Т.е. в некотором смысле это вписывается в тот советский нарратив, это вклад или жертва отдельного народа в общую победу над фашизмом... Нам придется потом поговорить о сюжете украинских жертв среди тех, кто был мобилизован на Украине в Красную Армию, там тоже проблемы, но советский и современный казахский нарративы объединяет то, что это «наша победа». А есть еще большинство республик на западных окраинах, за исключением Беларуси, где в центр картины выдвинулись те вещи, которые были раньше маргинализированы и выделены черным цветом. Прибалтийские республики и Украина представляют собой отдельную группу внутри советских республик.

Георгий Касьянов. Я согласен, хотя в Украине, так же, как и в Казахстане, остается частично тот же советский миф, пусть и немного измененный – повышение самооценки через советский миф.

Алексей Миллер. «Вклад украинского народа в победу над нацистской Германией». А еще: ты описал украинский контекст, а я хочу сказать, что эта тема оказалась чрезвычайно болезненной и травматической для российского исторического сознания. Потому что никакой серьезной ревизии старого хрущевско-брежневского нарратива Великой Отечественной войны не просто не произошло, но его значение даже выросло. Дело в том, что при советской власти эта война была частью общей массы советских достижений и побед, а в 90-е годы про все остальные достижения и победы было отчетливо сказано, **что** это такое, и от них мало что осталось в смысле предмета для безусловной гордости. В результате, главный исторический конституирующий миф, вся его тяжесть сосредоточилась на Отечественной войне. И какой-то пересмотр и введение более сложных оттенков в эту картину в России дается очень тяжело.

Георгий Касьянов. Но дается?

Алексей Миллер. Можно видеть некоторые тенденции. Появляется более сложная картина в искусстве и в массовой культуре – книги, кинематограф, сериалы. Уже есть телефильмы, в которых показаны массовые убийства на западных окраинах в тюрьмах при отступлении в

1941, где-то намеком проходит поведение советских солдат в отношении немецких женщин – это темы, которые раньше вообще никак не затрагивались. Есть знаменитый спектакль «Современника» «Голая пионерка», там совсем не в духе советского мифа показаны будни войны. Но все это идет с большим трудом, настолько, что, скажем, театр совершенно сознательно в майские дни «Голую пионерку» не ставил в репертуар. Старший Тодоровский снял фильм «Риорита», где, как сам признался, впервые попробовал показать кусочек горькой правды о войне. Прокат у фильма был очень ограниченный. Хочу надеяться, что по телевизору покажут. Недавно большой резонанс вызвал «документально-игровой» фильм Алексея Пивоварова о битве подо Ржевом, о наших гигантских потерях. Между прочим, и при Советах еще были важные правдивые тексты о войне, именно в художественной литературе – «Прокляты и убиты» Астафьева, «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова.

И еще здесь сильна политическая составляющая, потому что существует понятие ялтинского миропорядка – есть державы-победительницы, которые правы, и они хорошие. И у них есть особая легитимность, включающая их право заседать в Совете безопасности ООН. И любой разговор о более сложном восприятии Второй мировой войны сразу для более чуткого, подозрительного носа пахнет ревизией Ялты. При том, что от Ялты мало что осталось в политическом смысле, в историческом смысле представление о том, какая сторона хорошая, а какая – плохая, не изменилось, потому что крупные игроки не изменились и даже тот игрок, который возник на месте черного пятна нацистской Германии, по сути, не подвергает сомнению историческую концепцию того периода.

Георгий Касьянов. Правильно делает.

Алексей Миллер. Но как раз в некоторых посткоммунистических странах сама система координат истории войны ставится под вопрос. Причем это не только постсоветские республики. Некоторое время назад такая тенденция вдруг стала заметной в Польше, что, по-своему, понятно, если уж совсем увлечься борьбой с «русским империализмом». Но с другой стороны, это и весьма удивительно, потому что у поляков есть свое почетное место в антигитлеровской коалиции. И выкинуть в помойку этот моральный капитал – довольно глупо. На что и было трезвыми людьми в Польше указано. А то там даже были статьи историков, что надо было вместе с Гитлером Москву взять.

В Украине этот сюжет возникал лишь в жанре исторического фэнтези, в романе Кожелянко «Парад». Но, с другой стороны, если в Польше в реальной истории желающих идти вместе с Гитлером на Москву не было, то в Украине как раз такие люди и организации были.

Георгий Касьянов. Мы можем говорить не только о том, что актуально для этих конкретных стран, но и о тех вещах, которые важны для отношений между двумя странами, и тогда мы дальше можем перейти к такой теме, как оценка Второй Мировой войны в «отделившейся» истории каждой конкретной страны и о конфликтах по поводу этих оценок, а дальше можем перейти к Холокосту, который, конечно же, вызывает много трений и дискуссий, к теме коллаборации, которая является не только историографической, ну и к теме движения сопротивления, националистического движения и его роли...

Алексей Миллер. Когда ты говоришь о сопротивлении, ты что имеешь в виду?

Георгий Касьянов. Я имею в виду украинских националистов, ОУН и УПА.

Алексей Миллер. Потому что советские партизаны тоже сюда относятся...

Георгий Касьянов. Советских партизан я тоже сюда отношу, хотя это же другая сторона, роль которой не становится объектом особенно сильной ревизии в рамках нового канона национальной истории. Но если говорить о тех, кто представляет ту часть сопротивления, которая раньше не была известна широкой публике...

Алексей Миллер. Она была известна, но как совершенно одномерная вещь. Бандеровцы были известны как совершенно отрицательные персонажи. На них стояло клеймо.

Георгий Касьянов. Ну, хорошо, можно сказать, что была известна, но с большим знаком минус. Действительно, в советской официальной истории о них — или ничего, или очень плохо — в любом случае они не то что не рассматривались как сопротивление нацистам, а представлялись как их коллаборанты. Ну, и конечно, когда говорится о Второй Мировой войне в Украине, то следует сказать, что для Украины она началась раньше, собственно с 1 сентября 1939 года, и вместе с Днем Победы не заканчивается, а заканчивается только в начале 50-х годов.

Алексей Миллер. А еще я бы сюда добавил некоторый исторический парадокс. Когда ты говоришь, что война в Украине начинается в 1939 году, то ты можешь говорить так ровно потому, что те территории, где война была уже в 1939, стали частью Украины в результате сталинского перечерчивания карты, а проще говоря, в результате пакта

Молотова-Риббентропа. Ведь та Украина, которую мы знаем, сложилась в результате Второй Мировой войны.

Георгий Касьянов. Скорее, в рамках Советского Союза, потому что именно в составе СССР ее территория сложилась окончательно. Завершающим этапом можно считать 1954 год.

Алексей Миллер. Конечно. Но самые драматические события произошли в 1939 и потом в 1944-1945 гг., причем не только в плане линий на карте, но и состава населения.

Начнем с 1939 года. То обстоятельство, что многие на Волыни и в Галичине были рады приходу Советов, отрицать не приходится. Отчасти потому, что питали иллюзии по поводу советской власти, отчасти потому, что совсем не питали иллюзий по поводу власти польской, которая в конце 30-х стала проводить против украинцев весьма агрессивную политику. Кстати, когда Советы отнимали землю у поляков, отправляли их в ссылку в Казахстан, а землю отдавали украинцам, – это тоже нравилось. Ведь первые три волны депортаций почти украинцев не затронули, главные жертвы – поляки. Думаю, что «роман с Советами» продлился до первых шагов по коллективизации, то есть до весны 1940-го. А потом уже и депортации стали захватывать украинцев, и НКВД начало все активнее бороться с украинскими националистами. В тюрьмах к лету 1941 г. сидело уже изрядно народу. Так что к лету 1941 г. много кто был немцам рад.

Касьянов. Конечно, «первые Советы», как до сих пор говорят в Галичине, оставили неизгладимый след в сознании населения на этих территориях. И то обстоятельство, что они осуществили в этот период некое «справедливое» с точки зрения украинских националистов перераспределение, изгнав и выселив поляков и освободив «жизненное пространство» для украинцев, как-то не особенно подчеркивается в стандартном национальном нарративе. Упор делается на политику и социальные практики, направленные на советизацию западноукраинских земель, осуществляемые методами, привычными для тоталитарного государства, по сравнению с которыми самые жестокие методы польского государства 1920-х – 30-х казались детским лепетом. «Первые Советы» начали с депортаций поляков и закончили массовыми расстрелами заключенных в тюрьмах НКВД.

Миллер. Вот судьба заключенных в этих тюрьмах – она становится очень важной в первые дни войны. Некоторое время назад я слушал, с моей точки зрения, совершенно замечательную лекцию канадского историка Джона-Пола Химки о первых днях после 22 июня 1941 года. И в ней он пытался рассказать, в как можно более сложном и стереоско-

пическом виде, историю первых дней после начала советско-немецкой войны. Его интересовал прежде всего Львов, но он говорил и о других местах — Риге, Вильнюсе. Он показывал нацистскую хронику. Она очень хорошо сделана. Она о том, как «большевики» и «жидокоммуна» убили тысячи людей в тюрьмах в тот момент, когда они поняли, что началась война и что они не успевают их вывезти или угнать на восток. Судя по всему, нацисты очень быстро сориентировались, когда они поняли, с чем имеют дело, — или с самого начала они понимали, что должны показать зверства большевиков — а тут даже и придумывать ничего не нужно. Все это снято и показывается, причем показывается и для зрителей Германии, и на месте — трупы, а их убивали, действительно, сотнями, этих людей в тюрьмах. Это был приказ из центра. Гранаты кидали в камеры — Бог знает что... Эти трупы выволакивают на всеобщее обозрение, местные люди ходят и пытаются узнать среди них своих родственников. И он показывал потрясающую фотографию: плац, лежат трупы, жертвы большевиков, какая-то женщина, которая, видимо, узнала кого-то, стоит в совершенном отчаянии, рядом с ней стоят несколько сочувствующих мужчин, которые явно занимаются организацией этого процесса опознания. А на заднем плане сидит человек 50-60 мужчин, как заключенные, на корточках, и их стерегут, чтобы не убежали. И их почти не видно, нужно присмотреться, чтобы их заметить, они не являются сейчас предметом интереса фотографа, но на самом деле эта фотография показывает, как советское преступление плавно перетекает в нацистское, потому что это евреи, которых пригнали, чтобы они таскали эти трупы (а дальше, естественно, именно их обвинили во всем этом). А дальше начинается львовский погром. И Химка проделал очень тонкую работу: он сумел по фотографиям этого погрома, которые сохранились у немцев, которые в этом погроме не участвовали, но с удовольствием его снимали и смотрели, обнаружить, что во многих ситуациях зверства присутствуют одни и те же люди, которые играют основную активную роль: заводил и организаторов этого процесса. А потом какие-то люди, постояв и вроде увидев, что так можно, начинают присоединяться. И он сумел идентифицировать этих людей, найдя их в картотеке ОУНовской милиции. Это не была УПА, но была ОУНовская, по сути, организация. Под впечатлением от этой лекции я сделал два важных для себя вывода.

Здесь важно показать один весьма вредный мотив. Он возникает часто в рассуждениях, что у поляков, что у украинцев. Когда пытаются оправдать жестокости, часто совершенно чудовищные, еврейских погромов, еще до того, как немцы взялись за систематическое уничтожение

евреев, тем, что евреи помогали советской власти... А если попытаться посмотреть на это не через такую призму, а просто попытаться увидеть, как преступления одного режима сменяются другими... Иногда это нацисты, но иногда и местные люди, которые поддерживают нацизм, может быть, не до конца и потом испытывают разочарование... нужно понять, что это просто очень жестокое время и жестокие режимы с обеих сторон. А точнее — с трех сторон. Потому что режим ОУН — где он был, тоже был крайне жесток. Это первое. А второе — то, что все это еще очень мало исследовано, и эти вопросы еще можно и нужно исследовать. И очень важно понять, насколько вопрос о правых и виноватых, который, безусловно, является политическим, блокирует нормальные возможности исследования.

Потому что понятно: для того, чтоб это было сделано, нужен Химка. Т.е. нужно желание это сделать и другая оптика, чтобы была возможность это сделать. Потому что в рамках национализирования истории такая оптика отсутствует, да и желания нет. Потому что если говорить о Химке, то это исследователь, который выступает со своей точкой зрения по этому поводу, и, кстати, о Голодоморе тоже. И здесь возникает еще один интересный вопрос: как на такого историка реагируют в стране и в диаспоре, и как ему в итоге достается, а достается ему немало.

Георгий Касьянов. А еще очень важно, что мы говорим об историке, который до определенной степени идентифицируется как украинский историк.

Алексей Миллер. У него отец, кажется, украинец, но он канадский историк.

Георгий Касьянов. Но у него украинские корни, и он часто пишет, обращаясь к украинцам как к своим, и призывает их к совести, к трезвости оценок и т. д. Это ученый, который, оставаясь этническим украинцем, четко придерживается профессиональных канонов, позволяющих судить об исторических событиях в рамках этих канонов, а не этнического патриотизма, который неизбежно искажает перспективу и обедняет познавательные возможности. Он может говорить об острых проблемах украинской истории, не прибегая к апологетической или оправдательной риторике, когда речь заходит о неприятных для украинцев вещах.

Алексей Миллер. Да, когда мы говорим обо всех этих вещах, очень важно, кто это делает. Когда мы говорим с поляками, мне часто приходится говорить, что Катынь — это не польская проблема, а российская. И, чтобы перекинуть мостик к Голодомору, то по поводу Катыни можно сказать, что российские историки выполнили свой долг — Лебедева,

а потом и другие, потому что они написали книжки, где, насколько это возможно, по документам, правда была рассказана. То, что потом появляются ублюдки типа Мухина, которые в очередной раз пытаются заявить, что это сделали немцы, это уже патология, но по голоду на Украине у нас нет ни одной такой книжки, и не нужно заявлять о том, что «этот голод на Украине, пусть украинцы и занимаются этим», нет, по таким болезненным сюжетам нужно, чтобы свой говорил своим неприятную правду, потому что так ее легче принять.

Георгий Касьянов. Я бы сказал наоборот: когда свой говорит своим неприятную правду, принять труднее. Легче, когда чужой говорит неприятную правду, потому что тогда можно сказать, что чужой не понимает специфики, и на этом основании понизить его аргументы как несостоятельные или наивные.

Алексей Миллер. Так это как раз не принять, а, наоборот, дискредитировать, отвергнуть. А я говорю о том, чтобы понять, принять и осмыслить.

Георгий Касьянов. Ты упомянул об оуновской полиции/милиции, но ее не было как таковой. Отдельные оуновцы могли участвовать в экстерминации евреев и в Холокосте, но ОУН как организация не участвовала в этом. В некоторых программных документах ОУН кануна и начала Второй мировой войны содержатся антисемитские тезисы, и руководители и рядовые члены вполне могли исповедовать антисемитизм — как бытовой, так и идеологический — доступных свидетельств хватает. Однако говорить, что ОУН именно как организация принимала участие в массовых убийствах евреев, было бы преувеличением или намеренной экстраполяцией. Я хотел бы вернуться к твоему тезису о времени и о ситуации, в которой находилась организация украинских националистов, и тогда мы можем комбинированно перейти и к Холокосту, и к участию украинцев в нем, и к коллаборации. В чем заключается сложность переосмысления и нового позиционирования этой темы как в историографическом дискурсе, так и в идеологическом, и в любом общественном — то, что остается очень сильное наследие советской пропаганды, в котором ОУН представлялось однозначно в самом черном цвете — и как коллаборанты, и как преступники... Частично этот концепт наследован — не в официальной части, но в общественном мнении, и когда возникает желание, соблазн преодолеть этот стереотип, то возникает результат от противного: если раньше они были преступники и т.д., то теперь они становятся святыми, рыцарями без страха и упрека и борцами за независимость.

Алексей Миллер. И еще важно, что это они «победили» в 1991 году. Причем, не только в Украине, но и в Прибалтике.

Георгий Касьянов. Ну, это все-таки не является мейнстримом. Можно сформулировать так: «дело, за которое они боролись, победило», но не они. В конце концов, 1991-й не столько результат борьбы и победы национального движения (хотя и оно играло некую роль), сколько продукт распада, неспособности власти справиться с кризисом. Независимость была скорее неожиданным подарком, чем результатом целенаправленных, скоординированных усилий, многолетней борьбы.

Алексей Миллер. Но ведь все время подчеркивается, что без них бы — никак.

Георгий Касьянов. Это просто составляющая общего потока, когда вся история Украины представлена как непрерывный путь к независимости, борьбы украинского народа. В эту линию они вписываются как один из наиболее привлекательных и динамичных элементов. Все-таки в истории Украины не так много эпизодов, когда столь продолжительный срок и в столь неблагоприятных условиях существовало вооруженное сопротивление, да еще в заведомо неравных условиях. Это богатый материал для выстраивания героического исторического дискурса.

Если же вернуться к их переоценке, то, конечно, сейчас, в 2000-е годы, особенно с поддержкой главы государства, который чествует лидеров этого движения, ощущается перекося и односторонняя тенденция к тому, чтобы превозносить и чествовать ОУН и националистическое движение, не замечать в них противоречивых результатов и видеть только их вклад в общее дело по обретению независимости. Это, конечно, очень печальная тенденция, которую можно проследить и в деятельности комиссии по ОУН и УПА, созданной в конце 90-х годов под эгидой Верховной Рады как ответ на постоянное противостояние ветеранов Красной Армии и ОУН с УПА, как результат борьбы одних за признание УПА воюющей стороной и борьбы других против этого... Комиссия якобы должна была дать «окончательный ответ», поскольку это ученые, они объективны и т. п. И здесь очень любопытно: во-первых, в комиссии разные ученые, которые освещали разные аспекты, освещали их по-разному, а, во-вторых, когда возникла необходимость написать общий вывод по работе комиссии, он был написан одним человеком, непосредственно, Станиславом Кульчицким. Он написал общий вывод и, как положено порядочному историку, дал почитать остальным, по крайней мере, тем, чьи труды он использовал. И здесь

вот что любопытно: я и Игорь Илюшин написали дополнение к этому выводу, однако эти замечания не были включены в общий вывод, так и не знаю почему, все время забываю спросить. И мне кажется, что это было ошибочное решение — не включать, потому что общий вывод получился все-таки в пользу ОУН и УПА, т.е. в сторону их «безоговорочной реабилитации», также исключаящей признание многоаспектности и противоречивости деятельности ОУН и УПА. Если расценивать такой результат в контексте советского наследия, по сравнению с тем, как их оценивали в советское время, это можно назвать положительным сдвигом, потому что многие аспекты освещаются гораздо ближе к тому, что можно назвать истиной. Но в целом идеологическая подкладка «оправдать» очень сильно влияет на научное качество. И то, что из документа исключены замечания его авторов, направленные на то, чтобы диверсифицировать картину и представить ее более многоплановой, — свидетельствует о том, что весь этот проект в качестве «объективного» не удался.

Алексей Миллер. Давай все-таки уточним некоторые вещи, потому что ты сказал очень сильную фразу: этот вывод ближе к тому, что можно назвать истиной. Ты что, хочешь, чтобы я воспринял это как сарказм?

Георгий Касьянов. Конечно.

Алексей Миллер. Ну, тогда другие вещи, которые ты говоришь, непонятны. Я хочу сказать, что одно дело — совершенно благородная и резонная задача для историка — показать многоплановость ОУН и УПА, показать, что советский миф о них предельно однокбок. Но дальше возникает очень серьезная проблема, потому что встает вопрос: ну хорошо, советский миф состоял в том, что эти ребята — последние гады. Но если мы хотим ревизовать этот миф, значит, мы и этот вывод должны ревизовать? И вот здесь начинаются некоторые проблемы, потому что, применительно к той части этих людей, которые сознательно, с удовольствием или без, участвуют в охоте на евреев, я почему-то не готов пересматривать этот вывод. Гады они последние. Мы можем сказать, что таких гадов было очень много по всей Европе, но от этого они не перестают быть гадами.

Георгий Касьянов. Я бы избегал таких формулировок. Соответствие некоторых сторон деятельности ОУН и УПА шаблонам советской пропаганды не заставит меня эти шаблоны повторять. Моя задача — отражение всего многообразия явления в исторических работах

Алексей Миллер. Нет, погоди. Это же даже не исторические работы, а в некотором смысле применимые юридические параметры.

Георгий Касьянов. Юридические параметры можно было применить на Нюрнбергском процессе, и то с некоторыми оговорками, поскольку это был процесс победителей над побежденными, но и там они не были применены относительно ОУН.

Алексей Миллер. Ну и на многих процессах, которые были после этого.

Георгий Касьянов. Они были применены в советское время на процессах над членами ОУН, их юридическая валидность очень сильно размывается тем, что это все были политические процессы. Важно обратить внимание на то, как их судили — как военных преступников? Или как «предателей родины»?

Алексей Миллер. Конечно, их судили прежде всего за то, что они враги советской власти. Как раз за это мы их «судить» не будем. Речь о другом — это люди, которые участвовали в массовом уничтожении не только евреев, но и поляков (Волынь). Мы можем очень долго рассуждать о том, что конфликт был во многом порожден польской политикой, но во всех этих рассуждениях важно не упускать из виду одну вещь — что массовые и часто с изрядной долей садизма истребления гражданского населения — это преступление, которому оправдания нет нигде и никогда.

Георгий Касьянов. Безусловно, но если рассуждать так об Организации украинских националистов и ее роли в украинской, и не только, истории, тогда на входе нужно четко сформулировать несколько простых положений. Первое: организация украинских националистов была организацией с тоталитарной идеологией, построенной на основе монопартийности, диктата и фюрер-принципа.

Алексей Миллер. Это значит одну очень важную вещь: когда представляют картинку, в которой два тоталитарных режима, нацистский и советский, сталкиваются, а где-то между ними оказывается зажатой эта несчастная ОУН, нужно отдавать себе отчет в том, что если бы у нее было достаточно силы, чтобы диктовать свои правила, то она была бы точно такой же диктаторской и тоталитарной.

Георгий Касьянов. Пункт второй. Я не буду употреблять сослагательного наклонения — какой бы она была — она была тоталитарной и диктаторской и на уровне доктрины, и на уровне практик, по крайней мере, до 1943 года. В 1940-е встреча оуновцев с «большой Украиной» заставила часть из них понять необходимость отхода от тоталитарных принципов — со временем все закончилось расколом...

Алексей Миллер. Нет, просто когда мы говорим, сколько было совершено преступлений, то важен еще и вопрос — сколько у тебя было возможностей совершать преступления.

Георгий Касьянов. Для меня такой вопрос не стоит. Можно совершить одно преступление, и этого будет достаточно. Если совершено преступление, то есть убийство граждан мирных, невооруженных, то мотивы этого преступления меня не интересуют. Это преступление. Пункт второй. Члены организации принимали участие в экстерминации евреев и в убийстве поляков. Пункт третий. Если говорить о начальных рассуждениях, никакого оправдания, ни морального, ни политического, этим действиям нет. Им можно дать объяснение, исходя из общей ситуации, в которой находилась ООН, в которой находилась Западная Украина в целом, исходя из истории украинско-польских отношений, но оправдание этим действиям давать не стоит, а тем более, защищать их. Таким образом, эти три пункта, если их четко сформулировать с самого начала, ставят все точки над «і».

Алексей Миллер. При этом мы, когда говорим об этих вещах, понимаем, что за ними скрываются проблемы глобального масштаба. Вот ты сказал: достаточно одного преступления — и все. И если мы считаем, что убийство мирного населения, целенаправленное и именно с целью убить мирное население, и как можно больше — если это критерий, то тогда у нас и англичане преступники, потому что они планировали «огненные смерчи» над Германией, именно чтобы сжигать целые города, и там погибало бы как можно больше мирного населения, и две атомные бомбы, да и у советского государства, что, нет на совести такого преступления? Все стороны войны не выглядят героями.

Георгий Касьянов. Я напомним, что «на войне как на войне», и если целью войны является уничтожение врага в любой его ипостаси, и все стороны стремятся убить как можно больше населения — все средства хороши в рамках этой логики. И напомним вторую, тоже не менее пошлую пословицу — победителей не судят. Победители судили побежденных, поэтому в числе «плохих» оказались немцы, итальянцы, румыны, венгры и часть украинцев. То, что поставили памятник Черчиллю, — это замечательно, он выдающийся государственный деятель, но именно он стер с лица земли немецкие города, набитые замечательными произведениями искусства, и десятки тысяч людей там сгорали заживо. И можно вспомнить не только о Черчилле, но и об английских летчиках, которые это делали и которые являются героями в британской мифологии. На самом деле, если говорить в современных терминах, они такие же преступники, потому что они уничтожали мирное

население. Но здесь мы попадаем в ловушку — когда оцениваем действия людей во время войны в терминах и понятиях мирного времени. Обвинительная риторика уравнивается чем-нибудь вроде «мы исполняли приказ» — а дальше подумаем — а что бывает с теми, кто в условиях военного времени не выполняет приказ? Мне кажется, здесь история (историография) может выполнить объяснительную функцию, но должна держаться подальше от оценочной — иначе мы обязательно попадаем или в лагерь победителей — или тех, кто жаждет реванша.

Алексей Миллер. Не совсем с тобой согласен. Потому что мы можем их судить не по законам мирного времени, но по законам войны, признанным всеми воюющими сторонами. И даже победители судили побежденных не за то, что те с ними воевали, а за нарушение этих законов. А второй большой вопрос: ты произнес важное слово «герои» — для меня здесь большая проблема: разве тот, кто совершает преступление, может быть героем? Герой — это тот, кто отчаянно, рискуя собственной жизнью, за что-то борется? Может обнаружиться, что борется он не обязательно за счастье всего человечества, а за счастье конкретной группы, которую считает своей, за счет других групп. А можно ведь и так бороться за счастье всего человечества, что от всего человечества не останется камня на камне. И тут мы подходим к той теме, что довольно трудно искать героев в этой тотальной войне.

Георгий Касьянов. Я приведу очень конкретный пример. Главнокомандующий УПА Роман Шухевич посмертно получил звание героя Украины.

Алексей Миллер. Совсем недавно. Кажется, в 2008 г.?

Георгий Касьянов. Да. Реакция России была на это совершенно неадекватной, это внутреннее дело Украины. Если человек сражается за свободу Украины, против других вооруженных людей, рискуя своей жизнью, — то это герой. Если человек отдает приказы или сам принимает участие в убийстве невооруженных людей, называть его героем нельзя и давать ему такое звание нельзя. Если Шухевич отдавал такие приказы и принимал участие в этом, то он не является героем Украины. Но это общие рассуждения — когда президент принимал решение, он вряд ли руководствовался аргументами, основанными на рациональном историческом знании — в исторической политике он вообще не руководствуется рациональными соображениями. Думаю, в рамках его логики естественным будет наградить званием Героя Украины Мазепу, Хмельницкого и Ярослава Мудрого... Именно поэтому я не могу положительно отнестись к развешиванию высших государственных наград на мундиры, чистота которых не безукоризненна.

Алексей Миллер. Но получается, что у тебя реакция однозначная.

Георгий Касьянов. Шухевич – фигура не только неоднозначная, но и недостаточно изученная. Если я буду иметь данные о том, отдавал ли он такие приказы...

Алексей Миллер. А тебе их что, недостаточно?

Георгий Касьянов. У меня мало документов...

Алексей Миллер. Его отряд был в Белоруссии в течение, по-моему, восьми месяцев в 1941-1942 годах. Что он там делал? А его участие в Волынских событиях недостаточно задокументированно?

Георгий Касьянов. По крайней мере, у меня нет достаточных документов.

Алексей Миллер. И что, происходит Волынская резня, и он за это не отвечает? Это все равно, что Петлюра не отвечает за еврейские погромы, потому что его не слушают подчиненные ему войска.. Если ты — главнокомандующий УПА, и подчиненные тебе силы вырезают огромное количество мирного населения, с показательной жестокостью и с очень высокой степенью организации, то, если ты приличный человек и офицер, что ты должен делать? Ты должен пустить себе пулю в лоб и уйти с поста главнокомандующего УПА, даже если ты не отдавал этого приказа, что смешно. Я не думаю, что тебе нужны дополнительные доказательства, даже сейчас.

Георгий Касьянов. Мне нужны дополнительные доказательства, потому что логически я понимаю твои аргументы, но как историку мне нужны факты.

Алексей Миллер. А тебе не кажется, что в этом случае ты звучишь почти как оппоненты украинских историков, которые говорят: «Вы нам покажите документ, в котором Сталин велел морить голодом украинцев, и тогда мы обсудим, был ли это геноцид».

Георгий Касьянов. Может быть, я так и выгляжу, но в данном случае акценты смещены и речь идет о войне, и я хочу напомнить тебе твои собственные слова о том, как понятия, которые вполне приемлемы для мирного времени, в военное время становятся относительными, когда человек поставлен на грань выживания. И второе — тоже твои слова — о том, что уровень жестокости, уровень осатанения и озверения людей в войне приводит к тому, что выносить какие-то окончательные оценки очень сложно. И мне выносить какую-то оценку персонажа, который очень мифологизирован и мистифицирован, очень трудно.

Алексей Миллер. Ты затрагиваешь здесь очень важную тему. Давай об этом поговорим: осатанелость, озверелость, истрепанные нервы.

Обесцененная человеческая жизнь... Идет солдат. Что-то зашебурилось в кустах — пустил очередь. А там два мальчонки прятались. По законам обычного времени — преступник. Но мы можем понять — не простить, но понять эту ситуацию.

Георгий Касьянов. Все равно преступник — по результату действия. Убийство по неосторожности — тоже уголовное преступление.

Алексей Миллер. Но это такие вещи, ошибочные и импульсивные... мне кажется, что все-таки в контексте Шухевича такие категории неприменимы, потому что, когда мы говорим о Волынской трагедии, которая является геноцидом в чистом виде, это была тщательно спланированная, протяженная по времени операция. Если бы Шухевич, будучи раздраженным и т.д., импульсивно застрелил кого-то из оружия — да, преступник, да, виноват, но это одна история. Если подчиненная ему армия делает то, что она делает на Волыни, — это совершенно другое.

Георгий Касьянов. Я согласен, то, что делалось на Волыни с польским населением и то, что делалось обратной стороной с украинским населением, имело признаки геноцида или этнической чистки. При этом мы не можем сказать, что поляки до этого проводили такую же политику геноцида. Я говорю, что это началось с украинской стороны, и я согласен с некоторыми украинскими историками, которые говорят, что это была этническая чистка. Я не уверен, что это было тщательно спланировано, потому что в той ситуации вообще было трудно что-либо тщательно спланировать. И я хотел бы обратить внимание на одну вещь, которую обычно не замечают: известно, что много зверств было совершено холодным оружием: косами, ножами... Это наталкивает на мысль, что в этих зверствах принимало участие обычное население, украинские крестьяне, которые уничтожали тех, кто, как они считали, занял их землю. Этот момент погрома...

Алексей Миллер. Ты уверен, что объяснение именно такое? Потому что известно же, что зверские убийства часто совершались показательно, чтобы произвести впечатление на других и чтобы они убежали, потому что главная задача была в том, чтобы на Волыни не осталось поляков.

Георгий Касьянов. Я согласен в том, что показательный момент был, но я отношу это на счет обычной крестьянской жестокости, когда, например, конокрада не просто убивают, а рвут на части, чтобы другим было неповадно. Но мы сейчас уйдем в дебри психологии, что не относится к предмету.

Алексей Миллер. К предмету относится другое. Я не считаю, что если жертвы зарублены топорами, или у них вспороты животы, или отрезаны груди, или еще что-нибудь, то это означает, что убивали крестьяне.

Георгий Касьянов. Но они участвовали.

Алексей Миллер. Может быть. Но человек мог это делать, имея в кармане пистолет, не говоря уже о том, что ему может быть жалко патронов.

Георгий Касьянов. Может быть. Я говорю лишь о том, что этот вопрос мало изучен, страшно заполитизирован и является конфликтной зоной как внутри Украины, когда вопросы истории национального движения становятся предметом политических дебатов, так и на международном уровне, когда заходит речь об ответственности государства или нации в целом за нечто, совершенное в прошлом. Тогда можно было бы провести параллели и с Вандеей и другими крестьянскими выступлениями, которые сопровождаются аналогичными эксцессами. Вспомним гражданскую войну в бывшей Российской империи... Можно сделать предварительный вывод, что если говорить об осмыслении этой проблемы, то по поводу ОУН и УПА (это все-таки разные вещи) общественное мнение очень сильно разделено, и еще больше — благодаря влиянию государства, хотя должно было бы быть наоборот. Можно сказать, что есть апологетические тенденции в историографии, но, к счастью, существует и ряд исследователей, которые не представляют мейнстрим, но могут адекватно относиться к этому, хотя они выглядят как диссиденты. Из молодых это Заярнюк, из старших — Игорь Илюшин, я мог бы назвать и себя, поскольку тоже занимаюсь этой проблемой. Есть и продолжатели советского мифа, в основном, на Восточной Украине.

Алексей Миллер. Хорошо. Отсюда есть две дороги. Можно продолжить тему Холокоста и коллаборации и отчасти связать это с темой вообще чудовищности тех выборов, которые приходилось совершать людям. Потому что одна тема — это участие организации украинских националистов в истреблении евреев. Оно было, спорить об этом довольно бессмысленно. Хорошо было бы понять масштабы этого...

Георгий Касьянов. Я еще раз хочу сделать уточнение: не участие организации, а участие членов этой организации. Потому что сама организация как таковая, при том, что и в некоторых программных установках, и у бандеровцев присутствуют элементы антисемитизма...

Алексей Миллер. Не «элементы», а самый жесткий антисемитизм.

Георгий Касьянов. Я сказал «элементы» в том смысле, что пункта об уничтожении евреев нет в официальной программе.

Алексей Миллер. А Стецько?

Георгий Касьянов. Нет, Стецько, его письма и статьи — это совсем другое. В данном случае речь идет о программе, которая принята на Великом собрании ООН. Там есть один параграф, который связывает евреев с большевизмом, и на этом строятся соответствующие выводы. То, что опубликовали, — дневники Стецько или что-то еще — это, конечно же, мысль высшего руководства ООН и, в частности, одного из основных идеологов, который тогда еще им не был, но потом им стал после смерти Бандеры — Стецько...

Алексей Миллер. Но надо учесть, что антисемитские статьи — это еще не повод: человек может быть антисемитом и говорить, что он не любит евреев, но и что с того? А это не просто антисемитские статьи...

Георгий Касьянов. Нет в периодике ООН на рубеже 20-30-х годов есть статьи, в которых вполне «научно» обосновывается тезис о том, что евреи эксплуатировали украинцев на протяжении веков.

Алексей Миллер. Статьи Стецько 1941 года, опубликованные в главном печатном органе ООН, говорят о поддержке политики немцев по отношению к евреям. Вот это важно. Я знаю, например, в Польше, людей, которые накануне войны были вполне лютыми антисемитами, но увидев, что немцы делают с евреями, пришли в ужас и стали призывать помогать евреям, не отказываясь от своего антисемитизма. Потому что между нелюбовью к евреям и одобрением их физического уничтожения — пропасть. Стецько эту пропасть переходит, одобряет то, что делают немцы, и главный орган ООН это печатает. А второе — то, что тема Холокоста в Украине и в прибалтийских республиках очень часто в российской прессе возникает в таком контексте, что эти националисты были такие сволочи, что активно и с песнями участвовали в Холокосте. Мы знаем, что участвовать в Холокосте — это очень плохо, и не собираемся это оспаривать. Этот мотив очень часто используется и часто даже справедливо. Но нужно задать вопрос: а как бы вело себя русское население в этих условиях, и сколько нашлось бы желающих участвовать в Холокосте? Слава Богу, что этот эксперимент не проводился в большом масштабе. Поэтому тем, кто идентифицирует себя как русских, об этом думать легче.

Георгий Касьянов. А есть ли исследования, посвященные оккупированным территориям нынешней РФ и участию местной полиции в Холокосте?

Алексей Миллер. Ты знаешь, это начинает пробиваться только сейчас. Но ты должен понимать, что основная масса евреев живет на бывших землях Речи Посполитой, и это та основная масса, которая не

успела уехать. А те евреи, которые жили на территории современной России, пока фронт шел до Смоленска, конечно, старались уехать, и шансов не попасть к немцам в лапы у них было больше.

Но на этот счет у меня нет никаких иллюзий, потому что моя ма-тушка была под оккупацией две недели, девушка 13-ти лет, даже удивительно, что с ней не сделали ничего плохого, под Рязанью, и ее самым большим впечатлением было то, какая очередь выстроилась к немецкой комендатуре в этом злосчастном городе Скопин доносить, главным образом, на коммунистов, потому что в этом городе евреев не наблюдалось. А через две недели немцев прогнали, и выстроилась следующая очередь — доносить на тех, кто доносил. Так что ничего удивительного тут нет.

Георгий Касьянов. Да, конечно, нужно учитывать, что вся территория Украины была оккупирована, долго, неравномерно, т.е., она существовала в виде трех территорий: было генерал-губернаторство, была Транснистрия, где немцев почти не было, и была третья часть — Рейхскомиссариат, и на этих территориях оккупационный режим различался, но в отношении к евреям и к цыганам, о которых почему-то все время забывают, когда говорят о Холокосте, он не различался.

Алексей Миллер. И здесь скорее можно говорить о политике памяти, и мы видим, что советская политика, которая говорила о мирных советских гражданах, отчасти находит свое продолжение в Украине: евреев не стало, и во многом присутствует молчаливое согласие: «ну и слава Богу».

Георгий Касьянов. К сожалению, да. Сейчас, если говорить об академическом сообществе, то благодаря появлению каких-то молодых исследователей картина становится разнообразнее. В Институте Украины есть отдел Второй Мировой войны, и там сейчас наметились очень позитивные тенденции к тому, чтобы и Вторую Мировую войну, и все проблемные вещи внутри этой темы рассматривать с академической позиции. Не хочу говорить «объективно», но более взвешенно и верифицировано. Если раньше в основном занимались осуждением оккупационного режима и рассмотрением героической борьбы партизан или действием на фронтах, то сейчас очень много делается в том ключе, который можно было бы назвать социальной антропологией. Тем, как себя вел в этой ситуации конкретный человек, и по коллаборационизму защищаются диссертации, и в Украине много пишется и диссертаций, в том числе, на региональном уровне, о Холокосте. Я был на защите по Холокосту на Буковине — эта тема становится предметом академиче-

ского осмысления. Я не могу проследить связей с еврейскими организациями, которые это спонсируют, но интерес есть.

Алексей Миллер. Спонсируют, но в этом нет ничего зазорного.

Георгий Касьянов. Конечно. Но главное — появился интерес к этой теме, раньше его не было. Я уже не говорю о том, что в Киеве появился центр по исследованию Холокоста. Так что в этом смысле украинская историография выглядит достаточно продвинутой.

Алексей Миллер. Я бы сюда еще добавил, что при оценке этих событий важно понимать: когда немцы приходят на Украину, то у них, конечно, есть попытка, причем она зафиксирована на уровне директивных документов, трактовать украинцев в каком-то привилегированном режиме, по сравнению с евреями и русскими. Т.е. на начальном этапе оккупации, например, были инструкции, что нужно брать заложников из евреев и русских, а не украинцев. Из этого не следует, что Украина воспринималась как полноценный союзник. Отсюда, кстати, и конфликт ОУН и нацистов, потому что ОУН ожидала, что будет продолжаться политика времен Первой Мировой войны, когда немцы в определенный период делали ставку на независимое украинское государство, а тут оказалось, что это совершенно не входит в их планы. Но привилегированное положение украинцев продолжалось недолго. Отчасти потому, что возникло партизанское движение, и тут было уже трудно разбираться, отчасти потому, что сами немецкие солдаты не воспринимали украинцев как полноценных людей — все-таки украинец и голландец были разные вещи в глазах немецкого солдата. А потом уже немцам вообще стало не до нюансов — ловили всех, кто попадется, и гнали в Германию работать.

Любая помощь евреям была смертельным риском. Так что можно развести руками, что героев стадами не ходило. Хотя и они тоже были. Но в целом мне кажется, что очень часто и подход к исследованию, и дискурс на эту тему страдает от примитивизации, связанной с исторической политикой. Потому что, безусловно, есть попытки доказать, что ОУН и УПА никак к этому не причастны, а есть попытки доказать, что все украинцы ужасно сожалеют о том, что произошло, и все это вранье. Иногда, когда пытаются объяснить, что происходило, признавая, что украинцы не всегда вели себя героическим образом, начинают говорить, что сами виноваты: эксплуатировали, или коммунистов поддерживали, или еще что-то... Т.е. попытки рационализировать и отчасти оправдать то, что оправдывать бессмысленно. В этом смысле, повторюсь, от «не любить евреев» до радости по поводу того, что их будут убивать, — дистанция огромного размера.

Георгий Касьянов. Я думаю, что здесь ключевым является слово «политика». Сама политика в Украине является по определению аморальной и циничной, и отсюда можно экстраполировать и дальше: историческая политика неизбежно будет нести в себе элементы аморальности и цинизма, в том числе, и по поводу Голодомора...

Алексей Миллер. Я бы расшифровал: попытка представить Голодомор как трагедию большую, чем Холокост, эта гонка за числом жертв, которой так увлекся Ющенко, кажется мне просто чемпионским забегом на этом поле.

Георгий Касьянов. В данном случае нужно делать скидку на интеллектуальные способности конкретного человека. В данном случае интеллектуальная биография данного человека не предполагает того, что он будет способен вникнуть в нюансы и осознать многоплановость проблемы.

Алексей Миллер. Что его ни в коем случае не оправдывает.

Георгий Касьянов. Не оправдывает, но объясняет.

Алексей Миллер. Ну и оставался бы бухгалтером, наверное, с этим бы он справлялся.

Георгий Касьянов. Ну конечно. Когда человек с таким образованием начинает рассуждать на сложнейшие темы, в которых и профессиональные историки могут разбраться лишь с большим трудом, и после этого он начинает говорить директивами и делать окончательные выводы, то это звучит в одних случаях страшно, в других — абсурдно, а в третьих — комично. Но в любом случае, независимо от намерений этого человека, может быть, они и самые лучезарные, его стремление представить Голодомор как наибольшую трагедию человечества, его политический итог — это крайний цинизм. Я бы еще хотел вспомнить один нюанс — мне кажется, что, говоря о теме Холокоста, об участии в нем Украины и ОУН, и вообще обо всей этой ситуации, когда значительная часть населения поддерживала то, что делалось, — то ли из страха, то ли из антисемитизма, иногда пыталась нагреть руки, кто-то пытался спасать, было много нюансов, но наиболее доминирующая тенденция была в том, чтобы или относиться к этому нейтрально, либо участвовать в этом, чтобы ввести это в более широкий контекст, я бы вспомнил про погром в Едвабне и про дискуссию в Польше, которая началась с публикации одной книги. В этой теме меня поражают две вещи: как она хронологически совпала с дискуссией по поводу воłyнской резни (книгу об этом написали двое). Практически параллельно в Польше возникло два диспута — по поводу Едвабне и по поводу Воłyнской резни. И интересно наблюдать, как в ходе этой общенацио-

нальной дискуссии, я это подчеркиваю, потому что в Украине не было общенациональной дискуссии ни по одному из этих вопросов, разве что по Голодомору, но это другое дело. И интересно, что и по поводу Едвабне Квасьневский извинился, причем еще до окончания исследования, и по поводу Волини состоялась встреча президентов, и они взаимно примирились. Но меня поражает динамика развития этого мифа, как он развернулся на 180 градусов. Потому что в польской коммунистической историографии был миф о том, что это сделали немцы, потом это развернулось, и оказалось, что немцы сделали это с большим участием поляков, а потом оказалось, что все не так просто.

Алексей Миллер. Не так просто — в том смысле, что это сделали поляки без немцев.

Георгий Касьянов. Да. И в этом смысле для меня крайне интересно, что общество разделилось. Возможно ли такое в Украине, чтобы оно разделилось? Потому что в Польше нашлись люди, готовые признать, что это преступление совершили поляки. И это были люди общественные, и с высоким положением. В Украине ничего похожего я не вижу за исключением крайне немногочисленных индивидуальных примеров.

Алексей Миллер. Я бы хотел добавить сюда несколько вещей. Во-первых, мне кажется, что в этих извинениях много фальши и ненужности. И давай эту тему закроем, если мы сходимся в этом. Потому что они либо ханжеские, либо бессмысленные. Потому что покаяние — это вещь индивидуальная.

Георгий Касьянов. Нет. У протестантов покаяться можно публично.

Алексей Миллер. Но ты же сам каешься, за свои грехи.

Георгий Касьянов. Вот в этом и есть интрига. Потому что Квасьневский покался за Едвабне за всех, в то время как все не были готовы покаяться.

Алексей Миллер. И точно так же Вилли Брандт просил прощения и падал на колени перед Варшавским гетто за всех... Если он это делал как политическая фигура от имени нации, то у него не было такой санкции. Я бы мог представить, чтобы человек шел на выборы с лозунгом, что он поедет в Варшаву и там покается, но ему же такой санкции на выборах не давали, потому что он ее не просил. Если ты хочешь выразить свое отношение — делай это, но почему тогда вокруг тебя столько журналистов и фотокорреспондентов? Есть понятие церемонии поминовения — принести венок, положить цветы, но когда от имени одного народа президент начинает каяться перед другим народом, а другой народ, который тоже, конечно, представлен каким-то политиком, говорит: «Ну ладно, один раз извинился, а еще?» Есть такой анекдот,

когда разговаривают два еврея, и один говорит другому: «Ты слышал, приезжает Валенса!» А второй отвечает: «Валенса? Ну, он, вообще-то, мог бы и извиниться». Первый говорит: «Так он уже извинился». — «Ну, мог бы и второй раз извиниться, не развалился бы». — «Да он и второй раз извинился уже». — «А, ну тогда он может уже уезжать». Я хочу сказать, что все эти проблемы прегрешений должны включать в себя понятие общенациональной дискуссии, это очень важная вещь. А на индивидуальном уровне: в идеале нужно, чтобы каждый человек понял, что если у нас есть какие-то предки, с которыми мы себя ассоциируем, то мы принимаем на себя и ответственность за дурные стороны и поступки этих людей, и что нужно быть скромнее и внимательнее.

Георгий Касьянов. Я совершенно согласен, что такие публичные извинения — это показательный акт и политическая игра, я не исключаю возможности эмоционального подъема и спонтанного движения, но, поскольку речь идет о политиках, понятно, что это актеры, которые все время играют роль и соответствуют своему образу. Когда я говорил о том, что в Польше что-то происходило, а в Украине — нет, я имел в виду общенациональное движение.

Алексей Миллер. Я как раз к этому и хотел привести.

Георгий Касьянов. В Украине у людей нет понимания того, что они ответственны за своих предков, и это ужасно, когда люди не могут осознать историческое зло... Память очень избирательна — когда мы были жертвами, когда нас угнетали и обижали — мы это помним, а когда это делали мы сами (в том числе по отношению к своим соплеменникам) — это лучше забыть. Впрочем, вряд ли здесь украинцы оригинальны, это стандартная черта всякой национализированной истории и связанной с ней памяти...

Алексей Миллер. Мне кажется, то, о чем говоришь ты, и то, о чем говорил я, связано вот чем: люди, которые рассуждают об ответственности, очень часто связывают это с мотивом покаяния и извинения, а те, которые начинают им возражать, в определенном смысле, не без резона, говорят: «Я родился, например, в 1965 году, и личной своей вины не ощущаю, и каяться мне не за что». Точно так же, как смешно предъявлять современным немцам за что-то претензии. Хотя современные немцы как раз очень аккуратно к этому относятся, им не нужно тыкать в морду, они и сами проводят внутреннюю работу.

Георгий Касьянов. Есть один очень простой момент: если вы претендуете на свою историю как на целостность и говорите о героических свершениях этой истории, и т.д., тогда примите на себя ответственность и за «темные стороны» этой героичности.

Алексей Миллер. Мне просто настолько чужды все эти разговоры о героичности, и мы-то с тобой как историки знаем ей цену.

Георгий Касьянов. Да, но мы сейчас говорим о массовом сознании. И если политики и та часть народа, которая поддерживает этих политиков, принимают некий позитив в этой истории, то извольте принять и негатив.

Алексей Миллер. Я бы даже сказал, что серьезного общественного обсуждения требует как раз негатив, а не геройские свершения наших предков трехвековой давности.

Георгий Касьянов. Так вот, Едвабне у поляков шло под лозунгом очищения памяти, что тоже важно.

Алексей Миллер. Не «у поляков», а «у некоторых поляков».

Георгий Касьянов. Да, у тех, кто и заговорил об очищении памяти.

Алексей Миллер. И вот здесь очень важный момент. Ян Гросс, автор книги о Едвабне, где, скажем для тех, кто не знает, жители небольшого польского городка спалили заживо, согнав в одно место, всех своих еврейских соседей, сколько смогли поймать — несколько сотен человек...

Георгий Касьянов. Говорили сначала о 1600, но потом поняли, что это слишком много.

Алексей Миллер. Но не 200 или не 300, а побольше. И я хочу сказать, что до появления книжки Гросса были опубликованы научные статьи об этом, и там было сказано все, что можно об этом сказать в плане фактов, но они оставались совершенно незамеченными. Как Гроссу удалось привлечь столько внимания? Книжка называется «Соседи». Она звучит как очень мощное обвинительное заключение. Она в некотором смысле написана очень агрессивно и вызывающе. Она, безусловно, была сознательным вызовом. И тут возникает вопрос, потому что эта дискуссия расколола общественное мнение в Польше на два лагеря: тех, кто подписывался под Гроссом и тех, кто стремился перечеркнуть его двумя жирными чертами. Кстати — первые видели в Гроссе поляка, говорящего о польских грехах (и он так понимал свою книгу), а вторые — еврея, обвиняющего поляков. У Гросса мать из польской шляхты, а отец — еврей.

Георгий Касьянов. Был еще и третий лагерь — это жители Едвабне, которые оказались в некотором смысле ни при чем.

Алексей Миллер. Они действовали по-разному. Это уже микроистория. Были люди, которые сумели спасти некоторых евреев, и они скрывали этот факт в течение десятилетий, чтобы жить нормально в этом селе. Что важно: когда Гросс написал эту книжку, одна жен-

щина-режиссер снимала или уже даже сняла документальный фильм о жителях этого села. И она говорила, что с громадным трудом пыталась их разговорить. И постепенно из глухого молчания и обороны они начали выходить. Книжка Гросса столкнула многих из них обратно. Здесь нерешенный для меня вопрос: понятно, что книжка Гросса не без тенденции. И в этом смысле она сильно поляризовала общественное мнение. И какой-то процесс трансформации у жителей Едвабне она в каком-то смысле даже заблокировала, потому что они там выглядят очень плохо, им это не понравилось, и они опять ушли в глухую оборону. И здесь мы сталкиваемся с большой проблемой для нас, академических историков: как нужно написать работу? Потому что если написать ее сугубо академически, то книжка будет написана, а общественного факта нет. Она не будет замечена. Если написать ее с провокацией и агрессивно... Мне кажется, что, если делать так, то максимально аккуратно.

Георгий Касьянов. Но тогда не будет провокации.

Алексей Миллер. Нет, ты можешь спровоцировать, а потом написать: «Здесь я специально заостряю тезис, я сознательно делаю акцент только на одной вещи, но я просто хочу, чтобы мы это обсудили».

Георгий Касьянов. Здесь есть проблема, потому что если ты обращаешься к научному сообществу...

Алексей Миллер. Может быть, можно это разделить: опубликовать очень обстоятельную и скучную работу в академическом издании, а другую статью — в популярном журнале, с отсылкой к той, первой, обстоятельную и с документами. Но я хотел сказать, что если уж ты делаешь провокацию, то желательно минимизировать негативные стороны. Что здесь важно? На примере Польши мы видим очень хорошо структурированное, в том числе, и на медийном уровне, общество. Кстати, книжку эту выпустило католическое издательство «Знак». Дальше дискуссию начинает «Газета wyborcza», и есть СМИ, которые за одну сторону, и которые за другую. В этой дискуссии очень важно то, что хотя они друг друга жутко не любят, они при этом слышат друг друга и полемизируют. Имеют место и передергивания, и тенденциозность, не без этого. Но они друг друга не игнорируют, и происходит диалог.

И это как раз то, чего в России и в Украине очень не хватает, потому что здесь каждое из изданий делает вид, что других вообще не существует. При том, что я слежу и понимаю, что вот эта статья написана в ответ на мою статью. Но он не упомянет это и не скажет, где была напечатана моя статья. Он просто будет сознательно и систематически излагать прямо противоположные тезисы. Это культура дискуссии, ко-

торая как раз и начинает формировать у людей возможность мыслить нелинейно и понимать сложность проблемы.

И после этого мы можем перейти к проблеме Советской власти. Когда в России обсуждается «бандеровщина», да и не только в России, но и в некоторых восточных областях Украины — знаменитый памятник в Крыму, который называется «Выстрел в спину», о нем есть статья Андрея Портнова в «Отечественных записках». Это образ нашего солдата, который пришел освобождать от фашизма, и освободил, а ему в спину стреляют эти подлюки. Или приехала ни в чем не повинная учителька из Луганска или из Харькова, а ее пристрелили бандеровцы. И здесь бандеровцы выступают совсем как нехорошие люди. Но нужно понимать, что у нормальных, не каких-нибудь тоталитарных-интегральных националистов, а у нормальных людей на Западной Украине были все причины ненавидеть советскую власть. Мы уже говорили: для того чтобы отнять обратно землю у крестьян, загнать их в колхозы, нужно было людей на Восточной Украине морить голодом. А на Западной Украине об этом знали, кстати, и ничего хорошего от советской власти не ждали.

Георгий Касьянов. Но сначала она их приятно удивила, когда только пришла.

Алексей Миллер. Да. Но тогда и не было массовой активной борьбы, в 1939-1940. А в 43-44-ом, когда идет Красная Армия — это ведь не только измученный солдат в сапогах и пилотке, который борется с фашистами — за ним идет еще и особист, который, во-первых, терроризирует этого солдата, во-вторых, начинает устанавливать Советскую власть и сейчас начнет разбираться на месте.

Георгий Касьянов. Армия-то движется, а НКВД остается.

Алексей Миллер. Да. И когда мы говорим об этом, нужно понимать, что бандеровцы борются с НКВД лютыми методами, и НКВД с бандеровцами — тоже. И провокации есть. Мы понимаем, что попытки апологетов УПА приписать все акты террора против мирного населения переодетым в бандеровцев НКВДшникам — это неправда и гнусность, но то, что такие попытки были — это смешно отрицать, потому что это система.

Георгий Касьянов. И они документально зафиксированы самими органами.

Алексей Миллер. И самое трагическое положение — у человека, который, может быть, и хотел бы остаться в стороне, но его никто в покое не оставит. К нему придут бандеровцы и возьмут еду, затем придут НКВДшники и объяснят ему, что он поступил нехорошо, доступными

им методами, и еще объяснят, что они с ним сделают, если он не донесет — и дальше понятно, что он либо убежит к бандеровцам в лес, либо они его убьют раньше, заподозрив, что он сотрудничает с НКВД, либо НКВД его убьет, когда он в следующий раз не донесет — и этот человек, который пытается остаться вне всего этого, может только зарыться в землю. У него нет пространства для спасения, и это чудовищная трагедия. В этом смысле, когда эти люди в лесах борются с НКВДшниками, здесь нет «хороших парней». Можно сказать, что те, которые сидят в лесах, более героические, потому что у них нет шансов на победу. Но они не «хорошие ребята», потому что степень их загнанности и озверения не становится меньше. То, что они делали в 1942-1943 годах, не отменено тем, что они потом делали в 1944-1948. Это озверелая борьба с обеих сторон, пытки, весь ужас партизанской войны и борьбы с ней.

Георгий Касьянов. Ну, здесь все-таки есть динамика. Нельзя распространять это на весь период, потому что было время, когда УПА существовало как организованная сила и как достаточно дисциплинированная, которая подчинялась каким-то законам армейской системы, а потом, если ты говоришь об отдельных подразделениях, которые существовали в подполье и в тяжелом положении, то это уже позже.

Алексей Миллер. Кстати, если мы говорим о теме оценок, то в Украине, в основном, Западной, памятники — это в основном не памятники жертвам, а памятники героям. Потому что когда мы видим памятник, на котором написано, что в этом селе НКВД убило (по основательному и неосновательному подозрению в сотрудничестве с бандеровским движением) 60 человек, а такие памятники есть, то это в честь памяти убитых людей. И с такими памятниками у меня нет проблем. А есть памятники героям, и это совсем другое. Если мы двинемся чуть дальше на Запад, то в Польше недавно поставили памятник Огню, командиру партизанского отряда, и про него не только евреи, но и словаки (а он действовал на польско-словацком пограничье) могут сказать много такого, что никак не позволяет его героизировать. И, что для России особенно актуально, когда мы говорим «Красная Армия», то эмоционально это выглядит так: солдатик, который пропахал столько за 4 года, идет, страдает, мучается, побеждает. Но мы же не идентифицируем себя с НКВДшниками, которые идут сзади этого солдата и стоят за ним с пулеметами. Мы понимаем, что это «плохие ребята». Но именно с ними во многом и борется бандеровское движение.

Георгий Касьянов. Да, в первую очередь с ними. Потому что с армией бороться не было сил. Армия прошла, прокатилась и пошла дальше, на территории Западной Украины она не стояла. А с НКВД

борются. Только потом уже части армии стали привлекаться для борьбы с бандеровцами.

Алексей Миллер. Бандеровцы борются вообще с носителями советской власти. И здесь совершенно без разбора – в том смысле, что учительница – это носитель советской власти, какой-нибудь комсомолец, которого прислали делать колхоз, – тоже, и убьют его часто с воображением и фантазией. Во время войны УПАвские отряды и красные партизаны действуют практически на одной территории, и они тоже относятся друг к другу очень плохо, и это получается такая война всех против всех.

Георгий Касьянов. Я бы еще добавил один очень важный момент – что именно с подачи Советской власти на территориях Западной Украины можно отследить четкий элемент именно гражданской войны, когда она была уже территорией Советского Союза, а гражданская война предполагает определенный уровень жестокости и отсутствие каких-либо сдерживающих факторов: учительница или нет, молодой или старый, женщина или ребенок – гражданская война – это когда уничтожают часть общества...

Алексей Миллер. Я думаю, что в завершение стоит сказать вот о чем: переосмысление истории военных лет необходимо и в Украине, и в России. Здесь возникают две опасности. Во-первых, переосмысление не должно превращаться в пересказывание советского мифа о войне методом «от противного», то есть по принципу – все, кто раньше были «хорошие», теперь будут плохие, а «плохие» станут хорошими. Важно понимать, что ревизии подлежит сама оптика, сам способ нашего видения этого прошлого. Во-вторых, важно понять, что тот путь ревизии, который демонстрируют сторонники исторической политики, ущербен. «Ревизия», которая проводится в рамках исторической политики в Украине, вовсе не принесла даже тех плодов, на какие рассчитывали ее инициаторы. Она не объединила общество на базе нового мифа, а усугубила раскол по вопросам исторической памяти о войне. И произошло это именно потому, что в основу был положен принцип «смены знака», а не более углубленного и нюансированного понимания. В этом смысле в российском контексте отстаивание позиции «не допустим ревизии» тоже принесет эффект, противоположный ожидаемому. Если тема перестает быть предметом переосмысления и дискуссии, она не будет выполнять даже той функции легитимирующего «мифа», которая ей предписана. В-третьих, при ревизии темы войны в Украине в рамках национализирующего нарратива очень сильно нарушаются пропорции. Опыт одной части украинцев (западных областей) становится главным фоку-

сом внимания в ущерб опыту других украинцев. Опыт этих других украинцев нуждается в ревизии вместе со всем советским мифом. Советская армия превращается, как ни странно, в русскую армию там и тогда, когда речь идет о постыдных сторонах ее деятельности. Если обсуждается обращение с немецкими женщинами, массовые изнасилования, то это выглядит как проблема, касающаяся только русских. Сражались русские, украинцы и другие вместе, а женщин в Германии одни русские обижали? В НКВД, в том числе в отрядах, которые боролись с УПА, – одни русские разве были? Если они пытались выдавать себя за бандеровцев, совершая репрессии против местного населения, – они на каком языке говорили?

Если мы описываем войну как ужасное время, то одна из главных причин этого ужаса в том, что и украинцы, и русские были по разные стороны в этой борьбе, каждый был по-своему жертвой и часто был одновременно виновен в насилии по отношению к другому (я имею в виду мирное население).

Георгий Касьянов. В общем, любой наш вывод, связанный с необходимостью выхода за рамки стандартного национального нарратива и политики истории, будет позитивным с точки зрения профессии. Все побочные эффекты, порожденные редукцией многообразия фактов, факторов, суждений, взаимодействий и взаимовлияний – не буду продолжать список, он слишком длинен, – с редукцией до крайне ограниченных рамок национализированной истории и связанной с ней исторической политики – все эти побочные эффекты особенно ощутимы, когда речь заходит о периодах, связанных с экстремальными ситуациями и соответствующими формами социального поведения. История войны в этом смысле особенно показательна. Я уже упоминал, что в современной украинской историографии есть историки, способные выйти за рамки национализированной истории, однако их интеллектуальное влияние ограничивается узкой сферой профессионального исторического описания. Может быть, именно то, что они не лезут в политику, и уберегает их от профанации и создает перспективу на будущее. Наш с тобой обличительный пафос по поводу примитивизации истории как профессии и общественных угроз, провоцируемых исторической политикой, понятен нам самим, но вряд ли будет понятен тем, кому он адресован. В каком-то смысле мы попадаем в ситуацию «не могу молчать». Мы не молчим, но у меня впечатление, что мы говорим сквозь стеклянную стену, и если кто и захочет послушать, то скорее будет читать по губам.

Алексей Миллер. Ты мне этими словами напомнил об одном сюжете, который непременно нужно здесь упомянуть. Те две темы, о которых мы решили поговорить, прежде всего – голод 1932-33 гг. и война – именно эти темы стоят в центре современной исторической политики в Украине, и в центре внимания такого специфического инструмента этой политики, как Институт национальной памяти. И когда ты говоришь о «стеклянной стене», я думаю, например, о сотруднике этого Института и советнике председателя Службы Безопасности Украины Владимире Вятровиче, который занимается глорификацией УПА, ОУН и их лидеров – Бандеры и Шухевича. Некоторое время назад он опубликовал книгу об УПА, где многие документы, неудобные для его концепции, были проигнорированы, где он использовал как подлинные те документы, которые были подделаны после войны теми, кого они дискредитировали в своей оригинальной версии. Ему указали на эти ошибки в рецензии, авторы которой подарили ему «привилегию сомнения». То есть они не обвинили его в сознательной фальсификации, но трактовали это именно как ошибки. И вот когда он просто проигнорировал эту рецензию – все стало на свои места. Он занимается не историей, а исторической политикой. Он нас не услышит, а если услышит, то без зазрения совести проигнорирует. У нас в России точно так же ведут себя некоторые историки, например, Александр Филиппов. Им не важно, что им говорит профессиональная критика. И нас они слушать не будут. Но ведь не к ним мы обращаемся, но к тем, кто хочет слушать, пусть и не соглашаясь, слушать и обсуждать, не только в стремлении доказать свою правоту, но и в стремлении понять оппонента.

Георгий Касьянов. Я бы еще упомянул напоследок, что на уровне межгосударственных отношений изменения в исторической политике также обозначают некие не слишком обнадеживающие тенденции: вплоть до дипломатических конфликтов. Если в России набирает силу (в рамках официального нарратива) реставрация советской мифологии о войне, то в Украине в рамках той же официальной истории имеется прямо противоположная тенденция вплоть до формирования контрпамяти. Результат – конфликтующие нарративы и соответственно – конфликт в области политики истории. Причем обе конфликтующие стороны, в общем-то, подобны в своих подходах, методах пояснения и выборе средств доказательства. И вот здесь у историков, исповедующих верность базовым принципам профессии и профессиональной этики, есть серьезные возможности для позитивного действия. Мне кажется, наши беседы и есть такое действие: мы можем говорить о «конфликтных зонах» истории, не вступая в конфликт, враждебный по своей при-

роде. Как частный пример, который можно предъявить обществу: история войны не становится войной историй.

3. От Хмельницкого до Мазепы

Миллер. Сегодня разговор пойдет о Хмельницком, о периоде гетманщины и, может быть, дойдет до Мазепы. Мы оба не являемся специалистами по этому периоду, но может быть, это и не самое важное, потому что он достаточно хорошо изучен, в этом его отличие от Второй Мировой войны, голодомора и т.д., но при этом период имеет достаточно длинную историю политических манипуляций с ним. Вопрос в нарративе: как эта тема использовалась в худшем смысле этого слова и при Советской власти, и сегодня в Украине и в России, потому что очевидно, что эта тема была и будет политической – и в XIX веке, и в XX, и в XXI-м. Можно выделить три главных нарратива: официальный нарратив российской историографии имперского периода, который говорит о Хмельницком как об объединителе разорванных частей русского народа, т.е., великорусского, малорусского, как о борце с полонизмом – и здесь и лях, и ксендз этот полонизм олицетворяют. Далее – мне кажется, что это не очень акцентировалось, но тоже было – борец с еврейством в определенных кругах. Все это очень хорошо отразилось в проектах памятника Хмельницкому – того самого, который и до сих пор стоит на Софийской площади в Киеве.

С этим памятником связано много интересных историй, во-первых, слова «Богдану Хмельницкому – единая и неделимая Россия». Михаил Юзefович, малоросс и лютый противник украинских националистов в 1860-1880-е годы, придумал эту формулу, которая потом получила другой смысл – неделимости империи. Когда это писалось на памятнике, имелось в виду – от России «русской», которая объединяла великороссов, малороссов и белорусов, то есть она единая и неделимая именно в этих своих трех частях.

В проекте памятника Хмельницкому изначально конь попирал ляха, потом он был преобразован в иезуита.

Касьянов. В модели памятника, которая сохраняется в Русском музее в Петербурге есть еще одна фигура – это еврей («жид» – в терминах того времени), который лежит за лошадь. Т.е., передние копыта как бы топчут ляха и иезуита, а еврей – архетипическая фигура – лежит уже поверженный и растоптанный сзади.

Я бы сказал, что в советском нарративе о Хмельницком присутствовало еще несколько сюжетов: первое – это воссоединитель, хотя слово

«вос-соединение», если я не ошибаюсь, появляется в 1954 году, а до этого звучало по-другому, слова «присоединение» не стеснялись. Второе — борец за социальное освобождение, третье — борец — и это тоже в какой-то степени переписано из имперского нарратива — с иностранным порабощением, в данном случае, с польским, и окатоличиванием.

Миллер. Антиполонизм в разные периоды акцентировался больше или меньше. После Второй мировой, конечно, меньше. Отчасти снимался тот мотив, который был заметно сильнее в XIX веке, — мотив защиты православия. Но понятно, что все приключения Хмельницкого как персонажа далеко не закончились. И хорошо бы ты рассказал, как выглядит сейчас Хмельницкий в украинском нарративе.

Касьянов. Если вернуться к памятнику, то интересно, что булавой сначала Хмельницкий показывал вверх, в небо...

Миллер. А потом на Москву.

Касьянов. Да, это интересное изменение. Если говорить о советском нарративе, то интересно, что до 1954 года говорили не о «воссоединении» Украины с Россией, а о «присоединении Украины», и ни у кого это не вызывало никаких идеологических коннотаций, и это считалось нормальным: младший брат присоединился к старшему. А в 1954 году появилась концепция «воссоединения». Когда то ничего об этом, кроме брошюры М. Брайчевского «Присоединение или воссоединение?» не было, а важность терминологии здесь неоспорима — сейчас, когда пишут об этом периоде, разговор о том, «что это было» — 1654 год — обязательная часть дискуссии, конечно же с уклоном в тему «равный с равным». Говоря о советском периоде, очень важно вспомнить о том, что Орден Богдана Хмельницкого для военачальников появился именно в этот период Великой Отечественной войны.

Миллер. И он единственный, который воспеваает персонажа не русской истории.

Касьянов. В современной Украине тоже есть орден Богдана Хмельницкого, тоже для военных. Когда мы говорим об эпохе перехода от суверенизации к независимости Украины, т.е. от советской суверенности 1990 года к независимости постсоветской, то интересно, что тот новый конституирующий миф Богдана Хмельницкого как теперь уже борца за независимость Украины и творца независимого казацкого государства — прообраза всех последующих государств — является и наследником советского мифа. Во-первых, момент социальной борьбы — учитывая интеллектуальное прошлое большинства украинских историков, которые продолжали или начинали писать о Хмельницком в 90-е годы, но были воспитаны — или были учениками все тех же воспитанных совет-

ской властью историков, и они этот социальный момент, вместе с представлением об общественно-экономических формациях, конечно, унаследовали. Остался из советской мифологии и очень сильный антипольский элемент, т.е. поляки остались поработителями, колонизаторами, иноверцами, которые пытались ассимилировать украинцев, а Богдан Хмельницкий им этого не дал сделать. А полный разрыв с советской традицией — это отрицание при- и вос-соединения.

Миллер. Поразительным образом, есть еще один элемент преемственности с советской традицией и разрыва с дореволюционной: то, что Богдан Хмельницкий делал именно с Украиной, — это ведь советское. И теперь он тоже делает что-то с Украиной, но это уже унаследовано из советского времени.

Касьянов. Формально — да, но по содержанию это совсем другое, потому что Украина сегодняшняя и советская — это все-таки, несмотря на колоссальное количество рудиментов «советскости», две разных страны.

Миллер. Да, но если мы начнем заниматься реконструкцией, то поймем, что ни о какой Украине там речь не идет.

Касьянов. Это понятно. Но если уж говорить о методологии, то телеология как схема выстраивания непрерывной последовательности присутствует в украинском национальном мифе, так же, как и в советском. Если вернуться к тому, что происходит с Хмельницким в украинском национальном нарративе, адаптированном в рамках так называемой «школы Грушевского», к потребностям национального государства в 90-е годы, то очевидно, что Богдан Хмельницкий превращается в национального героя, героя национальной истории, в фигуру, которая входит в пантеон именно национальной истории и творцов нации. Б. Х. создает государство, и то, что он создал в середине XVII века, получает в трудах нынешних историков атрибуты полноценного государства, таким образом, он становится отцом-основателем новой государственности, отличной от княжеской, которая тоже причисляется к украинской государственности. Во-вторых, он становится основателем некой исторической традиции, связанной с защитой национальной культуры и национальной религии, и, в-третьих, он становится освободителем от национального ярма, но это уже часть советской мифологии, адаптированной к новым условиям. Дальше идет разветвление, конкретизация и детализация того, что он делает. Пожалуй, самой экстремальной формой нового образа Хмельницкого и его эпохи является тезис о том, что он возглавил украинскую национальную революцию в середине XVII века, творцы этой концепции о национальной революции — В. Сте-

панков и В. Смолий — в каком-то смысле положили в основу «теорию социалистической революции», о чем очень язвительно и достаточно остроумно написала Наталья Яковенко в рецензии, где она продемонстрировала, как то, что заложено в головах у исследователей еще в советское время: структуры, объяснения, интерпретации — транслируется в рамках национального мифа, являясь все теми же советскими структурами: «верхи не могут, низы не хотят», «триумфальное шествие», и т.д. Но здесь мы говорим о профессиональных историках. Не-профессиональные историки, сосредоточенные в Институте стратегических исследований при президенте Украины Кучме попав под скромное очарование этой идеи, в 2003 году — год России в Украине — издадут брошюру. И они оценивают не что нибудь, а Переяславскую Раду, и оценивают ее решения и то, что случилось после Переяславской Рады в контексте личности Хмельницкого и его времени. И вот они — несложно угадать в этих людях тех, кто так и не вырос из шинели «научного коммунизма» — пишут о том, что Богдан Хмельницкий создал прообраз президентской республики в Украине в середине XVII века — Украина уже существует, само собой! — и что он создал украинское государство, это понятно. Тут же они говорят, что он создал и парламентскую республику... Говоря об «украинском государстве» середины XVII века, они утверждают, что в этом государстве был создан бездефицитный бюджет, ну и со ссылкой на Степанкова они утверждают, что казачество Украины — это некий фермерский класс. Т.е. выстраивается, с одной стороны, очень привлекательная и соблазнительная картина существования буржуазного и капиталистического государства в середине XVII века, когда в тех государствах, которые являются «пионерами» капитализма — Нидерланды, Англия и Франция — они еще «отдыхают», а в Украине уже все есть. Это старая традиция «быть впереди планеты всей» тянется еще со времен создания национальных историй в XIX веке — ее «римейк» характерен для многих постсоветских государств, пытающихся реализовать «проект модерности», т.е. национальный проект в эпоху глобализации. Вы это найдете практически во всех странах на просторах бывшего СССР.

Миллер. Конституция еще.

Касьянов. Конституция Пылып Орлыка — это немножко позже, но это вещи одного порядка. Т.е., это модернизация истории под потребности сегодняшнего дня. Таким образом, Украина оказывается на передовой всемирного прогресса, и это делается с помощью достаточно нехитрых приемов — того, что можно назвать анахронизмами: берутся поня-

тия из современности и экстраполируются в прошлое. И все это делается, в частности, на примере Богдана Хмельницкого и его эпохи.

Миллер. В том, что ты сказал, есть несколько тем. Первое — это какими словами мы можем рассказать о том, что там происходило. Хорошо, не государство — а что? Не революция — а что? Не воссоединение — а что? Это первое. Вторая тема — это смысл Переяславской Рады. Потому что мы хорошо знаем: каждый раз, когда речь заходит о ней, с украинской стороны говорят, что мы же договаривались про автономию и равноправное партнерство, а ваши лютые бояре приехали и сказали, что царь присягать не будет, потому что не приучен, и как потом тираническая Россия растоптала казацкие представления о демократии. Темы взаимосвязанные, но раздельные. Что касается смысла Рады, то, в моем представлении, нужно понимать, что есть два партнера, которые обладают разным весом и находятся в заведомо разном положении. Хмельницкому это неравное партнерство нужно, даже если оно ему и не нравится, потому что ему одному не выстоять против поляков. И дальше с его стороны начинается торг — сохранить как можно больше самостоятельности. При этом у другой стороны, которая с сомнениями, постепенно, втягивается в эту войну — не будем забывать, что она происходит всего через 20 лет после Смоленской войны, когда все силы, собранные Московским государством, не помогли отвоевать Смоленск у поляков, для которых это была периферийная война... Понятно, что Москва тоже не может диктовать свои условия слишком жестко, ей тоже нужен Хмельницкий, но чем больше двусмысленностей, тем лучше, потому что по мере того, как баланс сил будет проявляться все с большей отчетливостью, можно будет давать ту интерпретацию этому соглашению, которую Москва считает нужной, и на самом деле у меня ощущение, что обе стороны это прекрасно понимают. Т.е. это не то, что Хмельницкий и казаки искренне верят в то, что они так договорились и получили все, что хотели, и так будет дальше — они будут еще много метаться и искать, где бы найти какого-нибудь другого патрона, который будет подальше и чья хватка будет не такой жесткой. Т.е. они и к Крымскому хану пойдут, и к полякам, тут нужно сказать, что свобода их маневра будет все время уменьшаться, в том числе, и потому что фактор религиозной близости и общности имел значение.

Касьянов. Очень большое.

Миллер. Что уж там говорить. С басурманами или с католиками все-таки простодушные люди из рядовых не очень хотели иметь дело. И в этом смысле любопытно было бы подчеркнуть, что тема воссоединения начнет эксплуатироваться очень скоро — буквально через 20 лет

— в 1670-е годы. «Синописис» — книга, которая была главным изложением исторического нарратива в течение всего XVIII века и даже в XIX-ом веке — была написана в Киеве. Ее ведь пишет настоятель Печерской Лавры, Иннокентий Гизель, и он преследует какие-то свои интересы.

Касьянов. Или же отражает чьи-то.

Миллер. Ну да. И если речь идет о «едином славено-русском народе», то шансов у элит Германщины на то, чтобы «вписаться» в элиту Московского царства на выгодных для себя условиях, становится больше.

А что касается государственности, революции или т.д., я не знаю, есть ли эта книжка на украинском языке, на русском ее, к сожалению, нет — у Сергея Плохия есть очень маленькая брошюрка («Tsars and Cossaks. A Study in Iconography». (Cambridge, Mass. 2002) об иконе Покрова Богородицы. Икона интересна тем, что там всегда отражались патроны и заказчики, поэтому там много «пиара». Но первые 20 страниц книги — это очень удачное, на мой взгляд, близкое к идеальному изложение того, что происходило в то время: очень аккуратно, нет никакой Украины, нет никакого государства. Есть казачество, довольно сложные его отношения с местным населением — казаки с ним себя совсем не идентифицировали — и Плохий подчеркивает, что как только казаки осознали себя самостоятельной элитой, то один из экзотических шагов, которые они тут же предприняли, — это попытка вывести свою казачью родословную из хазарского каганата, что во многом было копированием сарматского мифа. Т.е. мы другие, наше происхождение другое, наше элитное положение опирается на наши завоевания силой оружия. Отсюда, конечно, никакой украинской национальной революции быть не может.

Второе: он говорит о политике: это удобное слово, которое позволяет избежать понятия государства, иногда его стоило бы употреблять даже и по отношению к современности, ведь у нас есть такое понятие как failed state, которое придумали современные политологи для тех образований, которые обладают государственностью, а государства при этом нет, но эти образования претендуют на статус государства или даже им обладают... Тогда ведь не было интерсубъективного подтверждения статуса государственности вроде «приняли в ООН», и очевидно, что все, с кем элиты Гетманщины ведут переговоры, воспринимают эти переговоры как переговоры о подданстве, вассалитете Гетманщины.

Кстати, Плохий предлагает очень простой способ оценки этих вассальных отношений, которые возникли в результате Переяславского

договора, – сравнить положение Гетманщины на левом берегу Днепра и той части Гетманщины на правом берегу, которая осталась под властью Речи Посполитой, во второй половине XVII в. О положении на правом берегу говорит само название этого периода – Руина. Хорошо бы эту книжку на русский перевести. А по-украински она есть?

Касьянов. Я тоже не знаю, есть или нет. Плохий имеет легитимное право как специалист в этом периоде формулировать, хотя такие же подходы присутствуют у людей, которые не являются специалистами в этом периоде, но являются специалистами в историографии. Если вернуться к тем темам, которые ты очертил, а именно – Переяславская Рада и что это было, то нужно добавить, что есть очень обширная историография с самыми разными интерпретациями: от военно-политического союза до вассального договора...

Миллер. Но, кстати, это же не взаимоисключающие вещи. Потому что вассальный договор предполагает определенные военные обязательства, причем с обеих сторон – вассала и сюзерена.

Касьянов. Вот я как раз и хотел к этому перейти. Потому что когда разговор о том, что это было – государство или не государство, – заводится в рамки национальной схемы, то происходит очень опасная и непродуктивная, как мне кажется, редукция темы и заведение ее в очень узкий методологический коридор, где присутствуют термины и понятия, которые совершенно отсутствовали, когда жил Хмельницкий, и опасность в том, что Хмельницкий и люди в его окружении оказываются людьми с инстинктами, привычками и мыслями людей XX века, что является грубейшим нарушением современных правил исторического ремесла. Если вернуться к тому, что же это было: и Рада, и действия Хмельницкого в это время – мне кажется, что правильнее всего рассматривать это в рамках системы лояльностей, которые существовали в то время. А в то время существовала система лояльностей, которая изначально строилась на отношениях сюзерена и вассала, понимается, с «местными вариациями». А Богдан Хмельницкий и возглавляемые им воеводства, выделенные в некую полуавтономную структуру – разве не напоминает принцип наделения землей за службу? Пусть даже они попали под его власть в результате войны. А то, что он пытался придать им статус княжества... Здесь очень важно иметь в виду, что Хмельницкий существовал в системе статусных отношений – а статус был даже важнее, чем финансовое могущество или материальное положение – он не был государем и не был сюзереном, т.е. его статус был очень расплывчат и непонятен. Грубо говоря, по своему общественному статусу он был вассалом польского короля. И когда произошло то, что

произошло, если читать документы, то становится понятно: идет речь об *управлении* какими-то территориями, а не о том, что он является их хозяином. Да и во время Переяславской Рады — тоже достаточно загадочного события — у него не было нормального статуса, в котором он мог бы выступать, как сейчас говорят, как «юридическое лицо», поэтому Переяславский договор — в какой-то мере это и выяснение собственного статуса, на каких основах происходит договоренность, кто он? Он представляет собой войско Запорожское — вот как это называлось: никакая не Украина и не княжество Русское, а он представляет собой военную единицу, которое организовывалась по системе полков и сотен, и т.д.

Миллер. Да, ведь полки в этой системе — это не только военные, а еще и административные единицы и территориальные образования.

Касьянов. Да. И он это войско возглавляет, он гетман этого войска. И в системе отношений между сюзереном и вассалом он где-то посередине. Он ищет сюзерена. Польский король как сюзерен его не устраивает, и он ищет другого. А это были двусторонние отношения: если вассал шел на службу к сюзерену, то и сюзерен брал на себя определенные обязательства. Вот в этой плоскости, мне кажется, и стоит искать суть этого трактата, оригинал которого, кстати, не сохранился.

Миллер. В качестве зацепки на будущее: этот сюжет окажется очень важен для понимания отношений между Петром и Мазепой.

Касьянов. Безусловно. Тем более что Мазепа был избран не без содействия князя Василия Голицына, который ходил на Крым. Если двигаться дальше и входить в эту плоскость, в те отношения и системы лояльности, которые существовали в XVII веке и до него, то тогда картина жизни самого Хмельницкого и его эпоха выглядит гораздо более многопланово и интересно, чем этот одноцветный национальный нарратив.

Миллер. Что это было? Государство или полития?

Касьянов. Сказать, что это совсем не было государство, тоже нельзя: там были элементы государства: армия, судебная система, какая-то финансовая система, хоть и не в наших понятиях, были какие-то нечеткие, неопределенные, но все-таки границы, можно сказать, что православие было неким прообразом идеологии, которая объединяла элиту этого государственного образования, но сказать, что это было полноценное государство в современном понимании этого слова, в понимании, которое возникло после XVIII века, после появления рационального бюрократического государства, после появления национального государства и соответствующей системы понятий, — представляется не-

возможным. Это все тот же анахронизм, трансляция современных понятий в эпохи, несоизмеримые с этими понятиями, втискивание фрагментированного, культурно гетерогенного раннемодерного мира в рамки мира модерного.

Миллер. С моей точки зрения, это не было государство вообще. Ты говоришь, что были элементы политической организации – некая судебная система... Ты о каком периоде говоришь?

Касьянов. О периоде Хмельницкого, когда это все создавалось.

Миллер. Т.е. на самом деле, ты говоришь о 6-7 годах.

Касьянов. Ну да, примерно десятилетие.

Миллер. И при этом военное время.

Касьянов. Да, безусловно. Т.е. это постоянный стресс, но в то же время – серьезный стимул к мобилизации и организации.

Миллер. Когда ты говоришь о финансовой организации, – это о чем? О системе выемки денег и мобилизации ресурсов?

Касьянов. Да. О налогах, грубо говоря. Одни платят налоги, другие – нет. Казаки не платят, «гречкосеи» – платят. И это тоже важный аргумент в пользу того, что никакой национальной государственности быть не могло.

Миллер. Почему?

Касьянов. Хотя бы потому, что они не принадлежали к одной нации именно в рамках того понимания нации, которое существовало в то время. Когда польская шляхта и аристократия признала польских крестьян соотечественниками?

Миллер. Но они не принадлежали не потому, что одни платили налоги, а другие – нет.

Касьянов. Потому что для казаков как сословия и элиты крестьяне не были частью «мы», и вообще не были в полном смысле людьми. И в этом смысле казаки не сильно отличались от какой-нибудь польской шляхты. Конечно, их объединяло с крестьянами то, что они были одной веры, но в социальном плане они мало отличались от шляхты, они просто заняли ее место...

Миллер. Нет, кое в чем они сильно отличались от шляхты.

Касьянов. В социальном плане?

Миллер. Да.

Касьянов. Ну, конечно, они были немножко ближе...

Миллер. Нет. Они отличались в том, что у шляхты был неоспоримый статус, а у них – не было.

Касьянов. А, в этом смысле – да.

Миллер. Поэтому мы можем сказать, что казаки хотели думать о себе как о шляхте, и для них основная мечта — «выбить» себе статус члена вот этого сословия.

Касьянов. Здесь еще один момент: есть шляхта, есть казаки — так называемое «рыцарское сословие», и есть старшина — еще одна надстройка в той иерархии. И мы видим, что здесь сама собой выстраивается все та же феодальная иерархия или ее суррогат, которая была характерна для этого времени, независимо от того, «национальное» это было образование или нет.

Миллер. Важно подчеркнуть, что мы говорим о том времени, в котором нации еще нет, а если что-то и называется этим словом, то под ним понимается дворянство. Польская нация — это польское дворянство. Нация унгарика — это венгерское дворянство. Крестьяне туда совершенно не входят. Соответственно, мы можем представить себе, что казачество старалось сформулировать себе какую-то свою концепцию нации, но она заведомо не была украинской и, наверное, не была современной.

Касьянов. Она вообще не была этнической.

Миллер. Да, тем более что мы знаем, насколько этнически были смешаны сами казаки. В очень большой степени они не были «местные люди». Там кого только не было. В связи с Хмельницким мы можем найти в исторической литературе вполне адекватные описания того, что это было, — и с российской, и с украинской стороны. У них будут какие-то отличия, которые свидетельствуют о национальных предпочтениях, но в целом это ситуация, когда есть адекватное историческое знание о предмете, и это адекватное историческое знание систематически игнорируется в политизированных доминирующих нарративах, в тех, что транслируются через учебники и т.д.

Я бы еще хотел задать тебе один вопрос: роль Хмельницкого... даже не в нарративе, а, если угодно, в украинских нарративах, потому что понятно, что украинский нарратив не един, потому что есть какой-то официальный нарратив, который транслируется в учебники, но при этом понятно, что есть свои представления на востоке...

Касьянов. Потому что это разные истории.

Миллер. Ну да. Но при этом важно, что Хмельницкий — это почти единственная фигура, харизматическая, важная и, в общем, приемлемая. Я знаю, что есть достаточно маргинальные голоса в Украине, которые говорят, что Хмельницкий — это нехороший человек, «отдал Украину москалям»...

Касьянов. Да, это еще со времен Шевченко. Но если говорить о пантеоне, то в целом он вполне приемлем и для запада и для востока страны.

Миллер. При том, что разные элементы Хмельницкого будут акцентироваться. Еще очень важно, что к Московскому царству того периода с очень большой осторожностью можно применять понятие империи. Потому что если мы попытаемся представить историю возвышения Москвы как имперского центра, то мы должны будем сказать, что в начале XVII века у Москвы есть все шансы превратиться в периферию других империй — Польской, Шведской и т.д., — и ядро будущей Российской империи вполне может попасть под контроль каких-то других империй. Затем у нас есть период до середины века, практически до Хмельницкого, когда военный потенциал, особенно на Западе, у этого Московского царства очень скромный, свидетельством чему является Смоленская война 1632–34 гг.. И Хмельницкий, и все, что с этим связано, — это начало тектонического сдвига, и среди прочего эта история учит нас одной важной вещи: когда мы смотрим на процессы возвышения и упадка империй, мы должны понимать, что роль в этом принадлежит не только тем или иным центрам, но большую роль играют периферийные элиты тех пограничных пространств, за которые идет борьба. И в этом смысле можно сказать, что Хмельницкий парадоксальным образом был одним из созидателей Российской империи. Он сдвинул этот баланс.

Касьянов. Ненадолго.

Миллер. Почему?

Касьянов. Потому что потом он пошел в сторону поляков, потом опять...

Миллер. Ну, в сторону поляков он уже сильно не пошел.

Касьянов. Во всяком случае, прецедент был создан...

Миллер. Ну, хорошо... Хмельницкий, его сын Юрий Хмельницкий, Иван Выговский... Ребята искали, где им лучше.

Касьянов. В очень сложной ситуации.

Миллер. Да. И у каждого были свои резоны. Они метались — а кто бы не метался на их месте? Но если граница влияния Москвы в 1648 г. проходит восточнее Смоленска, то уже в 50-е годы она простирается до Днепра.

И здесь можно уже перейти к другой фигуре, с другой историей — к Мазепе. С ним происходят гораздо более серьезные переломы нарратива. Понятно, что средний человек знает о Мазепе то, что он предал Петра и он нехороший человек. И этот образ был ключевым для интер-

претации Мазепы в российском нарративе. Он был черной фигурой, и, что любопытно, не только в российском нарративе, но и во взглядах малороссийского дворянства. Не случайно потом, когда начнется это украинское национальное движение — вторая половина XIX-го, начало XX века, его противники, в поисках обидной и уничижительной клички, назовут этих людей мазепинцами. Т.е. это такой архетипический предатель.

Конечно, уже и в XIX веке в романтический период возникают совершенно другие вещи: Мазепа становится романтическим любовником, героем мифа, и это для исторического сознания большого следа не оставило. Но потом в какой-то момент он становится героем украинского нарратива.

Касьянов. Да. Это происходит как раз в конце 80-х — начале 90-х годов, когда все, что связано с отделением и эмансипацией истории Украины, выходит в ряд харизматических явлений и фигур. И Мазепа, как человек, который внутри этого национального нарратива как борец за свободу Украины, становится одной из самых важных фигур украинского национального пантеона. В 1992, когда печатаются деньги, его портрет оказывается на деньгах...

Миллер. Сколько гривен у Мазепы?

Касьянов. 10. Но там не в номинале дело, а в хронологии. 1 и 2 гривны — это князья, 5 — Хмельницкий, дальше идет Мазепа. И в такой ипостаси его период правления представляется даже как некий золотой век. В каком-то смысле это так и было, потому что был период стабильности после очень серьезного упадка, так называемой «руины», — богатела элита, богатели города. Т.е. когда говорят о Мазепе как об успешном политике и человеке, который сумел наладить жизнь, и не только свою, это правда, но когда из него пытаются сделать человека эпохи национализма, это является некорректным подходом к истории, потому что он действовал в рамках все той же системы отношений сюзерен-вассал, и бунт его против Петра начался тогда, когда началась мобилизация всех ресурсов на Северную войну, высасывание ресурсов из владений Мазепы, и стало понятно, что он должен искать себе того сюзерена, который будет уважать его как вассала.

Миллер. Мне кажется, что более точно эту проблему Мазепы излагает Татьяна Таирова-Яковлева, которая сейчас опубликовала книгу в ЖЗЛ. Она специалист по Мазепе, разыскала его архив... Ее интерпретация такая, что как раз Мазепа бы смирился с тем, что во время войны качают ресурсы, он бы и отряды предоставил — в этом смысле он был совершенно лояльным вассалом Петра. Со своей стороны Петр был ло-

яльным сюзереном Мазепы, так как у них была договоренность, что если кто приезжает к Петру жаловаться на Мазепу, либо сам Петр отрубает ему голову, либо отдает его Мазепе. Так они и жили. Серьезные проблемы начинаются в связи с войной, но по двум другим причинам. Во-первых, после Нарвской битвы Петр понимает, что ему со шведами бороться силами прежней армии не приходится. Раз нужна новая армия, то значимость полков, которые может предоставить Мазепа, резко падает. Следовательно, падает и значимость самого Мазепы, и его лояльности. У Петра был план «почетной отставки» Мазепы. Он приготовил ему какой-то орден, чуть ли не собирався назначить его магистром Мальтийского ордена — что-то такое, очень почетное и ничего не значащее, что Мазепе уже не могло понравиться, потому что он имел гораздо больше. А дальше, если строго следовать букве того вассального соглашения, которое было заключено в Переяславле, Петр был обязан в случае войны защищать Мазепу. При этом, когда Карл стал готовиться к вторжению на эту территорию, Петр ясно объяснил, что никаких войск он туда не пошлет, потому что это не входило в его стратегические замыслы. То есть он отказался от своих обязательств сюзерена. И в этом смысле у Мазепы было полное право: «На меня идет армия, ты мне не помогаешь, давай-ка я с Карлом заключу сепаратное соглашение». За этим стояла еще надежда найти идеального сюзерена (в случае, если Карл победит), который далеко и не будет мешать жить. Но я сомневаюсь, что Мазепа руководствовался при этом какими-то идеями относительно украинской нации.

Касьянов. Можешь не сомневаться, он не руководствовался интересами некой украинской нации.

Миллер. И в этом смысле, очевидно, что этот черный миф Мазепы, равно как и «белый»...

Касьянов. Белый — это зеркало черного — отражение со всеми знаками наоборот, и оба фальшивые.

Миллер. Мы можем сказать, что для конца XIX и потом для XX века в этом мифе Мазепы с русской стороны он играет архетипическую роль украинца-предателя. Он ведь тоже претерпевает некую модернизацию, потому что когда националистов начинают называть «мазепинцами», то его произвели в националисты. Т.е. они предатели, а он — украинский националист. Его в националисты произвели противники украинского национализма.

Касьянов. Т.е., если развивать твою мысль дальше, то нынешние историки, которые представляют Мазепу как украинского националиста,

повторяют русских «имперцев», которые в свое время создали миф о Мазепе как о националисте.

Миллер. Безусловно. И главное – этот поиск конфликтного потенциала. Потому что есть, например, знаменитая в украинской истории «битва под Конотопом». Расскажи, о том, «как это делается».

Касьянов. Конотопская битва в советской историографии отсутствовала, поскольку явно нарушала концепцию «воссоединения», а потом в 1990-е годы она появилась как одно чуть ли не из центральных событий периода правления Выговского, т.е. того, что можно считать началом Руины. Событие небольшое и в рамках Московского царства, и гетманщины, но в рамках идеологии оно обретает масштабы чуть ли не одного из центральных событий, поражения России (когда корректно выражаются – поражения Московского царства), чуть ли не похода на Москву с ее последующим захватом, и т.д. Мы находим здесь по крайней мере два стандартных компонента героического военно-исторического мифа: победа малыми силами больших – якобы 150-тысячная московская армия более двух месяцев не может взять Конотоп, обороняемый лишь четырьмя тысячами казаков (они же украинцы), плюс особое военное искусство – разгром дворянской конницы.

Но самое забавное в этом – что уже в крайних интерпретациях, причем часто представленные профессиональными и квалифицированными историками, как, например, Юрий Мыщик, который является специалистом по XVII веку, правда, больше археографом, это представляется как украинско-российская война, в которой победила Украина. Куда, кстати, подевались татары, без которых победа под Конотопом не состоялась бы, а дальнейшие военные действия после битвы стали невозможны? Оказывается, под Конотопом сражались не казаки и орда против москвитов, а Украина против России... Государственные мероприятия по празднованию годовщины Конотопской битвы в Украине, по указу президента В. Ющенко проведенные, вызвали в июне 2008 г. очень нервную реакцию российского МИДа. Наверно не зря – хотя у российских дипломатов был, конечно, свой резон, который особенно не афишировался – 2008 год – пик дипломатической войны между Украиной и Россией «по вопросам истории» – правда битва то была в основном о Голодоморе.

Миллер. Давай будем называть вещи своими именами: человек, который пишет такое, в данном случае не выступает в роли профессионального историка, а только примитивного пропагандиста. Этот отец Мыщик – одна из самых одиозных фигур на украинском небосклоне на

сегодняшний день, бывший секретарь партийной организации, кажется, в Днепропетровском университете?

Касьянов. Я не знаю, но это человек, который в профессиональном сообществе нормально воспринимается как археограф, который умеет читать документы, и имеет на них нюх, но когда речь заходит об интерпретации, начинает говорить символами, лозунгами и т.д. Это явление, которое, как мне кажется, заслуживает отдельного исследования: как люди, когда они работают в рамках своей узкой специализации, выглядят вполне нормальными и адекватными, а когда они вдруг входят в поле некоего доминирующего нарратива, связанного с пропагандой и идеологией, начинают уже не говорить, а вещать, и притом — довольно примитивными лозунгами. Так осада Конотопа и последующий бой превращается в битву, а дальше — в войну между Россией и Украиной.

Миллер. Мыщик для меня представляется крайне одиозной и неприятной фигурой не столько потому, что он все время говорит подобные благоглупости, а потому, что он довольно активно играет роль такого инквизиционного попа, который одергивает и пытается призвать к порядку тех украинских историков, которые, по его мнению, недостаточно патриотично освещают те или иные события. Причем он в этом смысле достаточно архетипичный боец исторической политики, потому что всегда начинает рассуждения в стиле «Вы посмотрите, что они там рядом делают — в Польше или в России, а мы что же, будем разоружать себя перед ними!» И это меня в нем всегда раздражало.

Касьянов. Да. Есть и другие историки, не будем сейчас называть их фамилии, это нетрудно выяснить, которые добровольно берутся за такую пропаганду, — им никто этого не поручал, в государственной политике эта графа отсутствует, никто им не поручает делать то, другое или третье. Так и он взял на себя добровольно функцию охранителя национальной нравственности, национальных святынь... В этом смысле любопытно: на сайте Киево-Могилянской академии есть форум, на котором студенты обмениваются мнениями о профессорах. На этом форуме появилась цитата, которая якобы принадлежит профессору Мыщику, которую он якобы произнес на одной из лекций. Звучит она так: «Як шабля блисне, москаль в штани дрисне». И по этому поводу разгорелась целая полемика: хорошо или не хорошо такие вещи говорить на лекциях. Не знаю, закончилась ли эта полемика, но сам Юрий Мыщик в конце концов там выступил и сказал, что ничего подобного не говорил. Не знаю реальных обстоятельств этого дела, но тот факт, что такая полемика возникла и именно вокруг этого имени, мне кажется довольно симптоматичным.

Миллер. Возвращаясь к теме Конотопской битвы, Мазепы и т.д. Здесь существует явная асимметрия: именно в украинском случае мы имеем активную попытку мобилизации этого материала в качестве конфликтного.

Касьянов. Говоря об украинской стороне, нужно помнить, что речь идет не обо всех, а только о некой группе историков, общественных деятелей, политиков.

Миллер. Конечно. Мы говорим об официальной исторической политике. Потому что, например, можно говорить о политике памятников. Памятник Конотопской битве готовится или уже поставлен. Есть политика празднования: сначала была мысль на день Конотопской битвы, а теперь — на день боя под Крутами перенести День Защитника Отечества.

Касьянов. Тут еще нужно принимать во внимание значение личности. Потому что такие вещи происходят во времена президентства конкретной личности.

Миллер. Да, я всегда это подчеркиваю. Дальше, идея постановки памятника Карлу XII и Мазепе в Полтаве для празднования Полтавской битвы. Тут еще что важно: памятник Мазепе как строителю церквей, семинарий и коллегий — вполне адекватная вещь.

Касьянов. Конечно. Я скажу так: памятник Мазепе как союзнику Карла XII — тоже вполне адекватная вещь, если абстрагироваться от политической конъюнктуры.

Миллер. Мне кажется, мы уже имеем вполне выработанные механизмы памяти того, например, если есть какая-то битва, что с этим можно делать. В этой битве погибло много людей — поставьте памятник шведским солдатам, русским солдатам, казакам, пусть они там вместе лежат... Такие памятники существуют. Понятно, что когда вопрос встает о том, а кто должен был победить, что история была устроена неправильно, что победить должен был другой, — тогда нужен памятник Карлу и Мазепе.

Касьянов. Мы не можем надеяться, что не будет происходить национализации истории, — она происходит, и с этим ничего не поделаешь. Но даже в рамках этой национализации и украинского нарратива в каждом конкретном случае есть «иные», «другие», но это не обязательно образ врага. А здесь как раз важен образ врага. Потому что когда речь идет о времени Петра, то в украинском национальном нарративе Петр играет роль душителя украинской автономии, потому что при нем был убит Батурин, была разрушена автономия украинской церкви, как утверждают, был запрещен в первый раз «украинский язык», что с точ-

ки зрения науки, а не пропаганды, уже смешно. Т.е. Петр Первый в рамках этого националистического нарратива прочно угнездилился как душитель украинства, поэтому все, что связано с его именем, в том числе, и Полтавская битва, при возрождении этого нарратива в современных условиях немедленно маркируется как образ врага. Петр Первый плохой: он душил государственность, душил церковь, запретил язык, он на костях казаков построил Петербург. Вот этим круг замыкается — и дальше уже любые другие интерпретации становятся ненужными.

Миллер. Опять же, мы видим, как достаточно сложная, безусловно, конфликтная ткань с разными интересами, где не обязательно, чтобы одна сторона была права, а другая — неправа, где у каждой стороны есть своя правда, трансформируется в борьбу добра со злом. Вместо поиска форм, в том числе, воспеваний и пестований украинскости, которые не завязаны на одновременной эксплуатации образа врага, каковых этот материал предлагает массу, акцент делается именно на тех моментах и их интерпретациях, которые описывают украинскость и борьбу за украинскость как череду неизбежного противостояния с русским.

Касьянов. Тогда я бы попросил тебя прокомментировать и обратную сторону: как в российском нарративе — неоимперском или неогосударственническом — интерпретируется «предатель» Мазепа, анархичные казаки, которые ищут, куда прислониться...

Миллер. Казаки, которые ищут, куда прислониться, — в некотором смысле, это правда. Мазепу в церквях до сих пор анафеме предают, и это при очередных приступах борьбы с украинскими «переписывателями истории» показывают на главном телевизионном госканале. Так что инерция сильна... А книга о Мазепе...

Касьянов. Ты говоришь о книге Тани Яковлевой, но она написана все-таки с большой симпатией к Мазепе и выходит за рамки стандарта.

Миллер. Мы здесь должны понимать, что позднесоветский или раннероссийский период были в этом смысле хуже, потому что та же Яковлева не могла защитить свою кандидатскую диссертацию в Петербурге, она уехала защищать ее в Киев. А свою докторскую диссертацию она защищала уже в Петербурге.

Касьянов. В Москве.

Миллер. Разве? По-моему, в Петербурге. Она заведует в Петербурге кафедрой украинистики, публикует свой архив Мазепы, публикует книжку о Мазепе в серии ЖЗЛ, и я бы сказал, что здесь как раз применительно к этому периоду картина очень несимметрична. Применительно к Бандере или голодомору это не так.

Касьянов. Ты хочешь сказать, что Яковлева, ее кафедра и ее книжка — это все укладывается в мейнстрим?

Миллер. Да. Ну, все-таки, Петербургский университет — это второй университет страны. Здесь важны индивидуальности. Потому что один центр украинистики в Москве, и там его двигателем является Дмитриев, а другой — в Петербурге, и там — она.

Касьянов. Т.е. в любом случае персоналии играют важную роль.

Миллер. В том-то и дело — получается, что у Яковлевой скорее филоукраинство, а Дмитриев иногда, и в последнее время, к сожалению, довольно часто, встает в шеренги российских борцов исторической политики. Это индивидуальный выбор.

Касьянов. Но оба продвигают идею научного исследования Украины.

Миллер. Конечно. Не случайно первый грант, который получил Дмитриев для своего центра, был украинским. И если бы он продолжал заниматься XVII-м веком, украинская сторона могла бы радостно финансировать его и дальше. А поскольку он, не зная броду, порой лезет в XIX-й, а теперь и в XX-й век, то часто попадает впросак. Это не потому, что российская сторона лучше украинской, но здесь как раз тот случай — именно этот период — когда симметрии нет. Эта тематика не является активно эксплуатируемой в России.

Касьянов. Но я бы не стал утверждать, что в научном смысле симметрии нет, потому что в Украине есть исследования, которые выходят за рамки классического национального нарратива и подают пример научной взвешенности.

Миллер. В этом-то смысле есть научность, кто же спорит! Я имею в виду, что активность эксплуатации этого периода в духе исторической политики в Украине гораздо выше, чем в России.

4. Между Гражданской и Второй мировой

Алексей Миллер. Я думаю, что сегодня мы поговорим о межвоенном периоде, и для этого мы довольно условно вводим границу, говоря о времени после Рижского мира между Советской Россией и Польшей в 1920 году. Очевидно, что самая первая тема, которая возникает, — это то, что по Рижскому договору Украина и Белоруссия, в том виде, в котором мы их теперь знаем, были разделены между Советской Россией и Польшей, и это в некотором смысле с предельной остротой подчеркнуло ключевую тему в истории этого региона, а именно — пограничный характер этих земель, и то, что они всегда были объектом борьбы раз-

личных сил. Конечно, самое главное событие начала 20-х годов – это создание СССР. Элиты, которые представляют украинскую коммунистическую партию, довольно активны в этом процессе.

Георгий Касьянов. Лучше сказать «Коммунистическую Партию (большевиков) Украины».

М. Хорошо. Потому что очень часто в рассказе об истории у нас есть русские – белые, украинцы – петлюровцы, националисты, и большевики, у которых нет национальности, как будто они китайцы. Т.е., китайцы там тоже были, но, конечно, среди большевиков были и русские люди, и люди, определявшие свою идентичность как украинскую, хотя их, наверное, трудно назвать украинскими националистами. Главная фигура на тот момент – это Фрунзе, который, конечно, не украинец в этническом смысле, но который очень ясно озвучивает стремление коммунистической партии большевиков Украины получить как можно больше автономии в рамках этого образования. Тут очень важно понимать, что это не плод украинского национализма, а логичный элемент поведения любой национальной элиты: как можно больше автономии от центра. Для Украины потом будет иметь огромное значение та идейная и национальная рамка, в которой был создан СССР. Это рамка дурного компромисса между ленинским и сталинским подходом, потому что Сталин хотел, чтобы все входили в состав РФ на правах автономии, а Ленин хотел союза республик, и в этом смысле можно сказать, что по форме победил подход Ленина, а по существу, в практической политике – Сталина.

К. В последующей практической политике после образования СССР.

М. Да, ну понятно, что СССР образовывается в декабре 1922 года, Ленин после этого уже фактически не функционирует.

К. Это номинальный акт, а его содержательное наполнение осуществляется уже в последующее десятилетие.

М. И там происходит много противоречий между формой и содержанием. Но для Украины очень важно, что она была конституирована как формально независимая республика. Следующая большая тема, которая очень по-разному интерпретируется, в т.ч., на Украине, – это тема коренизации. Я предлагаю тебе прокомментировать, как это выглядит в современном украинском нарративе, а потом мы это обсудим.

К. Сначала комментарий по поводу украинских коммунистов. Речь идет о КП(б)У – коммунистической партии (большевиков) Украины – и нужно учитывать, что на момент образования СССР она уже не имела той степени автономности и самостоятельности, на которую претен-

довала раньше, т.е., она была гораздо больше подчинена ВКП(б), но очень важный момент – что это не единственная левая партия в Украине на тот момент, ей очень не хватало в период гражданской войны «националов», местных людей. А местные коммунисты (или просто левые) сосредотачивались в других партиях, в частности, была украинская коммунистическая партия, которая существовала до 1924 года, и были так называемые боротьбисты – те, кто откололись от эсеров, и именно они претендовали на то, что они коммунистическая партия. Именно они и представляли национальный элемент в Украине и именно они, влившись в начале 20-х годов в КП (б) У, усилили «местный» элемент, что было для тех очень важно, потому что именно эта часть украинских коммунистов, левых, стала главным промоутером того, что называется коренизацией. Они осуществляли связь с местным населением. Именно эта сила добивалась серьезных национальных прав для Украины и для этнических украинцев, и именно они выступали двигателем для того, что можно было бы назвать национал-коммунизмом. И я думаю, что при образовании СССР и при выяснении статуса республик роль этих сил была очень важна, потому что это был сильный союзник для коммунистов «центра» в Украине. Потому что сами по себе коммунисты «центра» – я имею в виду российских большевиков – конечно, не были популярными: достаточно вспомнить выборы в Учредительное собрание и так называемые «три советских власти в Украине», когда в течение 1918-20 годов Советская власть, каждый раз приходя, достаточно быстро оказывалась под серьезнейшей угрозой в связи с полной несопоставимостью с «местными условиями» (в смысле социально-политических амбиций) и своеобразной «национальной глухотой». Теперь, когда был создан СССР, и возникла проблема единства, напрямую связанного с лояльностью местных республиканских элит к центру, которому они делегировали определенные полномочия (но и за ними оставались тоже серьезные полномочия на местном уровне), и когда возникла эта проблема распределении власти, именно тогда, буквально на следующий – 1923-й – год происходит 12-й съезд общей партии большевиков, которая, по-моему, пока еще называется Российской коммунистическая партия (большевиков). Она переименуется во всесоюзную в 1925 г., и на этом съезде *российской* партии принимается решение о коренизации, которое направлено на то, чтобы усилить влияние пока еще проектируемого всесоюзного центра на регионы и усилить влияние большевиков в республиках через целый комплекс мер, который называется коренизацией. По аналогии с нэпом это новая национальная политика.

Как это трактуется сейчас, после 1991 года, в Украине? В плане событийном понятно, что коренизация называется украинизацией, и она имеет две ипостаси. Первая – это украинизация государственного аппарата и партии, кадров, т.е., речь идет о двух составляющих: о наполнении этого партийного аппарата этническими украинцами, и о переходе этого аппарата на украинский язык. И вторая часть – это так называемая культурная украинизация, т.е., реализация прав украинского языка как государственного, переход образовательной системы, газет, журналов на украинский язык, переход науки на украинский язык. Возвращение знаковых культурных и научных деятелей из эмиграции. Как трактуются эти два процесса сейчас. Мейнстрим выглядит так: в 1917-21 годах была украинская революция, она пробудила массовое украинское самосознание, значительно укрепилась национальная украинская идентичность, широкие народные массы – крестьянство и интеллигенция – почувствовали себя украинцами. Украинская Народная Республика погибла, но национальное самосознание осталось, и для того, чтобы с ним справиться, большевики придумали коренизацию и украинизацию как уступку национальному чувству и всплеску национального движения в Украине. Эта уступка трактуется как тактический шаг – своего образа «культурный НЭП», временное отступление. И речь идет о двух линиях: о бюрократической украинизации, которая является именно уступкой и желанием оседлать местные элиты. Культурная часть, которая является продолжением тенденции украинской национальной революции; она украинским национальным движением называется также и украинским возрождением, потому что с периодом 20-х – начала 30-х гг. связан еще и всплеск украинской национальной культуры, который действительно имел место. Причем городской национальной культуры, не сельской, а урбанизированной – театр, кино и т.д. Вот в таких общих канонах трактуется украинизация и коренизация – как уступка национальному движению, с одной стороны, а с другой – как попытка сбалансировать эту уступку укреплением государственного бюрократического партийного аппарата в Украине и его приспособлением к местной национально-культурной специфике. И дальше, когда доходит до конца 20-х – начала 30-х гг., и когда речь заходит о сворачивании украинизации, то трактуется это так, что украинизация зашла слишком далеко. Она привела к тому, что местные культурные и политические партийные элиты стали предъявлять чрезмерные требования центральной власти и вошли в конфликт с тенденциями центральной власти к унификации и кодификации. В связи с этим конфликт был разрешен естественным для этого общества путем, т.е. насилием: репрессиями на-

циональными – интеллигенции – и репрессиями партийными – советской интеллигенции, которая якобы исповедовала идеалы национал-коммунизма.

М. Т.е. первая реакция, которая напрашивается, – это поставить под сомнение интерпретации уступки в том смысле, что это была уступка силе прежнего украинского национализма, потому что в ком этот прежний украинский национализм вживую воплощается? В тех людях, которых условно можно назвать петлюровцами. А никаких уступок этим людям нет, их уничтожают, они спасаются только в Польше и, в общем-то, их срезают под корень. В этом смысле такая интерпретация – очень плоская и неверная по сути. Здесь мне бы казалось важным отметить несколько вещей. Во-первых, если мы ищем, на что опереться в историографии, то нам нужно посмотреть на книжку Терри Матрина «The Affirmative Action Empire» (т.е. «Империя положительной дискриминации»), в которой он хорошо показывает, что это была не уступка каким-то конкретным движениям и их силе, а концептуальная вещь – коренизация, которая проводилась и там, где сильного национального движения не было, в том числе, в соседней Белоруссии. Идея была такая, что национализм следует использовать как инструмент, т.е., что не следует входить в сильную конфронтацию, а нужно его одомашнить и поставить на службу советской власти, «задушив в объятиях». А специфика украинского и белорусского случаев по сравнению с коренизацией в Средней Азии заключается в том, что происходит демонтаж ключевого элемента общерусского национализма, концепции триединой русской нации, объединяющей великорусов, малорусов и белорусов. Эта концепция составляла стержень в понимании, что такое русская нация и к чему нужно стремиться в конце XIX и начале XX века, и это предполагало отрицание украинскости и белорусскости как отдельных национальных организмов. А большевики в определенном смысле совершают революционный шаг: они перечеркивают этот русский национализм и во многом демонтируют его достижения, оценить которые, на самом деле, очень сложно: до какой степени были русифицированы белорусские и украинские города – довольно сложный вопрос. В Белоруссии вообще очень хорошо видно, что к ней прирезают крупные территории (например, Витебскую область), которые уже к тому моменту были несколько русифицированы, что там местные люди активно протестовали против того, чтобы их присоединяли к Белоруссии, потому что раньше они были в составе РСФСР.

И это выводит нас на другую тему: политика большевиков здесь определялась в большой степени тем, что потом один украинский ком-

мунист – Мыкола Скрыпник – назовет Пьемонтским принципом. Т.е. это проведение такой политики в Белоруссии и особенно в Украине, которая позволяла бы проецировать влияние на восточные регионы Польши, потому что Рижский мир не означал конец борьбы, а только фиксацию баланса сил на определенный момент. Понятно, что обе стороны – и Москва, и Варшава – этот баланс сил собирались менять. В этом смысле очень важную роль в коренизации играет то, что Украина будет таким выставочным окном, где мы покажем, как хорошо в СССР, и таким образом привлечем на свою сторону тех украинцев, которые живут в Польше. Еще одним важным моментом было то, что когда мы говорим об украинизации, сразу возникают нюансы, потому что когда при Скоропадском организуется Украинская Академия Наук, то мы знаем, что в этом заняты две фигуры, которые друг друга люто ненавидят: Грушевский и Вернадский. Скоропадский при этом, что очень любопытно, поддерживает Вернадского, концепция которого заключается в том, что украинские научные учреждения должны возникать рядом с русскими, а не вместо русских. А концепция Грушевского заключается в том, что они должны их замещать. Это концепция не была популярна у Скоропадского, что говорит нам кое-что и о нем самом. Но особенно важно, что большевики выбрали концепцию Грушевского и начали замещать русские учреждения, и происходит украинизация, в том числе, и высшей школы. При этом они все время чувствуют, что этот процесс идет странно, и это отчасти отражается в дисциплинарной (но не репрессивной!) тактике большевиков. Потому что если мы посмотрим на то, как большевики наказывают большевиков же, которые считают эту линию на украинизацию неверной, то мы обнаружим, что их наказывают путем отзыва с Украины, а не путем посадки, разжалования или исключения из партии. Их просто отзывают в Центральный Аппарат. Т.е. в некотором смысле: да, ты можешь быть с этим не согласен; это не является преступлением против линии партии. Т.е. они с самого начала ощущали некую проблематичность того, то они делают. Но в целом нужно понять: то, что можно назвать мощным взрывом распространения украинскости в 20-е годы, – это плод деятельности Советской власти. Это очень важно, потому что рассказывать этот украинский нарратив, при этом говоря, что советская власть гнобила и т.д., – не выходит.

Другой важный момент – когда мы говорим о украинскости в 20-е годы, нужно понимать, что она не воспринимает себя как продолжатель украинскости Грушевского и периода Гражданской войны. Потому что очень хорошо известно: когда в 1924 году Грушевский вернулся в Украину – и это было в некотором смысле символической победой со-

ветской власти, это означало, что советская тактика работает, – неожиданно оказалось, что эта молодая поросль украинских большевиков, марксистов и т.д., совершенно не воспринимает его как патрона и уважаемого человека, а, наоборот, набрасывается на него с критикой.

К. Нужно прокомментировать несколько важных моментов. Прежде всего, уступка национальным стремлениям не является главным, основополагающим элементом украинизации. Конечно в рамках стандартного стереотипа национализируемой истории, который возник в 90-е годы, идея украинизации как уступки, в общем, является нормальной, естественной и понятной. Если выйти за ее пределы, то какой-то элемент уступки, конечно, был, но он не был главным.

М. Он не был решающим, это была концептуальная вещь – коренизация, не уступка силе существующего на тот момент национализма, а стремление национализм как потенциальную силу приручить.

К. Если говорить об уступке, получается, что эта уступка делалась Украинской Народной Республике, которая была для большевиков врагом, которую потом они трактовали как буржуазно-националистическую. Хотя, по сути, она была близка разным левым течениям, в том числе, и эсерам, и коммунистам, может быть, но не большевикам. Стоит предположить, что украинизация направлялась не только на то, чтобы противопоставить коммунизм национализму, но и против другого врага, о чем мы скажем позже. Совсем элемент уступки в украинизации мы не отбрасываем, но понимаем, что он не является главным. Второй очень важный нюанс – то, что касается идеи пограничности территории. Ведь Украина 20-х годов – об этом очень часто забываем – это очень большая пограничная территория. Река Збруч была очень важна, это не только географическое понятие, но и символ; и многие области современной Украины – центра и юга – были пограничными в то время – до 1939-го года. Только потом они стали областями Центральной Украины, а тогда это была «Западная Украина», это очень важно помнить. Киев не был столицей, это тоже важный нюанс, столица была в Харькове. Так вот, когда мы говорим об этой пограничности и обращаемся к тезису Скрипника о Пьемонтском принципе, переходим границу и подходим к роли Галичины и ее роли в том, что называется украинизацией, то здесь возникают чрезвычайно интересные вещи. Например, участие галичан в украинизации в Украине, достаточно вспомнить проект Скрипника о ввозе тысяч учителей из Галичины в украинские школы в 20-е годы, состоявшийся факт репатриации солдат Украинской Галицкой Армии...

М. Извини, перебыю. Ты сказал очень важную вещь по поводу учителей, я бы хотел на этом остановиться, потом продолжим о Восточной Галиции. Потому что очень важная вещь, которая происходит в 20-е годы, и которая вступает в конфликт с доминирующей украинской трактовкой, – это ликвидация безграмотности. Что было ключевым вопросом в борьбе империи и русского национализма с нарождающимся украинским национализмом во второй половине XIX – начале XX века? Это вопрос о том, на каком языке произойдет ликвидация безграмотности. И он является решающим в процессе формирования нации. Пока основная масса крестьян остается неграмотной, у них есть свои нарративы и память, которые транслируются через сообщества или семью, – но это именно локальные нарративы, там нет ничего национального. А школа с первого момента, когда открываешь букварь, выступает как очень мощный инструмент индоктринации детей – даже в самом процессе обучения чтению. И то, какой язык становится базой для этого, очень важно. И когда ты говоришь об этом проекте Скрипника импортировать украинских учителей, это четко подчеркивает идеологическую заданность большевистской политики. Потому что в украинском нарративе это трактуется так: раз большевики хотели ликвидировать неграмотность, то им надо было использовать силу украинской интеллигенции. А этих сил было недостаточно. Если мы говорим о том, что город был русифицирован, то в некотором смысле ликвидировать безграмотность в Украине легче было по-русски – кадры для этого были. Это очень важная историческая развилка: когда реально перешли к ликвидации безграмотности, большевики сделали это на украинском, испытывая огромные организационные трудности; проще это было сделать на русском. Поэтому в некотором смысле большевики внесли очень серьезный вклад в формирование украинской нации. Мне кажется, что это очень важно, потому что дальнейшая корректировка исторических нарративов и идентичности, после того, как в обществе произошла ликвидация безграмотности, – заметно более сложная задача, чем корректировка идентичности в крестьянском обществе неграмотных. В этом плане даже после Первой Мировой и Гражданских войн, которые оказали очень мощное воздействие, но об этом мы поговорим в другой раз, это в очень большой степени была этнографическая масса, с которой нужно было работать, и большевики здесь по своим соображениям сделали ставку на украинский проект.

К. Мы сойдемся на тезисе о большевиках как о самых больших украинских националистах в 20-е годы...

М. Люди не видят наших улыбок, поэтому не стоит этого говорить...

К. Я вернусь к этому тезису о внешнеполитическом измерении украинизации, важности присутствия в политике украинизации виртуального присутствия Восточной Галичины.

М. И Волыни, потому что Волынь – это не Галичина, она была в составе Российской империи.

К. Да, то, что объединяется под общим названием западноукраинских земель, и обращаю внимание на то, что эти воображаемые территории как-то идеально совпали с реальными, которые после 1 сентября 1939 года вошли в состав СССР. (Это тонкий намек на толстые обстоятельства). Т.е. проект «Большой Украины» явно присутствовал в воображении большевиков...

М. Потому что в Польше эти территории не считаются украинскими – это Польша!

К. Когда мы говорим о Второй Речи Посполитой, это, конечно, Польша, но в данном случае...

М. Но я именно это имею в виду.

К. В данном случае весьма симптоматично обращение именно украинских большевиков к теме западно-украинских земель: именно они были заинтересованы в поддержке левого движения и националистических движений в западных землях...

М. Но они все это делали не вопреки Москве.

К. А я и не говорю, что вопреки. Я говорю о том, что это именно украинские коммунисты делали. Дальше эта постоянная духовная, политическая и культурная связь с западно-украинскими землями очень важна для понимания украинизации и коренизации. К сожалению, это присутствует в доминирующем традиционном национальном нарративе только как связь с этническими собратьями, но никак не экстраполируется на политику, на геополитику и на геополитические замыслы. Это первое: украинизация, коренизация, западно-украинские земли – и их роль в этом процессе. Второй важный момент – это российское, русское измерение: русскоязычные и русскокультурные города в новом советском государстве. Они русскоязычные и русскокультурные в самом неприемлемом для большевиков смысле. А именно, носителями доминантной русской культуры являются те классы и социальные группы, которые враждебны большевикам, – как в Москве, так и в Харькове. Значит, они являются одной из главных конкурирующих групп. Построение государства для большевиков как в 20-е, так и в 30-е годы – это в первую очередь построение бюрократического аппарата, образовательная система...

М. Перед тем, как ты к этому перейдешь, добавлю коротко одну картинку, яркую, на мой взгляд. Был такой знаменитый русский националист Шульгин, который, естественно, уехал в эмиграцию, и ему, естественно, люто не нравилось (а он жил в Киеве до революции и издавал там антиукраинскую газету) то, что делают большевики в Украине. И он в какой-то момент нелегально приезжает в СССР, в Киев, сидит на Андреевском спуске и слушает речь проходящих мимо людей. И пишет в своих мемуарах примерно так: «Не смогли сволочи-большевики вытравить русскую культуру. Идет парень, что-то девочке нашептывает по-русски. Люди разговаривают по-русски!» Существует эта огромная русская эмиграция – в Праге, в Софии, которая отчаянно пытается защищать уже проигранные и разрушенные большевиками позиции, а потом постепенно она пытается переформулировать это и предложить концепцию братства разных частей, но все равно чего-то единого.

К. Давай вспомним о Новом Сменовеховстве – это тоже очень важно и больше русское явление, чем украинское, когда часть эмигрантства узрела в политике большевиков все-таки восстановление империи.

М. Это позже.

К. Но это в 20-х годах.

М. Да, но, например, такие люди, как знаменитый Трубецкой, – у него есть знаменитая переписка с Дорошенко, где он пытается доказать здравую идею, хотя несколько ее перегибает, что русская культура в XVIII и XIX веке есть плод совместного творчества малорусских и великорусских элит, причем малорусская играет, как утверждает Трубецкой, ведущую роль. Т.е. они пытаются хотя бы в эмиграции построить мостки и в чем-то договориться с украинцами. И украинцы очень не хотят с ними разговаривать.

К. Ну, они пытаются договориться, в основном, в Праге, там были и некоторые внешние раздражители, в частности, политика Масарика по отношению как к русской, так и к украинской интеллигенции, весьма позитивная. А я вернусь к тому, на чем я остановился, а именно – к еще одному, очень важному, измерению украинизации, которое игнорируется в доминантном национальном, официальном нарративе. Речь идет об антирусской, антиурбанной, антиклассовой направленности украинизации. Носители великорусского шовинизма – или русотяпства, если речь шла о чиновниках – это очень важный объект украинизации: фактически, сформировался классовый союзник против очень мощного элемента в городах, буржуазного и мелкобуржуазного элемента, если выражаться языком большевиков, а также чиновнического, который был скрытым или явным оппонентом большевиков. В данном

случае, как это ни парадоксально, украинский националистический элемент, и не только в его коммунистической ипостаси, выступал союзником московских центральных большевиков в борьбе с великорусским шовинизмом в Украине. Причем этот великорусский шовинизм для большевиков имел измерение отнюдь не этническое, а социально-политическое. Его носителями являлись «классово чуждые элементы», которые нужно было нейтрализовать или уничтожить. Когда мы говорим о знаменитом «философском пароходе» – 1922 год, – если посмотреть на состав того, кого изгнали, – это в основном русские фамилии. Если мы говорим о серьезном изменении в составе профессуры – напомним, что университеты в УССР были ликвидированы в 20-е годы, и они были ликвидированы именно как оплоты русскоязычной профессуры и «классово чуждых элементов». Я хочу напомнить, что политические процессы против интеллигенции в 20-е годы – это в значительной степени процессы против русской интеллигенции. Шахтинское дело – процесс против технической интеллигенции, которая тотально была русскоязычной, русской по определению, и это очень важное измерение в украинизации – антирусский элемент, который является не этническим элементом, а социальным и политическим. И здесь, как я уже сказал, этот аспект игнорируется, а, мне кажется, он очень важен для понимания того, что такое украинизация в ее коммунистическом измерении.

М. Т.е. если специально полемически заострить, то успех украинизации во многом связан с большевистским террором против классово чуждых русских элементов. В этом смысле мы можем сказать, что первой жертвой являются украинские националисты петлюровского толка и русские элементы на Украине, и только потом придет очередь этих чисток, посадок новой левой украинской интеллигенции.

К. Я хотел бы подчеркнуть: когда речь идет о украинских националистах «петлюровского толка» – почему их было важно иметь для большевиков как врагов? – прежде всего, потому что здесь речь шла не о национальном измерении, а они выбивали других левых и тех левых, которые ориентировались на классово чуждые слои населения: на крестьянство, на то, что большевики называли мелкобуржуазным элементом, на то, что по этническим признакам совпадает с украинцами. Т.е. самое парадоксальное здесь: для них важным было не то, что они этнические, а то, что они совпадают с классово чуждыми элементами. А национальный аспект используется просто как риторика борьбы против национализма и своеобразная дымовая завеса.

М. Ну, я бы так далеко не шел. Эти вещи всегда переплетались, и это не просто дымовая завеса в чистом виде. Просто-напросто это был неподконтрольный им украинский национализм, а им нужен был подконтрольный. Но, конечно, ты совершенно прав в том, что большевикам другие левые были не нужны, и это очень важный мотив. И в этом смысле, если переходить к международному контексту, очень важен 1926 год. Ведь после советско-польской войны Пилсудского от власти отстранили. В Польше он великая фигура, но при этом власти не имеет, возвращается к власти после 1926 года при помощи военного переворота. Он сменяет коррумпированную власть конституционных демократов, которые исходят из того, что Рижский мир зафиксировал границу между Польшей и СССР, желательно раз и навсегда. Т.е. они заведомо не хотят сдвигать ее дальше на восток.

Приход к власти Пилсудского все меняет, потому что он представляет Ягеллонскую линию польской политики, стремившую сдвинуть границы Речи Посполитой как можно дальше на восток, поскольку такая восточная политика мыслилась скорее в имперских, чем в националистических категориях. Пилсудский активизирует борьбу за влияние на Советскую Украину, начиная так называемую прометеевскую акцию. Это очень хорошо финансируемая, хорошо организованная акция польских спецслужб, которая пытается создать агентурные сети и сферу влияния в Украине, Грузии и других местах, но нас сейчас интересует Украина, с идеей, что в какой-то момент можно будет поднять, условно говоря, украинское восстание против Советов. Что здесь важно: Пилсудский приходит к власти в 20-е годы – и вдруг оказывается, что оружие, которое большевики хотели применять против Польши, – Пьемонтский принцип («мы будем демонстративно хорошо обходиться с украинскостью, подрывая таким образом ваше польское господство в Восточной Галиции и на Волыни»). И вдруг оказалось, что это оружие можно обратить и в прямо противоположную сторону. Пилсудский начинает свой знаменитый Волынский эксперимент. И это поразительно схоже с советской практикой, когда он, с одной стороны, дает намного больше свободы украинскому элементу, начинает украинские школы и т.д., и одновременно давит тех украинских националистов и те украинские организации, которые не находятся под его контролем. Я бы подчеркнул только одно отличие: «давить» в польском варианте в самом худшем случае могло означать «посадить в тюрьму после суда». Мы можем сказать, что к этому суду могли быть претензии, но эти претензии заведомо меньше, чем к Сталинской тройке.

К. Ну, тройка – это уже тридцатые годы. В Украине в 20-е – это все-таки суды, показательные.

М. Да. Но что здесь важно: все-таки из Советской Украины после суда часто отправляются на расстрел. Не в 20-е годы, позже. В Польше людей так легко не убивали. Это принципиальная вещь, не будем забывать, что если мы пытаемся найти какой-то базовый инструмент измерения и оценки, то это то, насколько легко и наплевательски относились к человеческой жизни. Советы, особенно в 30-е годы, относились к ней наплевательски. При польском авторитарном режиме это не так. Итак, Пилсудский начинает прометеевскую акцию, которая состоит из двух элементов: сделать жизнь на Волыни, которая вдвинута в советскую Украину, приемлемой и привлекательной для украинцев. Т.е., это эксперимент заметно более скромного, чем в советском варианте, поощрения и одомашнивания украинства. А с другой стороны – это попытка воздействовать на Украину. Там действительно создаются из местных поляков и из украинских националистов агентурные сети, туда действительно идет массовая засылка пропаганды: воздушные шарикопускают с листовками, и т.д.

К. Я хотел задать вопрос: когда мы говорим о прометеевской акции, об агентурных сетях, то не создается ли у тебя впечатление, что результаты и объем этой акции и ее эффективность несколько преувеличиваются исследователями? У меня, поскольку я работал с архивами 20-30-х годов, в том числе, и с документами, имеющими отношение к ГПУ, нет впечатления, что эта акция была эффективной. Когда я читаю книги людей, пишущих об этом (Т. Снайдер), в тексте доходит до называния фамилий агентов, которые присутствовали там. В данном случае – о каких сетях идет речь? Это отдельные люди, которым удавалось проникнуть, но не десятки и не сотни агентов и завербованных. Мне кажется, что в данном случае это подыгрывание тому, на что рассчитывали репрессивные структуры Советского Союза, когда они всячески раздували идею о том, что здесь присутствуют разветвленные структуры: польские, немецкие и т.д. – и под этим предлогом устраивались массовые репрессии.

М. Здесь есть два момента. Первый, самый поверхностный: у того, что ты говоришь, с идеологией прометеевской акции нет принципиального конфликта: если хочешь, идея о том, что люди на той стороне страдают, потому что они находятся в каком-то контакте с польскими спецслужбами, не принося никакой реальной пользы, просто доставляя какую-то информацию, просто с кем-то о чем-то поговорив, что-то

передав – в некотором смысле это никак не вступало в конфликт с прометеевскими планами. Если хочешь, репрессия против украинства со стороны Советов – это же очень хорошо с их точки зрения, потому что это отчуждает украинцев от Советов.

К. А репрессии против поляков?

М. Хуже, конечно. Но у меня есть ощущение, что, может быть, они не представляли себе, насколько советский режим может быть жестоким. Вот польские офицеры, которых Советы расстреляли в 1940 в Катыни и других местах, – они отказывались сотрудничать с советской властью, но большинство, отказываясь, не понимало, что обрекает себя на смерть. То есть они жестокость Советов явно недооценивали. Если мы отвлечемся от нашего сюжета, то Катынь, не была, как сейчас кое-кто в Польше утверждает, актом геноцида. Там были другие механизмы, что не делает это менее отвратительным преступлением. Но у нас есть стопроцентный акт геноцида против этнических поляков в СССР – это репрессии 1937-го года в Ленинграде, когда ровно и только по тому принципу, что люди были поляками, было арестовано без малого 120 тыс. человек только в одном городе, и 90 процентов из этих людей были расстреляны в течение трех месяцев после ареста!

К. 90 процентов – это больше ста тысяч?

М. Да. Видишь, даже тебя это удивляет. Это так и называлось – «польская акция». Это все опубликовано, кстати, в России. Поляки очень долго не обращали на это внимание.

К. Но это больше, чем Катынь.

М. Заметно больше. Это, кстати, свидетельствует о том, как устроен механизм исторической памяти и политики. Почему эта история долгое время не интересовала поляков? Потому что жертвы были советскими гражданами. А им была важна Катынь, потому что это были польские граждане. Потому что по поводу советских граждан польского происхождения предъявить претензии России нельзя.

К. Может быть, они просто не знали об этом?

М. Знали они прекрасно, это все опубликовано. Но по этому поводу нельзя предъявить современной России никаких претензий. Так устроены юридические механизмы. Были уничтожены советские граждане, и Польша к этому не имеет никакого отношения. А вот уничтоженные польские граждане – значит, это был геноцид. А геноцид был в Советском Союзе, но не там и не тогда. Другая очень важная тема, которая здесь возникает, – это «что это значит: признать, что были довольно большие, разветвленные, пусть не очень опасные и эффективные, прометеевские сети».

К. Когда ты говоришь о сетях, сразу возникает ощущение чего-то масштабного.

М. 20 человек – это уже сеть.

К. Для всей Украины – это не сеть. Потом, если это агенты – это одно, если просто информанты – совсем другое. Если это люди, случайно давшие информацию и зафиксированные как информаторы, – это третье.

М. Для нас в данном контексте важно подчеркнуть другую вещь: наличие этих сетей, даже если брать по максимуму, пусть это будет даже пара сотен человек, борьба с такой сетью никак не может служить оправданием сталинских репрессий. Это очень важная вещь.

К. Давай мы не будем трогать этот аспект, потому что само слово «оправдание» вовлекает некие моральные коннотации, которые не должны нас интересовать.

М. Не совсем, потому что в современном российском нарративе очень важно: это разные ухищрения с попытками именно оправдать.

К. Хорошо, тогда я снимаю это замечание.

М. И оправдать каким образом – когда мы говорим о голодоморе, что «если бы не было коллективизации, то жертв было бы еще больше». Т.е. от противного. Или вот польские агенты: были же они, значит, надо было с ними бороться. Боролись как умели.

К. Лес рубят, щепки летят.

М. Когда смотришь на цифры: могли ли быть среди ленинградских поляков люди, связанные, или даже, возьмем самым широким образом, люди, готовые помочь какому-нибудь польскому шпиону, если он к ним придет? Конечно, были. Мы можем этим оправдать, что 100.000 человек в течение недели арестовали, а в течение трех месяцев поставили к стенке? Заведомо нет. Так или иначе, возвращаясь к прометеевской акции, и к Украине: у нас встречаются тут во второй половине 20-х годов два поезда: советская политика украинизации начинает постепенно свертываться в ощущении, что она не работает так, как должна работать.

К. Выходит из-под контроля.

М. Не столько выходит из-под контроля с ощущением, что сейчас будет какое-то мощное движение, а происходит вот что: раз поляки начали эту акцию у себя, то уже советская аналогичная акция не работает. Начинается постепенный переход к оборонительной тактике, которая вскоре выльется в ревизию всей политики коренизации. Это началось на Дальнем Востоке, где случились первые депортации, когда из

пограничных районов убрали корейцев с той идеей, что они могут стать базой для проникновения какого-нибудь влияния извне. Т.е. происходит смена парадигмы. Поляки, у которых был свой район имени Мархлевского в Украине, и украинцы – они теперь начинают рассматриваться как потенциальное слабое звено. Поэтому начинается в начале 30-х годов зачистка поляков – их всех вывезут в Казахстан, где никакой польский шпион до них не доедет, и коренизация несколько прижмется. Она никогда не была свернута вполне, но начинают внимательно отслеживать, как кто эту украинскость понимает и использует. Одним из первых звонков стала история со съездом языковедов или филологов, не помню, как это точно называлось, в Харькове, где в 1928-ом году вырабатывались нормы для украинского языка. И это именно советская власть занимается стандартизацией украинского языка. Туда пригласили, по Пьемонтской тактике, представителей Галичины. И там были люди, которые стали говорить, что, может быть, и «і» с точкой наверху введем, и еще несколько латинских букв. Съезд обсудил эти предложения и отверг. И, казалось бы, конец истории. Но это было только начало, потому что тут же вмешались местные партийные власти и сильно пожурили организаторов съезда, что допустили голоса, пытающиеся проташить буржуазное польское влияние. А ведь на каком фоне это происходит: в 20-е годы происходит массовый перевод языков народов, живущих в СССР, на латиницу. Поэтому, казалось бы, предложение ввести парочку латинских букв в украинский язык ничего крамольного в себе не несет. Но здесь уже произошел этот защитный переход. И это еще потому, что в 1926 году, если я правильно помню, Ататюрк вводит латиницу в Турции.

К. Очень важно, что 1928-1929 годы в Украине – это сигналы, связанные с выходом того, что мы называем коренизацией и украинизацией, за официальные рамки. 1928 год – это две статьи в центральном партийном журнале по поводу экономиста Волобуева, который, чрезмерно увлекшись (с точки зрения власти), в своих экономических изысканиях утверждает, что Украина имеет некий колониальный статус в составе СССР (вообще это темная история, у самого Волобуева не было статуса, чтобы печатать такую статью, похоже, что дело было подстроено). Следующий год – это удар по академику историку М. Яворскому, который, кстати, является галичанином. Но все-таки первый звонок – это устранение А. Шумского, народного комиссара образования, и замена его М. Скрипником. Это происходит в 1926-ом году, и Шумский уже, по мнению тех, кто следил за контролируемым ходом украинизации, перестал соответствовать этой задаче. Т.е. он

всего три года был на посту. Эта динамика: 1926-й и весь конец 20-х годов – мы видим как также попытку обуздать украинских литераторов, критика Хвылевого и организацию ВАПЛИТ (Свободная Академия Пролетарской Литературы – в переводе на русский язык).

М. Давай все-таки скажем пару слов по поводу Хвылевого, потому что он очень мифологизированная фигура.

К. Мы скажем про него, когда будем говорить о разгроме украинизации. Украинизация официально провозглашается в 1926 году. Но практически она разворачивается начиная с 1924-го и до конца 20-х годов. 1924 – это устранение Шумского, 1926-29 – то, что можно назвать критикой или ликвидацией националистического уклона в середине украинизации. Т.е. она постоянно сопровождается окриками и одергиваниями, связанными с чрезмерным национальным увлечением, ее явно стараются держать под контролем, но это не удается, потому что она начинает развиваться по своим собственным законам.

М. На самом деле она удается, просто для этого нужно применять репрессии.

К. Как раз и не удается, пока не начинают применять репрессии. Пока дело ограничивается разгромными статьями в центральных журналах и т.д., это все не затрагивает низы, самый массовый уровень, это касается только верхушки, а тем временем, параллельно, независимо от того, как одергивают писателей, журналистов и профессоров-историков, на базовом уровне этот процесс идет.

М. Что ты имеешь в виду под базовым уровнем?

К. Школы, ликвидацию безграмотности на украинском языке.

М. Этот процесс идет, но он же не противоречит тактике большевиков.

К. Он не противоречит в том смысле, что он соответствует их стратегическим задачам по инсталляции Украины в общий процесс, в создание большого государства, которое является единым, – вспомним две концепции, Сталина и Ленина. Но он противоречит их тактике, хотя пока это еще не осознаваемо, потому что, если идет речь о переводе системы образования на украинский язык и о ликвидации безграмотности, фактически он закладывает основы для некой культурной суверенизации, которая, по законам национализма, со временем должна превратиться в политическую суверенизацию.

М. Нет, вот здесь давай разбираться. Большевики этого хотели?

К. Нет.

М. Ну, большевики же проводят ликвидацию безграмотности на украинском, могли бы и на русском.

К. На русском они не хотели, потому что русский язык как язык, на котором проводят ликвидацию безграмотности, немедленно давал козырь тем чуждым элементам, которых большевики больше всего не любили и боялись.

М. Все-таки они сознательно проводят ликвидацию безграмотности на украинском языке. Говорить, что украинизация школы в конце 20-х годов идет в разрез с представлениями большевиков, неверно. Вопрос в том, какое содержание эта украинизация получает, что значит «украинскость»? Это очень важный момент, потому что, скажем, в XIX веке в ответ на украинский национализм что говорила Москва?

К. Петербург.

М. Москва больше. Как ни странно, Петербург был в это время, во-первых, центром украинского национализма, а во-вторых, там было много публичных людей и журналистов, которые готовы были поддерживать требования украинцев.

К. Я говорю о бюрократической столице. Она же отвечала.

М. Зато главный публичный гонитель украинства Катков в Москве сидел. Но об этом у нас в другом диалоге идет речь. Как бы то ни было, смысл был такой: у вас есть свои региональные особенности, но вы часть русской нации. Поэтому можете «спивать свои песни» на своем малороссийском наречии, а грамоте будете учиться по-русски. Большевики очень сильно переформулировали это, мы об этом говорили. Но они совершенно не собирались трактовать украинскость как *враждебную* русскости.

Это очень важный момент, потому что он позволяет понять, что произошло дальше уже в независимой Украине после 1991 года, потому что в советской школе в Украине не учат про то, что москали «клятые», этого там нет заведомо. Это в украинской школе на Волини при поляках этому учат. Я бы сказал: то, что школа в Советской Украине функционирует по-украински, — это то, чего хотят большевики. Чего они боятся? Вспомним знаменитый лозунг Хвильевого «Геть от Москвы!» — они боятся, что он будет транслироваться через украинскость. Я бы не сказал, что он уже в школе в этот момент.

Когда мы обсуждаем украинизацию, голодомор, Вторую Мировую войну, очень важно, как выбраться за пределы нарратива, который противопоставляет украинцев с одной стороны и русских — с другой. Потому что во всех этих историях в украинизации всегда играют роль и украинцы. Есть украинцы отверженные, есть украинцы коммунистического образца, которые участвуют, есть какие-то люди, которые готовы заместить этих украинцев на привилегированных позициях и де-

монстрировать большую лояльность, но при этом оставаться этническими украинцами. Мы все время производим эту операцию деления, при том, что проблематика русско-украинских отношений должна восприниматься как очень разнообразная мозаика, где опыт и ситуация какой-то группы украинцев очень близки к опыту и ситуации какой-то группы русских, а при этом другая группа украинцев вообще отрезана от государственной границы и живет в Польше.

К. Или в РСФСР.

М. Да, например, на Дальнем Востоке. И у них совсем другая жизнь. И это тоже пространство взаимодействия русских и украинцев с совершенно другой повесткой дня. Но, возвращаясь к коренизации, нужно сказать, что происходит «убирание активистов» коренизации, но, с другой стороны, нельзя сказать, то она закончилась к концу 30-х годов. Как не закончилась практика территориализации и институализации этничности, потому что именно в 30-е годы появляется вещь, которая становится очень важной, и это мы понимаем только потом: появляются паспорта, в которых записана национальность. И те украинцы, которые живут сейчас в Украине, – это украинцы по национальности и по самосознанию, но при этом русскоязычные. Они во многом такие за счет практики фиксации этничности в паспорте.

Я бы задумался о том, каким был опыт 30-х годов у украинцев по обе стороны границы – и на советской территории, и на польской. Тут возникает одна общая черта: когда в 1939-м и потом в 1941-м году начинается все сильно меняться, есть одна общая черта, объединяющая реакции этих людей: они совершенно без сожаления и с удовольствием прощаются со старым режимом. Т.е. в 1939 году, когда приходят Советы вместо поляков, не все так уж рады Советам, но все с удовольствием и без сожаления прощаются с поляками. Когда приходят немцы в 1941-ом, на территории Западной Украины не все, может быть, им рады, но о Советах никто не жалеет. На территории Советской Украины со времени 1920-х годов ситуация разная, конечно, но количество людей, которые связывают с приходом немцев большие надежды и потом рады тому, что немцев погнали, велико. И при этом нужно понимать, что эта реакция не сильно связана с национальностью, потому что мы можем представить себе большое количество русских, которые были бы рады – и были рады – тому, что «Советы погнали». И поэтому военная советская пропаганда во многом была рассчитана на то, чтобы показать фашистские зверства так, чтобы блокировать эти настроения: «может, немцы придут – лучше будет». Потому что за Сталина воевать не хоте-

ли, а когда поняли, что воевать надо не за Сталина, а за себя, семью и страну, тогда ситуация начала меняться.

К. Я продолжу твой тезис, но перед этим прокомментирую то, с чего ты начал: в 1930-е годы коренизация и украинизация и дальнейшее понятие титульной нации в республиках в рамках этого редукционистского канона национальной историографии, когда все многообразие явлений сводится к национальным мотивам и противостоянию нации чему-то, т.е. то ли внешнему, то ли внутреннему врагу, очень серьезно все упрощает. И один из аспектов такого упрощения – это известный факт о том, что в 30-е годы голодомор и репрессии шли параллельно, и параллельно уничтожались интеллигенция – мозг нации и крестьянство – хребет нации. Такие антропоморфизмы, связанные с общим канонам национальной историографии...

М. Воспринимающей нацию как живой организм.

К. Да. И поэтому сейчас, когда заходит речь о репрессии нации, часто говорят и о коммунистах, которые были репрессированы в 1930-е годы. В частности, если речь идет о репрессиях против украинства, то все время вспоминают о количестве репрессированных работников, иногда даже говорят об энкавдистах украинских, которых репрессировали, т.е. получается, что это тоже украинская нация, которую уничтожали. При этом забывают или стараются не замечать очень простой вещи, что когда в 1933-34 году, действительно, были репрессии против коммунистической партии, и позже, в 1937-ом, то уничтожали, может быть, как раз организаторов голодомора. И получается, что тот же старый тезис о репрессиях против палачей, которые вдруг тоже становятся репрессированными, но теперь уже под другой категорией: теперь это уже общая потеря для украинской нации.

М. И что происходит: все эти индивидуальные особенности, в том числе, и отвратительные, этих людей, нивелируются. И для нас теперь важно только то, что он украинец, т.е. пока он участвует в организации голодомора, он энкавдист, а как только его репрессировали – он украинец.

К. Да, такая вот аберрация. И еще важный момент: когда мы говорим о 30-х годах, постукраинизации, когда речь заходит о сворачивании украинизации и ликвидации каких-то украинских институций, обычно вспоминают самоубийство Скрипника, но не обращают внимания на институциональные особенности, а 30-е годы – это продолжение физического увеличения доли украинцев в составе разных социальных групп, где они раньше были представлены. Речь идет и об урбанизации, и об увеличении их доли в составе технической интеллигенции.

Т.е. так просто обрывать украинизацию в 30-е годы и говорить о том, что это было все остановлено, и началась повальная русификация, тоже нельзя. Да, за пределами Украины были прекращены какие-то культурные инициативы и практики, которые должны были поддерживать украинское этническое самосознание.

М. И это очень важный момент, потому что, если мы хотим понять значение украинизации для формирования украинской идентичности, то нам очень важно посмотреть именно на те районы, которые имели украинские территориальные образования, но не находились в составе СССР, и где в 30-е годы эта практика была прекращена. Кубань, например, – очень интересный вариант. И те исследования, которые сейчас делаются – есть сейчас один американец, который пишет об этом книгу, – показывают, что и до сих пор там есть люди, которые демонстрируют ту идентичность, которая была характерна для людей, живших там еще при царе-батюшке. Они себя описывают таким образом: «Мы – хохлы, но хохлы не украинские. А мы хохлы российские». И язык у них – это такой говор, который вполне можно отнести к украинскому диалекту. И это показывает, что даже пройдя период интенсивной украинизации в 20-е годы, и потом живя на территории, где в 30-е годы она была свернута (реально свернута, в отличие от Украины), они вернулись к старой идентичности, к тому, что украинские националисты клеймили как «малороссийство». Ведь не случайно, особенно в среде украинской эмиграции, так настаивали на том, что понятие малоросс оскорбительно и уничижительно. Есть такой автор Евгений Маланюк, который написал большое эссе «о малороссийстве». Он пытается там сказать, что это понятие малороссийства обязательно принижает, что оно уничижительное. Мы знаем, что в контексте XIX века оно вовсе не было уничижительным. Т.е. дискредитация этого понятия и попытки приписать ему уничижительное значение не случайны: это попытка поставить заборы для возврата в эту малороссийскость. Т.е. малороссийскость – это еще не вполне труп в качестве идентификационной стратегии в 20-е годы XX века. И это говорит о том, какое значение имела украинизация для формирования массовой украинской идентичности, и что продолжение этого процесса в 30-е годы, уже после того, как национальную интеллигенцию сильно проредили и запугали, но тем не менее, на институциональном, ритуальном и прочем уровне, это продолжалось и это закрепило украинскость заметно мощнее, чем какая-нибудь статья Хвылевого, которой ни один крестьянин в Украине не читал, да и из интеллигенции далеко не все. Т.е. это сдвигка значимости факторов.

К. Кубань — это, конечно, особый случай и в мифологии национального нарратива она играет особую роль. В том смысле, что ее все время представляют как территорию России, которая густо и преимущественно заселена украинцами, и когда речь идет о каких-то крупных жертвах, например, о голоде, всегда речь идет о том, что это район, который очень сильно пострадал, в первую очередь, потому что там были украинцы. Замечание о том, что там ситуация была гораздо более сложной и понятие «украинец» на Кубани — очень важное и очень верное, потому что Кубань — это казаки, причем очень разные, это, действительно, украинцы, которые так себя и идентифицируют, это так называемые «иногородние», очень специфическая группа: чужие, которые и дальше воспринимаются как чужие, потому что хозяева Кубани — это именно казаки, причем назвать их украинскими казаками — нужна большая смелость, потому что, если они даже когда-то и пришли с украинских территорий, то никогда так себя не идентифицировали, здесь можно вспомнить и такие элементарные вещи, как романы Серафимовича или Шолохова, где описываются ситуации, где украинцы, которых называют хохлами, и казаки — это две очень разные группы и очень враждебные по отношению друг к другу. Так что и здесь упрощение.

Кубань еще очень специфична в том смысле, что после гражданской войны и украинской революции, после того, как установилась советская власть в Украине, Кубань стала местом, куда стекалось очень много петлюровцев и людей, которые считались врагами Советской власти, и они уходили туда с украинских территорий, чтобы не стать объектом репрессий. Поэтому можно говорить о Кубани как об оплоте украинства именно имея в виду ту часть украинской интеллигенции, которая туда уходит. Но Кубань все-таки очень сложное явление и маркировать ее как «украинскую территорию» сложно. Там часто менялась власть во время войн: в течение Второй Мировой войны она менялась несколько раз, и стоит обратить внимание на то, как люди относились к этой власти с точки зрения, скажем так, социальной антропологии: ведь для большинства населения, которое осталось на оккупированной территории, главная философия была не политика и не национализм, а просто философия выживания. Людям нужно было организовывать свою повседневную жизнь в условиях другого режима, от которого они ждали каких-то позитивных изменений.

М. Они ведь ждали сигнала о том, за что будут наказывать, и что будет считаться хорошим.

К. Когда была советская власть, они уже знали, что будет считаться хорошо, а что — не очень. В этом смысле очень любопытен опыт Западной Украины — там это было воссоединение с так называемой «материковой», тогда советской Украиной, и в советской идеологии это был праздник души и именины сердца: все эти плакаты с обнимающимися крестьянами, девочки с цветами, и можно сказать, что для какой-то части населения приход Советов был важен. Но для большинства населения приход их, при том, что они были рады, что ушли поляки, был не так уж и радостен, и к ним отнеслись очень настороженно. И первая же демонстрация культуры пришедших людей в городах — любимый анекдот во Львове — это жены красных командиров, пришедшие в Оперный театр в пеньюарах, принявшие их за бальные платья, — это до сих пор существует на уровне фольклора — это, конечно, не могло не насторожить.

Первые же месяцы военного сотрудничества пытались продемонстрировать лояльность, но потом началось с интеллигенции, и скоро отношения, что называется, вошли в норму. И поэтому, когда пришли немцы, их здесь уже воспринимали как освободителей. Если же речь идет о восточной Украине, то там к немцам было или нейтральное или положительное отношение, особенно на селе, потому что крестьяне массово ожидали, что будут ликвидированы колхозы. Им пришлось быстро разочароваться, и поэтому, когда в Восточную Украину пришла Красная Армия, то ее воспринимали как освободителя, а в Западной Украине ее все равно воспринимали как оккупанта, и она там так себя и вела.

М. Если у нас что-то еще добавить?

К. Тогда я закончу с Советской властью и Красной армией после Второй Мировой войны. Интересно, как сместились акценты в новом национальном нарративе. Если говорить об учебниках и об официальной линии, то понятно, что нет уже «Великой Отечественной войны», а есть «Вторая Мировая», в некоторых учебниках она присутствует как «Великая Отечественная в рамках Второй Мировой», но в большинстве она подается как схватка двух тоталитарных режимов, в которой украинцам, как всегда, из-за отсутствия настоящей национальной государственности больше всех досталось. Это порождает некоторые проблемы в общественной жизни — как всегда, ветеранские организации выступают очень резко против такой трактовки, и практически любая годовщина победы в войне — то ли 2000 год, то ли 2005 год, — обязательно вызывают требования пересмотреть учебники и вернуть старую концепцию.

Вторая серьезная проблема — это конфликт между ветеранами УПА и ветеранами Красной Армии. Какие-либо надежды на примирение не оправдались, хотя такие попытки неоднократно совершались, и особенные проблемы возникают в связи с новой глорификацией украинской повстанческой армии и смещение акцента в истории Второй Мировой войны в основном к деятельности повстанческой армии как национальной. Все эти глобальные действия на украинских фронтах сводятся к тезису о борьбе двух тоталитарных режимов, хотя термин «освобождение Украины» все равно присутствует, теперь уже от «нацистов», а не «немецко-фашистских захватчиков». И еще один важный тезис — то, что Западная Украина интегрировалась в ходе Второй Мировой войны в состав Украины: а) это территориальное приобретение и еще один важный шаг — это складывание территории государственной Украины; б) Западная Украина — это, конечно чужеродный элемент на протяжении всей советской истории, постоянно рассматривается ею как нечто чуждое власти, власть постоянно пытается ее интегрировать, абсорбировать и ассимилировать — и это никак не получается. И третье — сама Западная Украина и ее отношение к советской власти за чуть меньше, чем 50 лет присутствия ее там, так и не стало позитивным. Конечно, часть населения относилась к ней хорошо, но большая часть этого населения — эмигранты из Восточной части. И в 1991 году Западная Украина, в основном, конечно, Галичина, стала своеобразным эпицентром антисоветской власти. После выборов в 1991 году именно галицкие области стали первыми «советскими антисоветскими» областями, потому что власть там получили те политические силы, которые были антисоветскими.

5. Первая мировая

Георгий Касьянов. В национальном нарративе Украина и украинцы, когда речь идет о Первой мировой войне, стандартно представлены как объект воздействия конкурирующих внешних сил. Этническая составляющая главная — украинцы, живущие в разных империях, представлены как некое этническое и культурное целое, страдающее от имперского ига — особенно в период войны. Стандартная схема — украинцы, разделенные между двумя воюющими империями.

Алексей Миллер. Между большим количеством империй.

К. Ну, к Османской империи вряд ли они имели...

М. Германия и Австро-Венгрия – с одной стороны, Российская империя – с другой. Вообще-то украинцы были и на Закавказском фронте, так что можно еще и туда...

К. В любом случае, в официальном историческом национальном нарративе война для украинцев – бедствие в том смысле, что она происходит на украинских территориях, поэтому народ страдает, и, кроме того, украинцы вынуждены сражаться в армиях враждующих государств друг против друга. Война трансформируется в революцию, и революция в официальном дискурсе называется или «украинской революцией» или «визвольні змагання», т.е., — освободительная борьба. Оба термина пришли из эмиграции и из диаспоры и были приняты без особых проблем, и здесь украинская революция фактически начинается с создания Центральной рады, и ее хронология протягивается до 1920-го или даже до 1921 года, т.е. до рейдов Тютюнника с территории Польши. Иначе говоря, растягивается на 4 года, и такое понятие «украинской революции» включает в себя все виды украинской государственности, которые были: Украинская Народная республика, Украинское государство Скоропадского, Западноукраинская народная республика. Выстраивается единая линия неуклонного национального освободительного движения, которая ведет к главной цели — созданию украинской государственности. И результат этого дальше уже трактуется так: рождение и гибель украинской национальной государственности, и появление советской украинской государственности, которое, как правило, трактуется как нечто чуждое государственности национальной. Советская государственность может трактоваться в двух аспектах: с одной стороны — как разрыв в истории «нормальной государственности», с другой — как часть «нормальной государственности», но все-таки не совсем полноценной. Т.е. возникает своего рода исторический антракт между 1917-1920-ым годом и 1991. И дальше — 1991 год рассматривается как легитимная историческая связь с Украинской народной республикой, акцент делается именно на нее, государство Скоропадского, как правило, не очень выпячивается в смысле украинской государственности. Вот такая общая схема, которая, как обычно, очень сильно все упрощает. Таким образом «мировая война» и украинская революция сливаются в единый процесс.

М. Надо сказать, что какой-то русской, российской доминирующей схемы нарратива Первой Мировой войны вообще нет. Поразительно, как эта война оказалась выкинута из большого национального нарратива. Я думаю, если рассуждать о том, какую роль сыграла война и последующие события в системе отношений между русскими и украинцами,

то стоило бы начать с двух очень любопытных источников, которые мне пришлось читать некоторое время назад. Один – это стенограмма заседания Думы в январе 1914 года, где обсуждается вопрос о том, что российское МВД мешает украинцам праздновать юбилей Шевченко. И там выступает целый ряд людей, включая Милюкова, главным оппонентом которого является Иван Савенко, лидер Киевского клуба русских националистов, самой крупной националистической организации на территории Российской империи, уроженец Полтавской области. По фамилии примерно понятно, какой он русский – то есть отличный русский националист, только малоросс, и в этом смысле он очень парадигматическая фигура. О чем они спорят? Милюков говорит о том, что украинское движение растет, и что с умеренными украинцами типа Грушевского нужно договориться, чтобы потом не пришлось иметь дело с такими украинцами, как Донцов, которого Милюков считает, и вполне заслуженно, таким интегральным националистом, с которым договориться будет очень сложно. А Савенко в ответ ему говорит, что «вы вот тут обсуждаете, как давать украинцам автономию, а на самом деле, если вы ее им дадите, они этим потом не удовлетворятся. Если всерьез относиться к этому движению, то нужно делать только одно: не мешать МВД его подавлять». Любопытно, что оба они по-своему правы и не правы. В диагнозе прав Савенко, который говорит, что тот же Грушевский, получив автономию, на следующий день станет мечтать о федерации, и т.д. Но когда он говорит, что «просто давайте не будем мешать МВД их подавлять», в этом мог бы быть какой-то циничный резон, но силенок у МВД в это время уже недостаточно. При этом Милюков, будучи, наверное, неправым в диагнозе ситуации, ищет платформу, на которой можно было бы договориться. Ему не нравится федерация, как не нравится на самом деле и автономия, но он боится в этом признаться, потому что в программе у кадетов есть автономия, а введена она туда по настоянию их партнеров в Киеве, с которыми они сотрудничают для того, чтобы получить киевские голоса.

Второй источник – это потрясающе интересные дневники Евгена Чикаленко, который является ключевой фигурой в организации украинского движения в Киеве. Он издает единственную уцелевшую в это время газету «Рада», уцелевшую, потому что она выстояла за счет дотаций, которые он собирает. Если мы смотрим на его дневники 1912-13 года – а они замечательны тем, что они не правленные: он не готовил их к публикации и ничего не поправлял в том духе, который бы считал правильным в 1920-ом году – они очень пессимистические. Он рассуждает так, как рассуждает какой-нибудь Некрасов про революци-

онно-демократическое движение в середине XIX века, что «конечно, не мы увидим «зарю свободы», но дети наши или внуки, а мы должны трудиться, чтобы свеча не погасла». И он воспринимает это украинство как свечу, которая вот-вот погаснет, это очень видно из его дневников. И из его дневников видно, что вокруг него есть большое количество людей, которые, по его мнению, украинцы, но помосковленные и никак не желающие принимать участие в движении. Он же все время пытается их агитировать и говорит им, что они же украинцы, а они на это все смотрят... Они любят украинский язык и говорят: «Что вы корежите красивый язык простого народа и пытаетесь сделать из него какую-то интеллигентщину. И еще какие-то слова изобретаете – нет, чтобы брать понятные русские, если малорусских нет». Т.е. на самом деле это очень любопытно: если верить Чикаленко, то по его словам, процесс русификации идет в городах очень успешно. Но все равно движение расколото, киевляне ненавидят галичан, и ненавидят тот украинский язык, которым пишут галичане. Знаменитый Ефремов, о котором мы говорили применительно к периоду коренизации, был известен тем, что когда ему в киевском магазине попадалась книжка, написанная галицкой мовой, он ее хватал, бросал на пол и начинал топтать.

К. А он платил за нее?

М. Об этом источники умалчивают. Как раз на этом фоне очень хорошо понятно, что происходит в 1914 году, потому что война еще не началась, но запах ее уже есть. И Чикаленко совершенно меняется, у него резко активизируется воображение, потому что он понимает, что вот-вот что-то начнется, и поэтому все старое изменится: мир после этой большой войны будет другой, и если правильно подсуетиться, то в этой ситуации можно много чего поймать. И таково общее воздействие приближающейся и начавшейся войны на сознание всех националистов на окраинах. В каком-нибудь 1912 году единственное, что можно сделать, – это торговаться с властями за мелкие уступки с неизвестным исходом. В 1914-м ситуация уже совершенно другая. А следующий очень важный фактор – это оккупация. После знаменитого Горлицкого прорыва 1915 г. значительная часть Украины оказалась под властью немцев. И, так же, как и в Белоруссии, немцы среди прочего проводят политику дерусификации. Прежде всего, они запрещают к официальному использованию русский язык, а вместо этого объявляют официальными языками украинский и белорусский. Это, конечно, не приводит к какой-то резкой смене языковых предпочтений населения, но имеет гигантское символическое значение, потому что немцы впервые создают ситуацию, в которой владение украинским языком становится преиму-

ществом, и в которой доминирующий русский язык – язык государства – вдруг оказывается дискриминируемым.

К. Это про какие регионы идет речь?

М. Весь правый берег фактически занят немцами, Киев занят в 1915 году. Еще один крайне важный момент – это лагеря для военнопленных. Потому что немцы, а вслед за ними и австрийцы создают лагеря для украинцев. Для того чтобы людей в эти лагеря рекрутировать, многим приходится объяснять, что они украинцы. Там есть специальные техники вроде «Шевченко знаешь? Любишь его?» Потому что разные люди называют себя хохлами, малороссами и т.д., и в украинский лагерь идти не хотят. Потом выясняется, что в украинском лагере лучше кормят, и вообще условия лучше. Кстати, среди возвращающихся из немецкого плена людей российские спецслужбы того времени отлавливали украинцев по признаку упитанности. Там их кормили лучше, поэтому русский, возвращающийся из плена, был тощий, а украинец – нет. Там с ними работает Союз Освобождения Украины, который занимается обучением грамоты на украинском, националистической пропагандой, и готовят к созданию украинских частей.

К. Я думаю, термин «националистическая пропаганда»...

М. Ну как, вся такая пропаганда – националистическая. Не в советском смысле...

К. Вот советский смысл это понятие и дискредитирует.

М. Но мы уже далеко уехали от советского времени и понимаем, что бывает русская националистическая пропаганда, украинская, немецкая и т.д. И они все плохие, потому что это националистическая пропаганда.

К. Для нас как для исследователей не имеет значения – плохие они или хорошие, они просто есть.

М. Имеет значение, потому что людей учат...

К. Любить свою нацию.

М. И ненавидеть чужую, потому что в пропаганде того времени, конечно, речь идет скорее о втором, чем о первом.

К. В военных лагерях – да.

М. Трудно себе представить иначе. И, наконец, еще одна очень важная вещь, когда в 1917 году Временное правительство и Корнилов как главнокомандующий решают в качестве последнего ресурса для мобилизации боевого духа начать национализацию частей. В мемуарах Скоропадского есть чудесный эпизод, когда он пытается убедить Корнилова, что не надо украинизировать части: «Был я в Киеве, видел я этих

украинцев. Они мне очень не понравились. Во-первых, потому что фанатики, во-вторых, потому что очень активные. Добром это не кончится». Он получает приказ Корнилова о национализации, как хороший царский генерал выполняет его – и этим зарабатывает авторитет среди украинцев, который вскоре позволит ему стать гетманом. Т.е. масса всяких воздействий, которые мобилизуют этничность. В Западной части – яркий эпизод, чтобы было понятно, что происходит, – в Галицию входят венгерские части. Они не очень знают славянские языки. Когда они спрашивают местных крестьян, кто они, и получают ответ «русины», это им напоминает понятное слово – «русские», со всеми вытекающими последствиями.

Эти русины-русофилы помещаются в концентрационные лагеря Терезин и Талергоф. Это первые концлагеря, которые делались на территории Европы. Европейцы (британцы) организовывали концлагеря во время Бурской войны, но это было все-таки в Африке. Когда начинают говорить о том, что Гитлер научился у Ленина, то Ленин-то научился у австрийцев.

К. У Франца-Иосифа.

М. А первые это англичане придумали в анго-бурскую войну – демократия, между прочим.

В лагерях плохо, и террор против русофильствующих униатских священников есть, вплоть до повешения на воротах церкви. Это как раз та картинка – повешенный на воротах церкви священник, – которую видит, перед тем, как погибнуть, протагонист гениального романа Йозефа Рота «Марш Радецкого». На русский, кстати, переведенного. Весьма вероятно, что и на украинском он есть. В результате в 1915 году часть этих галицийских политиков обращается с просьбой к императору официально переименовать их в украинцев. Там была комиссия, но они получили отказ. Но это любопытно: как какие-то опции в ходе войны оказываются совершенно не у дел, а какие-то, наоборот, поднимаются на поверхность. Плюс русофильство в этой части очень пострадало во время русской оккупации, потому что оккупационная политика русских властей была совершенно идиотская: они стали преследовать униатство и оттолкнули значительную часть населения, хотя изначально оно приветствовало приход русских частей в Галицию.

К. Но как это связано с русофильством?

М. Ну, в Галиции было довольно сильное русофильство даже накануне Первой Мировой войны.

К. Но тогда почему русская оккупационная власть преследовала русофильство?

М. Она не преследовала русофильство, она преследовала униатство, а многие местные униаты были русофилы, но от униатства им отказываться вовсе не хотелось.

Поэтому, преследуя униатство, оттолкнули очень многих, прежде симпатизировавших. И, разумеется, преследовали украинофилов. А в целом нужно сказать, что в этот период нельзя говорить даже об украинстве как о чем-то едином. Есть украинцы – мы говорим о сознательных украинцах, – которые по-прежнему делают ставку на победу России, те, которые делают ставку на немцев, и те, которые делают ставку на Габсбургов. Габсбурги, при том, что они очень слабы, натренировавшись играть в национальном вопросе в XIX веке, на длительную перспективу имеют очень интересную тактику: у них есть свой Вильгельм Габсбург, который позиционирует себя как украинец, и у него большая популярность, и он, кстати, в отличие от немцев, относится к украинцам не слишком потребительски, т.е. он не пытается просто выжать из этой территории как можно больше хлеба. Он готов стать украинцем и монархом Украины – Василем Вышиваным.

И чем дальше мы идем, тем больше из войны мы вползаем в революцию, и мне кажется, что здесь очень важно, что в 1916, 1917 году и позднее появилась очень важная возможность у украинских левых партий «продавать» национальную программу вместе с социальной. Т.е., они говорят о земле, и говорят, что вопрос о земле будет решен в украинском государстве. И это очень важно, т.к. возникают новые способы пропаганды украинской идеи через вызывающий очень большую отзывчивость у крестьян мотив земельного вопроса.

К. Фактически ты начал не столько деконструкцию официального доминантного нарратива, сколько выстраивание рядом с ним другой, более разнообразной и многослойной картины того, что происходило в период Первой Мировой войны и революции. Я бы хотел прокомментировать несколько тезисов. Первый тезис – о многообразии украинского движения. В конце ты сказал о левых партиях и левом украинском движении – это очень важный тезис с точки зрения ретроспективы. Потому что когда мы говорим «украинское национальное движение», возникает ассоциация с теми, кто говорил о независимости или автономии. Фокус в том, что о независимости в украинском национальном движении рубежа XIX-XX веков в Российской империи вообще никто не говорил, кроме маргинальных радикалов. Да и в целом украинское национальное движение на общеимперском фоне было достаточно маргинально. Если его сравнить с теми же кадетами, то величины не соотносимы. Тем не менее, эволюция украинского движения от

его появления как политического явления в начале XX века — и к революции, которую историки сейчас называют украинской, интересна тем, что это больше движение, обращенное к социальным проблемам. Ведь не зря к 1918-19 году это в основном те, кого можно назвать эсерами, и те, которые смотрят больше в сторону крестьянства и его социальных нужд. Еще очень интересно, что практически малоисследованный аспект — это неполитическое украинское движение. С одной стороны, оно культурническое, которое считается чем-то второсортным, потому что занималось просветительской деятельностью и было чем-то соглашательским, а, с другой стороны, еще один важный элемент национального движения — кооперативы, разные формы хозяйственной самоорганизации, которые в случае с Украиной принимали национальные формы. Например, сельскохозяйственные брошюры печатались на украинском языке. Этот акт недооценивается и недосматривается историками, потому что там нет такой политической эффектности, чтобы можно было описать захватывающую борьбу. Это рутинная каждодневная деятельность, которая очень важна, но не привлекает особого внимания. Украинское движение этого времени очень разнообразное, противоречивое, там есть враждующие группировки, и не только по социально-классовому признаку или ориентации на какие-то социальные группы. Предположим, левые враждуют с либералами или с каким-то аналогом кадетов, националисты враждуют с левыми или с теми же либералами, против либеральной интеллигенции в 1904-1905 году выступает Донцов, причем выступает как социал-демократ, а не как националист, а уже в 1913 году он выступает против них как националист, считает их соглашателями. Т.е., картина очень сложная, нет единого национального движения. И к моменту краха центральной власти и начала революции это движение очень фрагментировано, раздроблено и не имеет серьезной силы, но, как ни странно, когда происходят выборы в Учредительное собрание, оно получает достаточно большой процент голосов. Учтем, что это происходило в основном в городах, тем не менее, оно имеет какое-то влияние, и, как оказывается, достаточно широкое, но не структурированное. Т.е., оно не может мобилизоваться как единая сила, которая в состоянии единым мощным субстратом и единым движением противостоять чему-то и организовать что-то конструктивное, т.е., внутри него слишком много противоречий. Следует учесть и то, что основу этого движения составляла интеллигенция — и не только городская, которой было очень мало, но и так называемая земская, та, что как правило состояла из выходцев из села, небольших городов и местечек, и там же работала. Все эти сотни и тысячи счетоводов, мелких бухгалте-

ров, учителей начальных школ, кооператоров, землемеров, агрономов и т.д. составили социальную базу национального движения, очень близкую к крестьянству. Это важная часть действительности, которая важна для понимания того, что происходило в 1917-1920 годах, «откуда есть пошла украинская революция». Внешний фактор тоже очень важен и он тоже в национальном нарративе рассматривается только в одном аспекте: противостояние России, причем, как таковой, независимо от того, имперская она или демократическая, и Украины, опять-таки, как таковой. Т.е., России как центра и Украины как территории и некой самоидентичности, которая стремится самореализоваться в независимость. А ведь даже в начале революции никто не говорил серьезно о независимости. До начала 1918 года речь шла об автономии в составе демократической России. И все переговоры с центральным правительством в Петербурге велись о большей или меньшей автономности, но уж никак не о независимости. Есть очень интересные дневники Бориса Мартоса, который присутствовал на первом съезде крестьянства.

М. Кто это?

К. Известный общественно-политический деятель эмиграции в 20-е годы. И он пишет о первом съезде, по-моему, это конец весны 1917 года, съезд происходит в Киеве в Купеческом собрании, сейчас это Государственная филармония. И там в какой-то момент председательствующий – В. Винниченко – заговорил было о независимости и вызвал бурю возмущения среди делегатов съезда, которые представляли наиболее активную, влиятельную часть крестьянства, и которые были резко против постановки вопроса о независимости Украины. Винниченко пытался успокоить делегатов, так звенел в свой колокольчик, что у того оторвался язычок, и он просто сел, обхватил голову руками и молчал, пока эта буря не успокоилась, так что можно предположить, что идея независимости была крайне непопулярна в этот момент. Крестьян интересовало другое – земля. В общем, то, что называют украинской революцией, — это очень запутанный клубок событий, где можно найти и целую серию социальных конфликтов, и гражданскую войну, и интервенцию, и культурные сдвиги, и попытки создания новых форм власти, и самые крайние формы социального поведения, в любом случае, когда все это редуцируется к национальному движению «визвольним змаганням», — это не идет на пользу адекватному восприятию прошлого. Оно очень обедняется.

Приведу лишь один пример: в доминантном нарративе гражданская война представляется как приход Советской власти с севера и как оккупация Украины другой страной.

М. Это выводит на еще один важный момент: когда мы пытаемся понять, что произошло, то когда идет об Октябрьской революции, еще неизвестно, что это за большевики, что произошло, но важно, что провалился, исчез легитимный центр. Есть первый акт: подрыв некоторых важных основ легитимности со свержением монархии, которая мало популярна в тот момент, и именно за счет ее непопулярности Временное правительство оказывается легитимным, его признают. Оно революционное, но прилично-революционное, ожидаемое, демократическое, и т.д. Приход большевиков – это диктатура, и если мы посмотрим на положение тех людей, которые однозначно считают себя русскими и живут в это время, например, в Киеве, то мы увидим что центр, куда бы они могли делегировать свою лояльность, – они могут только надеяться, что он будет восстановлен, но его не существует. Это очень хорошо описано у Булгакова в «Днях Турбиных», об этом пишет в своих дневниках Вернадский, о котором мы говорили. Вернадский организует Украинскую Академию наук, руководствуясь тем, что «если не мы поможем украинцам создать, тогда это сделают поляки». А еще «мы должны стараться сохранить культурные учреждения, потому что, – как надеется Вернадский, – Украину удастся от большевиков защитить и это будет тем местом, где сохранится русская культура, потому что под властью большевиков она погибнет».

К. Ну, он имел в виду русскую культуру как культуру буржуазии, городскую культуру.

М. Да, буржуазную, дворянскую и т.д. Поэтому мы находим русских офицеров, служащих у Скоропадского, а потом мы найдем русских офицеров даже у Петлюры. В этом смысле русский национализм, который был довольно силен в том же Киеве, так бесславно испаряется ровно потому, что у него нет центра притяжения. Еще один важный момент для того чтобы понять, что происходит и какова динамика утверждения этого национального сознания: у нас ведь есть крестьянские армии, которые формируются на территории Украины, т.е., из крестьян, которых национальный нарратив называют украинцами, и для которых украинскость совершенно не является важным мотивом. Махно не является украинским националистом, он анархист, и его крестьяне из Гуляй-поля – не украинское национальное движение. При том у меня ощущение, что это самое массовое крестьянское движение на территории Украины того времени.

К. Любое крестьянское движение на территории Украины того времени – это немедленный ответ на что-то. Махно – это немедленный ответ на немцев, реквизиции и возвращение собственности помещикам.

Это, кроме прочего, — апелляция к чувству ненависти по отношению к городу как таковому. Восстание осени 1918 года против Скоропадского — это немедленная реакция на то, что при Скоропадском опять возвращали собственность, пороли крестьян и опять были реквизиции. Крестьянские восстания при Советской власти — это реакция на реквизиции, на военный коммунизм и т.д. Т.е. никакого системного фактора, как, например, национальный, здесь нет, это всегда спонтанная реакция на резкое социальное давление. Поэтому говорить о крестьянах как о движущей силе национальной революции на территории Украины — на мой взгляд — некорректно.

М. Еще один момент, который стоит подчеркнуть: при падении режима Скоропадского происходит очень интересная вещь. Его режим на Украине, но его верхушка и главная структурная часть состоят из людей, которые были носителями определенно другой, не украинской, государственной и, я бы сказал, государственнической традиции. Скоропадский — очевидным образом государственный деятель: он царский генерал, он думает о перспективе, пытается переориентироваться с немцев на Антанту, думает о том, как он дальше будет выстраивать отношения с Россией, когда там кончится большевизм, он ведет переговоры с Кубанью и готов ее признать как отдельное образование, хочет сохранять культуру... Есть один очень интересный человек, поляк по происхождению, тоже украинский националист, но специфического консервативного толка — Вацлав Липиньский, который развивает идею о том, что украинцы должны принять в свои ряды представителей польской шляхты, потому что они — носители высокой культуры, они — элита. Кое-где это и произошло, потому что униатскую церковь превратил в оплот украинства поляк Шептицкий. С падением режима Скоропадского это уходит, и та элита, которая приходит с Петлюрой, состоит из людей, которые этого государственнического инстинкта практически лишены. И в некотором смысле мы можем сказать, что это общая проблема украинских элит потом. Мы это очень хорошо чувствуем после 1991 года. Вот нет этого государственного инстинкта. Потому что в некотором смысле очень похожий на Скоропадского человек — это Маннергейм, создатель финского государства. Он царский генерал, генерал свиты, он встает во главе финнов, чтобы бороться с большевиками, создает финское государство, и процесс идет совершенно иначе, и, кстати, шведская элита сохраняется. В украинском случае идет некое вытеснение любой инородной (аналога шведской) элиты, в этом смысле это не включающий национализм и не обладающий этим элитарным потенциалом государственности.

К. Да, это очень важное наблюдение, чтобы понять, почему украинская государственность, построенная на принципе этнической эксклюзивности, не удержалась. Скоропадский пытался построить украинское государство, но на принципе этнической и культурной инклюзивности, на принципе вовлечения в задачу построения государства любых компетентных групп населения. Он использовал компетентную русскоязычную бюрократию, компетентных русских офицеров... Конечно, все это было под временным протекторатом немцев, никто не знал, что он временный, но в любом случае, если оценивать государственно-ский потенциал разных украинских правительств, а Скоропадский – это украинское правительство, то он стоит совершенно особняком и, если мы употребим сослагательное наклонение истории, то это была наиболее перспективная попытка государственности...

М. У нас в России просто если кто-то что-то и знает о Скоропадском, то от Булгакова, который очень его не любил и всячески над ним насмехался, – это несправедливо.

К. Да, совершенно несправедливо. Это был очень образованный человек со структурированным разумом,

М. И это человек, который в качестве сотрудника для основания украинской Академии наук выбирает не Грушевского, а Вернадского, что о нем очень хорошо говорит.

К. Безусловно. Вернадский – это гораздо более синтетический и организованный ум, и гражданское самосознание совершенно другого уровня.

М. Интересно, что Вернадский в этот период все время пишет в дневниках о том, что надо написать статью о соотношении понятий «великорусский» – «украинский» – «русский». Т.е. он все время хочет переформулировать то, что было в XIX веке, потому что одна из проблем русско-украинских отношений – когда есть национальный проект «малороссы – великороссы – белоруссы» – все должны стать частью единой нации, и региональные различия должны постепенно стереться. И этот проект доминирует до Первой Мировой войны. Дальше произошли серьезные изменения. Как их учесть? В современном украинском нарративе украинскость – это однозначное «отпихивание» от русскости. Вернадский, и, кстати, Скоропадский тоже, думают о том, каким образом украинскость может быть не враждебна русскости. И идея о том, что в Украине параллельно существуют русские и украинские учреждения, очень любопытна, потому что, раз большевики и Советы на востоке делают черт знает что, то Украина становится ре-

зервуаром сохранения русской культуры. Т.е. даже признание украинскости не обязательно должно вести к конфронтационности и враждебности. В этом смысле Советы потом предложат свою концепцию: это «братские народы», и по-своему довольно эффективно реализуют, потому что если мы посмотрим на состав номенклатуры, то совершенно очевидным образом вторая наиболее представленная группа – это украинцы.

К. Что соответствует геополитическим, демографическим и т.д. реалиям СССР.

М. Не только в самой Украине, за ее пределами.

К. Я и говорю – в СССР.

М. Тут важно вот что: даже когда за местными национальностями была закреплена роль первого секретаря республиканской коммунистической партии, очень важную роль играет второй секретарь, который контролирует силовые органы. На этой позиции были только два сорта людей: либо русские, либо украинцы (знаменитый Поляничко, который это контролировал в Азербайджане еще при Горбачеве). Что я хочу сказать: современный нарратив все время направлен на отчуждение. Это только один из выборов украинского национализма, были и другие варианты, которые видели иначе возможности отношений между русскими и украинцами.

К. Национализма как государствообразующей идеологии.

М. Да.

К. Тут важно подчеркнуть один момент: когда мы говорим о революции и гражданской войне и о том, что кроме Скоропадского все другие украинские правительства, которые были на территории той Украины, что раньше входила в состав Российской империи (Габсбургов здесь не касаемся), выталкивали русский элемент, то очень важную роль играют не этнические, а классовые соображения, потому что для этих правительств это было очень важно. Если мы говорим о первой украинской власти, с января 1918 года и до переворота апреля 1918 года, то она была очень синтетична в национальном соотношении. Достаточно вспомнить состав Центральной Рады, где были представлены практически все национальности, в национальном отношении и Центральная рада, и Генеральный Секретариат были очень толерантны и терпимы, и там не было политики этнической эксклюзивности, а только социальной эксклюзивности, а она совпадала с некоторыми этническими группами. Когда мы говорим о второй украинской власти, о Петлюре и Директории, здесь в большей степени присутствует этнический элемент, но все равно и здесь нет резкого противостояния. Я ду-

маю, что это все уже привнесено историками в ходе выстраивания национального нарратива. А если такие элементы и были, то они были связаны с элементами противостояния с теми русскими и российскими режимами, которые появлялись уже в ходе гражданской войны. Здесь мы ведем речь о большевиках, которые далеко не сразу были настолько толерантны, а сначала очень сильно ошиблись и потом уже были вынуждены учесть эти ошибки. Мы говорим о монархическом режиме, о Деникине и Белой армии, которая в национальном отношении была крайне нетерпима.

М. Но при этом, кстати, обрати внимание: ты говоришь «нетерпима», да, конечно, «единая и неделимая Россия и т.д.». Но что любопытно: Петлюра, прижатый к стенке, потом вступил в союз с Пилсудским, а ведь вооруженные формирования Западноукраинской республики, которые никак не могут вступить в союз с Пилсудским, потому что они с ним за эту Западную Украину и борются, потом вступят в союз с Деникиным.

К. Ну, это временный, ситуативный союз, достаточно вспомнить судьбу этой армии, которая в значительной части потом вымерла от тифа и рассосалась в рядах деникинцев. Это просто была такая форма эмиграции и эпизод, который не говорит ни о каких серьезных тенденциях. Если суммировать: когда мы говорим о Первой Мировой войне, об украинском движении, о российском факторе, о крушении империи, о смене властей, об этнических мотивах, о военно-политических и геополитических мотивах, о внешних факторах влияния на события на украинских землях в этот период, – мы видим, что канонический национальный нарратив очень обедняет картину.

М. Как это обычно и бывает с национальными нарративами. Что я хотел подчеркнуть: тогда очень хорошо было видно, что различные интерпретации украинскости позволяли выстраивать разные отношения с русскими, и это ощущение, что Украина обязательно должна быть отдельной и защищать себя от России (в любом ее качестве – большевистской, пост-большевистской), – далеко не является доминирующим. Здесь важны две вещи: что тогда люди думали, и как историк об этом рассказывает. Что знают про Вернадского на Украине? Знают, что он основал Украинскую Академию наук.

К. Хорошо, если знают.

М. Но даже и при этом: чем он руководствовался, какие были мотивы – неизвестно. А уж что он думал об этом параллельном существовании – кто-нибудь об этом рассказывает? Это очень важно. Вопрос о

том, как рассказывается история – это вопрос о том, как формируется отношение к соседу. Голод 1932-33 года: либо мы рассказываем украинцам про то, как «русские приехали в наши хаты», либо мы говорим о голоде, который был в разных местах, у него была своя специфика, но территория была гораздо большей, и это беда, которая была у нас, и у них, и у них, – и это совсем другая история. Или у нас история Красной Армии, которая бьется с немецкой армией во время Второй Мировой войны, и в рядах ее есть украинцы, и это история и плохого, и хорошего, либо у нас украинцы – это только те, кто борется с Красной Армией в Западной Украине. Либо у нас украинцы, которые в Советской армии, – это несчастные жертвы, потому что их загнали. А если немок насиловать, то это только русские, в крайнем случае, какие-нибудь казахи или чукчи, а украинцы здесь ни при чем. Можно было бы рассказывать об общем страдании и опыте, в том числе, таком, за который стыдно. Но ничего этого нет. Этот национальный нарратив очень антирусский, отчуждающий.

К. Элемент отчуждения обязателен при создании национального нарратива, обязательно должен быть Чужой, которому противопоставляется Свой. В украинском нарративе это Россия, но мы не можем экстраполировать это на всю Украину, есть Восточная, Западная, Центральная, и везде может быть по-разному. Второй такой Чужой – это Польша. Ну, где-то в третьих, четвертых рядах могут быть татары, турки, евреи, но, в любом случае, такая конфронтация очень важна, без этого сформировать свой национальный нарратив практически невозможно.

М. Очень важно, конфронтация это или разграничение. Потому что о чем мы думаем, когда возникает образ иного? Ведь этот национальный нарратив приучает нас к тому, что это конфронтация, ведь ты сейчас не случайно именно эти слова употребляешь. А разве я не могу думать об ином как об объекте эмпатии, заботы и т.д.? Ведь ребенок когда говорит: «мое», он этим отчуждает себя от других. Но при этом, по мере взросления и формирования личности, если он нормально формируется, он начинает воспринимать людей как объекты заботы, уважения и т.д.

К. Я совершенно согласен, и когда я говорю «конфронтация», я отнюдь не впадаю в какую-нибудь оправдательную риторику, а просто объясняю механизм: почему это выглядит так и по-другому выглядеть

не может. А по-другому выглядеть не может, нет этой эмпатии и выстраивания схемы, направленной на сосуществование, потому что выстраивание национального нарратива в течение 1990-х годов в Украине происходило по стандартной схеме XIX столетия, и эта схема, если посмотреть на то, как выстраиваются национальные нарративы во второй половине XIX века, то они все выстраивались на конфронтации, ни о каком сосуществовании речи не шло. Т.е. какой-то сжатый отрезок времени Украина и украинская историография, и, прежде всего, аффирмативная историография, которая отвечает за формирование канона, строилась на основе противопоставления с Другим, который был Чужим. И Россия тоже была этим Другим. Но я хочу еще раз напомнить о том, что в Украине нет единообразия мыслей и подходов по этому поводу. При том, что официально может навязываться идеология или подтекст конфронтации, региональные измерения играют очень серьезную роль, и если речь идет о востоке Украины, то там этого почти или совсем нет.

М. Ну, эту часть мы в печатной публикации перенесем или в выводы, или во введение.

К. Хорошо. В любом случае, говоря о такой ситуации, нельзя упоминать только одну сторону – об украинцах и украинском нарративе, нужно говорить и о реставрации неоимперского нарратива в России,

М. Что ты имеешь в виду?

К. Идею объятия всех прежних территорий и восстановления реабилитации имперской славы и советскости, которая в 90-е годы была, в основном, предметом негативного осмысления, а сейчас советскость становится предметом прославления. Конечно, в Украине, в рамках национального нарратива это может привлечь только негативное отношение.

М. Мне кажется, что здесь ты сам в некотором смысле становишься жертвой этой оптики. Вот почему: у нас возникала эта тема, когда мы говорили о разнице Киева и Москвы. В Киеве люди занимаются только украинской историей, ничем больше. В этом смысле Москва другая, и должна быть другой, в этом ее большое преимущество. Я бы хотел сказать, что в учебниках происходят похожие вещи: национализация, а не восстановление имперского нарратива. Я видел учебники, в которых не

было даже польского восстания 1863 года в хронологической таблице – и это учебник, готовящий для поступления в вуз, изданный МГУ. Ну, зачем она, Польша, где она? Мы пишем историю Российской Федерации в XIX веке. У нас есть Борис Миронов, который написал социальную историю России периода империи – это официальное название книги, как будто он знает, где эта Россия начинается, и где она заканчивается. Есть другая школа, которую я, например, представляю, и которая говорит, что мы должны заниматься историей Российской Империи, и здесь гигантское поле для сотрудничества, в том числе, между украинскими и русскими историками. Поэтому я и делаю серию «Окраины Российской империи», и т.д. И с одной стороны, есть люди, которые стоят на страже с винтовкой в Киеве и говорят, что это возрождение имперской историографии, и чего это они полезли нашу историю писать. А есть люди в России, которые обвиняют меня в том, что у меня в этой серии есть не только про Украину, Польшу, Белоруссию, которые уже отвалились. Но и про Сибирь и Северный Кавказ. Они говорят: «Ты что, хочешь, чтобы они тоже отвалились?»

А советский нарратив – это очень важно, потому что это такая слепая точка в историографии, особенно в учебниках, особенно последнего времени. Т.е. это попытка протянуть линию государства, которое может быть очень строгим отцом, но которого нужно слушаться. Именно через такие мотивы идет реабилитация сталинизма в новых учебниках Филиппова, Данилова. Это очень неприятная тенденция.

К. Я тогда отсюда проведу линию к своей реабилитации. Я заменяю словосочетание «неоимперский нарратив» на «государственнический», потому что явно прослеживаемая тенденция (может, у меня не хватает информации) в российской историографии и официальной линии – это, если сказать метафорически, «история государства Российского», Этот государственнический экстаз позволяет проектировать и советский нарратив, и неоимперский в разные когнитивные и объяснительные структуры. Таким образом, это не может не привести к тому, что этот государственнический экстаз воспринимается, используя старые термины, «отложившимися» территориями как некоторая претензия на реставрацию некоего доминирования: духовного, культурного, экономического или политического. Тем более что все это сопровождается – я предлагаю не забывать об этом – или действиями, или заявлениями, или какие-то стратегическими программами, существующими или воображаемыми на разных этажах российского общества. Если в Российской Думе, которая не играет решающей роли в политической жизни

страны, произносится декларация о Крыме или о Севастополе как российских территориях, то, конечно, это немедленно воспринимается в Украине какой-то частью политикума и, соответственно, какой-то частью историков как неоимперские амбиции.

М. Что, кстати, глубокое заблуждение.

К. Это, может быть, и заблуждение, но я говорю о том, как это воспринимается.

М. Я понимаю, но я хочу тебя перебить вот почему: чтобы сразу было понятно, это не потому, что я пытаюсь оправдать заявление об аннексии Крыма, но за этим стоит не неоимперскость, а русский ирредентизм, что совсем другое. Имперскость – этодохлый зверь. Мобилизовать современное население России на то, чтобы снова восстанавливать СССР, – никто не хочет, по всей стране – 15 процентов. И то, если кто-то испытывает ностальгию по Советскому Союзу – то это ностальгия по бесплатной медицине, дешевой колбасе и гарантированной работе. А вот русский национализм – это очень важно, и здесь как раз есть скрытый и опасный потенциал, потому что можно заиграться и выпустить из-под контроля: за пределами России остались 20 млн. русского населения, какие-то территории, которые маркированы как русские в национальном сознании: Крым, город Нарва, еще что-нибудь такое. И как раз то, что говорят «отобрать Крым у Украины» – это отказ от имперскости: Украина уже отрезанный ломоть, мы на нее не претендуем.

К. Это цитата.

М. Да, я пытаюсь изложить логику тех, кто так говорит. Украина – и черт с ней, пусть она провалится в тартарары, хорошо, что у них все плохо.

К. И это тоже цитата.

М. Ну, да. А Крым мы заберем, потому что он наш, а Хрущев, сволочь, его неправильно отдал. И это не имперскость, это русский ирредентизм.

К. Это очень важное замечание, я только пытаюсь понять, возможна ли взаимодополняемость, можно ли его трактовать тоже как форму им-

перскости. Почему ирредентизм не может быть проявлением имперских амбиций?

М. История дает примеры, как ирредентизм и имперскость могут быть тесно переплетены – это немецкая история XIX-го и, особенно, первой половины XX-го века. Бисмарковская Германия и нацистская Германия, каждая по-своему, сочетали ирредентизм и идею имперской экспансии. Если ты согласишься на ирредентизм как официальную идеологию ФРГ после войны или современного Китая – здесь элемент имперской экспансии уже отсутствует. Между тем, и у ФРГ до 1989 г., и у сегодняшнего Китая ирредентизм – это официальная идеология. Почему он не очень страшный? Потому что претендует на присоединение целых государственных организмов не силовым путем. Немцы говорили: «Германия должна объединиться». Это ирредентизм в чистом виде. Они не собирались воевать, они ГДР потом купили. Китайцы тоже много лет подряд говорили: «Гонконг – наша территория». Они не собирались за нее воевать. Сейчас они его присоединили. То же самое они говорят по поводу Тайваня. И если им удастся с ним договориться – очень хорошо. Так же обстоит дело и с объединением России и Белоруссии в единое государство: проведите референдум, проголосуют и те, и другие, за – и ради Бога. Но когда ирредентизм говорит в отношении Украины: «Мы от вас кусочекотрежем», – то это уже другое дело. Государство не может согласиться на то, чтобы от него что-то отрезали, это *casus belli*. С Белоруссией нет казуса белли, это предмет торга. А Крым не может быть предметом торга, потому что это – «отщипывание кусочка». В этом смысле конфликтогенный потенциал такого ирредентизма, который претендует на часть территории другого государства, очень большой. Но, с другой стороны, нет в современной России того имперского драйва, который был у Германии Бисмарка или Гитлера. И не будет, как бы ни пыжились Третьяков или Дугин. И в этом смысле русский ирредентизм сегодня потенциально весьма опасен, но это не камуфляж возрождающегося имперского драйва – природа явления другая.

Не будем углубляться в политологию, но мне кажется, что сегодня активизация разговоров о Крыме – это создание очага контролируемой напряженности в условиях, когда встал вопрос о НАТО. Потому что если бы ирредентизм был серьезной практической идеологией, то в 1994 году, когда в Симферополе сидел Мешков и только просил: «дайте мне провести референдум об объединении Крыма с Россией», это можно было бы сделать. Он бы выиграл этот референдум. И, кста-

ти, никто бы ничего не сделал, никакой войны по этому поводу бы не было. Это показывает, что не нужно преувеличивать.

Но в целом я сейчас вижу, что и в российской историографии возникает этот образ украинцев-врагов. Не случайно так часто переиздают всех украинофобских товарищей начала XX века. Этот мотив: украинцы как враги русского народа – это очень важная тема. Т.е. в некотором смысле наши историографии начинают работать на общее дело, они друг друга взаимодополняют в этой конфронтационной полемике, в этих усилиях по отчуждению, по созданию образа врага.

Интервью с Алексеем Миллером

Предлагая к обсуждению статью Александра Янова, редакция «НЗ» подготовила ряд вопросов, заостряющих внимание на наиболее важных и спорных, с нашей точки зрения, моментах обсуждаемого текста. Эти вопросы и стали основой нашей беседы с Алексеем Миллером.

1. Насколько репрезентативной (как для современного состояния российской историографии, так и для российского общественного сознания в целом) вы считаете ту историософскую мифологию (в изводе Назарова, Белковского или Нарочницкой), которую делает предметом своей критики Александр Янов?

2. Насколько продуктивным для дезавуирования «мифа» о консервативном, патерналистском пути России вы видите обращение к исторической проблематике и понятийной логике, породившим спор западников и славянофилов? Существует ли перспектива разговора об истории России за пределами оппозиции: Россия/Европа – «Россия как часть Европы» и «Россия как самостоятельная, автономная и маркированная особыми духовными ценностями цивилизация»? Возможно ли выйти за пределы исторической модели, описывающей историю России как серию повторяющихся на разных этапах развития отпадений от истории (resp. европейской истории) и возвращений в рамки ее «нормального» движения?

3. Каково соотношение представлений об универсальном и партикулярном в таком способе дезавуирования «национальных исторических мифов», когда, скажем, концепцию «особого пути» развенчивают через концепцию «открытого общества», «побивая» Уварова с помощью Поппера? Не возникает ли здесь опасность того, что думающий об истории России и ставящий перед собой цель очистить взгляд на нее от идеологических наслоений по-прежнему остается в поле идеологии как таковой, лишь предпочитая одну идеологическую программу другой?

4. Разделяете ли вы авторскую трактовку роли имперской модели в истории России и места николаевской эпохи в становлении этой модели?

5. Как вы оцениваете идею сосуществования в российской истории двух культурных традиций – европейской либеральной и «моско-

витской» патерналистской — и саму логику такого противопоставления?

Алексей Миллер: Я бы сказал, что настроение, которое отражается в описаниях Нарочницкой, Назарова, — это, действительно, проблема. Это присутствует в массовом сознании, это один из элементов усиления изоляционистской версии русского национализма, который впервые довольно успешно осваивает тему собственной легитимизации на политическом поле.

При этом я бы сказал, что ни эти настроения, ни то, что в ответ на них пишет Янов, к собственно историографии почти никакого отношения не имеет. В вопросе звучит «для современного состояния российской историографии» — да, имеют, но лишь в том смысле, что у нас сейчас значительная часть историографии функционирует на обочине историософии, и все исторические спекуляции такого рода имеют к такой «историографии» какое-то отношение.

Но мне кажется, что, по гамбургскому счету, ни писания Нарочницкой (что очевидно), ни даже этот конкретный текст Янова не представляют интереса как элементы историографии.

«Неприкосновенный запас»: То есть это репрезентативно, но для другой области.

А.М.: Для другой области, то есть для идеологии. Что касается второго вопроса, мне кажется, в этом вопросе очень ясно уловлен ключевой сюжет, или ключевая проблема. Дело в том, что русская общественная мысль демонстрирует необычайную устойчивость (в плохом смысле слова) по части своего репертуара. Вот как сложился какой-то репертуар смыслов и каких-то тематических ходов в XIX веке, так он с упорством, достойным лучшего применения, и воспроизводится.

Не случайно эта «оппозиция западников-славянофилов» (возьмем ее в кавычки) постоянно воспроизводится в русской мысли XX века, хотя дурной круг здесь усугубляется тем, что основная масса людей, которые рассуждают в этих категориях, имеет очень отдаленное представление о том, что думали западники, что думали славянофилы и какова была эпоха, в которой они жили.

В этом смысле Янов целиком и полностью остается в рамках этого сильно потертого и заношенного репертуара. Если мы обратимся к тому, что же он акцентирует как новизну, как главный новый постулат, то на самом деле это очередная игра в логическую комбинаторику без выхода на новые сюжеты.

Ну хорошо, он сказал, что плохо думать так, как думает Нарочницкая, которая говорит, что в России все было правильно и только Запад все портил. Потом он сказал, что плохо думать так, как думает Явлинский и остальные либералы – в том смысле, что в России все было плохо и только Запад давал какую-то маленькую надежду, которая никогда не реализовывалась.

И что он хочет нам сказать вместо этого? Он хочет сказать, что в России была многовековая либеральная традиция, которая все время боролась с патерналистской традицией.

У меня тут сразу возникает целая масса вопросов. Как можно говорить о многовековой либеральной традиции, если либеральная традиция вообще, а не только в России, не насчитывает больше двух с половиной веков? Если мы говорим об оппозиции *европейского начала* и *патернализма*, то и в европейском опыте патернализма сколько угодно. То есть снова воспроизводятся оппозиции совершенно мифических категорий: европейскость как средоточие всего хорошего и российский патерналистский опыт как средоточие всего плохого.

И конечно, мы это видим, когда Янов цитирует Назарова, поющего хвалу Московии, которая соединяла в себе и духовность, и имперскость, и еще бог знает что, и все было хорошо. А что ему противопоставляет Янов? Он противопоставляет цитату из Крижанича: «Люди наши косны разумом, ленивы и нерасторопны. Мы не способны ни к каким благородным замыслам, никаких государственных или иных мудрых разговоров вести не можем, по сравнению с политическими народами полунемы, в науках не сведущи и, что хуже всего, весь народ пьянствует от мала до велика».

Вот эти слова: «весь народ», «никаких государственных», «ни к каким благородным замыслам не способны» и так далее – ну неужели это не бросается в глаза Янову, что, взяв себе в свидетели Крижанича, он взял человека, также занимающего крайне тенденциозную и однобокую позицию?

«НЗ»: Может, у него такая структура цитаты...

А.М.: Да никогда так и не было и не бывает, что либо весь народ пьет, либо весь народ трезвый. Никогда так и не бывает, чтобы ни к каким идеям никто не был способен.

«НЗ»: Вот это дихотомия крайностей: никогда – всегда, все – никто...

А.М.: Я про это и говорю, очевидным образом цитата крайне тенденциозна, и чем эта тенденциозность лучше тенденциозности Назарова, совершенно непонятно. В этом смысле оказывается, что если поле-

мика ведется таким образом, то на самом деле она никому не нужна. Она никому не нужна, потому что те, кто читает Нарочницкую и Назарова, не будут читать того же качества текст Янова просто потому, что одни поют для своих – и другие поют для своих. Янова будет читать и полагать, что прочел что-то ценное, тот человек, который вместе с ним изначально, еще до прочтения его текста, верит в то, что он собирается прочитать.

На самом деле, это такое упражнение в самоугаваривании и с той, и с другой стороны, а не настоящая критическая и аналитическая практика.

«НЗ»: А как можно преодолеть такую модель? Возможно ли такое?

А.М.: Я бы сказал, что для начала нужно просто почитать что-нибудь. Скажем, когда я смотрю на все эти рассуждения Янова, я думаю, что даже в русском переводе (к тому же Янову он и не нужен) уже в течение некоторого времени существуют книги Иммануила Валлерстайна²⁸⁸, существует книга «Изобретая Восточную Европу» Ларри Вульфа²⁸⁹, существует очень хорошая книга Ивера Ноймана «Использование другого»²⁹⁰.

Почему я называю эти книги? Потому что Валлерстайн говорит о том, что позиция России в мировой системе в очень большой степени определяется не тем, что о себе думают какие-то не шибко влиятельные в масштабе даже самой Российской империи интеллектуалы, но логикой более крупной системы, на периферии которой находится Россия.

Что нам рассказывает Вульф? Он рассказывает, что Россию назначили быть не Европой, и быть на востоке, а не на севере, как прежде считалось, причем назначили вовсе не в России, а в Западной Европе в конце XVIII- начале XIX века.

Хорошо, действительно, в период Московии Россия противопоставляла себя тому, что тогда можно было условно назвать Европой, но она не занималась этим в XVIII веке. Есть так называемый *discourse of othering*, дискурс, который формирует образ России как Иного, причем ключевого, конституирующего Иного для Европы, и этот дискурс сформировался не в России. Об этом пишет, например, Нойман. А если этот дискурс сформировался не в России, то возникает очень интересный вопрос: способна ли Россия этот дискурс отменить?

---

²⁸⁸ Валлерстайн И. *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. М.: Логос, 2003; Он же. *После либерализма*. Екатеринбург, 2003; Он же. *Мировистемный анализ: Введение*. М.: Территория будущего, 2006.

²⁸⁹ Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу*. М.: НЛО, 2002.

²⁹⁰ Нойман И. *Использование другого*. М.: Новое издательство, 2006.

Все это очень важно, потому что такой взгляд уже дает какую-то иную перспективу.

С другой стороны, если мы посмотрим на этот спор западников и славянофилов, то опять же, надо хотя бы почитать книгу Анджея Валицкого «В кругу консервативной утопии» – это замечательная книжка о славянофилах. (Между прочим, Янов ее хорошо знает, он сам много лет назад писал весьма интересные вещи о славянофилах.)

Я дальше скажу о том, в чем я не согласен с Валицким по части характеристики Уварова и его триады, но в одном с ним можно согласиться совершенно определенно. При всей своей специфике и западни-ки, и славянофилы – это совсем не уникальные течения мысли для обществ, расположенных на окраинах Европы. И у западников, и у славянофилов есть масса аналогов по всей Центральной и Восточной Европе.

О чем это говорит? О том, что не нужно изображать эту дихотомию как нечто специфически российское, как нечто непреодолимое – все это вполне преодолевается, только умом не надо лениться.

И очень характерна для всех подобных схем, будь то Наталья Нарочницкая, будь то Александр Янов, их простота. Это ровно тот случай, когда простота хуже воровства. На сложные вопросы не бывает простых ответов.

У нас в современном общественном дискурсе высказываются очень любопытные идеи, но почему-то никто не хочет их замечать. Не так давно Александр Аузан выступал в Москве (в клубе «Билингва») с лекциями, посвященными его проекту общественного договора, и он сказал, что если мы только начнем писать историю России с точки зрения людей и их конкретных судеб, то наши представления о том, какие периоды были благополучны, а какие неблагоприятны, могут очень резко поменяться.

В какие периоды у человека было больше шансов прожить нормальную жизнь, не быть убитым на войне, не сгнить в ГУЛАГе, спокойно вырастить детей и так далее? В какие периоды мы могли накапливать культурный капитал? Вырастить детей и передать им какие-то знания, правильно их воспитать, заплатить за их образование – это уже задача немного другого уровня, она не решается с наскока. Для ее решения совершенно недостаточно оперировать цитатами русских историков XIX века, а это, увы, единственный способ доказательства, к которому прибегает Янов.

Я считаю, что цитаты вообще ничего никогда не доказывают, если разговор идет не исключительно о состоянии ума автора этой цитаты, и

в этом смысле, может быть, самый характерный пример – это трактовка Яновым николаевского времени и триады Уварова «православие, самодержавие, народность».

Что делает Янов? Янов воспроизводит миф, основа которого была заложена Александром Пыпиным в 1870-е годы. Именно тогда и был придуман им ярлык «официальная народность». В своем собственном контексте, решая свои собственные задачи, Пыпин определенным образом интерпретировал Уварова. Каким образом он его проинтерпретировал – мы все знаем, потому что это ровно то, что основная масса народа знает и думает по этому поводу. Пыпинский миф с невероятной устойчивостью воспроизводился и либерально-интеллигентской, и советской историографией.

Есть люди, которые пытаются это пересматривать, пытаются обратить внимание на собственно уваровские тексты и на ситуацию, внутри которой они создавались и воспринимались. Я тоже пытаюсь внести свою лепту в это переосмысление. В журнале «Новое литературное обозрение» скоро выйдет моя статья об Уварове, вернее, о его триаде, где я пытаюсь просто внимательно читать Уварова.

Надо просто прочитать эти тексты и ничего не выдумывать. Там очень ясно сказано, что Уваров настаивает на том, что Россия эмансипируется не от Европы, а эмансипируется в Европе. Уваров настаивает на том, что Россия должна искать не путь, отдельный от Европы, а путь самостоятельного творчества в Европе.

Если мы посмотрим на николаевское время без фильтров или штампов историографии XIX и XX веков, то мы увидим, во-первых, что одна из задач, которые пытается решить Уваров, – это загнать в один и тот же университет, на одну и ту же аудиторскую скамью дворян и разночинцев. Совсем неплохая задача. Незадолго до вступления Уварова на пост министра просвещения граф Строганов замечательно сказал, что «студентов у нас нет, а называются такими сволочь шалунов, или мальчишек». «Сволочь» здесь в петровском значении, от «сволокли» (на тяжелые работы). Это как раз тот случай, когда высказывание довольно точно описывает ситуацию, что подтверждают источники.

Другая, например, задача, которую пытается решить Уваров, – создать систему образования на русском языке для евреев. Именно отсюда идет такой феномен, который потом получил название «русско-еврейская интеллигенция».

Можно оценивать по-разному роль тех или иных представителей этой группы в разные периоды русской истории, эти оценки могут быть применительно к разным периодам и позитивные, и негативные, важно,

чтобы они были сложные, соответствующие сложности явления. Но в данном контексте главное другое – Уваров оказался способен запустить этот механизм включения в русскую культуру огромной группы людей с большим творческим потенциалом. То же самое начинает происходить с немцами. А о том, как общество смогло (или не смогло) эту группу инкорпорировать и использовать ее потенциал, – это уже вопросы не к Уварову.

Если мы посмотрим на идеологию русского национализма, то нужно видеть, что Уваров, на самом деле, не стоит на крайнем правом фланге. В политической палитре мнений – которая, собственно, и появилась во многом благодаря тому, что именно Уваров открыл пространство для подобных дискуссий, – у него есть критики слева, но у него есть и критики справа. Когда мы внимательно посмотрим, поддерживает ли Уваров, например, Шевырева, которого цитирует Янов, то будет видно, что Уваров его не поддерживает. Кого поддерживает Уваров? Уваров поддерживает однозначно и постоянно двух людей: Николая Герасимовича Устрялова и Тимофея Николаевича Грановского.

Грановского оставим, потому что все знают, кто он такой и чем славен в русской науке. Устрялов – это тот человек, который сформулировал крайне тенденциозные с идеологической точки зрения, но весьма функциональные с точки зрения историко-идеологического обеспечения ответы на вопросы, которыми никогда прежде русские историки не задавались. Это вопросы о том, где русская национальная территория, как писать историю русской нации именно как нации. Он получил от Уварова приз за лучший учебник по русской истории. Он сказал, что не надо писать историю династий, потому что тогда мы теряем Западную Русь, надо писать историю народов.

Теперь, когда я смотрю на то, что писал Устрялов в 1830-е годы, из начала ХХI века, я понимаю, что, попробуй он написать это сегодня, я бы его клеймил как абсолютно ненаучного человека. Но для своего времени Устрялов абсолютно соответствует магистральному направлению развития европейской историографии, которая активным образом участвовала в строительстве различных наций. В этом смысле он никоим образом не свидетельство какой-то неевропейскости России, а, наоборот, подтверждение европейскости того феномена, который пытается запустить Уваров.

Кстати, история с публикацией знаменитого письма Чаадаева тоже очень интересно характеризует Уварова. Когда Николай Иванович Надеждин (хозяин журнала «Телескоп») публикует это письмо, к чему он стремится? Он что, стремится взорвать Россию? Сказать что-то, хлоп-

нуть дверь и закрыть журнал? Да ничего подобного, он этим журналом очень дорожит. Когда началось дело по поводу этого письма, Надеждин (причем я абсолютно убежден в искренности его объяснений) говорил, что не желал ничего плохого, что сам он не согласен с Чаадаевым. «Я его письмо опубликовал, а в следующем номере я собирался опубликовать мой ответ». И действительно, Надеждин вполне был способен написать какой-то ответ Чаадаеву, если посмотреть на его чуть более ранние статьи на эту тему.

О чем это говорит? О том, что у Надеждина, человека осторожного, в 1836 году есть представление о границах свободы дискуссии по вопросам нации и национального, которые создает Уваров, и Чаадаев укладывается в эти границы. Это представление Надеждина оказалось ложным. Как оказалось, не укладывалось письмо Чаадаева в границы дозволенного. Оказалось, что Уваров проводит ясное разграничение между тем, что можно говорить и что можно печатать. Может быть, это даже можно сравнить с современной ситуацией, с тем, как различаются рамки возможного на телевидении и в газетах.

Уваров не является образцом свободомыслия и свободолюбия, но делать из него реакционера абсолютно бессмысленно. И когда эпоха Николая характеризуется цитатами конца XIX- начала XX века, когда отсылки к этой эпохе используются в современных дебатах – это не тот способ, которым могут работать историки.

Точно так же, когда мы смотрим на то, как оцениваются декабристы, которые боролись с самодержавием, а собирались установить, если брать, к примеру, Пестеля, диктатуру, которая, очень подозреваю, была бы не лучше, а много хуже предшествующего режима. Все-таки это немного более сложная картина, чем та, которую видит Янов и которую он собирается сформировать в умах своих читателей.

Мне кажется, что на этих примерах я показал – выход за пределы такого рода дискуссии есть. Надо внимательней смотреть на эпохи, не надо того или иного автора нагружать исключительно негативным или исключительно позитивным значением. Тогда, например, мы увидим, что одним из людей, которые предлагали Уварову свои услуги для пропаганды его идей, был Александр Сергеевич Пушкин. Тогда мы можем обнаружить, что специфический этос интеллигенции, согласно которому приличный человек не может сотрудничать с властью, сформировался позже – в первой половине XIX века его еще не было. Может быть, одно из обстоятельств, подталкивавших прежде к сотрудничеству с властью, состоит в том, что власть очень часто играла и играет модернизующую роль в истории России. Если мы находимся во фронталь-

ной оппозиции к власти, способствуем ли мы тому, чтобы она более решительно двигалась в модернизаторском направлении?

Нельзя, конечно, сравнивать эти ситуации, но отдаленная аналогия может быть усмотрена с позднесоветской эпохой, когда люди между собой обсуждали, надо ли идти в партию и преобразовывать ее изнутри или в эту партию вступать нельзя. И каждый был по-своему прав. Я выбрал, что нельзя, а кто-то выбрал, что можно. Вспомните эти дебаты, когда некоторые говорили, что мы тем, кто был в партии, руку подавать не должны. Разумеется, сотрудничать с Министерством народного просвещения в 1835 году было заметно менее постыдно, если вообще постыдно, чем с Министерством образования РСФСР в 1985-м, хотя и здесь можно было сделать много полезного.

Еще раз напомним эту формулу, которая, как мне кажется, очень удачно отражает проблематику николаевской эпохи: эмансипация в Европе, но не эмансипация *от* Европы. Нарочницкая и люди, подобные ей, озабочены эмансипацией от Европы. Уваров не стоит на стороне Нарочницкой, не надо его туда загонять, так же как и Катков не стоит на стороне Нарочницкой, его тоже не надо туда загонять.

И вот тех людей, которых интеллигентский дискурс замазал черной краской, если не чем-нибудь похуже, надо просто почитать. Надо почитать, *что* писал Катков о принципах членства в русской нации. Есть очень много рассуждений, под которыми я сегодня готов подписаться.

Мы даже в том репертуаре, который был в XIX веке, откидываем все, что хоть чуть-чуть более сложно, и все время используем один и тот же инструмент – бубен, лишь меняя темп исполнения.

Есть еще масса других инструментов, которые требуют более сложных навыков для исполнения на них каких-то осмысленных произведений. То есть путь к сложным ответам на сегодняшние непростые вопросы лежит, среди прочего, через сложность в интерпретации прошлого – вот через эту сложность мы как раз можем преодолеть тот примитивный репертуар, который нам навязывается.

Таким образом, я уже ответил на четвертый вопрос, разделяю ли я оценку николаевской эпохи. При том что Николай, судя по всему, был вполне деспотом, особенно в последнее десятилетие своего царствования, очень нетерпеливым человеком. Уваров постоянно пытался с ним полемизировать (с учетом разницы их положений).

«НЗ»: Еще один вопрос, касающийся оценки империи Яновым.

А.М.: А, это тоже любопытно. Хорошо, что вы мне напомнили. Янов пишет о трех «проклятиях» России: «православном фундаментализме», «крепостном праве», «самодержавии и империи». Но когда я читаю, что

в 1860-е годы и Германия, и Австро-Венгрия, и даже Османская империя были конституционными монархиями, то надо все-таки чуть-чуть более внимательно смотреть на вещи. Во-первых, конституция в Османской империи просуществовала один год. Австро-Венгрия – да, она более основательно встала на этот путь. Но когда мы задумываемся над тем, что случилось, например, в начале XX века, то мы обнаруживаем, что и тех, кто встал на конституционный путь в 1860-е годы, и тех, кто встал на этот путь заметно позже (как Россия), – их всех смела Первая мировая война. Тогда мы задаемся вопросом: может быть, и Российская империя, даже ступив на этот путь с таким ужасным опозданием – действительно могла раньше и должна была раньше, – может быть, и для нее не все было потеряно? Но Первая мировая война на всех империях на окраинах Европы поставила крест – вот это надо оценить.

Да, кстати, давайте заметим одну вещь, что демократия, либерализм и власть закона – это вещи отдельные и не обязательно сочетающиеся в одном режиме. Мы можем легко представить не либеральную, но демократическую страну.

«НЗ»: Термин «нелиберальная демократия» получил сейчас законную прописку в политологии.

А.М.: Вернемся к этим проклятиям русской истории, о которых говорит Янов, – крепостное право, самодержавие и империя.

Вроде бы все верно. Можно ли считать крепостное право проклятием русской истории? Безусловно. Но надо смотреть внимательнее, что это такое, в какой степени это российская специфика, в какой степени она охватывает весь социум (потому что у нас есть Сибирь без крепостного права, да и не только).

Православный фундаментализм, равно как католический, мусульманский или иудейский – мне не близки. Но хочется спросить, что в истории XVIII-XIX веков можно объяснить через «православный фундаментализм»? Сколько его там? Каково его влияние на светскую власть?

Самодержавие – да, очень консервативный институт, безусловно. И опять же, при всей его консервативности, все-таки именно самодержавие сумело создать для России сценарий, который существенно отличался от сценария Османской империи. Вот когда мы говорим о том, что сегодня люди вовсе не горюют о потере статуса сверхдержавы, – это совершенно справедливое и очень радостное замечание. Но при этом если сверхдержавы, наподобие СССР, нам не надо, то идея великой державы, стоящей в одном ряду с несколькими другими державами

такого же уровня, народу очень близка, и она очень тесно связана с идеей империума, то есть суверенитета.

В этом смысле что мы можем сказать о проклятии империи... Ну давайте подумаем, если бы Россия не была бы империей, то чем бы она была в XVIII-XIX веках? Вот тут как раз начинают возникать разные вопросы – а чем могла быть Россия, кроме как империей? Ну, она (Россия) могла и не быть центром империи, она могла бы быть периферией другой империи, если был бы разыгран другой исторический сценарий. Она и была какое-то время периферией монгольской империи. Разве мы рассматриваем этот период как период очень благостный? Наверное, нет.

Она вполне могла бы стать частью, скажем, империи Ягеллонов, продвинувшейся на Восток. Она вполне могла частями войти в разные империи. Она вполне могла превратиться в квазиимперию, подобную Османской в XIX веке, когда Османская империя вполне потеряла экономический суверенитет, когда ее обрезали кто как хотел и сдерживающим фактором было лишь противодействие великих держав друг другу, а не способность Османской империи противодействовать очередным аннексиям. Когда мы думаем о том, как это отразилось на Османской империи, то неплохо было бы помнить, что в XIX веке в Османской империи происходит деиндустриализация, у нее отсутствует и промышленность, и даже министерство финансов (финансами заведовала иностранная администрация, обслуживающая государственный долг) – это тоже перспектива. Можно и на Китай того времени взглянуть...

Империя была фактически универсальной формой организации европейского (и не только европейского) пространства вплоть до начала XX века. Империя – это феномен, в котором есть и негатив, и позитив, но говорить, что империя – проклятие России, бессмысленно. Это бремя, и, как всякое бремя, оно давит. Далеко не всегда Россия была разумно избирательна в том, какую часть этого бремени нести, и о мегаломании этой империи можно сказать больше плохого, чем хорошего.

Но это была универсальная форма организации политического пространства, и милые сердцу любого западника Британия, Франция были империями, которые построили в своем ядре более или менее крепкие национальные государства. Для них тоже империя была проклятием?

Если это универсальная форма, тогда возникает вопрос, хочешь ты быть в центре империи или на ее окраине. Может быть, как у Бродского, «если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря»? Поэту – возможно, хотя, между прочим, Бродский родился, в том числе родился как поэт, именно в Петербурге. А другой поэт, кото-

рый как раз родился в глухой провинции, Мицкевич, получил гигантский импульс для своего таланта именно в годы своего пребывания в Петербурге, даже если и не любил его, а затем в Париже.

Когда мы смотрим на империю, надо видеть, что подавление присуще империи, но империя живет не только подавлением. На самом деле, главный способ организации власти в империи – это то, что называется «непрямое правление». Ей приходится все время договариваться с окраинами.

Империя подавляет, но она и умеет инкорпорировать, привлекать, позитивно мотивировать. Как только эта способность сходит на нет, у империи возникают серьезные проблемы – мы их все прекрасно помним по 1970-1980-м годам.

Не надо глорифицировать империю ни в коем случае. Для нашей историографии очень важно как раз показать читателю репрессивность империи, но не надо при этом сваливаться в очернительный дискурс, потому что, помимо всего прочего, читатель его не поймет и не воспримет. И будет прав.

Когда мы говорим «без империи»... Вот, кажется, сейчас Россия оказалась в ситуации, когда она может попытаться стать великой державой с некоторым ограниченным наследием империи, но не очень сильным. Хорошо бы основательно обсудить новизну этой ситуации.

Читатель умнее, чем мы думаем. Не надо бояться говорить с ним сложно. Если рассуждение об истории начинается со слов о том, что история не терпит простых ответов и простых решений, – это не обязательно сигнал к тому, чтобы читатель отключился и отложил книгу в сторону, хотя многие так и думают.

Вы поговорите с читателем об этих сложных вещах понятным языком – все будет нормально, поймут, по крайней мере поймут, что простые ответы не годятся, а это уже кое-что.

6 февраля 2007 года

Человеческая история XX века: уворачиваясь от беды

*Мы публикуем материалы нескольких бесед двух ученых – доктора исторических наук, профессора Центрально-европейского университета в Будапеште, ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН **Алексея Миллера** и кандидата географических наук профессора и декана Факультета экологии и экологической политики Центрально-европейского университета в Будапеште **Рубена Мнацаканяна**. Тема – история XX века глазами семьи и некоторого ближайшего круга.*

Алексей Миллер: Мы предлагаем вашему вниманию разговор людей, родившихся через 6 лет после смерти Сталина, в 1959 году. Эти люди – Рубен Мнацаканян и Алексей Миллер. Мы оба работаем в Центрально-европейском университете. В Будапеште много чудесных мест, где можно с удовольствием побеседовать, и мы с Рубеном в какой-то момент обнаружили, что в наших разговорах важным элементом является история, но в специфической форме. Трудно людям, сформировавшимся за последние 20 лет, представить, насколько сталинские и досталинские времена были легендарными для людей, рождённых в 1959 году. Википедии не было, компьютеров не было, никто не думал, что в книге по истории он может прочитать правду об истории, а интерес был. Это очень повышало ценность небольших историй или фраз, которые мы слышали от родителей или дедов о том времени. Это производило впечатление. Именно эти сюжеты станут предметом нашего диалога сегодня: как мы узнавали о времени от нас недалёком и для нас легендарном и загадочном. По ходу дела мы предложим вашему вниманию рассказы, которые теперь стали новеллами, потому что были отточены многочисленными пересказами.

Рубен Мнацаканян: Когда я в 9-10 классе начинал задумываться о своей будущей профессии, а по складу был скорее гуманитарием и интересовался историей, я, естественно, советовался об этом с родителями. Мой отец был физиком-теоретиком, мать работала в научном издательстве редактором, по профессии она геохимик. Я помню, что родители убедительно старались отговорить меня от занятий историей, говоря, что в нашей стране полноценно заниматься историей я всё равно не смогу. Это такой предмет, о котором невозможно сказать так, как оно

есть. И тогда я выбрал географию. Весьма кстати попавшиеся мне в то время статьи Л.Гумилёва показали, что взгляд на историю с географических позиций может давать совершенно неожиданные и очень интересные результаты. С тех пор я и занимаюсь вопросами взаимодействия природы и общества.

А.М.: А ирония вот в чём: я в те же годы в 9-м классе не хотел становиться историком, а хотел стать врачом. Мама моя была врач, а отец – историк, и меня тоже отговаривали быть историком теми же самыми аргументами. Сейчас мне сложно понять, убогость ли это моего ума или у нас была плохая учительница химии, но с химией отношения у нас не сложились совершенно. Стало ясно, что сдавать химию в университет я не смогу, пришлось переориентироваться на историю. Т.е. сам того не желая, я стал историком, а ты, хотел стать историком, но не стал. Мне кажется, тебе повезло больше. На самом деле не важно, кто есть кто. Мы усваивали эту историю в 60-70-е гг., когда мы учились в школе и университете. Я сомневаюсь, что при обучении на истфаке МГУ в те годы можно было узнать об истории России довоенного и послевоенного времени больше, чем на факультете географии. Набор текстов и схем обучения был один и тот же.

Р.М.: Вообще советская история, которую мы все должны были в те годы учить в университете (история КПСС) представляла собой удивительную смесь непреложных истин и запретных тем, которые как бы переплетались друг с другом, и не всегда можно было установить, где кончается непреложная истина и начинается запретная тема. В связи с этим у меня есть забавное воспоминание университетских лет. У нас на факультете этот предмет читала Анастасия Терентьевна Барулина, она работала в МГУ и преподавала историю партии чуть ли не с 1938 года, убеждённая коммунистка, наверняка в своё время и сталинистка. Это такой типаж спортсменки-комсомолки 30-х годов, и в 70 лет она плавала в бассейне наравне со студентами, она вообще была в своём роде удивительная женщина. За годы преподавания она выучила чуть ли не наизусть сочинения Ленина, говорила цитатами и тут же давала по памяти точные ссылки, вплоть до номера страниц.

После смерти моей бабушки, которая была учительницей истории в Ереване, отец привёз часть книг из её библиотеки, в том числе собрание сочинений Сталина, речи Сталина, первое издание знаменитого Краткого курса истории ВКП(б), который был издан тиражом чуть ли не в 1,5 млн. Я помню, что когда мы изучали партийные съезды по истории партии, я стал читать соответствующие речи Сталина. Мы же все съезды изучали по итоговым документам, то есть по текстам, написан-

ным достаточно бюрократическим языком. А в речах Сталина была живая полемика, стенографически зафиксированная реакция зала, выкрики с места – ну то есть это был живой текст. Многое из того, что он говорил, не отражалось в итоговых документах, многие споры и дискуссии были просто непонятны. Даже из этих речей стало ясно, что реальная история была насыщена событиями, смысл которых от нас часто ускользал. А ведь у меня не было возможности читать речи сталинских оппонентов, судить о них можно было только по цитатам в его речах! И тем более не было возможности прочитать историков, разбиравших подлинную суть тогдашней политической борьбы.

И вот я помню, что принёс и демонстративно выложил на парту во время семинара «Краткий курс истории ВКПБ» и сборник Сталинских докладов «Вопросы Ленинизма». Анастасия Терентьевна имела обыкновение ходить по рядам, и, подходя к моей парте, она увидела эти книги, переменялась в лице, стала белой, потом красной, было видно, что она не знает, как на это реагировать. Ей, с одной стороны, было, наверное, приятно, что я проявляю интерес, но с другой стороны – книги и речи Сталина были в брежневские времена под негласным запретом. И тогда она сказала: «Ну что, Мнацаканян, это же старые книги, по ним уже никто не учится! Ха-ха!» – но не попросила их убрать и не стала ругать меня или подымать скандал.

Как всякий смышленный студент, я понимал, что надо найти способ получения наивысшей оценки при наименьших затратах усилий. У нас оценивалась активность на семинарах, причем неважно, делаешь ли ты основное сообщение или просто вылезаете с дополнениями (это тоже засчитывалось как активность). Так что я основных докладов старался не готовить, а когда в конце семинара она спрашивала, есть ли у кого-то замечания, я поднимал руку и говорил: «А вот в отчётном докладе...» – и цитировал что-нибудь из речи Сталина, и видно было, как она расцветает. «Этого мы не проходим, но хорошо, что вы интересуетесь» – говорила она, улыбаясь.

Этот пример хорошо показывает, что в наше время были такие своеобразные «пласты», или круги запрета, как вот в моем случае – круг первый (речи Сталина), круг второй – речи его оппонентов, круг третий – мнение независимых, прежде всего западных, историков обо всем этом периоде... И если в первый круг ещё можно было как-то безболезненно заглянуть, то я не знаю, что было бы, начни мы на семинарах по истории партии читать или цитировать речи Троцкого или Бухарина (да и где их было взять?), но зато я точно знаю, что было бы, если бы

на эти семинары кто-то принес книги Авторханова, Джиласа или Конквеста...

А.М.: У меня отношения с преподавателями Истории партии в памяти не отпечатались. Я отсутствовал на этих занятиях морально и ментально. Но очень любопытно, что для меня Сталин впервые возник во время визита в Гори, когда мы с нашим классом ездили в Грузию в 1975 г. Нам рассказали, как снимали памятник Сталину в Тбилиси, что погибли люди, которые сопротивлялись этому. В то время мне встречались портреты Сталина на лобовом стекле грузовиков, это было очень популярно. После Гори я сообразил, что в этом было больше не осознанного сталинизма, сколько выражения протеста по отношению к существующему порядку. До сих пор такое имеет место быть.

Р.М.: Я тоже помню фотографии Сталина на грузовиках. Несомненно, со стороны молодежи нашего поколения было непонимание отношения старших людей к этой личности. Ведь очень многое было тогда под запретом: с одной стороны, происходили эпические события: индустриализация, победа в войне, но с другой стороны, невозможно было обсуждать многих причастных к этому персоналий. Это приводило иногда к неожиданным эффектам. Многие, может, не помнят, но в середине 70х был снят фильм «Освобождение», 5-серийная эпопея, действие который начиналось в 1943 году с Курской дуги, т.е. с побед, а 41-42 гг. были многозначительно опущены. И впервые за много лет появился тогда экранный образ Сталина. Я помню, что мы смотрели этот фильм с дедушкой в зале кинотеатра Октябрь, было много народу, и неожиданно при появлении Сталина на экране зал взорвался аплодисментами. Это было неожиданно, вроде «культ личности» был осуждён, но люди аплодировали. Помню, дома я пристал к деду, который был 1898 года рождения, с вопросами про Сталина. Но дед на мои вопросы толком отвечать не стал, пожал плечами, уставился в окно, усмехнулся и сказал: «Тифлисский кинто» – и больше я ничего от него не добился. Я знал, что в Тифлисе так называют молодых хорошо одетых бездельников, часто мелких жуликов, торговцев, или, как их называли в наше время, «фарцовщиков», которые слоняются по улицам в поисках приключений. Мой дед, как и многие другие люди, которые жили в то время, крайне неохотно делился воспоминаниями. Возможно оттого, что они помнили и то, что современностью отрицалось и запрещалось. Так что образ Сталина для меня складывался из таких странных отрывков.

Вот кстати ещё один характерный эпизод: во время просмотра фильма «17 мгновений весны», году так кажется в 1975, при появлении на экране в одной из серий Сталина, который что-то там говорит про пол-

ковника Исаева, соседская девочка лет 8-ми (мы смотрели фильм на даче) вдруг спросила: «А Сталин был за нас?» Я помню, как моя мама чуть не упала, когда это услышала. Но это показывает и степень умолчания исторических реалий в тогдашнем обществе, и соответствующую степень невежества подрастающего поколения.

А.М.: Один из мотивов был оберегание молодого поколения – ты мог ляпнуть что-то не то не там, а хлопот потом не оберёшься. Я помню, что в году 1974-м, когда я был в 8 классе, я уже знал, где отец прячет нелегальную литературу. Когда он уходил на службу, я залезал в тумбочку и читал то, что там было. Вскоре я решил с отцом серьёзно поговорить и сказал: «Отец, я уже взрослый человек, мне оскорбительно, что ты прячешь от меня литературу, тем более, я знаю, где она хранится, делись со мной!». Отец совершенно спокойно ответил, что, «разумеется», и что впредь он будет давать мне читать то, что приносит для себя. Но после этого я с разочарованием обнаружил, что он перестал прятать нелегальную литературу в тумбочке, и мне потребовалось ещё какое-то время, чтобы вычислить новое местонахождение тайника. После этого я уже, конечно, не вступал с ним в беседы о моей взрослости, а просто продолжал читать оттуда.

Р.М.: Есть история про Тифлисский дворик, которую я узнал уже довольно поздно, после окончания университета. Историю эту рассказывал приятель моего приятеля, то есть это через третьи руки до меня дошло – за что купил, за то и продаю. Итак, его бабушка жила в Тифлисе в том доме, где квартировал молодой Сталин. Она была маленькой девочкой и вспоминала, что он жил на 4-м этаже, а входы в квартиры в Тифлисе часто делали с круговых балконов, которые проходят во внутреннем дворе, т.е. можно было, выйдя на середину двора, крикнуть наверх, и человек появлялся на балконе. По её словам, Сталина все знали, как прилежного молодого человека, который чего-то учил и всё время ходил с книжками.

А.М.: Но, видимо, уже тогда он был звеном в партийной цепи.

Р.М.: Скорее всего. И вот однажды неожиданно к ним во двор вошёл легендарный Камо Тер-Петросян, о котором в Тифлисе знали все, ведь на Кавказе принято гордиться своими бандитами. И вот пришёл Камо и стал кричать снизу на 4-й этаж «Коба! Коба!» – наверху появился Сталин, и Камо продолжает: «Коба, я не смог его убить!», «Зачем тогда пришёл? Убьёшь – тогда приходи» – ответил Сталин и удалился. И тогда всем соседям всё стало ясно. Кстати о Камо – не случайно ведь, наверное, что в 1921 году, когда Сталин стал секретарём ЦК, легендарный Камо был задавлен насмерть грузовиком. Дорожная

авария. Интересно, сколько в 21-м году было в Тифлисе грузовиков и кто на них тогда ездил? Такие свидетели, как Камо, знали слишком много.

А.М.: Вообще, раз мы о Сталине заговорили, то любопытно, что наши семьи всё это задело, но по суровым меркам того времени задело по касательной. Не сказать, что они совсем не пострадали, но никто не был отправлен в ГУЛАГ, никто не был убит. Конечно, рязанской ветви моей семьи жизнь поломало в щепки. К 1930-му году мои дед и бабушка были настоящие кулаки, у деда была мельница и хороший дом. В 70-е годы, когда я последний раз съездил в Маклаково, этот дом был по-прежнему лучший в деревне. И, видимо, бабушка прикармливала местного милиционера, потому что в один прекрасный день он, не поворачивая головы, проходя мимо её дома сказал: «Ксения, завтра курей ловить будут». Слова рассказов бабушки об этом эпизоде могли меняться, но эта ключевая фраза его была неизменна. Судя по всему, она произвела колоссальное впечатление. Бабушке Ксении этой фразы оказалось достаточно, ночью вся семья снялась и уехала в Москву, что спасло их от депортации в Сибирь. Дальше начинаются любопытные бабушкины рассказы о том, как они устраивались в Москве, ведь убежали они без документов. Она устроилась дворничихой, и им дали подвальную комнату на Солянке. А в соседнем доме располагались гигантские подвалы, куда в те времена был разрешён вход, и мать рассказывала, что в этих подвалах в 1937-1938 гг. расстреливали людей, и они детьми играли во дворе, а за стеной сновали грузовики с надписями «хлеб», «мясо». Некоторым людям из этих грузовиков даже удавалось выкинуть последние записочки, но дети, не понимая, что это такое, оставляли их без внимания. В самом же доме жил мужчина, который в подвале работал расстрельщиком. Мать рассказывала, что он в какой-то момент сошёл с ума, палил во дворе, а потом застрелился.

Если же взять отцовскую линию, то в этих рассказах о 30х гг. есть ощущение тоненькой грани. Я был подростком, и вернулся домой близко к полуночи, родители были в смятении, и я получил от отца подзатыльник. Я возмутился и сказал: «Ты же сам мне рассказывал, как в студенческие годы ходил провожать девушек и возвращался домой часа в 2 ночи». Тут отец понял, что надо объясняться: «Ты должен понимать, что тогда не было телефонов, по которым можно было позвонить и предупредить. А во-вторых, возвращаясь домой на Суворовский бульвар, я смотрел в окно второго этажа, чтобы убедиться, что там стоит горшок с цветами, потому что забирали людей обычно до 2-х часов ночи, и если бы горшка не было, я бы домой не пошёл». Я подумал, что

хоть семьи моих родителей были очень разные, еврейская интеллигентная семья отца и крестьянская русская семья матери – обе демонстрировали важные качества: они были не готовы просто сидеть и ждать. От них мало что зависело, но если они могли уклониться от нависшей угрозы, они делали всё возможное.

Р.М.: Ну, армяне тоже всегда отличались чутьём к социальным потрясениям. Семья моей бабушки по материнской линии происходит из Карса, город этот сейчас находится в Турции, а тогда он был частью Российской империи. И мой прадед, видимо, был человеком обеспеченным. По словам бабушки, им принадлежало несколько заводиков, семья была зажиточная. Они смогли убежать от турецкой резни 15го года. В семье было много золота, и бежали они таким кланом, т.е. большой семьей – человек 20. Осели в Ставрополе, как-то обустроились, а когда началась Гражданская война, Ставрополь переходил из рук в руки множество раз, чуть ли не 19: то белым, то красным, то вообще непонятно кому. Но семья как-то выжила, золота, правда, к концу гражданской войны уже не стало. В 20-е годы, когда ей исполнилось 16 лет, бабушка пошла в техникум учиться на конструктора, потом поступила на строившийся во время первой пятилетки завод Ростсельмаш, и об этих временах она рассказывала мало. Я запомнил только, что в те годы был голод, и на Ростсельмаше хорошо жили приглашённые немецкие инженеры. Было чёткое разделение: высшая каста – иностранные специалисты, потом инженерно-технические работники, люди с высшим образованием, потом они – чертёжники, помощники и т.д.

Мой дед по материнской линии был человеком с богатой биографией: во время начала Первой Мировой ему было 16 лет, он поступил вольноопределяющимся, служил в царской армии. В 18-м году он принял участие в Сартапапатской битве: ещё до прихода Красной армии на Кавказ, до того, как кавказский фронт развалился, турки сделали последнюю попытку стереть Армению с лица земли, предприняли поход на Ереван. И тогда остатки царской армии, объединившись с местными ополченцами, смогли остановить турок в большой битве под Ереваном недалеко от местечка Сартапапат. Мой дед тогда командовал взводом конной разведки. Я помню, что в 1968 году, в 50-летие Сартапапатской битвы, к нему обратились из Еревана какие-то люди с просьбой написать воспоминания. Обычно дед так просто не писал, а тут он принял эту просьбу очень близко к сердцу. И рукопись он отправил, а черновики остались лежать на столе. Я их просмотрел, и обнаружил неожиданную для себя фразу: ему было 20 лет, когда он командовал взводом, а с ним вольноопределяющимся служил будущий маршал Баграмян. И я

пристал к деду с вопросами, почему он не пошёл по военной части. Дед осторожно ответил, что его это не очень прельщало, он стал в итоге инженером-химиком и работал на заводе Акрихин, это был один из первых советских заводов, производивших лекарственные препараты под Москвой.

Как-то дед принёс изданную в Ереване книжку, где речь шла о реабилитированных при Хрущёве армянских военных, расстрелянных в 30-е гг. По разговору я понял, что дед знал многих, кого там упоминали, в том числе и легендарного комкора Гайка Бжишкянца, который дослужился в Красной Армии до высоких чинов и был в 1937 репрессирован. И я понял, что если бы мой дед остался в армии, его вполне могла бы ждать такая же судьба.

Но репрессии его напрямую не затронули, самое страшное, что случилось с моим дедом — его вычистили из партии, когда начались партийные чистки в начале 30-х. И об этом я знаю не от него самого, а от бабушки. Не знаю, за что его вычистили, за то ли, что он служил в царской армии или из-за неправильного происхождения — его отец был нотариусом в Ереване, т.е. на пролетарское происхождение он никак не тянул. Дед пытался восстановиться в партии, но безуспешно. Он продолжал работать на заводе инженером-технологом. И в какой-то момент, как рассказывала бабушка, его вызвали в НКВД в 1937 году. За ним приехала машина, но ни обыска, ни ареста не произвели. Именно зашли два офицера и пригласили его на беседу. Это было ночью. У них, конечно, был заготовлен заветный узелок. Дедушку увели. А у бабушки в важные моменты жизни просыпалась интуиция типа дара предчувствия, в чем она много раз убеждалась. И бабушка рассказывала, что когда деда увели, она была совершенно спокойна, потому что она была уверена — его отпустят. И он вернулся домой в 5-м часу утра, бледный, но свободный. О чём его допрашивали, что он рассказал или не рассказал, я не знаю, бабушка тоже мне ничего не говорила. Зная его, не думаю, что он кого-то оговорил, но как оно было на самом деле — бог весть. В общем, «это» было рядом, но задело чуть-чуть, по касательной.

А.М.: Когда я слушал твой рассказ про Карс, я подумал, что есть ещё одна забавная параллель. Место рождения и происхождение играло важную роль. У моего отца было совершенно расстрельное место рождения — Харбин. Но в 19-м году странным образом моя бабушка решила, что с неё хватит этого замужества, и уехала в город Слоним, откуда происходила семья ее отца. Когда отец пришёл в 1934 году поступать в университет, у него в документах не было ни единого слова

правды, как и у моей крестьянской бабки (она мне, кстати, показала, как переводят штампы с помощью свежесваренного яйца). У отца был неправильный год рождения и неправильное место рождения. Слоним был лучше Харбина, но всё равно был город плохой. Тогда он находился в Польше. Там первым этапом при поступлении было собеседование. И его проводили два резвых НКВДшника, а председателем этой тройки был сонный генерал будёновских войск. На отца эти НКВДшники стали кричать, мол, как вам могло прийти в голову с таким нехорошим местом рождения как Слоним поступать в наш выдающийся московский университет. При слове «Слоним» пробудился генерал, посмотрел на отца и сказал: «Какого ты года, сынок?». Ну, по поддельным документам отец был 19го года. Генерал ненадолго погрузился в расчёты, после чего произнёс следующее: «Помню, стояли мы в 18-м году в городе Слоним. Симпатичные там были евреечки» – задумался, что-то про себя понял и сказал: «Давайте-ка мы его возьмём».

Отец учился в университете во второй половине 30х годов на истфаке. Ощущение, что дело близится к войне, у него было отчётливое. Он окончил истфак в 40-м году и поступил в аспирантуру, а уже в 41-м защитил кандидатскую диссертацию. И он обмолвился мне как-то, что был тогда чуть ли не самым молодым кандидатом наук в стране. Я ему задал вопрос: «А чего ты так подмётки рвал?». А он мне и говорит: «Знаешь, у меня было ощущение, что война большая начнётся. И непонятно, что там будет после неё, так что я быстро переделал диплом в кандидатскую». Он успел, и началась война, на которую он и отправился.

Р.М.: К вопросу о выживании и инстинктах: моя бабушка в гражданскую войну в 9-10 лет повидала многое в Ставрополе, который, как я уже сказал, раз двадцать переходил из рук в руки. И далее по жизни она была очень аполитичным человеком, не читала газет, не смотрела политические передачи по телевидению. Но я помню, что в 1985 или 86 году, когда Горбачёв начал говорить свои первые речи про перестройку и демократию, я как-то пришёл домой, работал телевизор, сидела бабушка и напряжённо, очень внимательно слушала то, что он говорил. Я удивился: «Почему тебе так интересно?» – а она ответила как будто про себя, размышляя вслух: «Так.... Надо будет купить соль, спички, крупы, сахар... знаю я, чем такие речи кончаются» – т.е. она узнала знакомую риторику и сделала свои выводы. Я тогда посмеялся над ней, но в 90-м году я уже не смеялся. Всё-таки «мудрость старшего поколения»- это не просто фигура речи.

Мой дед мало что рассказывал про 30-е годы. Я запомнил один эпизод. Перед войной были приняты жёсткие указы об опоздании на работу. И опоздание на 20 минут приравнялось чуть ли не к уголовному преступлению, можно было за это сесть. Завод Акрихин находился где-то под Москвой, довольно далеко, и дед ездил на работу на пригородных поездах или автобусах, я не знаю. И тут в один из дней сломался будильник или он забыл его завести – и проснулся поздно. Это могла быть трагедия, так что он поймал такси, отдал за это чуть ли не половину месячной зарплаты, но он успел вписаться в эти разрешенные 20 минут опоздания.

А.М.: Кстати, об арестах и посещениях НКВД. Из моего семейства такой процедуре была подвергнута моя бабка. Начав свою карьеру дворничихой на Солянке, она довольно быстро выбилась в торговки на рынке. Торговала она детской игрушкой. Нанял её человек, который был, по её рассказам, эппманом. В ранние 20-е гг. он создал фабрику по производству детских игрушек. Думаю, небольшую. Видимо, и у него были хорошо развиты инстинкты, потому что когда он понял, что НЭП сворачивается, он не стал дожидаться, когда за ним придут как за фабрикантом. Он избавился от фабрики, но сохранил в полуподпольном состоянии склад готовой продукции. Потихонечку под видом кустаря-одиночки стал эти игрушки продавать на рынке. Ему хватало. Этот камуфляж, видимо, в какой-то момент стал давать трещину и он моей бабке, которую до того он не посвящал в подробности, сказал: «Знаешь, Ксения, судя по всему, меня скоро заберут» – и рассказал ей, где склад. Его забрали, бабка некоторое время торговала со склада, отдавая часть денег семье этого арестанта, а потом пришли и за ней. Её арестовали, и тут ей пригодилась её крестьянское умение прикинуться валенком: она тут же ушла в полную несознанку, объяснила, что она женщина неграмотная, что было почти правдой, что считать она, якобы, не умеет даже на уровне 2х2, что она у этого эппмана выполняла функции скорее уборщицы, чем продавщицы. Промурывив её некоторое время, её выбросили за ворота.

Р.М.: Поговорив, мы поняли, что знаем очень мало о жизни в 20-30-е гг. по рассказам наших дедушек и бабушек. Их нежелание что-то рассказывать распространяется сильным образом и на военные годы.

А.М.: Мой отец упорно про войну молчал. Понятно, что если я приставал к нему с вопросами, то это были вопросы о войне, но он никогда ничего не рассказывал. Он воспринимал их как вопросы мальчика, который относится к войне как к плохо снятому вестерну. Но были и другие причины, я думаю. Позже я стал о них догадываться. К нам в

гости однажды приехал его однополчанин. Мне было лет 10. Они крепко выпили, а так как мы жили в 2-х комнатах в коммуналке, я был при них, так как уйти было некуда. И я сообразил, что тот, кто приехал, он был настоящий специалист по диверсиям, т.е. тот, кто ходил за линию фронта за языками. Выяснилось, что отец ходил с ним, но не как диверсант, а как переводчик. Дальше моя реконструкция предполагает, что не всякого языка тащили через линию фронта на советскую сторону, потому что было сложно и значительную часть допрашивали на месте. Отец как переводчик должен был участвовать во всём этом, и понятно, что рассказывать об этом не очень хочется. Выходит, что отца в своё время выдернули из московского ополчения, которое всё полегло, буквально за несколько дней до его отправки на фронт, а записывался он изначально именно в ополчение. Он владел немецким языком, его забрали на курсы переводчиков, что спасло его от мясорубки под Москвой, в которой всё ополчение и перемололо.

Р.М.: Мой дедушка, как я уже сказал, по образованию был химиком и воинская специальность у него была связана с химическими войсками. Во второй мировой химическое оружие не применялось, но такие войска были. Думаю, его основная деятельность была связана с хранением химического оружия. Героических подвигов на войне он явно не совершал. Ему было тогда уже 43 года.

А другой мой дедушка, по отцовской уже линии, погиб в 42-м году. Он был политруком полка. Их дивизия воевала на Кавказе в 42-м году, и он погиб там при странных обстоятельствах. Погиб, когда их полк был выведен с передовой на переформирование в тылу, а ночью какие-то люди напали на штаб полка и в ночной перестрелке дед погиб, ему было 32 года. А бабушка, которая после этого пыталась найти его однополчан, что-то узнать, обронила потом в разговорах с родственниками такую фразу, что может это были и не немцы, а какие-то пронемецки настроенные партизаны из местных жителей. Впрочем, никакой конкретной информации не было.

Вообще сейчас я всё больше и больше отдаю себе отчет, что нам просто много не говорили – типа «маленькие ещё, не вашего ума дело». Вот довольно типичная история про мамино дядю, соответственно брата моей бабушки. Мне рассказывали про него, что он увлекался техникой, и якобы ещё мальчишкой после гражданской войны они с товарищами играли со взрывчатыми веществами, и у него в руках взорвался то ли патрон, то ли граната – он остался без глаза и двух пальцев. Во время Отечественной войны его якобы не призывали в действующую армию, но он всё равно служил кем-то по снабжению боеприпасов

ми или вроде того. Я его никогда не воспринимал, как какого-то героя, просто знал, что он где-то в тылу служил во время войны, был полковником в отставке – но ведь и в тылу можно было дослужиться до полковника. И вот я помню, как один раз, когда он приехал из Рязани, где он жил, в Москву на 9 мая, он вошёл к нам в комнату и снял плащ, остался в пиджаке, и в полном изумлении я увидел на его груди орден Ленина, орден боевого Красного Знамени, орден трудового Красного знамени, ордена Красной звезды, Отечественной войны, кучу медалей и так далее. Я задал какой-то вопрос, но дядя ответил мне что-то совершенно невразумительное, отшутился, и не стал вдаваться в подробности. Так я до сих пор и не знаю, за что он получал все эти ордена и медали. Может, он вовсе и не мальчишкой потерял свои пальцы и глаз, кто знает. Нам действительно многого не говорили.

Кстати, замечу тут же, что уже в перестроечные времена, году в 92-м, когда он был уже глубоким стариком и шел при всех своих регалиях в собес выбивать свою копейчную пенсию, которую не платили месяцами, какие-то подонки напали на него среди бела дня и сорвали орден Ленина и орден Красного Знамени – тогда процветала торговля советской нумизматикой. Думаю, этот эпизод ускорил его кончину.

А.М.: Мой дед по матери тоже погиб в 42-м году под Ленинградом, рассказов от него никаких не осталось. Но знаю, что служил он на передовой при лошадях, то есть просто возниким. Интересно, как он это воспринимал, ведь ему лошади были «не чужие», конечно, до 1930 года, пока они от раскулачивания не сбежали. А потом он мыкался в Москве на разных работах, которые очевидно его, кулака, мельника, оскорбляли. Кстати, думаю, что он бы, мягко говоря, сильно удивился, если бы узнал, что у его внука будет фамилия Миллер, что, собственно, и значит «мельник».

Но очень любопытно, что у отца был один рассказ, которым он меня побаловал. Когда я был повзрослее, однажды 9го мая отец сказал: «9 мая 1945 года был самый страшный день, который я пережил на войне». И выяснилось, что когда они заканчивали войну в Восточной Пруссии, напротив них на полуострове запертой оказалась какая-то дивизия СС. Немцы, услышав по радио про капитуляцию утром 9 мая, всю ночь лупили по позициям Красной армии из всего, что у них было, а в 9 утра они, как дисциплинированные немцы, подняли белый флаг. И полковник, который командовал дивизией моего отца, сел в джип, собираясь отправиться принимать капитуляцию, а своему водителю, молодому парню лет 20, сказал: «Ты вылезай, а Илье-то всё равно надо ехать – он и поведёт». Т.е. понятно, что никто не знал, чем всё кончит-

ся. В результате, Илья Соломонович Миллер, офицер Красной Армии, член КПСС с 1943 г., сел за руль джипа и отправился в расположение дивизии СС принимать капитуляцию. Было очень страшно, но в итоге оказалось, что эсесовцы все-таки были готовы сдаваться, а не порезать напоследок парочку офицеров на куски.

Но если фронтовики рассказывали о войне неохотно, и отец никогда не откликался на призывы от школы придти и рассказать что-то, то от моих мамы и бабушки я слышал очень много живописных рассказов про военное время. Любое участие в торговле делает человека привилегированным. Бабушка работала на рынке в Москве, и они голодали. Для меня было открытием, что в Москве люди жили совсем впроголодь. Я помню, как мама рассказывала, что у неё во дворе был приятель, которому она в порыве чувств дала кусочек сахара, и мальчик замер в недоумении, не зная, что с этим делать. Он то ли не помнил, что это такое, то ли не знал вообще. И она рассказывала со слезами на глазах: «Представляешь, стоит мальчик лет 5 с сахаром в руках и не знает, что с ним делать».

Но самая яркая часть воспоминаний – это время, которое она провела в оккупации. Попала она в оккупацию в городе Скопин в Рязанской области, куда она отправилась на лето к родственникам и не смогла вернуться. Туда зашёл, видимо, какой-то передовой отряд немцев, они там пробыли всего 2 недели. Там было несколько важных моментов: во-первых, чего ждали? Когда вошли немцы, первое, чем озаботилась семья, в которой жила мать, а мать тогда была дородной девицей 14 лет, это куда бы её спрятать, потому что опасались безобразий по этой линии. Надо сказать, что не дождалось совершенно. Далее: немцы ходили по городу и сбивали ручками автоматов замки со складов и просто запертых помещений. Народ бросался внутрь и растаскивал всё, что там было. Мать тоже умудрилась что-то уволочь таким образом. Выстроилась очередь людей, которые спешили информировать немецкую комендатуру о том, кто тут коммунисты и, может быть, евреи. Хотя какие евреи в Скопине? В общем, в результате немцы человек 10 повесили на местном стадионе и запретили снимать с виселицы. Среди повешенных был школьный учитель, у которого мать занималась, пока там была. И она с еще какими-то детьми, не понимавшими, чем им это могло аукнуться, сняли этот труп и уволокли его хоронить. А когда пришла через 2 недели Красная армия, собралась другая очередь рассказывать о том, кто был в очереди в немецкую комендатуру. После всех этих историй у меня осталось ощущение, что простые люди не идентифицировали себя ни с той, ни с другой властью. Пришла одна власть,

потом другая – но это что-то отдельное от людей, и все стремились просто вписаться в обстоятельства.

Р.М.: Настоящие фронтовики были меньше всего настроены говорить и рассказывать. У моего приятеля дед прошёл всю войну и был командиром штрафной роты. Можно представить себе, что он повидал. И вот этот человек не рассказывал о войне вообще ничего, никогда и ни при каких обстоятельствах. Мой приятель сказал, что неоднократно приставал к своему деду – то по поводу какого-нибудь военного кино, то просто с каким-то вопросом – дед категорически отказывался об этом говорить. Ни разу.

А.М.: Да, порой приходилось добирать какие-то подробности от приятелей отца. Был у него коллега Коротков Юрий Николаевич, он служил в армии во время войны. Его рассказ был о том, как их часть двигалась по Чехословакии в сторону Германии, т.е. это уже 44-45 год. И как солдаты всё время спрашивали у местного населения: «Это уже Германия или ещё нет?» – и получили ответ от местного чешского населения, что ещё нет. Население их кормило, и кормило хорошо. И когда ставили прекрасную по мнению солдат еду на стол, чехи извинялись и жаловались, что, мол, еда плохая, «немец всё забрал». Солдаты начинали представлять, что же было, пока немец не забрал. Но этот вопрос «А не Германия ли уже?» – смысл его мне стал понятен сильно позже. Я стал понимать, что с этим связана тема насилия над женщинами в Германии. Потому что было понимание, что нельзя делать чего-то, пока ты не на немецкой территории, а когда придём – так уж и можно. Для меня это до сих пор загадка: было ли это общее настроение или это было негласное ощущение, что за это не будут наказывать?

Во взрослом состоянии мы праздновали 9 мая в институте, и у нас был старый доктор наук, который прошёл всю войну. Мы сели, выпили, сказали правильные слова. И вдруг мне этот доктор наук говорит: «Ой, Лёша, какая же это всё фигня. Война – это самая страшная пора в моей жизни, такая усталость, такое истощение. Я болею с тех пор: мне уже 70 лет, а как тогда я заболел, так и болею до сих пор».

При обсуждении советского и особенно сталинского времени в разговорах всплывает тема новых возможностей, которые открывались перед людьми. Тема это сложная. Я думал обо всём этом ещё давно, когда слушал рассказы взрослых. Мои родители не смогли бы встретиться и пожениться без помощи Октябрьской революции. Они оба происходили из дискриминированных социальных групп в дореволюционной России: рязанские крестьяне с одной стороны, а с другой – провинциальные евреи, выбивающиеся в столицу. В рассказах и тех, и

других возникает вот что: если взять семью матери, которая спасалась от коллективизации, они все выжили. Их было 4 брата, один из них был мой дед, старший брат и ему лучше всех жилось в деревне. И он был откровенно пострадавший, потому то в Москве он работал офицером, что унижительно для мельника, хозяина жизни в деревне. Он постепенно спивался. В 1942 году погиб на фронте. А остальные 3 брата пережили войну. Один из них стал учителем в школе в Скопине. Недавно прочитал заметки Захара Прилепина о том, как много всяких замечательных людей вышли из Скопина, как они там учились. Надо при случае его спросить, не помнит ли он школьного учителя по фамилии Чапчиков. Другой брат стал ветеринаром и работал в конюшнях у Будённого после войны. А третий дослужился до директора колхозного рынка в Москве. Все их дети получили высшее образование, пусть они и не были интеллигенцией. Но если так подумать: им это дала советская власть? Нет, она даже не собиралась им это давать, она их собиралась сослать в Сибирь. А их пронырливость и воля к жизни позволила им воспользоваться открывающимися возможностями. Отец в свою очередь поступил в Московский университет, окончил его, стал кандидатом наук ещё до войны – всё славно. И опять же: разве советская власть хотела принять его в этот университет? Нет, в лице двух НКВД-шных офицеров власть пыталась ему объяснить, что мальчик, рождённый в городе Слоним, должен сидеть тихо и не рыпаться. А подделав все документы, и при изрядной доле везения отец поступил. Почему его не выдернули в 37-38 году – это вопрос, потому что сажали многих, в том числе и с его курса.

Т.е. все возможности, которые открывались, надо было суметь схватить вопреки советской власти.

Р.М.: Да, это обширный вопрос. Ты сказал, что с одной стороны советская власть собиралась посадить или раскулачить, а с другой стороны люди, которые проявляли инициативу в тех же самых условиях могли многого добиться. У меня ощущение, что советская власть зачастую била, так сказать, по площадям, если тут уместно такое военно-артиллерийское сравнение – т.е. не прицельно. В кого-то могло попасть прямым попаданием, а кого-то вообще не задеть. В моём случае все мои родственники, и по отцовской, и по материнской линии – выходцы из Армении. Армяне в России – отдельная тема, но известно, что многие добивались успеха и могли как-то продвигаться в совершенно разных областях. Мой дедушка по материнской линии, как я уже рассказывал, воевал в гражданскую войну, а потом окончил какой-то инженерно-химический институт и стал ведущим специалистом одного

из первых в России фармакологических заводов – АКРИХИНа. У его сводного брата по отцу вообще была очень примечательная карьера: он стал медиком, окончив Бакинский медицинский университет, и до войны принимал участие в борьбе со всякими эпидемиологическими вспышками и заболеваниями, которые были часты на Кавказе и юге России. Ясно, что контроль над вспышками разных эпидемий тогда был связан и с деятельностью НКВД. Он сделал карьеру медика-эпидемиолога и одновременно скорее всего сотрудничал и с госбезопасностью, как эпидемиолог-практик он вряд ли мог без этого обойтись. Во время войны он сначала был чуть ли не начальником всех военных госпиталей Южного фронта, потом заведовал нашей больницей в Иране в годы его совместной советско-британской оккупации во время войны. Потом он защитил докторскую, стал академиком АМН, долгие годы руководил одним из крупнейших институтов академии. В 60-е гг. он был заместителем генерального директора всемирной организации здравоохранения в Женеве как раз тогда, когда шла всемирная борьба с оспой. У него была куча наград. В общем, он был тем, кого принято называть организатором науки, мог долгое время руководить проектами и возглавлять институты.

Семья бабушки по материнской линии, как я тоже говорил, бежала из Карса от турецкой резни, все три брата моей бабушки закончили институты (социальные лифты). Младший брат сделал очень успешную карьеру: он был инженером и заведовал крупным строительно-монтажным трестом. Они проектировали и строили оборонные предприятия под Москвой, может, системы связи, я не уверен. Его сын, кстати, – известный кинодеятель и режиссёр. Другой брат бабушки, как я говорил, был полковником в отставке и орденоносцем. Третий работал в Прибалтике по партийной линии.

А что касается семьи моего отца – там другая, но в целом похожая история. Его отец – мой дед – был родом из небольшого села рядом с городом Ваном (сейчас это Турция), и он тоже бежал от турецкой резни 15-го года. Ему тогда было всего пять лет, и он с двумя старшими братьями спасся, а вся остальная семья погибла. Им удалось бежать в Россию. Он рос в семье приёмных родителей или дальних родственников, я уж не знаю. Но он смог поступить в Ростове в университет, окончил его (кстати, он был историком), поступил в аспирантуру. С последнего года аспирантуры его и призвали в армию, сначала на финскую войну, с которой он вернулся сильно обмороженным, а потом и на Отечественную. Как я писал, он погиб в 1942 году. Т.е. опять же к

вопросу о социальных лифтах – сирота, выходец из Армении, он сумел окончить университет, учился в аспирантуре.

Мой отец рос в послевоенном Ереване (его мать была учительницей истории в школе), и неожиданно полюбил физику ещё в 3-4 классе. С 13 лет он уже читал книги по высшей математике и теоретической физике. Окончил он школу с золотой медалью и его без экзаменов взяли на физический факультет МГУ. Он всю жизнь проработал в системе Академии Наук, был доктором, профессором, может быть, стал бы и членкором, если бы не болезнь, сведшая его в могилу, когда ему не было еще и 60-ти. Недавно я спросил его сестру, свою тётушку, (по специальности она геолог и всю жизнь проработала в институте геологии Армянской АН) откуда у простого мальчика в послевоенном Ереване возник такой интерес к физике. Оказывается, отец чуть ли не со второго класса начал читать брошюры выходившей в те годы серии «Библиотечка солдата и матроса». Это были копеечные книжки в бумажной обложке, рассчитанные на самую широкую аудиторию, которые печатались миллионными тиражами (и, стало быть, раскупались!). Это была научно-популярная серия, авторами которой были ведущие академики и популяризаторы науки типа Обручева, Перельмана, Воронцова-Вельяминова, Йоффе, и т.д. Назывались книжки примерно так: «Как устроена Земля», «Как устроена Вселенная», «Что такое электричество», «Как образуются горы», «Землетрясения» и так далее. И эта серия зарождала в юных читателях интерес к науке и знаниям. Интересно, выходит ли сейчас такая популярная серия для солдат и матросов, и если выходит, то что в ней печатают? К вопросу о социальных лифтах, народном просвещении, роли науки в обществе в советское время...

А.М.: Я припомнил одну забавную историю. Мне её рассказал брат моего деда в присутствии матери, и мать подтвердила с некоторым стыдом её правдивость. Дело в том, что мать росла оторвой, родителей не слушалась, мать ни во что не ставила, а отца к тому времени уже не было. И вот она закончила школу, и как раз закончилась война. И девушка вдруг решила, что желает поступить в школу КГБ. Бабушка пришла в ужас и попыталась возразить. Но когда она поняла, что это бессмысленно, она телеграммой вызвала в Москву самого интеллигентного из дядей из Рязани, чтобы тот вразумил девочку. Дядя приехал, вероятно, сначала побеседовал с мамой. Когда он понял, что словесное вразумление не даёт нужных результатов, он привёл её в горизонтальное положение и драл ремнём, пока она не перестала кричать. Надо сказать, что это возымело очень положительное действие, потому что мать в

итоге поступила в медицинский институт. Но вообще есть любопытный момент: мои предки, которые приспособлялись и были конформисты, они советскую власть глубоко ненавидели, и за какие-то границы не давали себе переступить. Поступив в медицинский, мать получила распределение. НКВД она избежала, но её отправили медиком в МВД. Заканчивала она службу в МВД как капитан милиции, врач поликлиники МВД, а начинала как врач, который сопровождал эшелоны заключённых. И из этих рассказов, я помню важный момент. Понятие ГУЛАГ сильно ассоциировано у нас с людьми, которые пошли по политическим статьям. Но когда мать рассказывала об этом своём опыте, вырисовывалась другая картина: там доминировал уголовник. Когда я смотрел «Мой друг Иван Лапшин» – это было для меня очень узнаваемо. Рассказы матери о том, что происходило в лагерях тогда, когда была отменена смертная казнь, и те люди, которые имели 25летние сроки, ничего не боялись, потому что хуже с ними поступить не могли. Поэтому они отрезали головы медперсоналу и творили безумства. Но это моя мать, она выросла в семье необразованной бабки-крестьянки, училась она в советской школе – она в 1945 году поступила на медицинский факультет. Были тогда какие-то социальные лифты, которые опускали или поднимали. Были такие популярные непрерывные лифты в американских зданиях – это были именно такие лифты, там нужна ловкость, чтобы в него заскочить и поехать.

Мать избежала встречи с НКВД один раз, потом её загнали в МВД и она повидала ГУЛАГ, а позже, в самом конце 50-х, она чуть было попала в КГБ экзотическим образом. Она была замужем за отцом, который работал в академии наук и был историком, она служила в поликлинике МВД. Вдруг ей как капитану милиции приходит повестка – а это дело серьёзное. На повестки надо являться. Погоны она никогда не носила, но она же была военнообязанная. Она является по этой повестке, и ей говорят: «Мы Вам оказали большую честь и решили отправить Вас врачом в Советское посольство в Австрии». Мать растерялась и спрашивает, мол, я же замужем, как же муж, он учёный. Ей на это ответили: «О муже мы подумали: он будет комендантом посольства». Ну, комендант посольства, конечно, должность хозяйственная, но не было комендантов посольств вне рядов КГБ. Т.е. нарисовалась вот такая перспектива. Она сказала: «Да-да, конечно», пришла домой сообщить отцу радостную новость о перемене участи семейства. Но это был не 53-й год, а 59-ый или 60-ый. Поэтому она получила от отца указание срочно выехать в село, откуда она была родом, и сидеть там, пока он её не вызовет телеграммой. А оттуда, когда она приедет, послать телеграмму о

том, что дяде очень плохо. Она отправилась, отец с этой телеграммой пошёл в военкомат, куда её вызывали и сказал: «Видите, какое дело! Дядя при смерти, связи нет, подождите, вот вернётся через неделю...» – а расчёт его был на то, что место врача в посольстве в Вене не то же самое, что место врача в Магадане, желающих много. Расчёт был точный. В результате мать не стала дезертиром, и когда она через 10 дней явилась в военкомат, место уже было занято.

Сейчас, после всех этих наших историй, мне кажется, что основной мотив в подавляющем их большинстве – это как человек в лютый период XX века пытался увернуться от беды, и мы, конечно, могли слышать рассказы тех наших родственников, кому это удалось. Пусть даже они специально нам особенно ничего и не рассказывали, все равно до нас долетали какие-то крохи, отдельные эпизоды, отрывки. А от тех, кто погиб при турецкой резне в 1915, как твои родственники, или сгорел заживо в Слонимской синагоге в 1941, как мои, мы уже ничего не слышали.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Граф Сергей Семенович Уваров

Письмо²⁹¹ Николаю I

Государь,

С того самого момента, как Ваше Императорское Величество определили для меня важную и трудную сферу деятельности²⁹², я испытываю живейшую потребность прибегнуть к Его Августейшей персоне, чтобы открыть мое сердце монарху, повергнуть к Его стопам исповедание веры, изложение моих правил, которое, по меньшей мере, покажет Вашему Величеству, как я оцениваю объем тех новых обязанностей, которые возложила на меня Его Высочайшая воля. Я дерзаю привлечь Его внимание к этим строкам, набросанным с безграничной доверенностью, и умолять Его уведомить меня, понял ли я Его намерения и в состоянии ли я им соответствовать.

Вам известно, Государь, что двадцать лет тому назад я уже находился в положении, если не вполне схожем, то, по крайней мере, подобном тому, которое мне было недавно даровано. Десять или двенадцать лет моей жизни, когда я был молод и исполнен сил, были отданы Мини-

---

²⁹¹ Черновой автограф письма (на французском языке) С.С. Уварова Николаю I, хранящийся в Отделе письменных источников государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), датируется мартом 1832 г. и является тем самым первым из всех известных случаев употребления Уваровым формулы «Православие. Самодержавие. Народность». Будучи тогда еще товарищем (заместителем) министра народного просвещения, автор письма обращается к императору с изложением своих замыслов по преобразованию – посредством деятельности министерства народного просвещения – интеллектуального и нравственного состояния российского общества с целью формирования прочных духовных основ будущего великого и самостоятельного развития Российской Империи. Наиболее значимые фрагменты меморандума позднее почти без изменений вошли в официальные документы возглавлявшегося Уваровым министерства – доклад «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерства Народного просвещения» (1833) и отчет «Десятилетие деятельности Министерства Народного просвещения» (1843). Текст документа был подготовлен к публикации А. Зориным (при участии А. Шенле) и под заголовком «Письмо Николаю I» впервые опубликован в 1997 г. в журнале «Новое литературное обозрение», N 26. Здесь публикуется по данному изданию: *Уваров С.С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. М., 1997. N 26. С. 96-100.*

²⁹² Уваров говорит о своем назначении в начале 1832 г. товарищем министра, а с 1833 г. – министром народного просвещения.

стерству народного просвещения²⁹³. Не возвращаясь к особым обстоятельствам, заставившим меня с той поры посвятить себя как иной отрасли государственной службы, так и уединенным занятиям, в которых отчасти прошли мои последние годы, я ограничусь лишь тем, что замечу: время, миновавшее с поры, когда я почитал карьеру в области народного образования бесповоротно закрытой для себя, было исполнено событий огромной важности, оказавших исключительно пагубное влияние на развитие просвещения в нашем отечестве. События эти были неблагоприятны не только для нас, но в той же или в еще большей степени для всех стран Европы: это нравственная зараза, плоды которой все уже ощутили и еще продолжают ощущать. Всеобщее возбуждение умов служит ее самой характерной приметой; все гарантии существующего положения вещей обнаружили свою несостоятельность, все, что мы считали достигнутым, снова поставлено под сомнение, общество, которое, как оно полагало, вправе надеяться на прогресс, поколеблено в своих политических, нравственных и религиозных основаниях, и самый общественный порядок ежедневно стоит перед вопросом жизни и смерти.

Не забираясь слишком далеко, достаточно бросить взгляд в прошлое, чтобы проникнуться нынешним положением дел в Европе и его отношением к всеобщей цивилизации, ставшей тем очагом, без которого современное общество, такое как оно есть, не может существовать и который в то же время содержит в себе зародыш всеобщего разрушения.

Июльская революция²⁹⁴, уничтожившая столько явлений, покончила в Европе, по крайней мере, на полстолетия со всеми идеями общественного прогресса и политического совершенствования. Она потрясла тех, кто тверже всего верил в будущее народов, вовлекла их в бесчисленные заблуждения, заставила усомниться в себе самих. После 1830 года нет мыслящего человека, который хотя бы однажды не спрашивал себя с удивлением, что же такое эта цивилизация?

Пособница ходу событий, она не послужила ему даже слабой преградой; и вот она превратилась в призрак, свелась к этому горестному вопросу, каждый из нас и как частное лицо, и как член общества уже в глубине души сверг ее с трона. Кто ни пытался взвесить то, что цивили-

---

²⁹³ Имеется в виду период службы С.С. Уварова в Министерстве народного просвещения на посту попечителя Санкт-Петербургского учебного округа.

²⁹⁴ Речь идет о революции во Франции 26-29 июля 1830 г., свергнувшей реставрационный режим династии Бурбонов и установившей буржуазную монархию во главе с Луи Филиппом.

лизация дает, и то, что она отнимает у человека и общества, жертвы, которых она требует, и преимущества, которые она гарантирует, отношения просвещения к частному благу и общественному процветанию. Не провозгласил ли недавно с трибуны один из творцов июльской революции г. Гизо²⁹⁵, человек, наделенный совестью и талантом: «У общества нет более политических, нравственных и религиозных убеждений»? – и этот вопль отчаяния, непроизвольно вырывающийся у всех благонамеренных людей Европы, каких бы взглядов они ни придерживались, служит единственным символом веры, который еще объединяет их в нынешних условиях.

Поторопимся сразу же сказать: Россия пока избежала подобного унижения. Она еще хранит в своей груди убеждения религиозные, убеждения политические, убеждения нравственные – единственный залог ее блаженства, останки своей народности, драгоценные и последние останки своей политической будущности. Дело Правительства – собрать их в одно целое, составить из них тот якорь, который позволит России выдержать бурю. Но эти части рассеяны преждевременной и поверхностной цивилизацией, мечтательными системами, безрассудными предприятиями, они разобщены, не соединены в единое целое, лишены центра, и более того, на протяжении тридцати лет принуждены были противостоять людям и событиям; как согласить их с настоящим расположением умов, как соединить их в систему, которая заключала бы в себе выгоды нынешнего порядка, надежды будущего и предания прошедшего? – как приступить к тому, чтобы сделать образование одновременно нравственным, религиозным и классическим? – как идти в ногу с Европой и не удалиться от нашего собственного места? Каким искусством надо обладать, чтобы взять от просвещения лишь то, что необходимо для существования великого государства и решительно откинуть все, что несет в себе семена беспорядка и потрясений? Вот задача во всем ее объеме, жизненно важный вопрос, разрешить который требует от нас само положение дел и от которого мы не имеем возможности уклониться. Если бы речь шла только о том, чтобы обнаружить начала, поддерживающие порядок и составляющие особое достоинство нашей державы (а каждое государство основано на собственных началах), было бы достаточно поместить на фасаде государственного здания России следующие три максимы, подсказанные самой природой вещей

---

²⁹⁵ Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787-1874), французский государственный деятель, историк, публицист. Один из основателей теории борьбы классов в рамках т. н. «буржуазной историографии периода Реставрации». Идеолог и видный деятель июльской революции, член кабинета министров ряда правительств Франции после 1830 г.

и с которыми напрасно стали бы спорить умы, помраченные ложными идеями и достойными сожаления предрассудками: чтобы Россия усиливалась, чтобы она благоденствовала, чтобы она жила – нам осталось три великих государственных начала, а именно:

1. Национальная религия.
2. Самодержавие.
3. Народность.

Без народной религии народ, как и частный человек, обречен на гибель, лишить его своей веры - это значит исторгнуть его сердце, его кровь, его внутренности, это значит поместить его на низшую ступень нравственного и физического порядка, это значит его предать. Даже народная гордость восстает против подобной мысли, человек, преданный своему отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов господствующей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха.

Мощь самодержавной власти представляет необходимое условие существования Империи в ее настоящем виде. Пусть политические мечтатели (я не говорю о заклятых врагах порядка), сбитые с толку ложными понятиями, выдумывают себе идеальное положение вещей, поражаются видимости, воспаляются от теорий, одушевляются словами, мы можем им ответить, что они не знают страны, заблуждаются относительно ее положения, ее нужд, ее желаний; мы скажем им, что с этим безумным пристрастием к европейским учреждениям мы уже разрушили те учреждения, которыми мы располагали, что этот административный сен-симонизм уже породил бесконечную путаницу, поколебал доверенность и нарушил естественные отношения между различными условиями в их развитии. Приняв химеры ограничения власти монарха, равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимо-конституционной формы правления, колосс не протянет и двух недель, более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены. Эта важная истина более или менее очевидна большинству нации, только она одна способна объединить умы, самые противоположные между собой и самые несходные по степени просвещения. Ею должно быть глубоко проникнуто изучение государства или, вернее, никто не сможет изучать свое отечество без того, чтобы не приобрести этого ясного и искреннего убеждения. Тою же истиною должно руководствоваться в народном образовании, не в форме похвальных слов правительству, которое в них не нуждается, но как вывод рассудка, как неоспоримый факт, как политический догмат,

обеспечивающий спокойствие государства и являющийся родовым достоянием всех и каждого.

Рядом с этим консервативным началом находится другое, столь же важное и тесно связанное с первым – это Народность. Чтоб одно могло удержать всю свою мощь, другое должно сохранить всю свою целостность; каковы бы ни были столкновения, которые им довелось пережить, оба они живут общей жизнью и могут еще вступить в союз и победить вместе. Вопрос о народности более сложен, чем о самодержавной власти, но он покоится на столь же надежных основаниях. Главное затруднение, которое он заключает, состоит в соглашении древних и новых понятий, но народность не состоит в движении назад, ни даже в неподвижности; государственный состав может и должен развиваться подобно человеческому телу: по мере возраста лицо человека меняется, сохраняя лишь главные черты. Речь не идет о том, чтобы противиться естественному ходу вещей, но лишь о том, чтобы не наклеивать на свое лицо чужую и искусственную личину, о том, чтобы сохранить неприкосновенным святилище наших народных понятий, черпать из него, поставить эти понятия на высшую ступень среди начал нашего государства и, в особенности, нашего народного образования. Между старыми предрассудками, не признающими ничего, что не существовало, по крайней мере, полвека назад, и новыми предрассудками, без жалости изничтожающими все, чему они идут на смену, и яростно нападающими на останки прошедшего, лежит обширное поле – там и находится твердая почва, надежная опора, основание, которое не может нас подвести.

Таким образом именно в сфере народного образования надлежит нам прежде всего возродить веру в монархические и народные начала, но возродить ее без потрясений, без поспешности, без насилия. Довольно руин нас уже окружает – способные разрушать, что мы воздвигли?

Утверждая, что эти три великих рычага религии, самодержавия и народности составляют еще заветное достояние нашего отечества, которое несколько лет специальных занятий позволили мне узнать ближе, я считаю себя вправе добавить, что безумное пристрастие к нововведениям без узды и разумного плана, к необдуманным разрушениям составляет в России принадлежность крайне незначительного круга лиц, служит символом веры для школы столь слабой, что она не только не умножает числа своих приверженцев, но и ежедневно теряет некоторых из них. Можно утверждать, что в России нет учения менее популярного, ибо не существует системы, которая оскорбляла бы столько поня-

тий, была бы враждебна стольким интересам, была бы более бесплодна и в большей степени окружена недоверием.

Предавая всего себя, Государь, в волю Вашего Императорского Величества, я полагаю исполненным мой настоящий долг как по отношению к моему отечеству, так и по отношению к Августейшей Персоне Монарха, к которому, я позволю себе сказать, я привязан узами благоговейной привязанности и глубокого почитания, не зависящими от Его высокого предназначения. Я не стану возобновлять, Государь, уверений в моей верности, рвении и преданности; не скрывая от себя многочисленных трудностей предназначенного мне поприща, я нахожу в себе тем более решимости приложить все свои силы, чтобы оправдать в Ваших собственных глазах выбор, который Ваше Императорское Величество соблаговолили сделать. Или Министерство народного просвещения не представляет собой ничего, или оно составляет душу административного корпуса. Самыми счастливыми в моей жизни станут дни, когда я увижу эту задачу разрешенной к славе Вашего Императорского Величества, к выгоде отечества, к удовольствию всех людей, преданных монархии, проникнутых тем же чувством привязанности и почтения к трону, равно готовых служить ему с тем же жаром и число которых не столь ограничено, как это пытаются утверждать.

Вы повелеваете мне, Государь, закрыть собой брешь (в этом слове нет никакого преувеличения, ибо никогда еще консервативные идеи не подвергались столь жестокому нападению и не защищались так слабо). Ваше Величество можете быть уверены, что я буду стоять там до последнего.

В то же время я дерзаю надеяться, что Вы соблаговолите принять во внимание те обстоятельства, в которых Министерство народного просвещения оказалось вновь открыто для меня; положение учреждений, состояние умов и, в особенности, поколение, которое выходит сегодня из наших дурных школ и в нравственной запущенности которого мы, может быть, надо признаться, должны упрекнуть себя, поколение потерянное, если не враждебное, поколение низких верований, лишенное просвещения, состарившееся прежде, чем оно успело вступить в жизнь, иссушенное невежеством и модными софизмами, будущее которого не принесет блага отечеству. При таком положении вещей я дерзаю надеяться, что Ваше Величество соблаговолите взять на себя роль моего поводыря и будете указывать мне путь, следовать которым Он полагает для меня необходимым; с другой стороны, я дерзаю надеяться, что если, по примеру стольких других, я буду превзойден силою вещей, окажусь неспособен совладать с ней, согнусь перед размахом событий и

под тяжестью моей миссии, если мои успехи не будут отвечать моему мнению и ожиданиям Вашего Величества, чье доверие может быть оправдано только успехами, в этом случае я дерзаю надеяться, что Он соизволит разрешить мне признаться в моих слабости и бессилии с теми же искренностью и самозабвением, которые руководят моим поведением и направляют сегодня мое перо. Тогда я позволю себе испрашивать у Его Высочайшей справедливости соизволения вновь с честью удалиться в отставку и унести с собой убеждение в том, что, по мере своих сил, я заплатил свою дань преданности поддержанию порядка и славе царствования Вашего Императорского Величества.

Оглавление

Триада графа Уварова.....	5
Текст лекции.....	5
Обсуждение.....	17
Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка.....	30
Текст лекции.....	30
Обсуждение.....	41
Дебаты о нации в современной России.....	60
Текст лекции.....	60
Обсуждение.....	76
Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны.....	94
Текст лекции.....	94
Обсуждение.....	107
Империя Романовых и евреи.....	126
Текст лекции.....	126
Обсуждение.....	141
«Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения.....	152
Текст лекции.....	152
Обсуждение.....	163
Россия и Восточная Европа.....	185
Новая Восточная Европа как объект игры с нулевой суммой.....	185
Молдавский провал.....	187
Президентские выборы на Украине – потеря лица.....	188
Внутриполитическая ситуация на Украине и ее связь с внешней политикой Киева.....	190
Уроки Ноября, или кого и чему научила «оранжевая революция».....	195
За что воевал Кремль в газовой войне?.....	197
Отношения России с Польшей и роль Варшавы в Восточной Европе.....	201
ЕС, Россия и Восточная Европа.....	203
Заключение.....	206

Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России.....	207
Терминология.....	207
История концепций Центральной Европы.....	209
Расцвет «дискурса о Центральной Европе» в 1980-е годы.....	214
Россия в «дискурсе о Центральной Европе».....	217
Крах коммунизма и пиррова победа концепции Центральной Европы	220
История в концепциях Центральной Европы.....	221
«Ягеллонская» версия Центральной Европы.....	227
Литература.....	234
Дуализм идентичностей на Украине.....	237
Между украинскостью и общерусскостью	238
Войны и революции 1914–1921 годов – идентичность в эпоху слома	244
Две украинские идентичности	247
«Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны.....	253
Рождение малоросса.....	254
Романтизация малоросса в начале XIX в.....	260
Борьба украинца с малороссом.....	264
История понятия «нация» в России.....	276
Датировка заимствования, источники и механизмы.....	277
Нация как дворянская корпорация и тема прав первого сословия.....	280
Нация, конституция и представительные учреждения.....	281
От перевода к редактированию, вытеснению и цензуре.....	289
Постсевастопольская Россия. «Перезагрузка» понятия народность, возвращение нации.....	293
Начало XX века.....	301
Заключение.....	305
Россия: власть и история.....	310
Происхождение понятия «историческая политика»	314
Природа и механизмы исторической политики	316
Польский Институт национальной памяти.....	318
Идеологические основания	320
Как это делается в России	321
Выбор учебников: видимость плюрализма.....	324
Нация и национализм в Восточной Европе: опыт и перспективы.....	334
Россия-Украина: как пишется история.....	354

1. Голодомор.....	354
2. Вторая мировая война.....	374
3. От Хмельницкого до Мазепы.....	403
4. Между Гражданской и Второй мировой	420
5. Первая мировая.....	443
Интервью с Алексеем Миллером.....	463
Человеческая история XX века: уворачиваясь от беды.....	475
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ</i>	
<i>Граф Сергей Семенович Уваров</i>	
Письмо Николаю I.....	494

